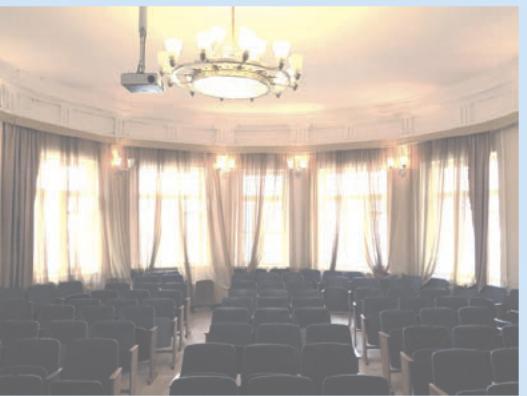

Российская академия наук
Институт географии

В нашем доме
на Старомонетном,
на выселках
и в поле

В книге собраны очерки об Институте географии РАН – его некоторых отделах и лабораториях, экспедициях, сотрудниках. Они не представляют собой систематическое изложение истории Института. Их цель – рассказать читателям, особенно молодым, о ценных, на наш взгляд, элементах институтского нематериального наследия: об исследовательских установках и побуждениях, стиле работы, деталях быта, характере отношений, об атмосфере, присущей академическому научному сообществу, частью которого Институт является.

Очерки сгруппированы в три раздела. Самый обширный из них третий, содержащий воспоминания о людях, оставивших глубокий след в памяти коллег и в жизни Института. Два других раздела – об экспедициях и полевых станциях, об Институте в целом или о его лабораториях и отделах. В очерках присутствуют вариации одного и того же сюжета или образа. Они сохранены умышленно ради полифоничности картины. Насколько она получилась целостной и насколько удалось осуществить задуманное – судить читателю.

Для географов, историков, студентов, для всех, интересующихся жизнью сообщества ученых – географов.

В нашем доме на Старомонетном, на выселках и в поле

В нашем доме
на Старомонетном,
на выселках и в поле

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

А Р Х И В

Москва, В-71, Ленинский проспект, 14
Москва, В-333, 1-й Академический, 32

Телефоны В 7-65-17, В 7-76-76
В 2-00-20, 266-57, 56

9 декабря 1968, № 314, 390/783-40

АРХИВНАЯ ВЫПИСКА.

ПРОТОКОЛ № 20

ЗАСЕДАНИЯ ПРЕЗИДИУМА АКАДЕМИИ НАУК СССР
от 15 октября 1934 года.

.....
24. ДОЛОЖЕНО об организации Института Физической Географии.
ПОСТАНОВЛЕНО. I/ Признать желательным создание в сети учреждений АН Ин-та Физической Географии на базе Геоморфологического Ин-та.

.....
.....

Архивная выписка наведена по документальным материалам, хранящимся в Архиве АН СССР: ф.2, оп.б.а, ед. хр.2, л.122.

Маркина /Г.В.Маркова/
Маркина /Н.П.Маркина/

До переезда в 1934 г.
в Москву
предшественник
Института –
ГЕОМИН –
размещался
в этом доме на
Тучковой набережной 2а
в Ленинграде

На выселках

*Лаборатория эволюционной географии.
Первый Хвостов переулок д.13, стр.4
Перед входом –«Эволюционирующий объект»*

Здание Института на улице Вавилова 37

*Российская академия наук
Институт географии*

*В нашем доме на Старомонетном,
на высотках и в поле*

*Ответственный редактор
академик В.М. Копылов*

*Редактор составитель
А.В. Дюзодов*

*Почартищество научных изданий КМК
Москва 2012*

В нашем доме на Старомонетном, на выселках и в поле. Составитель А.В. Дроздов. Отв.редактор В.М. Котляков. Институт географии РАН. – Товарищество научных изданий КМК. – Москва. 2012. 554 с. ISBN 978-5-87317-877-3

В книге собраны очерки об Институте географии РАН – его некоторых отделах и лабораториях, экспедициях, сотрудниках. Они не представляют собой систематическое изложение истории Института. Их цель – рассказать читателям, особенно молодым, о ценных, на наш взгляд, элементах институтского нематериального наследия: об исследовательских установках и побуждениях, стиле работы, деталях быта, характере отношений, об атмосфере, присущей академическому научному сообществу, частью которого Институт является.

Очерки сгруппированы в три раздела. Самый обширный из них третий, содержащий воспоминания о людях, оставивших глубокий след в памяти коллег и жизни Института. Два других раздела – об экспедициях и полевых станциях, об Институте в целом или о его лабораториях и отделах. В очерках присутствуют вариации одного и того же сюжета или образа. Они сохранены умышленно ради полифоничности картины. Насколько она получилась целостной и насколько удалось осуществить задуманное – судить читателю.

Для географов, историков, студентов, для всех, интересующихся жизнью сообщества ученых – географов.

Рецензенты:

Член-корреспондент РАН В.А. Снытко

Доктор географических наук В.Н. Стрелецкий

Обложка. Дизайн А.А. Медведева. Использованы фотографии А.Г. Хропова
Форзац 1. Здание Геоморфологического института в Ленинграде
Форзац 2. На выселках.

Лаборатория эволюционной географии. Фото С.Н. Тимиревой

Здание на улице Вавилова, 37. Фото А.В. Дроздова

Форзацы 3. и 4. В поле. Фотографии разных лет

ISBN 978-5-87317-877-3

© Институт географии РАН, 2012.

© Дроздов А.В., составление, 2012.

© Т-во научных изданий КМК, издание, 2012.

Содержание

Предисловие (В.М. Котляков)	6
Замысел и построение книги (А.В. Дроздов)	8
ЧАСТЬ I. В лабораториях, в отделах, в Институте	11
1.1. О школе Андрея Александровича Григорьева (А.В. Дроздов)	12
1.2. Воздушные пути григорьевских идей (А.В. Дроздов)	16
1.3. Судьба Сергея Николаевича Матвеева и дух дружбы и взаимопомощи в ИГАНе (В.П. Чичагов)	19
1.4. В отделе гидрологии в 1960–1970 гг. (Н.И. Коронкевич)	25
1.5. Годы в отделе климатологии (Н.К. Кононова)	30
1.6. В аспирантуре у Б.Л. Дзердзеевского, в отделе климатологии и в Институте (С.С. Савина)	35
1.7. В отделе физической географии, 1963–2011 гг. (А.В. Дроздов)	48
1.8. Об отделе экономической и социальной географии, 1978–2011 гг. (Т.Г. Нефедова)	54
1.9. Мое знакомство с Институтом. Не только геоморфология (А.Н. Маккавеев)	59
1.10. Отдел гляциологии: первые годы (В.М. Котляков)	70
1.11. Атласы. Школа с сотворчества (Н.Н. Дрейер, В.М. Котляков, [Н.Н. Комедчиков])	76
1.12. Лаборатория (Центр) геополитических исследований (В.А. Колосов) ..	94
1.13. Наша библиотека (В.А. Соколова, Л.В. Щекина)	103
1.14. Поэты, художники, писатели (И.Н. Волкова, А.В. Дроздов, Ю.П. Супруненко, [И.А. Зотиков])	114
1.15. Фольклор и шуточные сочинения (Т.А. Галкина, А.А. Трейвиш, Т.Г. Нефедова, капустники)	124
1.16. Обращение к конференц-залу Института географии в день юбилейного заседания, посвященного 75-летию Института (В.С. Преображенский) ..	144
1.17. Необычная защита, состоявшаяся в нашем конференц-зале в 1953 г. (А.Н. Маккавеев, [Л.Е. Сетунская])	147
ЧАСТЬ II. В экспедициях и на полевых станциях	149
2.1. Путешествия в бассейне Амура с Верой Васильевной Никольской (В.П. Чичагов)	150
2.2. Мои первые шаги в Институте географии (В.М. Котляков)	158
2.3. Хребет Кодар и его ледники. Маленькое географическое открытие второй половины XX века (Т.Д. Александрова)	170
2.4. В Западной Сибири. Первозданная тайга, гнус и болота (Н.А. Караваева)	178

2.5. На Новой Земле. Начало долгого пути в Арктику (В.С. Корякин)	188
2.6. Экспедиция «Селигер-1968» (Ю.А. Веденин)	194
2.7. На морских берегах, на островах, в горах (Ю.П. Баденков)	199
2.8. Экспедиции в жизни Ю.А. Мещерякова (В.П. Чичагов)	209
2.9. Полевая станция в Покровке (П.А. Королев, В.Н. Коротаев)	212
2.10. Станция на Земле Франца-Иосифа (А.Н. Кренке (старший))	231
2.11. На Курском стационаре (А.В. Дроздов)	236
2.12. Стационар на Валдае (О.А. Леонтьева, А.А. Тишков)	248
2.13. Две экспедиции в Абхазию: 1994 и 2009 гг. (В.А. Колосов)	265
2.14. В Средней Азии с Н.Ф. Глазовским (В.П. Учватов)	273
 ЧАСТЬ III. Штрихи к портретам коллег	279
3.1. Г.А. Авсяк (Е.М. Зингер, В.М. Котляков)	280
3.2. Д.Л. Арманд (А.В. Дроздов)	283
3.3. Н.И. Базилевич (А.А. Тишков)	289
3.4. А.Б. Бажев (О.В. Рототаева)	297
3.5. З.З. Виноградов (А.Д. Арманд, Е.Д. Арманд, В.А. Потулов)	302
3.6. И.П. Герасимов (О.А. Чичагова, В.О. Таргульян, В.П. Чичагов)	310
3.7. Н.Ф. Глазовский (А.В. Дроздов)	320
3.8. Г.А. Гольц (С.А. Тархов)	327
3.9. В.М. Гохман (А.П. Горкин)	331
3.10. А.М. Грин (Н.Н. Клюев)	334
3.11. М.Г. Гросвальд (А.Н. Рудой)	338
3.12. Б.Л. Дзердзеевский (А.Х. Хргиан, Н.К. Кононова, В.С. Корякин)	349
3.13. Н.В. Думитрашко (Б.А. Будагов)	359
3.14. Б.Н. Зимин (В.А. Шупер)	362
3.15. С.В. Зонн (Д.С. Асоян)	367
3.16. И.А. Зотиков (Е.С. Ревина)	371
3.17. Ю.А. Исаков (А.А. Тишков)	382
3.18. И.В. Канцебовская (Т.Г. Рунова, Г.А. Приваловская , С.С. Артоболевский)	388
3.19. А.С. Кесь (Т.П. Грязнова)	392
3.20. Ф.И. Козловский (Н.Ф. Глазовский)	396
3.21. С.С. Коржуев (В.П. Чичагов)	399
3.22. Н.Т. Кузнецов (Н.И. Коронкевич, И.А. Клюканова , Е.Н. Минаева,)	405
3.23. В.Н. Кунин (И.С. Зекцер)	410
3.24. Ю.Г. Липец (В.А. Шупер)	413
3.25. М.И. Львович (Н.И. Коронкевич)	420
3.26. Я.Г. Машбиц (Г.М. Лаппо)	424
3.27. Э.М. Мурзаев (А.В. Дроздов, А.Д. Арманд)	429
3.28. А.А. Насимович (М.А. Вайсфельд)	434
3.29. М.И. Нейштадт (А.А. Тишков)	439
3.30. В.С. Преображенский (Ю.П. Баденков)	449
3.31. В.А. Пуляркин (В.А. Шупер)	454

3.32. Г.Д. Рихтер (Т.Д. Александрова)	459
3.33. Ю.Л. Раунер (А.Н. Золотокрылин, С.С. Савина, [М.М. Чернавская])	464
3.34. Л.Л. Россолимо (Г.С. Шилькrot)	468
3.35. Л.Р. Серебрянnyй (А.В. Орлов, О.Н. Соломина)	473
3.36. Л.Н. Соболев (Н.Д. Кожевникова, Н.В. Трулевич, В.П. Кашкарова)	484
3.37. Д.А. Тимофеев (Н.А. Караваева, Д.В. Лопатин, А.А. Свиточ, Р.С. Чалов)	488
3.38. Б.А. Федорович (В.П. Чичагов)	498
3.39. В.М. Фридланд (В.П. Белобров)	504
3.40. В.Г. Ходаков (В.А. Жидков)	508
3.41. К.С. Ходашова (Г.В. Домников)	517
3.42. Н.Ф. Яницкий (О.Н. Яницкий)	522
 Они рано ушли от нас	527
3.43 М.А. Ведюшкин (А.Д. Арманд)	528
3.44. Е.В. Козлова (А.Д. Арманд)	529
3.45. М.Г. Кунахович (М.А. Кузнецов)	530
3.46. А.А. Минц ([И.В. Канцбовская], [Г.А. Приваловская], Т.Г. Рунова)	533
3.47. В.М. Муратов (Э.О. Фриденберг)	538
3.48. Т. И. Петрякова (Т.Г. Рунова)	539
3.49. Г.Н. Пшенин (А.П. Стекленков)	541
 Вместо послесловия. Н.Ф. Глазовский	545
Приложения. Именной указатель	549

Предисловие

В небольшой двухэтажный дом под номером 29 в Старомонетном переулке, в одном из множества переулков Замоскворечья с их характерными названиями – Казачий, Толмачевский, переулков между улицами с не менее выразительными названиями – Ордынка, Полянка – я впервые вошел в августе 1954 года. В этом доме уже около 20 лет помещался Институт географии Академии наук СССР. И мне, выпускнику географического факультета МГУ, только что принятому на работу в этот Институт, в тот момент сопутствовали особые чувства. Я был горд и взволнован, немного напряжен – ведь директором Института был академик И.П. Герасимов, в Институте работали его основатель академик А.А. Григорьев, Г.Д. Рихтер, Г.А. Авсюк и Э.М. Мурзаев, Б.А. Федорович и А.С. Кесь, Д.Л. Арманд и В.В. Покшишевский. Их имена внушали если не трепет, то безусловный пиетет.

Тогда мне трудно было предположить, что и до сегодняшнего дня, более полувека я буду входить в этот дом. В отдел физической географии, в который был принят вначале. В библиотеку, в редакцию нашего журнала «Известия Академии наук СССР. Серия географическая». В зал заседаний Ученого совета с его оконным покружением на задней стене.

И позже, уже будучи сотрудником, а потом и заведующим отделом гляциологии, который располагался в полуподвалах в районе Новые Черемушки (это те самые, но не единственные «выселки», что упомянуты в названии книги), я часто входил в дом на Старомонетном как в «Альма Матер» нашего Института. А с 1986 года я прихожу в этот дом уже в свой директорский кабинет.

Все эти годы я ощущал привычно дружественную атмосферу «Дома на Старомонетном». Может быть, неявно, как неявно ощущаешь нормальную температуру воздуха, нормальную концентрацию в нем кислорода. И сразу замечаешь отклонение от нормы. Но, несмотря на нашу непростую историю, трудности и кризисы в жизни страны и Академии – серьезных отклонений не помню, атмосфера оставалась привычной и, как говорят теперь, комфортной. Возможно, потому, что в нашем доме, как и прежде, живут «гении места», эти римские хранители и выразители духа того места, где они обитают. Скорее всего, их несколько или, лучше сказать, у каждого из нас может существовать свой образ «гениус локу». Мне хочется думать, что их немало.

Какова же была и какой, я надеюсь, сохранится атмосфера нашего дома? Что было и остается ее отличительными чертами? Какой мы ощущали ее на тех самых «выселках»? Что менялось и менялось ли в атмосфере полевой жизни? Ответы, пусть не исчерпывающие, читатель найдет в этой книге.

Составляющие книгу воспоминания и очерки написаны в основном сотрудниками Института, несколько принадлежат перу коллег, близко знакомых с Институтом или с некоторыми из его сотрудников. По стилю изложения и содержанию объединенные в эту книгу тексты различны.

Рассказы о той или иной лаборатории или отделе Института или о нашем Институте в целом насыщены ощущением атмосферы времени, в них отражен характер профессиональных и человеческих отношений между коллегами, присущий нашему сообществу. Не забыт и местный фольклор.

Группа текстов, посвященных экспедициям и полевым станциям, воспроизводит не только особенности быта, но и особый дух этой жизни, иногда также содержание исследований, особенности их организации.

Некоторые очерки-портреты сотрудников Института включают анализ творчества коллег, другие посвящены, главным образом, чертам их характера, третьи содержат интересные биографические сведения.

В основе моих собственных очерков – выдержки из воспоминаний, опубликованных несколько лет назад в шестом томе моих избранных сочинений.

Жизнь Института представлена в этих очерках-воспоминаниях не во всем ее многообразии, не все яркие фигуры, не все подразделения и этапы нашей истории упомянуты. Но замысел книги и не предполагал такого систематического описания. Вместе с тем, все включенные в книгу тексты – это отнюдь не механическая коллекция разрозненных мемуаров, не просто воспоминания, собранные под одной обложкой. Во всех присутствует общий подтекст, отражающий замысел книги – сохранить связь времен и поколений, помнить прошлое ради будущего.

Этими чертами книга отличается от изданных прежде воспоминаний о людях Института, о путешествиях, о нашей истории. И в этом, на мой взгляд, ее ценность.

Директор Института географии РАН
академик *B.M. Котляков*

Замысел и построение книги

О замысле этой книги мы договорились, сидя за обеденным чаем в доме на Старомонетном, в маленькой 35-й комнате со сводчатыми потолками – в одной из комнат нынешнего отдела физической географии.

Мы говорили о первом поколении сотрудников Института. Мы почувствовали, что оно отдаляется от нас, что память о нем уходит из нашего сообщества. Оказалось, следующее поколение – присутствовавшие здесь же наши молодые коллеги – почти не знает основателей Института, определивших его лицо, тематику и стиль исследований. Мы ощутили возможный разрыв времени как угрозу. Или тут нет угрозы, и ход вещей естественен?

Возможно. Но несколько человек признались, что хотели бы услышать о том, что помнят другие. Помнят не столько о внешней канве событий, сколько об атмосфере времени, о людях, о том поле, которое они вольно или невольно создавали вокруг себя.

Мы не имели в виду исключительно лишь наших учителей, только лишь ярких, незаурядных, признанных лидеров. Их, безусловно, тоже. Прежде всего, мы имели в виду атмосферу, ветры времени.

У каждого из нас память о них, несомненно, отчасти своя. В ней живут, ее формировали разные люди, разные обстоятельства времени. Нам показалось, нужно попытаться сохранить все их разнообразие, чтобы увидеть в этой пестрой картине главные черты, объединявшие наших предшественников, и в какой-то мере передавшиеся последователям. Сохранить эти черты ради связи поколений и как желанный и возможный элемент будущего.

Так мы договорились написать несколько страничек каждый. О ком и о чем захочется. Без общего плана, но с общей целью – не упустить время.

Разумеется, стержнем такого ансамбля или коллекции наших записей должен был стать Институт. Но не исключительно он. Ведь мы все пришли в Институт не детьми, наше вхождение в географию – это тоже атмосфера времени. Да и люди Института встречались нам не только в его стенах.

Мы договорились, что не станем писать портреты живущих рядом современников. Другое дело – об ощущении происходящего сейчас и здесь, у нас в Институте. Но по возможности в контексте его связи с прошедшим.

Вначале нас было четверо. С общего согласия я взялся оповестить о нашем замысле коллег из других отделов, собрать их заметки, если таковые появятся, затем выстроить макет книги. Откликнулось несколько человек, потом еще и еще. Но не

все потенциальные авторы согласились написать несколько страниц. Жаль, это сущило содержание книги, хотя я старался сделать ее возможно более презентативной нашей истории. Я считал, например, совершенно необходимым включить в книгу очерки о наших основных полевых станциях. Я стремился также получить описания тематически разнообразных экспедиций, однако сделать это оказалось нелегко.

Удалось собрать более восьмидесяти текстов. Разных по стилю, по жанру, по содержанию, по объему – как и было задумано. Они сгруппированы в три раздела. Третий содержит воспоминания о людях, оставивших глубокий след в памяти коллег и в жизни Института. В этом разделе чуть менее пятидесяти статей, посвященных тем сотрудникам Института, о которых предложили или согласились написать наши коллеги. Два других раздела – об экспедициях и полевых станциях и об Институте в целом или о его лабораториях и отделах – уже по охвату темы, что кажется вполне объяснимым. Прежде всего, потому, что число лабораторий и наших экспедиций меньше числа работавших в Институте сотрудников. Но, вероятно, еще и потому, что написать портрет учителя или коллеги, каким он нам видится, пожалуй, в какой-то мере легче, чем хронику путешествия или лаборатории, поскольку можно обращаться лишь к своей памяти и не сверяться со множеством источников.

А таковых немало. Наиболее современный и подробный это объемный том, выпущенный к 90-летию нашего Института¹. Он содержит огромный материал преимущественно справочного характера и лишь несколько очерков в жанре воспоминаний, окрашенных личным взглядом авторов.

Существует еще серия книг, написанных сотрудниками Института и посвященных описаниям жизни, путешествий и творчества – своих собственных или высоко ценимых коллег. Биографии многих сотрудников Института охарактеризованы в журнальных статьях.

Перечислять здесь все эти источники и снова излагать историю Института – задача, выходящая за рамки нашей книги. Мы стремились к другой цели – передать читателям, особенно молодым, ценные на наш взгляд элементы нематериального наследия – исследовательские установки и побуждения, стиль работы, выразительные детали быта, характер отношений и всю атмосферу, присущие академическому научному сообществу, частью которого является наш Институт.

Все эти элементы присутствуют в предлагаемых очерках. Присутствуют и повторы, точнее сказать – вариации одного и того же сюжета или образа. Они сохранены умышленно ради полифоничности картины. Насколько она получилась целостной и насколько удалось осуществить задуманное – судить читателю.

Более половины очерков сопровождаются фотографиями из архивов авторов, из фондов Института, из других собраний. Ко многим очеркам найти иллюстрации, к сожалению, не удалось. Некоторые очерки, посвященные нашим коллегам, включают рисунки Алексея Давидовича Арманда, часто выполненные в стиле добрых шаржей.

При подготовке рукописи большую помочь мне оказывали многие коллеги. Особенно значителен вклад Светланы Борисовны Сусловой, форматировавшей и выве-

---

¹ Институт географии и его люди. К 90-летию со дня образования / сост. Т.Д. Александрова; отв. ред. В.М. Котляков; М.: Наука, 2008. 677 с.

рявшей все тексты. Арсений Валерьевич Кудиков сканировал и правил фотографии, нередко потускневшие от времени. Андрей Александрович Медведев офор-мил обложку и форзацы книги. Неизменно доброжелательно и конструктивно на мои предложения откликались авторы очерков. Владимир Михайлович Котляков активно поддержал замысел книги и помог ему осуществиться и организационно, и как опытный редактор.

Всем коллегам я приношу искреннюю благодарность.

Москва, август 2012 г.

A.B. Дроздов

Часть I
В лабораториях, отделах,
в Институте

О школе Андрея Александровича Григорьева (1883–1968)

Физикогеограф, академик АН СССР, лауреат Государственной премии. Один из создателей нашего Института, его руководитель (1924–1951), зав. отделом истории географии (1951–1963), затем консультант, старший научный сотрудник

Способы освоения эмпирического материала, манера представления результатов, стиль мышления – все это важнейшие, сущностные черты той или иной школы, будь то школа художественная или научная. Различать школы и воспринимать их достижения (а ведь нам интересны именно достижения, интересен опыт школы, открывающий путь к мастерству) нельзя, не обращаясь к этим ее отличительным особенностям. Жизнеспособность, влиятельность, продуктивность школы, безусловно, определяется отнюдь не только содержанием идей, разрабатываемых ее представителями. Важнейшая роль здесь принадлежит характеру, стилю отношений между членами школы. Мы прекрасно знаем – атмосфера, воздух школы могут быть весьма плодотворны, но могут быть и не слишком плодотворны для возникновения и развития новой идеи или нового замысла, для их переосмыслиния и распространения.

Как известно, школа А.А. Григорьева не имела таких четких организационных рамок, какими обладают современные вузовские или академические школы. У Андрея Александровича, кажется, не было формальных учеников – аспирантов или дипломантов. В публикациях коллег, характеризующих научное творчество А.А. Григорьева, в работах биографического характера, я не встречал сведений о Григорьеве-учителе. Исключением является, вероятно, статья Ф.Н. Милькова о его пребывании у Андрея Александровича в докторантуре (Изв. РАН, сер. геогр. 1997. № 5. С. 61–66).

В этой ситуации важно было бы документировать и опубликовать и другие свидетельства такого рода, сохраняющиеся в нашем сообществе пока еще в устной форме. Некоторые из них будут изложены ниже (см. очерк «Воздушные пути григорьевских идей» в этой книге). Но обратимся к опубликованным материалам, характеризующим григорьевскую школу.

Тут следует заметить, что «при кажущемся обилии публикаций по проблеме исследователи до сих пор не дали однозначных ответов на целый ряд вопросов: что вообще объединяется понятием «научные школы»? Как изменяются научные школы в процессе своего развития? каков их «жизненный цикл»? Почему в современной западной науке нет научных школ, и о них принято говорить только в историко-научном контексте? Как вычленять «живую часть» научной школы?»¹

---

¹ Куперштох Н.А. Научные школы России и Сибири: проблемы изучения // Философия науки – Новосибирск, 2005. №2 (25).

Попытаемся, тем не менее, выделить существенные особенности творчества А.А. Григорьева, влиявшие на работы многих его последователей и, разумеется, на направления исследований в руководимом им Институте.

Вот как сам Андрей Александрович в 1944 г. («Как развивалась моя научная школа», Изв. РАН, сер. геогр. 1997. № 5. С. 44–53) описывает формирование и существо своих научных взглядов.

Из известных географов учителями, повлиявшими на его творчество, А.А. называет А. Геттнера и У. Дэвиса. Лекции обоих Григорьев слушал во время учебы в Германии.

Основными идеями, которые он выдвинул и разработкой которых занимался, А.А. считает анализ географических процессов и представление о едином процессе, представления о структурах, соответствующих этим процессам, о взаимосвязях природных компонентов, о балансах вещества, о морфологической структуре земного шара. Своими учениками, развивавшими его идеи, Андрей Александрович называет С.В. Калесника, Г.Д. Рихтера, В.П. Зенковича, С.Н. Матвеева, Л.А. Чубукова, Д.Н. Абрамовича, И.П. Герасимова, К.К. Маркова, Г.Н. Максимовича (химическая география), отчасти В.М. Четыркина (районирование).

Остается неясным одно обстоятельство. Андрей Александрович не называет В.И. Вернадского в числе исследователей, повлиявших на его творчество. Между тем, работая в КЕПСе, он был лично знаком с Владимиром Ивановичем и, казалось бы, излагая свои представления о географической оболочке, должен был не один раз упомянуть его труды. Ведь григорьевская концепция органически связана с учением Вернадского о биосфере и его анализом оболочечного строения Земли. Может быть, как заметила Т.Д. Александрова (устное сообщение), дело в том, что А.А. воспринимал Вернадского как геохимика, а не как географа.

Характеризуя особенности школы А.А. Григорьева, В.С. Преображенский («Основные вехи творческого пути А.А. Григорьева», Изв. РАН, сер. геогр. 1997. № 5. С. 53–61) выделяет ее следующие черты:

- вследствие своей широты школа перешагнула стены Института географии; об этом свидетельствуют имена учеников и соратников: С.В. Калесника, М.И. Будыко, Ф.Н. Милькова, И.М. Забелина;
- в формировании школы участвовали не только ученики; это пришедшие в Институт Б.Л. Дзерзеевский, М.И. Львович, Л.Л. Россолимо; они изучали географические процессы, владели балансовым методом;
- наиболее удачными концепциями, развивавшимися в рамках школы, были идеи А.А. Григорьева о географической оболочке и едином физико-географическом процессе.

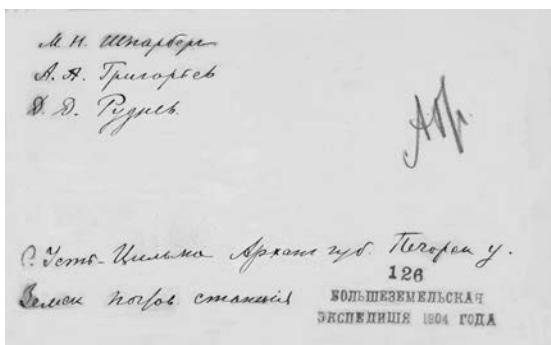
К этим привычным характеристикам добавляются реже упоминаемые, но тоже важные черты творчества А.А. Григорьева. Во-первых, это его интерес к социальным и экономическим аспектам географии. Примером может служить одна из самых ранних статей на эту тему, опубликованная в 1922 г. «Экономическая география как географическая дисциплина и вопросы районирования» (Географический вестник, Т. 1. Вып. 2–3. С. 16–21), а также работы последующих лет – вплоть до 1930 г., когда, как отмечает В.С. Преображенский (Известия..., 1997), А.А. под давлением обстоятельств оставил эту тему. Во-вторых, стоит напомнить об интересе Григорьева к страноведе-

нию, к региональным исследованиям. Возможно, это направление его творчества сложилось еще в ранние годы учебы и работы в «Новой энциклопедии Брокгауза и Эфона».

Много шире, чем перечень фамилий учеников, приведенный выше, действительный круг соратников. Об этом прямо свидетельствуют посвящения, которые мы обнаруживаем на книгах, подаренных Андреем Александровичем коллегам. Так, на титульной странице одной из своих теоретических монографий он написал: «Моему испытанному соратнику Мурзаеву Э.М. на добрую память».

Как же описать школу А.А. Григорьева в нескольких словах? Процессная? Оболочечная? Балансовая? Геофизическая? По-видимому, совокупностью всех названных выше научных идей эту школу охарактеризовать нельзя – их много и они

весьма разнообразны. На мой взгляд, не характеризуют специфику школы А.А. и его работы социально-экономического, страноведческого и регионального направлений. Существует, однако, некое обобщение, которое включает, как мне кажется, главные особенности всего творчества Григорьева. Это обобщение принадлежит В. Бунге (Теоретическая география. М.: Прогресс. 1962. 203 с.): «Вне зависимости от характера и вида перемещения оно оставляет след на Земле, иначе говоря, участвует в создании ее геометрии. В свою очередь геометрия вызывает перемещения». В этой формуле присутствует вечная тема географии – связь морфологии и процессов. Именно она составляет существо исследований А.А. Григорьева. И она же продолжает питать исследования во множестве отраслей географии. Достаточно вспомнить ландшафтно-geoхимические арены М.А. Глазовской (1967), структуры почвенного покрова В.М. Фридланда (1972), граничные поверхности в океане Т.А. Айзатулина, В.Л. Лебедева и К.М. Хайлова (1976), нуклеарные геосистемы А.Ю. Ретеюма (1980).

Поэтому школу А.А. Григорьева, вернее – сквозную тему его творчества – я назвал бы процессно-морфологической.

Пожалуй, одна из самых характерных работ Андрея Александровича, непосредственно посвященных этой теме, это его «Опыт характеристики основных типов физико-географической среды». Работа была написана в 1938–1942 гг. Вот как сам автор говорит о ее замысле: «Данная работа, состоящая из четырех частей, опубликованных в разные годы, ставила своей целью охватить все существующие на Земле основные типы физико-географической среды, обрисовав их в первую очередь с точки зрения протекающих в них процессов и их интенсивности, а равно с точки зрения типичных для них балансов вещества и энергии»². Этой работе предшествует менее детальная публикация 1937 года, название которой еще полнее соответствует теме «процессы – морфология». Это «Опыт аналитической характеристики состава и строения физико-географической оболочки земного шара»³.

В многослойной картине творчества А.А. Григорьева с отчетливостью вырисовывается еще одна весьма существенная особенность, к которой хотелось бы специально привлечь внимание читателей. Суть ее в том, что в григорьевской школе не только ученик, а точнее сказать коллега-последователь мог многому научиться у мэтра. Андрей Александрович тоже учился, сотрудничая, а подчас и достаточно резко споря со своими сотрудниками. И, несмотря на вспыльчивый характер, признавался в неправоте, если убеждался в справедливости критических высказываний, убеждался – и менял свои суждения. Так он реагировал, в частности, на критический разбор его взглядов Д.Л. Армандом (см. ниже очерк «Воздушные пути григорьевских идей»).

Этими чертами григорьевской школы, на мой взгляд, определялись многие особенности научной жизни нашего Института при Григорьеве, сохранялись они и позже. Могу свидетельствовать – именно таков был стиль горячих дискуссий на заседаниях Ученого совета Института в 1960-е годы и позже. Я хорошо помню, например, столкновение взглядов «эолистов и аквалистов» на происхождение рельефа пустынь – Б.А. Федоровича и А.С. Кесь с одной стороны и С.Ю. Геллера и В.Н. Кунина с другой. Убедительнейшие аргументы выдвигались этими яркими людьми, выдающимися знатоками Средней и Центральной Азии. Мне казалось – примирить их невозможно. Но вот в дискуссию вступали Э.М. Мурзаев и И.П. Герасимов. И я понимал – простого ответа «или – или» быть не может. Проблема сложна и нужно общими усилиями приближаться к ее разрешению, принимая во внимание правоту и эолистов, и аквалистов в отдельных конкретных ситуациях.

А каково будущее не только стиля школы, но самих идей Андрея Александровича? Отчасти на этот вопрос отвечает список лауреатов премии имени Григорьева. Она присуждалась шесть раз. Четырежды – сотрудникам нашего Института. Вот список лауреатов:

- 2009. Владимир Михайлович Котляков и Анна Игоревна Комарова. За книгу «География: понятия и термины. Пятиязычный академический словарь».

² А.А. Григорьев. Типы географической среды. Избранные теоретические работы. М.: Мысль. 1979. 75 с.

³ Ibid, С. 9–71.

Фотография 1950-х годов.

- 2006. Викторов Алексей Сергеевич. За монографию «Основные проблемы математической морфологии ландшафта».

- 2003. Арманд Алексей Давидович. За монографию «Эксперимент «Гея». Проблема живой земли».

- 2001. Гросвальд Михаил Григорьевич. За монографию «Евразийские гидросферные катастрофы и оледенение Арктики».

- 1997. Величко Андрей Алексеевич. За серию работ по эволюционной географии.

- 1995. Будыко Михаил Иванович. За монографию «Эволюция биосфера».

Мы видим – премия действует. Сквозная тема творчества Андрея Александровича, очевидно, развивается – ведь для географии она «вечная». В нашем Институте регулярно проводятся «Григорьевские чтения» – тематические заседания Ученого совета.

Может быть, григорьевское понятие «географическая оболочка» утратит свою актуальность. Может быть, неактуальными станут представления о «едином физико-географическом процессе». Важно другое – нам нужно заботиться о том, чтобы в Институте сохранился присущий григорьевской школе стиль отношений между коллегами. Он естественен для академического сообщества.

A.B. Дроздов

Воздушные пути григорьевских идей

«Это были воздушные пути, по которым, как поезда, ежедневно отходили... мысли... Это были пути, установленные на уровне, достаточном для прохождения всяческих границ...»

Б.Л. Пастернак, 1924

Какие бы не предлагались критерии для различия научных школ, важнейшими особенностями каждой школы, ее отличительными чертами – наряду с другими – будут всегда стиль мышления, присущий создателю школы, и характер его отношений с последователями и коллегами. И если первая особенность школы, как правило, достаточно отчетливо запечатлевается в письменных источниках, то о второй мы узнаем обычно из источников устных, причем не так уж и часто. Между тем, атмосфера общения внутри школы – вещь чрезвычайно важная. По влиянию на распространение идей школы, очевидно, не менее важная, чем роль опубликованных текстов.

Об атмосфере григорьевской школы, о тех, говоря словами Пастернака, «воздушных путях», по которым отправлялись в научное сообщество идеи Андрея Александровича. Мне в 60-е годы несколько раз приходилось слышать рассказы Д.Л. Арманда и М.И. Будыко. Был я и свидетелем поучительных событий. Вот что помню наиболее ярко.

В 1963 году Давид Львович Арманд отправил меня, стажера, только что принятого в Институт географии, на учебу в Ленинград – в Главную геофизическую обсерваторию, директором которой был тогда Михаил Иванович Будыко. Мне предстояло осваивать там геофизические подходы к изучению ландшафта. Разумеется, готовясь к поездке, я принялся перечитывать классические работы Григорьева, Будыко и Арманда о связях растительного покрова и других компонентов ландшафта с климатом. Обнаружились некоторые противоречия, как казалось, мнимые. За разъяснениями я обратился к Давиду Львовичу. Времени для беседы у него было очень мало, он только успел мне сказать, что ряд суждений Андрея Александровича о радиационных рубежах считает ошибочными.

И к Григорьеву, и к Будыко, и к Арманду с первых лет учебы в МГУ я испытывал глубочайший пытливый интерес. Я и помыслить не смел тогда, что кто-либо из них может ошибиться. Так и уехал в Ленинград с чувством некоторой неловкости.

Михаил Иванович сразу дал мне интереснейшее задание – собрать и обобщить новые сведения о зональных величинах продуктивности растительного покрова, о количестве почвенной органики и о других параметрах биологического круговорота для статьи, задуманной им вместе с Андреем Александровичем.

Многие из нужных материалов я собирали в Москве и однажды, посчитав их более или менее подготовленными, робея, впервые пришел к Андрею Александровичу. Ведь мне приходилось в Институте слышать о вспыльчивом, «персидском» характере Григорьева. Андрей Александрович посмотрел материалы, взял небольшой лист бумаги и принялся что-то писать, затем с улыбкой протянул листок мне. Это была рекомендация. Мне предлагалось представить собственную статью в «Доклады Академии наук». Я оторопел, ушел смущенный, поскольку никакой статьи в «Доклады» представлять не собирался – я ведь только исполнял тогда замысел и поручение Михаила Ивановича. Но конечно же, запомнил щедрость, мягкость, доброжелательность Андрея Александровича.

Потом у меня была возможность и необходимость подробно поговорить об этих материалах с Михаилом Ивановичем. Объяснения построение готовящейся статьи, он очень тепло рассказывал мне о своей работе с Андреем Александровичем. И вдруг спросил: «А как поживает Давид Львович? И по-прежнему ли столь же остор на язык, блестящ, неотразим и конструктивен в своих критических речах? Помню, – сказал Михаил Иванович, – нам тогда с Андреем Александровичем очень от него доставалось».

Позже от Давида Львовича я узнал – имелись в виду его выступления на теоретическом семинаре в Институте географии еще в 40-х годах, когда он, будучи, вероятно, младшим научным сотрудником, подверг серьезной критике взгляды своего директора – теорию радиационных рубежей и представления об интенсивности физико-географического процесса.

В рабочем кабинете. 1953 г.

С «дискуссией»-травлей Андрея Александровича, развернутой после лысенковской сессии ВАСХНИЛ, те семинары не имели ничего общего ни по стилю, ни по сути дела. Я вполне почувствовал это, когда готовил к печати стенограммы тогдашних выступлений Давида Львовича¹. Дело в том, что Андрей Александрович не только сердился на молодого коллегу. А так оно и было, я знаю об этом от самого Давида Львовича. В сердцах, директор советовал Давиду Львовичу никогда не заниматься теорией физической географии. Но, остыв от гнева, исправлял свои труды. Тем более, что как мы видим теперь из опубликованных стенограмм, Давид Львович предлагал очень полезные уточнения к теориям мэтра. Вплоть до конкретных формулировок.

Очевидно, так и должна развиваться серьезная научная школа. Сколь бережно относились ученики и коллеги к идеям Андрея Александровича, как ценили его научное наследие и как хранили – все это я ощущал и сам, однажды невольно спровоцировав весьма резкую дискуссию.

Это случилось в Ленинграде, в 1966 году, на первом Всесоюзном совещании по Международной биологической программе. Там я неожиданно оказался третьим по очереди докладчиком на первом пленарном заседании. Виновницей была Наталия Ивановна Базилевич, предложившая мне интерпретировать ее и Леонида Ефи-

¹ 1) О теории радиационных рубежей, март 1948 г. 2) О законе интенсивности физико-географического процесса, 1948 г. Опубликованы в сборнике избранных трудов Д.Л. Арманда «Географическая среда и рациональное использование природных ресурсов» (М.: Наука, 1983).

мовича Родина новейшие материалы о продуктивности основных растительных сообществ мира, используя методы А.А. Григорьева и М.И. Будыко.

Мне было 25 лет. Помню, у меня не оказалось подобающего момента костюма. Но вывесив один небольшой рисунок, демонстрирующий график связей продуктивности с климатом, я забыл о смущении и свои соображения высказал довольно бойко. Новый материал тогда позволил мне предложить уточнения к классической схеме Григорьева-Будыко. Михаил Иванович тотчас мне попенял, указав на некоторый дефицит данных, который должен был бы предостеречь меня от слишком радикальных выводов.

И тут в дискуссию вступил известный ботаник Сергей Николаевич Тюремнов. Пока он шел к трибуне, Наталия Ивановна шепнула мне: «Тюремнов всегда говорит очень интересные и важные вещи, слушай внимательно». Сергей Николаевич был краток. Он сказал буквально следующее: «Вот тут некий молодой человек показал нам какие-то графики, какие-то кривые. Но учтите, молодой человек, – тут он обратился прямо ко мне, – кривая Вас не вывезет». Сказал и замолчал.

Что мне было делать? Я тоже молчал. А вот Михаил Иванович, оставив в покое меня и мои промахи, немедленно произнес блестящую речь в защиту идей Андрея Александровича.

Потом он пригласил меня для специального разговора и чрезвычайно интересно и увлекательно рассказывал, как пришел к мысли о фундаментальной роли некоторых критических значений индекса сухости, опираясь на результаты вегетационных опытов. Он вполне убедил меня тогда, хотя позже у меня вновь появились сомнения. И, кажется, Михаил Иванович согласился с некоторыми из них.

Но не в этом дело. Важны стиль и суть, как публичных дискуссий, так и частных научных бесед учителя и ученика, нацеленных на выяснение подлинного смысла вещей. Только такой стиль, такая атмосфера плодотворны для сохранения и развития научной школы. И только в таком воздухе, по таким незримым воздушным путям глубокие идеи преодолевают всяческие барьеры и границы.

В.П. Чичагов

Судьба Сергея Николаевича Матвеева и дух дружбы и взаимопомощи в ИГАНе

Сергей Николаевич Матвеев был одним из трех репрессированных в советское время сотрудников Института географии АН СССР, был хорошим человеком и талантливым ученым. Он погиб незадолго до реабилитации.

Два других имени – Ю.Д. Цинзерлинг и Я.С. Эдельштейн. Оба также погибли в заключении и реабилитированы посмертно. О Якове Самойловиче Эдельштейне есть публикации в «Известиях АН СССР. Серия географическая», № 5 за 1969 год и в книге «Репрессированные геологи». М.: СПб., 1999.

Мы можем гордиться тем, что в трудные годы репрессий, насколько об этом можно судить по имеющимся документам и рассказам коллег, сотрудники Института не только не доносили «органам» друг на друга, но сохраняли дух взаимного уважения и взаимопомощи.

Жизнь Сергея Николаевича оборвалась в расцвете сил, трагически кончилась в рязанской тюрьме. Он был осужден за то, что издал небольшую книгу в соавторстве с опальным сыном опального писателя Леонида Андреева. Друзья в Институте географии до последнего дня надеялись вызволить его из тюрьмы. Его институтский товарищ и соратник по работам в Средней Азии, зам. директора института В.М. Кузнецова получил из Рязани два сообщения о нем. В первом, о том, что он болен, переведен из мещерских лесов в Рязанскую тюрьму и может быть освобожден. Дело было ранней весной 1953 г. В.М. Кузнецов приготовил теплые вещи и транспорт для возвращения С.Н. Матвеева в Москву, сообщил об этом М.А. Глазовской, с которой Сергей Николаевич также работал в Средней Азии и сохранял дружеские отношения. Но было поздно, во втором письме сообщалось о смерти С.Н. Матвеева.

В юбилейной монографии «Институт географии и его люди», вышедшей в 2008 г., о С.Н. Матвееве сказано немного: физикогеограф, геоморфолог, в Институте – в 1935–1946 гг.; работал в экспедициях во многих равнинных и горных регионах; занимался физико-географическим страноведением; в 1941 г. при составлении плана новой структуры Института предполагалось назначить его руководителем секции географии капиталистических стран в отделе физической географии. В 1948 г. был арестован по делу сына писателя Леонида Андреева. Умер в 1953 г. в районе Мещерских лесов, где отбывал ссылку. Реабилитирован в 1955 г.

Это третье упоминание о Матвееве в печати, первое было 20 лет назад в статье Э.М. Мурзаева о нем, Б.Л. Личкове и Я.С. Эдельштейне, второе 10 лет назад в книге о репрессированных геологах.

Работая более полувека в Институте географии РАН, я практически ничего не слышал о Матвееве, но был знаком с его двумя интересными книгами – физико-географическим описанием Турции (авторская монография) 1946 г. и о горах Юго-Восточного Казахстана (в соавторстве с Г.А. Авсюком и М.С. Калецкой) 1945 г. Его супруга и соратница М.С. Калецкая – интересный, опытный геоморфолог – работала вместе со мной в отделе геоморфологии, но не упоминала своего супруга, а у меня не было оснований интересоваться им. К тому же я был молод и, когда тебе 23 года, то работы 15–20-летней давности и их авторы выглядят если не раритетами, то уж точно старыми, не привлекают внимания. О Матвееве я ничего не знал, был поглощен организацией путешествий в Китай и Монголию, подготовкой, подчас изнурительной, первых публикаций и проч.

В 1996 г. я впервые познакомился с замечательной горной страной – Горным Алтаем – долинами Бии, Чуи и Чулышмана. Вернулся из экспедиции, погрузился в научную литературу по этому региону и обнаружил содержательную статью С.Н. Матвеева об осыпях долины Чулышмана (1939 г.). Статья выгодно отличалась от известных мне работ по геоморфологии Горного Алтая тщательностью проведенного исследования и методическими подходами. Ее автор изучал строение и динамику осыпей крутых склонов долины Чулышмана, применяя нивелировку и используя

прогрессивные подходы немецких ученых. К тому времени у меня был опыт геоморфологических исследований в Азии и Европе, я был знаком с трудами наших зарубежных коллег и мог оценить рассматриваемую статью как соответствующую европейскому научному уровню. Более того, в ней намечались перспективы изучения экзогенной геодинамики горных стран. Образ геоморфолога С.Н. Матвеева стал привлекательным, а его статья необходимой. Я обратился к его супруге М.С. Калецкой с просьбой подарить мне оттиск статьи, через день получил его, перечитал и хранил по сей день. Неоднократно рассказывал об этой работе сибирским ученым и по их просьбе дарил им ее ксерокопии.

У меня укрепился научный интерес к С.Н. Матвееву и появился интерес к нему, как личности. В беседе с М.А. Глазовской, работавшей с ним в 1940-х годах в Средней Азии и в Институте географии, я узнал о том, что С.Н. Матвеев был способным, вдумчивым и квалифицированным ученым, владел европейскими иностранными языками; изучая Турцию, быстро выучил турецкий; хорошо знал отечественную и зарубежную научную литературу. Характер у него был спокойный, ровный; это был интеллигентный человек, воспитанный в лучших русских традициях. Будучи мягким и привлекательным, он обращал на себя внимание молодых дам, заставлявших его длинные ресницы. Женился он на энергичной М.С. Калецкой, работал с ней в Институте, в экспедициях на Кольском полуострове, Алтае, в Алтайском заповеднике, Казахстане и Средней Азии. Это была дружная, достойная пара. Поскольку вряд ли мы когда-нибудь узнаем о Матвееве, как о личности, что-то новое, обратимся к его трудам, содержание которых хотя бы частично восполнит этот пробел.

Перед составлением упоминавшейся статьи об осыпях долины Чулышмана Матвеев опубликовал в 1938 г. оригинальные, основанные на полевых наблюдениях, статьи о лавинах и о каменных потоках, а в 1940 г. о воздушной волне, вызываемой лавинами. В этих статьях проявились способности ученого в сопоставлении полученных в экспедиции материалов с данными других исследователей.

Приведем несколько примеров. Первый – положив в основу результаты изучения каменных потоков на склонах гор Кольского полуострова, Матвеев создал в 1938 г. крупную обобщающую работу по этой проблеме. В приведенной в ней таблице он привел классификацию каменных потоков, включив в нее пять групп: щебневые потоки, каменные моря, каменные глетчеры, потоки обломков горных обвалов, переходные формы к осыпям и особый тип щебневых потоков, возникающих в результате регулярного падения обломков. Для каждой группы рассматривался характер областей питания, стока и отложения, а также приводились региональные примеры. Последние поражают своим разнообразием, свидетельствуют о высокой эрудиции ученого и его широком географическом кругозоре. Это – Фолклендские о-ва и Урал, Шпицберген и Альпы, Скандинавия и Шпицберген, Уругвай и Арктика, Памир и горы Сан-Жуан в Колорадо, Тироль и Канада.

Второй пример из упоминавшейся работы об осыпях долины Чулышмана 1939 г. В ней ученый показал, что профиль склона осьпя является результатом взаимодействия процессов подготовки горных пород в области ниши отрыва и процессов денудации в самом конусе и может служить основой для выделения стадий развития осьпей. Особое внимание уделил конечной стадии – стадии зарастания, кото-

рая проявляется в 3–4 этапа, «характеризующихся, с одной стороны, определенным систематическим составом растительности, с другой – определенным строем фитоценозов». Для каждого этапа приведены подробные списки мхов, лишайников, травянистых, кустарниковых форм и «деревянистой растительности».

Третий пример. В статье о лавинах 1938 г., на мой взгляд, особый интерес представляют новые для тех лет данные ученого о морфологических последствиях схода лавин. Путем расчетов он показал, что механический эффект лавин огромен и может сравняться с механическим эффектом огромных оползней; формами, создаваемыми «лавинной денудацией» служат лавинные борозды и окаймляющие их валы остроугольных обломков. При движении лавины могут выбрасывать обломочный материал далеко за пределы борозды. Особое внимание в статье уделено морфологическим последствиям лавинного ветра, проявляющимся на расстоянии многих километров по долине, где сошла лавина. Наконец, очень интересны данные о связи между сильными землетрясениями, лавинами и подвижками ледников. С.Н. Матвеев на примере ледника Маласпина показал, что сильное землетрясение 1899 г. вызвало сход многочисленных лавин, накопление огромных масс снега и спустя 6 лет «наступление ледников с неслыханной доселе скоростью»; отметил роль лавин в питании некоторых ледников Средней Азии особого типа, получившего название «туркестанского». Не менее тщательно Матвеев проанализировал и гидрологическую роль лавин.

Все кратко рассмотренные статьи были изданы в престижном академическом географическом издании «Проблемы физической географии». На этом закончился довоенный этап научной деятельности С.Н. Матвеева.

Войну С.Н. Матвеев и М.С. Калецкая провели в эвакуации в Алма-Ате, откуда ездили в экспедиции в горы и на равнины Юго-Восточного Казахстана.

Из трудов военного времени интересна статья С.Н. Матвеева, посвященная борьбе с катастрофическими явлениями грязекаменных потоков (селей) на основе учения о геоморфологических процессах, опубликованная в 1944 г. в Изв. АН СССР, сер. географ. и геофиз. Она является одной из первых работ на эту важную тему.

Выше были приведены примеры из совершенно забытых статей С.Н. Матвеева. Они в свое время были очень актуальны и в наше время представляют известный научный – историко-географический и методический – интерес.

Немногим более известны монографические работы ученого и среди них книга о геоморфологии гор Юго-Восточного Казахстана, изданная Казахским филиалом АН СССР и Институтом географии АН СССР в 1945 г. в Алма-Ате. Она представляет развернутый текст-объяснение к геоморфологической карте м-ба 1:1 000 000 этого региона. При ее составлении проявились способности С.Н. Матвеева работать и писать в коллективе ученых – его друзей и соратников Г.А. Авсюка, М.А. Глазовской и М.С. Калецкой.

Проводя геоморфологические исследования в Восточном Казахстане, я неоднократно обращался к карте и тексту этой серьезной монографии, отдавал дань тщательности сбора, обработки и обобщения содержащихся в ней геоморфологических материалов.

Географы старшего поколения запомнили и оценили упоминавшуюся в начале статьи книгу С.Н. Матвеева «Турция. Физико-географическое описание» (М.: Изд-

во АН СССР, 1945). При подготовке к изданию автор имел сильного оппонента в лице А.А. Григорьева, опубликовавшего на четверть века ранее в журнале «Природа» интересную географическую статью о Турции. В рассматриваемой монографии С.Н. Матвеев показал себя высококвалифицированным физикогеографом и страноведом, знатоком зарубежной, включая турецкую, научной литературы по Малой Азии. При этом он, оставаясь геоморфологом, тщательно проанализировал имеющийся в его распоряжении геологический, исторический и геоморфологический материал, а среди последнего важные теоретические представления Вальтера Пенка о роли больших складок в формировании рельефа запада Малой Азии. Материалы его монографии были позже использованы при составлении капитального коллективного труда «Физическая география зарубежной Азии».

При проведении маршрутных геоморфологических исследований в западных и центральных регионах Турции в рамках аридной геоморфологии мне оказали ощущимую помошь материалы монографии С.Н. Матвеева. Выяснилось, что геологогеоморфологические данные значительно устарели и представляют в основном историко-географический интерес. Зато исторические и археологические данные по особенностям антропогенных воздействий и преобразований, в частности о роли наиболее древних городских поселений, по описаниям природы в античную эпоху и ряд других сюжетов сохранили свою привлекательность.

Мне известны семь работ С.Н. Матвеева – пять статей и две монографии, каждая из них по-своему интересна. О них кратко сказано выше. Знакомство с ними убедило меня в том, что Сергей Николаевич Матвеев – ученый ранней генерации сотрудников Института географии РАН, руководимого А.А. Григорьевым, был разносторонним, способным и энергичным географом широкого профиля, проводившим полевые исследования в трудных и малоизученных регионах нашей страны, хорошо знавший и умело использовавший научную литературу той эпохи. Это был одаренный и талантливый географ с большим будущим в нашей науке.

Светлую память о нем нужно сохранить для будущих поколений. Может быть, не случайно эту статью о С.Н. Матвееве я закончил 7 января 2011 года – в Светлый праздник Рождества Христова.

От редактора-составителя.

Этот очерк Валерий Павлович Чичагов написал о С.Н. Матвееве как геоморфолог о геоморфологе. Но, конечно же, не мог не затронуть тему, вынесенную в заглавие. И это не случайно. Ведь в истории Института арест и смерть Сергея Николаевича – это исключительный случай. Сотрудники ИГАНа погибали в экспедициях (такова профессия), на фронтах Великой Отечественной войны и в тылу, но участь многочисленных жертв сталинского террора, охватывавшего все наше общество, их миновала. Навязанные извне попытки организовать процессы над географами Института, подобные тем, что инициировал Т.Д. Лысенко, не удалось, хотя и имели место. Кампании против А.А. Григорьева и против Л.С. Берга состоялись, но не завершились трагически.

В институтском коллективе действовал иммунитет против скандалов, склок, против грязных дел. Пресловутый «пятый пункт» (графа «национальность» в документах советского времени) игнорировался. Дух сотрудничества, доброжелатель-

ности, взаимопомощи всегда явственно ощущался в Институте. Об этом пишут практически все авторы очерков, специально выделяя эту тему или говоря о ней «междус строк».

Эта атмосфера существовала как будто бы сама по себе, как естественная атмосфера научного сообщества. Но ее поддерживали и оберегали все – и руководители коллектива (от них, разумеется, зависело очень многое), и весь коллектив. Вот характерный пример.

На Курском стационаре Института в Центрально-Черноземном заповеднике работала Елена Константиновна Дайнеко, наш почвовед. Ранним утром, по пути на опытную площадку, она встретила посреди заповедной степи человека с мольбертом, писавшего этюд с натуры. Поодаль, тоже на заповедной целине, стояла черная «Волга». Нужно сказать, что сотрудники Института, работавшие на стационаре, всегда помогали егерям заповедника охранять его от нарушителей режима. В заповеднике можно было появляться только с пропуском, подписанным директором, или в сопровождении работников заповедника. Е.К. попросила незнакомца предъявить пропуск. Вначале реакции не последовало. В ответ на вторую настойчивую просьбу человек с мольбертом раздраженно вынул красную корочку – партийный билет – и показал подпись выдавшего его. Это была подпись Л.И. Брежнева. Незнакомец оказался первым секретарем Курского обкома КПСС. Елена Константиновна резонно заметила, что это отнюдь не пропуск и попросила товарища не нарушать строгие правила охраны заповедника. Товарищ угрожающе посмотрел на Е.К., что-то пробормотал, закрыл мольберт и усился в свою «Волгу», стремительно удалившую прочь.

Е.К. вернулась на базу стационара и рассказала о своей встрече. Рассказ всех встревожил. И не зря. Через пару часов на стационар на спецмашинах приехали посланцы секретаря обкома и потребовали выдать им некую сотрудницу для допроса и разбирательства. Начальником стационара был Давид Львович Арманд. Он категорически отверг эти требования и попросил передать товарищу секретарю, что немедленно связывается с президентом Академии наук и сообщает о возможительном поведении товарища. Затем распоряжается свернуть работу стационара, а ЦК КПСС просит разобраться – может ли товарищ, игнорирующий первый декрет В.И. Ленина, как известно, посвященный созданию заповедников, выполнять обязанности первого секретаря обкома.

Посланцы уехали ни с чем. Но через некоторое время в Институт пришло письмо из обкома с требованием наказать Е.К. Дайнеко. Партийное бюро Института для порядка пожурило Е.К., но «спустило это дело на тормозах».

Между прочим, вскоре секретарь обкома лишился своего поста. А наш коллектив воспринял историю как образец естественного, должного поведения сотрудников академического института.

В отделе гидрологии в 1960—1970 гг.

В годы студенчества мечтал работать в Институте географии. Но это казалось мало реальным. В год окончания геофака МГУ (1961 г.) у меня было распределение совсем в другое место. Совершенно неожиданно в день распределения приехал зам. директора ИГ АН СССР Г.Д. Кулагин и предложил мне и Л.Я. Джоган, моей сокурснице, должности ст. лаборантов. От такого предложения мы, конечно, не могли отказаться. До сих пор не знаю истинной причины такого поворота в моей судьбе. Скорей всего, это было связано с запросом М.И. Львовича (см. посвященный ему отдельный очерк), который еще не став зав. отделом гидрологии (это произошло в 1962 г.), но будучи фактическим руководителем (формально во главе отдела был еще М.Ф. Срибный), формировал его кадровый состав. Отдел в эту пору быстро набирал силы. М.И. Львовичу исполнилось 55 лет, он был полон энергии и творческих замыслов после определенного «простоя», вызванного увольнением из Государственного гидрологического института (ГГИ) как космополита, и пребывания в Комплексной экспедиции полезащитного лесоразведения в качестве одного из рядовых сотрудников. Среди таких замыслов была организация экспериментальных воднобалансовых исследований в различных природных зонах, в т.ч. на Курском стационаре. «Правой рукой» М.И. Львовича в то время был А.М. Грин – человек совершенно неуемной энергии и выдающихся организаторских способностей. Грину в 1961 г. было 37 лет и он очень оперативно реализовывал все задумки М.И. Это касалось и формирования кадрового состава отдела, и организации конференций и публикаций, и очень ярко проявилось в организации экспериментальных гидрологических исследований. С 1974 г. в течение многих лет он был руководителем всего Курского стационара. Еще ранее экспериментальные гидрологические работы под руководством М.И. Львовича и А.М. Грина велись под Загорском (теперь Сергиев Посад). Говоря об экспериментальных исследованиях нельзя не сказать о Е.П. Чернышеве. Выпускник Воронежского университета, он еще студентом участвовал в гидрологических экспериментах под Загорском, а через несколько лет возглавил их на Курском стационаре, где и проживал вместе с семьей по существу круглый год вплоть до получения московской квартиры. Он взял на свои плечи всю непосредственную работу по строительству воднобалансовых объектов, по снегосъемкам, по наблюдению за стоком и другими элементами водного баланса, за эрозией и вещественным составом вод, став со временем одним из самых крупных специалистов в стране в области ландшафтной гидрологии, особенно в отношении изучения эрозионных процессов и вещественного состава вод. Помимо своих организаторских способностей Е.П. (а ему в 1961 г. было всего 26 лет) был душой любой компании, но в то же время мог сурово спросить с приезжающих на полевые работы сотрудников отдела гидрологии (Алексея Гумберта, Юрия Куликова, Валерия Ющака, Вячеслава Фатерина и других). Отдел тогда вообще был очень молод. Большинству сотрудников было не более 35 лет, в т.ч. Н.Н. Дрейер, Л.К. Малик.

Н.Т. Кузнецову в 1961 г. был 41 год. И даже самые старшие (В.А. Арефьева, В.Е. Иогансон) лишь немного превзошли 50-летний рубеж.

В отделе царила дружественная атмосфера, живо обсуждались самые разнообразные вопросы, как научные, так и далекие от науки. Регулярно отмечались дни рождения, различные праздники, особенно новогодние, которые с появлением позднее в отделе Г.М. Черногаевой, Г.М. Николаевой, Г.Я. Карасик, А.В. Беляева, А.Г. Георгиади стали выливаться в своеобразные театрализованные представления.

Особенно дружественная атмосфера складывалась во время выездов на полевые работы на Курский стационар – весной, для наблюдения за весенним стоком, и летом при изучении испарения с помощью лизиметров. Но этим наблюдениям предшествовал период строительства водобалансовых объектов, который и был в самом разгаре в 1961 г., когда я после кратковременного разговора с М.И. Львовичем и А.М. Грином и посещения отдела был командирован на эти строительные работы, на которых провел значительную часть осени 1961, а также 1962 года. Затем долгие годы с Курским стационаром меня связывали экспериментальные работы в зимне-весенний период и летом. В перерывах много приходилось заниматься камеральной работой в отделе. Лишь в середине 1960-х гг. меня стали приобщать к собственно научной деятельности.

Отдел первоначально располагался в Черемушках в полуподвале одной из пятиэтажек¹. Рядом находились гляциологи. Тогда это был край Москвы, метро еще не построили. Было много заброшенных частных домиков, пустырей, на которые мы, молодые сотрудники, во время обеденного перерыва летом, если не были в экспедиции, ходили загорать.

В рабочей неделе обычно бывало два ударных дня – вторник и четверг, когда в отдел приезжал М.И. Львович. Впрочем, иногда во вторник он отсутствовал или бывал полдня – когда в Институте назначался Ученый совет. Все сотрудники во время приезда М.И. должны были быть в наличии и готовы отчитаться за выполнение заданий. Обычно он беседовал с научными сотрудниками, а те, в свою очередь, проверяли выполнение работ у лаборантов. Это было время, когда практически у каждого научного сотрудника был, по крайней мере, один лаборант. Общий же объем работ был очень велик. На протяжении долгого времени у отдела гидрологии основными направлениями работы были два: 1) мировой водный баланс и водные ресурсы мира и 2) антропогенные изменения водного баланса и водных ресурсов. Приблизительно в этом направлении главные работы велись и в ГГИ. Конкуренция, обостренная конфликтами между М.И. Львовичем и рядом сотрудников ГГИ, была налицо. Удивительно, что соперничество между коллективами, насчитывающими немногим более 20 человек в ИГАНе и более 2000 чел. в ГГИ, шло почти на равных. В этом заслуга, прежде всего, М.И., но и всего отдела гидрологии, работавшего по четкому плану и чрезвычайно насыщенно. Приходилось (и этоложилось на плечи в основном лаборантов и младших научных сотрудников) строить бесчисленное число гидрографов (графиков изменения расходов воды в течение года) по всему земному шару, затем расчленять их, выделяя поверхностную и под-

¹ Лишь в 1970-е гг. переехал в Подколокольный переулок почти в центре Москвы, а затем уже в 1998 г. на ул. Вавилова, где и располагается сейчас.

земную составляющие речного стока, и по клеточкам подсчитывать их соотношение. Несколько облегчало работу, что считали не по всем рекам, а по наиболее репрезентативным, и не за все годы, а за четыре – два средних по водности, маловодный и многоводный. Успеху во многом способствовало то, что в отделе подобрался технический персонал, для которого были характерны высокая работоспособность и очень ответственное отношение к работе.

Это в полной мере было присуще Клавдии Ивановне Алексеевой, Нине Васильевне Котловой и более молодым Аде Предько, Анжелике Кисаровой, Лидии Решетник, Кларе Черноус, Нине Пискуновой, Люде Манышкиной и другим, в разное время работавшим в отделе в рассматриваемый период. Много времени и сил уходило и на экспериментальные работы на Курском стационаре и обобщение их результатов в обязательных ежегодных отчетах за зимне-весенний и летний периоды. Ну и М.И. и А.М. всячески поощряли молодых сотрудников к написанию статей, выступлению на конференциях. Учитывая весьма напряженные отношения с ГГИ, эти выступления нередко имели стрессовый характер. Такой же характер порой приобретали и защиты. В наибольшей степени это коснулось кандидатской защиты А.М. Грина по динамике водного баланса ЦЧО в середине 1960-х гг., на которой ему пришлось «отбиваться» от многочисленных нападок со стороны ГГИ. Вообще и М.И. Львович и А.М. Грин весьма положительно относились к написанию сотрудниками отдела и довольно большим числом аспирантов кандидатских диссертаций.

Так, меня командировали на месяц в Ленинград специально для завершения кандидатской диссертации. Но дальше кандидатских дело не шло. За все время «правления» М.И. (а это почти 30 лет) ни один сотрудник отдела не защитил докторской диссертации. Защищали докторские, покинув по тем или иным причинам отдел гидрологии. Возможно, сотрудники в силу разных обстоятельств просто «не дозрели» до докторского уровня, но не исключено, что это объясняется чересчур жесткими рамками, в частности методическими, в которых позволялось творить сотрудникам, возможно, нежеланием иметь конкурента на посту зав. отделом. В пользу такого объяснения говорит крайне болезненное отношение М.И. к инакомыслию, приведшего к уходу на конфликтной основе из отдела самого А.М. Грина, С.Л. Вендрева, П.Ф. Идзона и ряда других ведущих сотрудников.

Вообще, стиль руководства отделом со стороны М.И. представлял собой весьма причудливую смесь авторитаризма и демократии. Нетерпимость к инакомыслию внешне облекалась в весьма демократичные формы ее изъявления. Хорошо помню, как М.И. Львович и П.Ф. Идзон выясняли, кто из них первый предложил шестикомпонентную систему уравнений водного баланса. Не было сказано ни одного ругательного слова, но накал страсти со стороны М.И. определялся, в частности, тем, с какой разной тональностью он неоднократно произносил, обращаясь к Идzonу, «дорогой Павел Фридманович! При жестком контроле над выполнением работ допускалось весьма терпимое отношение к дисциплине посещения отдела. Впрочем, нечто подобное приходилось наблюдать и в других отделах. Все-таки, прежде всего, было дело, а как и где оно выполнялось, было вторичным. Причем иногда ставились весьма жесткие, если не сказать жестокие, требования. Памятен рассказ М.К. Граве. Однажды его пригласил к себе И.П. Герасимов и потребовал к следую-

Группа сотрудников лаборатории, 2007 г. Слева направо: 1 ряд – Т.С. Бибикова, З.А. Крылова, А.Г. Георгиади, С.В. Долгов; 2 ряд – А.Л. Чепалыга, И.П. Милюкова, Е.А. Барабанова, И.С. Зайцева, Н.И. Коронкевич, С.И. Шапоренко, Д.Я. Фащук, 3 ряд – С.В. Ясинский, В.Н. Федоров.

щему дню выполнить весьма трудоемкую работу. А Граве накануне положил свою жену в больницу. И когда И.П. изложил ему свое задание, он сказал, что ему это трудно будет сделать, сославшись на данное обстоятельство, академик воскликнул: «Вот и хорошо. Она будет под присмотром врачей, и Вам ничто не будет мешать работать».

Конечно, наша деятельность не замыкалась рамками отдела. Многие из нас принимали весьма деятельное участие в научно-организационной и общественной жизни Института. А.М. Грин, Е.П. Чернышев, А.В. Беляев, А.Г. Георгиади, Г.М. Николаева в разное время занимали различные должности по научно-организационной и общественной линии (зам. директора, уч. секретарь, председатель профкома, секретарь партбюро и комсомольской организации и др.). Мне в течение нескольких лет довелось быть председателем институтской организации общества «Знание». При этом приходилось контактировать с массой интересных людей, рассказ о которых выходит за рамки данного повествования. Скажу лишь несколько слов о зам. директорах. Все они, будучи людьми чрезвычайно компетентными, отличались характером и стилем работы. М.И. Нейштадт и Д.А. Лилиенберг, как правило, сразу не подписывали передаваемые им бумаги, а предварительно очень тщательно их изучали и нередко возвращали на доработку. А.М. Грин и С.В. Зонн практически сразу решали – подписать или отвергнуть. Наиболее сложно приходилось с В.С. Преображенским. Как правило, он по много раз заставлял переделывать пред-

лагаемый ему проект текста. Помню, мы с ним пять или шесть раз меняли название моей докторской диссертации.

Но вернемся к отделу гидрологии. Уход ряда ведущих специалистов из отдела, а также отвлечение некоторых сотрудников на общественную и научно-организационную работу в Институте ослабляли отдел. Особенно болезненно сказалось отсутствие А.М. Грина, который был, если так можно сказать, основным «движителем» отдела.

Ощутимый урон отделу нанесло выделение из его состава в 1977 г. группы сотрудников (И.С. Зайцева, Н.И. Коронкевич, З.А. Крылова, Л.К. Малик и др.), вошедших в состав КЭПС (комплексной экспедиции по проблемам переброски стока). Вообще-то М.И. был против такого выделения. Когда возникла «перебросочная» тема, возглавить ее в ИГАНе предполагал С.Л. Вендрев, к тому времени ушедший из отдела, давно мечтавший руководить каким-либо подразделением в Институте (в данном случае он предполагал, что такое подразделение будет создано, учитывая значимость этой темы в то время). Но М.И. удалось убедить И.П. Герасимова, что именно он, М.И. Львович, имеет больше оснований для научного руководства оценки влияния на окружающую среду частичной переброски стока северных и сибирских рек на юг – темой, порученной Институту Государственным Комитетом по науке и технике (ГКНТ), при том, что общее руководство возлагалось на Институт водных проблем РАН. М.И. Львович считал, что группе людей из отдела гидрологии, которую должен возглавлять отв. исполнитель, в качестве которого предлагался Н.И. Коронкевич, и под его (М.И.) руководством по силам справиться с заданием ГКНТ. И.П. Герасимов, согласившись с тем, что М.И. должен быть научным руководителем и оставив за собой общее руководство, все же счел, что целесообразно создать новое структурное подразделение – уже упомянутую КЭПС, сформированную как из сотрудников отдела гидрологии, так и из других подразделений ИГАН. Возглавить ее должен был Н.И. Коронкевич, а в помошь ему и М.И. Львовичу была назначена группа научных руководителей и отв. исполнителей по регионам (подробней об этом, как и других деталях жизни отдела гидрологии и КЭПС см. в книге «Институт географии и его люди» (М.: Наука, 2008)).

Теряя людей и силы (следствием чего в 1988 г. стало объединение отделов гидрологии и климатологии под руководством А.Н. Кренке), гидрологи ИГАНа под руководством М.И. Львовича выполнили в 1980-е гг. целый ряд незаурядных работ, результаты которых отражены в книге М.И. Львовича «Вода и жизнь» (М.: Мысль, 1986) и в коллективной монографии под его руководством «Современная интенсивность внутриконтинентальной эрозии суши и земного шара», 1991.

Но все-таки годами наибольшего творческого взлета отдела гидрологии следует считать 1960–1970-е, когда были разработаны «Основы метода изучения водного баланса и его преобразований» (М.: ИГ АН СССР, 1963), опубликованы книги М.И. Львовича «Человек и воды» (М.: Географгиз, 1963), «Мировые водные ресурсы и их будущее» (М.: Мысль, 1974), А.М. Грина «Динамика водного баланса Центрально-Черноземного района» (М.: Наука, 1965) и ряд других. Горжусь тем, что значительную часть этого периода (1961–1977) я проработал в отделе гидрологии и в какой-то мере причастен к его успехам. Больше того, считаю, что и моя докторская диссертация и написанная на ее основе книга «Водный баланс Русской равнины и

его преобразования» (М.: Наука, 1990) стали результатом работ этого периода под руководством М.И. Львовича и А.М. Грина в тесном сотрудничестве с моими товарищами, некоторые из них (Е.П. Чернышев, Ю.Н. Куликов, Г.Я. Карасик, Г.М. Николаева) уже ушли из жизни. Вечная им память.

Н.К. Кононова

Годы в отделе климатологии

В Институте я появилась в августе 1957 года. На распределении в МГУ, на котором присутствовал Самуил Юльевич Геллер, мне было предложено сдавать экзамены в аспирантуру Института. Я пришла к Борису Львовичу Дзердзеевскому, который тогда руководил лабораторией климатологии в отделе климатологии и гидрологии (отдел возглавлял Марк Исаакович Львович).

Борис Львович познакомил меня с тремя направлениями, которые в то время развивались в лаборатории, и спросил, в какой области я бы хотела работать, если поступлю. Я выбрала циркуляцию атмосферы. В Университете последние два курса я тоже занималась циркуляцией атмосферы у Сергея Петровича Хромова и Веры Михайловны Курганской. Экзамен по специальности принимали Б.Л. Дзердзеевский, Леонид Александрович Чубуков и Ксения Васильевна Кувшинова. Беседовали со мной долго, полтора часа. Под конец я перестала соображать, и, когда Ксения Васильевна спросила, какое самое теплое место в Средней Азии зимой, я сказала, что не знаю. Ксения Васильевна удивилась: «У Вас же об этом написана статья». Действительно, по курсовой работе четвертого курса в «Метеорологию и гидрологию» была сдана статья «О холодных вхождениях в район Иссык-Кульской котловины зимой». Это и есть самое теплое место. Но я все равно ничего не вспомнила. С тем меня и отпустили. Экзамен по физической географии принимали Г.Д. Рихтер и С.Ю. Геллер. Должен был быть кто-то третий, но он не смог, тем не менее, экзамен состоялся. Что спрашивали, и как я отвечала – не помню. Осталась в памяти только атмосфера доброжелательности.

В 1957 г. в Институт пришло много моих сокурсниц: Гая Мoiseева, Лиды Гайдукова, Нади Корина, Гали Зорина, Гали Погодина, Катя Шацило, Клара Черноус, Рита Чернавина (потом Фаустова). Сначала мы держались вместе, но институтское сообщество быстро приняло нас в свои ряды, нагрузило работой, в том числе общественной, и мы стали реже встречаться.

Из общественных дел помню шефские концерты в каком-то колхозе, куда нас везли на грузовике. Эпопеей была избирательная кампания. Мы были агитаторами. Вдруг выясняется, что в Казачьем переулке в доме на шестом (последнем) этаже обваливается штукатурка с потолка из-за худой крыши. Вся коммунальная квартира отказывается идти на выборы, если не починят крышу и не приведут в порядок потолок. Это ЧП. Явка должна была быть стопроцентной, и мы, агитаторы, за это отвечали. Помню, как Институт через райком партии пытался повлиять на ситуацию. Ответственные лица пообещали людям, что все исправят, и люди поверили, пошли на выборы.

Отдельным мероприятием была работа в подшефном колхозе на прополке и уборке овощей. Запомнилась разница в условиях работы в 60-е и 70-е годы. В 60-е мы жили в палатках, работа начиналась рано, часов в 6, и продолжалась до позднего вечера. Наша бригада работала на уборке капусты. Собирали кочаны в большие корзины и относили их к весам. Колхозники работали вместе с нами. Для приготовления обеда выделялись дежурные по кухне в помощь повару. После работы мы сваливались замертво на спальные мешки. Но такой режим работы мне представлялся нормальным для сельского хозяйства.

В 70-е годы была тенденция уравнять в условиях работы городских и сельских работников. Мы жили в домиках недалеко от конторы. В 8 часов был завтрак, потом нас на автобусе везли на поле. Мы пропальывали свеклу. Колхозники ставили нас на грядки и уходили на свои грядки. Они работали мотыгами, быстро заканчивали работу и уходили с поля до обеда. Мы же пропальывали вручную, работа подвигалась медленно. В час начинался перерыв на обед. Обед (первое, второе и третье) привозили на полевой стан, там под навесом была оборудована столовая: длинные дощатые столы и скамейки. После обеда шли купаться. К работе приступали часа в 3 и работали до шести. В конце рабочего дня приходила та, которая ставила нас на грядки, и принимала работу. Опять купались, потом автобусы везли нас на центральную усадьбу, где в 8 часов нас кормили ужином.

Это, конечно, было легче и удобнее, чем в 60-е годы, но, наверное, требовало большего количества привлеченных горожан. Рядом с нами работали сотрудники Института вычислительной математики, и вообще все поле было занято приезжими из институтов и с заводов. Кто-то из математиков спросил колхозницу, какова дневная норма и какова оплата. Та ответила: «Прополешь грядку – пойдет рубль». «Плачу два, – сказал парень, – и еду кончать свою работу». Все посмеялись. Конечно, никто никого никуда бы не отпустил. Важны были не рубли, а прополотое поле. Наше же потерянное время ни во что не ставилось.

Замечательным мероприятием в 60-е годы был «меридиан» – поездка на юг от Москвы приблизительно по меридиану. Вернувшись, участники выпустили большой фотомонтаж, а кто-то написал такие стихи:

Ты наш друг, меридиан,
Проходя через ИГАН,
Превратил на время нас в автоцыган.
Раз пятнадцать ты петлял,
Возникал и исчезал,
Но никто из нас, как видишь, не страдал.

Между тем научная жизнь в Институте шла своим чередом. В 1958 г. гидрологи и климатологи разделились, образовались два самостоятельных отдела. Отдел климатологии возглавил Б.Л. Дзердзеевский. В отделе было 3 группы: циркуляционная во главе с Борисом Львовичем, комплексной климатологии, которой руководил Л.А. Чубуков (создана она была раньше Евграфом Евграфовичем Федоровым) и теплового баланса леса и поля. Лесом занимался Юрий Львович Раунер, а полем и влажностью почвы под посевами – Анатолий Иванович Будаговский. После его

ухода в Институт водных проблем Юрий Львович объединил обе ветви. Экспедиционные работы велись сначала в Загорске, а потом на Курском стационаре. В книге «Климат и урожайность зерновых культур» он привел подробный каталог засух в зерновой зоне Северного полушария.

Наша циркуляционная группа под руководством Б.Л. Дзердзеевского занималась составлением Календаря последовательной смены элементарных циркуляционных механизмов (ЭЦМ) с 1899 г., а на основе этого Календаря – многолетними колебаниями циркуляции атмосферы. По данным метеорологического справочника *World weather record* мы изучали связи с этими колебаниями многолетнего хода температуры воздуха, атмосферных осадков и атмосферного давления в разных странах. Были выявлены циркуляционные эпохи и их метеорологические характеристики в Северном полушарии в целом и в разных его секторах.

Группа комплексной климатологии под руководством Л.А. Чубукова занималась характеристикой климата в погодах, т.е. выявлением соотношения различных классов погоды в течение года по средним многолетним данным. В этой группе было много аспирантов из союзных республик. Разработки широко использовались в курортологии и медицинской географии.

У Л.А. Чубукова мы каждый год праздновали масленицу. У него 19 января был день рождения, в этот день он нас и приглашал. Его группа пекла блины, а мы приносили что-нибудь к столу. Жил он тогда в покосившемся деревянном доме, мы заваливались к нему всем отделом, 30 человек. За большим столом места хватало всем. Потом пели и танцевали. Леонид Александрович был радушным хозяином, весело шутил и отлично танцевал.

1960-е годы были периодом похолодания после глобального потепления 30–40-х годов. Не все отнеслись к этому явлению как к временному, на смену которому обязательно придет потепление. Некоторые предрекали постоянное похолодание вплоть до нового ледникового периода.

Такое предположение порождало желание выдвинуть способы защиты от грозящей беды. Один такой способ придумал инженер Петр Михайлович Борисов. Он предложил построить плотину через Берингов пролив, чтобы оградить от губительного влияния Арктики наш Дальний Восток и дружественный нам Китай. На это изобретение он взял патент. Вероятно, свое предложение П.М. Борисов высказал на достаточно высоком уровне, поскольку его вместе с его идеей спустили к нам в Институт, чтобы Институт разобрался и дал свое заключение.

Я слушала его доклад Ученому совету Института. Все выступления после доклада были направлены против его идеи, но Борисов оказался человеком упрямым. Его зачислили в наш Институт, вскоре он защитил кандидатскую диссертацию и продолжал работать у нас, а его доклад на Ученом совете дал начало постоянно действующему семинару по колебаниям климата, который вел И.П. Герасимов.

Семинар был очень интересным. С докладами приезжали Олег Алексеевич Дроздов, Евгения Самойловна Рубинштейн, Михаил Иванович Будыко. Михаил Иванович уже тогда усиленно проповедовал идею антропогенного потепления от увеличения концентрации углекислого газа в атмосфере. Олег Алексеевич возражал ему, что в прошлом были периоды, когда потепление проходило на фоне пониженного содержания CO₂ в атмосфере. Это сейчас по ледяным кернам Антарктиды показа-

Группа сотрудников лаборатории, 2010 г. Слева направо: М.М. Чернавская, В.В. Попова, А.Б. Шмакин, А.Н. Золотокрылин, В.В. Виноградова, Т.Б. Титкова, А.Ю. Михайлов, Н.К. Кононова, Д.В. Турков, Е.А. Черенкова.

но, что сначала шло глобальное потепление, а потом увеличение концентрации углекислого газа, что логично: в теплом океане содержится меньше газов, они выделяются в воздух. Но сейчас, несмотря ни на какие научные данные, многие настроены на борьбу с бесконечным антропогенным потеплением. Это зеркальное отражение того, что происходило в 60-е годы.

В Институте ежегодно проводились конференции молодых ученых и издавались доклады под названием «Географические сообщения». Нас тогда было много, так что в сборнике докладов VII конференции, изданном в 1961 г., оказалось 32 доклада общим объемом 114 с. Участвовали сотрудники и аспиранты всех отделов. Ответственным редактором сборника был Г.Д. Рихтер.

У Бориса Львовича было много всевозможных нагрузок: он был членом нескольких Ученых советов и членом ВАКа. В ВАКе он вел записную книжку, в которую записывал интересные высказывания, а потом читал их нам. Однажды он прочитал такое: «У них другая точка зрения, отсюда и фактические данные». Тогда это казалось очень смешным, а теперь я понимаю, что в море данных всегда можно найти такие, которые подтверждают определенную точку зрения.

С кончиной Бориса Львовича жизнь циркуляционной группы стала трудной. Руководителем группы был назначен Георгий Николаевич Витвицкий. Трудно представить себе более неудачный выбор. Группа занималась колебаниями климата, а Георгий Николаевич был убежден, что климат не меняется. Он признавал только межгодовую изменчивость: год холодный – год теплый; год влажный – год сухой, а в среднем ничего не меняется. Наши статьи по циркуляционным и климатическим эпохам его раздражали, он не разрешал нам их печатать. Мы искали обходные пути.

В 1974 г. издали сборник статей «Исследования генезиса климата», который начали собирать еще при Борисе Львовиче. Он даже успел написать в него большую статью. Ответственным редактором сборника мы попросили быть К.В. Кувшинову.

Некоторые работы, в которых был помещен большой фактический материал, мы публиковали через Межведомственный геофизический комитет. В 1978 г. вдруг выясняется, что в Межведомственном геофизическом комитете за нами по КАПГ числится сборник «Колебания климата в XX столетии», который надо сдавать немедленно. Так мы его собрали мгновенно: вынули из ящиков столов работы, которые годами не могли привести через Георгия Николаевича, получили рецензии от Ноны Алексеевны Мячковой и Александра Христофоровича Хргиана из МГУ и сдали в редакцию. Георгий Николаевич согласился стать его ответственным редактором. В 1979 г. сборник был издан Межведомственным геофизическим комитетом при Президиуме АН. Последняя крупная совместная работа сотрудников циркуляционной группы, работавших под руководством Б.Л. Дзердзеевского, – коллективная монография «Циркуляционные механизмы современных колебаний климата», ответственный редактор К.В. Кувшинова. Книга вышла в издательстве «Наука» в 1987 г.

С кончиной Л.А. Чубукова перестала существовать группа комплексной климатологии. Какое-то время его ученики продолжали исследования в этом направлении в Институте курортологии и в регионах, но с уходом старшего поколения и там эти работы прекратились.

Из забавных моментов в нашей тогдашней жизни можно вспомнить занятия по гражданской обороне. Сокращенно она писалась «гр.об.», а произносилась «гроб». Руководил этими занятиями Виктор Филькин. Отличившимся на занятиях выдавалась грамота за его подписью. Эти грамоты тут же получили прозвище «филькиных». Помимо лекций, которые мы слушали в зале, полагались еще и практические занятия. На одном из них надо было потушить пожар огнетушителями, которые висели у нас в Институте. Кто-то предложил поехать в лес, развести там костер, посидеть у него, попеть песни, а потом потушить. Идея понравилась. Сорвалась она из-за того, что не смогли заказать автобусы, которые отвезли бы нас в лес и привезли обратно. Пришлось разводить костер во дворе Института. Костер получился огромный. Пришло время тушить. Тут-то и выяснилось, что ни один из наших огнетушителей не работает. Пришлось носить воду ведрами и заливать костер. Хороши бы мы были в лесу!

Запомнился такой случай. Работала у нас Мария Калинична Фролова, фронтовичка, мать-одиночка. Пошел сын в школу. Как оставить его одного в каникулы? Мария Калинична пишет заявление об отпуске так, что на три дня в неделю, которые надо присутствовать на работе, берет отпуск, а три «библиотечных» оставляет рабочими (суббота тогда была рабочим днем). Таким образом, она экономит несколько дней отпуска на следующие каникулы. Сначала все шло гладко, никто не обратил внимания, заявление было подписано. Вдруг отдел кадров обнаружил непорядок и предъявил Борису Львовичу претензии. Назревал скандал. Тогда Борис Львович вызвал меня и велел оформить Марии Калиничне задание на те дни, которые вклинились в отпуск как рабочие и сделать так, чтобы можно было показать выполненное задание. Поскольку лаборанты выполняли всегда огромное количество расчетов и строили не-

имоверное число графиков, выполнить такое поручение не составляло труда, так что все обошлось.

Помню и такую историю. После первого года обучения мы сдавали кандидатские экзамены: специальность, общую физическую географию, иностранный язык и марксистко-ленинскую философию. По философии я получила 4. Аспирантурой в ту пору заведовал Георгий Дмитриевич Кулагин. Я расстроенная пришла сдавать ему экзаменационный лист, а он мне сказал: «Что Вы расстраиваетесь? Иметь пятерку по такому предмету – дурной тон». Я остолбенела от неожиданности и испытала чувство благодарности человеку, который рискнул сказать незнакомой аспирантке такие крамольные слова просто для того, чтобы ее утешить. Что тогда этого никому нельзя было рассказывать – я понимала.

Вспоминая годы, проведенные в Институте, понимаю – самым главным в отношениях между людьми в нашем Институте была доброжелательность. В нашей теперь небольшой лаборатории мы стараемся хранить эту атмосферу.

С.С. Савина

*В аспирантуре у Б.Л. Дзердзеевского,
в отделе климатологии и в Институте*

1953–1956 – годы аспирантуры

Аспирантские годы каждый вспоминает по-разному. Для меня это были самые беспечные, интересные и свободные годы.

1953 год! Позади остались дипломная работа и государственные экзамены. Географический факультет закончен с красным дипломом. Выпускникам всех факультетов его одновременно вручал ректор МГУ академик И.Г. Петровский. Было чувство удовлетворения. Думаю, оно знакомо многим.

Предстояло волнующее распределение. От него зависело – как сложится наша жизнь в будущем. В наше время это был очень решительный момент: у нас не было свободного выбора. Мы подчинялись решению Государственной Комиссии. Именно она определяла, где нам быть. Мне лично повезло. Государственная комиссия удовлетворила заявку Института географии АН СССР на специалистов-климатологов. При этом предусматривалось одно место в аспирантуру.

Мое знакомство с Институтом географии состоялось в 1952 г. – это было связано с моим участием в работах Комплексной экспедиции совместно двух институтов АН СССР: Института географии и Института физики атмосферы. Полевые исследования проводились в рамках актуальной проблемы, связанной со «Сталинским планом преобразования природы» – борьбы с засухой и суховеями. Район исследований – Прикаспий (Западный Казахстан). К этой работе нас привлек проф. Б.Л. Дзердзеевский, зав. отделом климатологии и гидрологии Института географии АН СССР.

В 1953 году в аспирантуру Института поступала, пожалуй, впервые такая большая группа – более 7 человек. Большинство окончили московские ВУЗы: географический факультет МГУ, Институт международных отношений, Институт востоковедения и др., но были и из других городов. На подготовительных занятиях, консультациях мы быстро вошли в контакт и в чем-то помогали друг другу.

В Институте было два места, где обычно проходили наши беседы: актовый зал и читальный зал библиотеки. В актовом зале официально стояли стол и шкаф, принадлежащие аспирантуре, а в библиотеке – получали научную информацию.

В наш молодежный коллектив, готовившийся к экзаменам, органично вписалась молодая сотрудница библиотеки – Инна Аксельрод. Она заслуживает, чтобы вспомнить о ней: энергичная, всегда приветливая, отзывчивая, понимающая наши волнения и проблемы. Она нас ориентировала в выборе литературы, которая могла быть полезной и облегчить сдачу экзамена. В нашей библиотеке она работала недолго и исчезла с моего горизонта. Спустя 50 лет после этого «тревожного» 1953 года я вновь встретилась с ней необычно. Инна Аксельрод-Рубина (вторая фамилия по мужу) публикует в двух книгах «Жизнь как жизнь» свои воспоминания (И.М. Аксельрод-Рубина. Жизнь как жизнь. Воспоминания. Иерусалим, 2006). В ней она находит место, чтобы отразить атмосферу в 50-е годы в нашем Институте. Подчеркивает атмосферу неформальную, доброжелательную. Это она ощутила особенно, так как после окончания Института иностранных языков (немецкий язык), до принятия на работу в библиотеку нашего Института, неоднократно получала видимые и невидимые отказы. Это было связано с ее отцом, который был репрессирован. Теперь в официальных публикациях подчеркивают его высокий профессиональный уровень, как одного из лучших арабистов и незаслуженно репрессированного сотрудника органов разведки. Инна Аксельрод отдает должное сотрудникам нашей библиотеки и тепло отзыается об ученых Института, с кем ей приходилось общаться в эти годы.

Аспирантура – это «особое сословие», можно сказать двойного подчинения: административного (зав. аспирантуры) и научного (научный руководитель в отделе). Эти «силы» обычно «сходились» на заседаниях Дирекции и в заключение – на Ученом совете ИГАН. Приемная комиссия в аспирантуру была неформальной и с юмором. Я исхожу из того, как рассматривали мое личное дело. Случилось маленькое замешательство, которое было вызвано фразой в моей характеристице, данной на географическом факультете МГУ. По «доброте своей души» слишком идейный секретарь комсомольской организации написал: «Не восприимчива к критике». У членов комиссии это вызвало улыбку. Такая реакция мне стала понятной позднее. Я узнала, кто был председателем комиссии – зам. директора ИГАНа, член-корреспондент АН СССР Г.А. Авсюк, удивительный человек с большим юмором и чувством доброжелательности. Заведующим аспирантурой в наше время был Георгий Дмитриевич Кулагин, д.г.н, специалист по экономике Италии, позднее он стал зам. директора Института. Прошло много лет, но он остался в памяти. От него исходила всегда приветливость, открытость, в общении был прост и доступен для нас.

Традиционно в Институте географии День Победы – 9 мая посвящался воспоминаниям наших сотрудников – участников войны. Однажды в такой день Г.Д. Кулагин рассказал некоторые факты из своей жизни военных лет. Легко было представить, что его путь был непростым. Самым ярким у нас осталось воспоминание о

его участии в организации подготовки восстания в Праге до входа советских войск. В связи с этим событием Г.Д. Кулагин был удостоен самой высокой награды – Ордена за Пражское восстание.

Г.Д. Кулагин был искренним и доверительным в отношениях с нами – молодыми аспирантами. Невольно в ответ он вызывал у нас глубокое чувство уважения и желание ответить ему чем-то приятным. Так однажды, когда я уезжала в экспедицию, Георгий Дмитриевич попросил меня привести ему дыню из южных районов. К сожалению, на нашем пути их не было. Взамен мы привезли ему ящик слив особого сорта. Мы их снимали собственноручно с дерева в одном из опытных хозяйств Ростовской области.

Приближался срок окончания моего пребывания в аспирантуре. В это время начиналась подготовка работ по программе Международного геофизического года (МГГ) – 1957–1959 гг. Сотрудники отдела гляциологии нашего Института предложили мне принять участие в зимовке в Арктике на Земле Франца Иосифа. Об этом предложении я сказала моему руководителю проф. Б.Л. Дзердзеевскому – заслуженному полярнику. Он посмотрел на меня внимательно и сказал: «Нет. Мы найдем Вам здесь место. В крайнем случае – на Загорском стационаре». Проф. Б.Л. Дзердзеевский в 30-е годы руководил метеорологическим обслуживанием всех экспедиций в Арктике, был на зимовках, в том числе на о. Рудольфа в течение всего времени дрейфа «СП-1». Он прекрасно представлял меня в этих суровых условиях Арктики.

После окончания аспирантуры я один месяц была лаборантом. Затем получила место в штате – м.н.с. в отделе климатологии и гидрологии. Это был заключительный момент моей аспирантской жизни.

Завершение нашей учебы и на географическом факультете МГУ, и в аспирантуре Института географии совпало с событиями, глубоко потрясшими не только нашу страну, но и мир. Март 1953 г. – смерть Сталина – растерянность и слезы у студентов и профессуры. 1956 год – доклад Н.С.Хрущева на XX съезде КПСС. Эти оба события за короткий период времени с такой огромной «психологической амплитудой» – нас можно было только пожалеть. Хорошо известно, что содержание доклада оказалось столь чудовищным, что быстро вышло за пределы не только осуждения «Культа личности». Недаром соратники, еще находящиеся у власти, осудили Хрущева: «что он творит, не ведает что!» (М. Геллер, А. Некрич. Утопия у власти. Лондон, 1986). Это действительно было так. Но все восприняли это, как надежду на «большие перемены».

Все-таки хочется заметить, что не все так воспринимали это событие, как молодежь, воспитанная в традициях советской идеологии. По-другому отнеслось к этому старшее поколение, в своем большинстве – интеллигенция. В сталинские годы многие, кому повезло не стать жертвами, были свидетелями, молчаливыми наблюдателями. Их реакция была как торжество справедливости, пусть с запозданием, но свершившееся. Вспоминая своих самых близких, скажу, что их ничего не удивило в этом «откровении».

Подобно цепной реакции эта весть распространилась по всей стране и вышла за ее пределы, охватив, прежде всего, страны социалистического лагеря. В те дни мы горячо обсуждали, сопереживали, с напряжением слушали информацию, сообщения по радио и в печати о событиях, в центре которых стояла Венгрия. Вряд ли до нас доходила правда. Правдивая картина этих событий была освещена позднее, в

частности, все в той же монографии, указанной выше. Наше восприятие было таковым, что в первые дни еще можно было открыто и смело выражать свое мнение. При этом в моем аспирантском окружении все были единодушны. И вдруг замолчали, оставив как бы все при себе. Более того, среди нас были такие, которые кардинально изменили свое мнение и стали поддерживать официальную линию. Это были те среди нас, кто был ближе к партийной «кухне». Нам же оставалось ясным одно, что «слова» могут быть для нас опасными. Замолкли наши дискуссии. Венгерские события вошли в историю как «кровавая осень 1956 г.».

Борис Львович Дзердзеевский

В год моего прихода в ИГАНе во главе отдела климатологии и гидрологии стоял проф. Борис Львович Дзердзеевский (см. посвященный ему отдельный очерк № 3.11). Он бесменно руководил нами 20 лет. В отношениях с сотрудниками отдела Б.Л. всегда сохранял дистанцию. И в этом большую роль играла форма обращения: только по имени и отчеству и всегда на «Вы». Иногда сотрудники позволяли себе критиковать Б.Л., но только за дверью кабинета. А так он оставался авторитетом для всех и вызывал только уважение.

Мое первое знакомство с Б.Л. относится к студенческому времени, когда он нам читал на кафедре геофака МГУ курс «Синоптическая метеорология». Он произвел на нас сильное впечатление: высокий, стройный, одетый в английском стиле – строго и элегантно – он имел западноевропейский вид. Маленькая острыя бородка придавала ему аристократичность. В среде полярников его называли «Мефистофель». Он также оставался для нас примером воспитания в традициях старой школы.

Может быть здесь будет уместным привести некоторые факты в подтверждение сказанного. В 60-е годы Б.Л. был в числе делегатов, приглашенных Американской Академией Наук в Штаты. При встрече Бориса Львовича ошибочно принимают, вместо акад. И.П. Герасимова, за главу делегации. Замешательство быстро разъяснилось, но И.П. Герасимов не мог забыть, что вид Б.Л. был более внушительным, чем его. Еще одна деталь. В общении, на приемах нам было не всегда легко ориентироваться в тонкостях этикета. Исключением был Б.Л., светски воспитанный, у которого в таких ситуациях проблем не было. Еще один момент, связанный все с тем же посещением Америки. В это время по всей нашей стране звучит призыв: «Догнать и перегнать Америку! Сколько это породило анекдотов! На Ученом совете выступает с впечатлением от поездки уважаемый д.г.н. В.П. Гричук. Он сказал искренне: «Чтобы нам догнать Америку надо лет 200–300». Высказывание было смелое на фоне Хрущевского призыва. Б.Л. был большим дипломатом и политиком и подобную неосторожность не допустил.

Научные труды Б.Л. Дзердзеевского оформились не в тома, а составили всего лишь одну книгу «Избранные труды» на 200 стр. Но это совсем не показатель масштабов деятельности ученого. Б.Л. был, несмотря на своюдержанность, большим энтузиастом и увлеченным человеком. С молодости интересовался астрономией, позднее космосом, но приоритетом оставался «воздушный океан», с которым был связан и глубоко ему предан на всю жизнь. «Воздушный океан», так назы-

вается его научно-популярная книга, в которой изложены понятно и доступно сложные процессы и явления в окружающей нас атмосфере Земли.

Свою научную карьеру Б.Л. начал с самой низкой ступени, как организатор метеорологической станции и наблюдатель на ней. С этой станцией связано начало организации широкой метеорологической сети на Украине. В это время окончательно оформляется направление деятельности Б.Л. Этому способствуют не только его личные качества талантливого исследователя, но и окружение – работа с известными метеорологами в УКРМЕТ (Украинская метеорологическая служба).

Дальнейший путь Б.Л. пролегал из Киева через Западно-Сибирское Бюро Погоды и Магнитно-метеорологическую обсерваторию в г. Иркутске и завершился в Москве. Он – сотрудник и Ученый секретарь Центрального Бюро Погоды (ЦБП), а также секретарь редакции нового «Журнала Геофизики».

Это были годы становления в СССР Службы погоды. Б.Л. Дзердзеевский организовывает синоптические курсы и приглашает руководить ими известного специалиста из Норвегии Т. Бержерона. В основу учебного курса по синоптической метеорологии кладется книга Бержерона «Трехмерно-связный синоптический анализ» в талантливом переводе Бориса Львовича с немецкого языка.

В это время у Б.Л. зарождается идея разработки методов прогноза на дальнюю перспективу. Уже тогда среди специалистов существовало мнение, что главная «кухня погоды» – Арктика. Эта гипотеза, естественно привлекает внимание Б.Л. Он переходит в Арктический отдел Гидрометеорологической службы, тут же преобразованной в Отдел службы погоды Главного управления Северного морского пути. Здесь был центр невиданных до сих пор масштабов исследовательских работ по всестороннему освоению природы Арктического бассейна.

«Золотой век» – так определяют этот период в истории освоения районов высоких широт Северного полушария. Для этих целей выделяются колоссальные средства. Б.Л. – руководитель и главный синоптик группы прогноза. Они обслуживают все летные и морские экспедиции. Не один раз Б.Л. проводит месяцы на зимовках в Арктике. Не раз принимал личное участие в экспедициях: в Карском море (1935), в составе летнего отряда Водопьянова (1937–1938), в поисках неожиданно исчезнувшего над Северным полюсом самолета Леваневского. Осуществляется героический перелет Водопьянова (1937) впервые через Северный полюс в Америку и беспосадочный перелет Чкалова (1937). Эти перелеты положили начало воздушных сообщений через Полюс между континентами Европа-Америка. Сейчас все это уже забыто. К сожалению, отдельные очерки об этих событиях, о легендарных именах непросто найти даже в новом Географическом словаре.

Кульминацией Полярной эпохи, конечно, был 1937 г. – высадка на ледяном поле вблизи Северного полюса научной группы во главе с И.Д. Папаниным, определяемый теперь как «Северный Полюс-1» (СП-1). Жизнь на льдине в течение 10 месяцев (V/1937–II/1938) – это был подвиг во имя науки.

Б.Л. Дзердзеевский – главный синоптик этой дрейфующей экспедиции. Он находится на о. Рудольфа, самом северном острове Земли Франца Иосифа, ближайшем к Северному полюсу (82° с.ш.). Находясь месяцами на ст. Диксон, в бухте Тикси, на о. Рудольфа, Б.Л. лично ощущал капризы арктической погоды. Дрейфующая станция 1937–1938 гг., конечно, тоже давала уникальный материал. Обобщая и

анализируя все имеющиеся данные, Б.Л. дает свою интерпретацию развития атмосферных процессов и приходит к революционному выводу: «Арктика не есть кухня погоды». Гипотеза постоянного антициклона над Центральным Полярным бассейном не подтверждается. Здесь также имеет место активная циклоническая деятельность. Циркуляция в Арктике – это лишь часть единого механизма атмосферной циркуляции, охватывающей все Северное полушарие. Это был важный итог первого этапа научных обобщений. Он представлял фактически «ядро» его будущих разработок. Работа была отмечена самой высокой оценкой – Государственной (Сталинской) премией. Второй раз Б.Л. становится лауреатом Государственной премии в 1950 г. Тема нам остается неизвестной, но можно предположить, что она была связана с исследованиями высоких слоев атмосферы в связи с началом атомных испытаний.

Б.Л. Дзердзеевский обладал не только талантом исследователя с острым аналитическим умом и интуицией, но и большими научно-организационными способностями. Это подтверждается всей его творческой деятельностью на Украине, в Западной Сибири, в Москве, в Арктике, Антарктиде, и, наконец, в Академии наук – в Институте географии и Межведомственном геофизическом комитете.

Сегодня все это уже ушло в прошлое. Однако имя Бориса Львовича Дзердзеевского осталось в истории науки, по меньшей мере, как автора первой типизации крупномасштабных процессов в атмосфере Северного полушария. Вспоминаю, как Б.Л. после нескольких дней пребывания на больничном, положил на стол небольшую по объему рукопись «Циркуляционные механизмы в атмосфере Северного полушария в XX столетии». Монография была написана, как говорят, «на одном дыхании».

Сегодня типизация Б.Л. Дзердзеевского – это классика. Она завоевала признание и право на свое дальнейшее существование. До сегодняшнего дня продолжается работа по составлению Календаря последовательной смены типовых макропроцессов в атмосфере Северного полушария. Она охватывает период более 100 лет. Она «живет», широко используется как основа методики в изучении закономерностей в многолетнем развитии циркуляции Северного полушария, в разработке долгосрочных и сверхдолгосрочных прогнозов. Более того, применяется в выявлении климатических изменений, а также сопряженных с ними других компонентов географической среды. Много идей принадлежит Б.Л. в изучении климатов прошлого. Несомненно, они сейчас особенно актуальны и нашли бы свое применение в решении стоящей сейчас особенно остро проблемы изменений климата. Сегодня эта проблема вышла на государственный уровень, о котором говорил и мечтал несколько десятилетий назад профессор Б.Л. Дзердзеевский.

Неожиданный его уход – это большая потеря для науки. Для нас эта потеря вообще осталась невосполнимой. Никто не мог так блестяще излагать суть, значение и перспективы изучения изменений планетарной циркуляции и климата.

Если вспомнить его общение с нами, своими сотрудниками, то он оставался образцом, прежде всего, высокой культуры, внутренней и внешней. Был такой курьез с супругой Б.Л. – Валентиной Владимировной Дзердзеевской – и связано это было с их интеллигентностью. Рассказывал это мне лично, пока шло заседа-

ние Специализированного совета, Григорий Александрович Авсюк. Этот случай можно понять, если знать ситуацию с квартирными проблемами в Москве в то время и вообще при социализме. Долгие годы супруги Дзерзееевские жили на улице Чкалова, около Курского вокзала, в доме Полярников. В 60-е годы они переезжают в новый академический дом на ул. Губкина, в двухкомнатную квартиру. После ухода Бориса Львовича из жизни квартира для его супруги стала большой. Если понимать психологию истинного интеллигента, то ее приход в жилищный отдел Академии наук с просьбой выделить взамен двухкомнатной квартиры однокомнатную квартиру, выглядит совершенно нормально. Но для большинства советских людей это было крайне непонятно. Так просто с такими квартирами не расставались! Ее просьба привела в недоумение членов жилищной Комиссии. С такими просьбами никто еще не обращался. Находили обычно выгодный (конечно денежный) обмен. Квартиру ей выделили на той же ул. Губкина в академическом 14-этажном доме.

Личность Бориса Львовича была яркой не только в Академии наук, но и в среде тех ученых, которые даже в самой малой степени касались Арктики, Антарктики и вообще исследований циркуляции атмосферы и климата Северного полушария. Поэтому, когда возникла проблема с местом захоронения, пришлось обратиться к Ивану Дмитриевичу Папанину.

Личность И.Д. Папанина – легендарная, а в Академии он возглавлял отдел морских экспедиций и обладал неограниченными возможностями. Мы обратились к Папанину с указанной просьбой в марте 1972 г. Мы не смогли найти семейное захоронение Б.Л. на Ваганьевском кладбище. Моссовет не давал разрешение на место в пределах г. Москвы. Вот тогда и решили обратиться к И.Д. Папанину.

Л.М. Ананьева с другими «делегатами» была в кабинете И.Д. Папанина и потом передала весь диалог, который состоялся с канцелярией Моссовета. Председателем Моссовета в то время был Гришин. Форма разговора была сама по себе интересной. И.Д. Папанин поднимает трубку и спрашивает: «Хозяин дома?» Секретарь, естественно, ошеломлена. Оторопевшая, молча, кладет трубку. Тогда Папанин говорит: «Ну, стервочка, тебе здесь не работать!» Снова поднимает трубку и начинает с представления своего положения и перечисления всех своих заслуг перед Отечеством. Тут же соединяют с Гришиным. И.Д. Папанин называет повод, в ответ Гришин спрашивает: «Он академик?» Ответ: «Нет! Больше академика!» Все, вопрос был решен положительно.

Отдел климатологии

Несмотря на неказистый внешний вид нашего здания, жизнь внутри не просто шла, а кипела. Мой родной отдел, вначале называвшийся отделом климатологии и гидрологии, а позднее, после разделения – климатология, оставался в рамках прежнего помещения. Отдел занимал две комнаты на первом этаже с окнами на уровне тротуара. Дополнительно ему принадлежала маленькая комната с входом из вестибюля Института, около лестницы. Она служила кабинетом заведующего отделом проф. Б.Л. Дзерзееевского. На нескольких квадратных метрах этой комнаты стояли

стол, два стула, была ниша, как «гардероб». Главная примечательность «кабинета» – великолепное из красного дерева кресло, антикварное, дореволюционных времен, случайно затерявшееся в Институте. Оно создавало особую атмосферу, оставаясь единственным предметом этой комнаты, достойным своего хозяина. Кстати, когда отдел переехал в Черемушки, после структурной перестройки в Институте, кресло, естественно, исчезло бесследно.

Мы любили этот «кабинет» и когда Б.Л. отсутствовал, мы его обычно оккупировали. Для Б.Л. кабинет был особенно необходим вблизи библиотеки и дирекции. Однако, А.М. Грин, возглавлявший «кампанию» перемещения отделов, не посчитался с просьбой оставить его за Б.Л. Дзерзевским. Там расположились хозяевственники. Уже в эти годы молодые деятели не отличались почтением к представителям старшего поколения.

И вот здесь, в этом кабинете-комнатушке, обсуждались научные проблемы, планы, диссертации. Заслушивались сообщения, а также и прием отечественных и зарубежных гостей. Это был точно тот случай, что «не место красит человека, а человек место».

В двух относительно больших комнатах число рабочих мест-столов было 16 при числе сотрудников более 30. В меньшей комнате размещались, кажется, 7 рабочих столов. В большой комнате, проходной, столы техников, лаборантов и младших научных сотрудников. Исключением был рабочий стол проф. Л.А. Чубукова.

В большой комнате обсуждался широкий спектр вопросов – от организационных, научных до бытовых. Здесь шум стоял постоянно и не мешал совмещать техническую работу с разговорами. Проф. Л.А. Чубуков обладал на редкость удивительной способностью на фоне этого шумового «оформления» спокойно работать, писать. Обсуждать работы приезжающих и приходивших к нему специалистов, аспирантов.

Моя самая ближайшая подруга со студенческих лет И.С. Глух обычно работала в этой комнате. С присущим ей природным юмором, она красочно, образно описывала присутствующих. В итоге определила эту комнату, как «зоопарк». В комнате были «прописаны» такие по настоящему заслуживающие уважения, давно работающие сотрудники, как Ванда Васильевна Панина, – бескомпромиссная, прямая, принципиальная, открыто эгоистичная, но в то же время справедливая. Всегда спокойной и рассудительной я помню Нину Ивановну Зудину, закрученную семейными проблемами Марию Калиничну Фролову. Все они прошли войну, знали жизнь!

Шум – это была неотъемлемая часть атмосферы большой комнаты. При появлении Б.Л. Дзерзевского все стихало мгновенно! Все начинали сосредоточенно работать. Общее впечатление менялось сразу на 180°. Несмотря на эти особенности – работа шла!

Вторая комната могла считаться интеллектуальной. Здесь работали только научные сотрудники. Они были намного старше нас, только что пришедших со студенческой скамьи. Все они были с большим жизненным опытом, особенно военных лет.

При первом посещении отдела мое внимание привлекла одна из присутствующих дам. Как я потом уже узнала – это была Ксения Васильевна Кувшинова. Нельзя было не обратить внимание на ее интересное, с тонкими чертами, интеллигентное

лицо. Она была худенькой, элегантно одетой, очень привлекательной. В ней чувствовалась свобода и уверенность, позднее не без основания – авторитарность. К.В. Кувшинова приехала после войны в Москву из Ташкента, где она работала синоптиком. Там же защитила диссертацию и получила степень кандидата ф.-м. наук. В отдел климатологии она пришла в 1952 г. В последующие годы меня с К.В. связывали не только служебные, но и часто человеческие отношения. Она была старше меня на 12 лет, житейски мудрая, общительная, гостеприимная и хороший товарищ. От нее нельзя было отнять находчивость, остроумие, иногда язвительность, за что и называли ее «Белая головка». Анатолий Иванович Будаговский оценивал К.В. так: «К.В. умная, но ленивая. Могла бы защитить докторскую!»

В 60-е годы появилась в отделе не менее уважаемая Александра Сергеевна Чаплыгина, канд.ф.-м. наук. Она перешла из Института физики атмосферы, где была Ученым секретарем, и по личным мотивам с персональной единицей переведена на должность старшего научного сотрудника в отдел Б Л. Дзердзеевского. А.С. Чаплыгина, владея тремя языками, оставила заметный след в географии особенно как переводчица двух книг по климатическим изменениям.

Культура и большой опыт работы К.В. Кувшиновой и А.С. Чаплыгиной в системе Главного Управления Гидрометеорологической службы (ЦИП-Центральный институт прогнозов), их личное знакомство с ведущими специалистами в этой системе сближали их с Б.Л. Дзердзеевским. В критические моменты, когда требовалась выработка политики действий в Институте, и в разных международных комитетах, Б.Л. Дзердзеевский приглашал К.В. и А.С., как ближайших советников. В такой же роли выступали А.П. Гальцов, Л.А. Чубуков, Г.Н. Витвицкий, А.И. Будаговский. Это был «мозговой центр» отдела климатологии. Замечу, все они прошли войну и пришли в ИГАН после ее окончания.

А.П. Гальцов был человеком светским, умным, остроумным. За это пострадал, заплатив за анекдот каким-то заключением еще во время войны. Он был связан с театральной, литературной жизнью Москвы, и часто посвящал нас в интересные события этого сообщества.

Мой первый доклад для конференции в г. Вильнюсе (1954 г.) попал в его руки. Ему было над чем поработать! Доклад прошел успешно. Молодых неопытных аспирантов – будущих кандидатов – А.П. Гальцов окрестил «абортированные», т.е. следовало понимать, как недоношенные. В первые годы А.П. Гальцов был в должности м.н.с. В 1959 г. им была подготовлена диссертация на соискание ученой степени кандидата наук. При защите на Ученом совете работа была признана как докторская. Такие случаи в Институте были крайне редкие. Гальцов говорил, придав юмористический характер этому событию: «Предзащитное обсуждение моей диссертации в отделе Климатологии и гидрологии состоялось 1 апреля, а защита на Ученом совете Института географии – в день солнечного затмения». Это была шутка, но в действительности даты и события совпали.

Г.Н. Витвицкий запомнился мне сидящим спокойно за своим столом в углу. Мало говорил, но с большим был самомнением. На защите его докторской диссертации аудитория реагировала удивлением или молчанием на его ответы. Они были независимо от вопроса, предельно кратки и выражались в одной фразе: «Я так думаю». Ну что можно было сказать?

Мой первый выезд на конференцию в г. Вильнюс был с проф. Леонидом Александровичем Чубуковым. Он был одним из основателей советской школы комплексной климатологии, одним из старейших сотрудников ИГАНа. Его характерной чертой была щедрость и в науке, и в жизни. Он имел много последователей, учеников, аспирантов, разбросанных по всей стране. Особенно в Прибалтике и в Кавказских республиках. Кстати, в эти дни мы посетили одного из его последователей – Б. Стыро, директора обсерватории в г. Каунасе.

В беседах с Л.А. Чубуковым, а времени для этого у нас было много, открылась его поэтическая натура, многое объяснявшая в его поведении в жизни. Интересным для меня было откровение об определении Советского Союза как «Империи». В то время такие слова были опасными и даже кощунственными. Свою страну мы считали образцом единого многонационального государства, лишенного каких-либо имперских проявлений. Теперь можно сказать, что это было нашим большим заблуждением.

Нельзя забыть «застолья» в доме Л.А. Чубукова. Дом был просторным, деревянным, сохранившимся еще от прежних лет, в стороне от центра. Чтобы собираться у Л.А. Чубукова было много поводов, и он всегда радостно принимал любые предложения. Большой гурман, необыкновенно гостеприимный, он был рад встрече с коллегами и друзьями в своем доме. Встречи сопровождались остроумными тостами, чтением стихов и танцами. Особенно любил читать стихи А.И. Будаговский. В его исполнении звучал Есенин из цикла «Персидские мотивы» – «Шагане Ты, моя Шагане», с большим пафосом, В. Маяковский. В целом такие вечера, конечно, объединяли нас.

С Анатолием Ивановичем Будаговским я прошла «плечом к плечу» около 15 лет. И, оказывается, о нем мне писать особенно трудно. Трудно сконцентрировать и выразить всю его многогранную натуру. Не уверена, что мне, хотя бы частично, это удастся.

Его высокий рост, неотъемлемая трубка (курил только табак) придавали ему импозантность. Человек он был умный, глубокий аналитик, с присутствием юмора, но мрачный. Его выступления всегда были по существу, часто с резкой, но конструктивной критикой, полезными рекомендациями и советами. Не всегда он получал поддержку своим предложениям, идеям. В том случае за кулисами, в коридоре он в сердцах говорил: «Ну, что можно ждать? Ведь это же Богадельня!». Правдой было только то, что Институт теперь занимал помещение в прошлом, принадлежавшее Богадельне.

А.И. Будаговский в общении был сложным, характер его был непростой. Он вошел в войну уже не юным, а имея опыт работы инженера-гидролога. Во время войны он был начальником партии по восстановлению мостов, гидрологических постов и метеорологических станций на освобожденной территории. Образование у него было техническое, что и объясняло его критическое отношение к «чистым географам», а с их стороны не всегда понимание.

А.И. Будаговский в экспедициях был всегда решительным, чувствовался его жизненный опыт, опыт военных лет, он знал, как действовать. С ним мы всегда были в безопасности в этих длительных и долгих поездках. Иногда нам приходилось (и по делу) испытывать его гнев. Когда он обрушивался на нас, как «гром и молния»

доставалось нам всем! Но так как он был прав по большому счету, нам приходилось переживать, переносить такую «бурю»!

Сегодня 2011 год. Анатолия Ивановича уже нет с нами. Он прожил долгую жизнь, посвятив ее Науке. О нем у меня остались самые добрые воспоминания, он дал нам хорошую школу, которая помогала в нашей, уже не с ним, работе. А в памяти у меня до сих пор остались «целинные» просторы России! Осталось ли что-нибудь от величия их бесценной природы в XXI веке?

Институт географии АН СССР

Институту географии АН СССР – уже 90 лет. Придя в стены Института в 1953 г., я их покинула в 1987 г. Все-таки 35 лет – цифра внушительная.

Мои мысли о ИГАНе очень субъективны. Объективное представление дается в официальном издании, в книге «Институт географии и его люди» (М.: Наука, 2008).

Первое, что хочется сказать, ИГАН – это единственный в своем роде Институт, равных и подобных ему нет! Особая атмосфера в стенах ИГАНа более или менее сохранялась на протяжении всех моих лет работы. Это не только мое мнение, но и моих коллег. ИГАН всем нам продлил жизнь в буквальном смысле слова.

Второе, в Институте практически не соблюдался строгий график рабочего дня в общепринятом понимании. График присутствия на рабочих местах был скользящим: два дня в неделю могли быть «присутственными», а остальные – библиотечными. В целом такие условия предоставлялись научным сотрудникам, а инженеры, лаборанты всю неделю имели полный рабочий день, т.е. работали в стандартном режиме. Все годы Институт географии был «бельмом» для Райкома. Райкомовские деятели время от времени устраивали утренние «налеты» с целью проверки занятости рабочих мест и соблюдения дисциплины. Они выносили замечания, предупреждения, но после их ухода все шло в том же порядке.

Причина такого исключительного положения, в стенах ИГАНа вынужденного, была связана с ограниченной площадью. В начале 50-х годов сотрудников было не более 200, а в 80-е стало более 600. Эти цифры, отнесенные к площади «Метрополии» в Старомонетном переулке, говорили сами за себя.

Внешний вид ИГАНа, откровенно говоря, был «плачевным», особенно с окнами на уровне тротуара. Это стало еще заметнее с появлением напротив колосального здания в сталинском стиле Комитета по атомной энергии. Но все это в целом не могло умалять достоинств нашего места работы.

Сколько идей, мыслей, какие интересные люди были там, в стенах ИГАНа. Научные исследования ставили Институт географии в ряд со многими международными научными центрами. Для многих из нас открывался мир, который оценивался нами по иным критериям, отличаясь от официальных стандартов.

Пути наших коллег вели в разные концы страны, на разные континенты и океаны. Возвращаясь из путешествий, наши коллеги делились богатыми впечатлениями, открывая нам жизнь и природу мира за нашими родными границами.

Замечательным местом в ИГАНе был актовый зал, небольшой, но уютный! Здесь проходили заседания Ученых советов, конференции, занятия аспирантских групп,

расширенные заседания отделов, общественные собрания, проводились незабываемые концерты – «капустники», организованные силами талантов Института, Новогодние вечера, елки для детей, женский день 8-го марта, день Победы 9 мая. Всегда организовывались великолепные застолья, объединяющие почти всех сотрудников. И все это «выдерживал» актовый зал!

Актовый зал «видел» много заслуженных людей, «слышал» интересные доклады, дискуссии. Запомнилось выступление одного из участников прогремевшего тогда на весь мир путешествия на Кон-Тики – Тура Хеердала. Представил докладчика акад. И.П. Герасимов, а синхронным переводчиком был д.г.н. А.В. Живаго. Или, например, доклад И.П. Герасимова после его возвращения из океанической экспедиции в районе глубоководной впадины – Чилийский желоб. Было незабываемым услышать «дыхание Земли», которое было продемонстрировано звуковой записью хода глубоководных извержений, которые оттенялись искусственными взрывами через четкий интервал времени. Это ощущение трудно передать, просто надо слышать!

1978 год. С этого года Ученый совет Института теряет право присуждать учевые степени. Теперь эту функцию ВАК передает Специализированным Ученым советам при Институте, которые формируются по профилю научных интересов. Председателем Секции Специализированного совета ВАК по «гляциологии, гидрологии и климатологии» стал чл.-корр. Г.А. Авсюк (с 1984 г. академик), его заместителем – д.г.н. В.М. Котляков (с 1991 г. академик РАН), Ученым секретарем Совета стала я – с.н.с. Савина С.С., техническим секретарем – м.н.с. И.С. Глух. В этом составе совет работал в течение двух сроков, т.е. 8 лет.

Роль и значение Григория Александровича Авсюка в развитии географической науки отражена в официальном очерке «Институт географии и его люди», 2008. Впечатления о Г.А., как незаурядной личности, ощущалось каждый раз в непосредственном с ним общении. Г.А. Авсюка впервые я увидела издали, как только пришла в Институт. Его нельзя было не заметить, слишком он выделялся: высокий рост, сухопарый, обычно в сером костюме, часто с перекинутым на руке плащом, в неизменном берете, может быть, в приплюснутой кепке. Что касается его портрета, то он не имел классических черт. Однако, его глаза и улыбка светились юмором, а его всегда спокойный тон и остроумие в разговоре открывали как бы свободный к нему доступ. В его облике проявлялась, прежде всего, интеллигентность, что уже говорило само за себя.

В 1967 г., будучи в Праге, неожиданно в Музее на Вацлавской площади на стенде среди участников первой антарктической экспедиции я увидела так хорошо знакомое лицо Г.А. Авсюка. Это было очень приятно.

Многие часы, проведенные в течение 8-ми лет на заседаниях Специализированного совета за одним столом с Г.А., оставили неизгладимый след в моей памяти. Чаще на его месте был д.г.н. В.М. Котляков, но это было другое: с ним разговор касался в основном только дела. При Григории Александровиче официальная часть шла как бы сама по себе, а помимо текла еще беседа приватного характера. Он с удовольствием рассказывал тихо-тихо истории своих заграничных поездок, перелетов. Однажды, самолет повернули уже на середине полета над Атлантикой обратно в Штаты. В другой раз был потерян его багаж. Компания возвратила и моральный, и

материальный убыток щедро. В 60–70-е годы не было массового туризма и глобализации. И моменты, о которых рассказывал Г.А., были очень интересны.

Обычно на защите Г.А. не давал никаких комментариев. Но один раз на защите А.Н. Кренке все-таки высказался, но приватно. Г.А. заметил, что представленная в двух томах диссертация Александра Николаевича была очень многословной. Постарались, не умоляя достоинств ее автора, все-таки сократить ее почти в половину. При отправлении дел диссертанта в ВАК, Инесса Станиславовна Глух иногда с трудом могла «поймать» Г.А., чтобы получить его подпись. Часто он был просто недосягаем. В таком случае Г.А. предлагал: «Нарисуйте мою подпись». После проведенных восьми лет на заседаниях Специализированного совета, Ксения Васильевна Кувшинова, не особенно щедрая на комплименты, заметила: «Знаете, Светочка, при Г.А. и при Вас на заседаниях как-то создавалась легкая, приятная атмосфера». Отнести это можно, прежде всего, конечно, к присутствию Г.А. Ушел Григорий Александрович неожиданно и унес с собой обаятельный образ мудрого и приятного человека.

На вершине иерархической пирамиды в ИГАНе стоял академик Иннокентий Петрович Герасимов – директор Института. Непосредственно с ним не сталкивалась, но имела возможность неоднократно наблюдать и слушать на заседаниях Ученого совета, на заседаниях Дирекции. Мне часто приходилось присутствовать там как Ученому секретарю отдела климатологии, иногда замещая заведующего отделом.

Надо заметить, что его внешность обращала на себя внимание: высокий, стройный, с интересным лицом, всегда динамичный, стремительный. Не один раз я видела, как он проносился, как вихрь к своему кабинету в конце длинного коридора. При обсуждении разных работ, программ, планов чувствовался ясный, острый ум, эрудиция, прекрасная ориентация и быстрая реакция в любом вопросе, в любой области. Никто не мог не почувствовать его харизмы.

Благодаря И.П. Герасимову в Институте господствовала и сохранялась здоровая атмосфера, пресекались скандалы, не замечалось давления ни по национальной, ни по политической линии.

Его работоспособность поражала. Получая с курьером вечером объемный «опус»-программу и др., уже на следующее утро в Институт приходило все не просто с замечаниями, а полностью переработанное и представленное в конструктивной форме. Его жесткость, а вернее твердость, проявились особенно в дни организации и проведения XXIII Международного географического конгресса в г. Москве в 1976 году. Несомненно, конгресс имел большое политическое значение. Подход был государственный и выражался одним словом – «Надо!» При напряженной работе некоторые сотрудники заплатили здоровьем и даже более.

Большой дипломат, обладающий талантом буквально виртуоза, И.П. Герасимов обходил все препоны на всех уровнях, утверждая значимость географической науки и Института географии в системе Академии наук СССР.

В отделе физической географии, 1963–2011 г.

С отделом меня связывают 48 лет работы. Менялся Институт, как и вся страна, как и вся наша жизнь. Менялся отдел – он и назывался в эти годы по-разному. При мне сменились пять заведующих. И все эти изменения были существенными. Но сохранялось нечто, для меня очень важное.

Об этом я и хочу сказать. Не об истории, а о жизни отдела, какой я ее воспринимал и осмысливал. Конечно, менялись мои глаза, менялись оценки. Конечно, они субъективны. И все же память хранит, я надеюсь, важные вещи.

В Институт меня «распределила» комиссия, ведавшая трудоустройством выпускников географического факультета МГУ¹. Естественно, я был рад чрезвычайно. Но еще до первого рабочего дня мне, как оказалось, предстояли смотрины. Неожиданно домой позвонила референт директора и сообщила, что академик Иннокентий Петрович Герасимов хочет со мной познакомиться и что мне надлежит в такой-то день и час ждать его у дверей Института. Почему у дверей я узнал в назначенное время – И.П. решил поговорить со мной в своей служебной машине, по пути в академическую столовую. Дорога туда занимала в то «беспробочное» время минут десять и разговор был очень коротким. Сначала И.П. сказал: «Вам придется еще многому учиться, например, способам расчета энергии, запасенной в биомассе растений, и другим новым технологиям». Затем последовал вопрос: «Как Вы думаете, помогут ли решению географических задач электронные вычислительные машины?» Я ответил в том смысле, что ЭВМ хороший инструмент, но все будет зависеть от того, что мы в нее заложим. Очевидно, интуитивно я угадал ответ, удовлетворивший директора…

Атмосфера моих первых лет. Две комнаты. В дальней (теперь там читальный зал библиотеки) стоят 7 или 8 столов, за каждым кто-то из старших. Тишина. Входил туда на цыпочках, говорил шепотом. Пиетет вырабатывался сам собой – его питали атмосфера сосредоточенной работы и имена работавших. Вы их помните: Мурзаев и Арманд старший, Никольская и Иверонова, Рихтер и Преображенский, Нефедьева и Сильвестров, Мухина, Соболев…

Первое поручение – расчеты влияния рельефа на эрозию. Огромные таблицы. Вопросы обращают не к руководителю темы Сергею Ивановичу Сильвестрову, а к Елене Никифоровне Лисичек. Она мою работу проверяет. И она единственная из младших сотрудников имеет стол в той дальней комнате. Так что только в крайнем случае уже она сама или же мы вместе спрашиваем о чем-либо Сергея Ивановича. И вот я все посчитал, таблицы готовы. Идем к Сергею Ивановичу. Смотрит, кивает и говорит: «Спасибо, а теперь повторите все расчеты в обратном порядке. Если совпадут, можно будет двигаться дальше».

---

¹ Кроме меня в этот год факультет направил в Институт географии еще четырех выпускников: К.Н. Дьяконова, Р.И. Злотина, С.Л. Лебедеву и А.Ю. Ретеюма. Мы получили впервые введенный в Академии наук статус стажеров-исследователей.

Телефон помещался у входа в первую комнату. Говорить полагалось за дверью. Давид Львович (Арманд старший, в то время зав. отделом) приспособил полочку, чтобы класть на нее записную книжку. Звонить ему приходилось много, он ведь вел массу дел. Однажды я услышал слова обо мне – как видно, он отвечал на вопрос или Ю.К. Ефремова или Е.Н. Лукашевой, меня еще в университете опекавших. Сказал всего четыре слова, я их помню хорошо: «Мальчик старательный, но зелен». Я с рвением принял штудировать совершенно новые для меня книжки, спросив перед этим у Давида Львовича совета – с чего начать – и получил большущий список. А вскоре по этому же телефону Давид Львович договорился с Михаилом Ивановичем Будыко о моей у него стажировке. Чудное было время.

Учеба продолжалась и не была в тягость. Она и сейчас мне по душе. Но настоящий вкус к ней привили мне мои прекрасные учителя – сотрудники нашего отдела и вся его атмосфера. Увы, годы в школе не были столь насыщены. Да и в университете тоже многое упустил, но уже лишь по собственной глупости.

Необычайно интересны и поучительны были наши семинары. Иногда они проходили в той дальней комнате, а не в зале. Обсуждение было свободным, доброжелательным. Я чувствовал себя равным участником дискуссий, это было радостное чувство. Но понимаю, что иной раз высказывался не только наивно, но и не вполне дипломатично, задевая самолюбие выступавших. Ведь говорить критические слова нужно умело. Однако же говорить приходилось, потому что даже зеленому стажеру поручались серьезные выступления – нужно было для обсуждения на этих самых семинарах готовить рецензии на работы коллег или, что, конечно же, проще, на новые книги. И это тоже была замечательная учеба.

Поучительно оказалось сдавать так называемый кандидатский экзамен комиссии, которую возглавлял Гавриил Дмитриевич Рихтер. Он мягко и доброжелательно спрашивал меня о теме работы, интересовался полученными результатами, словом отнюдь не экзаменовал меня – скорее это была беседа с коллегой, хотя и в русле кандидатской программы. Закончилось все довольно быстро его словами «ну, вот и отлично, желаем Вам успехов». Потом, наблюдая Г.Д. перед очередным экзаменом, я часто слышал, как он приглашал членов комиссии, говоря им: «Пойдемте, коллеги, побеседуем с имя рек, наверняка узнаем что-нибудь новое и интересное». Так экзамен становился уроком – конечно, в первую очередь для испытуемого. От такого экзамена оставалось ощущение заинтересованной беседы равных, а не школьара с профессором-небожителем. Пожалуй, это и было главным уроком общения с Гавриилом Дмитриевичем, не только всеми уважаемым, но и любимым старшим товарищем.

Наши заседания и семинары были увлекательны еще и потому, что в отделе по весьма разным темам работали очень разные люди. У нас кроме классических физикогеографов были ботаники, геоморфологи, климатологи, лимнологи, гляциологии. И в этом разнообразии почти всегда обнаруживались интересные всем, общие для всех нас стержневые или сквозные сюжеты. Они то и обсуждались сообща, они помогали вовлекаться в новые дела, причем вполне естественным образом. Безусловно, помогали и дирижеры, понимавшие проблемы широко и направлявшие их обсуждение столь умело, что самоорганизация исследовательских тем и групп могла осуществляться без помех. В этом тоже отличительная особенность атмосферы моих первых лет работы в отделе.

Сотрудники отдела дома у Г.Д. Рихтера, 1950-е годы.

Слева направо: Е.Е. Гуртова, Л.Ф. Кунцын, В.М. Котляков (стоит), А.В. Яшина, Н.М. Ступина, В.С. Преображенский, Г.Д. Рихтер, Л.А. Петрова.

Но помимо самоорганизации, безусловно, много значило управление, в значительной мере опиравшееся на авторитет и мудрость старших коллег. Помню эпизод, открывший мне роль Леонида Леонидовича Россолимо как организатора.

Он представлялся мне классическим натуралистом, сочетавшим умения экспериментатора и теоретика, изучавшим тонкие механизмы различных озерных круговоротов вещества и их географическое разнообразие, закономерные связи и комбинации этих круговоротов. Я с интересом читал его публикации, слушал его доклады. Схемы классификации озер, построенные на основе анализа круговоротов, вызывали у меня восхищение. Они представлялись мне воплощением идей А.А. Григорьева на лимнологическом материале. Только позже я узнал насколько оригинальными и независимыми, опережавшими время были исследования лимнологов на станции в Косино, где работал и Леонид Леонидович (см. очерк Г.С. Шилькот).

Так вот, в начале 1970-х гг. Л.Л. Россолимо рецензировал рукопись моей будущей диссертации, включавшей материалы детальных определений массы корней модельных деревьев в дубравах Центрально-Черноземного заповедника. По неопытности я вставил в основной текст рукописи несколько десятков страниц и таблиц с этими данными, считая их самоценными и интересными для всех – ведь прежде никто таких определений не делал. Рукопись была насыщена и множеством других

Сотрудники отдела на даче у Г.Д. Рихтера, конец 1960-х годов.

Слева направо: стоят – И.С. Гришин, Л.С. Абрамов, Л.Ф. Куницын, А.В. Яшина, Г.Д. Рихтер, М.И. Иверонова, Е.А. Нефедьева, Е.Н. Лисичек, Н.Г. Фрадкин, Н.В. Фадеева, Е.И. Федорова, Э.М. Мурзаев, Б.Н. Лиханов, Э.О. Фридленберг, Л.Н. Соболев; сидят – Н.С. Казанская, В.В. Никольская.

материалов полевых наблюдений, правда не столь детальных. Леонид Леонидович в своем выступлении изящно дал мне понять – показывать свое усердие таким способом не следует. Нужно не только уметь собирать большой первичный экспериментальный материал, но и обобщать его и встраивать в работу так, чтобы он сыграл на общую задачу исследования, не отягощая читателя избыточными деталями. А задача моей работы была много шире, чем скрупулезный анализ структуры фитомассы лесостепных дубрав – я должен был охарактеризовать круговорот веществ на уровне лесостепного ландшафта. Мягкая, но точная критика была мне очень полезна. Я понял свои просчеты и постарался их исправить.

Но, как выяснилось через несколько месяцев – моя рукопись кое-чем привлекла мастера. Я был приглашен для специального разговора, весьма для меня неожиданного. Леонид Леонидович начал с того, что похвалил мою работу за добросовестность. А затем предложил мне перейти с некоторым повышением в должности в его лимнологическую группу. Он четко пояснил мотивы этого предложения. «Я старею, – сказал Леонид Леонидович, – и вскоре мне не будет доставать сил и желания подробно вникать в работу всех моих сотрудников. А они ведут каждый достаточно специальные и узкие темы. Нужно чтобы кто-то взял на себя роль координатора и помогал встраивать частные результаты в общую конструкцию. Вы, – сказал он мне, – на Курском стационаре долго варились в среде разных специалистов и смогли не только узнать их интересы, но и в какой-то степени соединить результа-

ты их исследований в своей работе. Не беда, что Вы прежде не сталкивались с лимнологическими сюжетами. Вы молоды и быстро освоите новую область. В этом я Вам охотно помогу».

Тогда я не рискнул принять это предложение. Но урок был важен. Мне стало понятно, как нелегко руководить коллективными исследованиями сложных, комплексных географических объектов и явлений. Прежде мне не приходилось задумываться об этом, ведь жизнь нашего отдела, как мне казалось, была простой и естественной.

Безмятежность жизни исчезла, когда управлять отделом стал Владимир Сергеевич Преображенский. Он был виртуозным критиком, хорошим психологом, легко находил мои слабые места и судил их сурово. Я уже не мог скрываться за спиной Давида Львовича (об этой его роли прежде не догадывался). Прятался подолгу на Курском стационаре (кстати, там продолжалась замечательная учеба), а в остальное время старался не попадаться Владимиру Сергеевичу на глаза, благо в комнатах дружественных биогеографов и почвоведов можно было найти свободный стул и стол. А потом понял, что волен или оставаться в отделе и выстраивать новые отношения или уйти. И прямо сказал об этом. Все переменилось. Я уже не опасался спорить и отстаивать свои взгляды, разумеется, в меру моих знаний, явно уступая Владимиру Сергеевичу в багаже и эрудиции, хотя и не во всех случаях.

Теперь понимаю, определенная польза от его жесткого управления, несомненно, была. Оно воспитывало стойкость, умение или убедительно возражать, или принимать аргументы более сильные, чем твои собственные. То же самое, думаю, испытывали и другие сотрудники отдела. Вероятно, не всем это шло на пользу. Вообще, жесткое централизованное управление хорошо для решения задач проектного типа. Но при этом, несмотря на комплексность тематики работ, нередко утрачивается разнообразие суждений и взглядов. И это может снижать устойчивость научного сообщества. Возможно, отчасти поэтому наш отдел после ухода Владимира Сергеевича на некоторое время распался. Более продуктивен, как я думаю, «принцип сочувствия», его блестяще описал Сергей Викторович Мейен.

Тем не менее, теперь я ценю умение Владимира Сергеевича не только находить новые темы исследований, но и вовлекать в их разработку многих сотрудников. Правда, подчас помимо их желания. Кто-то втягивался, кто-то уходил, предпочитая независимость.

Общение с Владимиром Сергеевичем, работа под его управлением побуждали задумываться и решать для себя серьезные вопросы. Что важнее – методологическая установка или эмпирическое обобщение (по Вернадскому)? Следует ли искать конкретику для подтверждения универсальных научных положений, переносимых в сферу географии из других областей знания или даже из философских построений? Можно ли выводить конкретику из таких построений? Или же важнее в первую очередь просто искать любую новую конкретику, а уже потом выстраивать новые обобщения? Пожалуй, одного ответа не существует. Важны обстоятельства времени и специфика той или иной области науки, наличие достаточной массы эмпирики и появление новых концепций изнутри, а не только извне. Очень важны соотношения. Думаю, методология не должна преобладать и внедряться специально. Она должна развиваться органично, по мере необходимости.

Отдел смог восстановить Никита Федорович Глазовский. Вернулось его исконное название – «отдел физической географии» – хотя и с прибавкой «и проблем природопользования».

Когда Н.Ф. только появился в Институте в роли заместителя директора и заведующего нашим отделом, нам казалось, нужно ждать быстрых и существенных перемен в направлении работ, в сложившейся структуре тематических групп, ждать появления людей Глазовского. Перемены постепенно происходили, но они были мягкими, ненасильственными и воспринимались как естественные и полезные. Вероятно потому, что прежде, чем что-либо переменить, Н.Ф. основательно изучал ситуацию, не полагаясь лишь на чужие суждения. Это требовало усилий, но результат приносил нужный. Так, оказалось, что приставка «природопользование» к традиционному названию отдела вскоре наполнилась серьезным содержанием. Ведь серия фундаментальных книг этой тематики, задуманная и начатая Никитой Федоровичем (первые два из четырех уже вышедших томов), способствовала вовлечению в это дело многих коллег и из наших отдела и Института, и из других организаций. Серия продолжается и после смерти Н.Ф. – значит, тематика продуктивна.

Как жаль, что ему и нам не хватило времени вполне обеспечить самоорганизацию нашей работы, основанную на глубоком анализе всех возможных перспективных сюжетов. Правда, внешние обстоятельства этому отнюдь не способствовали. Институту нужно было выживать, отделу тоже. Однако вместе с Никитой Федоровичем сделано очень много – какие темы возникли, какие изданы книги, как радостно было работать с ним вместе!

В отделе, конец 1990-х годов. Слева направо: А.Ф. Мандыч, Н.Ф. Глазовский, А.Д. Араманд, А.С. Шестаков.

Удивительно, как при его предельной занятости Н.Ф. всегда принимал нас в своем кабинете с любыми нашими делами – отдельскими, институтскими или личными, мелкими и весьма важными. Впрочем, «принимал» слово неподходящее. Он просто вместе с нами делал наше общее дело, серьезно и дружески, но без малейшего намека на панибратство. И хотя в нашу сводчатую комнатку № 35 заходил редко, нам всегда казалось – он рядом.

Теперь времена снова настают трудные. Так что нам есть о чем сейчас заботиться. Тем более, что видна угроза атомизации нашего отдела. Утрата внутренних связей, содержательного общения – не по необходимости, а для поиска и осмыслиения общих интересов – весьма опасна. Ведь такое общение иногда обогащает не менее, а даже более, чем чтение книг, журналов, рукописей. Нередко чье-то вскользь сказанное замечание, чей-то доклад служат импульсом для неожиданного и интересного поворота всего направления нашей работы.

Надеюсь, мы сможем сохранить наше физико-географическое сообщество, хотя и обращающееся сейчас (впрочем, как и двадцать или тридцать лет назад) к смежным с физической географией темам. Сохранить, не забывая наши корни и оберегая атмосферу, в которой мы вырастали. Именно о них я стремился рассказать.

Думаю, корни не утрачены. Однако жизнь отдела складывается сейчас так, что у нового поколения не так много возможностей эти наши общие корни ощущать. А ощущать их важно – для того, чтобы не распасться на мало связанные между собой ячейки, не утратить панорамное зрение и способность видеть нашу работу и наши объекты и частями, и целиком, в разных масштабах, и в перспективе, и в перспективе.

Нас сейчас в отделе немало, мы разные люди с разными интересами, но если все вполне обособимся – едва ли уцелеем как сообщество.

Т.Г. Нefедова

Об отделе экономической и социальной географии, 1978–2011 гг.

Я пришла в Институт географии в конце 1978 г. Как выяснилось впоследствии, в разгар плавной, но заметной смены поколений. Незадолго до этого трагически погиб лидер экономикогеографов А.А. Минц, старела и постепенно уходила «старая гвардия»: И.В. Комар, И.М. Помус, О.Р. Назаревский и другие. Их заменила целая плеяда новых сотрудников, которые определяют лицо отдела и по сей день: Сергей Артоболевский, Павел Полян, Андрей Трейвиш, Вячеслав Шупер, Сергей Тархов, Ирина Волкова, Татьяна Бородина. Все мы были молоды, но не совсем зелены. Большинство успели где-то поработать, некоторые готовили диссертации, имели публикации. Поэтому такое обновление свежей кровью позволило расширить тематику отдела и дать новые импульсы старым темам.

Тогда отделом руководил Георгий Михайлович Лаппо, а его сотрудники группировались вокруг трех крупных направлений, хотя глухих заборов между ними, конечно, не было. Главное среди них под руководством Г.М. Лаппо было связано с

исследованием *проблем расселения, городов и агломераций*. В нем блистали Ю.Л. Пивоваров, Г.А. Гольц, П.М. Полян, а впоследствии Г. Иоффе, В. Шупер, Н. Барбаш, Т. Бородина, Н. Петров и другие. Привлекались и аспиранты Г.М. Лаппо, например, О.Б. Глезер, потом тоже пришедшая в отдел.

Другое направление, изучавшее *территориальную организацию хозяйства*, было представлено Г.А. Приваловской, О.А. Кибальчичем, чуть позже – Э.Б. Алаевым. В конце 1970-х оно пополнилось «упертым» в транспортные сети С.А. Тарховым и «многостаночником» А.И. Трейвишем, которого первоначально взяли в Институт для изучения последствий переброски стока северных рек в Среднюю Азию.

Наиболее сплоченным и организованным было направление *ресурсно-экологических исследований*, которое базировалось на достижениях школы А.А. Минца и И.В. Комара. Руководил этим направлением женский триумвират: Г.А. Приваловская, Т.Г. Рунова и И.В. Канцебовская. В рамках этого направления тогда набирало силу сотрудничество стран СЭВ. С нашей стороны научное руководство осуществляла Татьяна Григорьевна Рунова, главным организатором и душой всего СЭВского сообщества была Инга Вениаминовна Канцебовская. Меня брали именно в эту группу, как человека, умеющего делать карты с опытом четырехлетней работы в Комплексной Восточной экспедиции геофака МГУ.

Я хорошо помню «смотрины», почему-то не в отделе, а в комнате парткома в главном здании. Мне было немного страшно, ведь Т.Г. Рунова и И.В. Канцебовская были для нас недосягаемыми авторитетами. К тому же я побаивалась дамского руководства. Но, разложив свои карты и рассказав о себе, я сразу почувствовала симпатию со стороны Татьяны Григорьевны. Эту взаимную симпатию мы пронесли через все времена нашего общения, и я благодарна судьбе за то, что она подарила мне такого научного руководителя и такого начальника. Трудоголик по природе, Т.Г. всегда ценила работу своих сотрудников, умело и ненавязчиво ее направляя. А если ты получал какой-то интересный результат, то умела похвалить так, что хотелось горы свернуть.

С первых же дней меня подключили к СЭВской теме и Курскому стационару. Мы разделили сферы деятельности с Ириной Волковой: она занималась влиянием на среду промышленности, я – фоновыми видами природопользования, сельским и лесным хозяйством. Было сделано множество карт, которые вместе с итогами работы в МГУ, легли в основу моей кандидатской диссертации о картографическом моделировании воздействия человека на природу.

Плотная работа в группе вовсе не мешала мне ощущать себя членом всего коллектива отдела. На рубеже 70–80-х в двух небольших комнатах на втором этаже дома № 27 (где теперь помещаются картографы) на всех не хватало не только столов, но даже стульев. Кстати, эта теснота отражена в юмористическом рассказе, который мы написали с Андреем Трейвишем в стиле Зощенко к очередному капустнику (прилагается). Раз в неделю проходили общие заседания, на которых я поначалу боялась раскрыть рот, так силен был пиетет перед известными учеными. Но обстановка была очень демократичная и раскрепощавшая. После заседаний все собирались вокруг маленького столика у входа и пили чай.

И прежде в МГУ, и в Институте географии я работала, в основном, дома. Эта привычка так закрепилась, что теперь я уже просто не могу думать и писать при народе. Но институтское начальство требовало «дисциплины», которую оно пони-

мало как заполнение небольшого числа сидячих мест. Поэтому дважды в неделю по очереди мы отсиживали в отделе. Это были, в основном, дни отдыха от работы. Мы гоняли чаи, иногда делали тупую счетную работу, но больше болтали, обсуждая и личные дела, и научные проблемы. Это очень помогало, с одной стороны, налаживать неформальные отношения в отделе, а с другой – давало возможность обсудить волнующие тебя научные вопросы с коллегами. Именно эта возможность делового, но притом дружеского общения больше всего способствовали нашему росту.

В 1980-х гг. отдел залихорадило. Он был разделен на две части: география населения во главе с Г.М. Лаппо и экономическая география под руководством сначала О.А. Кибальчича, потом Э.Б. Алаева, затем Г.В. Иоффе. Наша группа природопользования попала во вторую часть. Однако формальный раздел мало что изменил. Мы все сидели в тех же комнатах и точно так же общались. С самого начала у меня было ощущение причастности к единому сообществу институтских экономикографов.

В 1980-х гг. по СЭВской теме мы стали ездить за границу. Поначалу только начальство: В.С. Преображенский, А.М. Грин, Т.Г. Рунова, И.В. Канцеровская. Это было время общих деклараций, планов и весьма разношерстных международных сборников, хотя и объединенных общей шапкой. Молодежь стали выпускать после 1985 г. Я хорошо помню эти семинары в ГДР, Венгрии, Чехии, на которых мы делали доклады за круглым столом, торжественно украшенным флагжками наших стран, с непременными познавательными экскурсиями и заключительными банкетами. Ра-

Здесь мы работаем.

бочим языком был русский. Не все наши коллеги знали его хорошо, многие говорили с ошибками, используя лишь общие славянские корни. Иногда мы сами повторяли эти ошибки, чтобы нас лучше и быстрее поняли. Так выработался некий «сэвский язык» – всем понятный, но ужасающий для стороннего слушателя.

Как только стали выезжать непосредственные исполнители, появилась возможность конкретной совместной работы. И.В. Канцебовская и чешские коллеги задумали создать единую карту природопользования Восточной Европы. Начиналось, как всегда, с общих семинаров. Но постепенно в каждой стране определилась «рабочая лошадка», которая отвечала за свою территорию. Координация работы выпала на меня, что оказалось чрезвычайно сложно, так как в «братьских» странах к концу 1980-х уже начались изменения в экономике, административном делении, статистике. А методические подходы и раньше различались. Совместить все это было почти невозможно. Зато выезд в страны СЭВ сильно облегчился, на рубеже 1990-х вообще наступил недолгий период фантастической свободы передвижений: визы не требовалось, а билеты на поезд стоили недорого. Две три раза в год, договариваясь по телефону, я выезжала на встречи уже узкой рабочей группы или в какую-то страну для согласования с исполнителем. После развода СЭВ финансирование этих работ прекратилось. Однако к нам присоединились коллеги из Австрии, которые взялись издавать карту. Работа облегчилась в 1989–1990 гг., когда я год прожила в Польше по академическому обмену, откуда ездила в Брно, где находился координационный центр. И карта «Природопользование и проблемы окружающей среды Центральной и Восточной Европы» все-таки была издана в 1992 г. в Вене. Более того, наша международная рабочая группа настолько сдружилась, что на чистом энтузиазме, по инерции мы продолжили работу, и в 1994 г. там же была издана вторая карта «Первые результаты социально-экономической трансформации в Центрально-Восточной Европе».

Резкие перемены 1990-х сказались и на нашем Институте. Отдел в это время возглавляла Г.А. Приваловская. Он вновь стал единственным, но внутренние эрозионные процессы усилились. Ушли Т.Г. Рунова и И.В. Канцебовская. Я все больше дрейфовала в сторону экономической проблематики как наиболее актуальной. После отъезда Г.В. Иоффе в Америку, я постепенно заполнила нишу исследования изменений сельского хозяйства и сельской местности России. Спокойная академическая жизнь закончилась. Надо было выживать. Одни покидали Институт и науку. Другие стали подрабатывать в СМИ, в вузах и даже в школах, за счет внешних проектов и грантов.

В 1994 г. я затеяла социологический опрос сотрудников Института, результаты которого даже были опубликованы в «Известиях РАН, Серия географическая», №

Г.М. Лаппо.

В аудитории имени Н.Н. Баранского. Поздравление коллегам. Слева направо: Т.Г. Недедова, В.А. Шупер, О.Б. Глезер, А.И. Трейвии, Т.Л. Бородина, С.С. Артоболевский.

5. Было опрошено 10% сотрудников разных специальностей. Максимальная восстремованность выявила именно у экономикогеографов, половина которых ответила, что 50% доходов дают дополнительные заработки вне Института. При этом 80% всех опрошенных констатировали, что в 1990-х гг. стали работать больше. Две трети – что подрабатывают в науке же, и дополнительные темы пересекаются с академической и обогащают ее. Хотя большинство людей предпочитало не связываться с Институтом при заключении дополнительных договоров. Наиболее активным оказалось в начале 1990-х именно наше поколение. Старшим было трудно приспособиться к изменениям, а самые молодые еще не накопили научный багаж, чтобы быть востребованными. Впрочем, приток молодежи явно иссякал.

Появились совместные проекты с иностранными коллегами, но уже из дальнего зарубежья. Мы стали выезжать во Францию, Германию, Голландию, США. Из бывших СЭВских связей сохранились связи с Институтом страноведения в Лейпциге, который возник на месте бывшего Института географии и геоэкологии ГДР, сократив персонал со 150 до 30 человек и кардинально обновив их состав. Кстати, в упомянутом выше опросе я спрашивала и об оптимальном размере Института. Ответы зависели от возраста работника. Старшее поколение ратовало за сохранение статус-кво или небольшие сокращения. Наше поколение видело Институт размером 100–300, а четверть – до 100 человек. Молодежь в большинстве считала, что необходимо сильное сокращение – до 100 человек, а треть – до 50 человек.

Институт географии устоял, как устоял и наш отдел, хотя сильно изменился. Мы защитили докторские диссертации. Каждый из нас ведет определенное научное направление, но не руководит, поскольку руководить некем. Хотя почти все где-то преподают и пытаются донести свои знания до молодого поколения. Но в Институте оно не задерживается. В далеком 1978 г., пополнение отдела было на 15–20 лет моложе ведущих сотрудников, в среднем 45–50-летних. Это

оказалось оптимальным для смены поколений. Теперь нам всем 55–60, а молодежи нет. Есть аспиранты, успешно пишущие и защищающие диссертации, но не желающие оставаться в Институте при конкуренции других высоко оплачиваемых рабочих мест. Время нормальной смены поколений уже упущено. Через несколько лет академическая социально-экономическая география просто перестанет существовать.

Но пока наш отдел жив. И мы по-прежнему радуемся друг другу, встречаясь на заседаниях по пятницам. Хотя все чаще слушаем доклады чужих, а не друг друга. И даже не вполне представляем, кто чем занимается. Наш нынешний заведующий С.С. Артоболевский вот уже 14 лет пытается нас сплотить. Но при страшной занятости и востребованности вовне это довольно сложно. Помогают семинары, базирующиеся на энтузиазме отдельных сотрудников (Сократические чтения и методологический семинар, организуемые В.А. Шупером, исторический семинар В.Н. Стрелецкого, тематические ежегодные конференции, проводимые прежде Ю.Г. Липецом, которые ныне курирует С.С. Артоболевский), совместные сборники да аспиранты, предзаты и т.п. Но по-прежнему главное – это неформальное общение с людьми умными и талантливыми, которых я знаю уже более 30 лет, и которых я не только уважаю, но искренне люблю.

A.H. Маккавеев

*Мое знакомство с Институтом.
Не только геоморфология*

Первое поле

Экспедиции составляли значительную часть жизни сотрудников Института географии, и по времени, и по затратам сил. Моя первая серьезная экспедиция была связана тоже с нашим Институтом.

В далеком 1962 году я, вместо практики в Хибинах, которую проходили студенты первого курса географического факультета МГУ, отправился в экспедицию на Печору. Начальником был Борис Александрович Корнилов, научный сотрудник Института географии, незадолго до этого защитивший кандидатскую диссертацию.

Зачислили меня лаборантом. Первый визит в ИГАН был в канцелярию, где я заполнил анкету, написал заявление и получил направление за справкой о здоровье в академическую поликлинику «на Кировской». Стояла теплая погода конца июля. Институт был практически пуст и, может быть, поэтому мало запомнился.

В поликлинике очереди были небольшие, но неспешные. Времени сидения хватило на то, чтобы прочитать учебник «Геоморфология» М.В. Пиотровского, который «как толковый и не растянутый» рекомендовал мне папа. Дело было в том, что геоморфологию на первом курсе еще не проходили. Теперь я думаю, что косвенно эта книга повлияла на мою дальнейшую специализацию.

Впечатление произвел институтский склад в старом доме неподалеку от площади Дзержинского. Дом этот давно снесли. Сначала надо было пройти под арку, затем через темный подъезд, спуститься в подвал, где на обширных стеллажах стояло, лежало и громоздилось разношерстное снаряжение и оборудование. Работали там двое пожилых мужчин. С ними Борис Александрович был на дружеской ноге. Все снаряжение отвезли на квартиру к Корнилову, где еще раз проверили все вещи, особенно палатку. Мама нашего начальника покормила вкусным обедом.

Тут надо сказать и о нашем отряде. Задача экспедиции была связана с планируемой переброской части стока северных рек в мелевшее в то время Каспийское море. Кроме начальника и меня в отряде было еще двое: студентка пятого курса Ирина Авессаломова, потом она работала на географическом факультете, и знакомый Бориса Александровича Саша Саблин-Яворский, студент «Менделавки», как панибратски называют Московский химико-технологический институт имени Д.В. Менделеева – парень непоседливый, брюнет с маленькой бородкой из жесткой почти прямой щетины. О пятом участнике я еще не знал.

Несколько дней спустя мы были в поезде, шедшем до Сыктывкара. Оттуда на маленьком самолетике долетели до Курьи – небольшого поселка, расположенного там, где Печора выходит из Уральских гор на равнину и поворачивает к северу. По берегам быстрой и чистой реки стояла тайга. Мы поставили палатку недалеко от поселка, на берегу Волосницы – маленького левого притока Печоры.

Борис Александрович купил или, скорее всего, выменял за бутылку водки небольшой плот из толстенных бревен. На них были прибиты длинные доски. С обеих сторон плота мы сделали «гребли» – колоды, на которые укрепили большущие самодельные весла, представлявшие собой ошкуренные еловые стволики с прибитыми на них короткими досками. На одном конце плота прибили лист железа, уложили на нем круг из камней, отметив место для костра, но пользовались этим очагом редко. Большую часть плота заняла палатка. Закончив приготовления к плаванию, мы на шестах вышли из Волосницы в Печору.

Река несла нас довольно быстро. Если нужно было что-то осмотреть, совершив маршрут по берегу или съездить в ближайшее селение в магазин или на почту, использовали маленькую двухместную лодочку, тоже добытую в Курье и привязанную у нас «за кормой». Плыли днем, на ночевку приставали к берегу, разводили костер, готовили ужин. Спать в палатке на плоту первое время мешали неровные стыки досок, один из которых оказался у меня под самым боком. Но, в конце концов, я так привык, что на протяжении некоторого времени по приезде в Москву этих стыков не хватало для нормального сна.

В мои обязанности входила подготовка завтрака. Надо было встать раньше всех, за час или больше, развести на берегу костер, что в дождь или ветер было сложно, особенно при моей неопытности. Готовить было довольно просто. В меню завтрака входили различные каши, причем пшенная и манная готовились на сгущенном молоке, а гречневая и рисовая с тушенкой. Но чаще, чтобы не затруднять себя замером нужного количества крупы и воды, использовал концентраты, продававшиеся тогда во всех сельских магазинах. Это были квадратные брикеты необычайной крепости, для размягчения которых подходили обух топора или тяжелый молоток. Большим успехом у нашей команды пользова-

Подготовка к маршруту.

лись кисели, которые продавали тоже в брикетах. Довольно хороший хлеб можно было купить в каждом сельпо. С продуктами тогда было неплохо, что я оценил, только попав на Печору снова в 1964 году, памятном неурожаем, пустыми полками магазинов в провинции и смещением Хрущева.

Днем я дежурил у гребли, направляя плот на стражень реки, подальше от берега и мелей. В одну из первых «вахт», увидев идущий навстречу пароход, я стал будить спокойно спящего в палатке начальника. Была получена команда: «Не препятствовать!» Больше к нему с подобной чепухой я не приставал, сообразив, что топить нас никто не собирается.

Борис Александрович на ходу ловил рыбу. На его спиннинг попадался даже хариус. На наши самодельные удочки клевали рыбы попроще.

Как-то под вечер, мы искали место для причаливания, но внезапно подошедшая гроза посадила наш плот на мель, и мы оказались под проливным дождем почти на середине реки. Тьму прорезали вспышки молний, сопровождаемые оглушительным грохотом. Мы забрались в спальные мешки, накрыв их спущенной палаткой, которую хотел унести ветер. Довольно быстро мешки и все их содержимое промокло. Утром стихия утихла. Несмотря на продолжающийся дождь, мы забрались в воду и, с помощью шестов спихнули плот с мели, подошли к берегу. Соорудили большой костер и долго сушили все вещи.

Саблин-Яворский был с нами недолго, уехал к началу учебного года. Похолодало. На фоне густой зелени елей быстро стали появляться золотые березовые листья. Неожиданно для меня нас стало опять четверо. Мы проплывали мимо крупного поселка, держась ближе к берегу. Оттуда послышались крики: «Боря! Боря!» Кричал и махал руками мужчина в шикарном, не только для тех мест, но и для

столицы зарубежных плаще, шляпе и начищенных до блеска ботинках. Это был Константин Октаевевич Ланге, работавший тогда в ЮНЕСКО. Несколько дней назад он прилетел в Москву из Стокгольма и, по своей воле, отправился в места для ссыльных на Печору. Тогда почти в каждом селении этого края был маленький аэродром. Заграничный гость быстро переоделся в штормовой костюм, телогрейку и резиновые сапоги и оказался совершенно своим человеком.

На наши расспросы о зарубежной жизни он жаловался, что ему «там все так надоело». Зато Корнилов нашел собеседника. Разбирались достоинства и недостатки пока мне неизвестных сотрудников Института, пошли воспоминания об экспедициях, военной службе, войне. Обсуждение международного положения Борис Александрович заканчивал «жизнерадостной» тирадой: «... нам с тобой, Костя, еще придется повоевать, взять в руки оружие!». В ближайшую субботу мы отправились в один из поселков в баню. После бани я впервые попробовал спирт, который хранил начальник в зеленом сундуке – «вывочнике». Запивали его мы холодной печорской водой.

К середине месяца наш плот достиг протяженного отрезка реки, ориентированного на север. Печора становилась все шире. Холодный встречный ветер стал относить плот вверх по реке. Попробовали к плоту привязать срубленную ель. Дерево ушло в воду, и только часть веток торчало из реки. Некоторое время оно тянуло плот, но за день мы проплыли немного, и вскоре плот опять начало сносить вверх по реке.

Решили пристать к берегу в одном из крупных сел. Своими силами выгрести к берегу было очень трудно. Договорились с мотористом на катере. Катер рванул, плот почти встал на дыбы, при этом его передняя часть стала уходить под воду, но Борис Александрович успел перерубить буксирный канат. К берегу подошли на веслах, выбиваясь из последних сил.

Пребывание на берегу стало навевать тоску. Я малодушно запросился домой. Меня посадили на проходящий пароход, нагрузив кучей уже ненужных вещей, от спального мешка до телогреек и сапог. На вокзале в городе Печора я провел в очереди в кассу вечер и целую ночь, и наутро смог купить билет до Москвы. В вагоне забрался на полку и лег спать в своем спальном мешке. Проснулся утром следующего дня. Соседи рассказали, что ночью по поезду проходил патруль, проверявший документы и искавший беглых из лагерей, иногда видневшихся по сторонам железнодорожного пути. Осветив фонариком мою физиономию, они решили, что на беглого бандита я еще не похож и не стали будить.

Через пару дней после приезда я навестил склад на Дзержинской и сдал порученное мне снаряжение. При этом обнаружилось, что два высоких резиновых охотничих сапога были из разных пар, и их пришлось нести домой. Сдал я их недели через две-три, когда приехали все остальные участники экспедиции.

Сельскохозяйственные работы

В Институт я был зачислен в 1966 году, после окончания географического факультета МГУ.

Отдел геоморфологии, лаборантом которого я стал, помещался в одной из самых больших комнат второго этажа № 9. Наша дверь была почти напротив двери дирекции. Сейчас, после перепланировки, на месте последних – глухая стена. В нашей комнате возвышались огромные, набитые книгами, папками, образцами, рулонами с картами шкафы, стояло много столов, тоже заваленных книгами и бумагами. На столе у пыльцевика Е.А. Мальгиной стоял микроскоп.

За одним из столов сидел заведующий отделом Ю.А. Мещеряков. С обворожительной и немного виноватой улыбкой он сказал, что мне необходимо поехать на две недели на сельскохозяйственные работы (как тогда говорили в «колхоз или совхоз»).

На географическом факультете в колхозы и на стройки нас не посыпали. Не помню как в других группах, но уважающий себя студент-геоморфолог обычно задерживался в поле где-нибудь в Сибири или на Дальнем Востоке на срок от месяца до двух-трех. Некоторые ухитрялись приезжать к началу зимней сессии, результаты которой были в этом случае далеко не блестящи. Оправданием служили справки от начальства экспедиции о нелетной погоде и других природных бедствиях, помешавших студенту вовремя выехать. Так что «колхоз» был для меня делом новым.

На следующее утро одной из самых ранних электричек я приехал в Дмитров, откуда добрался до бригады совхозных овощеводов, растивших капусту и другие овощи на пойме р. Яхромы, протекавшей под уступом Клинско-Дмитровской грязи. Среди ряда больших палаток выделялся навес из досок и брезента, под которым располагалось что-то напоминающее армейскую полевую кухню. Это была столовая, где городских работников должны были кормить. К кухне полагалась кухарка из местных, но она куда-то сбежала и «городские» взяли дело в свои руки. По утрам к нам приезжала бортовая машина и развозила нас по полям.

Но не работа больше всего запомнилась мне, а бригадир нашей институтской бригады. Это был яркий, уникальный, прежде всего по своей физической силе, Виктор Филькин. Он был сотрудником отдела геоморфологии и работал в тесном контакте с Ю.А. Мещеряковым. Как шутили в Институте, а в каждой шутке, как известно, есть доля правды, Витя Филькин был «оруженосцем» Юрия Александровича. О физической силе Вити ходили легенды. Он мог высоко поднять стул за одну ножку. При этом на стуле сидела, повизгивая, какая-либо сотрудница Института: желательно помоложе, посимпатичнее. Витя не оставалсяnochевать в палатке, а уезжал на своем мотоцикле домой, иногда с очаровательной дамой: «Я ее подбрасывал до станции».

По завершении работ, в Москве Витя первым делом организовал членов своей бригады на пропитие заработанных средств. На это мероприятие он пригласил девушки, с которыми мы познакомились в совхозе. Они были из ИГЕМа, института, расположенного рядом с нашим Институтом. Торжественный ужин состоялся в кафе, сохранившемся до сих пор на углу ул. Герцена (сейчас Большая Никитская улица), там, где кинотеатр Повторного фильма. Потом мы сидели на квартире у Андрея, лаборанта нашего Института, жившего неподалеку. На всех были одна или две бутылки дешевого вина, которых за разговорами нам хватило до утра.

Два последующих «колхоза» мы трудились тоже в Яхромском совхозе, но только располагались не на пойме, а наверху, на Клинско-Дмитровской грязи. В эти два раза бригадиром назначили меня. Состав бригад каждый раз был иным. Жили в

На прополке.

большом бараке, где нам была отведена комната с трехэтажными нарами. На верхних нарах разместили вещи и выданное в Институте снаряжение: сапоги, телогрейки, лишние спальные мешки и вкладыши к ним. Под большим навесом на улице стояли длинный стол и лавки. На большой кирпичной печке было удобно готовить. В совхозе можно было дешево покупать молоко и мясо; картошку, капусту и другие овощи брали в поле. Дежурили на кухне по очереди.

В 1967 году я попал в совхоз довольно поздно, в конце-середине октября, после долгого полевого сезона. Работа немного осложнялась тем, что мне приходилось три раза в неделю ездить на репетиции Академического хора МГУ. Предстояли выступления в Югославии и Болгарии. Пропустить такую поездку не хотелось. После обеда я автобусом добирался до Дмитрова и с нотами тех произведений, которые должны были репетировать в тот день, устраивался в полупустом вагоне электрички. Старался, прежде всего, заучить тексты на сербском, болгарском и, что было всего труднее, латинском языках. Утром с первой электричкой успевал к началу работ.

Однажды вечером к нам в барак пришел сильно выпивший комендант барака. Он сказал, что приезжают учащиеся какого-то техникума, часть из которых надо будет поселить в нашей комнате. Я отвечал за институтское оборудование, находившееся в комнате, да и перспектива жить с учениками техникума, не привлекала. Поэтому я возразил коменданту в совсем «не парламентских» выражениях, пообещав убить первого же, кто покусится на нашу территорию. Видимо, такую аргументацию мой оппонент считал достаточной и, никаких «подселенцев» не появилось.

На следующие «совхозы» Институт направляли в другую сторону от Москвы – в Озёры. Весной в овощехранилище, перебирать полусгнившие овощи, летом и осенью в отделение совхоза, находившее в деревне Тарбушево, на берегу Оки, пропалывать бескочечные грядки, убирать урожай. В Тарбушево наши работники проживали в удобном вагончике, разделенном маленькой прихожей-кухней на две половины, в каждой из которых были двухэтажные нары, всего шесть или восемь спальных мест. Этот армейский вагончик где-то достал Слава Басов, бывший тогда заместителем директора по хозяйственной части.

На протяжении довольно долгого времени сельхозработы были обязательной частью институтской жизни. Конкретное их содержание зависело, главным образом, от состава бригады. Одни бригады ехали провести время и работали спустя рукава, тратя все силы на различные развлечения. Цель других был заработка, что было гораздо сложнее; нас старались обсчитать, как правило, не платили за последний день или два, говоря: «... не успели рассчитать, приезжайте на следующей неделе».

И в тех и в других бригадах были свои плюсы и минусы. Поздней осенью, в брезентовом штормовом костюме, надетом на телогрейку, мы шли по полю и большими тяжелыми ножами срубали покрытые снегом капустные кочаны. Кстати, эти ножи было очень удобно метать в любые попадавшиеся по пути деревянные постройки (туалеты, старые сараи и тому подобное). Когда подъезжала бортовая машина, начиналось самое интересное: кидание кочанов в кузов с разного расстояния, кто дальше. При этом нужно было вовремя увертываться от неверно брошенных «спортивных снарядов». Машина наполнялась быстро. Брали квитанцию у водителя. Можно было расслабиться, отдохнуть и обсудить результаты «соревнований».

Ждем попутку.

Когда бригада не рвалась заработать, а летом, на прополке это было практически невозможно, большое внимание уделялось ночным кострам, сбору и засолке грибов, купаниям в Оке. Воскресенья были выходными. Можно было съездить куда-нибудь. Однажды я и Миша Жидков (ныне уважаемый Михаил Петрович Жидков, ст. научный сотрудник ИГРАН) ездили в словно вышедший из прошлого чудесный небольшой городок Зарайск. Объективно говоря, наверняка были и конфликты, плохая погода, но все это почему-то забывается. Остается добавить, что трудились в «колхозе» по две недели, и только однажды я попал в смену, которая отработала три недели.

Работа на овощной базе в Москве была куда скучнее. Эти мероприятия проводились по субботам во второй половине зимы и начале весны. Чаще всего сортировали овощи, иногда разгружали вагоны. Подшефная база находилась на современной площади Гагарина, рядом с окружной железной дорогой. В каждом из отделов составляли график работ, по которому сотрудникам поможе и поздоровее полагалось отработать большее количество дней, чем более солидным или больным. Одно время за этот график отвечал Л.Л. Розанов, очень серьезно относившийся к этому поручению. На базе было грязно. Особенно плохое впечатление производили большие чаны с квашеной капустой, которую месили обутыми в сапоги ногами. У выходивших с базы нередко проверяли сумки, опасаясь за свою продукцию, которая гнила и пропадала и без всякого воровства. Эту базу снесли уже лет двадцать назад, и я о ней совершенно не жалею.

Принцесса Турандот

В конце 60-х годов уже прошлого века наш Институт был известен своей само-деятельностью. Решающую роль в организации играла Мария Петровна Смирнова, официально занимавшаяся цветной фотографией. Ее лаборатория располагалась в комнатке второго этажа, там, где сейчас касса Института. Не знаю, как онаправлялась со своими фотографическими обязанностями, но как у главного режиссера дел у нее было очень много: от привлечения лучших сочинителей и фантазеров к написанию сценария, до поиска исполнителей. Ближе к выступлению она сама обходила отделы и лаборатории или посыпала туда своих доверенных лиц. Артисты собирались к концу рабочего дня на репетицию в зале.

На капустниках обыгрывались главным образом наши институтские темы. Отдавались пародировать даже И.П. Герасимова, что лучше всех удавалось Д.И. Тимофееву. Я участвовал в нескольких капустниках в небольших ролях, например в живых картинах. В них использовались известные литературные сюжеты, название которых предлагалось угадать зрителям. Так я был капитаном Греем из «Алых парусов». Подражая образу, созданному В. Лановым в фильме, перешли из чего-то камзол, сделали круглую морскую шляпу с галуном. Я должен был подойти к сидящей на стуле Ассоль, подать ей руку и увести в «светлое будущее».

Самым запоминающимся был танец маленьких лебедей, проходивший под громкий хохот и бурные аплодисменты зрителей. В балетные пачки были одеты плотные, мускулистые мужчины: Витя Филькин, Слава Басов (тогда бывший помощни-

ком заместителя директора по хозяйственной части) и Виктор Оганесович Таргульян, ныне знаменитый почвовед, тогда простой лаборант. Физиономии их, для усиления воздействия на зрителя, покрывала густая щетина. Номер повторялся в нескольких спектаклях со все возрастающим успехом.

Ставились целые спектакли. Я участвовал в «Принцессе Турандот». Идея ее была явно взята из знаменитого вахтанговского спектакля, но содержание подогнано под нашу институтскую жизнь. Принц Калаф командовал отрядом, посланным в сказочную восточную страну. Остался там без денег и бензина. В бедственном положении очутился в столице государства, которым правил император Альтоум. Подобрал случайно портрет принцессы Турандот и влюбился в нее без памяти. Рискнул просить руки красавицы. Но надо было разгадать три хитрые загадки принцессы. Его даже не смущали головы прежних соискателей, украшавших ограду императорского дворца. Головы эти изображали воздушные шарики с намалеванными на них смешными мордочками.

Принца играл гляциолог Дима Цветков, принцессу Свету Малиновскую, тогда сотрудница отдела геоморфологии. Потом она перешла в Институт физики Земли. У меня вместе с почвоведом Сашей Куликовым (сейчас он живет и работает в Болгарии) были крошечные роли императорских стражей. Вооруженные деревянными алебардами, одетые в какие-то немыслимые мундиры мы держали под арестом принца. Мудрецов из Дивана очень смешно изображали несколько уважаемых докторов наук, одетых в банальные халаты. Каждому мудрецу была приkleена мочальная борода. Из полотенец сделали тюрбаны.

В начале и конце спектакля вся труппа исполняла на расческах марш из спектакля. Декорациями служили ширмы с изображением драконов. Знакомый по театру Вахтангова сюжет был приближен к нашей академической институтской действительности. По ходу действия то и дело упоминались всем известные, но немного переиначенные фамилии. Например, в одной из телеграмм Калафа о своем бедственном положении была фраза «душит rashka». Зрители тут же находили сходство этих слов с фамилией одной из самых уважаемых и старейших сотрудниц Института, доктора наук Н.В. Думитрашко. Загадка коварной Турандот «ни окон, ни дверей, полна горница людей» правильно разгадывалась как библиотека Института.

Спектакли выдержали не одно представление: сначала в родных стенах, затем в соседних институтах. Перед каждым всю труппу охватывало сильное волнение,

Принцесса (С. Малиновская) и ее отец император Альтоум (О.Р. Назаревский).

вплоть до полного забытия, казалось бы, уже вызубренного текста. Поэтому каждому выдавались по сто граммов коньяку, а за ширмами сажали суфлера, который, в свою очередь, тоже волновался и все путал.

Мои артистические успехи закончились в 1969 году, в связи с призывом в армию. По возвращении спектакли уже заканчивались. В этом не последнюю роль сыграло расселение большей части отделов Института из главного здания в Старомонетном переулке в подвалы, разбросанные по всей Москве. Собирать людей на репетиции стало непросто.

Кадаши, Хвосты и борьба за дисциплину

Геоморфологи попали в большой подвал в одном из Кадашевских переулков. Несколько комнат, просторный зал, казалось, что могло бы быть лучше. Да еще рядом Третьяковская галерея. К сожалению, имелся один, но крупный недостаток. Одна из стен подвала отделяла нас от Кадашевских бань. Стена постоянно «потела». Влажность и духота временами превышали всякие нормы.

В 1973 году инициативная группа сотрудников отдела, среди которых главную роль играли бывшая тогда профоргом Е.А. Финько (позже она перешла в отдел картографии) и Т.П. Грязнова (сейчас инженер по технике безопасности Института) нашли маленький одноэтажный особняк в 1-м Хвостовом переулке, который должны были перевести в разряд нежилых помещений. В этом домике мы находимся до настоящего времени. Здесь до революции жил директор располагавшейся неподалеку женской гимназии. Потом в нем была коммуналка, расселить которую было непросто. При ремонте под обоями обнаружили газеты первого десятилетия XX века. Весь особняк для нашего отдела был слишком велик и половину его занял отдел палеогеографии, ныне лаборатория эволюционной географии. Он переместился из подвала в приарбатском переулке Аксакова, ныне Филипповский переулок. С палеогеографами геоморфологи до 1971 года составляли единый отдел.

Теперь немного о борьбе за дисциплину, которую всякая уважающая себя дирекция обычно ведет с собственными сотрудниками. Я не застал те легендарные времена, когда с каждого сотрудника по субботам (работали тогда 6 дней в неделю) требовали отчет о проделанной работе за неделю. Думаю, что самое трудное в подобном отчете – это научные выводы, получить которые и за гораздо больший срок не всегда возможно. Я только слышал истории о том, как представители дирекции разъезжали по домам, проверяя, сидит ли там заболевший сотрудник, или, игнорируя бюллетень, где-то шляется.

Но я еще застал довольно частые, но нерегулярные (чтобы не успели подготовиться) проверки. Чаще всего целая делегация представителей дирекции, парткома и профкома приходила к началу рабочего дня. В каждом подразделении имелась особо сберегаемая конторская книга с заранее пронумерованными страницами: «Табель учета посещаемости». Ее в народе прозвали «Уходником». Сотрудникам часто было необходимо с утра попасть на склад, съездить на академическую автобазу для подготовки к выезду в экспедицию, подписать разнообразные документы, побывать в академическом издательстве, получить книги в библиотеке или просто

просмотреть новую научную литературу, поработать с картами в спецчасти Института. Все это, с указанием часа убытия и прибытия надо было отметить в «Уходнике», где каждая запись должна была быть заверена подписью начальника или учебного секретаря отдела. Если ты видел в окно или слышал, что по коридору идет комиссия, то лихорадочно старался записать опоздавших или забывших отметить в грозной книге. Изображал руководящую подпись довольно похоже, что я могу объяснить только повышенным чувством ответственности за дисциплину, постоянной практикой и надеждой, что, в свою очередь, спасаемый тобою поможет в трудный час и тебе.

О соцсоревновании

Подведение итогов социалистического соревнования за прошедший год, выявление лучших отделов Института было одним из «любимых» занятий прежних лет. Как профоргу отдела мне несколько раз пришлось участвовать в нем.

Длилось подведение не менее месяца, состояло из нескольких этапов и сопровождалось отчаянными спорами и закулисными интригами. Прежде всего, создавалась специальная институтская комиссия. Брались правила прежних лет и перерабатывались «в духе времени». Составлялись многостраничные таблицы. В них каждый отдел должен был внести свои достижения – от количества и объема статей, монографий и другой печатной продукции до числа человеко-выходов на подшефную овощебазу. Подтасовка фактов в сторону преувеличения исключалась из-за повышенного внимания конкурентов.

Каждое достижение надо было умножить на специальный коэффициент. Вот эти-то коэффициенты менялись каждый год и были объектом постоянной критики и даже злых насмешек. Благодаря тщательно подобранным коэффициентам иногда получалось, что один доклад на международном конгрессе значил больше, чем научная монография. При этом о научной ценности того и другого и речи не было.

Заседания по поводу составления таблиц сменялись, в конце концов, спорами о местах, занятых отделами. После вынесения решения комиссией результаты предоставлялись директору; за ним оставалось решающее слово. Нередко директор, несмотря на решение комиссии, оценивал подразделения Института, используя свои, неведомые нам критерии. Надо признать, что при всех недостатках системы подведения итогов соцсоревнования в первой тройке всегда оказывались отделы, завершившие крупные научные проекты – серию монографий, большую уникальную карту и тому подобное.

Нашему отделу геоморфологии несколько раз удавалось занимать призовые, и даже первые места. Полученную премию обычно тратили на коллективную поездку, например в какой-то из городов «Золотого Кольца»: Сузdalь, Ярославль и другие.

* * *

С началом 1990-х годов общественная жизнь Института, как и всей страны, изменилась. Не стало ни поездок в «колхоз», ни соцсоревнований. Молодым коллегам они, скорее всего, должны казаться не просто анахронизмом, а нелепостью,

причем вредной. В целом это верно. Но важно другое. Эти нелепости в среде академического института (во всяком случае, нашего) обретали, так сказать, «человеческое лицо». И они, и капустники сближали людей, подобно тому, как это обычно бывает в наших экспедициях.

В.М. Котляков

Отдел гляциологии: первые годы

Пока мы были в Антарктиде¹, произошли важные события. В 1957 г. начался Международный геофизический год, и для проведения исследований на ледниках по программе МГГ в Институте географии был создан новый отдел – отдел гляциологии.

Естественно, и мы со Свенельдом Евтеевым стали его сотрудниками. Международный геофизический год продолжался с 1 июля 1957 г. по 31 декабря 1958 г., а в течение 1959 года исследования МГГ были продолжены как Международное геофизическое сотрудничество. В это время комплексными исследованиями был охванен весь земной шар – от Северного полюса до Южного, включая Мировой океан, атмосферу, ионосферу и литосферу.

В СССР стационарные гляциологические наблюдения проводились на Земле Франца-Иосифа, Новой Земле, Полярном Урале, Эльбрусе, ледниках Федченко на Памире, Карабатак на Тянь-Шане, Центральный Туксуз в Заилийском Алатау, Актру на Алтае, в горах Сунтар-Хаята, в Хибинах и под Москвой – в Загорске. В Антарктиде гляциологические работы выполнялись на советских станциях Мирный, Пионерская, Восток-1, Комсомольская, Восток и Советская. Международный геофизический год сыграл решающую роль в становлении советской гляциологии, в превращении ее из узкой академической отрасли науки в широкую науку геофизического профиля, соединенную многими цепочками связей с науками о верхней атмосфере, океане и «твердой земле».

Институт географии АН СССР организовал три полевых станции, работавших в течение двух лет в полярных условиях: на Земле Франца-Иосифа, Новой Земле и Полярном Урале. На Землю Франца-Иосифа в составе экспедиции отправились мои сокурсники – Миша Гросвальд, Саша Кренке, Володя Суходровский, а на Новую Землю – мой «крестный папа» Женя Зингер. Два года этой зимовки оказались особенно сложными. Экспедиция работала в районе залива Русская Гавань на баренцевоморском побережье, как раз напротив места нашей зимовки 1955/56 г. на леднике Розе. Наблюдения вели на крупном выводном леднике Шокальского и примыкающей к нему части Новоземельского ледникового щита. Еще во время Второго МПГ (1932–1933 гг.) здесь работала экспедиция М.М. Ермолаева, и теперь предстояло выявить изменения, произошедшие с ледниками за четверть века.

---

¹ См. очерк Котляков В.М. «Мои первые шаги в Институте географии».

Детальные исследования продолжались более двух лет. Ребята ходили в маршруты, рыли шурфы, а по соседству в это время военные готовились к испытаниям ядерного оружия. Первая бомба была взорвана на Северном острове Новой Земли 7 сентября 1957 г. Зимовщики со страхом провожали глазами рыжевато-красновато-белое облако, проплывавшее мимо на горизонте и по счастью не задевшее станции. Ядерные взрывы продолжались на Новой Земле и осенью 1958 г., что, конечно, нервировало ребят. Но научную программу надо было выполнять, и члены экспедиции регулярно ходили в маршруты.

А летом 1958 г. только что организованный отдел гляциологии потрясло пришедшее с Новой Земли трагическое известие. Сотрудник экспедиции Олег Яблонский отправился в обычный научный маршрут по леднику, но ушел один, тем самым нарушив основную заповедь работы на ледниках. Он шел по известному всем пути, где, казалось бы, был исхожен каждый метр льда. Трещины оставались сбоку, что делало дорогу безопасной. Но на ледниках десятки разных препятствий подстерегают человека. Так было и на этот раз. Бурное таяние ледника вызвало к жизни стремительные потоки воды, которые на плоских участках превратили поверхность в «снежные болота». Одно такое болото встретилось на пути Олега, ему пришлось обойти опасный участок, но осталось главное русло ручья, заполненное быстро несущейся снежно-водяной «кашней». Один неверный шаг, и Олег оказался в густом как кисель потоке. И некому было подать руку помощи...

А 15 июля 1968 г. не вернулся из снегомерного маршрута по леднику Гергети на Кавказе сотрудник нашей экспедиции Борис Кутний. Хороший альпинист, он, видно, понадеялся на свое умение ходить по ледникам и тоже отправился в маршрут в одиночку. Лишь к вечеру следующего дня его обнаружили глубоко в трещине, но было уже поздно. На леднике отпечатались его шаги сбоку от тропы. Зачем он сошел с нее? И почему был один? Увы, на эти вопросы уже некому было ответить.

По окончании зимовок отдел гляциологии Института стал быстро расти; не большая комната, выделенная в доме в Старомонетном переулке, уже не вмещала и малой части сотрудников отдела. Пришлось срочно искать помещение, и вскоре мы его обрели в подвале кооперативного дома на Ленинском проспекте, как раз напротив здания Президиума Академии наук. Именно в этом доме жил организатор и первый руководитель отдела, наш всеобщий любимец Г.А. Авсюк.

Начиная с 1937 г. деятельность Г.А. Авсюка неразрывно связана с Институтом географии АН СССР. В первые послевоенные годы он изучал геоморфологию Тянь-Шаня и составил геоморфологическую карту горных районов Юго-Восточного Казахстана в масштабе 1:1 000 000. Григорий Александрович стал инициатором и создателем первого горного стационара в нашей стране – Тянь-Шаньской высокогорной физико-географической станции. Много сил отдала станции и жена Авсюка Маргарита Ивановна Иверонова, снеговед; она тоже там много раз зимовала. Авсюк возглавил работы на этой станции и сам вел наблюдения на ледниках хр. Терской Ала-Тоо вплоть до 1951 г., когда станцию передали во вновь образованную Академию наук Киргизской ССР. Уже тогда стало очевидным, что ум и сердце учёного принадлежат гляциологии, любовь к которой он сохранял всю свою жизнь. Он проводит новаторские по методике исследования горных ледников Тянь-Шаня, ищет черты сходства и различий в ледниках плоских вершин Терской Ала-Тоо и ледни-

Первые шурфы.

Первые маршруты.

ковых куполах Земли Франца-Иосифа, отправляется в Антарктиду, чтобы понять природу древних оледенений умеренных широт.

Исследованиями на тянь-шаньских ледниках плоских вершин Г.А. Авсюк установил, что питание холодных горных ледников может происходить не только путем накопления фирна, но и в результате поверхностного замерзания талой воды, т.е. за счет наложенного льда. По существу, это было географическое открытие, сделанное в 1947 г. Авсюком независимо от пришедших в те же годы к подобному выводу П.А. Шумского на основе исследований на ледниках Земли Франца-Иосифа, шведского географа В. Шютта по работам на ледниках Лапландии и швейцарского гляциолога Ф. Мюллера по исследованиям на ледниках Канадского Арктического архипелага. Так в системе гляциологической зональности была открыта зона ледяного питания, широко распространенная на ледниках Арктики и внутриконтинентальных гор.

Все мы относились к Григорию Александровичу с любовью, глубоким почтением и уважением, а многие просто боготворили его. Мягкий и доброжелательный, он создавал дух сердечности и товарищества как в личных, так и в деловых отношениях, и это, безусловно, было одной из причин единства и плодотворности советской школы гляциологии.

Григорий Александрович происходил из старых русских интеллигентов, которые всегда заботились о своей чести и достоинстве своих соратников. Его отец, «старорежимный» военный, уже будучи глубоким стариком, застал первые поездки Григория Александровича в 1950-х годах за границу в связи с организацией Международного геофизического года. В те времена оформить документы для поездки за рубеж было далеко не просто. Глядя на суetu и хлопоты сына, оформляющего загранпаспорт, старики назидательно сказали: «Что ты, Гриша, все суешься? Поди, дай дворнику рубль, он тебе враз исправит паспорт».

Собственно, подвал, в котором размещался отдел, представлял собой бомбоубежище: несколько глубоко расположенных проходных комнат, совершенно изолированных от внешнего мира, с мощной принудительной вентиляцией. Но никто на это не обращал внимания. Каждое утро комнаты заполнялись молодежью, которая с энтузиазмом занималась обработкой полученных с таким трудом материалов, горячо обсуждала результаты и строила новые, далеко идущие планы. Трижды в неделю работал кружок по изучению английского языка – все понимали, что скоро этот язык будет совершенно необходим и для собственной работы, и для неизбежного роста связей с гляциологами всего мира.

Отдел гляциологии стал самым крупным и самым молодежным в Институте. Его костяк составляли недавно окончившие географический факультет Московского университета. Средний возраст научных сотрудников отдела в конце МГГ – в 1959 г. – был 32 года. Очень скоро был организован постоянно действующий научный семинар, на котором еженедельно собиралась вся научная молодежь отдела. Каждый старался рассказать своим товарищам о только что полученных результатах, поделиться своими соображениями. И пускай эти доклады подчас содержали не проверенные еще гипотезы или были ошибочны в каких-либо исходных предположениях – они все равно приносили пользу общему делу, потому что всегда верен старый как мир афоризм, говорящий о том, что в споре рождается истина. Многие подумывали о диссертациях, ведь в то время в отделе были лишь единицы специалистов с ученою степенью.

Спустя несколько лет появилась возможность послать нашего сотрудника в Париж для работы в ЮНЕСКО. Г.А. Авсюк пришел за советом ко мне. Я сразу отвел свою кандидатуру и предложил С. Евтеева, полагая, что ему гораздо больше по душе подобная деятельность. Так и оказалось; вскоре Свенельд уехал в Париж и стал на всю жизнь международным чиновником от науки, дослужившись до заместителя директора ЮНЕП.

Благодаря Г.А. Авсюку отдел имел тесные связи с Академией наук и через Институт, и помимо него. Атмосфера в отделе, несмотря на его молодость, была вполне академичной, и мы строго следовали второму параграфу устава Императорской Санкт-Петербургской академии наук, гласящему:

«§2. Обязанности Академии Наук относятся вообще к следующим главнейшим предметам:

а) Она старается расширить пределы всякого рода полезных человечеству знаний, совершенствуя и обогащая оные новыми открытиями.

б) Она имеет попечение о распространении просвещения и о направлении оного ко благу общему.

в) Она старается приспособлять полезные теории и следствия опытов и ученых наблюдений к практическому употреблению».

А планируя новые исследования, мы помнили о соответствующем указе Петра Первого: «...Всем чинам, на службе состоящим, а также мануфактур-советникам и прочим важных ремесловых заведений персонам напомнить надлежит. Все прожекты зело исправны быть должны, дабы казну зрячно не разорять и отечеству ущерба не чинить. А кто прожекты станет абы как ляпать, того чина лицу и кнутом драть велю...»

И хотя отдел занимал особое положение в Институте, и территориально и тематически, все мы активно участвовали в жизни Института географии АН СССР. В ту пору, когда основную массу Института составляли младшие научные сотрудники и лаборанты, работал совет молодых ученых и регулярно проводились молодежные конференции. И было популярнейшее мероприятие – поездки «по меридиану».

Такие поездки представляли собой путешествия 15–20 молодых научных сотрудников Института на автомашине к югу от Москвы с посещением разнообразных природных зон и ландшафтов. Это были своеобразные курсы повышения квалификации, которыми руководил уже не молодой Г.Д. Рихтер, а главным «командором» поездок был Е.М. Зингер. В экспедициях участвовали представители разных географических специальностей, включая гляциологов. Казалось бы, прямого научного выхода из этих поездок не было, но все участники, многие из которых стали докторами наук, говорили о несомненной их пользе именно для последовавших затем научных изысканий. Это подтверждало мысль, высказанную академиком А.Б. Мигдалом: «Научный работник не должен задаваться целью сделать открытие, его задача – глубокое и всестороннее исследование интересующей его области науки. Открытие возникает только как побочный продукт этого исследования».

В эти первые годы становления отдела я сблизился с Альбертом Бажевым, который вскоре стал моим помощником во многих делах. Его научные исследования были посвящены внутреннему массообмену и строению ледников. Он разработал концепцию о внутреннем инфильтрационном питании ледников и создал целую систему методов его измерений и расчетов.

Альберт Бесланович был прирожденным полевиком-исследователем. Зимовки и стационары, маршруты и ледовые лаборатории, чрезвычайно трудоемкие и высокоточные наблюдения в фирновых областях ледников разных районов – на Новой Земле, Кавказе, в Антарктиде, на Памире, Тянь-Шане – ему все было подвластно. Даже в самых тяжелых, иногда критических ситуациях его надежность и спокойствие обеспечивали успех для всех.

Хотя Альберт Бесланович прожил 45 лет в Москве, Кавказ оставался для него родной землей. Поэтому он многие годы работал на Эльбрусе, Марухском леднике, а в 1978 г. взялся организовать Северо-Кавказскую научную станцию Института географии и возглавил на долгие годы большой коллектив Кавказской комплексной экспедиции.

А в середине 60-х годов, после завершения обработки новоземельских материалов, Альберт Бажев начал свои многолетние исследования на Памире. Двумя годами раньше, в 1963 г. произошла знаменитая подвижка ледника Медвежьего на Центральном Памире, с которой, собственно, начались мировые исследования пульсирующих ледников. Летом 1963 г. в этот район выехала группа наших ученых во главе с Л.Д. Долгушиным, который впоследствии много лет работал на этом леднике и сумел предсказать его следующую подвижку, случившуюся через десять лет. А. Бажев летом 1965 г. провел сложные наблюдения в области питания ледника Медвежьего, благодаря чему стал ясен режим этого ледника, и возникло понимание причин его внезапных подвижек. Здесь же он проводил эксперименты по искусственному зачернению ледника.

В 1965 г. была организована Шпицбергенская экспедиция – вновь гляциологи отправились в Арктику, на этот раз на норвежский архипелаг. В руках исследователей теперь было более совершенное оборудование, что позволило не только провести традиционные измерения режима ледников, но и отобрать керн из ледниковой скважины, пробуренной до коренного ложа на глубине 213 м. Этот керн был использован для изотопно-геохимических анализов, выполненных в Москве и Таллинне. В отделе была разработана радиоаппаратура с непрерывной фотoreегистрацией отраженных сигналов от поверхности ледника и его ложа, что дало возможность провести радиозондирование ледников с вертолета. Шпицбергенская экспедиция, продолжавшаяся три полевых сезона, оказалась очень плодотворной: на базе этих исследований была опубликована большая книга об оледенении архипелага. Полевые работы отдела на Шпицбергене были возобновлены в начале 70-х годов и практически не прекращаются до сих пор.

К 1964 г., когда были построены первые жилые кварталы в Новых Черемушках, отдел получил новое помещение – несколько квартир в цокольном этаже жилых домов. Мы радовались дневному свету, свежему воздуху, зелени деревьев, видимых из окон, и по первости не замечали крашеных бетонных стен и низких потолков. Но вот когда В. Брумель совершил рекордный прыжок на высоту 232 см и мы попытались отметить эту высоту на стене в нашей комнате, стены не хватило – потолок оказался ниже.

Атласы. Школа сопровождения

Н.Н. Дрейер, В.М. Котляков

Атлас снежно-ледовых ресурсов мира

Быстро возрастающий во второй половине XX в. объем гляциологической информации со всей остротой поставил вопрос о ее хранении и доступности специалистам смежных областей науки и практики. Во многих науках сейчас стоит вопрос, как хранить все возрастающий объем информации и не просто хранить, но и сделать его доступным для широкого круга пользователей. Вопрос о хранении данных неизбежно заставляет задуматься о сжатии информации и ее систематизации. Здесь есть два взаимно дополняющих пути: использование электронных носителей информации и картографическая интерпретация данных, т.е. применительно к гляциологии – картографирование всех нивально-гляциальных объектов и явлений по единому плану в атласе.

Советский Союз имел самый большой в мире опыт по картографической оценке природной среды. Примером тому служат созданный в Институте географии АН СССР Физико-географический атлас мира (1964), а также Атлас Антарктики (1966), Атлас Арктики (1985), Атлас океанов, региональные атласы. В этой статье речь пойдет об уникальном проекте создания Атласа снежно-ледовых ресурсов мира.

Прошло уже более десяти лет с момента его выхода в свет. Цель создания этого Атласа заключалась в глобальной оценке запасов снега и льда, характеристике их режима, изменчивости и возможностей использования. С его структурой и картами ныне знакомятся все, кто интересуется снежным покровом, ледниками, снежными лавинами, морскими, речными и подземными льдами. Но даже самые общие сведения позволяют представить, какой колоссальный объем информации включен в это произведение и как много труда вложено в его создание.

В Атласе на 400 страницах помещено более тысячи карт. Он состоит из 17 тематических разделов, а масштабный ряд его карт имеет широчайший диапазон: от мелкомасштабных карт земного шара 1:90 000 000 и 1:60 000 000 до карт отдельных ледников в масштабах от 1:250 000 до 1:25 000.

Идея создания такого Атласа зародилась у В.М. Котлякова в начале 1960-х годов. Это идея не гляциологического, а по существу, общегеографического атласа, каким он практически и стал. Наша уверенность в нужности и возможности его создания как-то очень быстро передалась сотрудникам отдела гляциологии, а потом и всем гляциологам Советского Союза. Это было потрясающее время – 1970–80-е, когда почти 300 человек одновременно и согласованно работали по единой программе.

Первое предложение о создании Атласа снежно-ледовых ресурсов мира было высказано В.М. Котляковым от имени Секции гляциологии на расширенном заседании Межведомственного комитета 25 октября 1973 г. Международная комиссия снега и льда 29 марта 1974 г. поддержала идею создания такого атласа в СССР,

а Межправительственный совет по Международной гидрологической программе ЮНЕСКО в 1975 г. включил его составление в эту программу. Наконец, 2 октября 1975 г. Секция наук о Земле Президиума АН СССР приняла решение о начале работ по созданию такого Атласа.

Атлас снежно-ледовых ресурсов мира, а таким стал этот проект после первых месяцев обсуждения его идеи, должен был составить общирное картографическое произведение, в котором по единой программе будут показаны особенности природы и процессов во всех районах Земли, где постоянно или временно существуют снега и льды. Идея увлекла многих гляциологов, гидрологов, климатологов, и вскоре эти работы стали самым крупным гляциологическим проектом в СССР. Можно смело утверждать, что подобных работ не было во всем мире.

Первые два года (с октября 1973 по октябрь 1975 г.) в отделе гляциологии Института географии АН СССР велись большие подготовительные работы, чтобы как можно более убедительно и наглядно представить содержание и значимость предлагаемого проекта. Получив «добро» Академии наук СССР и заручившись международной поддержкой, мы приступили к организации работ над проектом: формированию редакционной коллегии и созданию авторского коллектива.

Когда Атлас был уже издан, трудно поверить, что удалось почти все задуманное изначально. Среди многих условий успеха главных, пожалуй, два. Во-первых, вековые традиции российской школы географических атласов, а во-вторых, централизация науки в советское время, когда тематика институтов формировалась сверху. Это не требовало дополнительного финансирования, работа выполнялась, как говорили тогда, «в плановом порядке». Именно такая организация дела позволила привлечь к Атласу до 30 научных учреждений, однако главный успех был обеспечен энтузиазмом самих участников работ, прокладывавших новые пути в науке.

В создании Атласа приняли участие институты Академии наук СССР и союзных республик, Министерства высшего и среднего специального образования, Госкомитета СССР по гидрометеорологии и контролю окружающей среды, Министерства путей сообщения СССР, Госстроя СССР и учреждения Главного управления геодезии и картографии при Совете Министров СССР. В списке авторов карт Атласа оказалось 240 фамилий. Некоторые авторы составили по одной–две карты, другие – серии из десяти и более карт.

В 1975 г. была сформирована Редколлегия Атласа, состоящая из бюро (ответственный и главный редакторы, их заместители, ученый секретарь редколлегии), членов редколлегии, редакторов разделов и кураторов регионов – всего 40 человек. Этот состав редколлегии был утвержден 2 октября 1975 г. вице-президентом АН СССР академиком А.П. Виноградовым. Ответственным редактором стал Г.А. Авсяк, его заместителями тогдашние руководители Главного управления геодезии и картографии И.А. Кутузов и Гидрометеослужбы СССР В.И. Корзун. Главным редактором назначили В.М. Котлякова, его заместителем стала В.И. Кравцова из МГУ, а ученым секретарем – Н.Н. Дрейер. В заседаниях Редколлегии принимали участие академик И.П. Герасимов, профессора К.А. Салищев, П.А. Шумский, О.А. Дроздов и др.

В самом начале работ совместно с Главным управлением геодезии и картографии был составлен очень важный и необходимый документ – «Положение об Атласе снежно-ледовых ресурсов мира». В нем были сформулированы задачи, права и

Объявлена всеобщая мобилизация.

лей, поэтому выплата авторских гонораров не производится». Особено внимательно относился к этому пункту ГУГК, которое имело опыт издания картографических произведений, рожденных вне этого ведомства.

Огромную роль на всех этапах создания Атласа играла Секция гляциологии и ее печатный орган «Материалы гляциологических исследований». Секция гляциологии была создана по решению Советского геофизического комитета в 1960 г. Ее первым председателем был Г.А. Авсяк, а ученым секретарем В.М. Котляков. Основной целью работы Секции было объединение разобщенных энтузиастов гляциологии в ассоциацию профессионалов своей науки. Для достижения этой непростой цели Секция регулярно проводила научные симпозиумы и конференции. Начиная с 1962 г., каждые три, а затем каждые четыре года в разных городах Советского Союза проходили всесоюзные гляциологические симпозиумы, собиравшие до 200 и более участников. Кроме того ежегодно проводились совещания и школы-семинары, на которых присутствовало до ста человек. Эта система встреч позволила на неофициальной основе объединить усилия разных творческих коллективов, проводить дискуссии во время полевых экспедиций, поддержать создание гляциологических ячеек в ряде союзных республик, помочь становлению молодежи.

С 1961 г. Секция гляциологии стала издавать серию «Материалы гляциологических исследований. Хроника, обсуждения». По существу это был академи-

обязанности Редакционной коллегии Атласа в целом, бюро и членов Редколлегии, очерчен круг вопросов, рассматриваемых на заседаниях Редколлегии, четко определены задачи и порядок работы авторов, редакторов и рецензентов карт, очерчена деятельность учреждений, участвующих в составлении Атласа. Позднее к «Положению» был добавлен документ «Порядок подготовки и контроля авторской документации по картам Атласа снежно-ледовых ресурсов мира», где определялась очередность подготовки редакционных и авторских документов и основные требования к ним.

Заметим, что кроме научно-организационного значения «Положение об Атласе снежно-ледовых ресурсов мира» имело важный юридический смысл. В нем был пункт 7.1: «Все работы по составлению, рецензированию и редактированию карт Атласа выполняются в плановом порядке за счет средств учреждений-исполните-

ческий журнал по гляциологии, статус которого он обрел через 50 лет, в 2010 г. Однако и без официального статуса «Материалы гляциологических исследований» получили широкую известность во всем мире. А в Советском Союзе это издание служило сплочению специалистов, занимавшихся проблемами снежного покрова, ледниками, мерзлотными процессами и близких отраслей науки. Все они были хорошо известны друг другу, успешно работали в совместных проектах и регулярно общались. Все это облегчало и упрощало создание авторского коллектива Атласа, создавало «базу» для широкого общения во время ежегодных совещаний Секции гляциологии, позволяло регулярно освещать ход работ по Атласу и научные вопросы его составления. С этой целью в «Материалах гляциологических исследований» был открыт специальный раздел «К созданию Атласа снежно-ледовых ресурсов мира».

Заседания Редколлегии Атласа в период становления проекта проходили два раза в год, а на этапе авторской и составительской работы большее значение приобрели рабочие совещания и семинары, а Редколлегия собиралась один раз в год. На завершающем этапе авторских работ заседания Редколлегии снова проводились дважды в год в виде трехдневных сессий, на которых утверждались к публикации карты Атласа. Официальным заседаниям предшествовали двух–трехдневные совещания, на которых редакторы разделов и кураторы регионов детально рассматривали представленные на утверждение карты, сопровождающие их графические материалы и необходимую документацию. Квалифицированный просмотр подготовленных материалов был весьма ответственным процессом и растянулся более чем на год.

Рабочие совещания по Атласу проходили обычно зимой в академическом пансионате Мозжинка под Звенигородом или в каком-либо ином недорогом подмосковном доме отдыха. Нередко обстановка была спартанская, но кто на это обращал внимание! Цельми днями заседали группы специалистов, картографы искали пути лучшего воплощения идей, приходивших в головы ученых, возникали жаркие споры и у доски, и в столовой, и в уголках коридоров. А по вечерам собирались вместе, чтобы попеть и потанцевать, но и тут можно было увидеть в углах зала спорящих и рассуждающих людей. Счастливое время!

В 1985 г. утвержденные на Редколлегии материалы проходили просмотр в учреждениях Госкомгидромета, Военном топографическом управлении и в ПКО «Картография» ГУГК. Издание Атласа заняло довольно много времени, так как пришлось на конец 1980-х – начало 90-х годов – трудное время для страны. В поисках места для его публикации Отдел наук о воде ЮНЕСКО командировал главного редактора Атласа В.М. Котлякова в Кембридж для переговоров в Cambridge University Press. Однако, увидев характер, многообразие представленных для публикации материалов, главный редактор издательства по естественной литературе признался, что в Кембридже напечатать Атлас невозможно – слишком сложная и дорогая работа. И посоветовал поискать место для публикации на территории бывшего Советского Союза.

Поэтому ГУГК принял решение передать атлас для издания в Киевское научно-редакционное картосоставительское предприятие. Там была проведена подготовительная работа к изданию, но по соображениям технической оснащенности и большого опыта издания крупных картографических произведений публикация Атласа

была выполнена на лучшей в советское время картфабрике в Минске. Получить деньги на издание было очень не просто. И мы должны высказать огромную благодарность Российской академии наук, которая все эти годы находила нужные нам средства, и с небольшим запозданием, к 1997 г. Атлас был издан. Нельзя не отметить с некоторой ностальгической грустью, как относительно просто (но не легко) шло наше сотрудничество с картпредприятиями тогда уже самостоятельных государств – Белоруссии и Украины.

Главная идеиная основа Атласа была разработана В.М. Котляковым, А.Н. Кренке и М.Г. Гросвальдом. В основу многих карт, создававшихся впервые, легла концепция нивально-гляциальных систем и полей их характеристик, развернутая в статьях В.М. Котлякова и А.Н. Кренке, и представления М.Г. Гросвальда о широком развитии ледниковых покровов в позднем плейстоцене, в том числе его идея об обширном ледниковом щите, сковавшем в те времена Северный Ледовитый океан.

При составлении карт были использованы кадастровые материалы: каталоги, справочники, ежегодники, материалы режимных наблюдений по международным программам, сведения о колебании ледников Всемирной службы мониторинга ледников. Для малоизученных областей, таких, например, как Южная Америка и Центральная Азия, использовалась космическая информация. Так, в программу подготовки космонавтов тех лет ввели краткий курс гляциологии, а опытные наблюдения космонавтов проводились под руководством гляциологов на Памире с борта вертолета. Полученные космонавтами знания были применены во время их полетов на советских спутниках и орбитальных станциях. Пик гляциологических наблюдений пришелся на период работы орбитальной станции «Салют-6» с космонавтами Юрием Романенко и Георгием Гречко. Они сообщали с орбиты: «Ледники видны отлично. На фоне буро-красной поверхности они кажутся белыми шапками, надетыми на горные исполины...»

Одна из основных трудностей при составлении карт заключалась в том, что работы по всем тематическим разделам пришлось начинать одновременно, хотя их логическая взаимозависимость диктовала определенную последовательность. Однако это сильно удлинило бы работу над Атласом. Поскольку коллектив привлеченных специалистов был велик и разнообразен, большую роль приобретала координация взаимодействия всех участников работ. Она велась по нескольким направлениям: были составлены согласованные и взаимоувязанные планы; проводились рабочие совещания и семинары для обсуждения методических и других вопросов; авторы смежных разделов обменивались текущими результатами работ.

Большинство территорий, освещаемых в Атласе, находятся в высокогорье и полярных широтах, где научных станций совсем немного и экспедиционных наблюдений недостаточно. Поэтому в процессе составления Атласа был создан ряд расчетных методов для получения режимных параметров, характеризующих природу малоизученных горно-ледниковых районов. В основу таких разработок положена уже упомянутая концепция нивально-гляциальных систем и их полей.

Летом 1977 г. большая часть членов Редколлегии Атласа совершила поездку на Памир, преследовавшую цель апробировать на природе методические указания по составлению Атласа. Около 25 человек – ведущих составителей Атласа – в течение месяца проехали по Памирскому тракту, проводя наблюдения в ключевых местах:

Снежно-ледовый атлас издан!

в Алайской долине и у пика Ленина, на оз. Каракуль и в долине р. Акбайтал.

С использованием разработанных методов впервые были построены карты осадков, температурных условий, стока в высокогорье. На картах разных масштабов впервые удалось представить сведения о твердых осадках: их абсолютное и относительное количество, интенсивность и продолжительность выпадения, высотную изменчивость, длительность периода с осадками разных видов – твердых, жидких и смешанных.

Впервые составлены карты климатических характеристик, имеющих первостепенное значение для существования снега и льда: продолжительности теплого периода, средней летней температуры воздуха, суммы положительных значений температуры воздуха, карты полей средней летней температуры воздуха на высоте границы питания ледников и др.

Многие из указанных на картах характеристик генетически связаны между собой. На основе выявленных генетических связей удалось провести согласование карт, что повысило их достоверность.

При создании Атласа параллельно велись теоретические, методические и картографические исследования. Атлас не только отобразил уже известные и изученные явления, но и сам стал инструментом для новых научных разработок. Совместный анализ карт Атласа позволил не только качественно, но в ряде случаев количественно оценить значение снежно-ледовых ресурсов в географической оболочке Земли на всех уровнях: от речных бассейнов до системы атмосфера – океан – суша – оледенение.

Так, анализ климатических карт Атласа позволил выявить основные глобальные закономерности распределения термических характеристик горно-ледниковых

стран в целом и нивально-гляциального пояса в частности. Оказалось, что термические условия в нивально-гляциальном поясе гор определяются его высотным положением в большей степени, чем температурным фоном конкретного горного региона. Установлена четкая зависимость снежности от процессов атмосферной циркуляции: и в Северном и в Южном полушариях снежность возрастает при меридиональной циркуляции, а уменьшается при зональной. Удалось подсчитать, что затраты тепла на таяние снежного покрова втрое замедляют прогрев атмосферы.

Атлас снежно-ледовых ресурсов стал, по-видимому, одним из последних географических атласов, созданных в классической манере. На смену идут электронное картографирование и компьютерное составление карт, кардинально меняющие облик и содержание географических атласов. Но предложенные в процессе работы над Атласом методы расчетов и построения карт в условиях недостатка исходной информации не потеряют своего значения долгие годы. Поэтому, наряду с завершением составительских работ, по решению Редколлегии была подготовлена «Программа и методические основы составления Атласа снежно-ледовых ресурсов мира», опубликованная в 1992 г. в специальном выпуске «Материалов гляциологических исследований» № 74. Там же в качестве приложений опубликованы: 1) положение об Атласе снежно-ледовых ресурсов мира; 2) порядок подготовки и контроля авторской документации; 3) ход работ над Атласом (материалы заседаний и решения Редколлегии); 4) материалы дискуссий и публикаций по вопросам составления Атласа; 5) библиография научных статей, опубликованных в процессе работы над Атласом (всего 239 названий).

С большой благодарностью следует отметить постоянную помощь Отдела по воде ЮНЕСКО. Среди ведущих сотрудников Отдела работали советские представители – Ю.Н. Богоявленский и сменивший его М.И. Русинов. Поскольку решением Межправительственного совета по Международной гидрологической программе в апреле 1975 г. составление Атласа было включено в эту программу, стараниями Ю.Н. Богоявленского ЮНЕСКО оказало финансовую поддержку поездкам по разным странам для сбора недостающих материалов. Ежегодное составление и «пробивание» таких контрактов требовало больших усилий. Однако состоялось около десятка таких поездок, в результате которых было получено много интересных и нужных материалов, прежде всего крупномасштабных карт и данных исследований в малоизученных районах. Мировое гляциологическое сообщество относилось к созданию Атласа снежно-ледовых ресурсов мира очень благожелательно, несмотря на времена «холодной войны» охотно делилось самыми разными материалами.

Атлас снежно-ледовых ресурсов мира стал вкладом СССР и России в Международную гидрологическую программу ЮНЕСКО. Чтобы облегчить использование Атласа за рубежом, все его тексты (титульные листы, предисловие, условные знаки, оглавление, названия карт, подписи к фотографиям) были даны на русском и английском языках.

Заключая этот краткий очерк о создании Атласа снежно-ледовых ресурсов мира, нужно сказать о том, что эта многолетняя работа протекала с исключительным энтузиазмом. Более 200 ученых из самых разных мест Советского Союза – от Таллинна до Владивостока и от Апатитов до Душанбе – имели общую цель и старались найти наилучшие пути к ее достижению. Постоянное общение, совещания,

Этот и другие наши атласы на выставке в Пекине демонстрирует Н.Н. Комедчиков.

дискуссии, острые дебаты и согласованные решения – все это было характерно для работы над Атласом.

Спустя год после издания Атласа в здании Президиума РАН, в кабинете вице-президента Академии академика Н.П. Лаверова состоялась официальная презентация Атласа в присутствии корреспондентов из многих газет и телевидения. Говорились хвалебные речи и теплые слова в адрес составителей, а мы вспоминали двадцать лет, прошедшие в исключительно доброжелательной, деловой и дружеской атмосфере обширного коллектива единомышленников и сожалели, что это золотое время нашей жизни закончилось. И мы могли смело утверждать: практически оказалось выполнено все, что было изначально задумано.

Работа, которая объединяет

Создание атласов – эта та работа, которая объединяет всех географов. Именно в комплексных атласах каждый географ может представить результаты своих исследований, при этом согласуя и проверяя свои гипотезы с результатами и данными других географов, также представивших результаты в атласе в виде карт. Конечно, очень часто географы занимаются исследованием и изучением небольших по размеру географических объектов, локальными процессами и явлениями. В атласе, как правило, необходимо наглядно отобразить более крупные географические объекты, глобальные закономерности, процессы и явления для всей Земли в целом или ее крупных частей. А это уже другой масштаб исследований, другие подходы к организации научного процесса познания и представления результатов, необходимость кропотливого сбора данных и изучения многочисленных источников по теме исследования, касающихся всей Земли. Это значит – необходимость изучения научных статей, книг не только на родном языке, но и на многих языках мира. Для развития такого широкого научного кругозора и глобального научного мышления требуются большие силы, научное упорство, усердие и даже научный педантизм в сборе и оценке разнообразного, часто разнородного и противоречивого материала. Далеко не всякий ученый-географ в силу различных причин способен выйти за рамки своего важного, но ограниченного размерами локального объекта исследования, своей важной, но локальной научной географической проблемы и посмотреть на все более широко – глобально. Такие ученые-«глобалисты», как правило, выступают идеальными научными вдохновителями создания глобальных обобщающих научных географических трудов в виде фундаментальных комплексных географических атласов мира и составляют в конечном итоге основной костяк научного коллектива географов-экспертов и географов-редакторов, их разрабатывающих. Весь опыт создания комплексных мировых атласов в Институте географии – яркое тому подтверждение.

Ученый географ-картограф, как правило, менее ограничен «узостью» рамок своих исследований. Он более широко смотрит на предмет исследований других географов в силу своей профессиональной картографической специализации и широкой общей географической подготовки, по сути, имеет дело не с реальным географическим объектом, а с его научной «проекцией», существенно уменьшенной и генерализованной наглядной графической моделью, односторонне или многосторонне характеризующей то или иное свойство реального географического объекта. Картограф в своей работе всегда мыслит картографическими образами. Его пространственное мышление более четко выражено и нагляднее проявляется, чем у географа-некартографа. Он четче и логичнее графически выражает сущность географического объекта или явления, более стройно и последовательно представляет иногда субъективную авторскую интерпретацию об объекте объективными средствами картографического отображения, свободно оперирует картографическими способами изображения. Все это позволяет зачастую сложнейший географический объект, явление или

процесс выразить простыми и понятными графическими средствами. На картографа ложится всегда и организующая роль авторского коллектива любого атласа. Именно картограф выступает главным организатором всей работы над атласом, тонким «режиссером» творческого научного процесса, созидателем и творцом научного «рождения» атласа, своеобразным «скульптором», отсекающим ненужный шум и помехи из авторской «глыбы» научных географических знаний и фактов.

Прочная связка картографа и географа в совместной и взаимодополняющей работе над атласами в Институте географии дали блестящие результаты, высоко оцененные научной общественностью и отмеченные в ряде случаев различными премиями и наградами. Это относится как к атласам мира – физико-географическому, снежно-ледовых ресурсов, «Природа и ресурсы Земли», «Наша Земля», так и к национальным атласам – Кубы, Монголии, Вьетнама, России, в создании которых активную роль сыграли многие научные сотрудники Института географии, а также к региональному комплексному «Атласу Курильских островов» и тематическим атласам – палеогеографическим атласам-монографиям и «Атласу природных и техногенных опасностей и рисков в Российской Федерации».

Все эти атласы создавались в разное время, разными темпами и с разными исходными условиями и целями. Но все они, безусловно, составляют гордость Института географии, более того – гордость отечественной географии и картографии. Они являются, на мой взгляд, главными итогами развития отечественной географии и картографии, и можно сказать одними из лучших образцов мировой картографии как по глубине научной географической разработки и содержанию, так и по дизайну и полиграфическому исполнению. Последнее в полной мере относится, прежде всего, к «Физико-географическому атласу мира» и «Атласу Курильских островов», изданным в разное время (в 1964 г. и 2009 г. соответственно), но на высочайшем полиграфическом уровне. Кроме того, они уникальны как по содержанию, так и по детальности проработки. Это особенно ощущаешь, когда через твои руки уже прошли или проходят сотни, если не тысячи атласов – отечественных и зарубежных – на международных картографических выставках, в библиотеках, дома, и есть возможность сравнить их между собой.

История создания атласов в Институте географии стала общей историей нашего Института, частью отечественной и мировой истории географии и картографии. Вспоминая моих коллег, работавших над созданием этих атласов, хочется отдать должное каждому, с благодарностью отметить их важную роль в общем деле, особенно отметить тех, кто наиболее сильно повлиял на мое становление как географа и картографа.

Атлас природной среды и естественных ресурсов мира

Я пришел в Институт географии АН СССР после двухлетней службы в Армии, куда нас, выпускников географического факультета МГУ 1982 года, призвали почти всех. Это был октябрь 1984 г. Отдел картографии в то время был довольно большим – более 20 сотрудников под руководством Александра Алексеевича Людого. Одно из направлений работ в отделе – создание «Атласа природной среды и

естественных ресурсов мира» – ПСЕРМа, как его тогда все называли. Работа над атласом шла неспеша и, я бы сказал, не очень заметно на общем фоне других работ отдела. Большее внимание, на мой взгляд, в лаборатории уделялось внедрению и развитию новых автоматизированных технологий – использованию отечественных ЭВМ в картографии (слово «компьютер» в то время фактически не употреблялось). Для продвижения этих исследований была создана специальная группа, куда вошел и я. В работах по созданию ПСЕРМа, таким образом, я на первых порах не участвовал и, стоит признаться, о них почти ничего и не слышал – настолько вяло они продвигались. Лишь гораздо позднее мне стали известны некоторые детали истории создания атласа.

В конце 1960-х годов, когда в Институте под руководством И.П. Герасимова создавалась серия монографий «Природные условия и естественные ресурсы СССР», и возникла идея создания нового варианта «Физико-географического атласа мира» (ФГАМ). Постановлением Президиума АН СССР за № 014 от 21 января 1972 г. Институту географии предлагалось приступить к подготовке нового издания. В лаборатории географического дешифрирования аэрокосмических снимков (!), а затем в отделе картографии начались работы по составлению списка карт, разработке методических указаний. В них принимали участие Г.М. Белякова, Н.Ф. Леонтьев, Е.А. Миронова, Р.С. Нарских, Ж.А. Полевая, Г.А. Правоторова, И.Н. Чукленкова. Первоначальное название атласа повторяло название серии монографий «Природная среда и естественные ресурсы мира». С 1974 г. создание атласа было включено в планы Института. Научным руководителем работ по атласу был директор Института Иннокентий Петрович Герасимов, куратором – заведующий отделом картографии Николай Федорович Леонтьев, а после его ухода на пенсию в 1978 г. новый заведующий – Александр Алексеевич Лютый, ответственным исполнителем – Людмила Николаевна Ильина. Составление и оформление экспериментальных образцов карт выполняли инженеры-kartографы О.М. Брегман, А.Ф. Захарова, Н.К. Ивченко, М.Н. Калабина, Л.С. Курбатова, А.М. Окунева, П.К. Рубайло, С.Н. Тихова, М.С. Чевкина, Л.В. Щепеткова, Л.П. Яшенкова.

Работа над атласом существенно активизировалась только в 1988 г., когда для завершения авторского оригинала атласа был создан временный творческий коллектив во главе с Л.Н. Ильиной. Местом его работы стала комната главного здания. В состав временного коллектива вошли сотрудники из других подразделений Института географии Д.С. Асоян, В.В. Барыкина, Н.Л. Братцева, Р.Г. Грачева, Р.А. Лотов, С.В. Одессер, О.М. Порожнякова, И.С. Сергеева, Н.А. Тимофеева, Е.А. Финько, в 1989 г. – Г.Н. Витвицкий, Л.В. Хмелевская и Т.П. Никитина. Составлением отдельных тематических блоков карт руководили Э.Б. Алаев, А.А. Асеев, Н.С. Благоволин, А.А. Величко, Н.Ф. Глазовский, Н.Н. Дрейер, Ю.А. Исаков, Н.А. Караваева, Г.Я. Карасик, А.Н. Кренке, Ю.Г. Липец, Я.Г. Машбиц, Е.Л. Райх и др. Работа над атласом объединила фактически всех сотрудников ИГАНа. Редактирование карт выполняли ведущие редакторы-картографы отдела – Лариса Владимировна Логинова, Римма Сергеевна Нарских, Елизавета Александровна Финько и приглашенные с геофака МГУ Татьяна Викторовна Котова и Лениана Федоровна Январева. Для редактирования карт атласа в ИГ АН была принята в качестве консультанта легенда отечественной картографии, профессор Ирина Павловна Заруцкая.

С редакторским корпусом у меня сложились самые тесные и добрые отношения. Особенно часто мне приходилось общаться с Риммой Сергеевной Нарских. Она вызывала у меня всегда самое большое уважение, ее советы по работе были для меня особенно авторитетными. С Риммой Сергеевной я работал не только по созданию и редактированию одних и тех же карт ПСЕРМа в качестве соавтора, но и вместе с ней, практически вдвоем, мы подготовили к изданию трехтомную библиографию научно-технической литературы по картографии, приложив много труда к систематизации и сортировке библиографических карточек по тем или иным разделам, сбору источников и выяснению содержания некоторых публикаций. Это была очень дружная, четкая и важная часть нашей совместной работы, закончившаяся изданием библиографии в трех томах при поддержке специально полученного мной гранта РФФИ.

Я очень благодарен судьбе, что она свела меня по работе и подарила общение с Риммой Сергеевной, человеком, необычайно преданным своему делу, Картографу с большой буквы, специалисту высочайшего класса, человеку принципиальному, честному, в высшей степени ответственному, аккуратному во всех делах и чрезвычайно скромному. Я многому научился у Риммы Сергеевны. Ее советы по работе и само ее отношение к работе навсегда остались в моей памяти. Ее безвременная кончина в 1997 г. с болью в сердце отозвалась во мне. Я часто вспоминаю Римму Сергеевну и буду ее помнить всегда.

Что касается карт, которые мы совместно делали с Риммой Сергеевной для ПСЕРМа, то это были карты биосферных резерватов мира и объектов Всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО. Тогда еще не было Интернета, практически недоступны были новейшие публикации ЮНЕСКО и Всемирного фонда охраны дикой природы, поэтому сбор материалов по этим темам осуществлялся по крупницам, с широким использованием реферативного журнала «География», заказом литературы в библиотеках и т.п. Для получения последних (самых новых) списков охраняемых объектов я заказал специальную литературу в соответствующих международных организациях за рубежом и мне ее прислали. Правда, за книгу по памятникам Всемирного наследия ЮНЕСКО мне пришлось из собственных средств заплатить большую по тем временам сумму (около 100 долларов США), зато тогда мы смогли с Риммой Сергеевной полностью обновить всю информацию по картам атласа и были тем самым очень довольны. Сложнее было с поиском карт биосферных резерватов. Границы наиболее больших по площади резерватов необходимо было показать на карте в соответствии с ее масштабом. Помню, мне опять за соответствующей информацией пришлось обращаться в различные зарубежные администрации национальных парков и заповедников.

За Риммой Сергеевной на мировой карте были закреплены Южная Америка и Африка, за мной – все остальные континенты. Римма Сергеевна всю жизнь специально занималась географией Южной Америки и скрупулезно собирала материал по геоморфологии, использованию земель, охраняемым природным территориям и другую информацию по этому континенту. Она, безусловно, была лучшим специалистом географом-картографом в СССР по Южной Америке. Она основательно знала всю выходящую географическую литературу по этому континенту, имела хорошую личную библиотеку по его географии, составила очень детальные карты

Южной Америки – геоморфологическую и земельных угодьев, вышедшие в «Физико-географическом атласе мира» (1964 г.) и в составе «Карты земельных угодьев мира» (1986 г.) масштаба 1:15 000 000.

К середине 1990-х годов, уже после моей защиты на геофаке МГУ кандидатской диссертации, после состоявшегося раскола лаборатории картографии (группа автоматизации стала самостоятельным подразделением ИГ АН) и перехода ряда сотрудников лаборатории в другие подразделения института и в СП «Дата+», я был привлечен к созданию ПСЕРМа – главной теме лаборатории картографии в 1990-е годы. Не все в работе над атласом шло гладко. Сменился ответственный исполнитель работ. После ухода Л.Н. Ильиной из института им стала Е.А. Финько, на мой взгляд, главный локомотив всего проекта. Роль Елизаветы Александровны в организации всех работ по атласу настолько велика, что без нее вряд ли атлас был бы завершен. Елизавета Александровна обладала блестящими организаторскими способностями. Она никогда не опускала руки и не пасовала перед возникающими трудностями. Она была настойчива, целеустремленна и решительна в достижении поставленных целей. Ее неиссякаемая энергия, оптимизм заряжали всех нас и вселяли уверенность в успешном окончании работ над атласом. Я очень уважал Елизавету Александровну за это. Кроме того, она отвечала, на мой взгляд, за самые сложные разделы атласа – геологический и геоморфологический, что еще более возвышало ее в моих глазах. Когда работы по атласу были уже на стадии завершения, Елизавета Александровна ушла на заслуженный отдых. Тому были причины, связанные с ее здоровьем. Усиливавшиеся боли в позвоночнике не давали ей работать, все более приковывая ее к постели.

Елизавета Александровна была очень открытым и гостеприимным человеком. Я вспоминаю чудесные выезды всей нашей лабораторией на дачу к Е.А. Финько в Кратово, где мы весело и дружно отмечали наши праздники и небольшие победы – масленицу, завершение работ по атласу и др.

Елизавета Александровна очень хорошо относилась ко мне и часто делилась со мной новостями, возникающими трудностями по работе над атласом, давала советы и напутствия.

Благодаря Елизавете Александровне в нашей лаборатории выполнялся совместный австралийско-российский проект в рамках сотрудничества с Гриффитским университетом (г. Брисбен) по созданию базы данных и ГИС численности населения СССР на даты послевоенных переписей. Дочь Елизаветы Александровны Марина жила и работала в г. Брисбене, и также активно участвовала в этом проекте. Елизавета Александровна приложила много сил, чтобы работа по проекту была успешно выполнена. В результате наших работ в Российском государственном архиве экономики были переведены в электронный вид итоговые данные всех четырех переписей населения СССР (1959, 1970, 1979 и 1989 гг.), существовавшие только на бумаге. В 2007 г. мы разместили эти данные на нашем портале «География» в сети Интернет для свободного использования. Кроме того, была создана геоинформационная основа административно-территориального деления СССР масштаба 1:1 000 000 на дату переписи населения СССР 1989 г., соединенная непосредственно с самой базой данных этой переписи. Работа была выполнена колоссаль-

ная, и она вселила в нас уверенность, подтвердила наши возможности небольшим коллективом ставить и решать крупные и трудоемкие задачи с привлечением современных компьютерных технологий. Этот первый опыт нам очень пригодился в конце 1990-х – начале 2000-х годов при полном переходе всей работы лаборатории на компьютерные технологии.

ПСЕРМ же готовился полностью традиционным способом, но в отличие от ФГА-Ма он был дополнен отечественными космическими снимками, подготовленными Госцентром «Природа». Материалы космических съемок не только уточняли содержание карт атласа, но и имели самостоятельное значение. В разработке космического обеспечения атласа участвовали Д.С. Асоян, В.Г. Бострем, Ю.Г. Кельнер, Л.В. Логинова, Н.Н. Малахова, Р.С. Нарских, В.И. Рябчикова, В.В. Свешников, Ю.С. Тюфлин, Л.Ф. Январева и др. Снимки были удачно подобраны на различные уникальные и типичные уголки и ландшафты мира. Они наглядно и выразительно отображали особенности природопользования в разных частях мира, характер поселений и уровень урбанизированности, степень проявления различных процессов, ландшафты и антропогенные изменения природной среды. Каждый снимок сопровождался пояснительным текстом. К сожалению, при издании атласа не удалось достичь высокого качества печати космических снимков, что несколько снизило их привлекательность.

Составление и оформление авторских оригиналов карт по авторским эскизам проводили под руководством редакторов и авторов карт инженеры отдела (И.П. Косковецкая, Н.И. Кукушкина, Т.А. Новичкова, П.К. Рубайло, Т.В. Русина, Т.В. Рыхлова, С.Н. Тихова, Л.П. Яшенкова). Каждый инженер был прикреплен к тому или иному редактору. Благодаря сплоченной и дружной работе большинство авторских оригиналов карт атласа к середине 1990-х годов были завершены. Параллельно прорабатывался вопрос об издании атласа. Развал страны, отсутствие в новой России картографических фабрик, которые могли бы подготовить атлас к изданию и его издать, и главное, тяжелейшие финансовые условия 1990-х годов сделали невозможным издать атлас в России. К поиску зарубежного партнера, способного завершить этот проект за свой счет, привлекли «Зарубежгеологию», имевшую опыт сотрудничества с подобными проблемами на зарубежном рынке. В конце концов, такую зарубежную фирму, готовую вложить собственные средства в подготовку атласа к изданию и его издание, нашли в Австрии. Это согласилась сделать, как считали все мы, на взаимовыгодных условиях картографическая фирма «Эд. Хельцель ГмбХ» (Ed. Hölzel GmbH) из Вены. На самом деле для австрийского партнера это был определенный риск. Научные издания подобного типа нигде в мире не выпускаются большими тиражами, а требуют больших финансовых затрат на их подготовку. При этом все тексты атласа, легенды, названия на картах необходимо было дать на английском языке, а это дополнительные затраты. Более того, по условиям контракта австрийская сторона должна была не только подготовить к изданию и издать атлас, но и безвозмездно 200 экземпляров атласа передать в Институт географии РАН, кроме того, напечатать для этих 200 экземпляров книги-приложения всех текстов и легенд, содержащихся в атласе, на русском языке и, наконец, перевести в Институт географии достаточно солидную по тем временам сумму

денег за приобретение прав на распространение атласа по всему миру, кроме России. Это, безусловно, был очень выгодный для нашего Института контракт, хотя высказывались и противоположные точки зрения.

Австрийская фирма, по-видимому, чтобы минимизировать свои затраты, подготовку атласа к изданию осуществила в Братиславе, где это сделать можно было существенно дешевле, чем в Вене. Атлас вышел в 1998 г. под названием «Природа и ресурсы Земли» в двух томах с параллельными названиями карт на русском и английском языках. Само издание было осуществлено тоже в довольно дешевом варианте: карты изданы односторонней печатью, а переплет выполнен на шурупах. В картографической практике такая печать и переплет встречаются крайне редко, так как пользоваться подобными изданиями довольно неудобно (каждую мировую карту необходимо разворачивать, потому что она в таком переплете сложена пополам, односторонняя печать увеличивает количество печатных листов в два раза, а, следовательно, бумажный объем и вес атласа увеличивается тоже в два раза). Тем не менее, получив причитающийся Институту географии тираж, мы все были очень довольны, что атлас был наконец-то издан, хотя форма издания и качество печати нас не вполне устраивали. Но в тех условиях это было огромное достижение, и мы все очень гордились проделанной работой.

Хотя атлас и был издан на английском языке, но он не получил каких-либо отзывов в англоязычных профессиональных географических и картографических журналах в отличие, например, от «Физико-географического атласа мира» 1964 года, получившего в свое время восторженные оценки в американской картографической литературе, хотя и был издан только на русском языке. Атлас также никак не был отмечен и на Международной картографической выставке в Оттаве в 1999 г., где он впервые демонстрировался. Я думаю, главная причина этого заключается в не очень высоком качестве его полиграфического исполнения. По глубине научной проработки и содержащейся в атласе географической информации он, безусловно, не имеет аналогов в мире. Это крупнейшее фундаментальное географо-карографическое издание, содержащее фактически полный свод современных знаний в целом о Земле на пороге третьего тысячелетия. Именно с этой точки зрения он и получил высокие оценки и положительные отзывы в нашей стране. За его создание коллектив авторов – Д.С. Асоян, А.А. Величко, М.Е. Виноградов, Н.А. Караваева, В.В. Киселев, В.М. Котляков, Т.В. Котова, А.Н. Кренке, Ю.Г. Леонов, Л.В. Логинова, А.А. Лютый (посмертно), Р.С. Нарских (посмертно), Е.А. Финько, Л.Ф. Январева – в 2002 г. был удостоен Федеральной службой геодезии и картографии России премии имени Ф.Н. Красовского. Мне пришлось представлять наш атлас на том заседании Роскартографии, на котором и было принято заслуженное решение о премировании моих коллег.

Об Александре Алексеевиче Лютом

«Суха теория, мой друг, а древо жизни вечно зеленеет»
(И.В. Гете)

*Картограф, д.г.н. (1990), профессор, академик РАЕН (1995).
В Институте в 1977–2001 гг., зав. лабораторией картографии*

Всеми нашими работами в те годы руководил заведующий лабораторией картографии Александр Алексеевич Лютый, человек очень авторитетный в наших профессиональных кругах, большой теоретик картографии, хороший организатор работ, но обладавший довольно противоречивым характером, проявлявшимся как во взглядах на жизнь, так и в его отношениях к людям. Александр Алексеевич выскакывал много интересных идей по теоретическим проблемам картографии и развитию новых направлений исследований в картографии. Именно благодаря его идеям в лаборатории картографии получили развитие такие новые направления картографических исследований как топологические, семиотические, оптимизационные и др. А.К. Суворовым, например, была блестяще разработана методология топологических картографических изображений. В лаборатории успешно внедрялись автоматизированные методы создания карт и разрабатывалось собственное программное обеспечение. Мной были разработаны методы оптимизационного математико-картографического моделирования, которые я защитил в виде кандидатской диссертации на географическом факультете МГУ в 1990 году, а также проведены исследования по истории эволюции языка карт. Большое внимание уделялось библиографическим работам в области картографии, а также систематизации и описанию эколого-географических карт, которые в большом количестве стали появляться в статьях, монографиях, в виде отдельных изданий с середины 1980-х годов. Все эти исследования шли в соответствии с идеями и представлениями А.А. Лютого о перспективных направлениях развития картографии. Но следует признать, что далее выдвижения идей Александр Алексеевич обычно не шел. Практически все эти направления развивались без его участия или какого-либо активного вмешательства с его стороны. С одной стороны, это давало нам свободу научного творчества, но, с другой стороны, вызывало недоумение к такому положению дел. Может быть, это частично было связано с тем, что Александр Алексеевич сам работал над завершением своей докторской диссертации, которую он успешно защитил в 1990 г. в Киеве в Институте географии АН УССР.

Защита А.А. Лютым докторской диссертации стала важным событием картографической жизни. В ней он вслед за польским картографом Л. Ратайским, советскими картографами М.К. Бочаровым и А.Ф. Асланиашвили развил новое направление теории картографии – языково-семиотическое, разработав теорию языка карты, названную им картономией. Не всеми она была принята, но среди нас, молодых в то время научных сотрудников лаборатории, она нашла полное понимание и поддержку. Более того, ее основные положения позднее были включены в программу

для сдачи кандидатского минимума по картографии в аспирантуре Института географии. Александр Алексеевич также был приглашен заведующим кафедрой картографии геофака МГУ А.М. Берлянтом для чтения спецкурса в МГУ студентам-картографам. Мы гордились Александром Алексеевичем и всегда прислушивались к его советам.

Свою теорию А.А. Лютый изложил в монографии «Язык карты: сущность, система, функции» (1988 г.), которую нам удалось переиздать уже после смерти Александра Алексеевича в 2002 г. с некоторыми исправлениями редакционно-технического характера, заново подготовленными иллюстрациями, новым вступлением, написанным А.М. Берлянтом, и в твердом переплете.

А.А. Лютый после защиты своей диссертации всецело сосредоточился на ПСЕРМе, занимаясь просмотром и редактированием карт атласа и пояснительных текстов к ним. Тяжелая финансовая обстановка в стране и в Институте, нестабильность, конфликты властей в 1990-е годы и ряд других факторов, в том числе личностные взаимоотношения в коллективе, остро оказались и на нашей лаборатории картографии. Большинство научных сотрудников лаборатории, кандидатов наук, и несколько инженеров ушли из лаборатории – кто в другие подразделения, а кто-то в другие организации, часть коллектива лаборатории при поддержке дирекции организовалась в новое подразделение Института географии. Все эти события, конечно, имели в каждом случае свои причины, но не в последнюю очередь они были связаны и с позицией заведующего лабораторией.

Первый комплексный ГИС-атлас «Наша Земля»

Атлас ПСЕРМ по структуре изначально был полным аналогом «Физико-географического атласа мира», то есть, кроме карт мира, в нем предусматривались и карты континентов. К началу 1990-х годов стало ясно, что тематических карт континентов в атласе не будет, так как они существенно увеличивали бы объем атласа. Многие из них уже были подготовлены, хотя далеко и не все. Эти карты после определенной доработки могли быть использованы в каком-нибудь новом атласе, проекте. И вскоре такой проект появился. В начале 1990-х годов в Институт географии приехал глава известной американской фирмы ESRI Джек Даджермон с целью организации в России фирмы, которая бы продвигала на российском рынке геоинформационные продукты ESRI. Ему были показаны материалы ПСЕРМа. Именно тогда и родилась идея создания электронного атласа на базе этих материалов и геоинформационных программных продуктов ESRI. Так как уже во всю шли переговоры об издании ПСЕРМа и использовать материалы атласа, включающие карты мира, не представлялось возможным, то для создания нового электронного атласа решили использовать карты континентов, которые не вошли в ПСЕРМ.

С 1993 г. в лаборатории картографии совместно с СП «Дата+» при технической и финансовой поддержке американской фирмы ESRI inc. начались работы по созданию первого в мире электронного атласа континентов «Наша Земля» на базе программных продуктов ArcInfo и ArcView. Все работы по географо-картографическому содержанию атласа и подготовке авторских оригиналов карт легли на

мои плечи. Александр Алексеевич Лютый, занятый подготовкой к изданию ПСЕР-Ма, полностью доверял мне в этой работе и поддерживал ее. За компьютерную подготовку ГИС-атласа отвечала Нина Яковлевна Лебедева, бывшая наша сотрудница, перешедшая в СП «Дата+». Работа шла очень дружно. Мы с Ниной Яковлевной находили полное взаимопонимание. Все было четко организовано: подготовка авторских оригиналов тематических карт континентов, их цифрование, редактирование с привлечением наших редакторов-картографов, согласование карт друг с другом, написание текстов и их перевод на английский язык. От ESRI нас курировал Дэн Шерилл, с которым работать было очень легко. В создании нового электронного атласа приняли участие практически все сотрудники нашей лаборатории, в то время уже небольшой по количеству. Они участвовали в составлении авторских оригиналов карт, вычерчиванию на пластиках графических слоев отдельных карт, которые затем оцифровывались, в том числе и в США. В ходе работ была впервые разработана методика создания подобных геоинформационных атласов, а также проходил тестирование развивающийся в ходе создания атласа новый программный продукт ESRI – ArcView. Именно в эти годы я близко познакомился с ведущими учеными-географами нашего Института, а также специалистами из других организаций, которые принимали в нем участие в качестве авторов. Несколько тематических карт континентов для атласа сделал и я сам. Окончательная сборка, оформление и тиражирование ГИС-атласа на CD проводились в США в фирме ESRI.

Первый в мире электронный комплексный атлас нового типа – ГИС-атлас – вышел под названием ArcAtlas «Our Earth» («Наша Земля») на английском языке и впервые был представлен на XVIII Международной картографической конференции в Стокгольме в 1997 г. До сих пор этот атлас – один из активно распространяемых ESRI в мире электронных картографических произведений.

Таким образом, работы по ПСЕРМу, продолжавшиеся более 25 лет, в итоге вылились в два продукта – в традиционный бумажный атлас и ГИС-атлас, подготовленный менее чем за 5 лет. По окончанию работ все осознавали, что подобный новый мировой атлас вряд ли появится в ближайшее время, а может быть и вообще больше никогда не появится в таком виде и объеме. Слишком велики трудозатраты на его подготовку – 25 лет.

Новые времена

Конечно, в новых условиях никто не сможет позволить себе затратить столько времени на подготовку атласа, и никто не будет финансировать такие длительно создающиеся произведения. И это подтвердили все последующие наши работы по созданию комплексных атласов. В лаборатории создавались авторские оригиналы и были изданы в относительно короткие сроки «Атлас природных и техногенных опасностей и рисков в Российской Федерации» (2005 г.), второй том Национального атласа России «Природа. Экология» (2006 г.), «Атлас Курильских островов» (2009 г.). Подготовка этих произведений в короткие сроки потребовала от всех нас высокого напряжения сил, полной отдачи, четкой орга-

низации труда. Сокращению сроков работ над атласами способствовала и революционная смена картографических технологий подготовки к изданию атласов. На рубеже веков произошел полный переход на компьютерные технологии на всех этапах картографического производства – от составления карт до их верстки и даже печати.

Все эти атласы смогли появиться на свет благодаря нашему дружному коллектиvu редакторов, картографов-составителей, сумевших освоить новые технологии, благодаря во многом не растряченному еще энтузиазму и большой любви к нашему общему делу, к нашей любимой профессии. Мне хочется от души поблагодарить всех сотрудников лаборатории картографии, которые вместе со мной принимали самое активное участие в создании этих атласов – Долорес Самуэловну Асоян, Наталью Ивановну Кукушкину, Ларису Владимировну Логинову, Татьяну Андреевну Новичкову, Тамару Владимировну Русину, Татьяну Васильевну Рыхлову, Александра Георгиевича Хропова.

B.A. Колосов

Лаборатория (Центр) геополитических исследований

Истоки

До 1980-х гг. *политическая география* оставалась экзотической и в целом периферийной отраслью советской географии: несколько диссертаций по материалам зарубежных стран, да «постановочные» статьи в ведущих журналах с признанием важности этого направления – вот практически и все, что составляло ее багаж. Но и на Западе с конца 50-х и вплоть до второй половины 70-х гг. она явно не входила в число приоритетных направлений географической науки. Все изменилось в результате создания группой английских и американских географов теоретических основ так называемой новой политической географии. В 1984 г. на 25-м Международном географическом конгрессе в Париже «новые» политические географы сделали несколько ярких докладов и добились создания в Международном географическом союзе (МГС) специальной исследовательской группы во главе с блистательным Р.Дж. Джонстоном (с 1988 г. – комиссии, с успехом существующей и поныне).

С названием ее, однако, возникли проблемы: глава советской делегации, академик И.П. Герасимов, воспротивился использованию в нем термина «политическая география». Этот термин ассоциировался с geopolitikой, скомпрометированной широким ее использованием в нацистской Германии для обоснования территориальной экспансии и официально заклейменной в СССР как буржуазная лженакука. Опасались также, по всей видимости, превращения МГС в арену конфронтации между представителями Востока и Запада. Компромиссом стал довольно странный эвфемизм «политическая карта мира». Тем не менее, И.П. Гераси-

мов сразу оценил значение и перспективы политической географии и, делая при большом стечении народа доклад на Ученом совете ИГАНа о научных итогах парижского конгресса, ратовал за ее развитие и в Советском Союзе. Его активно поддержали ведущие экономико-географы Института, особенно Я.Г. Машбиц, посвятивший свои первые исследования именно политической географии, и Г.В. Сдасюк. Тогда, по всей видимости, и были созданы предпосылки для создания в Институте географии политico-географического подразделения – первого в нашей стране.

Я был очень рад, когда по истечении первого года работы в Институте меня перевели в мае 1986 г. в только что созданную на основе отдела географии зарубежных стран лабораторию глобальных проблем. Манили новая проблематика, интеллектуальный потенциал и дружеский климат. Естественно, не хотелось оставлять исконную для меня со студенческой скамьи политico-географическую тематику, ради которой, собственно, меня и взяли в Институт (мое заявление И.П. Герасимов подпись в больнице совсем незадолго до кончины). Однако нашупать связь между политической географией и глобальной экологической ситуацией оказалось нелегко: на это ушло добрых два года.

Эти годы были периодом широкого сотрудничества советских и американских географов. После долгих лет изоляции они «открывали» для себя друг друга. Состоялись обмены представительными делегациями, в которые входили такие крупные американские политico-географы, как Дж. Демко, занимавший тогда посты главного географа государственного департамента США и президента Ассоциации американских географов, виднейшие специалисты по электоральной географии и региональным политическим культурам Р. Моррилл и С. Бранн, «классик» geopolитики С. Коэн и др. Ознакомительные визиты выились в совместную монографию о глобальных проблемах (Меняющийся мир..., 1990), другие проекты. Институт географии играл в «открытии» отечественной географии заглавную роль. Завязавшие тогда личные контакты переросли в многолетнее сотрудничество и многие совместные проекты.

Когда было объявлено о предстоящих выборах народных депутатов, я не мог остаться в стороне, и с головой ушел в их изучение, потратив на свои главы в «Весне-89» и другие «срочные» политico-географические работы большую часть творческого отпуска, данного мне для написания докторской диссертации. Мне удалось вовлечь в выборную тематику трех только что принятых в лабораторию выпускниц географического факультета МГУ.

Группа географов, в основном сотрудников ИГАН (Н.В. Петров, Л.В. Смирнягин, А.В. Бerezkin, автор этих строк и другие), выпустила ряд статей в научной отечественной и зарубежной печати, а затем и монографию с анализом итогов выборов народных депутатов СССР. Почти одновременно была подготовлена первая карта уже разразившихся и многочисленных потенциальных этнотERRITORIALНЫХ конфликтов в Советском Союзе, нашедшая широкий резонанс в средствах массовой информации и позже неоднократно обновлявшаяся (О.Б. Глазер, В.А. Колесов, Н.В. Петров, А.И. Трейвиш, В.Н. Стрелецкий).

Институт, как и вся страна, бурлил: семинары, советы, собрания, отчеты о многочисленных поездках, благо бюджет тогда позволял ездить и в многочисленные

экспедиции, и на конференции по стране, и даже в манящую заграницу. Волна демократизации отразилась в организации группы молодых ученых – в относительном, а по нынешним меркам и в абсолютном летоисчислении, отправленных в один из подмосковных пансионатов разрабатывать перспективы Института, и особенно – в невиданном раньше конкурсе научных проектов, с которыми могли выступить любые инициативные группы. Из более чем 100 проектов специальная комиссия отобрала около 60, которые затем были одобрены Ученым советом. Идея заключалась в том, чтобы реорганизовать структуру Института на основе объединения близких по тематике проектов. В их число вошел и наш политико-географический проект, на основе которого позже была образована наша лаборатория.

Между тем, наступил грозный, переломный 1991 год. Участвуя в экспертизе проектов Конституции РСФСР, мы ходили в Белый дом почти каждый вечер, как на работу, и уже научились хорошо ориентироваться в его бесконечных и абсолютно симметричных коридорах. Пойдешь не в ту сторону – наткнешься на закрытый переход или просто потратишь лишних десять минут на обход гигантского здания по периметру. «Дедлайном» многочасовых обсуждений был довольно поздний час закрытия буфета, еще не совсем потерявшего под напором демократизации лоск и ореол «закрытости» правительенного учреждения, столь контрастирующие с пустотой прилавков и грязью советских магазинов «периода последних песен». Заход в буфет был не только ритуалом общения, но и необходимости – творог и пирожки из Верховного Совета были совсем не лишними на наших семейных столах. Однако и этот источник продовольствия иссякал на глазах.

Для меня вечерние заседания в Белом доме резко оборвались отъездом 31 марта 1991 г. почти на целый год в Бельгию, где я получил научную стипендию Брюссельского столичного региона. Там, в Брюсселе я и переживал события августа-декабря 1991 г., постоянно нося с собой радиоприемник. В конце 1991 г. меня пригласили стать членом Комиссии МГС по политической карте мира. Возвращаться пришлось уже в другую страну в марте 1992 г. поездом из Брюсселя, везя компьютеры и принтеры для себя и лаборатории, уйму книг и объемистые сумки с продуктами для «голодной» Москвы. Впрочем, у других пассажиров багажа было еще больше.

В 1991 г. были завязаны научные и дружеские контакты, ставшие основой многолетнего сотрудничества. Из Брюсселя мне удалось съездить в Англию, Чехословакию, Францию, Голландию, чтобы поучаствовать в конференциях ряда комиссий МГС, посетить известные географические центры, в том числе Дом географии в Монпелье. Там родилась идея выпустить Атлас России и других бывших союзных республик, показав наследие, которое они получили от единой в прошлом страны, и первые шаги на пути перемен. На мои факсы в Москву пришло «добро» от руководства Института. Мы и думать тогда не могли, что работа растянется почти на четыре года, так как нам постоянно придется нагонять бурно развивавшиеся события. Эта работа вылилась в ряд дальнейших совместных проектов с французскими географами Р. Брюне и Д. Эккертом, продолжавшихся почти 15 лет. В Монпелье, а потом в Тулусе побывали многие сотрудники Института. Тогда же мы познакомились в Праге с профессором Джоном О'Локлинном, в то время главой департамента географии университета Колорадо в Боулдере,

основателем и бессменным редактором международного журнала «Политическая география», имеющим высокий индекс цитирования и репутацию очень строгого издания. Непрерывному сотрудничеству и соавторству многих сотрудников нашего Центра с Джоном исполняется 20 лет. С нашей легкой руки Джон стал специалистом по бывшему СССР.

По завершении работы в Брюсселе, не заезжая в Москву, я отправился с разрешения дирекции на полтора месяца в Центр по изучению государственных границ при департаменте географии университета в Дареме (на севере Англии). Конкретная задача состояла в выпуске брошюры о территориальных конфликтах в бывшем СССР. Поразил тогда уникальный банк данных об истории, статусе, состоянии и т.д. каждой пары сухопутных и морских границ в мире, созданный совсем небольшим коллективом. Позже мы попытались частично использовать этот опыт.

Наряду с событиями в стране, развернувшееся международное сотрудничество стало еще одним стимулом для предложения преобразовать нашу неформальную группу, работавшую по политico-географической тематике, в Центр европейских геополитических исследований¹. Первоначально Центр был полуавтономной частью лаборатории политической и культурной географии, возглавляемой Ю.А. Ведениным. Юрий Александрович прекрасно видел связь между культурной и политической географией и высказал много ценных идей. В частности, он был большим поборником развития в ИГ РАН географии религии, изучения региональных политических культур, соотношения в них традиционных и инновационных элементов. Вскоре он был назначен директором Института культурного и природного наследия, но часто приходил в свою бывшую лабораторию и многим помогал нам. С октября 1993 г. Центр европейских геополитических исследований стал самостоятельнойструктурной единицей – первым и единственным в стране научным подразделением, специализированным на изучении теоретических проблем геополитики и политической географии².

---

¹ Слово «европейских» потом выпало как сужающее нашу тематику. В начале 2005 г. в преддверии очередной проверки Института мы стали официально называться не Центром, а лабораторией. Здесь и далее мы сохраняем старое название «Центр», поскольку именно под этим именем нас знают коллеги в России и за рубежом и поскольку мы назывались так большую часть нашей истории.

² Позже были образованы лаборатория политической географии на географическом факультете МГУ во главе с В.Е. Шуваловым, группа «Меркатор» во главе с Д.Б. Орешкиным, активно занимавшаяся в том числе электоральной географией и региональными политическими проблемами, кафедра политической географии и региональной диагностики на факультете географии и геоэкологии Санкт-Петербургского университета во главе с Н.В. Калединым, а также другие научные центры с близкой проблематикой (Центр пограничных исследований Волгоградского университета и др.).

Незабываемые 1990-е

Хотя с самого начала ядром тематики Центра были геополитика и политическая география, мы пытались высветить территориально-политические аспекты в других проблемах, совместить общую тематику с индивидуальными интересами сотрудников, многие годы работавших над другими темами. Они вели исследования по программам «Глобальные изменения природной среды и климата» и «Экология России», изучали потоки беженцев и вынужденных мигрантов. По результатам этих исследований были сформулированы рекомендации по формированию геостратегии России. В первые годы наиболее активными сотрудниками Центра были Т.А. Галкина, О.В. Грицай, В.Н. Козлов, А.Д. Криндач, Е.В. Середина. Численный состав Центра до сокращений штата РАН достиг 15 человек, не считая аспирантов. В нем состоял и старейший сотрудник Института, д.г.н. Л.С. Абрамов (1918–2005). В последние годы Лев Соломонович много занимался журналом «Известия РАН, Серия географическая», заместителем главного редактора которого он был в течение многих лет, и активно работал над историей научных школ советского периода отечественной географии. Пока позволяло здоровье, он участвовал в заседаниях Центра, обсуждении научных докладов и диссертаций.

В условиях крайне скучного бюджетного финансирования постоянной заботой был поиск заказчиков. В те годы большинство заказных работ были краткосрочными – написать аналитическую записку или статью, подготовить доклад на конференцию, организуемую каким-либо фондом. Большой спрос в первой половине 1990-х гг. был на прикладные электорально-географические исследования: выборы еще не превратились в крупный бизнес консалтинговых фирм и были конкурентными. Однако во всех случаях такие задания были связаны с главными темами, работали на решение академических задач. Из большинства прикладных работ выросли статьи в рецензируемых отечественных и зарубежных журналах, главы в монографиях. Самое главное, заказные работы побуждали активно добывать и осмысливать новую информацию, обсуждать результаты со специалистами в других общественных науках, позволяли регулярно выезжать в различные регионы России и стран СНГ. Нечего и говорить, насколько важны для географов экспедиционные, «полевые» исследования. Многие процессы просто не видны из Москвы. По всей видимости, мы стали первыми московскими исследователями, изучавшими становление российско-украинской границы, специфику политической культуры Юга России и другие темы.

Выбор основных направлений исследований в 1990-х гг. был вызван насущными потребностями – необходимостью анализа социально-политических процессов, происходящих в стране в переходный период и оценки перспектив ее развития в новой геополитической ситуации, неразработанностью многих фундаментальных положений политической географии. Наше внимание в те годы было сфокусировано на следующих теоретических проблемах:

- *Геополитические и культурно-географические факторы интеграции и деинтеграции в постсоветском и европейском пространстве.*

- *Новое пограничье России: проблемы развития в новых геополитических условиях.*

- *Политико-культурное районирование России и география выборов.*

- *Превращение Москвы в мировой город, социальная самоорганизация населения в условиях перестройки хозяйства и поляризации городской среды.*

Актуальная и поныне фундаментальная проблема заключается в анализе влияния этнического, конфессионального и культурного разнообразия России на ее региональное развитие.

«Душа» политической географии – в изучении взаимодействия политических процессов с интегральным геопространством, которое образуется наложением пространства экономического, социального, культурного, и в присущей географии «игре масштабами». Так, на картах голосования москвичей по примерно трем тысячам избирательных участков отчетливо видны кварталы бывших ведомственных домов, поселки, включенные в черту Москвы в пору строительства кольцевой дороги, «царские села», дома министерства обороны и др.

В изучении этноконфессионального разнообразия акцент был сделан, в частности, на изучении *диаспор*. Диаспорой можно назвать не всякое меньшинство, а только такое, которое соответствует целому набору критериев. Один из них – включенность в международную, обычно многоуровневую сетевую структуру общин, развивавшуюся в ходе исторических волн миграции, накладывавшихся друг на друга. В рамках международного проекта мы изучали греческую и армянскую диаспоры в России и зарубежной Европе. Для этого потребовалось совершить несколько поездок на юг России – в Краснодарский и Ставропольский края, Ростовскую область, а также в Абхазию, которая тогда только начинала оправляться после гражданской войны. Помню, как мы приехали для интервью в еще недавно цветущее греческое село километрах в 20 от Сухума. Жизнь ушла из него: там оставались одни старики, едва сводившие концы с концами. Местные бандиты не оставляли их в покое. Полная тишина показалась зловещей. Тогда я впервые почувствовал, что наша профессия может быть и небезопасной.

Душой проектов по диаспорам была Т.А. Галкина, бессменный ученый секретарь Центра. Без нее невозможно представить себе наш коллектив – это кладезь самых разнообразных гуманитарных знаний, знаток музыки и искусства. Тамара Артаковна для всех нас – образец порядочности и интеллигентности. Она всегда полна энергии и оптимизма, искренне увлечена географией: за более чем 50 лет работы Институт стал для нее родным домом.

Много лет Центр занимался изучением нашего родного города. Все началось с избирательной кампании 1995 г. по выборам в Государственную думу, когда мы совместно с Центром геоинформационных исследований взялись в кратчайшие сроки подготовить детальные карты и политко-географические описания 15 избирательных округов города. Вряд ли это было бы возможным без такого знатока столицы, как О.И. Вендин, перешедшей после этой совместной работы в наш Центр и быстро ставшей незаменимой участницей почти всех наших проектов. Мы поставили перед собой задачу оценить трансформацию функций города и его отдельных районов в условиях геополитических и постиндустриальных сдвигов в сравнении с другими мировыми столицами. Было еще в конце 1990-х гг. показано, что

Москва уверенно входит в клуб «мировых городов» и соответствует большинству их критерииев, хотя по многим показателям и отстает от западных аналогов.

Новое тысячелетие: текущие работы и перспективы

В новом десятилетии Центр развивал работу по прежним фундаментальным направлениям, осваивал новые темы. Все большее место в его деятельности стали занимать геополитические проблемы, в то время как электоральная тематика после 2003 г. была постепенно оставлена. Кратко представлю тематику наших исследований в последние годы.

(1) *Геополитические концепции и императивы нового геополитического положения России.*

На разнообразном географическом и социологическом материале мы попытались доказать, что геополитическое положение страны определяется, во-первых, ее «объективным» местом в системе многообразных внешних связей. Во-вторых, оно зависит от «зазора» между местом, которое отводят стране международное сообщество и внешние партнеры, и местом, которое она занимает на карте мира в представлении собственных граждан.

В целом наши сограждане склонны видеть мир в «розовом свете» – большинство стран, по их мнению, дружественны России («нет плохих народов, есть только плохие правительства»). Однако в их сознании существуют «ось добра», пролегающая примерно между Хельсинки и Дели, и «ось зла», включающая, прежде всего, США и ряд стран Среднего Востока (Иран, Ирак, Афганистан).

Специальное место было отведено анализу и способам формирования образа России, остающемуся в западных газетах резко негативным. Эта часть исследований нашла отражение в монографии «Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика» (2003) и многих статьях в отечественных и зарубежных научных и общественно-политических журналах.

(2) *Адаптация нового российского пограничья к меняющейся геополитической ситуации и потенциал трансграничного сотрудничества.*

Была поставлена задача выявить роль государственных границ в национальном и государственном строительстве в новых независимых государствах, рассмотреть представления о границах как элементе политической и этнической идентичности и оценить воздействие расширения ЕС на ситуацию в пограничье России. Были проанализированы европейский опыт трансграничного сотрудничества и перспективы создания еврорегионов на западных рубежах России. Мы выяснили, что разрыв в социально-экономических показателях между приграничными регионами России и соседних государств существенно углубился.

Полевые исследования проводились в регионах, граничащих с Эстонией, Финляндией и Китаем. Почти ежегодно мы выезжали на разные участки российско-украинского порубежья, которое благодаря сотрудничеству с украинскими друзьями (А.М. Кирюхин, И.Г. Савчук и др.) мы имели возможность изучать с обеих сторон границы. В 2011 г. вышла наша книга «Российско-украинское пограничье: 20 лет разделенного единства».

(3) Перспективы полигонетического развития России: федеральная столица и региональные центры.

Наши «московские» проекты органично переросли в серию проектов по крупным межрегиональным центрам России. Мы убеждены, что в таком крупном и разнообразном федеративном государстве, как Россия, крупнейшие города – межрегиональные центры должны стать локомотивами развития для нескольких соседних субъектов РФ. Это способствовало бы укреплению целостности страны и усилию интеграционных тенденций. Формирование крупных центров межрегионального влияния способно уменьшить территориальные диспропорции, политическую напряженность и потенциал конфликтов. Сверхвысокая концентрация ряда важных функций в столице – угроза устойчивому развитию страны.

(4) Непризнанные государства в современном мире и бывшем СССР: проблемы соседства, географические факторы развития и легитимность. Эта тема – развитие выполненного нами в начале 2000-х гг. проекта о Приднестровском конфликте. Поставлены задачи определить воздействие политического статуса Приднестровья, Абхазии, Южной Осетии и Нагорного Карабаха на их хозяйство, сравнить уровень жизни населения в них с соседними регионами, оценить межэтнические отношения и легитимность политических режимов, взгляды населения на перспективы этих республик. Для этого в 2009–2010 гг. проведены уникальные представительные опросы.

Еще с конца 1990-х гг. мы стали широко использовать в наших исследованиях социологическую информацию и методы. Были организованы несколько общероссийских опросов, а также опросы, экспертные интервью и фокус-группы в Москве, пяти регионах Северного Кавказа, в Белгородской и Харьковской областях, Ленинградской и Псковской областях. В этой деятельности Центр опирался на сотрудничество с Фондом «Общественное мнение» (ФОМ) и Аналитическим центром Юрия Левады.

Как и раньше, практически ежегодно мы организуем международные мероприятия – совместные экспедиции или небольшие рабочие семинары с нашими зарубежными коллегами, участвующими в совместных проектах. На них мы всегда приглашаем «посторонних» экспертов и специалистов, в том числе и из других городов. Такие семинары прошли не только в Москве, но и Екатеринбурге, Ростове, Ставрополе, Владикавказе, Махачкале. Удалось также организовать и довольно крупные конференции с несколькими десятками иностранных участников.

Дело в том, что еще в 1996 г. меня избрали председателем Комиссии МГС по политической карте мира, наконец, переименованной не так давно в Комиссию по политической географии. В 2000 г. коллеги предложили мне остаться на этом посту на второй возможный по уставу срок – до 2004 г. Наша комиссия – одна из крупных (около 500 членов из 70 стран) и наиболее активных в МГС. В ней немало ученых с мировым именем. Я считал своим долгом созвать несколько конференций в России. Это впервые удалось сделать в Ставрополе с помощью нашего доброго друга, проректора Ставропольского университета В.С. Белозерова, а затем при содействии нашего коллеги В.А. Горбанева на базе МГИМО в Москве. В 2006 г. меня избрали вице-президентом, а затем первым вице-президентом МГС. Одна из сессий его исполнкома прошла в Москве. Конечно, в этих мероприятиях самое деятельное участие принимали сотрудники нашего Центра.

Сотрудники лаборатории, 2011 г. Слева направо: А.А. Гриценко, А.А. Герцен, М.В. Зотова, В.А. Колосов, Т.А. Галкина, Ф.А. Попов, О.И. Вендина, А.Б. Себенцов.

Предварительные итоги

Используя заглавие известной книги Э. Рязанова, можно задать себе «юбилейный» вопрос: что удалось и что не удалось сделать за истекшие 17 лет? Удалось, как нам кажется, быть первыми в разработке многих актуальных тем, которые затем были подхвачены и изучены – возможно, глубже – другими коллективами и авторами.

Удалось сохранить работоспособный коллектив. Если использовать любимый пункт в отчетах разного рода комиссий, то, по всей видимости, мы пока конкурентоспособны на «мировом уровне» – по крайней мере, если судить по числу публикаций в строго рецензируемых международных журналах и выступлениях на разных конференциях и конгрессах. За 17 лет существования Центра его сотрудниками было опубликовано 22 книги, в том числе 10 зарубежных или совместных изданий; 620 статей, в том числе более трети из них в международных и зарубежных изданиях; десятки аналитических записок и докладов. Только за последние пять лет (2006–2010) вышло около 500 научно-популярных и педагогических публикаций (статей в энциклопедиях и журналах, брошюр и др.). Защищено шесть кандидатских диссертаций и одна докторская. Мы работали над грантами, поддержанными не только РФФИ или РГНФ (они у нас есть постоянно) и другими российскими организациями, но и Европейскими рамочными программами, Национальным научным фондом США, госу-

дарственными научными фондами Франции, Нидерландов, Институтом Открытое общество (Прага), Фондом Джованини Аньелли (Италия).

По-моему, совсем неплохо, если учесть крайне ограниченное число активных «штыков» и непреходящую скучность бюджетного финансирования. Если кто-то говорит о «низкой эффективности» РАН, пусть посчитает среднее число и среднюю стоимость публикаций в международном журнале у нас и наших западноевропейских и американских коллег! Известно, что именно по числу публикаций в международных журналах (а не монографий!) сейчас оценивают за рубежом научные коллективы.

По академическим меркам, наш коллектив молод. Четверым сотрудникам меньше 30. Тем не менее, мы потеряли много молодежи. Среди них были способные аспиранты и докторанты. Они успешно начинали работу над диссертациями, но были вынуждены ее бросить: прожить на академических хлебах без внешней поддержки невозможно. Не всех, не всегда и не в должной мере удавалось поддерживать за счет различных проектов и заказных работ. Возможности финансирования по нашей основной работе за все эти годы нисколько не расширились. Более того, государственные фонды – РФФИ и РГНФ – не раз недоплачивали нам десятки тысяч рублей по грантам. Заказных работ стало меньше, поскольку консалтинговый бизнес давно уже сформировался и редко нуждается в «аутсорсинге». Нередко именно поэтому наши бывшие товарищи встали перед дилеммой: либо профессиональный консалтинг с хорошей оплатой, либо академические исследования. Та же дилемма, в сущности, стояла и перед нами как научным подразделением. Можно было по крайней мере с конца 1990-х гг. специализироваться по какой-либо одной крупной проблеме – например, в пограничных исследованиях или «геосоциологии». Такая специализация сулила определенные преимущества в перспективе, но означала риск остаться без грантов в ближайшее время. Поэтому приходилось работать по достаточно широкой тематике. В этом были и плюсы («академическая» широта видения, необходимость постоянно искать новые темы), и минусы. Что получилось – то получилось.

B.A. Соколова и Л.В. Щекина (записи бесед с А.В. Дроздовым)

Наша библиотека

Я сижу и читаю поэта. В зале¹ много людей, но их не замечаешь.

*Они – в своих книгах. Время от времени они пошевеливаются
между страниц, как спящий между двух снов поворачивается
во сне. Ах, как же хорошо быть среди читающих.*

Райнур Мария Рильке.
«Записки Мальте Лауридса Бригге»

---

¹ Герой «Записок» пишет о читальном зале Национальной библиотеки Франции.

Рассказывает Валерия Андреевна Соколова.

Библиограф. Старейшая сотрудница.

Когда в 1956 г. я закончила институт, меня оставили в Москве и направили в ВИНИТИ. Когда я туда пришла, то там было место временное – там у них сотрудница в декретный отпуск ушла. Я попросила направить меня на постоянную работу. И вот меня посыпают в Академию наук, в старое здание², потому что оттуда поступила заявка, что нужна сотрудница в библиотеку Института географии. И мне там говорят: «Направляем в Институт географии, так как Вы – географ».

Здесь было все совсем по-другому, не так как сейчас. Я сразу все здесь полюбила, потому что все это было очень камерно. Я ведь до десятого класса болталась в Библиотеке им. Ленина. Потом был десятый класс, институт. А здесь для меня это было нечто домашнее и уютное.

Тогда здесь работала чудесный человек – Вера Александровна Гиппенрейтер. Она, между прочим, училась в одной школе с А.Н.Формозовым и С.Ю. Геллером. И сотрудники библиотеки, и читатели – это было единое целое. Они приходили сюда с самого утра и сидели все время. Читальный зал и библиотека – все было в одной комнате. Кое-кто сидел на антресолях. В основном молодежь.

Но внизу за столами места всегда были заняты: Э.М. Мурзаев, Я.И. Фельдман, С.Ю. Геллер, А.Н. Формозов, Б.Л. Дзерзевский – вот эта вся плеяда. Я ведь училась по их учебникам.

В отделе абонемента.

²Это Александрийский или Нескучный дворец, бывшая усадьба князя Н.Ю. Голицына.

Начинала, как и все новички, с работы на абонементе. Но я сразу библиографией занялась под «крылом» Елены Александровны Степановой.

В библиотеку ходили все – вся дирекция, заведующие отделами, знаменитые учёные. Для них библиотека была, по-моему, родной дом. Они всю периодику, все новые книги брали, в общем, всю новую литературу. Григорьев приходил. Там была такая банкетка низенькая, садился на нее и читал. Разговаривали все шепотом. Теперь, с появлением компьютера и Интернета, в читальном зале народу не так много.

Замечательным был наш Библиотечный совет. Тогда еще существовала подписка, но деньги были скучные, и надо было выписывать только то, что очень нужно. Совет рекомендовал разные книги. Но каждый отстаивал свой журнал, труды по своей специальности. Караваева, например, всегда отстаивала «Почвоведение». Это не были люди дирекции, не были заведующие отделами. Это были специалисты по всем областям географии.

Как и раньше, так и сейчас наша библиотека – это часть БЕНа, Библиотеки по естественным наукам Академии наук СССР (теперь России). Это ее отдел в Институте географии.

Постоянной заботы требовали и требуют наши каталоги. Этим делом руководила Елена Александровна. Тогда классификация была только общая – метеорология, гидрология и т.д. – без подразделений, без региональной части. То есть она была, но по республикам – внутри не было деления на дисциплины. И эта структура была задана «сверху» – есть специальные требования по классификации. Но одно дело это библиографическое описание, есть обязательные данные, которые обозначены в книге, ты обязан их отобразить в библиографическом описании. А систематизация допускает некоторую свободу. Некоторые книги издаются со схемой систематизации – ты ею можешь пользоваться, но можешь дополнить. Я дополняю теми рубриками, которые там необязательны. Но я считаю, что для нас они обязательны! Для библиографов, работающих с географической литературой. Потому что можно поставить просто геоморфология и все, а можно раздробить. Дать перекрестные ссылки.

Сейчас в библиотеке появились новые, молодые сотрудники, они компьютеры знают. Так что новые поступления заносятся в компьютер, а затем выставляются на сайте.

*Рассказывает Людмила Васильевна Щекина.
Заведующая библиотекой*

Когда я пришла, уже все было в современном виде, при мне начались только переезды из одних подвальных хранилищ в другие, а все эти комнаты были, они не менялись.

Но менялись фонды. Самые большие поступления были в 1970–1980-е годы, включая и валютные подписки. Это началось с приходом нового директора БЕНа – А.Г. Захарова, он новую жизнь вдохнул в старый БЕН, и мы вышли на международные позиции, он наладил общее взаимодействие с зарубежными библиотеками и издательствами.

Наша же более узкая инициатива действовала в 1950-е годы. Тогда мы осуществляли большой книгообмен со многими зарубежными организациями. Они получали наши издания на русском, на английском, на немецком языке и так далее...

Был у нас еще большой фонд трофеейной литературы, основную часть которого вернули, как это положено. Елена Александровна Степанова лазила по полкам, тушью замазывала их штампы, чтобы не было видно, что мы книги из их библиотек забрали. Вот мы им книги возвращали, а они нам много новой литературы присылали.

В то время мы получали много литературы. Я пришла – и вот эта вся литература была на полках. А изначально библиотека создавалась так.

Во-первых, на покупку литературы отпускали деньги в Институте, даже валютная литература какая-то покупалась, небольшая, конечно, часть. И дарили, конечно же, ученые. Свои личные библиотеки передавали. Вот от кого мы получали книги: от Милькова, от С.Н. Рязанцева, от А.В. Живаго... Из ФБОНа (библиотека АН по общественным наукам), из Воронежского университета, Иркутского биолого-географического института, научной библиотеки при Иркутском университете.

Во-вторых, очень много литературы было получено из БАН (Библиотеки Академии наук в Ленинграде). Ведь Институт оттуда в Москву приехал.

У нас самый книгочей – это был В.М. Гохман. Он потом стал председателем Библиотечного совета. Он всегда заходил смотреть новые книги, у нас здесь стоял сервант с выставкой новых поступлений. Вот он, бывало, придет и все с нами говорит-говорит, а сам все смотрит. Здесь Майя Иосифовна сидела – говорит ему: «Вениамин Максович, а я видела – Вы взяли книгу...», а он в ответ: «Ну, я же только посмотрю», и так тихонечко ее подмышечку. И уходит, говоря «я скоро принесу». И, конечно же, забывал, а мы напоминали...

Потом, бывало, придет из книжного магазина, а в руках несколько книг, показывает: «Вот, посмотрите. Так интересно!» Мы говорим ему: «Тут всего столько! Когда же вы все это читаете?» Он в ответ: «Зачем читать! Я просматриваю. То, что интересно я читаю, а что так...»

Еще Алеша Ретеюм очень много времени проводил у нас. Он и сейчас наш читатель. Даже когда он из Института ушел, мы ему разрешили библиотекой пользоваться. Он сам лазает по полкам. Все знает, все помнит. Иногда приходит и спрашивает: «Я помню, что это здесь стояло, а теперь где?» Он хорошо знал подвал. Он вообще все знал.

Вспоминаем вместе. Из подвала в подвал

Разрастался фонд и требовались дополнительные помещения. В последнем подвале, в Кадашах, мы оказались вот как.

Сначала мы были на Пятницкой улице, там у нас был первый подвал, сейчас там какой-то Международный банк. Потом оттуда мы переехали на Полянку, мы там короткое время были, теперь там сделали какое-то отделение милиции. Потом переехали на Кадashi. Мы там какое-то время побыли и нас оттуда вытеснили, потому что туда наши биологи приехали. Потом, когда Кадashi отобрали, нам отдали комнату архива. И все равно все разместить было невозможно. Пришлось много дуплетной литературы передать другим. Ну и читальный зал пришлось занять вот этими шкафами, и в шкафах разместить литературу. А в старые годы, когда у нас не было дополнительных помещений, шкафы стояли по коридору – у

бухгалтерии, в отделе кадров, у кабинета Григорьева, там – где сейчас Тишков сидит, там тоже стояли...

Пик активности

В 1970–1980-е годы, когда научная и общественная жизнь в Институте бурлила, когда экспедиции (одна интереснее другой) манили во время отпусков сотрудников библиотеки (в качестве поваров и лаборантов) в различные путешествия, активность читателей достигала наивысшего показателя. Чтобы поработать в читальном зале, нужно было до открытия библиотеки собраться у дверей, чтобы успеть занять столик в читальном зале (на всех не хватало мест). В отдельные дни читателям разрешалось поработать в служебном помещении.

Можно сказать, что экспедиционная жизнь наложила свой отпечаток на наших читателей – неприхотливость в условиях работы, которая сохранилась до сих пор. Наши ученые работают в любой обстановке, лишь бы найти уголок, где можно присесть и прислониться. Иногда, прямо у полки, просматривая издания. А однажды, в нашей комнате 14, на антресолях состоялись экзамены по специальности для аспирантов. Как мы тогда переживали за испытуемых!

Котенок и кот

В 1950-х годах в библиотеке жил котенок, который вносил в повседневную жизнь некоторое разнообразие. На перекладинах стульев болтались подвешенные бумажные бантики, чтобы котенок не мешал работать.

В 1990-е годы на вахте Института поселился кот, который освоился в обстановке очень быстро, и все ему очень понравилось, видимо кот был «ученый». Большую часть времени кот проводил в библиотеке. Наверное, он чувствовал здесь себя хозяином, так как совершенно бесцеремонно мог расположиться на любом стуле или даже на чьих-нибудь коленях. Любил подремать и на подоконнике среди цветов.

Конечно, кот был не бескорыстным. От угощенья никогда не отказывался. Но и помогал нам – совершаил обход всех библиотечных комнат, так как мыши иногда беспокоили нас. А на антресолях его приходилось сопровождать, так как кот мог схалтурить, т.е. подняться и тут же спуститься с лестницы. А уж если честно обходил все углы, мы его поддерживали хвалебными словами и чем-нибудь вкусненьким.

Из отчетов о работе библиотеки (1933–1974 г.)

1933

Поступления: книг – 403; журналов – 901.

Составление алфавитного каталога карт: 800.

Составление списков для выписки иностранных монографий, периодики иностранной и русской на 1934 год.

Комплектование... покупка у букинистов и в различных издательствах.

1935

Проведена работа по составлению географического и предметного систематического каталога.

1938

Площадь библиотеки 61,4 кв.м. Составление аннотированной библиографии; переводы; выставки по специальным заданиям.

1939

Получена дополнительная комната (ком.16), что дало возможность освободить часть библиотечного помещения под читальный зал.

1940

Сотрудники библиотеки, в порядке помощи сотрудникам ИГ, делали переводы со шведского, итальянского, немецкого языков.

За счет увеличения рабочего дня просмотрены и расписаны поступившие в 1940 г. номера «Книжной летописи».

Было организовано три выставки: «К 60-летию товарища Сталина»; в помощь теоретической конференции по 4-й главе Краткого курса ВКП(б); выставка работ Ю.М. Шокальского.

1941

Дальнейшая работа во 2-м полугодии проходила с перерывами в июле, октябре, частично в ноябре, когда происходила упаковка библиотеки и частичная отправка книг в Алма-Ату.

Закончена перестройка библиотечной комнаты, поставлены шкафы, оборудован в отдельной комнате читальный зал.

Приведен в порядок алфавитный каталог, оформлен и систематизирован региональный каталог.

По специальному заданию составлен список литературы по Уралу и Крыму – 210 назв.

1942

Приведение в порядок помещения в подвальном этаже для занятий зимой.

Проверка библиотеки. Составление актов и карточек с учетом «на месте», «упаковано» и «увезено».

Вся текущая работа продолжалась: покупка, подписка, обмен, обработка литературы, роспись статей, каталоги и картотеки, выдача литературы, работа с межбиблиотечным абонементом (МБА).

1943

Приняты и расставлены на места книги, вернувшиеся из Алма-Аты.

Выставки литературы: «Материалы к книге товарища Сталина «О Великой Отечественной войне»; литература к семинару «Русская географическая школа».

Тематические справки с подбором литературы:

- По заданию военных организаций подобран картографический материал для этнографической карты;
- для ЦК ВКП(б) – «Растительность Казахстана»;
- для товарища Арманда – по Японии;
- для Ленинской библиотеки – «О медных месторождениях Карадага»;
- для товарища Когана – опубликованные в 1943 году работы сотрудников ИГАНа.

1944

Составлен список лакун иностранной периодики за 1941–1943 годы.

Заказаны иностранные монографии.

Проведен заказ на русскую и иностранную периодику.

1945

Тематические справки с подбором литературы:

- размещение промышленности в капиталистических странах (литература с 1937 года для товарища Васютина) – 285 названий;
- Западный Казахстан (Актюбинская область, Гурьевская область, Западно-Казахстанская область) – геobotаника, геология, хозяйство для товарища Буяновского – 281 название;
- промышленность СССР (Прикамье и Донецкий бассейн) для товарища Мерсона – 40 названий;
- овцеводство (литература с 1860 года на русском и иностранных языках) для библиотек: Ленинской, СОПС, ООН, ВАСХНИЛ – 408 названий.

План выполнен частично, так как зимой 1944–1945 годов и весной 1945 года не было электрического света с утра до 14 часов. Выдача книг и вся работа в эти часы была затруднена. Кроме того, в апреле 1945 года был ремонт всего здания, в том числе и библиотеки.

1946

Принят и разобран большой фонд reparационной литературы. Всего 19785 единиц. Отобраны книги и начата их обработка для библиотеки ИГАНа и для других библиотек.

По МБА получали литературу из 39 библиотек, выдавали в 46 библиотек, в том числе иногородние библиотеки (Воронежская государственная библиотека, библиотека Саратовского государственного университета).

Выпущен информационный бюллетень: №1(5) – 630 названий; №2(6) – 329 названий; №3/4(7/8) – 985 названий (Информация взята из «Книжной летописи», летописи журнальных статей, поступлений в библиотеку ИГ, с витрин новых поступлений в другие библиотеки).

Тематические справки: «Пленплен» – 69 названий; «Ледниковая эрозия» – 411 названий; «Изображение рельефа на картах» – 54 названия; «Экономическая география Монгольской Народной Республики» (литература 19–20 вв.) – 125 названий; «Овцеводство СССР (дополнение)» – 15 названий.

Две выставки: на агитпункте к выборам в Верховный Совет РСФСР, к 100-летию со дня рождения А.И. Воейкова – 500 книг.

1956

Увеличилось комплектование литературой по смежным наукам. Увеличилось количество тем по изучению капиталистических стран. Дирекция института выделила деньги на покупку отечественной литературы для организации книгообмена с иностранными географическими учреждениями. Налажен книгообмен с 20 географическими учреждениями. Сотрудники библиотеки посещают выставки новых поступлений других библиотек (Государственного океанографического института, редакции издательства отдела Военно-Топографической службы Управления Генерального Штаба Вооруженных сил СССР, 4-ое Геологическое управление, Научно-картиографической части Главного управления геодезии и картографии и др.) для последующего информирования сотрудников ИГАНа. При библиотеке организован кружок по изучению английского языка, который посещают и сотрудники библиотеки СОПСа и ОГГН. Кружок вела сотрудница нашей библиотеки И.М. Аксельрод.

По МБА получали литературу из 44 библиотек, выдавали в 65 библиотек.

1957

В Ленинграде удалось приобрести большое количество изданий за старые годы, которые представляют существенный интерес для работы Института, какими являются «Известия» и «Записки Всесоюзного Географического общества», удалось собрать полностью все недостающие тома. Приобретены «Записки» Кавказского, Оренбургского и Сибирского отделов Русского Географического общества, являющиеся библиографической редкостью. Кроме того, библиотека бесплатно получила большое количество изданий Географического общества для международного книгообмена. Работу в Ленинграде закончить не удалось из-за малого срока командировки. Библиотека надеется получить еще одну командировку для отбора литературы из бронированного фонда, на что имеется разрешение директора Библиотеки Академии наук (БАН) Г.А. Чеботарева. Удалось получить также его согласие на улучшение снабжения нашей библиотеки литературой по международному книгообмену, проводимому БАН. Результатом этой деятельности явилось удовлетворение заявки на иностранные журналы на 70%.

Значительно расширился книгообмен, проводимый нашей библиотекой. Библиотека систематически обменивалась научной литературой с 23 учреждениями и крупнейшими географами зарубежных стран. Кроме того, проводился, и разовый обмен, который насчитывал 28 точек. В отчетном году библиотека отправила в порядке обмена 324 единицы на сумму 3102 рубля 35 копеек и получила в обмен 507 на сумму 4302 рубля 05 копеек. Это не учитывая высланных в ноябре месяце из Америки 35 ценнейших географических монографий, сумма которых, по всей вероятности, составляет не менее 175 долларов (700 рублей). Для приобретения изданий, посыпаемых за границу, библиотека воспользовалась списанием в макулатуру литературы, оставшейся на складе «Академкниги» и безвозмездно приобрела около 3000 единиц на сумму 29000 рублей. Полученная литература пользуется громадным спросом за границей.

В 1957 году библиотека переплела около 1600 единиц. Проведена очень большая и трудоемкая работа по изъятию из фонда книг, атласов и журналов, ранее принадлежавших Лейпцигскому институту страноведения, в количестве 3400 единиц.

По сравнению с 1956 годом, количество выданной литературы несколько снизилось. Это объясняется, на наш взгляд, увеличением числа дней, когда научным со-

трудникам разрешается работать вне Института, а также за счет 60 сотрудников, находящихся в двухгодичной зимовке по программе МГГ.

На абонементе организована картотека отказов, в которой фиксируется наиболее спрашиваемая литература, отсутствующая как в самой библиотеке, так и в других библиотеках Москвы. При составлении заказов на следующей год литература, имеющаяся в картотеке, включается в списки.

В 1957 году количество библиотек, у которых мы получаем литературу по МГА, значительно расширилось. По сравнению с прошлым годом мы использовали фонды 53 библиотек и выдали 65 библиотекам. Среди библиотек, с которыми имеется МГА, библиотеки Львовского, Казанского, Саратовского государственного университетов, Кольский филиал АН СССР и ряд других. Литературой библиотеки Института географии пользуются и такие крупнейшие библиотеки, как Библиотека им. В.И.-Ленина, Библиотека АН СССР в Ленинграде, ФБОН и другие.

В отчетном году ИГАН отправил в Арктику и Антарктику четыре больших группы научных сотрудников для работы по МГГ. Срок командировок три года. Библиотека подобрала этим группам небольшие библиотечки необходимой литературы из книг, имеющихся в достаточном количестве экземпляров. Иногда этот принцип нарушался, но с руководителями групп была достигнута договоренность, что при установлении первой же связи с ними книги будут возвращены, а туда направлены новые.

Текущие выставки новых поступлений пользовались широкой популярностью и с большим интересом просматривались не только сотрудниками Института, но и работниками редакционно-издательского отдела Военно-топографической службы Управления Генерального штаба вооруженных сил СССР, Арктического института и ряда других учреждений.

Библиографическая работа несколько изменила свое направление и продолжалась по пути подготовки библиографических изданий типографским способом. Закончен отбор и библиографическая редакция материала «Ежегодника географической литературы». В декабре месяце весь материал передан научным редакторам. Работа над «Ежегодником» несколько затянулась, так как вместо запланированных трех тысяч названий их набралось более шести тысяч.

Подготовлена региональная схема, которая использовалась для вспомогательного указателя «Ежегодника», а также частично и для регионального каталога. Ука-

В фондах библиотеки. Первое издание знаменитого словаря Брокгауза и Эфрана.

занную схему у библиотеки запросил Институт научной информации, который использовал ее для своего реферативного журнала, а также высыпал, для этой же цели, в Брюссельский Институт статистики.

1959

Отсутствие необходимой площади в здании ИГАНа привело к тому, что в различных местах г. Москвы Институт имеет 4 различных крупных отдела. Библиотека выделила этим отделам литературу по их профилю и передала на абонементы назначенных для этой цели научных сотрудников.

Библиотека систематически с помощью членов библиотечного совета проводила чистку своих фондов от ветхой и непрофильной литературы. За отчетный год было списано 1427 единиц и более 600 подготовлено к списанию.

1963

Всего в Библиотечном совете 14 человек. Председателем его являлся многие годы подряд Л.Г. Каманин. Члены Библиотечного совета: А.И. Будаговский, В.И. Булавин, Г.Н. Витвицкий, В.М. Гохман, С.В. Кириков, И.В. Комар, А.А. Минц, Ю.М. Модель, В.С. Преображенский, Е.В. Рогачева, Л.Р. Серебрянский, Л.Н. Соболев, Н.Г. Фрадкин. В 1963 г. проведено два заседания Библиотечного совета, на которых обсуждались следующие вопросы: план и отчет библиотеки, профиль комплектования библиотеки, отражение литературы в систематическом и региональном каталогах. Библиотечному совету было доложено об итогах отчета библиотеки перед Бюро Библиотечного совета Президиума АН СССР. Многие члены Библиотечного совета являлись постоянными консультантами в вопросах организации справочного аппарата библиотеки. Г.Н. Витвицкий, Л.Р. Серебрянский, В.М. Гохман помогали в

Таблица 1. Динамика библиотечного фонда и числа читателей по годам

Год	Кол-во сотрудников	Фонд библиотеки	Читательских абонементов
1935	1	11474	37
1938	2	24087	104
1940	3	31809	126
1941	3	35351	?
1942	3	35896	79
1943	4	36879	153
1944	3	38553	150
1945	3 (4)	38239	164
1946	5 (+1)	41699	173
1956	7	71431	292
1957	7 (+1)	78537	328
1971	8 (+1)	101804	618
1985	8 (+1)	96256	580
1995	7	97571	658
2010	7	97318	366

отборе статей для отражения их в каталогах. В.М. Гохман для отдела комплектования иностранной литературой Московской библиотеки АН СССР просмотрел картотеку справочников по отдельным странам (555 карточек) и выбрал, что необходимо МБАН. Эту работу В.М. Гохман делал совместно с М.Б. Горнунгом. Кроме того, В.М. Гохман и Г.Н. Витвицкий помогли уточнить список необходимых библиотеке иностранных журналов.

Кроме членов Библиотечного совета большую помощь в работе оказывали читательский актив. Так, Д.А. Тимофеев являлся постоянным консультантом по отбору материала в каталоги, помогал в систематизации. Все отделы систематического и регионального каталогов, с которыми работала библиотека в 1963 году, были даны на научную редакцию научным сотрудникам Института. Так, раздел картографии редактировал зав. отделом картографии Н.Ф. Леонтьев, раздел гидрологии – Н.Н. Кренке, раздел гляциологии – С.П. Овчинников, раздел регионального каталога «Север» редактировал консультант Института д.г.н. Г.Д. Рихтер, раздел «Поволжье» – ст.н.с. Г.В. Обидиентова. Постоянными консультантами «Ежегодника» являлись научные сотрудники: Г.Н. Витвицкий, Л.Р. Серебрянский, Л.Н. Соболев, Б.П. Миронов, Д.Л. Арманд, Н.Г. Фрадкин, В.М. Котляков, С.П. Овчинников. На общественных началах проводили научную редакцию «Ежегодника» зам.директора Института д.г.н., проф. М.И. Нейштадт, ст.н.с. Л.Г. Каманин и М.И. Помус. Научные сотрудники помогали и в комплектовании библиотеки, и во многих других вопросах.

1971

Получены две самые лучшие комнаты Института (60 кв.м.). Это явилось итогом многолетних хлопот перед Дирекцией и общественностью Института. Кроме этого получен подвал в доме 27 (30 кв.м.). Вместо этих помещений пришлось освободить комнату в 16 кв.м. и шкафы, которые стояли в коридоре.

1974

Получена в подвале еще одна комната. До этого здесь находился отдел геоморфологии.

От редактора-составителя.

Выдержки из отчетов выразительными деталями дополняют рассказы Валерии Андреевны и Людмилы Васильевны. Бесконечные переезды из подвала в подвал, поиски новых книг, выставки, забота о ветхих книгах, помочь сотрудникам Института в поисках нужной литературы, совершенствование каталогов, библиографические справки. И при этом – неизменно дружественная обстановка.

В академических институтах у нашей библиотеки прекрасная репутация. По словам коллег, три особенности выделяют ее из числа других. Во-первых, доброжелательная атмосфера. Во-вторых, богатство фондов. И, в-третьих, качество каталогов. Я очень люблю нашу библиотеку. Перефразируя слова Рильке из эпиграфа к этому очерку, скажу – ах, как хорошо мы чувствуем себя среди замечательных сотрудниц нашей библиотеки. Они преданы делу, приветливы, все знают о нашей библиотеке, всегда отзываются на наши просьбы найти что-нибудь, они любят книги и читателей. И читатели их любят. И это главное!

Поэты, художники, писатели

Восприятие ландшафта, будь то город, тайга или пустыня, постижение и осмысление окружающего мира в образах – неотъемлемая черта нашей профессии. Ведь обобщение или генерализация наблюдений в образах, в немногих выразительных главных чертах – это естественный способ упорядочения нашего опыта. Разумеется, наряду с проведением систематических измерений, определений и т.д. и их строгой научной интерпретацией.

Вероятно, по этим причинам, если у человека, ставшего географом, от природы есть способности к рисованию, писательству, стихосложению – словом, к созданию образов – наша профессия помогает их проявлению. Поэтому среди сотрудников Института много людей пишущих и публикующих не только научные, но и научно-художественные и беллетристические сочинения, увлекающихся живописью и фотографией, участвующих в художественных выставках.

Поэзия наших коллег обладает несколькими своеобразными чертами. Сюжеты стихотворений часто оказываются связанными с определенным памятным местом, с конкретным ландшафтом, с экспедиционной жизнью. И нельзя сказать, что географы-природоведы такую связь демонстрируют намного чаще, чем обществоведы. Пожалуй, пространство и его отображение – это сквозной сюжет для тех и других. Время предстает чаще как время природы с ее сезонами и круговоротами, а не как стрела жизни, не как время – течение. Метафоры черпаются, пожалуй, тоже чаще из объектов и явлений первой – естественной, а не второй – техногенной природы. Пространство и его ткань, место с его характерными свойствами (туманы, солнце, ветер, травы, воды и т.д.) – очень часто диктуют поэтам-географам связь и ассоциации с жизнью души.

К сожалению, сохранились лишь немногие стихотворения наших ушедших коллег. Они публиковались в газетах, в сборниках, в журналах, а не как авторские книги. Ведь еще тридцать лет назад издать авторскую книгу стихов было очень непросто. И дело не столько в достопамятном Главлите, сколько в редакционной политике издательств, направлявшейся, преимущественно государственническими установками. Это теперь выпустить книгу стихов или роман – сугубо частное дело, были бы деньги.

Поэтому список поэтических книг, помещенный в конце очерка, составляют сочинения наших современников. Троє из них – В.В. Бугровский, А.А. Назаров и Д.А. Тимофеев ушли из жизни недавно.

Четыре поэтических сборника выпустил Аркадий Александрович Тишков. Один из них называется весьма характерно – «Полевые дневники». Вообще, профессия в его стихотворениях проявляется довольно заметным образом:

«Мы хороши своим разнообразием,
Живя между Европою и Азией...
Мы хороши своим разноумением –
Избостроением и песнопением...

Чем дорожить? Горою, дубом, льдиною?
И Солнце и Земля для нас единые...
В безверии всегда вредна настойчивость...
Урок веков – в разнообразии устойчивость!».
Разве не угадываем мы здесь кредо известного специалиста по биологическому разнообразию?

Павел Маркович Полян (Нерлер) – исследователь городов и географии населения – пишет о тундре:

«Белесых суток считывая гранки,
Учебник тундры нехотя открай:
Прекрасен мир и с северной изнанки,
Где царь – комар, а человек – герой!
Здесь каждый вздох кочкарником оброс,
Пушится ягель и болото мшится,
Грибная мякоть ломко шелушится
И не молчит стоярый кровосос».
Вот и здесь взгляд географа профессионален, хотя автор не природовед, а социальный географ.

Андрей Ильич Трейвиш – тоже социальный географ, но не это главное в его творчестве. Главное – общегеографическое чувство пространства. Один из циклов его стихов так и называется «Бремя пространства». Характерный пример – шуточное стихотворение «Картофрения». Вот его фрагмент:

С лицом, расписанным Сарьянном,
В небрежной позе Беранже
Я не вином – простудой пьяный,
Лежу на койке в Янгадже.
А карта, в сумерках туманна,
Ползет, бродяга, по стене
И очертаниями странно
Как бы подмигивает мне.
Молдавия с Карпатским клином,
Между собой разинув пасть,
На Запад силятся напасть.
И спазма в кадыке у Крыма,
Что не достать ему Балкан
За рамкой карты. Щелк – и мимо.
«Ну, где же бабочка, Полкан?»
Лошадка Колы не строптива,
Над Белым морем взмах ресниц.
Трясет отмывами границ
Ее подстриженная грива...

Кажется, географическое мировосприятие менее всего проявляется в стихах Андрея Алексеевича Назарова. В двух его книжках можно найти, пожалуй, только одно вполне географическое стихотворение – о временах года. Написано оно рукой мастера.

Баллада о четырех сезонах

I

Под февральское месиво,
Под апрельские просини
Непогода развесила
Полиняльные прстыни.
Разливается ночи свет
На асфальтовом темени;
Я брожу в одиночестве,
Непонятном, весеннем...

II

Плещут хрупкие дождики,
Перевитые радугой...
Ночи синими звездами
Наплывают – и подают.
Он без имени-отчества
Пролетает – и нет его!..
Жизнь полна одиночества,
Бесшабашного, летнего...

III

Паутинными блестками
Шита синь золотая...
Машет крыльями жесткими
Журавлиная стая.
Под неслышные почести
Пролетающим семьям
Я брожу в одиночестве,
Невесомом, осенним...

IV

Догорели последние
Огоньки многоцветные...
Где вы, сполохи летние?
Где мечты несусветные...
Ночь черна, как пророчество...
Небо – в зареве дымном...
Жизнь полна одиночеством
Нескончаемым, зимним...

Это обстоятельство нисколько не умаляет достоинства стихов Назарова, равно как и заметная географичность произведений других авторов не вытесняет из них

Сборники стихотворений.

собственно поэтическое начало. Но для читателя-географа сочетание географического и поэтического особенно близко. Таким органичным сочетанием выделяется поэзия Дмитрия Андреевича Тимофеева. Одно из его стихотворений помещено в посвященном Д.А. очерке в третьей части книги.

Рисунок и живопись, может быть, даже более распространенная сфера творчества наших коллег, чем поэзия.

Географы всегда видели то, что другие не замечали или видели совсем с другой точки зрения. Особенности профессионального взгляда на природный и культурный ландшафт заставляют многих географов видеть и отображать увиденное иначе, чем это делают негеографы. К тому же высшее профессиональное образование географов включает в обязательном порядке курс картографии с азами рисования.

Еще два столетия назад – до появления фотографии, географы просто не могли, не имели права не уметь рисовать. Не обязательно было быть живописцем, но рисовальщиком, графиком географ быть был обязан. В крайнем случае, он должен был быть писателем, умеющим живописно описывать Землю. Эти «записки», включающие и рисунки, вынуждено были многословны и точны в описаниях, потому что географическая карта не дает всего... может быть – главного.

Поэтому еще в далекие жестокие времена пирата-географа Дрейка, во времена борьбы Англии с Испанией за богатства Вест-Индии, времена открытий Моллукского архипелага, островов Полинезии, проникновения в Японию европейцы счита-

Альбом с работами наших художников.

снимки? Но люди продолжают делать это, обнаружив вдруг, что эти нечеткие размытые кадры иногда дают им впечатлений больше, чем технически высококачественные снимки. Тем более отличаются от фото работы художников-географов. Так, размытая живописная линия перехода от гор к небу, или от зеленого берега к морской глади дает воображению больше, чем четкие однозначные линии фотографии.

В нашем Институте немало коллег, профессионально владевших и владеющих карандашом и кистью.

Вспомним, в первую очередь, ушедших от нас: Александра Николаевича Формозова, известнейшего зоолога и анималиста – его рисунки в знаменитой книге «Спутник следопыта» знакомы миллионам читателей. Олега Сергеевича Гребенщикова – его пейзажная живопись создана рукой мастера, видевшего ландшафт глазами и географа, и поэта. К слову, Олег Сергеевич обладал еще и дарованием композитора, сочинял музыку к спектаклям, был членом Союза композиторов. Интересовался художественной фотографией, впечатления от многочисленных поездок воплощал в рисунках, акварелях, в картинах, написанных гуашью. Множество рисунков Олега Сергеевича сделаны на архитектурно-исторические сюжеты. И в художественных работах, и в музыке О.С. Гребенщикова видится образ этого человека – человека очень высокой общей культуры, широко и прекрасно образованного, убежденного оптимиста, ценившего жизнь, влюбленного в народное искусство и природу, для понимания которой он так много сделал.

Недавно от нас ушел Игорь Алексеевич Зотиков, известный гляциолог, писатель и художник, один из авторов этого очерка. Живописью и рисованием он стал заниматься с 1977 г. неожиданно и для окружающих, и даже для самого себя.

ли, что дневниковые записи и рисунки к ним очень важны и информативны. То, что видели и открывали капитаны, считалось даже важнее карт. Например, если за кражу карты наказание было просто суровым, то за кражу дневниковых записей и рисунков полагалась смертная казнь.

Позднее, в более «просвещенные» времена, художники стали пользоваться не только грифелем, пером или карандашом, но и красками – появилась живопись как непременный атрибут профессии географа.

В новейшее время, с появлением фотографии и видеосъемки, рисунок и живопись были оттеснены на второй и третий планы. Но прошло совсем немного времени, и практически все поняли, что фото часто не может заменить даже рисунка, а тем более авторского живописного отображения впечатлений от увиденного и изученного на просторах Земли. Вы замечали, как много людей сегодня фотографируют мобильниками, получая «ужасные»

Занимался в художественной студии Дома культуры «Новатор» в конце 70-х годов XX века. Все работы Игоря Алексеевича выполнены маслом и только с натуры, даже в Арктике и Антарктиде. Многие работы стали иллюстрациями к его книгам, выставлялись на многочисленных художественных выставках. Тема большинства его живописных работ – ландшафты России и стран, в которых он побывал, особенно, полярных и горных стран. В них нашли отражение свежесть и неординарность взгляда Игоря Алексеевича и его восприятия как привычных ландшафтов Подмосковья, так и тех мест, куда мало кому удается в своей жизни заглянуть. В 2005 году Игорь Алексеевич живо откликнулся на идею создания Ассоциации художников-географов, активно ее поддержал как участием в написании вводных статей к двум вышедшим к настоящему моменту коллективным Альбомам этой Ассоциации, так и участием во всех прошедших за последние годы групповых выставках этого неформального творческого коллектива.

Наши современники – коллеги по Институту – стремятся сохранить традиции. В 2005 г. по инициативе И.Н. Волковой и при поддержке И.А. Зотикова, а также географов-художников С.М. Головиной и Л.И. Коган была создана неформальная Ассоциация художников-географов, выпускников и (или) сотрудников географического факультета МГУ и Института географии РАН, а также других профессиональных географов, которые проявили себя как художники. За шесть лет работы Ассоциации были организованы семь коллективных выставок (ежегодные, ставшие уже традиционными – в Галерее на Песчаной, а также на других площадках), выпущено два коллективных альбома работ художников-географов, проведен ряд мастер-классов приглашенными профессиональными художниками и, что, пожалуй, самое важное – дан творческий импульс и предоставлены возможности для «вывода в свет» своих работ и повышения общего художественного уровня в общей сложности более чем 75 участникам Ассоциации.

Из наших старших коллег назовем А.Д. Арманда и А.А. Величко. Алексей Давидович Арманд, известный географ, путешественник, популяризатор географии про себя написал в первом коллективном альбоме художников-географов так:

« – по званию: доктор географических наук; по призванию: путешественник, в свободное время считаю себя еще и художником.

– по образованию: необученный – художественное образование ограничилось двумя классами детской художественной школы. Дальше началась война – было не до кисточек и красок... Но 35 лет занятий в Студии рисунка и живописи Центрального дома ученых в Москве оставили свой след;

– по судьбе: удачник; по причастности: участник ежегодных выставок Изостудии Центрального дома ученых РАН на протяжении 40 лет и всех выставок Ассоциации художников-географов с момента ее основания».

Работает Алексей Давидович много и плодотворно в основном в смешанной технике и графике (акварель, пастель, карандаш, тушь). О его работах можно смело говорить как о вполне профессиональных и имеющих четко выраженный собственный стиль, будь то портреты, пейзажи или жанровые композиции. В последние годы тематика работ Арманда все больше вдохновляется философскими и публицистическими трудами Н.К. и Е.И. Перихов, Живой Этика и работами Е.П. Блаватской. Алексей Давидович считает, что для людей искусства здесь бездонный

источник мыслей и чувств, связанных со стремлением к наступающему веку разума и справедливости, к эпохе Огня.

В 2007 г. друзья и родственники помогли А.Д. собрать и оформить щедро разданные и «положенные в стол» работы и организовать прекрасную, очень представительную персональную выставку в трех залах Музея Н.К. Рериха.

Андрей Алексеевич Величко увлекается живописью с начала 60-х годов. Работает в основном в технике масляной живописи, пастели, акварели. Во время своих полевых работ и поездок по разным странам ведет «путевые заметки» в виде рисунков, которых набралось около сотни. Любит писать натюрморты и интерьер, пейзажи и цветы.

С 2005 г. участвовал в групповых выставках Ассоциации художников-географов в Галерее на Песчаной и публиковал свои работы в Альбомах Ассоциации.

Следующее поколение художников в Институте географии представлено достаточно многочисленной группой сотрудников. Назовем здесь два имени.

Александр Руфимович Черногубов, зам. директора Института по общим вопросам, в последние два года практически все свое свободное время посвящает живописи маслом, непрерывно совершенствуя свой стиль и технику в жанре пейзажа. С 2010 г. участвует в коллективных выставках Ассоциации художников-географов и уже провел свою первую персональную выставку в залах Центра социального обслуживания района Тропарево-Никулино, пользовавшуюся большим успехом. Его интересные работы хорошо известны многим сотрудникам Института, так как Александр Руфимович легко дарит их коллегам и друзьям.

Ирина Николаевна Волкова, сотрудник отдела социально-экономической географии, со школьных лет параллельно с основным образованием обучалась сначала в Удельнинской художественной школе, затем в Заочном народном Университете искусств на отделении станковой живописи, с 2000 г. пять лет обучалась на курсах акварели для взрослых в Школе акварели С.Н. Андрияки. Предпочитает работать в технике многослойной акварели и пастели, в жанре пейзажа и натюрморта. В своих живописных работах пытается передать обобщенный зрительный образ ландшафта, преобразованного человеком, но не испорченного им окончательно...

Участница многочисленных коллективных выставок, провела три персональные выставки, член секции живописи и рисунка Центрального дома ученых РАН (г. Москва), Международного художественного фонда, Федерации «Акваживопись», Ассоциации художников-педагогов Москвы и Московской области.

Среди молодежи Института нужно в первую очередь назвать тоже двоих.

Вадим Анатольевич Караваев, молодой научный сотрудник лаборатории геоморфологии, занимается живописью и рисунком еще со студенческих лет в МГУ. Участвовал в ряде коллективных выставок художников в МГУ им. М.В. Ломоносова. Любимая техника Вадима – акварель, которой он учился у Н.Г. Орловой, профессора МГХПУ им. С.Г. Строганова. Большинство его работ – это пейзажи тех местностей, где Вадим работал в экспедициях (Западный и Центральный Кавказ, Мещера, Курские и Воронежские степи, а также Москва и Подмосковье). Активный участник всех выставок Ассоциации художников-географов с момента ее основания в 2005 году.

Роберт Анатольевич Чернов, молодой ученый, сотрудник отдела гляциологии, участник экспедиций в Арктику, Антарктиду и в горные районы России. Он явно унаследовал от отца, профессионально занимающегося художественной деятель-

ностью, недюжинные способности в области искусства. Роберт увлекается живописью, графикой, макрофотографией природного льда и снега. Участвует в групповых выставках Ассоциации художников-географов с 2007 года. Его работы неоднократно привлекали особое внимание посетителей выставок и пользовались большим спросом.

Проза. Популярные, научно-художественные, реже беллетристические книги – ту или иную «ненаучную» прозу – пишут почти все географы. Полный перечень названий этих книг составил бы несколько страниц. Здесь мы охарактеризуем только некоторые из них.

В нашем Институте весьма многочисленный отряд прозаиков составляют гляциологи. Во-первых, потому, что это самая распространенная у нас профессия. Во-вторых, потому, что их маршруты пролегали и пролегают в необыкновенных, труднодоступных местах, впечатления о которых невозможно не попытаться передать другим людям.

Наш «главный гляциолог» страны – академик В.М. Котляков, несмотря на свою постоянную сверхзанятость, всегда серьезно относился к популяризации. Одна из его первых книг в этом жанре «Мы живем в ледниковый период?» пришла по нраву читателям и была отмечена специалистами. Он пробовал себя и в научно-художественной прозе – так сложилась книга о памирских экспедициях «Горы, льды и гипотезы». Правда, первоначально ее название было более раскрепощенным, эмоциональным – «Льды, любовь и гипотезы», но издатели перестраховались и внесли свою «строгость».

Среди наших авторов гляциологического направления нельзя было не заметить Игоря Зотикова. За его импозантный вид и художественную бороду, за неуловимость по причине постоянных поездок за рубеж, за антарктические одиссеи и исследования, принесшие ему известность в мировых научных кругах – за все это и еще, наверное, за человеческое обаяние. Став путешественником-гляциологом, Игорь Алексеевич исходил ледники Кавказа, Памира, Полярного Урала, шесть раз побывал на зимовках в Антарктиде, в одну из них — на американской станции Мак-Мердо. О загадочных явлениях на ледяном континенте, подледниковом таянии, идее транспортировки по океану к пустыням айсбергов, о морских организмах, найденных на поверхности ледников, об особенностях взаимоотношений между людьми и многом другом интересном поведал он читателям. И зарубежных впечатлений у Зотикова было предостаточно: зимовки и исследование шельфовых ледников Антарктиды (за что его на одном из вечеров нарекли – «шельфов пронзитель»), Новая Зеландия, Япония, длительные командировки в США. Так появились книги – «Я искал не птицу киви», «За разгадкой тайн ледяного континента», «Пикник на Аппалачской тропе», «Японская сестра».

Антарктида – край сверхэкзотический. Она настолько потрясает, что впечатления остаются неизгладимыми на всю жизнь. Понятно и обилие книг об этом континенте. Первенство по их количеству, пожалуй, было у нашего сотрудника В.И. Бардина. Он и сам уже с напряжением вспоминал, когда они выходили: «Земля Королевы Мод», «В южных полярных широтах», «Еще одно путешествие на край Земли», «В горах и на ледниках Антарктиды». Ему посчастливилось еще студентом

геофака МГУ попасть в первую Советскую антарктическую экспедицию. И потом он побывал там еще трижды.

Евгений Максимович Зингер, «папа Женя», зимовавший на Новой Земле, в широких научных академических кругах известен своей верностью Шпицбергену. Он возглавлял первую советскую гляциологическую экспедицию на этот норвежский архипелаг в 1965 г. С тех пор, свыше четырех десятилетий, Е.М. является постоянным начальником экспедиций на Шпицберген. Об этом и его пять научно-популярных книг: «На ледниках Новой Земли», «Между полюсом и Европой» (два издания), «Шпицберген – ледовый архипелаг» и другие. Журнал «Турист» назвал Зингера «живой легендой Шпицбергена»…

У В.С. Корякина научная и экспедиционная судьба тоже прочно связана с Арктикой и складывалась она счастливо. Об этом свидетельствует название одной из его книг – «Семь экспедиций на Шпицберген». В Институте географии РАН его с молодости называли не Владиком, а Диком, по схожести в романтизме, чистоте и искренности порывов и устремлений с жюльверновским героем «Пятнадцатилетнего капитана». Продолжительных, на весь полевой сезон, сиданий со Шпицбергеном сейчас у него насчитывается уже свыше десятка.

Зиновий Каневский в конце 50-х годов прошлого столетия зимовал на Новой Земле. Однажды во время возвращения из маршрута его застала пурга. Пурга была такой силы, что он сбился с пути, и его обнаружили лишь утром, сильно обмороженного, в стороне от базового лагеря. Ампутация кистей рук оказалась неизбежной.

Но он не оказался на обочине жизни. Окружили люди, отзывчивые, внимательные, верные. И существование наполнилось новым смыслом. Каневский занялся литературой, причем остался верен полярной тематике. Позже пришло и членство в Союзе писателей, и читательское признание.

Один из авторов этого очерка – Юрий Павлович Супруненко – выходец из степного края. Но жизнь сложилась так, что профессия привела его в горы, на ледники. О них и книги Супруненко. Одна из последних, вышедшая в 2010 г., так и называется «Горы, ледники, тайны (занимательная гляциология)».

Помимо гляциологических тем в книгах наших коллег

Научно-популярные книги и беллетристика.

присутствуют и многие иные сюжеты, характерные для всего спектра отраслей географии. Это рассказы о городах Г.М. Лаппо и о пустынях Б.А. Федоровича, В.Н. Кунина и З.Г. Фрейкина, о географических открытиях Н.Г. Фрадкина, о жизни животных и их следах на снегу Н.А. Формозова, об охране природы и о явлениях природы Д.Л. Арманда.

Самый большой блок сюжетов, разумеется, о путешествиях, о путешественниках и о разных странах. Первенство по количеству книг здесь, по-видимому, принадлежит Э.М. Мурзаеву. В целом литература путешествий огромна. Трудно перечислить и всех географов-писателей нашего Института, посвятивших свои работы этому жанру. Подчеркнем только – книги, написанные географами, выделяются особым взглядом на страну или местность, ставшие объектом внимания автора. В этих книгах образы места несут в себе специальное содержание, они – продукт генерализации свойств этого места. Это портреты, выражющие характер страны, также как портеры живописца выражают характер человека. Подчеркнем еще и то обстоятельство, что многие научные книги географов, профессионально занимающихся страноведением, подчас представляются не только научными, но и научно-художественными, вполне в духе знаменитой французской школы Видаля де ла Блаша.

* * *

Ниже мы представляем читателям короткий список известных нам поэтических книг, написанных сотрудниками Института. Возможно, нам не удалось включить в этот список всех авторов. Мы также указали только по одному сборнику авторов, выпустивших несколько книг. Просим простить нас за это. Мы будем рады узнать, что поэтов у нас в Институте больше, чем мы смогли найти. И, может быть, сумеем подготовить к изданию подборку стихов всех «игановцев». И включить ее в будущий поэтический альманах географов, подобный двум изданным альбомам с работами географов-художников. Но не исключено, что и в жанре живописи мы знаем не всех «игановцев», и что в нашем очерке названы не все имена. Просим простить нам и этот грех. Но мы надеемся, что этим небольшим очерком нам удалось привлечь внимание читателей к художнической стороне жизни наших коллег.

Сборники стихотворений сотрудников Института

- Анненков В.В., Галкина Т.А. Прекрасен наш союз. Стихи разных лет бывших студентов МГПИ имени Потемкина. М.: Монолит. 2001. 144 с.
- Бугровский В.В., Наумова А.Г. Природа и душа. Стихи. Москва-Кызыл.: Слово. 1999. 123 с.
- Назаров А.А. Стихотворения. М.: Современный писатель. 1998. 80 с.
- Полян (Нерлер) П.М. Ботанический сад. Книга стихов. 1970 – 1987. М.: Арт-Бизнес-Центр. 1998. 152 с.
- Тимофеев Д.А. и Т.М. Лебедева. Путешествия в стихах. М.: Медиа-Пресс. 2009. 64 с.
- Тишков А.А. Великий водораздел. Валдайская тетрадь (1974 – 2009). М. 2010. 79 с.
- Трейвииш А.А. при участии Т.Г. Нефедовой (Трене). Мы шутим, шутим, шутим. Бремя перемен. Бремя пространства. М. 2004. 104 с.

Фольклор и шуточные сочинения

От редактора-составителя.

Авторы многих очерков упоминают наши капустники как незаурядное явление, получившее известность за пределами Института. Действительно, капустники готовились и исполнялись самозабвенно, всегда были интересны, остроумны, злободневны. Они сочинялись большой командой и далеко не всегда можно было сказать, кто автор того или иного текста, постановки эпизода и т.д. Это было коллективное творчество. Казалось, они рождались сами, как фольклор.

Капустники исчезли из нашей жизни в 1970-е годы. К сожалению, сохранились только отрывки их сценариев, несколько фотографий – и это все. Но еще жива память. И ее обязательно нужно материализовать. Этому служит приведенный в конце очерка фрагмент одного из капустников.

Начинается очерк другим и тоже фольклорным материалом – записями забавных словечек и фраз, сказанных спонтанно. Они выразительно характеризуют атмосферу институтской жизни разных лет.

В очерк включено и сравнительно недавнее сочинение А.А. Третвииши и Т.Г. Неделовой, свидетельствующее: традиция веселой институтской шутки – жива.

1. Словечки и фразы (из записной книжки Т.А. Галкиной)

1960–1962

Семинар в отделе В.М. Гохмана летом, в разгар Московского кинофестиваля. Т.Галкина: «В Северной Италии развита и цветная, и черно-белая metallurgia».

В.М. Гохман на собрании коллектива Института: «Я от лица всех капиталистов заявляю, что план мы выполним».

В коридоре:

- Здравствуйте, Иннокентий Петрович!
- Пожалуйста!

На собрании: «Не надо браться за слишком глобальные задачи. Это все равно, что создать Координационный комитет вспомоществования вращению Земли».

Д. Цветков ведет комсомольское собрание: «Кто за пожурение Утехина – поднимите руку».

Из доклада на партсобрании: «В последние годы наш институт эволюционирует по линии превалирования женского персонала над мужским».

Голос из зала: «Женщины давят науку».

Элла Кирик готовится к экзамену по философии, читает «Анти-Дюринг». Рядом А.П. Горкин углубился в какой-то научный фолиант.

Элла: «А ведь Энгельс придирился к отдельным словам Дюринга».

Горкин (мгновенно): «Мелкий человек».

Думитрашко: «Пыльцевая лаборатория – пример коллективного индивидуализма».

На съезде Всесоюзного географического общества выступает докладчик откуда-то из Сибири, рассказывает о Новой Гвинее. Вера Магницкая пишет записочку В.М. Гохману: «Один лишь только робкий глас раздался в пользу папуас».

В.М. Гохман в ответ: «Один лишь только папуас издал на съезде робкий глас».

М.И. Нейштадт (владеющий немецким, но не английским языком) на съезде в Стокгольме заканчивает свой доклад: «Сенк ю вери мух».

1963

На демонстрации 7 ноября к Рите Фаустовой, держащей в руке бумажный цветок на прутике из веника (делали накануне в партбюро), подбегает мальчишка: «Теть! Дай цветочек!» « Не давай, не давай. Земля ведь не родит,» – реагирует И. Зотиков.

Работаю дома, на тахте разложена карта Италии. Приходят родственники. Кузен: «Убери сапоги-то с дивана».

О С.П. Горшкове – «географ-землетрясист».

Я.Г. Машбиц (о «бумажном кризисе» в ИГАНе): «Если сотрудник уже имеет научные труды, то он сможет и дальше что-нибудь написать, а если нет – то уж ничего не напишет, не на чем, макулатуры-то нет».

Как важна преемственность в работе: Г.Д. Кулагин писал свою диссертацию на оборотках диссертации Машбица.

Из доклада зам. директора В.М. Кузнецова от 27 февраля 1963 года «...Приведенные примеры говорят о безобразном отношении сотрудников Института географии к этому важнейшему документу, как табельная ведомость. А ведь это единственное, на основании чего выплачивается заработная плата».

1967

Марина Беркович пишет рецензию на новый учебник географии: «Как бы я посмотрела на все это глазами студента? Ну, во-первых, введение я бы пропустила. Мелкий шрифт – тоже».

Игановцы в турпоходе 2 мая: «Смотрите, как коровы на лугу резвятся. Сегодня, наверное, первый выгул».

Люда Чернова: «Да, вот и в Лужниках сегодня открытие футбольного сезона».

В.Н. Кунин (на партсобрании): «Это обстоятельство ударило нас обратной стороной медали».

«Что такое поле для географа-зарубежника? Это Елисейские поля Парижа».

В.С. Корякин: «Научные сотрудники растут в поле».

Павел Фрумкин докладывает о своей работе. Он вывел сложнейшую формулу, по которой можно определить, на какой высоте человек чувствует себя лучше всего. А.П. Горкин (уныло): «Без денег везде плохо».

«Аспирант» – переводится как «бездыханный».

Из диссертации Славина о Португалии: «Горит земля под ногами Салазара».

Сергей Благоволин: «Целый день болтался, как деръмо в проруби».

Павел Фрумкин: «Каждый болтается, как умеет».

А.П. Горкин Эльвире Сакович: «Как ты все болезненно воспринимаешь. Тебя даже похвалить нельзя по работе – ты всерьез примешь».

1968

Из политинформации Б.Н. Зимина о шестидневной войне: «Товарищи арабы, когда на них напали израильцы, ничего не поняли, целовались на всех улицах».

П. Фрумкин: «Арабы с арабами?»

«...основная задача Громыко была – удержать за хвост товарища Насера.... И тут наши начали наступление».

П. Фрумкин: «Наши – это кто?»

Кирилл Дьяконов на собрании института: «В отделе экономгеографии СССР 1/4 – молодежи (до 30 лет), а вот со средним звеном (30–40 лет) – плохо, никого нет.»

Голос из зала. «Скоро будут».

Аркадий Левинтов (на собрании): «Разве может человек прожить долго на 83 рубля?»

Объявление на доме № 29 в Старомонетном: «Во двор без дела не заходить».

В Пыжевском несколько чахлых кустиков огородили проволокой и поставили картонку на палке: «В сад не плевать».

«Надо так составить отчеты, чтобы Комар носа не подточил».

1969

Эпиграмма А. Горкина на совместный труд о Сахалине И.П. Герасимова и Е. Стадомского:

Мы с нашим академиком соавторы пока.
Он, правда, на другом конце Союза.
А я бросаю камешки с крутого бережка
Далекого пролива Лаперуза.

Опечатки машинистки Нади Лаврентьевой:

...большинство окрашенных женщин... (в оригиналe – опрошенных)
...женщины склонны к обольщению... (к обобщению)
...в результате опроса 25 женщин... (опроса)
...она же в работе Б.А. Федоровича: Сексуальные пески... (саксаульные).

Из лекций Ю.В. Медведкова: «Собаке дают понюхать деталь сбежавшего лица».

1970

Из заметки, присланной в стенгазету «Географ»: « Особый успех имели выставка скульптурных портретов древнего человека М.М. Герасимова и выставка художественных картин К.К. Флерова. Это радовало за Институт географии».

Таня Горкина о статье коллеги: «Здесь нужна усухизация текста».

1971

Из решения партбюро: «В связи с проверкой эффективности постановили: неходить на Ученые советы».

1972

М.И. Помус (строго) Грише Костинскому: « Ну, как, сделали стенгазету?»
«Сделали, (в сторону) с божьей помусью».

Рассказываю родственникам, как мы делали знаменитый «диссидентский» номер стенгазеты к 8 Марта: «Мы анкеты на перфокартах обрабатывали (жестом показываю спицу)». Кузен-армянин (с радостным изумлением): «На шампурах»?

Редакция стенгазеты.

Программа праздника в ИГАНе:

1. **Комаринская**
2. **Половицкие пляски**
3. **Сказки Гохмана**

4. **Лебедевое озеро**
5. **Матрусовский танец**
6. **Одессеровские анекдоты**
7. **Популяркины песни**
8. **Горкин.** Песня о Соколе
9. Романс «**Горнунги вершины»**
10. Русская песня «**Эх, Лаппоти мои»**
11. Ария из оперы «**Минцы-Зингеры».**

1973

– Будет ли Ученый совет 19-го?

Г. Костинский: «Нет, все болеют, не могут хворум собрать».

В Национальном комитете географов угощаем Чонси Харриса копченым хариусом, привезенным И.А. Зотиковым с Байкала. «Профессор Хариус, попробуйте!»

Реферат на испанском «Изменение структуры судостроения Испании». Референт торопливо переводит заголовок: «Переструктурация испанского судопроизводства».

На партсобрании: «Это будет иметь чреватые последствия».

1973–1976

Подготовка и проведение XXIII Международного географического конгресса

О. Назаревский: «Приехал то ли Каньон, то ли Карьер, в общем, что-то геологическое».

Т. Галкина: «Может быть, Горст или Грабен?»

Лена Шевченко (оживляясь): «Нет, Горст не приедет».

В.В. Анненков П. Карьеру: «Ну, что же, начнем с места в карьере».

Начало письма зарубежного географа к Медведкову: «Счастливый доктор Медведков!»

Из другого письма:

Dr. Staromo Netny,
Per.29, Moskva, USSR

Dear Doctor Netny,...

Еще из письма: «fool member of the Congress».

Из Приказа дирекции:

«За хорошую работу сотрудников Программной комиссии наградить ценными подарками и кремировать» (очередная опечатка Нади Лаврентьевой).

И.П. Герасимов: «Нам нужна сосредоточенность в условиях рассредоточенности. Нужно преодолевать в себе чувство нежелания сидеть на заседании».

XXIII геогр. конгресс – это Сингхофазотрон (очень много индийцев по фамилии Сингх).

1974

– Это не тот Благоволин, другой.
– Они что – братья?
– Да, один – двоюродный.

1981

Кабинет Ванды Васильевны Паниной, где она выдает продуктовые заказы, называли «заказником».

«Кася взаимопомощи» (Кася Аргасова заведовала Кассой взаимопомощи).

1983

Светлана Лебедева о бухгалтерии ИГ: «Наша бюстгалтерия».

«Преображенские соображения» (А. Горкин).

Плакат на берегу озера Иссык-Куль: «Не давай кусать себя энцефалитному клещу».

Лозунг наших гляциологов: «Если мы что-либо ищем, что-нибудь всегда найдем» (Евтеев).

Висит объявление. Среди прочих фамилий: «С.В. Зонн, профессор».

Марина Беркович читает вслух: Северо-восточных зон профессор... Ну и ну, профессора-то по зонам стали.

В.М. Гохман: «Почему сегодня нет Зимина»?

Г. Костинский: «У него ремонтизм».

1985

«Машторг» – торговля продуктами в Институте, организованная Машей Колпаковой.

2002

Дима Заяц – Т. Галкиной: «Ваша работа над “Washington Post” – настоящий Великий пост».

2004

Низкая зарплата ученым – это «Философский пароход»...по Язде.

2005

Бережной на защите: «С.А. Тарасов – известный специалист в области беспри-
месной географии».

Он же: «Касательно консалтинга...».

Докторская защита Л.В. Смирнягина (28 октября 2005 г.).

«Смирнягин – не диссертант. Это – явление. Его работа, при всей ее разноздан-
ности...» (Кажется, Горкин или Максаковский).

Смирнягин о социологах, пишущих о географии: «Это поле удобряют люди, не
имеющие к этому отношения... Впрочем, это сомнительная метафора».

В.А. Шупер: «Осознает ли диссертант, что он сделал?»

В.П. Максаковский (в своей характеристики диссертанта): «Буденный говорил:
”Все говорят о лошадиных силах, а я – о лошадях”».

2. Офедзащита. Рассказ добрника

Михаил Зощенко

обработка А.А. Трейвина и Т.Г. Нефедовой (Трене), 1982

Я всегда симпатизировал научным учреждениям. Государство без них пока что не может так гладко существовать. И сильно уважал ученых, этих творцов идей, положений и конструкций. Тем более, что сам в детстве имел наклонность к науке. Но, благодаря судьбе, не имел с ней конкретных отношений.

Вообще-то ученых академиков можно отличить от наших советских граждан. У них в морде что-то заложено другое. Такая все время утомленность от высшего образования. Только я думал, что ихняя профессия требует мягких нравов. Тишины и разных мыслей, без этой грубости и толкотни, которая в «Детском мире». Но тут я здорово ошибался. В прошлую пятницу со мной произошла одна антинаучная ситуация. Еле ноги унес из ученого заведения.

Утром, прямо с похмелья, послали меня в экономический отдел насчет мусоросборников. Техник Сперантов говорит:

– Вот тебе, Вася, бумага. Дуй в экономический отдел. Пущай по всем статьям оформят эти сборники. А то мусор жгем, воздух портим. Нажми там скурплезно.

И дорогу объяснил. От Кадашевских бань в переулок налево, третий направо, угловая халупа, второй этаж, первая дверь, где сейфы стоят.

Я и поехал. Но заплутал в переулках. Потом вижу – вон она, угловая халупа, такая довольно крепкая трущоба. Поднялся по ихней зачуханной лестнице. Под-

нялся и опупел. Ну, чисто пивбар: тесно, галдеж и накурено. То есть ни хрена в дыму не видно.

— Тут, — спрашиваю, — экономический отдел? Или дайте пройтить.

Не дают и не слышат. Одна трещит про свою конструктивную биографию, другая — про советско-индийскую кинематографию, а третий — про какую-то сюрнето-реальную скульптуру. Или же структуру. Кое-как пробился к дверям. Вижу, написано: «Отдел экономической географии». Хрен, думаю, с вашей графией. Главное, в точности экономическая.

Вхожу. Комнаты ничего, светлые. Но тоже как в танке. Ходить нельзя, так что стою, привыкаю. Народ вообще простой, такой полуинтеллигентный. Чай пьет с бутербродом, ругается по телефону и так, с нервной грубостью. Уж очень, конечно, буйные. Расстраиваются по мелким пустякам, горячатся. Рядом сидит один, пишет. Обращаюсь до него. Мол, я насчет мусоросборников, чтобы все статьи оформить. Он смеется:

— А ты юморист. Ну ладно, какой конкретно фактически мусоросборник, по улучшению для природы или по московскому легиону?

— Мне, — замечаю, — однохренственно. Я насчет мусорных сборников для пользы природы, населения и нашего хозяйства.

— Так, — говорит, — ясно. Только я вас понимать не окончательно могу. Пройдите вон к той, в очках.

А как пройтить, когда никак не пройтить? Однако в очках сама меня заметила и кричит:

— Вы кто и откеда?

Я ей изображаю, что я Вася, от Сперантова.

— А, так ты спирант! Мы давно собрали и ждем. Вот скажу заведывающему, будем тебя обсуждать.

Ой, думаю, строго.

— Чего, — говорю, — обсуждать, мне время нет.

Тут один выходит и высказывает:

— Прошу на заседание.

Сразу шум, дискуссия сильней поднялась. Все поперли в другую камеру. Тесно, столы наставлены, а тут двадцать человек, и каждый норовит к двери сесть. Чтобы ему, значит, легче смыться, а другим, наоборот, труднее. Местные меня сразу пихнули, где труднее.

Вдруг начальник стал произносить слова. Так и так. Долго собираемся, времени мало, делов много. Собрание, избрание, аттестация, диссертация — тут он на меня поглядел — и вопрос об овощной базе.

Трудный этот русский язык, дорогие граждане. Беда, какой трудный! Вся речь посыпана словами с туманным иностранным значением. Очень умный разговор был, как по телевизору. Без высшего образования разобрать можно с трудом. Я-то больше хлопал ушами. Хотя, между прочим, начальник у них свой парень. Так правду и режет. Про все с ними советуется и говорит как с родными. Но, чуть что, сразу:

— Прошу мне указанияев не делать. Я и так на своем посту должен все время соображать и тревожиться. А теперь бредзашита. Обсуждаем работу спиранта, этого,

что ли, Васи. Тема как бы теоретическая, не то на примере конкретно Курской области.

Опять происходит движение. Одни входят, другие выходят. Кругом зависть и вопросы. Смекаю, что обстоятельства неаккуратно складываются. И желаю тихо смыться. Думал, не заметят. Заметили, дьяволы.

— Вы куда! Вам вот сейчас надо выступить и все прямо доложить.

Действительно, говорю, из башки выпало. Зря оробел. Извиняюсь. И выхожу вперед. Гляжу, мигают со стульев — мол, не робей, Вася. Я им тоже знаки делаю. В смысле оставьте беспокоиться, сейчас нажму скурпулезно.

Заведывающий на меня пристально смотрит и говорит:

— Чего-то не тово. Вроде не похож. Выражение какое-то странное.

Которая в очках, та не сомневается.

— Ерунда, — говорит, — выражение обыкновенно какое, испуганное. Чего и требовалось показать. Так что валяй смелей. Время дорого.

И вот стал я молоть языком. Струя нашла, сам себе удивляюсь.

— Вот, — говорю, — если глянуть на теорию с точки зрения. Наступить, к примеру, на самую верхнюю точку и глядеть. Оттуда, с точки, обратно сюды. То тогда конечно. Оно, может, в точности видно и не будет. А если конкретно фактически, то нельзя, дорогие граждане, с вашим полным эгоизмом подходить к явлениям природы. Не знаю, что там в Курской области, сам-то я родом с другой. А взять здешний легион, так он прямо весь утоп в мусорном погрязнении. Народу же тьма. И все же сорят. Ну, жгем. Дым, ясное дело, вонючий. Вредный. Это не спорю. Факт. Который не нравится...

Тут мне велят кончать, время вышло. А меня несет, не могу сделать остановку. И публика выражает свое недомогание по этому поводу. Более ядовитые, те вопросы задавать стали. Мол, паразит, точнее выражайся.

— Странные, — отвечаю, — ваши слова. Прямо до чего обидные слова. Я, между прочим, захворать могу от таких слов.

Но они не извинились, а дали слово чернявому с бородой, такому вообще злорадному типу с толстой папкой. Он в нее глядит и зачитывает, где бумажкой заложено. И обратно все на меня катит. Охамел, чучмек. Сам насочинял, так сам и разбираися! Однако вдруг борода улыбнувшись, рукой по папке — хлоп! И давай, наоборот, меня хвалить.

— В целом, — говорит, — наш соискатель приключений сработал очень даже презентабельно и заслужил какого-то там искомого градуса.

За ним дамочка обнаружилась. Миленькая, ничего не скажешь. Только она правильных взглядов не имела. Сперва меня хвалила, а после свернула со своей передовой платформы. Очень ей странно, что неужели наука дает такую курскую аномалию в своих законах. И как вообще можно выносить такие чересчур мелконаучные работы. Объяснитесь, говорит, почему за вами такая дрянь наблюдается. Ну, достала.

— А потому, — говорю, — что это всецело есть мое дело. И мне удивительно, чего вы ко мне прилипаете. У вас вроде контора, кругом портреты висят, столы стоят, форточки дуют, книжки везде валяются в полном порядке. И наряду с этим такая грубость некультурная!

Субботники были привычны и скучны – какие уж там праздники.

А настоящими праздниками были наши капустники.

Опять мне кончить не дали. Хватит, мол, словесную прю производить. А в общем, сказали, ничего. Только много опечаток. И карты на стенку не повесимши. Еще, сказали, маленько потрудись, после опять придешь. Вот это, я решил, верно. Это прямо скурпулезно и конкретно фактически.

Тогда они перешли к овощной базе. Поднялся исключительный шум, крики и возгласы. Кто у дверей, те сразу очищают воздух в камере. Я туда же. Начальник даже оробел, не знает, чем реагировать. А в дверях пробка. И меня вдруг стиснуло как селедку и вынесло обратно. А начальник кричит:

– Ты-то куда, подлец! Ты мне, я тебе, то есть наоборот. Надо сознательность иметь по международному положению и продовольственной программе. Будешь теперь неделю ходить на базу. У нас все спиранты ходят.

– Граждане, – кричу, – вашу мать! Да за какое это самое страдать...

– Осторожней, – говорят, – руками махай. Заденешь, неприятность выйдет. Вон ты какой ученый обалдуй вымахал. А тут все ученые сотрудники заслуженные, на учете во всевозможных диспансерах.

– Ну, цирк, – говорю. – Я же не ученый, а дворник с девятого ЖЭКа.

– Как так дворник? Не увиливай.

Спасибо, вспомнил я про бумагу, что мне техник Сперантов дал. Они ее зачитали и крепко задумались. Уже я хотел уйтить. Но они, посовещавши, опять за свою капусту.

– Дорогой товарищ, милый дворник и соискатель приключений. Конечно, вы ошиблись адресом. Вам вона куда надо, а вы вот куда пришедши, в Институт географии. Ну и мы вас маленько попутали. Спирантов у нас чересчур очень много, всех не упомним. Однако мы вас так горячо обсуждали. Давно не было такой интересной бредзашиты. Только карты не повесимши. Словом, выручайте. Наши-то все разбежались, на вас понадеялись.

Я, конечно, отпирался, как мог. Дескать, это ваше ученое дело – по овощным базам таскаться. А у меня снегу неубрано.

Не помогло. Уломали. Вот что значит наука убеждать. И я теперь на ихней конкретной овощной базе. Другой, менее жизнерадостный человек был бы сильно пршиблен этим антинаучным обстоятельством. Но я ничего, бодрости не теряю. Хотя к этим академикам меня больше не заманят. Это уж дудки. Что пардон, то пардон.

3. Из сценария юбилейного капустника, посвященного 60-летию ИГАН

Дни нашей жизни. Вступление

Ведущий. Дорогие друзья и соратники!

Как приятно снова увидеть в этом зале столько милых и знакомых лиц! Ведь теперь наши встречи стали, как сказал один поэт, «редки и обманчивы»! Опустела наша метрополия, превратившись в типичный «офис». Даже в дни получения зарплаты – нет прежнего оживления: все действия происходят в соответствующих подвалах, пардон, отделах!

А заседания Ученого совета! Ведь, казалось бы, именно в эти дни можно пообщаться с нашими корифеями... Ан – нет! В зале преобладают одни «середнячки», загнанные туда ученым секретарем, а корифеи предпочитают отсиживаться и голосовать заранее в своих закутках...

А прежние наши вечера! Общеинститутские вечера – Вечера с закуской, звоном бокалов, кружек и мензурок – Вечера с экспромтами Федоровича, тостами Помуса, гитарой Страдомского, песнями Благоволина и Тимофеева.

Раньше мы хоть на банкетах после защит встречались, а теперь и это важное культурное мероприятие, согласно Инструкции нового ВАКа, запрещено категори-

чески! А, впрочем, может и не ВАК тут виноват, а непрерывно повышающийся средний возраст наших сотрудников, чреватый неприятными последствиями в результате обильных язв и воззияний?

Но факт – есть факт: встречаемся мы редко, а наша самодеятельность стала лишь достоянием памяти самых почтенных ветеранов Института и даже не отражена в фолиантах архива.

Но всему этому безобразию, наконец, кажется, пришел конец: неиссякаемая энергия, помноженная на опыт наших ветеранов – Аргасовой, Назаревского, Петровой, Цветкова, Чеботаревой и иже с ними нашла себе достойное применение и ныне обращена на мирные капустные цели.

Присутствующие должны знать, что именно по их инициативе и при их непосредственном участии организован этот юбилейный вечер, на котором остатки былых самодеятельных кадров, во главе с самой М.П. Смирновой, тряхнув стариной, передают эстафету нашей талантливой молодежи.

Не будим больше шутить по поводу одряхления Института к его 60-летию. Ведь сейчас в нем (по неуточненным данным) до 10% составляют комсомольцы, а молодежь вообще (до 40 лет) даже почти 25%. В этом нетрудно убедиться, если заглянуть в любое время в нашу курилку под непарадной лестницей. Какие там девушки! Ах!

(вздох)

Дорогу же молодым и талантливым кадрам будущей самодеятельности Института географии!

Итак, начнем! Маэстро! (кивок в сторону К.Н. Аргасовой за роялем) наш заслуженный гимн!

Аргасова (играет несколько тактов песни «Не сталевары мы, не плотники...»).

Ведущий (торжественно): Начинаем наш юбилейный концерт-капустник!..

Выступает сверхзаслуженный коллектив Института географии, любимец Дирекции, питомец прочих общественных организаций – ансамбль ветеранов: 20 игановских (гм. гм. раздельно) герлз энд биттлз! Средний возраст участников так же юбилейный (*потупясь!*) 60!

Итак: Игановский разноголосый хор! (к Аргасовой) Маэстро! Повторите музыку!

Аргасова (играет несколько тактов песни «Не сталевары мы, ...»).

Ведущий. Музыка, как вы убедились, классическая, слова, как вскоре убедитесь, ...парадные... Главный организатор и вдохновитель нашего юбилейного ревю, он же главный перестраховщик и лакировщик текста, как всегда, Местком. (к Аргасовой):

Маэстро, тушь!

Аргасова (играет несколько тактов песни «Все хорошо прекрасная маркиза...»).

Ведущий: Художественный руководитель, режиссер и он же дирижер – заслуженный мастер разнохарактерных танцев, перевоплощений и фотографий, лауреат

ряда премий Месткома и персонального юбилея Марья Смирнова (*М.П. Смирнова кланяется*); ее незаменимые помощники, художники по костюмам, парикам и специалисты по переодеваниям и раздеваниям артистов Людмила Петрова (*кланяется*) и Олимп и Ада Предько (*кланяются*).

Рояль (играется несколько тактов «Кукарача» и «Летят перелетные птицы»)

Ведущий. Музыкальное сопровождение – мастер международного класса, лауреат множества местковомских грамот и даже путевки за собственный счет – Аксинья Аргасова (*она кланяется*). Маэстро, тушь!

(Ведущий после замешательства сам подходит к роялю и нарочито, одним пальцем, играет собачий вальс.)

Ведущий. Конферанс, точнее связующий, но не рыжий у ковра, а летописец Института в просцениуме, Олег, но не Попов, а чернец-схимник (*О.Р. Назаревский кланяется*), в Миру Лев Каманин! Маэстро! Что-нибудь тематическое.

Рояль (играется несколько тактов «Цып-цып-цып мои цыплятки...», переходящей в какой-нибудь Реквием)

Ведущий. Начали! Маэстро! Гимн!

Рояль (играет бравурно марш «Не сталевары мы, не плотники...!»). Все участники выходят на сцену (сначала женщины, затем мужчины), строятся в две колонны (впереди женщины), сзади мужчины, к ним пристраивается и ведущий. Поют первые восемь куплетов Гимна.

Xор

Не сталевары мы, не плотники,
Но сожалений горьких нет, как нет!
А мы научные работники
И шлем Вам пламенный привет!
Сегодня день совсем особенный
Все говорят и там и тут, да, тут:
Что 60 лет служит Родине
Любимый наш Институт!
Сейчас не к месту самокритика
Наш юбилей нельзя ругать, ругать!
Мы оптимисты, а не нытики;
Мы будем только прославлять.
Мы скажем без хвальбы и ячества:
Росли всегда, растем сейчас, сейчас
Количество дает нам качество,
Как мама Доскач учит нас.

Ведь сотни лиц прошли здесь спектром:
Знавал ИГАН лишь двух вождей, вождей!
Зато 17 зам директоров
И..... 40 учсекретарей.
Своей работою мы держим
Перед ушедшими ответ
Помянем стоя добрым словом
Всех тех, кого средь нас уж нет!

Все участники стоя замирают, через несколько секунд музыка играет «Реквием»

Мы старички, но все же искусники,
Работать и шутить не лень, не лень
Веселым праздничным капустником
Мы юбилейный встретим день!
У наших текстов нету авторов:
Их сочинял весь коллектив.
И Вы, и мы – здесь все – соавторы,
Весь наш игановский актив.
Не откажите нам в терпении
Прослушать нас и час, и два, да два,
Чтоб об ИГАНе в поколениях
Не меркла слава и молва!

Ведущий. Повторяю: весь текст, музыка и даже костюмы и реквизиты данного ревю полностью согласованы с месткомом и прочими организациями. Все возможные разночтения и слова, вызывающие ассоциации типа: «как бы чего не вышло» – тщательно вымараны. Все тексты, разданные участникам, абсолютно аутентичны, имеют одинаковую силу, скреплены подлинными подписями и даже месткомовской печатью. Все в порядке! Маэстро! Тушь!

*Участники поднимают щиты с буквами
«60 лет Институту географии – У-р-а!» Музыка «Славься, славься...!»
Дирижер выходит вперед, хор торжественно поет припев апофеоза:*

Xор

Славься ты, славься наш славный ИГАН!
Каких корифеев науке ты дал!
Да будет прославлен наш Институт!
Какие таланты в науку идут!!!

Занавес медленно закрывается

Ведущий. Прослушайте Пролог к истории Института! (заглядывая за сцену) Маэстро! Музыка!

Рояль (за сценой) играется мелодия «Дела давно минувших дней...»

Занавес открывается – на заднике – огромные цифры:

1918

60 лет

1978

Ниже, заголовок во всю сцену: **«Дни нашей жизни» (крупно)**
(Тришкин кафтан – мелким шрифтом)

**Географическая эпопея в шести актах-десятилетиях с прологом
и эпилогом (крупно)**

Сбоку, на просцениуме, в монашеском одеянии и клубуке с вензелем ЛК (*Лев Каманин*), перед аналоем, склонившись в очках над свитком, с гусиным пером за ухом сидит Летописец (*О.Р. Назаревский*).

*Тихая музыка («Дела минувших дней...»). Свет меркнет,
остается свеча на аналое.*

Летописец (бубнит, читая свиток). И быть сие явление великое в одна тысяча девятьсот восемнадцатом году от Рождества Христова, мая месяца, четвертого дня, во третьем часу пополудни, во граде Святого Петра на острave Васильевом! И призвал к себе в чертоги Кепсовы повелитель сего Кепса и всея ноозоны, создатель – академик Володимир из рода Вернадских – мужа именитого, умом и силой не обиженного Андрея, сына Александрова из рода Григорьева и нарече его Андреем Первозванным. И поручил оному Андрею соорудить при Кепсе сем особую географическую келию, поименовав оную Промышленно-географический отдел. Аминь! А как происходило сие створение расскажут Вам, братия, не мешкая, соратники да наследники именованного Андрея Первозванного – были девы и выноноши.

*Летописец исчезает, загорается свет, открывается занавес, играется
бравурная музыка «Марш Буденного», на сцену выходят более пожилые
участники капустника и поют печальные частушки
(хор подпевает им за сценой).*

Xор (о ветеранах)

Вы первые географы и про вас
От Крыма до Якутии ведут рассказ:
О том, как в экспедициях
Летали словно птицы вы,
Желая изучить свою страну на ять!!!

*Из состава по очереди выходят вперед по одному-два участника-ветерана и
молодежь и декламируют под музыку:*

Ведущий (торжественно). Послушайте поэму об ИГАНе! Слова Н.В. Думитрашко, лакировка О.Р. Назаревского.

Рояль: играется мелодия «Давным давно, давным давно...!»

Запевала (музыка – «Давным давно, давным давно...!»)

Тому пол века. В Ленинграде
Был на Тучковой старый дом
И Геомин в больших двух залах
Возник когда-то в доме том.

(музыка – «Марии Черномора»)

Андрэ Григорьева творенье,
Был Геомин хоть мал, – не прост
Ему Григорьев, без сомненья
Отдал всю страсть и весь свой рост.

(все мужчины хора: проникновенно)

Тот Геомин – наш прадед – шляпу
Пред ним должны мы быстро снять:

(музыка тихая «Марии геолога»)

Историю ИГАН иначе,
Без Геомина не понять.

1-й участник (молодой) (музыка: «Были когда-то и мы рысаками...»
переходящая в «Молодую гвардию»).

Туда пришли все молодыми
Кто нынче стар уже и сед,
Кто никогда не бросил знамя,
И им шагаем мы вослед!!

1-я участница (молодая) (музыка: «Песнь варяжского гостя»
или «Повезу тебя я в тундру»)

По тундрам Кольского наш Рихтер
Сто тысяч положив ходов:
Он север изучал холодный
Глубокий снеговой покров,
Теперь он Нестор-летописец,
Румян и бодр, как Дед-Мороз...

2-я участница (музыка «Сижу за решеткой...»)

Ему в подмогу Лев Каманин
Всю эрудицию принес.
Историю любя с пеленок
В архивах жить всегда хотел
Но географией увлекся
И вот в «Известиях» засел.

Думитрашко (музыка....)

В том доме славен был делами
Пустынь песчаных институт.
Его, по дружески, Пупином
Нередко называли тут!

3-я участница (музыка «Потому что без воды...»)

И вот со смелыми мечтами
Явился Геллер молодой!
Очаровательнейший Сяма...
И... быстро занялся водой!
Он воду множил на барабанов,
И дивиденды исчислял
Карабугаз закрыть пытался
И даже Каспий колебал.
Для нас всегда он – мудрый Рэ’бе
Как Бабель был в душе поэт,
Искусный мастер эпиграммы –
Слов мало, мыслей – целый свет.

2-я участница (музыка «Ах вы кони, мои кони...»)

Там много среднеазиатов
Творило, в мир неся тепло:
И еретик Макеев странный,
И Кесь, что прыгала в седло
На всем скаку....

4-я участница (музыка «Каким ты был...»)

...и в восхищении
БАФ – Федорович перед ней
Пескам и ветрам отмолился
И множество имел друзей.
Галантный, милый и веселый,
Конферансье, Кола' Брюньон!
Всегда в кого-нибудь влюбленный
Кем был, тем и остался он...!

5-я участница (музыка «Половецкие пляски»)

Там в юности своей трудился
Мурзаев, главный Азиат.
В Монголии постичь стремился
Буддийский дух и мудрый взгляд.

6-я участница (музыка «Песня индийского гостя»)

Там, в жарких, пыльных Каракумах
Некоронованный король
Подземных вод – Владимир Кунин
Пустыню взял под свой контроль.

3-й участник (музыка «Вечное движение» или «У попа была собака...»)

А северней, семиардиней,
В сухих Прикаспия степях
Младая Доскач в юбке длинной
В галоп скакала на конях...
И между зорями ночными
Впервые встал пред ней вопрос:
Что в мире истина? Движенье?
Материя? Или Хао'с?...
Прошли года..., и Доскач – мама
И говорлива, и мила
На институтских семинарах
Немало истин изрекла!

4-й участник (музыка «Колокольчики мои..»)

Чуть-чуть позднее, над Тянь-Шанем
Явилась новая звезда.
Чудесной, доброй Маргариткой
Там Иверонова цвела.

Все участницы (музыка «Любви все возрасты...»)

Изящнейший и элегантный
В Терской ворвался сам Авсюк!
Его блестящие таланты
Всех мигом покорили вдруг!

5-й участник (музыка «Славное море...», переход в «Кавказ подо мною»)

А над Байкалом, над волнами,
Хамар-Дабан синеет мглой –
Уж появилась Думитрашка –
Брела сибирскою тропой.
А после многими снегами
Сверкнув, поник перед ней Кавказ.
Километрашка-Думитрашка,
Оставь хоть что-нибудь для нас!

(*Все молодые, окружая Н.В. преклоняются перед ней, вручая корзину цветов*)

6-й участник (музыка «Я помню чудное мгновенье...»)

С Кавказа часто рвались сели.
Их изучала Йогансон...
Ее уж нет, остались сели
Увы, ...остался только сон!

7-я участница (музыка.....)

Верблюдом, лошадью иль пешим
С планшеткой, пленкой и пером
К морфоструктурам вышел... Кеша
Со страстью, пылом и умом.
И Казахстанские просторы
И Кулундинские колки'
Урал, Тянь-Шань, иные горы
Ему знакомы и близки.
Теперь он МЭТР, теперь он АСС,
Всему известно «Геосвету»,
А сеть Герасимовских трасс
Теперь покрыла всю планету.

8-я участница (музыка «Мчаться тучи, вьются тучи...»)

Мы все вдыхаем без смущенья
Весь атмосферный кислород,
Не мысля, что без сожаленья
Пыльца нам попадает в рот.
Пыльцу никто бы не приметил
Не будь средь нас Ве. Пе. Гричук:
Ее крутил он в центрифуге,
А позже – взял на ультразвук!
С тех пор пошло кругом верченье
Лесов и тундры, и степей...
Нейштадт застыл от восхищенья –
Ведь Поликарпий – чародей!!!

Все молодые участники (музыка «Наука юношней питают...»)

И вот проходят чередою
Те ветераны наших дел
Смешат в капустниках ИГАНа
(поклон в сторону пожилых участников)
И груз несут работ и лет!
(поклон в сторону ветеранов в зале)

7-й участник (музыка «Полна, полна чудес»)

Но Геомин сменил кристальный
Достойный зависти «ПЕРСИН»

И внук его – фундаментальный
И конструктивный ГЕРАСИ’М!
Ему желаем мы успеха
И в «Человеке», и в «Среде»
А в конструктивной географии
Преуспевает он уже!

Все молодые участники

О! Ветераны Института!
От всей души желаем Вам:
Здоровья, молодости вечной
Улыбок нежных милых дам!
Пусть ярко вспыхнут перед Вами
Все Ваши прошлые года!
И будущих деяний пламя
Пускай не гаснет никогда!

Думитрашко (музыка «Пусть всегда будет Солнце!»)

И в наш научный, хоть веселый
И юбилейный хоровод
Пускай идет способный, новый,
Наш молодой еще народ!
Пусть сотрясает поколенья
Седых голов и юных душ!

(к аккомпаниатору)

А нам сыграйте в заключенье
Хороший юбилейный туш!

Рояль (играет несколько тактов гимна «Не сталевары мы...», переходящих
в песню «Мы кузнецы, и дух наш молод...».)

*Под эту музыку все молодые участники с букетами цветов и сувенирами
спускаются в зал и вручают подарки присутствующим ветеранам.*

Занавес постепенно закрывается...

От редактора-составителя.

Из множества капустников одним из самых знаменитых был тот, о котором вспоминают все старожилы – с адаптированной к институтской жизни пьесой «Принцесса Турандот».

*Обращение к конференц-залу Института географии
в день юбилейного заседания, посвященного
75-летию Института*

Многоуважаемый конференц-зал!

Предания гласят, что ты был залом церковным. И не уличным, а при богадельне¹. Если это так, то сколько же твои стены впитали человеческого горя. Ведь венчаний и крещений ты, наверное, не знал...

Мы с тобой познакомились в 1947 г. Ты уже много лет был конференц-залом. Но слишком уж тесно было в Институте, чтобы тебе было позволительно выполнять лишь одну функцию – быть залом заседаний.

Поэтому, я вспоминаю тебя, прежде всего, как огромный, хотя и пустоватый класс, в котором у большого стола президиума велись аспирантские семинары по философии или занятия по иностранному языку.

Был ты и просто рабочей комнатой. Помню – вот там, справа, у окна Е.Б. Лопатиной и О.Р. Назаревским была написана книга об оценке природных условий жизни населения. Именно здесь – в отдельной комнате они не мешали другим своими бурными спорами.

А у левого окна частенько работал окруженный баррикадами из книг редкостный для нашего времени мечтатель-инженер П.М. Борисов – крупный организатор строительства нефтезаводов, лауреат Государственной премии, поступивший после выхода на пенсию на работу в Институт географии в качестве младшего научного сотрудника для того, чтобы обосновать целесообразность и возможность постройки плотины через Берингов пролив.

Но, конечно, чаще всего ты бывал залом заседаний. Сколько же идей – новых и второй свежести – ты слышал. Твое, да и мое счастье, что мы забыли десятки скучных докладов. Но, зато, сколько тебе удалось услышать высказанных вполголоса, «не для протокола» разительных, остроумнейших замечаний, смелых суждений, сплетен и светских новостей. Бывал ты и местом дежурных речей по случаю очередного официального праздника или политического мероприятия.

Бывали у тебя в гостях и великие путешественники, и послы, и депутаты, и работники директивных органов. Бывали и деловые, и торжественные междуна-

¹ Историко-архитектурным исследованиям установлено, что здание нашего Института в Старомонетном переулке это дом городской усадьбы XVIII–XIX веков, а палаты, которые в нем сохранились, относятся к началу XVIII в. Во время пожара 1812 г. здание сгорело и, судя по сохранившимся чертежам, в 1839 г. было восстановлено. В 1870 г. здесь находилась богадельня Пятницкого отделения попечительства о бедных; в 1878 г. был пристроен двухэтажный объем для церкви Преображения Господня, а в 1917 г. здание богадельни было превращено в коммунальное жилье. Институту дом был передан в 1934 г. как временное помещение. Но нет ничего более постоянного, чем временное. Несмотря на неоднократные попытки обрести новое здание, этот дом поныне остается нашим главным помещением (см. с. 569–572 в книге «Институт географии и его люди». М.: Наука, 2008).

родные встречи с соблюдением «Протокола», с ритуальным каре из канцелярских столов, долженствовавшим изображать круглый стол.

Ты, конференц-зал, вероятно, чувствовал себя достаточно важным, когда в твоих стенах творилось таинство превращения соискателей в кандидатов и докторов наук. Ты помнишь их волнения, срывы голосов, бледные лица. Наверное, тебе не забыть и драматические, многочасовые защиты, во время которых «летели пух и перья» и горстями глотался валидол. (Я помню – почему-то мой оппонент В.Б. Сочава стоял во время моего ответа на замечания, опервшись на рояль.) Более сотни людей вышли из твоих дверей докторами наук и многие сотни – кандидатами. Среди них и те, кто стали лауреатами, академиками, директорами и ректорами.

Ты помнишь то сдержанную, то догматически разгульную остроту дискуссий 1950 г. Кому-то хотелось провести почти «лысенковскую» расправу над Институтом и академиком А.А. Григорьевым на основе статьи в ждановской газете «Культура и жизнь». Статьи с типичнейшим названием «В отрыве от жизни». Помнишь несправедливые слова, летевшие с кафедры и в адрес А.А. Григорьева, и в адрес Л.С. Берга. Наверное, ты не забыл и трусливое молчание.

Да, слово стоило дорого. Оно было чревато последствиями. Наверное, вспомнишь ты и бурные партсобрания, сопровождавшие эту дискуссию. Может быть, ты и не обратил внимания, как во время одного из них, в момент решающего голосования, один из профессоров, нагнувшись, стал завязывать шнурки. Может быть, ты и забыл этот эпизод. Но я, вернувшись в географию с фронта, вряд ли когда-либо забуду такое.

Мы помним с тобою партсобрание, посвященное вступлению в партию «на общих основаниях» разжалованного полковника, разведчика. Помним его защиты кандидатскую и докторскую. И я помню его слова, сказанные здесь же при получении медали «40 лет Победы»: «Это ведь моя единственная» (при осуждении он был лишен всех боевых орденов). Это был Георгий Дмитриевич Кулагин, скончавший-

Наш конференц-зал.

Чемпион института по пинг-понгу В.М. Котляков.

кого-либо из руководителей Института.

Бывал ты и спортзалом, в котором в обеденный перерыв и после работы сражались в пинг-понг². Ты, наверное, радовался вместе с нами, когда превращался в клуб. Здесь слушали устные рассказы Е. Ауэрбах и хохмы А. Каневского. Сидя плечом к плечу, мы аплодировали нашим собственным певцам и танцорам – тройке здоровых мужиков, исполнявших танец маленьких лебедей. Именно тут – на этом месте, где сегодня возвышается на подиуме стол президиума. А капустники? Вспоминаешь ли, как сгибаясь от хохота, смеялся над самим собою акад. И.П. Герасимов – смеялся над святым Иннокентием в исполнении Д.А. Тимофеева. Смеялись и мы с тобою над вечной сказкой о новом здании Института.

Ты, зал, не мог не радоваться детскому разноголосью и блеску глаз на елках и, возможно, нежился в лучах внимания украшавших тебя членов родительского комитета.

А что нам стоило превратить тебя в танцзал? И как только мог твой паркет выдержать бешеный ритм конкурса на лучшее исполнение рок-н-ролла? Помнишь его лауреатов – Э.О. Фриденберг и В.О. Таргульяна? Был ты и банкетным залом – с застольем, накрытыми белыми скатертями столами, тостами, громкими застольными песнями, с торжественным мощным «гимном географов», исполнявшимся стоя. Вряд ли ты забыл лезгинку, которую станцевал в 3 часа ночи, после банкета по

ся в 50 лет. Человек необыкновенной силы, прошедший после личной трагедии за неполные 20 лет в стенах Института путь от аспиранта до доктора наук, заведующего отделом и заместителя директора.

Многих своих учителей и соратников мы проводили отсюда в последний путь. До сих пор помню потрясение во время первой гражданской панихиды – скончался от лейкемии 37-летний Д.М. Колосов. Вероятнее всего это была одна из первых жертв облака Хиросимы или атомных испытаний. Но для меня это была первая смерть, которую я встретил после войны, где смерть воспринималась как нечто естественное.

Но был ты и другим! Сумеешь ли ты когда-нибудь подсчитать, сколько ты видел личных юбилейных торжеств с цветами и улыбками, со стихами и с подарками, с самоотчетами юбиляров и с искренними или дежурными преувеличениями и приукрашиваниями. Но, согласись, зал, ведь эти преувеличения были намного безобиднее лести, нередко украшавшей «выступления в прениях» по докладу

² Прим. редактора-составителя. Чемпионом института был тогда В.М. Котляков, а «игановская» команда успешно выступала в соревнованиях с другими академическими институтами.

поводу защиты, выпускник нашей аспирантуры – ныне профессор Г.К. Габрелян. А ходил он на протезах…

Конечно, твои стены помнят и то, чего я не знал, и то, что я помню и о чем не хочу говорить, и то, что я не могу простить себе, и то, что я не могу простить другим. Ты, безмолвный и казавшийся просто обычным помещением, на самом деле помогал нам чувствовать себя единым целым. Пестрым по способностям и по научным интересам, добывающим свои знания на достаточно удаленных друг от друга урочищах экспедиционного поля, простирающегося практически от Шпицбергена до Антарктиды. Меняющим свои поколения. Но всегда единым.

Если обратиться к ученым словам, то, пользуясь терминами Льва Гумилева и Петра Савицкого, ты выполнял функцию «месторазвития» особого и неповторимого географического мира или особого субэтноса – коллектива Института географии. Ты долго выполнял эти функции. Тебе и дальше придется быть центром обмена мыслями, формирования концепций, выработки стратегии дальнейшего развития, центром общих событий, не вмещающихся в стенах наших многолюдных комнат и многочисленных подвалов. Что же – такова твоя судьба.

Я надеюсь, что мы не оставим вниманием и заботой этот наш зал, помогающий всем нам, кто собирается и общается в стенах дома № 29 на Старомонетном, избежать судьбы людей, родства не помнящих – судьбы манкуартов.

Прим. редактора-составителя.

Написано в декабре 1993 г. Опубликовано в книге В.С. Преображенский «Я географ». М.: Геос. 2001. С. 223-227. Печатается с небольшими сокращениями.

А.Н. Маккавеев, Л.Е. Сетунская

Необычная защита, состоявшаяся в нашем конференц-зале в 1953 г.

Для всей страны 1953 г. был переломным; этого не знает только ленивый и нелюбопытный. Но сейчас почти не осталось старожилов Института географии, которые бы знали, а тем более были очевидцами защиты докторской диссертации, состоявшейся точно 5 марта того года, в день смерти И.В. Сталина.

Соискателем был докторант Института Николай Иванович Маккавеев. Обе его защиты проходили в экстремальной обстановке. Кандидатская – в блокадном Ленинграде 18 октября 1941 г.; отпросился в город практически с передовой (понтонной переправы на Невской Дубровке) и едва добрался вовремя на свою защиту в педагогический институт им. А.И. Герцена. После было тоже не сладко: наказание за опоздание в часть, затем тяжелое ранение, голодный госпиталь, эвакуация по «Дороге жизни». В конце 40-х, начале 50-х гг. XX века работая в ЦНИИРФе (Центральном научно-исследовательском институте речного флота) Маккавеев готовил докторскую диссертацию. Заканчивает ее к осени 1952 г. Сохранился предварительный отзыв:

Сохранился предварительный отзыв:

«Директору Института Географии АН СССР
члену-корреспонденту Академии Наук СССР
тov. Герасимову И.П.

Довожу до вашего сведения, что докторант Института географии Маккавеев Н.И. закончил свою диссертационную работу на тему: «Эрозионно-аккумулятивные процессы и рельеф русла реки». В этом труде детально рассматривается ряд основных вопросов геоморфологии речного русла на основе систематизации результатов многолетних личных исследований автора с привлечением весьма обширного литературного материала. Тема диссертации, несомненно, актуальна; ряд положений, обоснованных автором, является новым вкладом в речную гидрологию и геоморфологию. Полагаю, что работа Маккавеева Н.И. может быть допущена для защиты на соискание степени доктора географических наук.

Член-корреспондент АН СССР М. Великанов, 3/X 1952»

День защиты – 5 марта 1953 г. был назначен заранее, но из-за смерти вождя в Институте царила гнетущая обстановка, казалось, что все погружено в какой-то мрак. Некоторые не скрывали слез. Сначала никто не знал, состоится ли защита или будет перенесена, и что делать вообще, пока не пришел по телефону приказ, что в целях сохранения порядка все обязаны работать на своих местах и не отменять намеченные мероприятия.

Николай Иванович с утра ходил к телефону-автомату на углу Собачьей площадки (он жил рядом с этой маленькой площадью, к сожалению давно исчезнувшей) и узнал, что защита не отменяется.

Конференц-зал Института географии был полон. Собрались не только сотрудники Института, многие пришли с географического факультета МГУ и некоторых других организаций, имевших отношение к географии, гидрологии и водному транспорту. Всем было тяжело, волнительно и особенно, конечно, Николаю Ивановичу, но держался он хорошо и внешне спокойно, уверенно отвечал на труднейшие вопросы. У многих присутствующих интересный, хорошо доложенный материал, новые идеи докторанта даже отодвинули на второй план окружающие события. Защита прошла с успехом. Банquet, конечно, устраивать было очень рискованно.

В 1955 г. диссертация была издана под названием «Русло реки и эрозия в ее бассейне». Николай Иванович был приглашен профессором на географический факультет МГУ. Таким образом, Институт географии имеет самое прямое отношение к созданию Н.И. Маккавеевым нового направления в науке – учению о едином эрозионно-аккумулятивном процессе – синтезе гидрологии, геоморфологии, почвоведения, гидравлики, инженерной геологии и гидротехники.

*Частъ II
В экспедициях
и на полевых станциях*

Путешествия в бассейне Амура с Верой Васильевной Никольской¹

В.В. Никольская.

Мне посчастливилось работать в 1955–1967 гг. в Институте географии АН СССР с Верой Васильевной Никольской – замечательным человеком, увлеченным ученым и яркой личностью. О ней посмертно написано много и подготовлена к изданию монография, так что перечень дат и событий ее жизни и деятельности здесь отсутствует. Да и повествование будет не об ушедшем, а о живом человеке, о ее едва ли не главной черте характера...

На склоне лет я вспоминаю о том, что героиня нашего рассказа казалась нам очень взрослой, солидного возраста. А ведь ей тогда было всего 40 с небольшим лет!

Теперь, восстанавливая в памяти облик ВВ – так ее называли друзья, могу представить ее в юные и молодые годы. Высокая, стройная красавица с благородной осанкой, аристократичным удлиненным лицом, карими, как вишни, глазами, узким носом с горбинкой, с черными, как смоль, гладко зачесанными волосами. Девушка, должно быть, была похожа на Анну Ахматову на рисунках Модильяни. В ней было немного от античных богинь, хотя скульптура в целом имела больше европейских черт. И это неудивительно: в ее предках текла чешская кровь. Допускаю, что романтические юноши воспринимали молодую незнакомку, как А. Блок. Она могла соткаться и исчезнуть, «дыши духами и туманами»...

Лейтмотивом моего рассказа является тема героизма и мужества этой удивительной женщины. Сильной и несчастной. Окончание Ленинградского университета – работа в «Главзолото» в долине р. Аллах-Юня, притока Алдана – поступление на работу в Институт географии – замужество – Великая Отечественная война – голодные годы – потеря погибшего в боях мужа-артиллериста – потеря ребенка – туберкулез – работа в Институте по составлению карт проходимости на театры будущих военных действий под руководством И.П. Герасимова (она неоднократно вспоминала с благодарностью о том, что он ее спас от гибели от этой страшной болезни!) – защита кандидатской диссертации – начало работы на Дальнем Востоке, который стал ее любовью, любимым регионом ее исследований на всю жизнь. Так сложилась ее жизнь к моменту нашего знакомства. ВВ была страстной натурой и уж если что-нибудь или кого-нибудь любила, то по-настоящему.

В 1955 г. меня с ней познакомил мой друг, однокашник по группе геоморфологов геофака МГУ Егор Щербаков, который проходил у нее в отряде преддипломную практику в Приамурье и с которым она совершила героический поход из доли-

¹ Частично опубликовано в книге «Институт и его люди». М.: Наука. 2008. с.518–521.

ны Зеи в хр. Тукрингра-Джагды, открыв следы древнего оледенения в массивах Бол. и Мал. Бекельдеуль. Акад. В.А. Обручев благословил их статью в Доклады АН. ВВ в те годы сотрудничала с СОПСом АН СССР и руководила кандидатскими диссертациями работавшими там Д.П. Григорьева и Л.Ф. Насулич. По ее инициативе составлялась геоморфологическая карта Амуро-Зейского междуречья и она взяла меня на временную работу для создания больших полотен этого труда. Именно тогда я вступил в овеянный легендами, прославленный Институт географии АН СССР и начал знакомиться с его обитателями.

В Институт я был зачислен 2 июля 1956 г. после окончания географического факультета МГУ по специальности геоморфология. В отделе геоморфологии вакансий не было, и я попал в отдел физической географии, которым руководил проф. Гавриил Дмитриевич Рихтер – замечательный ученый и большой души человек. Моим непосредственным начальником была старший научный сотрудник, кандидат географических наук Вера Васильевна Никольская. Дальше события разворачивались быстро. В начале августа с ВВ, Димой Тимофеевым, Н.М. Казаковой, Сашей Орловым – студентом МГУ – и китайскими коллегами оказался в Китае, на берегах огромного озера Далай-Нор.

Вернувшись поздней осенью в Институт, я стал знакомиться с отделом физической географии. ВВ предварительно рассказывала о сотрудниках много хорошего. Воспоминания о недолгой, но увлекательной и продуктивной работе в этом прославленном отделе с замечательными людьми и ВВ в их числе греют душу. Это было необыкновенное сообщество добрых, преданных науке людей. Вокруг них создавалась неповторимая атмосфера дружелюбия и доброты, внимания и поддержки. Отделом руководил, как сказал в поздравлении к его 60-летию Д.Л. Арманд, патриарх института – Г.Д. Рихтер. Он отличался поразительным вниманием ко всем сотрудникам, особенно заботился о молодежи. Очень энергичной, яркой фигурой был Давид Львович Арманд, отличавшийся невероятной работоспособностью, колоссальными знаниями в географии и смежных науках, выплескивавшейся из него энергией и искрометным юмором. Он и в поле был таким. Рассказывали, что он, изучая овражную эрозию Приволжской возвышенности, бегом пересекал овраги... Словно в противовес ему спокойно работали Леонид Дмитриевич Долгушин и Леонид Федорович Куницын, только что вернувшиеся с Полярного Урала. В царстве стационарных исследований рельефообразующих процессов царила Маргарита Ивановна Иверонова, одна из организаторов Тянь-Шанской физико-географической станции ИГАН. Очень своеобразной запомнилась невысокая фигура Л.Н. Соболева с постоянным рюкзачком за спиной. Владимир Сергеевич Преображенский с Лидией Ивановной Мухиной и Натальей Васильевной Фадеевой начинали заниматься типами местности в Прибайкалье и Забайкалье, сотрудничая с соответствующими экспедициями СОПС АН СССР. Несколько особняком действовали Нина Михайловна Ступина и Елена Никифоровна Лисичек, также не обойденные вниманием Г.Д. Рихтера. Очень яркой личностью и весьма сильным ученым была Леночка Нефедьева – талантливый геоморфолог и физикогеограф, исследователь Кавказа.

Несмотря на почтенный средний возраст сотрудников отдела, показателем состояния дел в нем была молодежь, ее активность, задор и ее успехи. Г.Д. Рихтеру

удалось договориться с институтом высокогорных исследований в Кабардино-Балкарии о проведении молодыми сотрудниками нашего отдела зимних исследований в Приэльбрусье. Я помню счастливые лица Жени Гуртовой, Тони Яшиной и Володи Котлякова, уезжавших зимовать на Кавказ. По их возвращении молодое звено отдела стало своеобразным центром притяжения начинающих ученых других отделов: геоморфологии, картографии и др. Неостепененные, но готовившие кандидатские диссертации Борис Корнилов, Коля Благоволин и Митя Тимофеев буквально «паслись» у физов. И к этому были причины, как научного общения, так и личных привязанностей. Весьма привлекательными были наши красавицы Женя Гуртова, Люся Петрова, позже Элла Фридленберг, а также постоянная участница товарищеских сборищ Гая Лукьянская из отдела картографии.

Мы работали и жили весело и свободно, даже беззаботно. Постоянно активно участвовали в научной жизни Москвы, принимая участие в заседаниях МОИП, Московского филиала Географического общества СССР, МОВАГО, слушали доклады ведущих ученых на геологическом и географическом факультетах МГУ, в МГРИ; ездили на съезды Географического общества СССР и всевозможные конференции в Ленинград, Киев, Тбилиси и столицы среднеазиатских республик. Молодые ученые быстро набирали силу, начали проводить специальные конференции с изданием тезисов докладов. В то время опубликовать научную статью или заметку было значительно труднее, чем теперь. Нам все было интересно. И все поощрялось дирекцией, особенно зам. директора Григорием Александровичем Авсюком – дядей Гришей, которого все любили. Даже сутутившийся прокуренный, маленький главный бухгалтер В.Б. Раскин, скрипя сердце, хоть и не сразу, но ставил свою закорючку – разрешительную подпись на заявлениях о нашем командировании. Были некоторые маленькие проблемы. Одно время не хватало рабочих столов, и я сидел за одним с Люсей Петровой. Наконец, мне выделили старенький, видавший виды еще в древние этапы ИГАНа, стол. Поставил на него бинокуляр и был очень довolen и горд. И что же? Через несколько дней приходит к нам большой, громкоголосый Бачулис – наш зам. дир. по АХО и на удивление ласково обращается ко мне с просьбой отдать ему мой первый стол на какие-то там неотложные нужды. И при этом спокойно и вопрошающе смотрит мне в глаза. Я вздыхаю и соглашаюсь. Через несколько дней вхожу в отдел и замираю: вместо моего старца стоит новенький, сверкающий полированными гранями стол. Бачулис поступил благородно...

У нас в отделе физической географии был удивительно сплоченный и дружный коллектив. Заседания отдела проходили периодически и очень интересно. Но самыми неповторимыми по проявлению личных качеств были празднования дней рождения. Это были праздники души и сердца. Какие были застольные собрания у Г.Д. Рихтера и у Е.А. Нефедьевой, у Л.Ф. Куницына и у Л.И. Мухиной, у многих других. В тостах были каскады воспоминаний, шуток, взрывы смеха гремели непрерывно... Сколько выдумки и творчества было в выступлениях моих товарищей! Как провожали друг друга!

Наш отдел был родоначальником прогрессивных по всей Академии наук и по всей Москве капитанов. Это была вершина изобретательности, смеха и юмора. И иносказаний! Можно ли забыть исполнение танца маленьких лебедей отнюдь не миниатюрными Витей Филькиным, Славой Басовым и Витей Таргульяном? Или

исполнение Ниной Караваевой «Помнишь мезозойскую культуру» в воссозданной на сцене пещере? Впрочем, это отдельная тема, которая заслуживает специального рассмотрения.

Как молоды мы были,
Как искренне любили,
Как верили в себя!

С 1956 по 1960 год мы работали в составе Амурской комплексной советско-китайской экспедиции АН СССР и АН КНР на огромной территории бассейна Амура и, главным образом, вдоль долин крупных рек, т.к. задачей экспедиции была разработка проекта создания каскада крупных ГЭС и схемы комплексного использования природных ресурсов Приамурья. Работая в составе физико-географического отряда экспедиции под начальством ВВ, мы совершили много интереснейших маршрутов большой протяженности: неоднократно прошли весь Амур, низовья Сунгари до г. Цзямысы, Аргунь и Шилку на катере Краснознаменной Амурской флотилии ГПБ-1 с мичманом П.В. Шебарчным; сделали много пеших и конных путешествий. В сложных полевых походах ВВ порой показывала чудеса храбрости, которые ей давались нелегко. Дело в том, что она была высокой, горящейся, как это бывает у высоких людей, довольно нескладной женщиной. В городе, в Институте ходила она медленно, осторожно, с опаской преодолевая лестницы. В поле это был другой человек. Она ни в чем не уступала нам – тогда молодым людям, не отставала от нас в маршрутах, была инициатором многих сложных и подчас рискованных путешествий. Судите сами.

1955 год – она проделала многодневный, пеший, длительный и опасный штурм упоминавшихся массива Бекельдеуль в Тукуингре-Джагды по зейской непролаз-

Физикогеографический отряд Амурской экспедиции АН СССР и АН КНР, 1956 г. Стоянка у берега Сунгари. В.В. Никольская третья справа, первый В.П. Чичагов.

ной тайге, через болота вдоль каменистых порожистых рек. Вдвоем, с минимумом продуктов. Если что – не вытащить.

1956-й – холодное, октябрьское путешествие по северу Большого Хингана на экспедиционной машине по непростым таежным дорогам в верховья р. Нонни до последнего населенного пункта, а дальше на конях в многодневный маршрут к истокам этой реки, в область древних жителей – манегров. Несмотря на китайскую охрану из одного юного солдата с винтовкой и начальника милиции г. Хэйхэ с громадным маузером в деревянной кобуре, в те годы сохранялась опасность нападения хунхузов – известных с русско-японской войны разбойников и злодеев. О них нас предупреждали китайские власти. (Хунхузы – это маньчжурский вариант кровожадных башибузуков времен русско-турецкой войны 1877–1978 гг.). С упорством, достойным подражания, высокая ВВ тряслась в седле на низкорослой лошадке по таежным тропам Хингана, преодолевая броды горных рек,rossыпи и курумы, но чуя в палатке на покрытой инеем и опавшей листвой земле. Ей позарез нужно было дойти до истоков Нонни, чтобы выяснить, не было ли там древней долины Амура, т.е. не соединялся ли Амур с Сунгари в прошлом. Отбив и стерев все, что возможно, невероятно устав, ВВ явно через силу проделала этот тяжелый конный маршрут. Но, приняв муки, радовалась успеху. Она была большим оптимистом!

1957 год. Мы хорошо поработали в долине Амура, собрали богатый новый интересный материал; с погодой нам везло, катер действовал бесперебойно, настроение у всех было праздничным.

И вот однажды ВВ мне ласково говорит: «Валечка-Валерочка, собирайте большую резиновую лодку, возьмите ружье, спиннинг и самое необходимое, о продуктах я позабочусь сама. Делаем водный маршрут по Амгуни, катер спустится по Амуру и будет нас встречать в пос. Маго, на Нижнем Амуре».

Я был не новичок в сплавах на плотах и резиновых лодках; в юности выступал в соревнованиях по гребле и, казалось, умел обращаться с резинками, любил водные маршруты. Согласился сразу и с радостью. Забросились на Амгунь через Ургал в пос. Могды. Переночевали у молоденьких учительниц, помылись в бане. Утром я накачал лодку, погрузил вещи и с трудом усадил ВВ. Лодка-пятисотка была сильно загружена, сидеть и грести было неудобно. ВВ сидела на корме. Она мне представлялась опытным дальневосточником, прошедшим все воды, огни и трубы этого славного региона. Я был уверен, что она была знакома и с долиной Амгуни. Прежде, чем отвязать фал от прибрежного куста, я поинтересовался, когда ВВ путешествовала по этой трудно проходимой, быстрой реке. В ответ услышал: «Впервые». Так. Значит, идем по неизвестной реке «с листа». Посмотрели стотысячные планшеты. Река, как река. В верховьях поуже и попрямее, значит быстрее. В среднем течении несколько проток, в нижнем – много излучин, спокойное течение. Главное на карты не было нанесено...

Сомненья прочь! С Богом! С первых минут мне стало ясно, что Амгунь река, мягко выражаясь, с вспыльчивым характером и наш маршрут не будет простым. Сначала течение было очень быстрым, и я с трудом держался форвартера, лодка резво прыгала на перекатах. Первые дни мы шли тем не менее спокойно, удачно решая первые «тренировочные» задачи, на которые не скучилась Амгунь. На четвертый день нам было необходимо подойти к береговому обрыву и описать обна-

жение неогеновых отложений. Течение под подмываемым бережком было сильным, и я с большим трудом, с третьей попытки, подвел лодку под обнажение. Вода ревела, и удерживать лодку в одном положении было почти невозможно. ВВ не могла встать на бившийся в волнах борт лодки, а я не мог ей доверить лодку. Это было мучением для нее и для меня. Наконец, ей с большим трудом удалось описать обнажение, а мне взять пробы. Снова в путь.

Солнце пригревало, река сделалась поспокойнее, и я потерял бдительность. Неожиданно свернули с главного русла и попали в узкую протоку, перегороженную поваленными крупными лесинами. Стоп! Нужно было возвращаться. Лодка была тяжело загружена, и мне с ВВ на борту было не выгрести против течения. Пришлось ей переходить узкий, качающийся в воде, 30-метровый завал, продираясь через сучья поваленных стволов, качавшихся над водой. В долинах дальневосточных рек это не редкость, и мы неоднократно переходили завалы в маршрутах. ВВ, не задумываясь, ступила на завал. После ее первых шагов я с ужасом обнаружил – она не держит равновесие, не владеет им! Мне стало страшно. Каково было ей?! Помочь я не мог – завал не выдерживал двоих! И вот тут я увидел, на что была способна ВВ. По сантиметру, медленно, шаг за шагом она внешне спокойно переходила завал. Казалось, прошла вечность. И ВВ прошла!

Дальше стало «лучше». Река стала мощней и быстрей, мы шли по гладкой, слегка выпуклой поверхности воды. С берегов свисали острые пики поваленных рекой деревьев, и я держал лодку на расстоянии от них. И вдруг одно из них оказалось значительно длиннее. Мы на полном ходу, распластавшись в лодке, прошмыгнули под ним.

И снова было теплое, убаюкивающее солнце, тепло и безмятежно. Спокойно вышли в большой плес, остановились перекусить, отдохнули. Мы видели перед собой широкую спокойную реку. Ничто не предвещало опасности. Берега были низкими, интересующих нас обнажений не было. Солнце пекло, и мы стали коричневыми. Долго шли по этой медленно текущей водной равнине. По просьбе ВВ я несколько раз пересаживался на корму и уступал ей весла. И однажды задремал... Очнулся от возгласа ВВ. Перед нами в опасной близости был завал. Это был не простой завал, а завал из завалов! Он перегораживал основное русло реки. Вода реки неудержимо уходила под него, засасывая и поглощая в эту водянную черную дыру все, что было на плаву. Воды вздыбилась перед ним, казалось, неподвижным пологим горбом. Многие стволы слагавших завал деревьев были расщеплены вдоль, превратились в длинные, острые пики-щепы, которые угрожающие раскачивались над поверхностью воды, навстречу резинке, как бы маня и завлекая к себе. Прикосновение к одному из них... Не хочу писать «ужастик»! Путь был один: немедленно свернуть в узкую протоку под левым берегом. Далековато, но только там спасение. Не помню, как мне удалось пересадить, скорее перекинуть ВВ на корму и сесть за весла. Налегал на них, что есть силы, но расстояние до пика не сокращалось. К нашему счастью метр за метром лодка все же начала соскальзывать с рокового водяного бугра, но отбиваться от завала приходилось на пределе возможного. И вот, когда мы начали уходить от злополучного завала, и появилась уверенность в том, что опасность миновала, правая резиновая уключина лопнула, лодку крутануло, и бросило под завал! ВВ сидела, как каменная. Ни один мускул не дрогнул на ее лице. Вырвав второе весло из уключины, я с большим трудом отбился от завала,

В.В. Никольская и Д.А. Тимофеев (слева) на Амуре. 1958 г.

пройдя буквально в метре от качавшейся грозной, острой опасности. Дальше было спокойнее. Правда, однажды ночью к нам приходил пестун, а на другой день в нас стрелял из ружья какой-то бдительный охотник из смежной протоки. Но главная опасность была позади. По широкой полноводной Нижней Амгуни мы пришли сначала в Керби – пос. им. Полины Осипенко, а затем в Маго, где нас встречали радостные друзья. В этом маршруте ВВ показала себя настоящим героем...

По материалам амгуньского маршрута мы с ВВ опубликовали в бюллетене МОИП скромную, набранную петитом статью. Трудно поверить, какова была ее цена...

В том же году мы на нашем катере по настоянию ВВ вышли из Амура в Татарский пролив. (Вообще, ее влекло все дальше на восток, на Сахалин и Курилы. И она позже осуществила свои мечты, сменив Москву на Южно-Сахалинск и Владивосток). ВВ постоянно находилась в рубке. Внезапно заштормило. Глубины в устье Амура небольшие. Постоянно делая промеры, Лаперуз в свое время признал пролив непроходимым для морских судов. Развело крутую, сбитую волну и наш речной катер стало здорово качать и класть с борта на борт. Китайский профессор Дин Си-чжи вышел из носового кубрика, и у лееров его чуть не смыло волной, я с трудом удержал его за толстый халат. П.В. Шебарчина в этом маршруте не было. Капитаном был не слишком опытный и приятный речник. Его укачало и ВВ некоторое время стояла у штурвала... Мы были на грани катастрофы: катер, шедший в Николаевск за нами, так и не пришел в порт...

В период работы на Сахалине ВВ в одиночку неоднократно героически путешествовала по Курилам. Мне рассказывали очевидцы, как однажды в большую волну

ее перегружали, как груз, с борта теплохода на баркас в грузовой сетке. Принимавшее суденышко прыгало у борта корабля, проваливаясь и поднимаясь на 4–5 метров... И ничего. Не разбилась. И снова радовалась новому путешествию.

Вообще вся ее жизнь была героической. Она жила на Кропоткинской в коммунальной квартире, в узкой длинной комнате, которую называла «щелью». Воспитывала приемного сына Готьку – Георгия Трубецкого. С ним я был знаком по пионерскому лагерю.

ВВ была гостеприимна и хлебосольна. Она была чутким, внимательным человеком. Когда у нас появился в 1957 г. сын, мы снимали дом в Загорянке. Она с Готькой навещала нас, привозя много подарков.

ВВ была общительной, тянулась к людям и создавала милые традиции. В «щели» мы регулярно 31 декабря в 17 часов праздновали дальневосточный Новый Год на семь часов раньше московского, и в честь ее погибшего супруга артиллериста – в конце зимы – День артиллерии и ракетных войск.

ВВ помогала всем, кому могла. Она была глубоко верующим человеком, но не афишировала это. Очень любила музыку и была завсегдатаем Московской консерватории. В «щели», напротив ее кровати висела старинная изящная деревянная полочка с тремя томиками стихов Н. Гумилева, А. Ахматовой и А. Блока.

ВВ любили люди, и она любила людей, принимала участие в судьбах многих простых людей, всех, нуждавшихся в ее поддержке. Нередко помогала материально.

ВВ с особенно большим вниманием и сердечностью относилась к молодежи и ко мне. Как она радовалась, когда я начал работать в Монголии, с которой у нее были связаны воспоминания о замечательных русских путешественниках – исследователях Центральной Азии. Она их очень любила и передала эту любовь мне.

Она была отечественным ученым, плеяда которых создала науку в нашей стране; отличалась беззаветной преданностью к науке и к людям науки. За время работы в Институте В.В. Никольская защитила докторскую диссертацию, опубликовала несколько десятков статей и монографию «Морфоскульптура бассейна Амура» в 1962 г., во Владивостоке издала несколько учебников и множество научных статей. Большим достоинством ее был педагогический дар. Она воспитала целую когорту дальневосточных ученых.

ВВ прожила полную трудностей и испытаний, опасностей и тяжелых походов жизнь, постоянно проявляя геройство. Ее самопожертвование в сочетании с геройизмом достойно поклонения и может служить примером для молодых поколений!

Рисунок А.Д. Арманда.

Мои первые шаги в Институте географии

Новая Земля

В августе 1954 г., сразу после завершения учебы в Московском университете, я переступил порог приземистого полутораэтажного здания в Старомонетном переулке, в котором с 1934 г. размещается Институт географии. Никто точно не знает, когда был построен этот дом. По одной из версий, это постройка времен Ивана Грозного, в то далекое время здесь размещалась богадельня с домовой церковью. Сводчатые потолки церкви заметны и сейчас, а громадной толщины стены и глубокий первый этаж, уже на полметра погруженный в «культурный слой», вполне подтверждают эту версию.

В конце августа, когда я появился в Институте, меня проводили в кабинет директора, где в углу за дверью небольшой стол занимал заместитель директора Г.А. Авсяук. Григорий Александрович встретил меня доброжелательно, я бы сказал даже ласково, и определил в отдел физической географии. Руководителем отдела был Гавриил Дмитриевич Рихтер, которым уже после первой беседы я был совершенно покорен.

Г.Д. Рихтер – ровесник XX века. Он родился летом 1899 г. в Царском селе под Петербургом. С 1931 г. он – научный сотрудник Геоморфологического института АН СССР в Ленинграде. Многие годы основной сферой интересов Гавриила Дмитриевича был снежный покров как фактор развития природы. Это была революционная идея. Прежде география изучала лишь одно состояние природы, связанное с теплым временем года. Развивая идеи А.И. Воейкова и А.А. Григорьева, Г.Д. Рихтер рассматривал снежный покров как один из важных факторов физико-географического процесса (в понимании А.А. Григорьева). В 1948 г. он защитил докторскую диссертацию по «снежной» тематике и стал формировать вокруг себя группу энтузиастов, создавая своеобразную школу снеговедения.

Роль Гавриила Дмитриевича в моей судьбе чрезвычайна. Я обязан ему не только вовлечением меня в снеговедение и гляциологию, но и воспитанным им отношением к науке как части самой жизни, как неотъемлемой грани бесконечного познания и огромной любви. Обладавший энциклопедическими познаниями природных явлений, свойственными истинным естествоиспытателям конца XIX – начала XX столетий, он был как бы незаметным, но на самом деле одним из главных столпов отечественной физической географии, наряду с А.А. Григорьевым, державшим ее на мировом уровне первой половины XX в.

Летом 1955 г. в Институте появился Петр Александрович Шумский, в ту пору еще сравнительно молодой, но уже широко известный гляциолог. В 1947 г. появилась его совсем маленькая книжка, названная «Энергия оледенения и жизнь ледников», но изложенные в ней взгляды положили начало новому географическому направлению, развивающему идеи В.И. Вернадского о пульсирующей термодинамической оболочке Земли. Петр Александрович предложил мне отправиться в составе небольшого отряда на Новую Землю, чтобы вести исследования на ледниках

восточного, карского побережья, которые были изучены менее подробно, чем ледники, спускающиеся к Баренцеву морю.

После недолгих колебаний я согласился на предложение П.А. Шумского. Начались сборы. Нас было трое – будущих зимовщиков небольшой ледниковой станции. Мой однокурсник Свенельд Евтеев собирался заниматься изучением строения ледников, а всеми хозяйственными делами и геодезическими измерениями должен был ведать В.М. Кузнецов, тогдашний заместитель директора Института по хозяйству, друг Г.А. Авсюка. Виктор Михайлович уже имел за плечами опыт полярника: еще в 1934 г., когда мы, как говорят, «под стол пешком ходили», он зимовал вместе с Авсюком в бухте Прончищевой.

Много ли могут сделать три человека? Нам это было пока не ясно, но должны были сделать мы очень много. Во всяком случае, когда мы упаковали все наше снаряжение и оборудование, его оказалось несколько тонн – более чем по две тонны на человека. И это не считая продуктов!

В серых сумерках короткой летней полярной ночи корабль обогнул северную оконечность Новой Земли и вскоре остановился в заливе Течений на рейде у места, отведенного нам для выгрузки. Слева ярко сверкал трещинами и разломами ледниковый язык, а прямо перед нами расстилалась восьмикилометровая полоса плоской поверхности тундры.

Вскоре выгрузка пошла полным ходом. Основные грузы предназначались военным: здесь на морском берегу находилась их база со складами оборудования, снаряжения и продуктов, и стоял небольшой гарнизон – человек около тридцати. Тогда нам было неизвестно назначение этого военного лагеря. Лишь спустя десятилетия стало ясно, что пребывание здесь военных было связано с готовившимися испытаниями на Новой Земле советского ядерного оружия. В южной и центральной час-

Наши лагерь.

тях архипелага был создан полигон, удаленный от населенных районов. Осенью 1958 г. на Северном острове архипелага в течение 26 дней прогремело 18 воздушных взрывов ядерных устройств; трижды они проводились по два раза в день! Каждый из этих взрывов во много раз превышал по мощности атомные бомбы, сброшенные американцами на Хиросиму и Нагасаки.

Как только разгрузка закончилась, в ближайший погожий день мы отправились на рекогносировка в глубь тундры, к леднику. Ехали на грузовике – поверхность прибрежной равнины была настолько равномерно усыпана щебнем, что вполне можно было ехать без дороги. Один час подъема – и перед нами, насколько хватает глаз, расстилается морщинистое тело ледника. Это был ледник Розе – самый северный выводной поток на карском склоне Новоземельского ледникового покрова.

Наш лагерь состоял из двух палаток КАПШ-1 – одной теплой, жилой, другой холодной, в которой стояли приборы, а также из холодного склада, составленного из ящиков, обтянутых брезентом. В этом складе хранились, главным образом, продукты. Они сильно проморозились, и, чтобы достать, скажем, кусок сыра, мы отправлялись на склад с двуручной пилой.

А под снегом шла размеренная жизнь. По очереди каждый из нас дежурил по лагерю. У дежурного было две главные обязанности: проводить метеонаблюдения в четыре обычных срока и три раза в день готовить еду. Ему приходилось трудно, зато у двух других оказывалось свободное время для научных и хозяйственных дел. День дежурного начинался в 7 часов утра. Температура в палатке 4–6 °С мороза. Готовили еду мы на двухконфорочной газовой плите, и дежурный первым делом зажигал газ. Уже через 15 минут воздух вверху палатки нагревался до 15 °С, однако на уровне кроватей по-прежнему царил мороз, с которым успешно бороться могла только наша печка-буржуйка.

Связь с зимовщиками на берегу мы поддерживали с помощью небольшой радиостанции с «солдат-мотором». Участвовали в сеансе связи двое: один говорил по радиотелефону, в то время как другой отчаянно крутил педали, вырабатывая энергию. И если прохождение радиоволн было плохое, «солдат-мотор» к концу связи совершенно изнемогал. В разгар полярной ночи, в декабре, мы приняли по радио неожиданную телеграмму о прекращении наших работ и спуске с ледника. Причина была банальная – отсутствие финансирования. Как ни жалко было разрушать наш уже отлаженный зимовочный механизм, приходилось сворачивать работы и спускаться вниз. Пять тракторных поездок (к этому времени трактор уже могходить по леднику) – и нашего лагеря на леднике не стало.

В конце февраля 1956 г., в самый разгар зимы, кружным путем через Диксон и Амдерму вернулись мы на самолете в Москву. Встречали нас не как героев, но уважение к себе мы постоянно чувствовали. Институтская молодежь тогда создавала лицо научного учреждения: в последние годы из университета в Институт географии пришло более 20 молодых специалистов, и среди них такие яркие личности, как А.А. Минц, В.А. Пуляркин, А.А. Величко, Д.А. Тимофеев, Л.Р. Серебрянский и многие другие. Активно работал совет молодых ученых, много сил отдавалось интересной организации досуга.

В этот год в Институт пришло увлечение пинг-понгом. Небольшой полукруглый актовый зал почти каждый вечер превращался в спортивный. На месте стульев

ставили стол для настольного тенниса и до позднего вечера устраивали тренировочные и игровые встречи. Сначала это были просто дружеские игры, но по мере совершенствования мастерства мы организовывали настоящие турниры, превратившиеся со временем в первенства Института. Я был очень горд тем, что дважды становился чемпионом Института по настольному теннису.

Антарктическая одиссея

После нашего возвращения с Новой Земли вскоре выяснилось, что П.А. Шумский назначен начальником гляциологического отряда Второй континентальной антарктической экспедиции и хочет взять всех нас троих с собой. К тому времени Первая советская экспедиция уже работала на Антарктическом континенте, среди ее зимовщиков были и сотрудники отдела физической географии Института Л.Д. Долгушин и Ю.М. Модель.

Приобретенный на Новой Земле опыт полевых работ был, конечно, весьма полезен, но антарктическая экспедиция во многом была не похожа на новоземельскую. Хотя научную программу в обоих случаях составлял П.А. Шумский, возможности для ее претворения в жизнь были совершенно различны. Там нас было трое, здесь в гляциологическом отряде – 26 человек; там был узкий пятак ледника, здесь можно будет посетить даже центральные районы Антарктического материка.

Наступил ноябрь 1956 г. – время отправки в экспедицию. У нас дома собирались сотрудники отдела физической географии Института, ставшиеся излить все тепло своих душ перед долгим расставанием. Мне вручили шуточный «Диплом будущему покорителю ледяных просторов Антарктиды от благодарных современников» с 18 дорогими мне подписями. Впереди предстояла жизнь в течение года на антарктической станции Мирный.

Дома в Мирном были поставлены год назад. Главная улица, конечно, носит имя Ленина. Каждый дом состоит из двух изолированных квартир общей площадью 64 м². Дома собирают из щитов толщиной 10 см; внутри щита несколько слоев древесно-стружечной плиты, а снаружи они обшиты фанерой. В домах установлены ТЭНЫ – теплоэлектронагреватели, которые поддерживали внутри дома вполне сносную температуру даже в холодные и ветреные дни антарктической зимы.

В январе 1957 г. дома благодаря таянию освободились от снега, и мы могли обозревать всю жилую часть поселка. Но уже осенью, после первых метелей, все они (кроме стоявших на вершинах близлежащих сопок) были занесены снегом, а впоследствии с каждым годом все больше и больше «увязали» в снегу. Это и погубило центральную часть поселка. Через несколько лет жить в домах практически стало невозможно. Так что нам в этом отношении повезло – наши жилищные условия можно было признать прекрасными.

С приходом «Кооперации», а чуть раньше «Оби» в Мирном появилась масса людей, большая часть которых была занята на разгрузке. Поселок был перенаселен, жили повсюду, где только было возможно. День делился на две равные части: двенадцать часов тяжелой физической работы с грузами и двенадцать часов отды-

ха, в основном сна. Столовая работала круглосуточно, чему способствовало практически светлое время в течение круглых суток.

В сезонной части Первой советской антарктической экспедиции приняли участие ведущие ученые-географы К.К. Марков, П.А. Шумский и Г.А. Авсюк, именно они сказали свое веское слово при выборе места будущего поселка Мирный. Вместе они летали в находящийся неподалеку оазис Бангера, а затем на обратном пути, возвращаясь по Южному океану на маленьком судне-китобойце, работали над статьей о происхождении оазисов. И Марков, и Шумский обладали непростыми характерами и из-за разногласий по научным вопросам на борту китобойца почти не разговаривали друг с другом. Более покладистый Авсюк не только работал над статьей, но и служил связующим звеном в этой троице: переносил только что написанные страницы от одного соавтора к другому.

В Первой антарктической экспедиции участвовал и Г.Д. Рихтер, он также вложил свою лепту в проблему происхождения оазисов. Вместе с ним приехала в Мирный сотрудница нашего отдела Ляля Николаева, одна из четырех женщин, участвовавших в этой экспедиции. Она задержалась в Мирном на целый месяц, и я, ступив на берег, спешил повидаться с нею. *Из дневника:* «...середина дня, и в проходной комнате дома, за которой в маленькой комнатушке живет Ляля, спят сейсмологи нашего отряда, работавшие в ночной смене на разгрузке. Я перешагиваю через усталых ребят, один из них просыпается и в беспокойстве говорит мне: «Куда ты? Там женщина». Но я успокаиваю его, объясняю, что это моя хорошая знакомая. Около часа ведем наш разговор, а когда я выхожу, все сейсмологи уже проснулись и провожают меня не скабрезными шутками, а наоборот, глядя с большим уважением».

Зимовка началась, а вместе с ней – заботы и трудности полярной работы и жизни. Гляциологический отряд – самый большой из трех научных отрядов (кроме нас в Мирном работали метеорологический и геофизический отряды). Возглавляемый П.А. Шумским, он получил некоторую самостоятельность: Петр Александрович еще до отъезда, в Москве, добился у начальства права вести широкие полевые исследования, требующие значительных ресурсов экспедиции, а в случае серьезных возражений начальства апеллировать непосредственно в Москву. Но, насколько я помню, подобных коллизий не возникало: начальник экспедиции А.Ф. Трешников хорошо понимал научные задачи отряда и всячески способствовал выполнению наших обширных планов.

Вновь началась наша экспедиционная жизнь, но как она была не похожа на новоземельскую! Мирный был большим поселком – свыше 20 добротных домов. Построенные на почти неподвижном льду, они были быстро занесены снегом, так что зимой мы вели в основном подснежную жизнь. В этой жизни было одно серьезное неудобство: чтобы выйти на улицу, приходилось подниматься по лестнице через люк на крышу, а в ураганные дни это было опасное дело. Крыша совершенно плоская и скользкая, и человека, ступившего на нее из люка, резкие порывы ветра нередко уносили метров на 10–20 и «бросали» на близлежащие твердые сугробы снега. Так что по дороге в столовую мы нередко получали синяки и шишки.

П.А. Шумский поручил мне возглавить небольшую группу физики снега. Помимо меня в нее входили два однофамильца – Виктор Михайлович и Михаил Артемьевич Кузнецова, оба уже в летах и не раз зимовавшие в Арктике. Снегомерную

площадку я оборудовал в 600 м от поселка. Здесь на площади в 5000 м² раз в декаду мы измеряли толщину снежного покрова в 600 точках вдоль четырех натянутых в форме квадрата тросов. Работая обычно вдвоем, мы затрачивали на все измерения три-четыре часа.

С приходом зимы работать вне помещения было очень трудно. Каждый мой поход на снегомерную площадку сопровождался длительными сборами. Нужно было одеться по погоде и продумать до мелочей все, что необходимо взять с собой: если ветер дует со скоростью менее 15 м/с, можно еще делать записи в полевом дневнике, но как только он переваливает этот рубеж да к тому же еще идет снег, – тут уж писать приходится на специальной фанерной дощечке, повешенной на шею.

Зимой на антарктическом прибрежье нередко разыгрываются чудовищные метели, когда юго-восточный стоковый ветер дует со скоростью 20–25 м/с при температуре –20 °C. Временами, после периода неопределенной погоды, стоковый ветер сменяется восточным, циклоническим. Температура поднимается до –3, –5 °C, но скорость ветра возрастает до 35–40 м/с, и тогда, находясь на улице, бывает очень трудно дышать. Вдохнуть воздух, стоя лицом к ветру, почти невозможно, а, стоя по ветру, рискуешь не «ухватить» воздух, который улетает вперед, оставляя у лица разреженное пространство.

Стоковые ветры удивительно своеобразны. Бывает, что они дуют струями: в то время как один край Мирного закрывает пелена низовой метели, на другом краю поселка ярко светит солнце и воздух спокоен. Но через несколько минут шквал обрушивается на поселок – он оказывается среди бушующего снежного хаоса.

Значительную часть зимнего времени мы проводили в холодной лаборатории, оборудованной под снегом по соседству с жилыми домами. *Из дневника:* «...обычно здесь царит мороз около –8, –10 °C, так что можно работать даже с тонкими шлифами льда. Но если все рабочие места, а их было четыре, оказываются занятыми, температура ползет вверх и к полудню поднимается до угрожающей: –3 °C. Это уже много, чтобы лед в образцах оставался неизменным. В таких случаях ставим у вытяжной трубы вентилятор, – приходится работать на сквозняке. А по соседству, в снежной нише, Свенельд Евтеев определяет содержание воздуха во льду, растапливая лед в керосине. Время от времени здесь слышатся взрывы, когда отдельные куски льда разрываются под давлением содержащегося в них воздуха».

28 февраля из Мирного отправился главный санно-тракторный поезд для организации станции Восток. Однако он вынужден был остановиться на высоте 3250 м, где была организована временная станция Восток-1. Лишь в конце нашей экспедиции, с приходом лета новый санно-тракторный поезд «передвинул» станцию на запланированное ранее место, и она была открыта 16 декабря 1957 г. на высоте 3490 м. С тех пор эта станция – одна из основных российских антарктических станций, где проводится широкий комплекс наблюдений, а также проводилось многолетнее бурение глубокой скважины, завершенное в 1998 г. почти у подошвы ледникового покрова.

Мое снежное «хозяйство» располагалось на склоне ледникового покрова от Мирного до 50-го километра от берега моря. Склон ледника, медленно повышающийся к югу, здесь уже поднимается почти на 1000 м над ур. моря. Это была начальная,

наиболее крутая часть пути санно-тракторных поездов к внутриконтинентальным станциям. Вдоль дороги ориентирами стояли высокие бамбуковые вехи. По 50 вехам, т.е. через каждый километр, мы вели периодические наблюдения: отмечали высоту поверхности и плотность снега, а также особенности снежной поверхности.

Для объезда вех снаряжался тягач с балком, в котором и жила наша походная команда – кроме меня обычно еще 2–3 человека. Каждое такое путешествие занимало около недели и проходило без особых приключений. А вот работы в непосредственной близости к берегу не обходились без треволнений.

Здесь, в 7 км от береговой линии я оборудовал площадку для изучения снежного покрова; мы ее называли «bamбуковой рощей», потому что на площади 50×50 м стояло много бамбуковых вех, по которым регулярно снимали отсчеты. В хорошую погоду путь до «bamбуковой рощи» на легком вездеходе занимал не более часа, и мы проделывали эту операцию не реже раза в месяц. Но однажды такая поездка оказалась на грани риска, так как неожиданно нас настигла «белая мгла». Это явление природы возникает, когда над однородной снежной поверхностью появляются перисто-слоистые облака, которые, опускаясь все ниже, переходят в равномерное покрывало высокослоистых облаков. «Вот тогда-то все вокруг и растворяется в потоке яркого молочного света. И хотя этого света достаточно, чтобы вдеть нитку в иголку, человек чувствует себя так же беспомощно, как в кромешной тьме», – так написал о белой мгле М.А. Кузнецов, который в ту памятную поездку вместе со мной пробивался в Мирный.

Белая мгла возникает потому, что несильно насыщенная влагой облачность в полярных областях слабо поглощает проходящий через нее радиационный поток, который, доходя до поверхности снега, многократно отражается между облаками и снегом. Создаются условия, когда яркость снежной поверхности, атмосферы и облаков воспринимается глазом совершенно одинаково; теряются всякие ориентиры, и окружающая действительность как бы пропадает. Расстояния искажаются, и лежащий на поверхности снега темный предмет кажется далекой горой.

В один из октябрьских дней выезжая на площадку в хорошую погоду, мы заметили некоторые признаки ее ухудшения. Небо постепенно затягивалось перисто-слоистыми облаками, сквозь которые пока просвечивало солнце. Работая на площадке, сквозь шесты «bamбуковой рощи» мы видели, как постепенно исчезает дальний горизонт с полоской открытого моря. А вскоре исчез и привычный, окружающий нас ландшафт. Мы оказались в светящемся ровным молочным светом пространстве. Исчезла поверхность снега, каждое движение давалось с трудом, – шагая, мы все время задевали за ее неровности и не раз летели носом в снег.

Вскоре перисто-слоистая облачность сменилась высокослоистой, которая, наконец, опустилась – пошел снег. Всю сложность своего положения мы поняли уже через несколько минут, когда появился и стал быстро усиливаться ветер. В таком «молоке» передвигаться можно было только по следам. Вездеход медленно тронул się под уклон, но след вскоре исчез – его уже занесло свежим снегом. На всем нашем пути через каждые 200 м стояли высокие бамбуковые рейки, но сейчас их можно было рассмотреть лишь за 10–20 м. Ветровое стекло вездехода было залеплено мокрым снегом – температура повысилась до -3°C . Пришлось мне вылезти

наружу и идти впереди, внимательно глядя под ноги, чтобы по каким-либо мелким штрихам находить остатки следов.

Так мы двигались медленным шагом, а впереди были зона трещин и полоса открытого льда. По льду передвигаться стало еще труднее. Ветер достиг 30 м/с, по-прежнему ничего не было видно, так как неслась уже сплошная пелена мокрого снега. Пришлось привязаться к вездеходу, чтобы ветром меня не унесло за пределы видимости. Сколько раз я падал и ударялся об лед, чуть не попадая под гусеницы вездехода, – не счесть. Одежда промокла насовсем, но в то время я этого не замечал. Мысль работала лишь в одном направлении – найти верную дорогу, обойти опасные трещины. Это было трудное возвращение. На путь в 5 км мы потратили больше шести часов. Временами появлялась мысль остановиться, забиться всем в вездеход и ждать прекращения пурги. Но метр за метром мы продолжали продвигаться. Как выяснилось, это было единственным правильным решением, потому что начавшаяся в тот день метель продолжалась целую неделю.

Для изучения снега приходилось ездить во многие антарктические районы; путешествия на самолете и вездеходе были регулярными даже в разгар зимы. А в конце зимы, когда день стал заметно длиннее, пришло время моих работ на внутренних станциях. В один из погожих дней самолет взял курс из Мирного в глубь континента и через три часа совершил посадку на станции Комсомольской. Со мной было два помощника, но оба они поначалу трудно перенесли перепад высот почти в 3000 м. Я же чувствовал себя превосходно, – одевшись в легкую, но очень теплую одежду (ведь на воздухе было около 60 градусов мороза), я ступил на снежную целину и побрел дальше от станционных строений, чтобы начать копать снежный шурф.

Погода была изумительная: дул легкий, почти незаметный ветерок, и из прозрачного голубого неба падали мельчайшие снежные кристаллики, искрящиеся в лучах низкого солнца, медленно движущегося вдоль горизонта. Копать поверхность слои рыхлого снега отсутствие помощников пока не мешало. Дальше, когда глубина шурфа достигнет и превысит два метра, придется поднимать снег наверх бадьей, и тогда помочь будет необходима. А пока я наслаждался необычными природными условиями, не торопясь откапывая первые дециметры снежной толщи. Незаметно пролетели два часа, солнце скрылось за горизонтом, и сразу стало как-то неуютно и холодно.

Регулярно по воскресеньям – обычным рабочим дням, в Мирном собирался научный семинар нашего отряда. Все были молоды и пытливы, и многим казалось, что выполненные работы уже привели к принципиально новым открытиям. Подобные «открытия» становились все более частыми, и в разговорах нет–нет, да и проскальзывало, что тому или иному сотруднику удалось «сформулировать пару законов». Семинары стали превращаться в дискуссионный клуб, пока как-то утром у умывальника ни появилось такое уведомление:

«Если ты открыл закон, не поднимай шума и не докучай своим открытием соседям. Дай и другим возможность сделать то же, что удалось сделать тебе. Но если желаешь излить свои чувства и оповестить всех о факте открытия немедленно, пройди в лабораторию и ударь деревянным молотком в там-там Научных Открытий (по инвентарной ведомости – таз хозяйственный, оцинкованный). После этого проследуй к умывальнику и в списке поставь против своей фамилии галочку. Оформив от-

ДИПЛОМ

№ 00029

Выдан сей Диплом
Котлякову В.М. в знак
облагораживания ледниками, снеж-
никами, бархерами, полюсами
(просто южным и южным магнит-
ным), всеми меридионами и
параллелями южного полуша-
рия, пингвинами, китами и пр.
и пр. (по усмотрению предсе-
дителя).

Разрешено ношение ордена
«Большого пингвина»

13.12.62
г. Москва

Председатель комиссии: *Григорий*
секретарь: *Андрей*
члены: *Кузнецов*, *Олег*, *Лев*,
Сергей, *Юрий*, *Альбина*,
Федор, *Михаил*, *Виталий*,
Денис, *Юрий*, *Лукомский*,
Леонид, *Владимир*,
Петр, *Михаил*.

Мой антарктический диплом.

крытие, садись и продолжай работу. Может быть, до ужина успеешь открыть еще пару законов.

Примечание. От очередных дежурств по квартире и комнате первооткрыватель закона не освобождается из соображения, что труд, сделав из обезьяны человека, продолжает облагораживать последнего, стирая в нем черты первой».

Семинар вновь вернулся к своим основным задачам: рассказывали о проведенных исследованиях, высказывали новые предположения, строили рабочие гипотезы, которые в последующие дни предстояло проверить. На этих интересных заседаниях родилось много новых идей – о характере движения Антарктического ледникового покрова, о таянии на поверхности снега при температуре до -30°C , об источниках питания ледникового покрова и много, много других.

Но природа брала свое, зима завершалась, и в декабре пришло время массированных полевых работ. Нас ждал остров Дригальского – одинокий ледниковый купол в 78 км к северу от Мирного. Окруженный со всех сторон отвесным ледяным обрывом, он поднимается более чем на 300 м и представляет собой Антарктиду в миниатюре. Это своеобразная модель ледяного континента, и мы решили детально исследовать ледниковый купол. От вершины до южного края протянулся радиальный профиль с несколькими бамбуковыми вехами, около которых мы совершали посадки на самолете для комплексных гляциологических работ.

«Первыми посадками» назывались приземления самолета на снежной целине вне аэродрома, т.е. в неизвестных местах. За риск, сопровождавший такие посадки, экипажу и находящимся на борту научным сотрудникам полагалась специальная оплата. Место такой посадки определял руководитель данного полета. Для работ на о. Дригальского таким руководителем П.А. Шумский назначил меня. Дождав-

вшись довольно длительного периода хорошей погоды, мы вылетали на остров несколько дней подряд. Пока садились в верхней части купола, где подстилающей поверхностью служил рыхлый, слегка подтаявший снег, все шло благополучно, но вот осталась последняя посадка, в самой нижней части склона, где снега уже не было, а недалеко от поставленной нами вехи просматривалось поле ледниковых трещин. Я указал возможное место посадки, и летчик, сделав два пробных круга, направил машину к поверхности льда. Резко ударившись об лед, самолет покатился вдоль склона, но уклон был достаточно велик, и машину стало разворачивать в сторону трещин. Отчаянно тормозя закрылками (другой возможности уменьшить скорость у самолета на лыжах не было), мы продолжали приближаться к трещинам и остановились всего метрах в десяти от первой из них. Пилот вышел на лед, осмотрел самолет и глухо мне пробасил: «Лучше бы я тебе приплатил, чтобы ты больше не указывал таких мест для первых посадок». К счастью, это была наша последняя точка на о. Дригальского.

Все материалы теперь собраны, и можно в спокойной обстановке моделировать поведение «большой» Антарктиды, глядя на этот маленький ее прообраз.

Начало 1960-х годов — работы на Эльбрусе

После завершения обработки антарктических материалов и защиты кандидатской диссертации меня привлекло обилие разнообразных отечественных и зарубежных эмпирических материалов, полученных во время МГГ и, казалось, ждущих того, кто попытался бы их обобщить и осмыслить. Сохранившаяся еще от А.А. Григорьева «землеведческая» научная атмосфера Института географии подталкивала к глобальному охвату. Поэтому я начал трудоемкую и увлекательную работу по получению пока не существовавшего зимнего портрета Земли. Но оказалось, что для понимания и обобщения многочисленных опубликованных данных необходимы мои собственные впечатления и материалы, полученные на горных ледниках. Так возникла идея круглогодичных работ на Эльбрусе, и я засел за составление их программы.

Эльбрус издавна притягивал к себе исследователей, его неоднократно посещали путешественники в XIX в., а в 1932–1933 гг., в период Второго международного полярного года, и в 1957–1959 гг., во время Международного геофизического года, здесь были поставлены интересные гляциологические наблюдения.

И вот в октябре 1961 г., в один из последних погожих осенних дней, по трудной дороге, ведущей от подножия Эльбруса к высокогорной станции Ледовая база, медленно двигался трактор, тяжело груженый всем необходимым для зимовки. Вместе со мной ехали два парня — будущих зимовщика. Они, так же как и я шесть лет назад, впервые знакомились с ледниками. 14 км дороги, проходящей по крутым склонами эльбрусского массива, представляли собой серпантин с резкими поворотами над самой бездной. Трактор шел медленно, постоянно сползая к внешнему краю дороги. Уже темнело, когда впереди, на высоком моренном холме, поднимающемся между двумя ледниками языками, показалась Ледовая база: высокий круглый дом, обшитый блестящей жестью, и приземистый деревянный домик, уже полузанесенный снегом.

В первый вечер, разгрузив трактор, усталые, мы легли спать. А наутро я услышал знакомые звуки, живо напомнившие Антарктиду: то на низких тонах, а то поднимаясь до пронзительно высоких нот, завывал ветер. Окно в доме за ночь занесло снегом, на улице ничего нельзя было разобрать уже в десяти шагах. Началась первая зимняя метель, продолжавшаяся, не переставая, трое суток. Тоскливо было сидеть в эти дни в доме, когда наблюдения еще не налажены и даже не осмотрен район. Одно лишь радовало – ведь мы зимой собирались изучать метели, а здесь они, очевидно, совсем не редкость. Да, на высоте 3700 м над ур. моря, где мы сейчас жили, условия похожи на антарктические.

Однако все, даже самое неприятное, имеет конец. Наступил день, когда, проснувшись утром, мы не услышали дикого воя. Вокруг расстипалось море свежего снега, а перед глазами поднимался седой великан Эльбрус. Площадку для наблюдений устроили на ровной поверхности ледника; она располагалась на 70 м выше Ледовой базы, и, чтобы дойти до нее, нужно было тяжело пыхтеть в течение 15–20 минут. Зато обратный путь можно было совершить за 1–2 минуты, стремительно спустившись на лыжах по снежной поверхности ледникового склона. Мой личный рекорд «скоростного спуска» по этому склону был равен 55 секундам – заслуга, конечно, не моя, а хорошей погоды, сделавшей снежную поверхность ровной и гладкой. Гораздо чаще приходилось спускаться по ухабистым, хотя и небольшим, застругам. В этих случаях не обходилось без того, чтобы «не забить гвоздя», т.е. не пропахать носом снег.

Сравнительная легкость подъема породила у многих желание побывать на Эльбрусе. В 60-х годах стали подниматься большими группами, а в 70-х в моду вошли так называемые кабардиниады, когда одновременно гору штурмовали сотни людей. Рекорд численности, кажется, перевалил за две тысячи. Тогда же возникло желание въехать на эльбруссскую вершину на мотоцикле, и это не без труда, но

На Эльбрусе.

удалось. А пик курьезных восхождений – подъем на джипе. Это была очень дорогая операция, потребовавшая нескольких лет подготовки. В итоге она увенчалась относительным успехом – на верху горы оказался автомобиль; правда, не совсем ясно, как он все-таки там оказался: на нем добрались до вершины или втащили его на руках. Повидимому, путешествие включало оба способа передвижения, как в том стишке Я. Маршака о старице и осле.

Все эти эльбрусские страсти кипели много позднее, а в начале 60-х годов на склоне горы было тихо и патриархально. Каждый день в хорошую погоду мы наблюдали с нашей исследовательской площадки, как вверх брели небольшие группы туристов, часть которых шла на восхождение. Но мы об этом как-то не думали; наши помыслы были направлены на изучение окрестных мест. Как и в Антарктиде, я оборудовал площадку и для изучения снегонакопления ежемесячно отрывал снежный шурф. К середине зимы глубина шурфа достигала двух метров, и, приходя на следующий день к уже открытому шурфу, я лихо прыгал на его дно, где лежал слой рыхлой смеси прошлогоднего фирна со свежим снегом. Так продолжалось всю зиму, а когда пришло очень теплое лето и стаял не только сезонный снег, но и лежащий под ним фирн, на месте шурфа показалась ледниковая трещина шириной с полметра. Как я не угодил в нее, прыгая со всего маху в шурф!

Даже в мае на Ледовой базе все еще продолжается зима. В ту весну два–три раза за месяц проходили атмосферные фронты, при температуре около -10°C ветер достигал 25 м/с и шел густой снегопад, так что вся станция оказывалась под снегом. Бывали дни, когда любой выход на улицу был самым серьезным предприятием: надо было откопать дверь, с большим трудом открыть ее, пройти почти по пояс в снежной целине, сделать какие-то уличные дела, а спустя 15–20 минут все это проделать заново, потому что даже следов от расчисток к тому времени не оставалось. Тем более мы ценили погожие дни, когда устанавливалась тихая солнечная погода, и можно было идти вверх по склону на снегосъемку.

Именно в такой день к нам однажды пожаловали гости: трое альпинистов и в их числе знаменитый Тенцинг. Он приехал в СССР по приглашению Спорткомитета; в программу входил подъем на вершину Эльбруса. Но пока мы чаевничали с разговорами, погода испортилась, налетело мощное облако, пошел снег, и как-то разом все, словно сговорившись, уже не вспоминали о восхождении. Часа через два группа отправилась вниз, хотя вышедшие на другой день газеты оповестили мир о подъеме героя Эвереста на Эльбрус.

Шурф на леднике.

Подобные случаи, конечно, происходили неоднократно. Кажется, в 1958 г. на Эльбрусе почти в одно и то же время оказались П.А. Шумский и Г.К. Тушинский. Оба порознь решили дойти до седловины Эльбруса, но из-за непогоды их подъем не состоялся, хотя в то время о своей неудаче они друг другу так и не сказали.

А спустя четыре года в самом куте долины Баксана, на так называемой Поляне Азау началось строительство научно-учебной станции Московского университета. Идею такой станции Г.К. Тушинский вынашивал уже давно. В 1965 г. мой сотова-рищ по зимовке на Эльбрусе М. Я. Плам побывал в Швейцарии на международном лавинном симпозиуме и привез оттуда впечатления и идею постройки такой станции в швейцарском стиле. Идея Тушинского и «мотор» Плама сработали блестяще: уже через два года у подножия Эльбруса стояли три больших дома, издалека напоминавшие швейцарские шале, в которых размещался обширный персонал станции; стали проводиться студенческие практики; выполнялись широкие исследования лавин и ледников; приезжали на отдых преподаватели геофака.

Место для станции выбирал сам Г.К. Тушинский. Как он сказал мне, это была последняя нелавиноопасная площадка в долине. По соседству регулярно сходила небольшая «домашняя» лавина, не причинявшая никакого вреда. Но спустя много лет, в 1993 г. именно отсюда пришла трагедия. Стреляя по лавинам в профилактических целях, угодили в самый центр лавинного очага, вызвав слишком большой объем снега «домашней» лавины. Она перемахнула свои обычные пределы и обрушилась на площадку станции, снеся один из трех домов. Увы, не обошлось без жертв: погибло четверо молодых людей, и среди них внук нашего старейшего сотрудника О.П. Чижова.

Т.Д. Александрова

Хребет Кодар и его ледники. Маленькое географическое открытие второй половины XX века

Мне повезло во второй половине XX века принять участие в закрытии на карте Родины небольших белых пятен. Речь идет об исследовании Институтом географии АН СССР района современного оледенения на севере Забайкалья в хребте Кодар.

Весной 1958 г. меня, студентку третьего курса географического факультета МГУ, кафедра физической географии СССР направила для прохождения полевой производственной практики в отряд Андрея Александровича Величко. Тогда я впервые перешагнула порог нашего уникального здания в Старомонетном переулке для беседы с А.А. Величко. Разговаривали мы с ним где-то в полутемном месте вблизи раздевалки. Сам Величко, конечно, произвел величественное впечатление, но район его работ на Европейской части страны абсолютно меня не заинтересовал. Дело в том, что моей курсовой работой было «обоснование природных границ Забайкалья и Приамурья», и начитавшись литературы об этих далеких территориях, я естественно хотела попасть туда, чтобы посмотреть все своими глазами.

Спустя некоторое время на кафедре проходил очередной сибирский семинар, которым руководил Николай Иванович Михайлов. Там с рассказом о работах Института географии в Забайкалье выступил Владимир Сергеевич Преображенский. Вот это были те места, где мне непременно нужно было побывать!

По завершении семинара я попросила Н.И. Михайлова порекомендовать меня для работы в отряде Преображенского. Михайлов сказал, что Преображенский берет в отряд только парней, но я могу попробовать попроситься сама, что, возможно, мой рост в 172 см и «не субтильное телосложение» помогут мне в этом. Но Преображенский сказал, что он, конечно, взять меня не может, но есть еще Л.И. Мухина, которая будет работать не на севере, а в среднетаежных районах, и, возможно, ей я подойду.

И началось мое периодическое хождение в Институт географии, разговоры с Л.И. Мухиной и В.С. Преображенским. Отдел физической географии занимал в то время две смежные комнаты, где сейчас находятся каталог институтской библиотеки и ее читальный зал, которые в то время ютились в комнате № 14.

Стоит напомнить, что с начала 1950-х годов в Забайкалье работала одна из крупных комплексных экспедиций СОПСа, в составе которой силами сотрудников Института географии был создан физико-географический отряд, фактически состоявший в разные годы из 2–3 подотрядов. Руководил всеми работами В.С. Преображенский, в них участвовали физикогеографы Наталья Васильевна Фадеева, Лидия Ивановна Мухина, Георгий Михайлович Томилов, климатологи Владимир Матвеевич Жуков и Лидия Сергеевна Потапова, геоморфологи Елена Александровна Недельева, Владимир Николаевич Олюнин, Владимир Леонидович Сухоровский, почвоведы из Почвенного института Нина Алексеевна Ногина и Клавдия Андреевна Уфимцева. Снежный покров Баргузинского хребта камерально по аэроснимкам изучал Владимир Михайлович Котляков.

Сотрудники Института географии в Забайкалье (сначала в Бурятской АССР, затем Читинской области) на протяжении нескольких лет занимались практической важной работой – они искали новые пахотные и пастбищные земли, собирали материалы, помогавшие проектированию трассы Байкало-Амурской железнодороги и площадки для строительства завода на базе крупнейшего Удоканского меднорудного месторождения. Дорога была начата в 1933 г., затем заброшена, в 1950-х годах о ней вновь заговорили, но строить начали лишь в 1970-х, закончили в основном к началу 1980-х. В задачи географов входило составление ландшафтных карт и схем физико-географического районирования для различных хозяйственных целей.

В основу районирования были положены создаваемые на основе полевых работ карты типов местности. В поле отрабатывалась новая программа исследований природных комплексов с использованием картирования по аэрофотоснимкам и учетом максимально возможного количества компонентов комплекса. Во время маршрутов на заранее выбранных ключевых точках проводилось описание рельефа, почв, растительности, современных процессов.

Результаты географических исследований того времени отражены в десятках статей вышеупомянутых лиц, нескольких коллективных и личных монографиях, во множестве отчетов, переданных в СОПС и некоторые проектные институты.

Видимо, оказалась я «неплохим парнем», потому что вместе со своим однокурником-геоморфологом Игорем Тимашевым, вошла в состав самого северного отряда. Одновременно со сдачей весенней сессии мне приходилось участвовать в некоторых действиях, связанных с подготовкой к экспедиции. Весьма непростыми оказались поиски сушеной воблы, которая была нужна для некоторого разнообразия скучной пищи в поле. Запомнился единственный во всей моей длинной жизни «магазинный блат» – ход с черного хода в магазин, где мне продали несколько килограммов вожделенной воблы.

В первых числах июня на поезде в Читу выехала относительно большая команда, занявшая несколько купе в вагоне. В 1958 г. работало три маленьких отряда (каждый из 3–5 человек): северный возглавлял В.С. Преображенский; второй отряд под руководством Л.И. Мухиной исследовал Витимское плоскогорье, южным степным отрядом командовала Н.В. Фадеева. Ехали почти неделю, на станциях с большим десятилитровым бидоном бегали за кипятком, поскольку чая, выделяемого проводниками, было для нас мало.

В Чите на базе Забайкальской комплексной экспедиции СОПС (Совет по изучению производительных сил) мы получили обмундирование: кирзовые сапоги, шторовые костюмы, тяжеленные ватные спальники по 8 кг весом (который порой в маршрутах приходилось таскать на себе поверх рюкзака!); продукты: крупы, макароны, молочные и мясные консервы, много ржаных сухарей. Все это было уложено во выночные ящики и баульные мешки для отправки к местам назначения работы отрядов.

Наш отряд со всем багажом летел самолетом до Чары, где нас должен был ждать предварительно заказанный выночный транспорт – караван из 17 оленей и проводник-каюр из местных жителей эвенков.

Систематическое изучение сурового севера Забайкалья В.С. Преображенский и Л.И. Мухина начали в 1957 г. Обдумывая маршруты на лето 1958 г., изучая отчеты геологических партий, Преображенский нашел там упоминания о двух маленьких ледниках площадью по 0,5 кв.км. Его это очень заинтересовало. Снежная тематика была в почете в отделе физической географии, которым руководил добрейший Гавриил Дмитриевич Рихтер, основатель отечественного снеговедения. При внимательном изучении аэрофотоснимков В.С. обнаружил 30 ледников, площадь наибольшего из которых была более 2 кв. км, а общая площадь составляла 15 кв. км.

Это было сенсационное открытие, поскольку в континентальных районах современное существование ледников геологами и геоморфологами отрицалось. Хотя еще в 1883 г. отважный француз, член Императорского Русского географического общества Жозеф Мартен, прошедший с группой эвенков через хребет Кодар с севера на юг, сообщил о ледниках. Слова в отчете Мартена «перевал был весьма труден из-за трещин ледников... один из моих тунгусов умер вследствие падения в трещину ледника и был похоронен в углублении скалы под камнями» не привлекли внимания географов.

У В.С. Преображенского – открывателя ледникового района на аэрофотоснимках – возникло острое желание посмотреть эти ледники, описать их, выяснить за счет чего они существуют. Благо район их нахождения как раз совпадал с основными целями Забайкальской экспедиции. А в это время проходил МГГ – Междуна-

родный геофизический год, и Преображенскому удалось получить небольшое дополнительное финансирование для изучения обнаруженных им ледников.

Итак, отряд летел в Чару – «столицу» Каларского района. Чара в то время находилась в одном из таких мест нашей огромной страны, о которых пелось: «пятьсот километров тайга, где водятся дикие звери, машины не ходят туда, бредут, спотыкаясь, олени» или «только самолетом можно долететь».

Чара имела лишь зимнее автомобильное сообщение (зимник) до Могочи (станция на Транссибирской железной дороге), протяженностью более 600 км, существовавшее до начала 1980-х годов, и авиасообщение с Читой (658 км).

Аэропорт в Чаре тогда представлял большое поле, куда иногда прилетали небольшие самолеты (ИЛ-2, АН-2), в другое время на нем паслись коровы. Перед прилетом самолетов начальник аэропорта Петр Петрович Сало бегал и прогонял коров с взлетно-посадочной полосы.

Это теперь там проходит трасса БАМ, есть большая железнодорожная станция и поселок Новая Чара и несколько других населенных пунктов, которых не было и в помине.

В Чаре нас должны были ждать олени. Это очень симпатичные животные, весной с растущими, покрытыми мягким пушком рогами. Они хорошо ходят, неприхотливы в пище, но по сравнению с лошадью или ишаком, довольно слабенькие. Один олень может нести не более 24–25 кг груза, равномерно расположенного в двух аккуратных выюках, перекинутых через его спину. Если вес больше, или выюки сделаны небрежно – у оленей натирается до крови шкура, возникают нарываы, олень выходит из строя как транспорт и может даже умереть. Мы довольно долго готовили аккуратные выюки для оленей, взвешивали их, чтобы не перебрать возможный вес в 12 кг.

В ожидании каравана оленей мы несколько дней изучали берега р. Чары на надувной резиновой лодке. В мою задачу входил сбор гербария, который чуть не съела корова во время одной изочных стоянок на берегу.

Наша обычная зеленая двухместная палатка (на троих) вызывала интерес местных жителей, иногда утром или вечером они тихо без слов открывали ее дверку и с удивлением смотрели на нас. Как в зоопарке! Читая недавно путевые заметки А.А. Григорьева о Якутской экспедиции 1925–1926 гг., нашла там сходные описания любопытствующих туземцев.

Наконец в Чару пришел наш караван оленей. Вел его молодой эвенк Владимир (Ильич!) Трынкин, который недавно вернулся из армии, имел квалификацию водителя танка, но техника его не прельщала, ему больше по душе были таежные маршруты. Вместе с Володей путешествовала и его мама Ирина Алексеевна. Она была приветливой маленькой старушкой (а может, ей не было и 50 лет!?), почти постоянно задумчиво курила трубку, иногда пекла на костре пресные лепешки из белой муки, которые казались очень вкусными после обычных у нас черных сухарей. Она ловко ехала верхом на олене. Живой груз олени могли везти больше, чем 25 кг. Как-то раз меня уговарили переправиться через реку верхом на олене, мне не понравилось, хотя у него и четыре ноги, но уж больно тонкие. Свои две мне представлялись гораздо более надежными, тем более что вода все равно резво заливала сапоги, что верхом на олене, что обычным бродом.

В.С. Преображенский и Т.Д. Александрова. Высокогорье Кодара.

И вот мы двинулись в путь к Кодару. Ровная Чарская котловина. Лиственничный лес с подлеском из кустарниковой берески, комары. И вдруг – пустыня. Почти барханы. Остатки мощных флювиогляциальных потоков. Это было урочище «Пески», хорошо выделяющееся на снимках из космоса. Сейчас – один из интересных туристических объектов севера Забайкальского края.

До высокогорья, где располагались ледники, нужно было пройти не один десяток километров. Олени с нашим грузом шли до заранее оговоренного с проводником места планируемого ночлега, мы двигались пешим ходом, наблюдая за рельефом и растительностью, ведя записи в полевых дневниках.

Сначала шли по долине реки Средний Сакукан, где местами сохранились участки дороги, по которой в конце сороковых годов ездили машины в так называемое «Мраморное ущелье». Теперь известно, что это был Борский исправительно-трудовой лагерь ГУЛАГа, основные подразделения которого находились как раз в центре Кодара и у его подножья. Он входил с состав Ермаковского горнорудного предприятия, которое в 1949–1951 гг. добывало здесь урановую руду для первых советских ядерных бомб. Большой документальный материал на эту тему собран и издан забайкальским журналистом Анатолием Снегуром (*«Ключ Мраморный»*, 3-е изд. 2010), который свыше сорока лет живет в Каларском районе и остро переживает все его сложные природоохранные и хозяйствственные проблемы.

Думаю, мы случайно зашли на территорию лагеря, которая частично была огорожена колючей проволокой. Там было несколько изб, в них было темновато, сохранились нары, к которым были прибиты таблички с именами заключенных и их «статьями». Сохранилась и деревянная наблюдательная вышка. Мрачное место. Мы

его быстро покинули. Этот жуткий объект стал с середины 1980-х годов почти туристической «меккой», куда организовывались даже специальные маршруты.

В верхнем течении Среднего Сакуцана практически не было троп, шли по бечевнику, переходя с берега на берег, когда скалы вплотную подходили к руслу, прокладывали тропу по осыпям, уходящим из-под ног.

Добравшись до высокогорья, на высоте 1800 м мы развернули базовый лагерь – поставили две двухместные палатки и навес для укрытия грузов. Началось изучение ледников. Несколько десятилетий спустя В.С. Преображенский писал «...первых впечатлений о ледниках не помню. Помню другое – восторг от того, что на аэроснимках, которые крутили в руках специалисты, увидел, расшифровал много ледников. ...Я шел по Сакуцану и ждал их. ... Я был настолько уверен в правильности моего прочтения снимков (что это не просто заснеженные пространства), что шока и даже восторга, как вспоминаю сейчас, не было».

Для меня это были первые высокие горы и первые ледники. До этого на практике после первого курса я видела лишь Хибины с их снежниками, пахнущими арбузами.

Все было необычно, интересно, трудно. Из базового лагеря мы делали маршруты на ледники. Устанавливали рейки для наблюдения за таянием снега. Для определения запаса воды в снеге рыли шурфы в снежной толще, измеряли плотность снега из разных слоев шурфов. Рыть шурфы – довольно трудоемкая работа. Игорь Тимашев как-то подсчитал, что из одного шурфа глубиной 4,5 метра было выброшено около 24 кубических метров снега. То есть почти 12 тонн.

После работы на нескольких ледниках был подсчитан запас воды в снеге, который оказался равным 1000-1200 мм! Это было в 3–4 раза больше чем в Чаре, где годовое количество осадков – 300-400 мм, и объясняло, за счет чего ледники существуют.

Маршруты на ледники чаще были однодневными, но пару раз забирались с несколькими ночевками прямо на ледник, чтобы более тщательно его изучать. На высоте 2450 м над ур. моря была сооружена небольшая метеоплощадка, на которой 4 раза в сутки (1, 7, 13, 19 час. по местному времени) проводились измерения температуры и влажности по аспирационному психрометру Асмана и осадков с помощью дождемера. Это нужно было для того, чтобы путем сравнения с данными метеостанции в Чаре получить градиенты температур. Проведение метеонаблюдений было моей обязанностью. Иногда с содроганием вспоминаю, как в час ночи нужно было вылезать из спального мешка и из палатки, заводить психрометр, с фонариком снимать показания.

Кроме ледников, объектом моего наблюдения было фенологическое развитие крохотных растений высокогорья на трех небольших площадках, что стало основой моей первой заметки в журнале «Природа» в 1959 г.

Были проблемы с приготовлением еды. Чтобы добыть дрова для костра, нужно было спускаться вниз до границы леса, на что часто не было ни времени, ни сил. С собой у нас был крохотный очень капризный альпинистский примус, небольшой запас бензина. Приходилось иногда использовать мелкие сырье кустики полярной ивы; как-то во время сильного бесконечного дождя пытались в палатке сварить вермишель на свечках. Иногда приготовление завтрака или ужина – кипячение чая,

варка каши или макарон (которые ели с тушенкой из банки 338 г., делившейся на две еды – ужин и завтрак для троих человек) – занимало до трех часов. Днем в пути «обедали» черными сухарями и сахаром, при наличии дров кипятили чай.

Изредка эвенкам удавалось подстрелить что-то более вкусное. Помню первую убитую маленькую кабаргу, есть мясо которой я не смогла, жалко ее было до слез! Потом немного привыкла. Иногда мы варили тарбаганов (толстые черношапочные сурки), однажды жарили на костре крохотную белку – ужин на четверых. Однажды случилось невероятное событие: во время грозы на ночной стоянке близ большого озера почти прямо в наш костер влетело около трех десятков диких уток, которых быстро поймала собака, приблудившаяся к отряду еще в начале маршрута. Этих «мюнхаузеновских» уток мы несколько дней жарили на костре.

Летом 1959 г. отряд в том же составе опять отправился к Кодарским ледникам. К нам на несколько дней присоединился сотрудник Забайкальской гидрометеослужбы Г.Н. Глубоков. А на более длительное время – шумная компания из двух кинооператоров (из студии научно-популярных фильмов) Михаила Александровича Заплатина и его помощника Саши Галаджева и оленевода Гоши с караваном оленей, груженных аппаратурой и едой. Кинооператоры старались не мешать нашей работе, а оперативно делать свою. Им удалось выпустить два короткометражных фильма «К ледникам Кодара» и «В Чарской долине». М.А. Заплатин издал две книги «Чара» и «К ледникам Кодара», текст которых, живо рассказывающих о буднях и нашего отряда, ныне выложен в Интернете.

В 1959 г. мы исследовали ледники в верховьях рек Верхний Сакукан и Лев. Сыгыкта и их притоков. Добирались до объектов изучения по несколько дней, пробираясь сквозь тайгу, часто переходя вброд бурные горные реки. Иногда приходилось прорубать тропу, когда наш запланированный маршрут проходил по зарослям кедрового стланика. Такие участки пути были очень сложны и выматывали не только людей, но и оленей, которые с выюками с трудом пробирались по узким прорубленным участкам. Случались и всякие ЧП: пару раз срывалась с крупных скользких камней, пытаясь тонуть. Вытащили.

Погода не баловала нас. На высотах более 2000 м в июле-августе довольно часто были снегопады и даже снежные бури, когда за день выпадало до 20 см снега, так что палатки за ночь прогибались под его тяжестью.

В течение двух летних полевых сезонов удалось обследовать 13 ледников, выявить их характерные черты, «гамму переходов от типичных каровых и карово-долинных ледников к ледникам подножий склонов». Все ледники находились в стадии небольшого отступания, которое продолжается и поныне. Результаты исследования были обобщены в нескольких статьях и книге «Кодарский ледниковый район».

Некоторые изученные ледники получили имена. В.С. Преображенский не хотел давать ледникам имен героев прошлых веков, потом жалел, что не оценил заслуги Мартена и геолога П.А. Кропоткина. Он называл ледники именами своих современников, изучавших горы. Это Д.М. Колосов – сотрудник Института географии, исследователь Северо-Востока России, умерший в 1950 г. в возрасте 37 лет от лейкемии. Е.В. Тимашев – мастер спорта по альпинизму, аспирант Института географии; погиб в районе Домбая в 1951 г. (отец Игоря Тимашева). На ледниках Колосо-

ва и Тимашева мы заложили в туры защищенные от влаги их журнальные некрологи. Ледники получили имена Н.И.Азаровой – геолога, погибшей при исполнении служебного задания в Кодаре в 1949 г. Ее могила на правом берегу Ср. Сакукана на подходах к пику БАМ (высочайшей вершине Кодара 3072 м). Н.А. Еповой – исследователя растительности Прибайкалья. Один из самых крупных ледников, имеющий две ветви, стал ледником Советских географов.

Новые исследователи назвали именем Преображенского единственный переметный ледник, залегающий на границе двух субъектов РФ – Иркутской области и Забайкальского края (по мнению бодайбинского энтузиаста-краеведа В. Исаева – самый красивый и своеобразный из кодарских ледников). На туристических картах Кодара есть и перевал Преображенского. А 23 июня 2003 г. в год 350-летия российского Забайкалья один из известнейших каларских краеведов и альпинистов В.С. Рыжий совершил первовосхождение на вершину высотой 2824 м. (несколько километров западнее ледника Преображенского) и назвал ее «пик Преображенского».

После открытия Кодарского ледникового района отдельные ледники изучались географами МГУ (А.А. Лукашов, М.И. Лаптев, затем – Н.А. Володичева, В.В. Поповнин и др.). В 1970–80-е годы сотрудники академических институтов Иркутска и Читы (Л.А. Пластилин, В.М. Плюснин и др.), проводя гидрометеорологические и инженерно-геологические исследования в высокогорной зоне, обнаружили еще 9 маленьких ледников. Исследования ледников продолжаются и в XXI в. В разные годы там побывали экспедиции географического факультета МГУ, иркутских институтов географии и лимнологического, читинского института природных ресурсов.

Сразу после открытия Кодарского ледникового района туда устремились туристы и альпинисты. Первой была группа Ю.А. Штюремера, затем Б. Огородникова. Уже много десятилетий продолжается штурм Кодара. Сейчас, когда Россия осталась без Памира и Тянь-Шаня, Кодар особенно привлекает альпинистов, которые осваивают сложные маршруты, отвесные каменные стены, новые вершины. В связи с относительно простой доступностью (БАМ проходит у подножья Кодара) десятки групп из России и других стран ежегодно бывают на Кодаре.

Кодарские ледники в 1986 г. решением Госплана РСФСР были объявлены памятником природы республиканского значения. В конце 1980-х – начале 1990-х годов разрабатывался проект Кодарского национального природного парка, в котором в качестве особой зоны выделялись ледники, полностью исключенные из хозяйственного оборота. Однако в 1990-е годы проект национального парка заглох, судьба его неизвестна. Часть Кодарского ледникового района, относящаяся к Иркутской области, входит в состав Витимского государственного заповедника.

Высокогорной жемчужиной Забайкалья называют Кодарский ледниковый район.

В Западной Сибири. Первозданная тайга, инус и болота

Недаром император Петр II сослал неугодного А.Д. Меньшикова в Березово (тогда – Березов, центр Тобольского наместничества, основанный в XVI в.). В то время это место считалось «краем света». Высокий берег вблизи устья р. Северной Сосьвы, очень широкая в несколько километров гладь Оби и необозримая тайга, никаких поселений вокруг, безлюдье. Дорог нет, их нет и сейчас, дорога – только Обь, мощная и глубокая, в те времена – труднопреодолимая. Красивейшее место во всей Западной Сибири по безграничности обозримого пространства, нетронутости человеком!

В Березове началась моя Западно-Сибирская экспедиция. Весной 1964 г. И.П. Герасимов предложил мне перейти в руководимый им отдел географии почв ИГА-На. В первых числах июня Марк Ильич Нейштадт, тогда заместитель директора ИГА-На, быстро оформил документы для моего перехода из Почвенного института, где была закрыта вся северная тематика (институт перешел в ведомство ВАСХНИЛ). Через неделю я уже должна была выехать в экспедицию, в Березово.

В.И. Суриков. Меншиков в Березово.

Научным руководителем Западно-Сибирской экспедиции Института был Марк Ильич Нейштадт. Кто же в Институте был знатоком болот и торфяников, кроме него? К тому же он был профессиональным геоботаником и флористом. Было организовано сразу несколько полевых отрядов: гидрологический (Л.К. Малик); два физико-географических (К.Н. Дьяконов и А.Ю. Ретеюм в низовьях Оби) и Тазовский (Б.Н. Лиханов, В.Л. Суходровский, В.О. Таргульян, А. Козлова, А. Гудына); наш почвенно-геоморфологический (Д.А. Тимофеев, Н.А. Караваева). Позже с нами несколько лет работала Евгения Ивановна Лапшина, замечательный геоботаник из Новосибирска, ученица В.Б. Сочавы. Были и другие ученые-географы из Иркутска, Владивостока, Ленинграда.

Нужно отметить, что 60-е годы прошлого века были начальными в газо-нефтяном освоении Западной Сибири. Было разведано уже множество месторождений, перспективность региона не вызывала сомнений. Однако добыча углеводородов пока велась лишь в нескольких местах – Уренгое, Нижневартовске, на Тазовском месторождении и ряде других. Внимание государства к региону было велико. Для нас – полевиков – это проявилось весьма положительно: финансирование экспедиций было обильным, разрешалось использовать вертолеты, самолеты, привлекать местных жителей, арендовать помещения под базу отряда и др. Продуктовое снабжение магазинов даже в маленьких поселках было лучше, чем в Москве. Областные и местные органы власти всегда охотно помогали, если требовалось их участие. А «Газпром» в то время еще не носил амбициозное имя «национальное достояние», а был просто одной из энергетических добывающих организаций страны.

Экспедиционные работы на территории таежной части Западной Сибири продолжались, с перерывами, в течение 12 лет. Первые полевые сезоны (5 лет) охватили западную часть равнины, до этого времени неизученную, относительно более дренированную. Начальником отряда в эти годы был известный геоморфолог Дмитрий Андреевич Тимофеев. Наибольший его интерес вызывали процессы формирования эрозионно-денудационного рельефа на сравнительно молодых рыхлых поверхностных отложениях, подстилаемых мощным, также рыхлым фундаментом. Меня, как почвоведа-географа, на неизученной территории интересовало все: почвы и их взаимосвязи в почвенном покрове и в ландшафтах, состояние и поведение границы болот и суходолов, вопросы почвенной зональности, картографирование почв. В это время составлялась Государственная почвенная карта СССР М 1:1 млн., начатая еще в 30-е годы академиками Л.И. Прасоловым и И.П. Герасимовым. Я была участником этой многолетней фундаментальной работы, и материалы всех экспедиций в отдаленные районы страны должны были внести свою лепту в создание этого картографического произведения.

Первый наш маршрут проходил вверх по р. Малая Сосьва, притоку Сев. Сосьвы. Шли на двух лодках с моторами. Маршрут был одним из самых тяжелых, но дал хороший опыт для последующих работ, – никогда не ходить вверх по течению малых таежных рек, только – вниз. Множество лесных завалов довольно скоро заставило отказаться от моторов и перейти на весла. Все-таки конечная запланированная точка была достигнута, но ценой больших усилий, так как лодки часто приходилось протаскивать вручную. Этот маршрут сразу показал, насколько активно идет горизонтальное расширение болот. На многих участках заторфованной оказы

Лагерь отряда в Березово. Второй слева Д.А. Тимофеев.

лась даже вся поверхность второй надпойменной террасы. Обратный путь вниз по течению показался легким. Мы встретили на Малой Сосьве всего одного человека. Это была женщина – манси, охотница и единственный постоянный здесь житель. На вид ей было около 50–55 лет, но скорее всего, она была моложе. Одежда из сшитых вручную волчьих шкур, меховая шапка (лето было холодное), резиновые сапоги. Питалась мясом разных добытых зверей, птиц и рыбой. Ее жилище мало походило на дом, это была маленькая лачуга с печкой-чугункой и очень высокой трубой под склоном второй террасы. Женщина рассказала, что зимой здесь часты сильные ветры, и огонь в печке задувает; что она очень редко бывает в ближайшем поселке на Северной Сосьве, только в случае крайней нужды добирается на веслах. Поскольку мы уже возвращались «домой», в Березово, то оставили ей те продукты, которых она не имела, точнее, отвыкла от них – соль, сахар, муку, сухари, масло, разные крупы. Особенную радость вызвали у нее конфеты – карамель. На вопрос, почему же она живет здесь и одна, она коротко ответила: «Все померли».

В Березове нам удалось зафрахтовать списанный старый катер с гордым именем «Ударник Затона» и взять на работу его шкипера, опытного симпатичного старика по имени Нима. Это позволило пройти вверх по Северной Сосьве на большое расстояние, а позже охватить маршрутами весь левый берег Оби от Березово до Лабытнанги. На Сосьве особый интерес вызывала возвышенность Люлинвор, река ее огибает. Такие же малые по размеру и редко разбросанные повышения рельефа были показаны на карте в пределах низких равнин к северу от Сосьвы и единично к югу от нее.

Люлинвор (как и другие аналогичные участки) оказался останцом предшествующего, может быть, исходного (?) уровня флювиогляциальной поверхности. Абсолютная высота плоской вершины 301 м, сложена слоистой толщей разного грану-

лометрического состава, – сверху суглинок, нередко с линзами песка и супеси и включениями окатанного каменистого материала (галька, гравий) до 1 м, ниже слои огрубляются, но варьируют по составу. Денудация «открывает» эту слоистость и создает ступенчатые склоны. Люлинвор покрыт старым кедровым лесом возрастом около 300 лет, второй ярус – ель тонкая, фаутная, густой высокий до 40 см покров разнообразных кустарничков и, конечно, пятна сфагнума (в Западно-Сибирской тайге он вездесущ). Впервые здесь, благодаря лучшей дренированности, была описана подзолистая длительно-сезонномерзлая почва (в конце июля) с обычной системой горизонтов, слабо переувлажненная (к большой моей радости). До этого преобладали в разной степени оглеенные и торфянистые почвы. Северная Сосьва и маршрут до Лабытнанги дали много почвенных находок.

Наличие катера и присутствие

Нимы делали условия полевой работы значительно более комфортными. На берегу ставили палатки, готовили еду на костре. Но в холодные, дождливые или снежные ночи можно было переночевать и на катере. После первого рекогносцировочного маршрута решали, будем ли работать здесь детально, несколько дней – неделю или уедем на другие, уже ориентировочно намеченные места. Возвращение из первого маршрута Нима всегда ожидал с нетерпением. Если стоянка продлевалась, он запивал, но с ним заранее был уговор: за сутки до ухода он должен привести себя в порядок, т.е. не пить и к отплытию быть совершенно трезвым.. Этот уговор ни разу не был им нарушен. Он работал с нами 2 полевых сезона. Прощание с ним было трогательным. Он сказал, что давно уже не жил так хорошо, как с нами на «Ударнике».

В 1965 г. Леонид Федорович Куницын, бывший тогда заместителем директора Института, пригласил меня поучаствовать в работе Сытоминского физико-географического отряда. Деревня Сытомино расположена на правом берегу широтного отрезка Оби, между Ханты-Мансийском и Уренгоям. Там уже побывала раньше莉莉亚 Константиновна Малик, которая оценила этот участок как очень интересный. Мы просмотрели аэрофотоснимки, которые показали большое ландшафтное сходство условий Сытомино и Уренгоя, расположенного поблизости. Это послужило официальным основанием для комплексных полевых работ. В отряде, кроме его начальни-

По протокам Северной Сосьвы. Н.А. Караваева (слева), Е.И. Лапшина и Д.А. Тимофеев.

ка Л.Ф. Куницына, были Лидия Ивановна Мухина, Борис Александрович Корнилов и Л.К. Малик. Состав отряда – впечатляющий по профессионализму.

Был проложен профиль длиной 2,5 км от поймы Оби к окраине мощного торфяного болота. Проведено нивелирование, поставлены вешки. Профиль позволял изучить торфяники небольшой площади на первой и второй надпойменных террасах и краевую часть обширного верхового торфяного массива. Их разделяли повышенные суходолы с грунтовыми водами, лежащими на разной глубине, в разной степени влияющие на усиление гидроморфизма ландшафтов или пока не оказывающие такого влияния. У края торфяного массива располагалось живописное озеро, окруженное низкорослыми редкими соснами, созданное стоком с этого верхового торфяника («соснового ряма»). Таким образом, профиль предоставлял возможность изучить ряды заболачивания ландшафтов, стадии развития торфяных залежей, скорость их роста и заболачивания лесной территории.

У озера все разбрелись, осматривая это необычное место. Я решила обойти озеро вокруг, со шупом, чтобы получить представление о характере торфяных залежей, их проходимости, водонасыщенности и др. И тут меня подстерегала серьезная опасность. Вблизи краевой части ряма одна моя нога вдруг глубоко провалилась в торф, выдавилась вода, и заколебалась вся поверхность торфа вокруг, постепенно погружаясь в воду. Я поняла, что наступила на сплавину и знала, что они образуются в самой глубокой части водоема. Я пыталась цепляться за осоки и пушницу, по

Слева направо: Н.А. Караваева, Л.К. Малик и Л.И. Мухина.

которым только что прошла, но безуспешно – они выдергивались, а каждое приложенное усилие все глубже погружало меня в воду. Вода была уже по пояс. Я решила, что поплылу, но сплавинный торф очень плотно обмотал меня, полевую сумку, резиновые сапоги и лишил возможности сделать нужные свободные движения. Вода была холодная, 5–8 °С. Вдруг я увидела на довольно большом расстоянии Л.Ф. Куницына, он тоже обходил озеро. Я крикнула ему, что нужна его помощь, обязательно идти только по моей тропе, не доходя до сплавины. Он все понял, быстро оказался рядом, сначала протянул мне лопату, чтобы я приблизилась к «твердому берегу», а потом, взяв обе мои руки, вытянул меня. Леонида Федоровича я считаю своим Спасителем. Сильно сомневаюсь, что мне удалось бы выбраться самостоятельно.

Все случившееся наглядно показало интересный механизм расширения болот, о котором я знала только из научной и художественной литературы.

Озеро заполнило исходное, уже частично заторфованное понижение рельефа водой, стекающей из верхового болотного массива. Озерная вода «мешала» дальнейшему продвижению торфяника. В таких условиях проявляется механизм образования торфяных сплавин на поверхности замкнутых водоемов (для них употребляют и другие термины – зыбун, трясина, – но они более широкие по смыслу, поэтому менее определенные). На сплавинах торфяная залежь растет сверху вниз, а не снизу вверх, как на суходолах. Отдельные, плохо разложенные фрагменты ее нижней части отрываются и падают вниз, поднимая уровень дна озера. Если какие-либо внешние причины не мешают развитию этих процессов, то со временем сплавинный торф смыкается с донным и уплотняется. Формируется обычная «твердая» залежь и обычное болото, в таежных зонах, как правило, верховое. Поэтому возможно, что это чудесное озеро со временем целиком закроется сплавиной и, в конце концов, станет частью обширного верхового массива, но с весьма специфичной стратиграфией торфяной залежи. Только в ней и будет «записан» озерный этап существования этого участка. Весь наш отряд «загрузили» о бренности существования озера. Было одно «утешение», – сплавины растут очень медленно, и эта волшебная сказка, созданная природой, будет существовать долго, – сотни, а может быть, первые тысячи лет.

Н.А. Караваева на берегу живописного, но опасного озера.

В радиоуглеродной лаборатории нашего Института были датированы торфяные залежи Сытоминского профиля. На второй надпойменной террасе возраст всех залежей оказался около 8 тыс. лет (ранний голоцен), на первой – около 6 тыс. лет (средний голоцен). Скорость продвижения болот на суходолы была разной в течение голоцена, но особенно увеличилась в последние периоды в связи с похолоданием и увлажнением климата. В этом убедились Л.К. Малик и я, когда через 10 лет, в 1975 г. вновь прошли Сытоминский профиль, фиксируя изменения ландшафтных границ и уровня грунтовых вод. Даже за такой короткий срок были отмечены сдвиги границ заболачивающихся ландшафтов и болот в направлении расширения их ареалов.

С 1968 г. начальником всех почвенно-ландшафтных отрядов в Западной Сибири была автор этих строк. В начале сезона мы посетили Кондо-Сосьвинский водораздел, проехав по новой построенной железной дороге Ивдель – Обь. Здесь у станции Тугр был стационар Почвенного института, где Наталья Михайловна Федорова (сотрудница отдела гидрологии почв А.А. Роде) в течение 5 лет вела наблюдения за гидротермическим режимом почв и получила очень интересные данные. Нужно признаться, нам хотелось посмотреть и железную дорогу. Конечно, строительство в условиях сильной заторфованности, длительной сезонной мерзлоты, обводненности было крайне тяжелым. Когда мы ехали по ней, полотно еще «оседало», поэтому поезд шел со скоростью 15–20 км/час. Стояла жаркая погода, но открыть окна было нельзя из-за гнуса – при такой скорости он быстро заполнял вагон, и избавиться от него было невозможно. Думаю, что это был первый, необходимый и проходящий этап в эксплуатации дороги.

Следующим маршрутом в этом же сезоне была р. Сыня, левый приток Оби, текущий от истоков строго в направлении с юга на север и только вблизи устья круто поворачивающий к востоку и впадающий в Обь. Весь бассейн Сыни проходил в подзоне северной тайги, по почвам которой было собрано еще недостаточно данных.

Верхнее течение Сыни располагается к северу от Березово, где был арендован вертолет. Шли на двух моторных лодках. Этот маршрут показал, что в условиях плоского рельефа, длительно-сезонной мерзлоты и повсеместного переувлажнения даже на относительно повышенных участках ландшафтная и почвенная граница между средней и северной тайгой почти не выражена, по существу является теоретической.

На Сыне впервые мы столкнулись с «продовольственной проблемой». Взяли с собой минимум продуктов, которых не может дать природа. Обилие рыбы, дичи, ягод «избаловало», особенно рыбы. В отряде всегда были заядлые рыболовы, да и охотники. Когда начальником отряда был Д.А. Тимофеев, то даже после очень тяжелых маршрутов, немного отдохнув, он обязательно стоял с удочкой до темноты и говорил, что «пока рыба видит наживку, надо ловить». На Сыне с первых дней маршрута и почти до его конца рыба не ловилась, и даже опытные рыболовы разводили руками, хотя по постоянным всплескам на поверхности воды было видно, что рыбы много. Причиной этого, очевидно, было жаркое влажное лето и немыслимое обилие гнуса. Его было много на поверхности реки и над ней. Это был естественный и достаточный корм, наживки проиграли конкуренцию.

В последующие 3 года полевые исследования проводились в восточной части южной и средней тайги Западной Сибири, по обоим берегам Оби. В отряд подключ-

Заболачивание: лесной островок среди расширяющегося переходного болота.

чилась геоботаник нашего института Елена Львовна Любимова со своей аспиранткой. Елена Львовна ранее работала на юге Западной Сибири, была профессионалом и замечательным, широко образованным человеком. Южная часть тайги уже изучалась почвоведами Томска, Новосибирска, а еще в начале XX века (1914–1916 гг.) здесь работали почвоведы и географы Переселенческого Управления. Тогда в южной тайге Приобья выдающимся почвоведом Д.А. Драницыным впервые были описаны подзолистые почвы «со вторым гумусовым горизонтом», названные им «вторичными подзолами». Этот горизонт был интерпретирован им как эволюционный феномен, свидетель более теплого климата и лугово-степных ландшафтов в голоцене. Позже он был найден и многократно описан на Европейской территории России, изучался по существу весь XX век, обрасти разнообразными генетическими гипотезами, но основной осталась все-таки эволюционная. В Западной Сибири сохранность этого горизонта очень яркая на средней глубине 20–50 см. Причина – карбонатный геохимический фон. Сохранности горизонта способствовала и большая, чем на ЕТР, континентальность климата.

Этот геохимический фон обусловил широкое распространение низинных торфяников в южной части Васюганского болота. Представлялось интересным изучить их влияние на прилегающие суходолы. Мы сообщили Марку Ильичу Нейштадту о расположении участка предстоящей работы, и уже через несколько дней он был в отряде.

Низинные болота – очень трудный для работы ландшафт из-за сильной обводненности, кочковатости, высокого травяного покрова. Здесь было заложено 2 профиля: первый – для изучения границ между низинным, переходным и верховым болотом (50 почвенных разрезов); второй – для просмотра переходов между суходольными гривами и разделяющими их языками низинного болота (более 30 разрезов). Марк Ильич

выбрал первый профиль. В болотных сапогах он прошел довольно много, но это было тяжело. Я предложила ему вернуться на кромку болота и смотреть образцы из бура, которые я буду ему выкладывать. Он просмотрел 3 самых глубоких шурфа, 2–3,5 м. Преобладал плохо и средне разложенный торф, но М.И. смог определить виды и даже роды растительных остатков, меняющиеся с глубиной. Для него было достаточно этих скучных данных, чтобы воссоздать историю развития флоры, изменения характера за-лежей. Его выводы были чрезвычайно интересными.

На втором профиле с чередованием суходолов и болот были описаны погребаемые и уже погребенные под маломощным низинным торфом дерново-подзолистые почвы со вторым гумусовым горизонтом. Именно это и было целью нашей поездки в Южное Васюганье.

Здесь, в селе Карагай мы жили в избе весьма пожилой женщины, которая на время нашей работы ушла к родственникам. М.И. был восхищен интерьером старой сибирской избы, ему очень понравились ее основательные и по-своему красивые, массивные деревянные вещи: кровать, стол, стулья с резными спинками, своеобразные круглые резные и очень удобные табуретки. Но самое сильное впечатление на него произвела прядка и изделия, которые делала на ней хозяйка, – коврики, салфетки, дверная занавесь от комаров, одеяла, накидки, – всего не перечислить. Он купил у нее кое-что из этого набора, деньги брать она отказывалась и сделала ему еще несколько подарков.

В следующие 2 года работы проводились в средней тайге на правом берегу Оби. Мы базировались в поселке Александровское, где имелся аэродром и вертолетный отряд. Было сделано 3 вертолетных «выброса». Их цели: исследование заболачивания на суглинках и песках в средней тайге и описание суглинистых почв наиболее возвышенной части правобережья – Вахского материка. Мы договаривались с вертолетным отрядом, через какое время им нужно прилететь и забрать нас, – обычно через 10–15 дней. Это было прекрасное спокойное время для полевой работы, обдумывания увиденного. Ближайшие деревни находились в 180–200 км от нашего лагеря, охотники сюда не заходили. Далеко! Медведи ходили, но мы их совершенно не интересовали, – было столько ягод! Рек не было возле наших стоянок. Источником водоснабжения были участки верховых болот, в которых вода была чистейшая с гарантией полной антибактериальности.

Эти маршруты и работа в Сытомино дали мне возможность написать 2 книжки. Но много из собранного в поле осталось не вполне обработанным. После таких длительных экспедиций, конечно, всегда надо делать паузу и не ездить в поле 2–3 года, а заниматься только уже собранными материалами. Но «жизнь продолжается», приходят новые дела, требующие новых полевых работ, т.н. «текущка». Но я надеюсь, что мне удастся обработать из собранного хотя бы самое интересное и новое.

Заканчивая свои воспоминания о Западно-Сибирской экспедиции, не могу не рассказать о посещении уникального объекта, построенного на грани XIX–XX веков, – Обь-Енисейского канала, соединяющего верховья р. Кеть (приток Оби) и р. Большой Кас (приток Енисея, на территории уже Красноярского края). Еще с конца XVIII века было известно, что местные крестьяне на лодках поднимались по Кети, далее проходили водораздельное озеро и шли по Б. Касу до Енисея. Конец XIX в. был временем гидротехнических сооружений мирового масштаба: уже действовал

Суэцкий канал, строился Панамский. Вся огромная территория Сибири была бездорожной, только реки были транспортными артериями. Но они все текли на Север, нужны были широтные пути, связывающие Европейскую часть России с обширной Сибирью.

Появилась грандиозная идея сооружения Обь-Енисейского канала, соединяющего обе реки. Его создание должно было обеспечить сквозную речную связь двух столиц, – Тобольска в Западной Сибири и Иркутска в Восточной Сибири (от Енисея вверх по Ангаре). Идея была современной для той эпохи, «в духе времени», а для России, грандиозной по площади, она была актуальной. Строительство началось в 1882 г., продолжалось 10 лет, канал был открыт в 1893 г., состоял из 14 шлюзов. Несколько раз по нему прошли баржи и маленькие пароходы, на финальной стадии строительства Транссиба рельсы для железной дороги также возили по каналу. В 1905 г. Транссиб был открыт, канал утратил свое значение и был заброшен. В 1911–1914 гг. к этой идеи вернулись вновь, провели дополнительные работы, но затем политические события в стране заставили забыть о канале. В 1921 г. Наркоматом путей сообщения Советской России канал официально был закрыт. Но в тяжелый для страны 1942 г. енисейские речники провели по каналу несколько караванов судов, поскольку Транссиб был забит военными эшелонами, следовавшими на западные фронты. После этого канал не использовался.

Л.К. Малик и автор этих строк посетили канал случайно, – повезло. Еще при начале строительства, у 1-го – Александровского – шлюза возникла деревня староверов (около 20 дворов) с одноименным названием. К ней периодически направляли вертолет, привозивший необходимые продукты и вещи. В этом аэропорту мы уже были «свои» люди. Как-то нам сказали, что предстоит рейс на Александровский Шлюз, и могут туда забросить бесплатно, если нам это интересно. Мы благодарно согласились, ведь это было одно из самых глухих, необжитых мест Западной Сибири.

Канал произвел сильное впечатление. Основным строительным материалом была лиственница, она не подвержена гниению. От времени она стала черной, весь канал был широкой черной полосой среди высокоствольной пихтово-кедровой тайги. Дно было укреплено тремя слоями толстых досок с прослойками из кирпича. Высокий уровень строительства удивлял: качество сплошной подгонки бревен, использование болтов, которые даже не заржавели почти за 100 лет. А ведь таких шлюзов было 14. Заболачивающего влияния канала не было выявлено (копали вдоль него и в лесу). Настолько экологически правильным и добротным, сделанным на века, был этот объект!

Идея обустроить канал возникла вновь в 1980 г. Гидролого-технические изыскания проводились 3 года. Их результат – условия для гидротехнического строительства крайне неблагоприятны: сильная заболоченность, вечная мерзлота (нами была вскрыта на глубине 80–90 см в конце августа), необжитость территории.

О канале вспомнили еще раз в 1984 г., когда наш Институт и многие учреждения работали по «приснопамятной» проблеме – «Переброска части стока Оби и Иртыша в Среднюю Азию». По-видимому, было намерение забирать воду и из Енисея, пользуясь каналом. Но рассудок восторжествовал, и эта проблема была вообще закрыта.

Сейчас о канале уже не помнят, он забыт. Гидрологический прогноз: через несколько десятков лет р. Большой Кас обводнит и поглотит все сооружение. Sic transit gloria mundi – так проходит земная слава.

B.C. Корякин

На Новой Земле. Начало долгого пути в Арктику

После защиты диплома на аэрофотогеодезическом факультете МИИГАиК в июне 1956 года я оказался в Институте географии АН СССР. Приближался Международный геофизический год (1957–1959 гг.) с его обширной программой полярных исследований, что совпадало с моими собственными планами, тем более что все свои курсыевые работы и диплом я защищал по арктической тематике. Определенно, в такой ситуации следовало попытаться осуществить собственные планы и намерения (порой не вполне устоявшиеся, а временами излишне смелые) в части научного будущего. Как и прежде, Арктика предоставляла (и предоставляет) обширное поле исследовательской деятельности, причем по самому высокому и суровому счету. Что такое фунт полярного лиха, как порой называли свое пребывание в Арктике наши предшественники, и о его цене мы тогда не догадывались просто по молодости.

Участники обширной научной программы набирались из недавних выпускников не только МГУ, но и других вузов, причем специалистами им предстояло стать уже по итогам собственных достижений на ледниках Арктики. Гляциологов в ту пору никто не готовил, но в разных институтах и университетах уже обозначился узкий кружок новобранцев разных специальностей, из которых Григорию Александровичу Авсюку (в то время – заместитель директора ИГАНа) предстояло создать будущую школу советских гляциологов. За несколько лет перед этим он организовал научный стационар на Тянь-Шане, где изучение ледников занимало особое место. По мнению большинства корифеев, подобным опорным базам будет принадлежать особое место в изучении природного процесса, который становится главным направлением в работе географов на перспективу, тем более, что ликвидация белых пятен на карте страны, похоже, завершена. Кстати, все большее место в нашей науке занимают расчетные методы. В гляциологии первенство в них, как и в части структурного ледоведения в изучении ледников принадлежит Петру Александровичу Шумскому. Можно дискутировать о достоинствах корифеев, но далеко не случайно организация советской гляциологической школы выпала на долю именно Авсюка.

Особый поисковый настрой молодости у многих из нас совпал с изменениями в обществе после знаменитого XX съезда КПСС и сенсационного доклада Хрущева. Казалось, вот-вот будут исправлены издержки и извращения сталинизма и покажется мы все вместе в светлое будущее полным ходом к сияющим высотам. Для географов и других «полевых» специальностей это означало перспективы работы в зарубежных экспедициях, возможность увидеть мир, контактировать с зарубежными коллегами, возможность делиться опытом и усваивать все лучшее. Одно назва-

База экспедиции МГГ в бухте Володькина, Русская гавань.

ные проекта Международный геофизический год чего стоило, и, казалось, Антарктическая экспедиция, ставшая непременной частью этого международного предприятия, лишь подтверждала наши надежды и устремления.

С лета 1957 года в стенах и коридорах Института стали появляться молодые люди (за редким исключением мужского пола), к которым подходило определение О. Генри – «свеж как молодой редис и незатейлив как грабли».

Поначалу эти новобранцы (из которых, между прочим, в своей области вышло несколько научных звезд первой величины), здорово мешали работе Института, просто из-за отсутствия рабочего места. Чтобы ввести указанный контингент в определенное русло, была образована группа МГГ под руководством тогда еще только доктора наук Григория Александровича Авсюка в составе издревле существовавшего отдела физической географии. На стадии сборов, особенно в части хозяйственной деятельности, руководил этой публикой помощник Григория Александровича Петр Николаевич Огановский, знакомый с местами, позднее описанными Соложеницыным, по личному опыту, о котором он не любил распространяться. Эта обозначившаяся властная вертикаль также включала трех начальников будущих зимовочных экспедиций на ледники Земли Франца-Иосифа, Новой Земли и Полярного Урала. Поскольку рабочего места в стенах ИГАНа для нас не нашлось, по утрам мы под руководством Огановского собирались в актовом зале, выслушивая руководящие указания, чтобы затем устремиться на склады и учреждения в самые разных уголках столицы, в поисках всего того, что могло пригодиться на самых последних параллелях нашей замечательной планеты. Свою добычу эти молодцы сносили на первый этаж перед спецчастью, где нередко к вечеру вырастала груда самого невероятного шмо-

тья, начиная от лабораторной посуды, и кончая экзотическими одеждами и снаряжением порой трофеиного происхождения. Затем начиналась дележка, которая в зависимости от темперамента и настроения участников, происходила чрезвычайно оживленно, заставляя порой шарахаться изящных младших научных сотрудниц из не слишком полевых отделов. Вспоминаю, как в разгар одного из подобных мероприятий, в облаке пыли возник силуэт пожилого мэтра, увешанного проводами слухового аппарата – это был сам академик Григорьев. К нашему удивлению он приветствовал нас необычным для нас образом: «Здравствуйте, коллеги!» Мало того – с каждым поздравлялся за руку и пожелал успехов на избранном поприще! Определенно, к подобному мы не привыкли, и внимание именитого мэтра было лестным.

Особо хочу остановиться на институтской атмосфере тех лет, разумеется, с позиции младшего научного сотрудника в самом начале своего пути. Несомненно, научный состав, включая руководство отделами, сохранял дух питерской интеллигенции, что проявлялось, прежде всего, в отношениях между людьми, mannerе держаться, стиле дискуссий на Ученом совете. Там блистало настоящее созвездие имен, прежде известных «новобранцам» науки лишь по литературе. Называю их отнюдь не по месту, которое они занимали в науке той поры, а как они сохранились в моей памяти: Гавриил Дмитриевич Рихтер, Давид Львович Арманд, Борис Александрович Федорович, Самуил Юльевич Геллер, Эдуард Макарович Мурзаев и многие другие – всех не перечислишь. Эти люди подавали пример во многих отношениях, и невольно хотелось даже не столько подражать им в манере поведения, сколько оставаться на уровне тех достижений и отношений, который они задавали. Так что реакция академика Андрея Александровича Григорьева на орду «новобранцев»-гляциологов была по-своему показательной. Действовавший в ту пору директор института академик Иннокентий Петрович Герасимов, возвышаясь над сотнями и десятками подчиненных, воспринимался нами как некий недоступный образ, возникавший из ничего и паривший в облаке научной благодати над зеленым сукном стола Ученого совета во время заседаний, на которые мы иногда с интересом ходили. Поездки за рубеж только-только входили в научную жизнь, и рассказы о них на заседаниях Ученого совета пользовались заслуженным вниманием, порой с оттенком «белой зависти» – вот бы и нам так! То, что сейчас стало нормой научной жизни, тогда было еще новинкой. При всем при том, на этих заседаниях бросалось в глаза другое – авторитет академика не подавлял остальных членов совета, ему возражали порой не просто активно и по делу, а нередко с сарказмом и ironией, особенно Арманд и Мурзаев.

Демократичностью в сочетании с требовательностью отличался в общении с подчиненными и наш руководитель Григорий Александрович Авсюк. Характерно, что мы боялись не его гнева или неудовольствия – опасались не оправдать его доверия, тем или иным образом подвести его. Нередко наши коллеги из других организаций называли нас «авсючыми детьми», чем мы немало гордились. Когда эта кличка дошла до нашего руководителя, он долго смеялся. Вообще, в ту пору юмор и хлесткое словцо ценилось в нашей среде. Запомнилась сценка в бухгалтерии. Старшим бухгалтером Института был старый одесский еврей Раскин, со всеми присущими этой категории людей достоинствами. Один из начальников экспедиции запросил в качестве необходимого оборудования (со ссылкой на международный статус предприя-

тия) чуть ли не севрский фарфор, на что Раскин отреагировал по-своему: «А женщин вам не выписать?..» Ответ последовал незамедлительно: «Если оплатите...»

Несмотря на молодость в затянувшемся аврале нам было не до женщин, о чем остается только сожалеть, но Арктика не терпит соперниц, в чем многим из нас пришлось убедиться позднее. Разумеется, прекрасная половина Института была ничуть не менее прекрасной, чем в наши дни, демонстрируя себя на вечерах самодеятельности, которые пользовались громадным успехом при самом активном участии всего коллектива. Порой на сцене можно было увидеть продолжение заседания Ученого совета, довольно близко к теме, но с такими художественными нюансами, которые сопровождались взрывами хохота зрителей. Как можно было наблюдать из задних рядов, шея директора при этом краснела, точно также как и при исполнении изящного восточного танца молоденькими и хорошенькими будущими научными светилами.

Определенно, нашему научному руководству не было чуждо все человеческое.

Прошли даже не годы – десятилетия. Молодежи в Институте не меньше, и наука не остановилась. Но почему-то нет подобных вечеров, где предавались общению и веселью все независимо от ранга и должности, от хозяйственников до корифеев.

Июнь 1957 г. Две экспедиции сразу грузятся на причалах Бакарицы в славном городе Архангельске, чтобы на два года расстаться с Большой Землей. Напоследок материк провожает нас сообщением о разоблачении очередной антипартийной группировки... Но мы-то живем уже иными заботами, разбирайтесь с этим антипартийным элементом сами, без нас... Нас ждут иные заботы, потому что мы едем в места, которые только-только перестали быть белыми пятнами на карте страны. И потому, что мы едем на Новую Землю, которая постановлением «на самом верху» стала полигоном по испытанию термоядерного оружия. Никто нас не предупреждал, ничего не обещал. Поскольку в России все тайна, и ничто не секрет, мы сами разнюхали эту тайну глобального (как теперь выражаются) значения еще год назад... Не знаю, был ли в курсе наш руководитель Авсюк, возглавивший с марта 1957 года отдел гляциологии, но переориентировать нас на другой район исследований он не смог, ссылаясь на международные соглашения. Выбор оставался за каждым участником экспедиции – характерно, что отказников не было. Думаю, что

В маршруте.

все наше пребывание на Новой Земле под раскаты термоядерных взрывов, оказалось испытанием на прочность не только собственных душ и тел, но и на верность научному выбору, на чем следует остановиться особо. Еще одна деталь – мы отправлялись до некоторой степени в неизвестность, поскольку даже сроки нашего пребывания на Новой Земле оставались непонятными: программа МГГ ограничивалась 31 декабря 1958 года. Но кто же будет нас снимать в разгар полярной ночи?

Не стану описывать перипетий нашей жизни во мраке полярной ночи и во льдах, когда мы в полной мере постигли почем фунт полярного лиха. Это сделал один из нас – Е.М. Зингер в своих книгах. Двухгодичная зимовка оказалось великолепной школой для полевика, выбравшего экстремальные условия своей деятельности, в которых главными были не запредельные перегрузки на аврахах и в маршрутах, а невозможность вырваться из нашего арктического бытия, сменить обстановку хотя бы на самое короткое время. На подобное нечего было и рассчитывать в ту пору. Даже почту нам доставляли «на сброс» с попутными самолетами, причем с двумя полугодовыми перерывами. Думаю, что Полярно-Уральская экспедиция практически полностью обновила свой состав не случайно: у них железная дорога была всего в 150 километрах...

Из других проблем – планирование. Специфика работ на белом пятне – отсутствие необходимой информации, например, о погоде. В наши планы мы заложили всего четверть времени на нерабочую погоду. На практике, однако, оказалось, что лишь каждый четвертый день пригоден для геодезических наблюдений и т.д., и т.п. По этим же причинам фототеодолитная съемка, успешно использованная в южных

Зона трещин на леднике Шокальского.

горах, также не пошла в наших экспедициях, особенно ввиду веса фототеодолитного комплекта за 100 кг, неподъемного для исполнителя.

Единственный трактор с трудом мог обеспечить работу двух стационаров на леднике, отсутствовала радиосвязь. Соответственно, всю геодезию и снегосъемки, а также ряд других работ, пришлось выполнять в пеших маршрутах, для которых не хватало людей, отчего пришлось нарушать элементарную технику безопасности, отправляя людей поодиночке, порой в полярной ночи. Помню, что поначалу попытался восстать против подобной практики. Начальник быстро поставил меня на место, обрисовав ближайшую перспективу: рассчитывать на карьеру научного работника без результатов собственных наблюдений – очевидная маниловщина и никакой романтики... Все мы довольно быстро постигли старую проверенную мудрость – «хочешь жить, умей вертеться», причем в весьма жестких условиях – не отказываясь от программы, находи другие пути ее выполнения. И ведь находили – но какой ценой! Так что гибель одного из нас в одиночном маршруте оказалась, по-своему закономерной, но в условиях, о которых мы даже не могли подозревать ...

Еще один предметный урок мы получили в марте 1959 г., за полгода до завершения экспедиции, когда двое сотрудников полярной станции попали под удары беспощадной, а главное – непредсказуемой борьбы. Итог – еще один труп. Уцелевший потерял отмороженные руки. Вывод – Арктика не терпит ни малейшего упущения, надо или предвидеть последствия своих действий, или находить из них выход! Вот и вся полярная наука... Жестокой оказалась наша плата за свое место в науке!

Очередная проблема, с которой мы столкнулись в поле – презентативность объекта исследований, выбор которого от нас не зависел. На нем шли работы в 1932–1933 годах, теперь мы повторяли их, причем на более современном уровне. Да вот беда – оледенение (по крайней мере, в Северном полушарии) сокращается, а наш ледник Шокальского – практически стационарен, и все тут! Волей-неволей приходилось ломать голову, как выйти из этого противоречия. Ничего, со временем вышли, и вполне достойно... И еще. Оказалось, что наши ледники – объект исследований, во многом определяющий направленность изучения на будущее. Дело в том, что сокращение оледенения по многим количественным показателям оказалось наиболее полно изученным в Арктике именно на Новой Земле. Разумеется, стационары для изучения природного процесса (включая оледенение) – это великолепно, но важна еще и методика. Не пошла фототеодолитная съемка, зато выручила аэрофотосъемка, а позднее – спутниковая. Ведь не зря же именно в МГГ был запущен первый спутник, возможности которых со временем превзошли самые смелые ожидания.

Не последним в нашем научном становлении стал полный курс полевых наук от первых гвоздей, забитых в ящики, отправлявшихся в высокие широты, до публикации отчетных монографий. Так что все наши беды и испытания на Новой Земле были компенсированы незаменимым научным исследовательским опытом. Если бы не память о невернувшихся, заставляющая вспоминать горькие строки Твардовского, о тех

«... кто старше, кто моложе,
Остались там. И не о том же речь,
Что я их мог, но не хотел сберечь...
Речь не о том, но все же, все же...»

Автор очерка – В.С. Корякин.

Весьма примечательным оказалось наше возвращение после двух лет отсутствия, в течение которых жизнь в Институте и в столице шла своим путем. Наше пребывание в Арктике, вместе с полученными результатами, посчитали достаточным, чтобы пройти переаттестацию на должность младшего научного сотрудника без специального обсуждения.

Смена обстановки после арктической зимовки на столичную жизнь со всеми ее плюсами и минусами далась нам непросто. Трудно отпускала нас Арктика, где мы были буквально погружены в океан природной информации, и оставалось только грести лопатой этот информационный Клондайк. А в Институте требовалось иное – не просто привести в стандартный вид результаты наблюдений, но еще и завершить тот самый научный поиск, ради которого нас послали в Арктику. Отмечу, что в этом отношении Григорий Александрович никому не давал поблажек по самому высокому счету. Насколько это была

великолепная школа (даже если порой ее уроки были жестоким испытанием для самолюбия новоявленных полярников), показало уже ближайшее будущее, когда мы отправлялись на самые дальние ледники тогдашнего Советского Союза, а также в иные полярные дали – на Шпицберген, в Антарктиду и т.д. В заключение отмечу еще одно обстоятельство – сравнивая опыт, полученный в ИГАНе с работой коллег из других организаций, отчетливо видишь его преимущества и достоинства (не отрицая одновременно определенных недостатков), которые нам дала эта школа, суровая и требовательная одновременно. Считаю по собственному опыту, лучшей научной школы я бы не получил нигде, даже если последний вывод достаточно субъективен. Уже за одно это я благодарен ИГАНу.

Ю.А. Веденин

Экспедиция «Селигер 1968»

Я назвал свой очерк «Селигер 1968». Именно на Селигере и именно в 1968 году была организована первая экспедиция, работа которой была посвящена изучению географических аспектов отдыха и туризма. Конечно, подготовка к изучению этой проблематики началась несколько раньше. Так получилось, что я, после окончания аспирантуры в 1965 году, начал работать в научно-проектном институте, занимавшемся изучением и проектированием лечебно-курортных зданий и связанных с ними территорий. И передо мной была поставлена задача – разработать методы оценки природных условий отдыха. Я уже был знаком с работами, которые велись на географическом факультете МГУ под руководством Елены Дмитриевны Смирновой. Однако, на мой взгляд, это были традиционные ландшафтные исследования, где

проблема оценки фактически не рассматривалась. И я пришел в Институт географии. Первым человеком, с которым я встретился в институте, был Владимир Сергеевич Преображенский. Он не только поддержал меня в моих поисках, но и рассказал мне, что он уже давно интересуется этой проблемой. Началась активная работа по налаживанию связей Института географии с проектными институтами, разработке совместных программ исследований условий отдыха в различных районах России. В это же время возникла идея организации экспедиции, целью которой была бы отработка принципов и методов изучения и оценки природных комплексов как мест отдыха. Тема для Института географии была абсолютно новой и не-привычной. Весной 1968 года на доске объявлений, которая до сих пор находится на том же самом месте, был повешен приказ о создании «реакционного» отряда, который должен был работать в Тверской области на Селигере. Очевидно, для многих слово «рекреационный» было еще не очень знакомо и оно превратилось в «реакционный». Тем не менее, именно с этого названия началось формирование рекреационной географии.

На Селигере экспедиция вела работы в течение двух сезонов. Основными ее участниками были В.С. Преображенский, Б.Н. Лиханов, Л.И. Мухина, Н.М. Ступина, Л.С. Филиппович, а также Володя Ядков. В работе принимали участие студенты из Калининского пединститута. В это же время, но отдельно от основных участников работала группа И.В. Зорина.

Работы велись в двух направлениях. Первое направление развивалось в рамках традиционных физико-географических исследований. Это было составление ландшафтной карты Селигера. Над ней работали Б.Н. Лиханов, Н.М. Ступина, Л.С. Филиппович и другие участники этой экспедиции. Вместе с тем, одновременно велись большие работы по формированию методов оценки природных условий отдыха. Этой работой занималась Лидия Ивановна Мухина. Второе направление было связано с изучением особенностей туристского освоения территории Селигера. Основная работа была посвящена фиксации туристских стоянок и социологическим опросам, во время которых выяснялись характер занятий туристов, причины, по которым они выбрали это место, продолжительность пребывания в этом месте и т.д. Одновременно фиксировалось место стоянки, ее конфигурация, связь с озером, характер рельефа и растительности, степень дегрессии, как на самой стоянки, так и вокруг нее.

Поскольку мне пришлось заниматься именно этими исследованиями, я особенно хорошо помню, как выполнялась эта часть работы. Но вначале о том, как работали и жили все члены этого замечательного коллектива. Мы приехали на Селигер в начале июня. Было жарко. Мы арендовали моторку и начали обходить берега Селигера. Цель этой поездки – познакомиться с озером и выбрать место для стоянки. Начали мы свое путешествие очень рано, когда еще солнце не так пекло. Тогда мы впервые увидели множество палаток, расположенных на берегу озера. Время было раннее, и Селигер выглядел довольно пустынно. Лишь отдельные лодочки и застывшие в ожидании клева фигурки рыбаков оживляли этот пустынный пейзаж. Вдруг около одной из палаток мы заметили человека, сидевшего на берегу и следившего за нашим передвижением. Мы подплыли к нему и спросили, почему он не спит и что он делает здесь в такое раннее время. Он предложил нам залезть к нему

в палатку. Мы попробовали это сделать, раскрыли палатку и сунули в нее голову. Нам показалось, что мы влезли в кашу. Вся палатка была заполнена комарами. Конечно, это не прибавило нам оптимизма, поскольку наряду с испытанными полевиками, в отряде были и совсем «зеленые» в этом отношении персонажи.

В конце концов, мы выбрали место для лагеря. Это была сухая, поросшая молодыми сосенками площадка, расположенная на высоком берегу Кроватынского пlesса. Вокруг нее располагался массив сосняка-беломошника. Мы начали обустраиваться. Не могу сказать, что все это было проведено с блеском. Нам потом местные лесники сделали замечание за самовольные вырубки деревьев. Но тем не менее мы справились с этой работой. Были поставлены палатки, сколочен стол, выбрано место для кухни. Да, кстати, у нас была замечательная повариха, которая готовила очень вкусную еду. Особое внимание было удалено организации рабочих мест. Был построен штаб, где В.С. Преображенский ежедневно давал нам задание. Была также устроена площадка для проведения Ученых советов, которые бывали у нас практически каждый день. Вечером, после маршрутов (а они тоже бывали у нас каждый день) происходило обсуждение полученных результатов.

Конечно, возникало множество казусов. Уже трудно вспомнить все случаи, проходившие на Селигере в это лето. Сейчас они вспоминаются с улыбкой, а в те времена нередко воспринимались как весьма трагические события. Это и отсутствие надежной связи с Осташковым, где закупались продукты, поскольку у нас запил лодочник, бывший капитан второго ранга, очень симпатичный и хороший человек, но склонный к чрезмерному потреблению алкоголя и к длительному за-

Ю.А. Веденин и Л.С. Филиппович отправляются в маршрут.

пою, что, к сожалению, обнаружилось не сразу. Это и потеря аэрофотоснимков, что в те годы рассматривалось как преступление. Ведь все снимки были засекречены. Помню, как вся экспедиция в течение полного светового дня разыскивала один из снимков, ругаясь и попрекая того, кто потерял этот снимок. И такое бывало не один раз. Это и отсутствие у многих опыта использования спальников. Если вы вспомните старые спальники, тяжелые, теплые, застегивающиеся при помощи деревянных пуговиц-палочек, то, наверное, не очень будете горевать об их исчезновении из современной практики путешествий. А как я уже говорил ранее, на Селигерге были комары, весьма агрессивные и в большом количестве. Конечно, можно было использовать пологи, но их было мало и они быстро рвались. Поэтому уже к середине нашего пребывания они были дырявыми. Хорошо помню, как одна из наших коллег залезла в спальник, застегнулась на все застежки (а это приходилось делать, поскольку хотелось защитить себя от комаров), и заснула. Ночью она проснулась и попыталась выйти из спальника. Вернее, она не знала, где она и не понимала, кто замуровал ее в какой-то странной капсуле. Так и не выбравшись из этого мешка, она заголосила на весь лагерь, и перепуганный народ собрался около ее палатки. Ее, конечно, спасли. Однако почти каждую ночь, когда она начинала ворочаться и всхлипывать, ее соседка, Н.М. Ступина, говорила ей: «Нелечка, не волнуйтесь, вы в спальнике, в палатке, на Селигерге».

У меня была чрезвычайно интересная, но вместе с тем и отчасти опасная работа. Интересная она была потому, что пришлось познакомиться с абсолютно новой проблемой. Формирование системы рекреационных стоянок происходило совершенно стихийно, и конечно, без каких бы то ни было указаний от вышестоящих органов. Люди сами выбирали место, которое их устраивало. Поскольку в эти годы еще не было дорог, которые бы позволили подобраться к берегу со стороны суши, то основным транспортным средством были лодки. В наиболее привлекательных местах возникали целые агломерации стоянок; эти агломерации развивались как вширь, так и вглубь осваиваемого пространства. При этом процесс формирования таких агломераций нередко происходил очень быстро, в течение одного сезона. Это позволило интерпретировать сей процесс как своеобразный аналог наблюдений за размножением дрозофилы, широко используемой в биологии, и с его помощью смоделировать освоение суши со стороны акватории. В частности, мы увидели, что процесс освоения селигерских берегов и берегов тропической Африки абсолютно идентичны.

Опасность же моих исследований была связана с тем, что не всем людям нравились мои попытки анкетировать их, вторгаясь на территорию, которую они считали своей.

Но хватит о науке. Хотелось бы вспомнить ту замечательную атмосферу, в которой мы жили и работали. Я до сих пор помню мои встречи с людьми, которые жили на этих стоянках. Многие из них были чрезвычайно интересны. Однако были и препятствия, затрудняющие проведение полноценных исследований. Трудности были связаны, прежде всего, с тем, что нас постоянно приглашали к столу и даже угождали вином или водочкой. Конечно, мы старались отказываться, но иногда давали слабину и оказывались в плену гостеприимства хозяев тех или иных стоянок.

После возвращения (прыжки через скакалку).

Жизнь на Селигере была разнообразна, нам удалось многое сделать. Конечно, эта была, прежде всего, заслуга Владимира Сергеевича Преображенского. Он задал хороший темп работе. Эта работа охватила все стороны новой научной дисциплины, которую мы впоследствии назвали рекреационной географией. Это и характер рекреационной деятельности, и избирательное отношение к территории со стороны отдыхающих и рекреационной инфраструктуры, это и оценка условий отдыха, в том числе и эстетическая, это и устойчивость природных комплексов к рекреационным нагрузкам, это, наконец, и экономико-географические аспекты организации отдыха. Кстати, экономико-географические исследования проводили И.В. Зорин и Б.Б. Родоман. Это были весьма увлекательные, но и опасные для исследователей занятия. Они изучали программу обслуживания туристов и местных жителей, которая осуществлялась в то время с палубы плавучего магазина. Большую часть товаров составляла вино-водочная продукция. Естественно, что и команде перепадала значительная часть этого товара. Постоянно пьяный капитан и продавщицы относились к своим обязанностям весьма своеобразно. Так, капитан мог оставить свое место в рубке (а он был одновременно и рулевым) и уйти в свою каюту. Поэтому, когда его корабль наехал на рыбакскую лодку, это мало кого удивило. Я думаю, что и сами исследователи не могли оставаться в стороне от тех благ, которыми пользовались все члены этой команды. И, тем не менее, полученные результаты были весьма интересны и примечательны.

Селигерская экспедиция подтвердила необходимость проведения междисциплинарных исследований, определила дальнейшую специфику развития рекреационной географии. После этой экспедиции было проведено множество региональных исследований, охвативших центральную часть России, Северный Кавказ, Чер-

номорское и Азовское побережье, Украину, Урал и ряд других мест бывшего Советского Союза. Были проведены чрезвычайно интересные всесоюзные совещания по проблемам рекреационной географии. В них принимали участие не только географы, но и экономисты, социологи, курортологи, архитекторы и т.д. В это же время под руководством В.С. Преображенского были выпущены монографии, определившие дальнейшее развитие рекреационной географии. Это «Теоретические основы рекреационной географии», «География рекреационных систем Советского Союза» и «ТERRITORIALNAYA ORGANIZACIYA OTDYHA NASELENIYA MOSKVI i MOSKOVSKOJ OBLASTI».

Однако все это началось на Селигере, где работал первый в Советском Союзе (и естественно, в России) «реакционный» отряд Института географии АН СССР.

Ю.П. Баденков

На морских берегах, на островах, в горах

Статионар «Смыка»

Свою жизнь географа я начинал во Владивостоке – в Тихоокеанском институте географии ДВНЦ АН СССР в 1971 году. Как академический институт ТИГ создавался с нуля. Как географ, я также начинал с нуля. Единственно, что связывало мое геологическое прошлое с географией это был «геохимический ландшафт», в котором я чувствовал себя довольно комфортно, поскольку мои научные взгляды базировались на работах В.И. Вернадского, А.Е. Ферсмана и, прежде всего, на работах А.И. Перельмана и М.А. Глазовской, с которыми я был лично знаком.

Так что мой 10-летний путь в ИГАН (куда я был приглашен академиком И.П. Герасимовым в 1981 году) начинался с берегов Тихого океана. Мне крупно повезло, поскольку тогдашний директор ТИГа и Председатель Дальневосточного научного центра АН СССР член-корреспондент Андрей Петрович Капица поставил очень амбициозную задачу по созданию института нового типа, исповедующего системный подход в оценке состояния природной и социально-экологической среды и прогнозе ее изменений на Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана. Для нового Института это был серьезный вызов и хорошая мотивация для его молодых сотрудников.

Передо мной была поставлена задача формирования геохимического направления исследований в ТИГе. В то время в институте было всего около 10 штатных сотрудников (я имел удостоверение ТИГа за № 5!), так что передо мной открывался большой простор для действий, но... в рамках коллективного сотворчества с Дальневосточной экспедицией географического факультета МГУ во главе с профессором Юрием Гавrilovichem Симоновым. Это было замечательное время творческого содружества с выдающимися географами МГУ – академиком К.К. Мар-

ковым, проф. П.А. Каплиным, А.И. Перельманом, М.А. Глазовской, Л. Никифоровым и многими другими. Приезжали и сотрудники ИГАНа – В.О. Таргульян, Д.А. Тимофеев, А.Д. Арманд, А.В. Живаго, В.П. Чичагов, с которыми мы стали добрыми друзьями. Надо сказать, что Дальневосточный научный центр пользовался повышенным вниманием Президиума АН СССР. Созданную в 1972 году лабораторию геохимии «экзаменовали» корифеи академической науки, члены Президиума – академики А.П. Виноградов, П.Л. Капица, Г.И. Марчук. Это была серьезная школа академического обучения молодого завлаба. Традиции и дух академической науки были основой этого обучения.

При формировании и определении приоритетов исследований в лаборатории геохимии ТИГа были заложены некоторые принципы, соответствовавшие «прогнозной» идеологии исследований всего Института и, естественно, его географическому расположению:

- *объектом исследований* была определена «контактная ландшафтная макро-зона» суши и моря (Дальнего Востока и Тихого океана);
- *методология исследований* базировалась на ландшафтно-геохимическом подходе и, в частности, развитии концепции подводных геохимических ландшафтов береговой зоны моря. Особое внимание уделялось изучению биогеохимических циклов миграции тяжелых металлов;
- *стационарные исследования* занимали важное место в работе лаборатории. Они проводились круглогодично на созданном нами в 1972 году *стационаре Смычка*, расположенном в береговой зоне Японского моря;
- *междисциплинарность* или комплексность исследований являлась важнейшим элементом работы лаборатории. С самого начала осуществлялось тесное сотрудничество с биogeографами (Ю.Г. Пузаченко), геоморфологами, социально-экономическими лабораториями ТИГа (П.Я. Бакланов), океанологами и др.;
- *международное сотрудничество*. Программа ЮНЕСКО «Человек и биосфера» была с самого начала ее существования главной программой сотрудничества как с московскими институтами (ИГАН СССР, Институт мониторинга во главе с Ю.А. Израэлем и Ф. Ровинским), так и региональными организациями и, прежде всего, Сихотэ-Алинским биосферным заповедником, расположенном всего в сотне километров от стационара Смычка. Уже тогда была развита концепция биосферного региона, ядром которого был заповедник, а периферийной (или, как сейчас принято, зоной сотрудничества) – бассейн р. Рудной.

Через стационар Смычка прошли многие исследователи ИГАНа. Прежде всего, это касалось почвоведов, которые активно работали в регионе и в Сихотэ-Алинском заповеднике, в частности. Р.Г. Грачева, будучи аспиранткой В.О. Таргульяна, составила почвенную карту заповедника.

Так имя собственное стационара приобрело значение имени нарицательного. Так я и другие коллеги из ТИГа сблизились с ИГАНом. Но этому сближению очень способствовали и морские экспедиции, посвященные исследованиям океанических островов.

Экспедиции на НИС «Каллисто» в Тихом океане.

Работа на островах и морское братство

Две островные экспедиции на Каллисто в юго-западную Пацифику оказались заметным событием не только для ТИГа, но и, в целом, для отечественного географического сообщества. Обе экспедиции выполнялись под флагом программы ЮНЕСКО «Человек и биосфера», проект № 7 «Островные экосистемы и их рациональное использование». Исследование островов в экваториально-тропическом поясе всегда привлекало российских географов. Появление Тихоокеанского института географии во Владивостоке и наличие научного флота в Дальневосточном центре АН СССР открыло возможности проведения самостоятельных полевых исследований в этих отдаленных районах Тихого океана. И эти возможности были реализованы в 1976–1977 и 1980 годах. Инициаторами и фанатичными организаторами этих двух экспедиций были два человека – автор этих строк и д.г.н. Юрий Георгиевич Пузаченко, бывший тогда зав. лаборатории биогеографии ТИГа. А.П. Капица был не только главной поддерживающей силой. Он был негласным членом команды.

Надо сказать, что проведению экспедиций предшествовала большая подготовительная работа. Отрабатывалась методология полевых исследований небольших

НИС «Каллисто».

островов в экспедиционном режиме (2–3 дня на острове), в основе которой лежал метод трансектов, пересекавших ключевые островные ландшафты и экосистемы. Эти подходы были отработаны в экспедициях на малые острова Залива Петра Великого (Фуругельма, Большой Пелес и др.), в которых участвовали почвоведы, биогеографы, геоморфологи ИГАНа и МГУ, впоследствии вошедшие в коллектив экспедиций «Каллисто». Накануне рейса 1976 года была проведена специальная «островная конференция», которая подвела итог этой подготовительной работы.

В обоих рейсах «Каллисто» от ИГАНа участвовали В.О. Таргульян и Р.И. Злотин. Вместе с таким известными учеными как А.Г. Воронов, П.А. Каплин, Г.М. Игнатьев, И.А. Соколов, Н.Н. Дроздов, Ю.И. Чернов, Л.С. Степанян, К.Н. Дьяконов они составили «московскую диаспору» в научном составе экспедиции. Основной состав экспедиции был представлен дальневосточными учеными. Руководителями экспедиции были автор этих строк и Ю.Г. Пузаченко, зам. начальника рейса по науке. Всего в составе научной части было 26 человек, включая зарубежных коллег из Австралии, Новой Зеландии и Фиджи, присоединявшихся к нам на отдельных этапах рейса. Для полноты картины необходимо отметить, что на островах (при высадках) в состав полевых групп входили члены экипажа «Каллисто», работавшие на добровольных началах и, надо сказать, с огромным энтузиазмом. Это был уникальный и хороший пример единения «науки и производства» при решении научных задач.

Невозможно в коротких заметках отразить всю картину этих двух удачных экспедиций. Она складывалась из чисто научных, рабочих и эмоциональных компонентов. За 120 суток (каждый рейс) бывало всякое, но доминирующей компонентой всегда оставалась взаимовыручка и сотрудничество. А это, исходя из моего опыта участия в нескольких рейсах в Тихом и Индийском океанах, получается не всегда.

Поэтому назову лишь некоторые острова и атоллы, которые посещали экспедиции «Каллисто». Каждое название звучало музыкой для членов экспедиций Каллисто: архипелаг Луизиада (Папуа Новая Гвинея), Соломоновы острова, Фиджи и Тонга, острова Кука и остров Норfolk, острова Кермадек и Ниуэ, атоллы Суворова и Пука-Пука. Впрочем, всех не перечесть. Возможно, сейчас, когда каждый из этих островов доступен для туристов – только плати, эти названия звучат для современного поколения вполне обыденно. Тогда же – это была сказка!

Обе экспедиции имели, как говорится, хорошую прессу: в первом рейсе 1996–1997 гг. с нами плавал журналист Олег Игнатьев, благодаря которому в газете «Правда» регулярно печатались экзотические описания нашей работы на островах. Однажды номер «Правды» с описанием тяжелого шторма на подходе к Фиджи («корабль не может двигаться вперед, а только держится носом на волну», «холодильник начал падать на меня» и другие страсти) попал на стол к Президенту Академии наук академику А.П. Александрову. Прочитав эти ужасы, он позвонил Ивану Дмитриевичу Папанину, который был начальником Океанографической комиссии АН СССР: «Не послать ли нам какое-нибудь судно на выручку?» Иван Дмитриевич, будучи человеком многоопытным, успокоил его со свойственным ему юмором и в присущих только ему выражениях (кто знает, тот поймет). Экспедиция была спасена.

Вторая экспедиция «Каллисто» (1980 г.) проходила в сложных политических условиях. Наш рейс начался практически одновременно с вхождением «ограниченного контингента войск в Афганистан». Немедленно все разрешения на заходы и работы на островах Фиджи, Кука и т.д. были аннулированы. Лишь король Тонга проявил непонятную нам толерантность и разрешил работать на любых островах и атоллах королевства. И мы провели более 40 суток на сравнительно ограниченном пространстве архипелага, спокойно передвигаясь от одного острова к другому. С тех пор некоторые из нас знают острова Тонга лучше, чем соседнюю Рязанскую область. А о короле Тонга Тупоу IV, отличавшемся весьма солидными габаритами (10 пудов веса), у всех нас сохранились самые теплые воспоминания.

В завершение этого короткого островного сюжета хочу отметить, что экспедиция «Каллисто» сыграла определенную роль в развитии «тропического» почвоведения в ИГАНе. По материалам экспедиций были защищены две кандидатские диссертации (И.В. Замотаев и Е.П. Милановский), а также сделаны принципиально важные открытия по ферраллитным почвам тропической зоны.

Надо сказать, что две экспедиции «Каллисто» на острова Тихого океана сыграли исключительную роль не только в развитии островной географии и исследовании тропических ландшафтов и экосистем/процессов, но и заложили основы тестового сотрудничества и «морской» дружбы между участниками этих непростых экспедиций. Во время Конгресса Тихоокеанской научной ассоциации в Хабаровске (1979 г.) возник Клуб Каллисто (Kallisto-Club), членами которого стали не только участники рейсов, но и многие российские и зарубежные ученые, причастные к исследованиям островов Тихого океана. Раз в год члены этой нигде не зарегистрированной, но очень тесной и дружеской группы собираются и обсуждают актуальные проблемы островной географии (и не только). Самыми «устойчивыми» членами клуба являются В.О. Таргульян, Ю.Г. Пузаченко, П.А. Каплин, Р.И. Злотин, А.А. Величко и автор этих строк (он же Президент Kallisto-Club).

Комплексные исследования гор

Исследования гор и горных регионов Советского Союза, а позднее России, всегда занимали особое место в планах НИР Института географии. Благо горы занимают обширные пространства северной Евразии: по подсчетам Г.С. Самойловой, более 51% территории России занято горами и возвышенностями.

Проблематика и направленность этих исследований соответствовала огромному природному, социальному-экономическому и этнокультурному разнообразию горных территорий. В формате краткого обзора истории исследований горных районов сотрудниками ИГАНа невозможно отразить все многообразие этих исследований. Поэтому мы сконцентрировали наше внимание на исследованиях последних 20–25 лет, когда на смену традиционным «отраслевым» исследованиям пришли междисциплинарные комплексные исследования, ориентированные на проблемы устойчивого развития и сохранения биологического разнообразия. Этому в значительной степени способствовало активное включение Института в Программу ЮНЕСКО «Человек и биосфера (МАБ)» (1972), в рамках которой существует спе-

циальный горный проект № 6 «Влияние человека на горные экосистемы». Вначале этот проект координировал Институт географии Грузии, а в 1983 г. по инициативе Советского Комитета МАБ руководство этим проектом было передано Институту географии АН СССР.

Следует отметить, что в конце 70-х годов, благодаря активной работе Комиссии по высокогорным районам Международного географического союза, которую возглавлял выдающийся немецкий географ Карл Тролль, происходила смена исследовательской парадигмы горных районов: отраслевые исследования сменялись на системные междисциплинарные, рассматривающие горы как сложные природные системы в сложном сочетании природных и хозяйственных взаимодействий. На этом переходном этапе решающую роль сыграли два молодых (тогда) географа, по очереди возглавлявших горную комиссию МГС – Джек Айвз (США) и Бруно Мессерли (Швейцария). Их активность и научный профессионализм во многом определили направления развития «горной географии» в последующие десятилетия.

Институт географии тесно сотрудничал с горной Комиссией МГС в разработке новых научных подходов к изучению горных территорий. Важную роль в этом играл академик И.П. Герасимов и, особенно, Р.П. Зимина, которая была членом Комиссии и одним из первых советских географов, вошедших в международную «команду Джека Айвза и Бруно Мессерли» по исследованию стабильности–нестабильности горных экосистем (1981).

Примерно в это же время (начало 1980-х) осуществлялся крупный советско-французский проект «Альпы–Кавказ» (сравнительный географический анализ), результаты которого были представлены на Конгрессе МГС в Париже в 1984 году. Пожалуй, это был первый системный анализ двух крупных горных регионов – французских Альп и Кавказа. В этом коллективном научном труде на равных сотрудничали ведущие ученые как Института географии АН СССР, так и Институтов географии республиканских академий – Грузии и Азербайджана, а также географы МГУ и других ВУЗов страны.

Инициатором и руководителем проекта, его «сердцем и двигателем» был, безусловно, академик И.П. Герасимов. В этом проекте участвовали ведущие ученые Института: В.М. Котляков, А.А. Величко, В.С. Преображенский, Р.П. Зимина, Г.М. Лаппо, Д.А. Лиленберг, Я.Г. Машбиц, О. А. Кибальчик, А.И. Ромашкевич и многие другие. В интегрирующей части опубликованной монографии (1984) был проведен сравнительный ретро-анализ систем землепользования во французских Альпах и на Кавказе.

Позднее этот опыт был развит в совместном советско-болгарском проекте «Кавказ – Стара-Планина» и в исследованиях на Северном Кавказе – в Кабардино-Балкарии. Большую роль в их осуществлении сыграл Альберт Бесланович Бажев, взявший на себя непростой труд по созданию Полевой исследовательской станции, впоследствии трансформировавшейся в Северо-Кавказский горный центр в Нальчике.

В 1983 году академик И.П. Герасимов поручил мне координировать исследования в рамках Проекта 6 Программы ЮНЕСКО «Человек и биосфера. МАБ», что я в силу своих сил и возможностей и делаю до настоящего времени. В рамках МАБ-6 была создана сеть горных центров, размещенных в основных горных регионах страны: в Украине (Крым-Карпаты, руководитель академик М.А. Голубец); на Кавказе

– д.г.н. Э.Д. Кобахидзе (Грузия); в Средней Азии – академик А.М. Мамытов (Киргизия) и академик Х.М. Саидмурадов (Таджикистан); на Урале – академик В.Н. Большаков; в Алтай-Саянском регионе – проф. В.С. Ревякин; в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке – проф. В.Р. Алексеев.

В Институте географии в середине 80-х годов была создана лаборатория горных геосистем с Кавказской исследовательской станцией, которая вела активные исследования на Кавказе и в Средней Азии. Большой вклад в ее работу внесли А.Б. Бажев, А.Д. Ахаминов, А.К. Борунов, Б.А. Ильичев, В.В. Канделаки, А.В. Кошкевич, Э.О. Фридленберг, А.В. Яшина. В ее коллективе выросли такие ученые как д.г.н. А.Н. Гуня, к.г.н. И.А. Мерзлякова, продолжающие исследования горных регионов не только в России, но и далеко за ее пределами. Руководил работой лаборатории Ю.П. Баденков.

Крупным событием в жизни «горного сообщества» Института было проведение в 1989 году международной конференции в Цахкадзоре (Армения). Конференция была организована Университетом ООН, Программой МАБ-ЮНЕСКО и Институтом географии АН СССР. Это было весьма непростое время в нашей стране, связанное с «перестроечными» процессами, сопровождавшимися экономическим кризисом и социальной напряженностью. В Южном Кавказе полыхала Карабахская война. За год до Конференции произошло разрушительное Спитакское землетрясение в Армении. Тем не менее, более 30 ведущих зарубежных ученых приняли участие в 5-дневной полевой экспедиции с пересечением Кавказа от Минеральных Вод и Приэльбрусья до Спитака и Еревана. На самой конференции в Цахкадзоре присутствовало более 130 ученых из всех горных регионов страны. Конференция имела название: «Трансформация горной окружающей среды: региональное развитие и устойчивость, последствия глобальных изменений». Сейчас, спустя двадцать с лишним лет, удивляешься, как точно было обозначено направление конференции, и ее главной темы. Они самым активным образом разрабатываются и в настоящее время. Многие молодые участники конференции в настоящее время являются лидерами в своих областях – член-корр. РАН О.Н. Соломина, д.г.н. П.М. Полян, проф. К.В. Чистяков (СПбГУ), Р.Г. Грачева, Е.А. Белоновская, проф. Мартин Прайс (Великобритания), д-р Томас Шааф (ЮНЕСКО).

В начале 90-х годов в Институте выполнялся интересный международный проект «Электронный атлас-сценарий развития Таджикистана в XXI веке». Это был амбициозный проект, выполнявшийся в рамках российско-американского сотрудничества и параллельно с германо-пакистанским проектом «Культурная область Каракорум». К сожалению, из-за начала гражданской войны в Таджикистане проект не удалось завершить в полной мере. Благодаря «героическим усилиям» молодежи (А. Широков, О. Самоварщикова, В. Классен, И. Мерзлякова, А. Гуня и др.), был подготовлен макет атласа-сценария на основе ГИС-технологий (в те времена весьма инновационной). Полевые работы в 1992 году в районе строящейся Рагунской ГЭС проводились практически в зоне боевых действий в Карагине.

Признанием роли Института и вкладом в развитие горной тематики можно считать мое участие в работе международной группы «Горная повестка 21», состоящей из 6 экспертов и руководимой Дж. Айвзом и Б. Мессерли, по подготовке Горной главы 13 в Глобальную повестку 21 Конференции ООН по окружающей среде

и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992). Принятие этого документа «легализовало» проблемы развития горных регионов в глобальной повестке ООН, наряду с такими проблемами, как голод и конфликты, энергетика и сельское хозяйство и т.д. Это был серьезный прорыв, и опыт исследования горных регионов СССР и России был использован в полной мере. Книга «Горы мира. Глобальный приоритет» была опубликована и распространена среди участников конференции в Рио. Глава «Горные регионы бывшего СССР: богатство и неопределенность развития» отражала наши взгляды на проблемы развития горных регионов СССР «времен перестройки».

В развитие рекомендаций Горной главы 13 Институтом, по соглашению с Государственным комитетом по экологии РФ был подготовлен Национальный доклад «Горные регионы России: состояние и проблемы развития» (1994/95). Доклад был представлен на межправительственных консультациях азиатских (Катманду, 1994) и европейских (Шотландия, 1995) стран. В состав межведомственного коллектива, готовившего доклад, входили ведущие ученые Института географии: академик В.М. Котляков, Д.А. Тимофеев, Ю.П. Баденков, Б.А. Ильичев и др.

К сожалению, в 1995 году в силу ряда объективных и субъективных причин, лаборатория горных геосистем прекратила свое существование в виде структурного подразделения Института. Это, на мой взгляд, была большая и огорчительная потеря. Тем не менее, под флагом проекта МАБ-6 сохранилась неформальная группа ученых, заинтересованных в продолжении исследований по устойчивому развитию горных регионов.

В конце 90-х годов и в начале нового века были выполнены исследования на Алтае в рамках Проекта Глобального экологического фонда и Программы ООН по развитию «Диагностический анализ трансграничных районов Алтай-Саянского экорегиона». В составе этой группы участвовали сотрудники института: Ю.П. Баденков (руководитель), А.В. Дроздов, Р.Г. Грачева, И.А. Мерзлякова, а также ученые из других институтов и организаций.

В 2002 году (спустя десять лет после конференции в Рио) ООН провозгласила 2002 год «Международным годом гор». Институт географии через проект МАБ-6 активно участвовал в его подготовке и проведении, как в России, так и на международном уровне. Так, на международной конференции в Горно-Алтайске было принято «Алтайское заявление» по вопросам устойчивого развития горных регионов России. Проект этого документа, официально представленного на Всемирном горном саммите в Бишкеке, был подготовлен членами группы МАБ-6 Института географии. Большую делегацию ученых ИГАН возглавлял академик В.М. Котляков. Презентация публикаций Института получила специальный приз конференции.

К международному году гор сотрудники лаборатории биогеографии (А.А. Тишков, Е.А. Белоновская) опубликовали книгу «Сохранение биологического разнообразия гор России». В 2002 году было создано Международное горное партнерство (базируется в штаб-квартире ФАО в Риме), в состав которого вошли более 40 горных стран и международных организаций (ЮНЕСКО, ЮНЕП и др.), а также наиболее активные научные и общественные организации. В их число вошла и горная группа МАБ-6 Института географии. Это было признанием ее заслуг в проведении исследований по проблемам устойчивого развития горных регионов и многолетней координационной работе.

В Катунском биосферном заповеднике, Алтай.

В 2003 году группа сотрудников Института (Ю.П. Баденков, Е.А. Белоновская, Р.Г. Грачева, Д.С. Асоян, И.А. Мерзлякова, Т.М. Кудерина) вместе с работниками Катунского биосферного заповедника включились в Международную программу «Исследование глобальных изменений в горных регионах» (GLOCHAMORE), инициированную МГБП и ЮНЕСКО и финансируемую Евросоюзом. Позднее к этому «научному консорциуму» подключились ученые Алтайского университета (Н.Н. Михайлов), СПб Университета (К.В. Чистяков), Томского Университета (Ю.К. Нарожный), Кубанского Университета (Ю.В. Ефремов) и другие. К проекту также подключились горные биосферные заповедники России – Тебердинский и Кавказский (Кавказ) и Сихотэ-Алинский (Дальний Восток). Основная задача этого проекта заключается в исследовании влияния глобальных изменений (климатических, экономических, трудовых миграций и туризма и т.д.) на конкретные горные регионы (экосистемы, население), с использованием для этого сети горных биосферных резерватов ЮНЕСКО. Для обозначения этого подхода был введен лозунг: «реальные проекты в реальных местах».

Немало было у нас и других планов, но далеко не все они осуществились. Тем не менее, исследования по устойчивому развитию горных регионов в условиях глобальных изменений успешно продолжаются в рамках академических и международных программ в Алтай-Саянском регионе и на Кавказе.

Оглядываясь назад с «высоты 2012», можно высказать некоторые суждения о пройденном за последние три десятилетия пути. Прежде всего, необходимо отметить, что в Институте сложилась целостная методология комплексных исследований горных регионов, базирующаяся на богатейшем опыте работ 60–70-х годов прошлого века и на современных мировых концепциях развития горных районов.

Несмотря на отсутствие в структуре Института специального «горного подразделения» сохранилась и активно работает под «зонтиком» проекта МАБ-6 неформальная и мобильная группа ученых, выполняющих исследования в различных горных регионах России и СНГ (Северный Кавказ, Алтае-Саянский экорегион, Таджикистан, Армения).

В настоящее время продолжается международный бум по созданию горных центров и исследовательских лабораторий как в развитых (Франция, Шотландия, Швейцария, Италия и др.), так и в развивающихся и «транзитных» странах (Непал, Киргизстан, Китай и т.д.). В России, несмотря на наличие в системе РАН Института горных экосистем (Отделение биологии) в Нальчике, задача целенаправленного изучения проблем развития горных регионов остается открытой. Опыт последних десятилетий свидетельствует о серьезных рисках и последствиях отсутствия государственной политики развития горных регионов (соответственно и серьезных научных исследований в этой области). Уроки Северного Кавказа с его чеченским кризисом и стихийными бедствиями (ледник Колка), Алтая (нищета и маргинализация горного населения) – это лишь отдельные примеры проблем горных территорий.

Безусловно, в контексте нарастания глобальных изменений роль и функции горных районов будут существенно меняться в близком и отдаленном будущем. Уже сейчас такие ресурсы как пресная вода, биологическое разнообразие, рекреационный потенциал самым тесным образом «привязаны» к горным регионам. Спрос на эти ресурсы с ростом населения и глобализации экономики нарастают с каждым годом. Вопрос, как отреагируют хрупкие горные социально-экологические системы на эти вызовы, является серьезной задачей, как для ученых, так и для государственных институтов и общества. Траектории (или сценарии) развития конкретных горных районов, безусловно, представляют первостепенный интерес при планировании развития и формирования инвестиционных политик.

Поэтому, не стараясь заглянуть далеко вперед, можно определенно сказать, что построение сценариев развития горных территорий на следующие 20–25 лет (жизнь одного поколения) представляется одним из приоритетных направлений исследований горных регионов в Институте географии РАН.

В 2012 году в Рио-де-Жанейро состоится очередная Конференция ООН по развитию «Рио+20». Тема устойчивого развития горных регионов опять будет в Повестке дня. Что произошло с горными регионами мира за последние 20 лет? Какие старые и новые проблемы требуют своего разрешения? Какие новые приоритеты и подходы будут предложены научным и экспертным сообществом?

Эти вопросы в полном объеме адресованы и ученым Института географии РАН. Тем более, что на протяжении двух последних десятилетий Институт претендовал на роль лидера и был инициатором многих проектов по устойчивому развитию горных регионов. Этот вызов адресован молодому поколению ученых Института географии. Настало их время...

Экспедиции в жизни Ю.А. Мещерякова

О Ю.А. Мещерякове – выдающемся ученом – подробно рассказано в книге «Юрий Александрович Мещеряков. Воспоминания, научные статьи», подготовленной в 2002 г. в Институте географии РАН. Составителями книги были Людмила Евгеньевна Сетунская – его соратница, единомышленница, супруга и автор этих строк. При прочтении этой книги создается образ ученого академического типа в лучшем смысле этого слова. А ведь Ю.А. Мещеряков был и увлеченным, результативным полевым исследователем. Мне хочется вспомнить о присущем Мещерякову отношении к полевым работам и о роли экспедиций в становлении его как ученого. Об этом никто не писал. Между тем в экспедициях сложился его характер, экспедиции помогли ему оценить роль полевых исследований в геоморфологии, питали его концепции.

Юрий Александрович, следуя лучшим традициям отечественных ученых, отдавал себе отчет в том, что научная деятельность каждого геоморфолога начинается со сбора собственных материалов в ходе полевых, экспедиционных исследований. И он всячески способствовал поездкам своих сотрудников в поле. В ту пору – во второй половине XX в. мы все, от академика до лаборанта, принимали активное и постоянное участие в работах разных (их было множество!) научных и производственных, региональных и общесоюзных экспедиций. Среди последних заметно выделялись идеально оснащенные и оплачиваемые экспедиции сталинского плана преобразования природы и мощные многолетние комплексные экспедиции Совета по изучению производительных сил АН СССР, работавшие по крупным регионам страны. Весьма полезными и привлекательными были для нас геолого-съемочные экспедиции Всесоюзного аэрогеологического треста Министерства геологии СССР, действовавшие в особо труднодоступных районах. В них многие из нас узнали почем фунт лиха! Полевые сезоны были продолжительными – длились от 3–4 месяцев до полугода, и работа в них была для всех нас делом естественным, привыч-

Полевой ужин.

На выставке новой литературы. Ю.А. Мещеряков и Д.С. Асоян.

ро-восточный угол Тувы перестал посещаться кочующими тувинцами и был для нас настоящей *terra incognita*. До жилья далеко. Транспорт: кони по тропам и салик – короткий плот – по рекам. И все. Могу это подтвердить, так как по воле Провидения – бывают же поразительные совпадения! – в 1954 г. я в составе Тувинской экспедиции № 6 упоминавшегося Аэрогеологического треста работал на государственной геологической 1:200 000-ой съемке в тех местах, повторяя отдельные маршруты Ю.А. в долине того-же Беды-Хема. И так же, как он, выходил из района работ по снегу.

Юрий Александрович ценил экспедиционный труд и постоянно проявлял неподдельный интерес к возвращавшимся с поля коллегам. Обычно бывало это так. ... На следующее утро после возвращения в Москву из экспедиции, отмытый, бритый и отглаженный – как новенький! – появляясь на Старомонетном 29, в ИГАНе. На втором этаже у стенгазеты нос к носу сталкиваешься с Юрием Александровичем. Радостно и чуть застенчиво улыбаясь, он берет тебя под руку, ведет в зал и усаживает рядом с собой. Начинается самое интересное. Внимательно, не перебивая, выслушав тебя, он начинает спрашивать. Всегда была очень приятна его реакция на сказанное тобой и удивительно располагающее к откровениям поведение во время разговора. Подкупало внимание, уважительное отношение к тебе – молодому человеку. Твои рассказы кончались, и инициатива переходила к нему.

Интересовало Юрия Александровича буквально все: от фрагментов древних поверхностей выравнивания со скальными останцами, их деформаций и возраста до особен-

ным, неотъемлемо входила в образ жизни. Мы выросли на работе в больших экспедициях. И до сих пор порой в кругу старых друзей вспоминается, как в 53-м или 54-м году чужая, нежданная «Каталина» – американский гидросамолет, широко использовавшийся тогда в Сибири и на Севере, – неожиданно подобрала тебя с твоими ребятами с дальнего озера в таежной глупши в конце сентября. А то пробиваться бы по свежему снегу в мороз не одну неделю! Все это Юрий Александрович хорошо знал на собственном опыте, как, следовательно, знал и цену новому фактическому материалу.

Начинал он свою экспедиционную жизнь в 1946 г. – первом голодном послевоенном году – в экспедиции С.В. Обручева в труднодоступном районе Восточного Саяна, в бассейне р. Хамсы, в долине Беды, или Беды-Хема. Тогда севе-

ностей проявления разломной тектоники, происхождения ущелий, связи молодого вулканизма с формированием плейстоценовых террас и проч., и проч. Уже тогда, задолго до внедрения концепции тектоники плит, он интересовался соотношением вертикальной и горизонтальной составляющих тектонических нарушений; особенно часто задавал вопросы о право- и левосторонних сдвигах и надежности их распознавания, о результатах дешифрирования морфоструктур на аэрофотоснимках и о многом другом.

От обсуждения конкретных полевых объектов разговор незаметно переходил в область общих, теоретических вопросов, таких, как дрейф континентов, лестница поверхностей выравнивания Африки и педименты в трудах Л.С. Кинга, проблемы корреляции террас и поверхностей выравнивания побережий вокруг Атлантики; тематика нового французского геоморфологического журнала; содержание сборника избранных работ А. Болига на русском языке; не совсем объективная критика американскими учеными основных положений географического цикла своего великого соотечественника, одного из основоположников современной геоморфологии – В.М. Дэвиса; новые результаты и перспективы развития геоморфологии в странах Восточной Европы – вот только часть затрагивавшихся им вопросов. Вынашивались планы объединения советских геоморфологов в Межведомственную Геоморфологическую комиссию и создания Международной геоморфологической организации – своеобразного братства геоморфологов, наконец, создания академического журнала «Геоморфология». И ведь все это сбылось! Правда, кроме одного. Вслед за созданным в 1970 г. при решающей роли Ю.А. нашим геоморфологическим журналом, Ю.А. планировал создать международный геоморфологический журнал. После кончины Ю.А. мы утратили инициативу, европейские геоморфологи перехватили ее и он под тем же названием, что и наш, был создан и успешно издается (уже 119 выпусков) на английском языке в Голландии.

Вспоминается радость общения с Юрием Александровичем во время послеэкспедиционных встреч, типа описанной выше. На протяжении многих последующих лет многие из нас с большой теплотой вспоминали эти неформальные дружеские беседы, нам не хватало Юрия Александровича с его живым интересом, с желанием помочь. Не хватало его мягкой, застенчивой улыбки и дружеского расположения. Не хватало общения с ним, в результате которого появлялось ощущение твоей нужности, полезности и востребованности полученных тобой результатов. Наконец, при общении с ним крепла гордость за геоморфологию – замечательную науку, которой он и все мы, геоморфологи Института географии РАН, посвятили свою жизнь.

Экспедиционная закваска и экспедиционный менталитет сослужили Юрию Александровичу добрую службу в его активной, многосторонней научной деятельности.

Юрий Александрович ушел от нас молодым и его молодой образ сохранился в наших воспоминаниях, в наших сердцах. Он быстро шел вверх по служебной лестнице, в сжатые сроки стал выдающимся геоморфологом, получил заслуженное признание в нашей стране и в зарубежном мире. Мудра формула – *Verba volant, scripta manent* – слова улетают, написанное остается! И потомки будут судить о Юрии Александровиче Мещерякове и его вкладе в науку по его трудам, по его монографиям. Сказанное выше это иллюстрация к одной из черт ученого – он очень любил и ценил экспедиции.

Полевая станция в Покровке

От редактора-составителя.

Идея создания станций для проведения комплексных многолетних географических исследований в нашем Институте получила свое первое воплощение в 1948 г. на Тянь-Шане, в селе Покровка, на южном берегу Иссык-Куля. Начало режимным наблюдениям положили гляциологи и геоморфологи. Вскоре к ним присоединились институтские ботаники, зоологи, специалисты других отраслей географии из разных учреждений. Работы, выполненные на станции, получили широкую известность. Их отличали оригинальность и высокое качество. Станция в Покровке послужила образцом для сети географических стационаров, сформировавшейся в стране позднее, уже в 1960-е годы.

О том, как создавалась станция, как складывалась жизнь ее сотрудников, вспоминает П.А. Королев, оказавшийся в Покровке еще мальчиком. Сейчас Павел Александрович работает в отделе гляциологии. В его рассказе – живые впечатления очевидца событий, окрашенные непосредственностью детского восприятия. Заметки Владислава Николаевича Коротаева, сотрудника географического факультета МГУ, дополняют этот очерк.

*Краткие справочные сведения, предоставленные
В.Н. Коротаевым, Н.Д. Кожевниковой и Н.В. Прулевым*

Тянь-Шанская высокогорная физико-географическая станция была основана в феврале 1948 г. (одна из первых 10 подобных станций в СССР) на базе Северо-Киргизской экспедиции Института географии АН СССР. Многие участники этой экспедиции впоследствии составили костяк научных сотрудников станции (И.П. Герасимов, М.А. Глазовская, М.И. Иверонова, Е.Н. Лисичек, Е.Я. Ранцман и другие). База станции находилась в с. Покровка на юго-восточном побережье озера Иссык-Куль, у подножий предгорий северного склона хр. Терской Ала-Тоо, в 35 км от г. Пржевальск (сейчас – Каракол). Основные исследования проводились в Западном Прииссыккулье, на сыртах и в бассейне р. Чон-Кызыл-Су, где в глубоком ущелье на высоте 2500 м находилась наблюдательная станция и экспериментальные площадки.

Район стационарных работ охватывал типичные ландшафты Тянь-Шаня в диапазоне высот от 1600 до 4700 м над уровнем моря. Здесь на сравнительно небольшом протяжении полупустыни и сухие степи переходят в лесо-лугово-степной пояс, затем в субальпийский, альпийский и венчает этот высотный ряд гляциально-нивальный пояс.

Наряду со стационарными работами проводились экспедиционные исследования в Иссык-Кульской котловине, в бассейне реки Сарыджаз. Среди широкого круга географических проблем изучались почвенный покров (М.А. Глазовская), геоморфологические (Е. Ранцман), гляциологические (Г.А. Авсюк) особенности территории и происходящие в них эрозионные процессы (Е.Н. Лисичек), движение

продуктов выветривания (М.И. Иверонова), солнечная составляющая (Н.А. Данилова), гидрологический режим (И.Д. Цигельная), растительный (Л.Н. Соболев) и животный (Р.П. Зимина, Д.В. Панфилов) мир, биохимия растений (Е.А. Дорогоневская). Общее руководство было за академиком АН СССР А.А. Григорьевым, директорские обязанности выполнял Г.А. Авсюк.

В 1953 г. станция была передана в состав Академии наук Киргизской ССР, а в 1955 г. она стала составной частью вновь созданного отдела географии АН Киргизской ССР. Директором станции стал кандидат географических наук Рашид Джумалиевич Забиров, известный гляциолог – исследователь оледенения Памира.

Главной задачей станции в этот период была организация и проведение гляциологических исследований по программе Международного геофизического года (МГГ), в том числе стационарных наблюдений на леднике Кара-Баткак. С 1960 г. станция приступила к проведению комплексных физико-географических исследований по широкой программе от побережья озера Иссык-Куль до сыртов и ледников хр. Терской Ала-Тоо. В этот период костяк станции составляли молодые специалисты – выпускники Московского и Киргизского университетов (Эмма Азыкова, Владимир Благообразов, Лев и Валентина Бондаревы, Анатолий и Людмила Диких, Наталья Кожевникова, Сергей Мягков, Владимир Ткаченко, Михаил Хейфец).

П.А. Королев

Фрагменты из книги о Покровке

Летом 1946 г. в Киргизию выехал большой отряд институтской молодежи в составе молодого руководителя Григория Александровича Авсюка, его жены Маргариты Ивановны Ивероновой, заместителя Авсюка по хозяйственным вопросам Виктора Михайловича Кузнецова и еще нескольких сотрудников Института.

Цель экспедиции: обследовать оба берега Иссык-Куля на предмет поиска удобного места для физико-географических стационарных исследований и презентативного ледника. И такое место, и такой ледник были найдены! Это долина реки Чон-Кызыл-Су с ледником Кара-Баткак в ее истоках. Это все на Южном берегу Иссык-Куля, в 35 километрах западнее города Пржевальска. Место для станции – село Покровка.

К концу 1948 года база станции в Покровке была построена. На работу туда была приглашена и Юлия Павловна Сахарова, моя мать. Авсюк предложил ей работать на станции постоянно и разрешил забрать меня. И вот я в аэропорту во Фрунзе. Встречает меня мама на экспедиционной машине с брезентовой будкой. Машина полуторка. В машине кроме Юлии Павловны еще сотрудницы станции. Среди них Елена Робертовна Моор, Елена Никифоровна Лисичек, жена ботаника Леонида Николаевича Соболева Юлия. А в кабине сам Авсюк! Ну, и, естественно, водитель Федор Ефимович Лишенков.

База в городе Фрунзе у куркуля Бектяшкина. Гигантский забор, огромные ворота, двор, где помещались четыре грузовых машины, на цепи свирепая немецкая

овчарка и огромный сад с яблоками, грушами, сливами, урюком и виноградом. А был сентябрь! Все созрело.

На базе машину ждал заместитель Авсюка В.М. Кузнецов (за глаза его звали «Витьяка»), его жена Клавдия и их сын Мишка. И жена Авсюка тоже присутствовала на базе у Бектяшкина. Остались ночевать у Бектяшкина прямо в саду на раскладушках «сороконожках», на спальных зеленых ватных мешках, но в белоснежных вкладышах для них. Жара неимоверная!

На следующий день полуторка покатила по грейдерной дороге с названием «стиральная доска» через Токмак, русские и казачьи селения Орловка, Быстровка, Лебединовка к входу в Боомское ущелье. Это западные ворота в Иссык-Кульскую котловину. Путь через Боомское ущелье красив, хотя дорога страшная. Она вьется вдоль реки Чу и выводит на небольшой водораздел, с которого открывается неслыханный по красоте вид на озеро Иссык-Куль. Озеро настолько огромно, что по нему сразу видно, что Земля – шар.

В Покровке встреча приехавших была бурная. Среди встречающих был отец Григория Александровича Авсюка, Александр Григорьевич Авсюк. Встречал нас весь коллектив экспедиции, включая завскладом Ивана Васильевича Шиленина (одна из знаменитых фамилий в Прииссыккулье), дядю Яшу Козлова с огромными, загнутыми вниз усами. Он здесь старейший и он заложил первый камень в фундамент станции.

Стационары были построены в четырех местах – в селе Покровка на улице Пионерская дом 7, в ста метрах от берега реки Чон-Кызыл-Су, в долине реки Чон-Кызыл-Су, в лесной зоне на высоте 2550 метров над уровнем моря, среди тянь-шаньских елей и на двух ледниках Кара-Баткак и Ашу-Тер. При этом Кара-Баткак был выбран как ледник для научных стационарных исследований, а Ашу-Тер имел еще и прикладное значение. Он был переметный, то есть имел перевал, и языки спускались в обе стороны от водораздела хребта Терской Ала-Тау.

Перевал был очень труднопроходимый, потому славился как контрабандистский. Контрабанда шла с Иссык-Куля, где выращивался в гигантских масштабах опийный мак, а из Китая везли ширпотреб, ну, и, может быть, кое-чего еще. Например, чай!

Последний караван с контрабандой из сорока верблюдов и лошадей шел через перевал Ашу-Тер в 1938-м году. Но как только караван прошел перевал и стал спускаться по леднику в долину, налетела пурга. При нулевой видимости караван попал в зону трещин, прямо на ледопад, и полностью погиб. Кто упал в трещины, кто просто замерз на леднике. А потом, через десяток лет трупы и тюки стали вытаскивать на языке ледника. Это, во-первых, дало возможность Авсюку сразу прикинуть скорость движения льда, а во-вторых, породило легенду, что Авсюк нашел на леднике сундук с золотом и на эти деньги построил станцию.

На станции в Покровке я сразу обратил внимание на постройки в форме буквы «П», откуда доносилось радостное конское ржание. Елена Робертовна, с первого дня расположившись ко мне, объяснила, что это конюшня, где стоят экспедиционные лошади в количестве тридцати штук. На них верхом ездят сотрудники в маршруты. У экспедиции было свое подсобное хозяйство, где заготавливали сено для лошадей.

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

А Р Х И В

Улица 10-71, Петровский проезд, №
Москва 10335. Тел. Академия 12-

Телефоны: В 7-9517, В 7-9676
В 2-0020, бб-57, 6-

25 августа

нр 7, № 31390/783a-35

АРХИВНАЯ ВЫПИСКА

ПРЕЗИДИУМ АКАДЕМИИ НАУК СССР
РАСПОРЯЖЕНИЕ
СТ II марта 1948г. № 183

I. В соответствии с Распоряжением Совета Министров СССР
№ 22II-р от 27 февраля 1948г. организовать Тяньшанскую
высокогорную физико-географическую станцию при Институте
географии АН СССР с местонахождением на северном склоне
хребта Терскей-Алатау.

Президент
Академии наук СССР
академик

(С.И.Вавилов)

Академик-секретарь
Академии наук СССР
академик

(Н.Г.Бруевич)

Архивная выписка наведена по документальным материалам,
хранящимся в Архиве АН СССР: ф.2, оп.13, ед. хр.42, л.30.

И. О. Директора
Архива Академии наук СССР

Кузьмин

(Н.М.Кузьмина)

Мл. научный сотрудник
Архива АН СССР

Самохвалова

(Л.Г.Самохвалова)

На базе в Покровке часто появлялись люди, приехавшие с какой-то загадочной станции, которая располагалась где-то высоко в горах. Люди приезжали верхом, и лошади их часто были в мыле от бега, на что сильно ругались «Витька» и рабочие. Путь со станции до Покровки занимал четыре часа. И, не дай Бог, кому-нибудь вслух похвастаться, что он установил новый рекорд и домчался за три с половиной часа. Этот герой тут же получал взбучку за издевательство над лошадьми и отлучался от верховой езды. «Будьте любезны, пешком», — говорил Виктор Михайлович.

Был сентябрь 1951-го года. Экспедиция уже работала третий год. В квартале от Колхозного переулка до реки Чон-Кызыл-Су, в каждом доме квартировал кто-нибудь из сотрудников. Только Авсюк старший жил во времянке прямо на территории базы. Меня с матерью временно поселили в бане, а через несколько дней, и все так же «временно», мы были вынуждены поселиться в палатке в саду базы под огромной яблоней. Яблоки, алма-атинский апорт, величиной с кулак Федора Ефимовича Лишенкова, зрели и падали на крышу палатки. В этой палатке мы дожили до Покрова дня, когда на Покровку выпал первый снег.

Мама близко сдружилась с четой ботаников Соболевых и Еленой Никифоровной Лисичек, которую все называли ласково «Лисичка». Ежедневно, утром она выезжала верхом с рабочим на какие-то загадочные Красные глины. Елена Робертовна объясняла мне, что это из-за них в реке такая грязная красная вода, и что по-киргизски Чон-Кызыл-Су, означает Большая красная река.

В центральном корпусе базы, была бухгалтерия, кабинет «Витьки» и фотолаборатория. В фотолаборатории работала высокая, сутулая Мария Петровна Смирнова. Почти слепая она хорошо видела при красном свете. Проявляла всем пленки и пластиинки. Авсюк вел большие фототеодолитные работы по съемке окружающих ледников. Мария Петровна любезно предоставила мне возможность побывать в фотолаборатории и прослушать лекцию по фотоделу. Вообще, все сотрудники экспедиции были крайне любезны и доброжелательны друг к другу и ко всем остальным.

В школу, в которую меня пытались спровадить сразу по приезде в Покровку, я не ходил. Эксперимент по обязательному всеобщему образованию закончился провалом. Спровоцировала этот провал Маргарита Ивановна Иверонова. Она сказала, что нечему учиться в Покровской школе и что я буду учиться на станции. Сама Маргарита Ивановна обещала учить меня немецкому языку и математике, дядя Гриша географии и разным прикладным наукам, вроде физики. А вот собственная моя мама взялась заставлять изучать меня русский язык, литературу и писать диктанты.

На зиму остались только «Витька», Авсюк старший, сам дядя Гриша Авсюк с женой и я с мамой. А в марте 1952 года все перечисленные, плюс четыре рабочих и несколько вьючных лошадей выехали из Покровки вверх по долине Чон-Кызыл-Су.

У самой кромки леса в долине стоял лесхоз. Здесь валили лес для построек домов в Покровке. На территории этого лесхоза была перевалочная база экспедиции. До этой базы доходила машина. Федор Ефимович Лишенков, на это раз на грузовике ЗИС-5, привез основной груз. Здесь его распределили на вьючных лошадей, и караван двинулся еще по зимней тропе вверх по долине. В лесхозе мы познакоми-

Долина Чон-кызыл-су. Справа внизу – первые постройки станции.

Станция в начале 1950-х годов.

лись с весьма оригинальным киргизом Тюлемышем. Тюлемыш был экспедиционный конюх и жил в избушке напротив станции. А станция в десяти километрах от лесхоза. Тюлемыш с нетерпением ждал прибытия Авсюка, потому что дядя Гриша привозил ему из Москвы модный тогда вельвет, который Тюлемыш называл «бельбет», чай и патроны к малокалиберной винтовке. Тюлемыш был охотник и снабжал станцию мясом горных козлов.

На полпути между лесхозом и станцией было место, с громким названием курорт Джилы-Су. В простонародии «Ключи». Сероводородные горячие источники. Две деревянные избушки и в них деревянные ванны. Можно принять лечебные процедуры. Запах, правда, сероводородный, но вода приятная, даже горячая. Когда гнали караван выочных лошадей, здесь не останавливались. Но рабочие шли на хитрость. Караван поручали киргизу Тюлемышу, который не мылся никогда, а сами блаженствовали в сероводороде. Потом налегке догоняли караван.

В табуне экспедиции были две достопримечательности: это два мула Орлик и Машка. Помесь лошади с ослом. Огромные, сильные, невероятно выносливые и свирепые, с длинными ушами и полуоголыми хвостами. Оба этих изобретения природы ненавидели кавалерийские седла и верховых. Если кто по незнанию седлал любого из них и садился в него, то животное тут же, закусив удила, лезло под самую густую и сучастую ель, чтобы снести седока со спины. Предусмотрительный и грамотный седок спрыгивал с седла заранее. А нет – валялся ободранный под елью. Зато под выюком им не было равных. А Орлик был еще и умен и оскорбительное слово «осел» к нему не подходило. Орлик всегда шел впереди и вел за собой караван. Он знал все тропы, а уж тем более путь домой. Сейчас он вел караван домой, на станцию, к отдыху и корму. К тому же на спине у него были два тюка сена. Вот остальные лошади и тянулись за ним, стараясь приблизиться и щепнуть сена.

Март месяц. Как пояснила Маргарита Ивановна, период схода снежных лавин. С заснеженного, скалистого западного склона со страшным грохотом сваливались тысячи тонн снега, пугая лошадей и людей. Через два часа пути Орлик вошел в открытые, состоящие из двух горизонтальных жердей ворота, это северные ворота станции.

По традиции первым в ворота въезжал сам Авсюк на каком-то спокойном мериине. Последним въезжал «Витька» на своей бешеной Игренюхе (масть такая есть, игреневая), на кобыле, которая не могла секунду стоять на месте – все время плясала, даже на горной тропе. Виктор Михайлович был в сапогах при шпорах, на лошади – офицерское седло, украшенная уздечка и плюс знаменитый мундштук, отдельно от удил. Если потянуть за повод, то изгиб мундштука сдавливает коню язык и тот от боли перестает каприничать.

В экспедиции были в этом отношении свои порядки: все лошади были закреплены за сотрудниками и никто не имел права, кроме самих рабочих на них садиться. И мне уже тогда достался ленивый мерин по кличке Малышка. Тетя Гуля Иверонова, жена дяди Гриши Авсюка, ездила на рысистой кобыле Рыжуха.

При въезде в ворота мы увидели вот такой пейзаж: справа – конюшня, слева домик-пятистенок, в правой половине которого жили двое рабочих, а в левой была пекарня, и там жила повариха Машка. Впереди – большой дом из четырех частей.

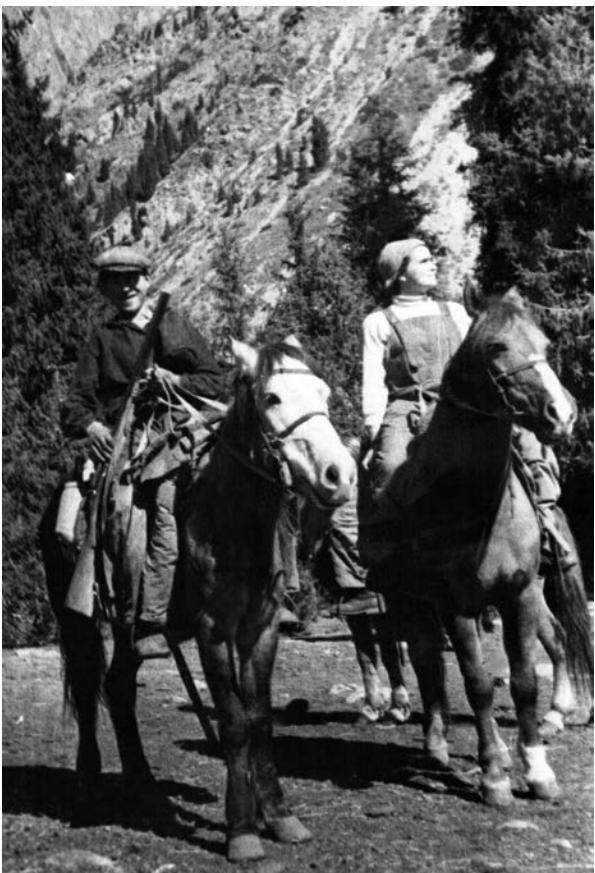
В левой четвертинке, что смотрела на северные ворота, располагалась метеостанция Киргизского УГМС. В правой, были две гостевые комнаты. А вот на южной стороне одну четвертинку занимали Авсюки и Клавдия Казакова. А в правой жила сотрудница Галя Белова, которая занималась снегом и снежными лавинами. И еще попутно фотографией. В эту же четвертинку, в большую комнату поселили и нас с мамой. Началась настоящая экспедиционная жизнь. В тот же день я узнал новое слово «акклиматизация». Авсюк постановил три дня никому ничего не делать, никуда не ходить далеко, гулять вокруг станции и привыкать к высоте в 2650 метров над уровнем моря. На заднем плане был виден ледник и стенка Катр-Тера. Это самая загадочная долина в бассейне Чон-Кызыл-Су. Она была недоступна даже баранам. Проникнуть в нее можно было только при помощи веревок и крючьев.

Через три дня был совершен первый выход на 1-ю снегомерную площадку на склоне. Свободная от леса, на крутом склоне площадка 10×10 метров вся была утыкана рейками. По ним отсчитывалась высота снежного покрова. По углам площадки рабочий с Маргаритой Ивановной брали плотность снега. Таких снегомерных площадок в округе было четыре. И их нужно было обходить рано утром ежедневно. Моя мама, Юлия Павловна, была в подчинении у Маргариты Ивановны и вела вместе с ней все работы по снегу, пыли и снежным лавинам. Не было не одной долины в бассейне Чон-Кызыл-Су, где бы не велись какие-нибудь наблюдения.

Раз в десять дней все, включая Авсюка, ездили на какой-то загадочный ледник Кара-Баткак. Тот самый Кара-Баткак, который был самый репрезентативный и в связи с этим он, как и снегомерная площадка, весь был утыкан рейками, вешками, палками, мачтами, датчиками, термометрами, метеоприборами и изрыт глубокими шур-

Г.А. Авсюк на актинометрической площадке. 1949 г.

В конном маршруте. Справа Р.П. Зимина, 1948 г.

компании обнаружил пианино. Это «Витька», за время его отсутствия сгонял куда-то в район, где-то выщарапал пианино и доставил его на оленых нартах.

Виктор Михайлович в основном сидел в Покровке и «доставал для Гриши черта из преисподней». Но когда он приезжал, на станции воцарялся праздник. После семейного ужина четверо садились за круглый стол и начинали играть в домино. При этом Виктор Михайлович постоянно шутил, говорил гадости и его жена, красавица Клавдия, ругалась, обзывая его «Витька, черт, замолчи». Авсюк доставал какую-нибудь книгу и читал стихи или рассказывал историю Киргизии.

Когда снег подтаял, Маргарита Ивановна со своим сеттером Кузей стала выходить на прогулки вверх по долине Чон-Кызыл-Су. Шла она медленно, заложив руки за спину, обдумывая очередную научную статью о снежных лавинах и денудационных процессах на склонах гор. А сам дядя Гриша в это время либо охотился на зайцев в Кара-Баткаке, либо ловил горную форель в реке. И тоже обдумывал научные статьи. Очень ему хотелось дать киргизам побольше воды на поля.

Но вот наступило лето. Из Москвы в Покровку стали прибывать сотрудники Института и студенты географического факультета МГУ. И все на станцию. Толь-

фами. Авсюк ставил большие эксперименты по искусственно-му получению дополнительной воды с ледников для полива сельхозугодий. Примерно такие же наблюдения велись и на леднике Ашу-Тер, где по легенде Авсюк нашел сундук с золотом.

Короче говоря, каждое утро рабочие седлали семь-восемь лошадей и все разъезжались по своим долинам и своим работам. А работ было видимо-невидимо. Не участвовал в этих поездках только Виктор Михайлович Кузнецов. Он был хозяином от Бога. Про него Маргарита Ивановна говорила, что он для Гриши «черта из преисподней достанет». И рассказала, что когда несколько лет назад Авсюк с «Витькой» работали на Крайнем Севере, Авсюк как-то заинтриговался музыкой. Авсюк был человеком сверхинтеллигентным и имел музыкальное образование. А через несколько дней, когда он вернулся из очередного полета, то в каюте

ко Лисичка осталась в Покровке и продолжала ездить в свой сай на Красных глинах.

Еще одно правило было у Авсюка: все сотрудники, невзирая на должность и возраст, встречались Федор Ефимычем в аэропорту Фрунзе или на вокзале. Для одиночек или пар в экспедиции была легковая машина ГАЗ-47, наподобие американского «Виллиса». Ну, а если ехала группа человек пять-восемь, то «полутонка».

Да. Перед этим на станции было событие сравнимое только с приездом Авсюка. Весь табун лошадей, в тридцать голов, был пригнан на станцию на летние пастбища и для работы. Пасся табун на ближайших полянах, и тот самый Тюлемыш в шесть утра пригонял табун на станцию, и начинались тщетные попытки загнать всех лошадей в загон и там вылавливать по одной. Но кони застоялись за зиму в конюшне в Покровке, отъелись на собственном сене и овсе и всю работу пытались превратить в игры. В загон не шли, несмотря на живой пример в лице Орлика и Машки, и начинались бешеные гонки и скачки по территории станции. Рабочие станции вскакивали на своих лошадей и неслись в погоню за беглецами. Но все потом вылавливались, седлались, на спины взгромождались сотрудники экспедиции и каждый ехал на свою работу.

После того как табун поселился на станции, прибывающих сотрудников Федор Ефимович доставлял на одной из трех машин в лесхоз, а туда к назначенному сроку рабочие, и всенепременно Тюлемыш, пригоняли верховых и вьючных лошадей. Пешком никто не шел. Каждому доставалось по коню или кобыле.

Вот прибыл огромный отряд Евгении Александровны Дороганевской. Авсюк что ли специально подбирал сотрудников под свой рост? Дороганевская была неслыханно высока. Она привезла с собой с полдюжины девиц. Отряд занимался ботаникой. И начался сбор цветов, стебельков, листиков и корешков. Все это взвешивалось, сушилось, опять взвешивалось и укладывалось в ботанические специальные папки с сеткой вместо обложки.

Кругом по долине были экспериментальные площадки, на которые запрещалось заходить и заезжать. Киргизские чабаны, пасшие скот в долине, были предупреждены, они бережно относились к научным экспериментам, привозили на станцию мясо и кумыс, а взамен клянчили чего-нибудь. Патроны, естественно и «бельбет». Киргиз без «бельбетовых» галифе был не киргиз.

Приехала Римма Петровна Зимина, жена самого будущего академика Герасимова, который стал директором Института после Григорьева. Она приехала с лаборанткой Майей Мерковой. Эти две почтенные дамы представляли науку зоологию и занимались мышами. Все долины были уставлены мышеловками, живоловками, сачками, сетками, ловушками, давилками. Утром совершался длинный обход всех этих устройств, пойманых живых мышей сажали в клетки, мертвых раскладывали на столе рядами, животами верх и начинали препаратировать. Но сначала взвешивали. Потом взрезали ножницами животы, вынимали все внутренности и скальпелем вырезали поочередно все органы и взвешивали. Мышей на столе одновременно лежало до полусотни. Эта живодерня работала все лето и вызывала у других сотрудников брезгливую гримасу.

Прибыла Ирочка Былинкина. В соответствии со своей фамилией она была тоже ботаник, но ботаник одиночка. И занималась исключительно цветами и раститель-

ностью в альпийской зоне. Потому лазила всегда выше леса, уже ближе к ледникам. Притаскивала рюкзак травы и, как и девицы Дорогоневской, осторожно пинцетом все разбирала, раскладывала по видам и, без всякого взвешивания, каждую травинку, каждый цветочек перекладывала бумагой и складывала в ту самую ботаническую папку для просушки.

Авсюк же, вместе с Клавдией и женой Гулей, ну и конечно с «Витькой», отбыли на все лето в большой маршрут по ледникам Терского и следующего хребта Ак-Шийрак. Они забрали с собой Орлика и Машку. Табун осиротел. Вообще перестал подчиняться. А так табуном руководили два осла. Смешно, правда?

За немногие годы существования станции Авсюк успел провести фототеодолитную съемку большинства ледников Терского и Ак-Шийрака. Планировалось по истечению пяти лет (а оставалось год-два), провести повторную съемку ранее отснятых ледников и таким образом получить скорости движения. Добрался Авсюк и до центрального Тянь-Шаня. Снял гигантские ледники Южный и Северный Иныльчек, спускающиеся с пика Победа и Хан-Тенгри, ледники Медвежий и Семенова. Добрался и до пограничного хребта Кок-Шаал-Тау. Хребта, который состоит почти из одних шеститысячников.

В середине лета на станцию опять высокая женщина. Это Мария Альфредовна Глазовская. Мария Альфредовна была почтовед, а потому начался повсеместный отбор проб почвы во всех уголках бассейна реки Чон-Кызыл-Су. Потом почва взвешивалась в специальных бюксах, сушилась на печке и опять взвешивалась. При Марии Альфредовне были какие-то молодые девицы. А кроме девиц приехали два школьника: Мишка Кузнецов, сын «Витьки» и Клавдии. И приехал племянник дяди Гриши Авсюка, которого все называли Юрка Корф.

На территории станции стояло множество палаток, в которых жили приезжие. В доме жили только штатные сотрудники станции. Да и не мог дом вместить всех приехавших.

Юлия Павловна, моя мать, в летний период занималась «мутью». Утром она сама, или с рабочим, а часто рабочий один, выезжали со станции с полными подсумками пустых бутылок. Бутылок требовалось неимоверное количество, потому их покупали в Покровке в магазине. Бутылки шли только из-под шампанского или вина «Иссык-Куль». Для работы нужны были темные бутылки. И на них писались номера и шифр и, в каждом ручье, каждом притоке, каждом родничке брались пробы воды и привозились в лабораторию. На берегу Чон-Кызыл-Су стоял домик и тоже пятистенок. В половинке, что была ближе к реке, находилась баня, а в соседней половинке научная лаборатория. Посредине, на твердом постаменте стояли высокоточные, аналитические весы.

Пустые бутылки, готовые к научной работе, хранились на улице в обычных ящиках, и лаборатория походила на приемный пункт стеклотары. Бутылки с пробами воды отстаивались в течение 10 дней, потом лишняя, чистая вода сливалась, а остаток выпаривался. Осевшую муть на стенках чашки соскабливали лезвием бритвы и... опять взвешивали. Так Маргарита Ивановна вычисляла, сколько твердых осадков выносит река Чон-Кызыл-Су в озеро Иссык-Куль.

Прямо против станции был построен висячий мост на ту сторону. По нему ходили пешие, но основная функция моста – это гидроствор. С этого моста замерялся

расход воды в реке вертушкой. Но не было ни одного ручейка в бассейне, ни одного притока, который Маргарита Ивановна не охватила бы своим вниманием. Везде измерялись расходы поплавковым способом. В результате узнали, сколько же воды стекает с гор только из бассейна реки Чон-Кызыл-Су.

Такие же гидропосты стояли на всех крупных притоках Чон-Кызыл-Су. Последний стоял внизу по течению напротив Красных глин. Там был домик, и в нем жил наблюдатель-гидролог со всей своей семьей. Он был из Покровки.

Был еще один вид работ. Приехала Наталья Анатольевна Данилова. Она занималась актинометрией. Актинометрические приборы стояли везде. И на метеоплощадке, и на территории станции, и на ледниках. Всем было важно знать какова солнечная радиация. Наталья Анатольевна говорила много и быстро, потому ко-нюю Тюлемыш прозвал ее «Патепон», то есть патефон. Тюлемыш, как все среднеазиаты, многие русские буквы и звуки не выговаривал. Потому, например, мою мать он звал «Им Павна». Юлия Павловна ему было не произнести. Ну, а уж как Маргариту Ивановну – даже страшно написать.

Еще интересный вид работ. Напротив станции, на слоне восточной экспозиции была огромная осыпь. В ее верхней, самой узкой части стоял батометр. Это стальная сетка. Принцип тот же что и у рыбаков, только эта сеть ловила все камни, которые валялись со скал. Через год, группа исследователей поднималась в устье осыпи, и каждый камень вытаскивался из сетки и взвешивался (!) на ручных весах-безмене. А чтобы узнать, как живет и куда стремится вся осыпь целиком, внизу, посередине и вверху поперек мазалась краской красная полоса. По теодолиту. А через год, ставился на то же место тот же теодолит, и замерялись расстояния, на которое сползли камни. Причем каждый камень с красной полосой отдельно.

Рядом с батометром на скалах, так называемых коренных породах, стоял огромный осадкомер. Такой же стоял на противоположном склоне. Снимать количество осадков после каждого дождя вменялось в обязанности Юре Рихтеру, сыну сотрудника Института Гавриилы Дмитриевича Рихтера. Юра очень гордился своей работой и постоянно хвастался, как он поставил очередной рекорд по подъему сначала к одному осадкомеру, потом сразу ко второму. А перепад высот был более 500 метров, и один склон травянистый с еловым лесом, а второй, как вы поняли, осыпной, то есть каменный.

И сердце Юры не выдержало. Похоронили его у кромки леса на территории станции. Каждый, кто приезжал впервые на станцию, назавтра, пока шла акклиматизация, шел к памятнику на территории станции и клал полевые цветы, растущие на поляне станции.

А вот вид работ, который смешно назывался «сосиски». Это для того, чтобы узнать, как движутся вообще склоны долины. В землю вбивалась стальная труба диаметром сантиметров пять, и в трубу опускались столбиком круглые чурочки, длиной 10 сантиметров. Чурочки красились красной краской и белым на них писались номера. Потом трубу вытаскивали, а столб красных «сосисок» оставался в земле.

На следующий год отрывался шурф в непосредственной близости от столбика сосисок, стенка шурфа зачищалась металлической щеткой, «сосиски» оголялись, давая возможность измерить расстояние, на которое они сместились по отношению друг к другу.

Метеостанция работала отдельно, но предоставляла все данные и в нашу экспедицию. А в Киргизский метеоцентр материалы отправлялись почтой. И для этого каждые 10 дней один из рабочих ехал в Покровку, отправлял и привозил почту сотрудникам экспедиции.

Так прошло лето. Сотрудники стали разъезжаться по домам, то есть в Москву. На постоянную зимовку на станции оставались сотрудники метеостанции – начальник Аршинов с женой и пятилетней дочкой и наблюдательница Нина Губова. С Московской стороны Юлия Павловна со мной, двое рабочих, повариха Машка, четыре лошади и две собаки. Сеттер Кузя и Тюлемышевский киргизский кобель Текеч, который предал хозяина и полностью перешел на службу москвичей, а на Тюлемыша стал даже лаять. А как тут не залаешь, если Тюлемыш собак никогда не кормил, считал, что они должны добывать себе корм сами. А у москвичей корм – всегда в корыте у Кузи.

Теперь кормить собак предстояло моей матери. А основная работа осталась та же, со снегом, только добавилось испарение. В круглые подносы, которые делал в Москве Женя Цыкин, насыпался снег и... опять взвешивался. Эти подносы-испарители взвешивались каждый день утром и вечером. Стояли они на метеоплощадке, которая, как полагалось по инструкции, была в ста метрах. Вот Юлия Павловна и таскала их каждый раз для взвешивания. А испарителей для контроля было три. И несла их Юлия Павловна на вытянутой руке – не дай Бог зацепить за сугроб и добавить лишний грамм постороннего снега.

Наступил Новый 1953 год. Встретили его зимующим составом все вместе, нарядив елку прямо в лесу. За Новым годом пришла весна. Наступил март. И вот однажды, когда все занимались своими делами и ничего не подозревали, около дома, не у конюшни, а именно около дома, раздалось конское ржание. Народ удивился. Кто это? Никого не должно было быть. На крыльце послышались грубые шаги нескольких человек. Московская часть экспедиции при моем участии вышла в коридор. В это время в него же вошел Виктор Михайлович Кузнецов. Вид у него был совершенно безрадостный. За его спинами маячили два киргиза в черных полуушубках. Не в белых, а в черных. Киргизы редко кто имел полуушубки, я сразу узнал в них полуушубки со склада Шиленина, завкладом экспедиции. Кузнецов не раздеваясь, протянул моей матери как старшей, бумагу. Вот эта бумага.

Документ прочитали поочередно все, кроме меня. Я и так понял по выражению лиц, что тут что-то не так. А два киргиза в это время весьма фривольно ходили по комнатам и бесцеремонно все рассматривали.

– Вот так, – сказал Виктор, Михайлович, – приказано станцию передать вот им, – и он кивнул в сторону киргизов.

Передача станции, со всем оборудованием, как написано в постановлении, началась незамедлительно. Виктор Михайлович доставал из шкафов приборы и терпеливо объяснял киргизам, что это за прибор и что он измеряет. Затем Виктор Михайлович сел на свою Игренюху и уехал в Покровку. Киргизы сели на своих кляч и тоже отбыли. Зимовщики станции остались в шоковом состоянии.

Станцию передали, и началось ее немедленное разворовывание. Я был свидетелем, как сразу вывезли во Фрунзе токарный станок. Токарь Малышевский остался без работы. Потом один за другим стали исчезать кони. Виктор Михайлович еще

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

АРХИВ

Москва, В-71, Ленинские горы, 33
Москва, В-353, Ен-Академический, 32

Москва, В-71, 17, к. 71, 76
В-218, 29, кв. 15, к. 6

25 августа 7 № 31 390/783а-37

АРХИВНАЯ ВЫПИСКА

ПРЕЗИДИУМ АКАДЕМИИ НАУК СССР
ПОСТАНОВЛЕНИЕ
от 28 ноября 1952г. № 633
г. Москва

О деятельности Киргизского
филиала АН СССР за 1952 год.

.....
Президиум Академии наук СССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:
I. В соответствии с Распоряжением Совета Министров СССР
№ 30025-р от 17.XI.1952г. обязать:
.....
б) Институт географии АН СССР(И.П.Герасимов):
передать Киргизскому филиалу АН СССР Тянь-Шанскую высокогорную
физико-географическую станцию Института географии АН
СССР со всеми штатами, помещением, оборудованием, инвентарем,
транспортом и материалами по состоянию на I.ХП.1952г.,
а также остатки кредитов по смете названной Станции до
конца 1952г.

.....
Президент
Академии наук СССР
академик /А.Н.Несмеянов/
.....

Главный ученый секретарь
Президиума Академии наук СССР
академик /А.Б.Топчиев/
Архивная выписка наведена по документальным материалам,
хранящимся в Архиве АН СССР: ф.2, оп.6а, ед. хр. 100, лл. 143.

И.О.Директора
Архива Академии наук
СССР /Н.М.Кузьмина/
Мл. научный сотрудник
Архива АН СССР /Л.Г.Самохвалова/

раз поднялся на станцию, упаковал вещи Авсюков и свои и отбыл в Москву навсегда. С этого момента Тянь-Шанская высокогорная физико-географическая станция Института географии АН СССР перестала существовать.

Ни Авсюк, ни Кузнецов, ни Маргарита Ивановна, ни один ведущий научный сотрудник Института на Иссык-Куле больше не появлялся. Только по особенной договоренности моя мать и я остались на несколько лет заканчивать тему Маргариты Ивановны по снегу и склоновым процессам.

Станцию долго не могли никуда пристроить. Через год, а то и больше появился молодой ученый, закончивший географический факультет МГУ – Забиров Рашид Джамалиевич. Он возглавил работы станции. Начался новый этап ее существования.

В.Н. Коротаев

Станционные люди

На Тянь-Шансскую физико-географическую станцию (ТШФГС), где я проработал в должности младшего научного сотрудника с 1962 по 1968 г., меня привела сложная житейская парабола. Правда, до этого мне уже довелось провести там несколько месяцев в 1960 г. на преддипломной практике, где я познавал «казы» полевых исследований – учился «видеть» геоморфологический объект и вести записи в полевом дневнике. К настоящему времени их накопилось уже несколько десятков (по работам на Северном Тянь-Шане, арктическом побережье Сибири, в Нижнем Поволжье и в рейсах на НИС «Академик Петровский»).

Моя послевузовская судьба должна была определиться государственным распределением: после окончания географического факультета МГУ в 1961 г. по специальности «географ-геоморфолог» я отправился на совсем другую станцию – Черноморскую научно-исследовательскую Института океанологии АН СССР (ЧЭНИС), расположенную в Голубой бухте Черного моря недалеко от г. Геленджика. Это назначение я получил по своему искреннему желанию и доброму совету научного руководителя моего дипломного проекта «Морфология и динамика береговой зоны озера Иссык-Куль» – проф. О.К. Леонтьева и дядюшкиного напутствия – Евгения Александровича Попова, – одного из первых директоров ЧЭНИСа, где я еще ребенком отдыхал с родителями. Однако с самого начала все пошло как-то не так.

По приезде на ЧЭНИС я и еще четверо молодых специалистов (двою – мои однокурсники-оceanологи Андрей Полосин и Женя Плахин) были поселены в одну огромную комнату, где мы отчаянно боролись со сколопендрами, ползавшими по стенам комнаты. Сначала мы жили одной веселой компанией: после работы охотились с подводным ружьем на кефаль и каменных окуней, часть улова продавали отывающим, а остальное вечерами жарили с зеленым горошком и запивали холодным столовым вином, купленным на вырученные деньги. Потом все получили назначение в разные полевые отряды, и веселая жизнь кончилась, начались трудовые будни.

По предварительной договоренности с проф. В.П. Зенковичем – патриархом береговой динамики – я должен был продолжить начатые им работы по кадастровому описанию черноморских берегов, но непосредственный мой начальник по ЧЭНИСу Е.Н. Егоров решил иначе: в должности старшего лаборанта с окладом 96 руб. в месяц меня определили на НИС «П.П. Ширшов», где я помогал геологам бурить прибрежные отмели с помощью вибропоршневой трубки, что, конечно, не совпадало с моими амбициями и надеждами. Постепенно росло неудовольствие моего нового положения – положения молодого специалиста, которому не дали возможность заниматься любимым делом (береговой геоморфологией).

Моя черноморская эпопея закончилась довольно печально: после полевого сезона в октябре 1961 г. меня командировали в Москву для помощи вьетнамским аспирантам проф. В.П. Зенковича в обработке проб донных наносов, меченых люминофорами. Это была последняя капля моих унижений в работе на подхвате, которая заставила меня приложить некоторые усилия, чтобы получить свободное распределение (не без доброй помощи уважаемых М.В. Карапеевой – зам. декана по учебной работе и декана – проф. А.М. Рябчикова). Получив свободное распределение и уволившись из ЧЭНИСа, я приобрел в наследство период самого «смутного времени» в своей научной карьере. Чего только я не делал, стараясь закрепиться на факультете: фотографировал на фоне черного бархата снежинки для проф. Г.К. Тушинского, которого мы все обожали еще в студенческие годы и хотели быть гляциологами; составлял поисковые геоморфологические карты для проф. С.С. Воскресенского, дешифрируя на аэрофотоснимках древние лога с пьеозокварцем, и т.п. По результатам этой работы Сергей Сергеевич предлагал мне должность нач. отряда, но мои научные интересы были неизменными – береговая геоморфология, где вакансий тогда не было даже в штатах по труду.

Этот смутный период закончился неожиданно: на факультет к своему старому другу (проф. О.К. Леонтьеву) заехал директор ТШФГС Р.Д. Забиров, которого я случайно встретил возле комнаты 1710 и поведал свою печальную историю с распределением. Рашид Джумалиевич тут же предложил мне должность младшего научного сотрудника, гарантировал оплату всех финансовых затрат, связанных с переездом на станцию, и, главное, полную поддержку исследований береговой зоны высокогорных озер Северного Тянь-Шаня. Мы ударили по рукам.

Через неделю, отправив багажом и малой скоростью свою научную библиотеку, я качался в тамбуре скрого поезда № 18 Москва-Фрунзе (ныне – Бишкек), жадно впитывая сладковатый запах чего-то цветущего. Уезжал я из столицы с радостным чувством возвращения домой, хотя в этом «доме» я провел всего несколько месяцев на преддипломной практике. Это удивительное чувство «возвращения домой» я испытывал каждый раз, когда приезжал в командировки в Киргизию уже после возвращения на постоянную работу в МГУ. Туда – хотелось всегда.

Из бесед с коллегами по факультету я понял, что все, кто бывал на станции, испытывали потребность вновь вернуться и делали это с неизменной радостью. Чем же был вызван этот непонятный феномен «чувства дома» на станции? Анализ всей прошлой истории станции и мои воспоминания показывают, что эта удивительная атмосфера была создана первыми сотрудниками станции, которые приеха-

ли туда после 1957 г. Скорее всего это была неосознанная попытка сохранить традиции и дух географического факультета МГУ, понятное желание не потерять московский шарм в новой среде. Это им удалось сделать, создав небольшую московскую диаспору на станции, которая старалась поддерживать высоко интеллектуальный и очень демократичный образ жизни. В эту элиту пускали не всех и не сразу: надо было пройти своего рода отбор (сейчас бы сказали – кастинг), который включал довольно своеобразные интеллектуальные и спортивные игры.

Собирались, например, в большой камералке финского домика и по реферативным журналам (РЖ) устраивали конкурс на сообразительность. Произвольно брался номер РЖ, открывалась любая страница, тычком пальца выбирался реферат и ведущий (обычно – Володя Благообразов) задавал вопрос. Что-то вроде: «Численность пассажиропотока в токийском аэропорту за сутки?». Побеждал тот, кто угадывал близкий порядок цифр. Ну, и так далее на разные темы.

Спортивные игры включали шахматы (здесь «царем горы» был все тот же В.А. Благообразов, имевший первый разряд), пинг-понг, бадминтон, городки, прыжки в высоту и длину, толкание ядра и метание молота (!). Консультантом по легкоатлетическим видам был Женя Баков, настоящий спортсмен и выпускник Киргизского госуниверситета. Очень много курьезных случаев было с метанием молота: от развороченных сараев на территории «заречного дома», где обитал Р.Д. Забиров и элиста станции, до «полетов» вслед за раскрученным молотом, если метатель не успевал вовремя выпустить его из рук (так произошло с Саней Перешкольником, имевшим небольшой рост и вес «мухи»).

По вечерам собирались у кого-либо дома, пили кофе (в то время этим напитком мы все очень увлекались, привозили из столицы сырье зерна, сами жарили и мололи), чай, реже сухое вино (водку не пили!), слушали музыку, песни Высоцкого, сами пели под гитару (обычно аккомпанировал Петя Второв) и т.п. Очень много выписывали газет (обязательно «Литературную газету») и журналов («Иностранную литературу», «Вокруг света», для детей – «Веселые картинки», «Юный натуралист», «Технику молодежи» и т.п.). Скупали новинки в книжных магазинах по всей Иссык-Кульской котловине (братьев Стругацких, Т. Манна, Э. Хемингуэя, М. Булгакова, Р. Кента, Э. Ремарка, М. Цветаеву и т.п.).

Были и другие «развлечения», например, давать интервью заезжим местным журналистам, после которых в газете «Советская Киргизия» появлялись статьи о нашей интересной и нелегкой работе на станции, и в частности, такие строки: «...высоко в горах на метеостанции работает Софья Гелиограф ...» (журналиста совершенно поразил прозрачный шар гелиографа!) или «...после появления эхолота для промера глубин отпала надобность опускать под воду теодолит ...» (без комментариев) и т.д. Нас часто посыпали дежурить вместе с милицией на кордонах в период сбора опийного мака, а также отрабатывать трудодни на подсобном хозяйстве станции (копать картошку, укладывать тюки за сеноподборщиком и т.п., что-то вроде отработок на овощных базах и в совхозе Поречье).

Московская диасpora на станции много сделала для продвижения географической науки в Киргизии. Ими написаны десятки научных статей, монографии (не менее пяти), они были редакторами многих выпусков Трудов станции, помогли составить русско-киргизский словарь географических названий Киргизии (!).

Это была хорошо сбалансированная жизнь, где научная работа перемежалась с интеллектуальным отдыхом. Конечно, без поддержки директора станции Р.Д. Забирова все это вряд ли было бы возможно сделать на таком высоком уровне. Оплату труда директор, конечно, не мог изменить, это не позволяли рамки бюджетных ставок: м.н.с. без степени – 120 р., м.н.с. со степенью – 160 р. Директор поощрял и удерживал нас другим. Во-первых, возможностью работы по индивидуальным планам и научной тематике, которая в большинстве случаев не пересекалась с работами других сотрудников.

Например, исследования береговой зоны озера Иссык-Куль я проводил совершенно самостоятельно, имея небольшой отряд и береговой стационар на мысе Кара-Булун. На лодке типа «Казанка» с подвесным мотором «Москва» (10 л.с.) и двумя студентами я за несколько лет обследовал каждый метр 600-километровой береговой линии и подводного склона озера. Материалы этих работ легли в основу монографии «Береговая зона озера Иссык-Куль» (Фрунзе: Илим, 1967) и кандидатской диссертации «Морфология и динамика береговой зоны озера Иссык-Куль» (1967). Стационарные работы на мысе Кара-Булун включали наблюдения за волновым (по волномерной вехе и волномеру-перспектометру Иванова) и уровенным (самописец «Валдай») режимами озера, а также за динамикой пляжевой зоны (методом «штырей») и механизмом формирования иссыккульских береговых баров (методом повторной теодолитной съемки). Проводились также полустанционарные наблюдения за динамикой речных дельт методом повторной фототеодолитной съемки (устыя рек Джергалан, Ирдык, Барскоон, Тосор, Тон, Актерек), причем для устья реки Ирдык удалось восстановить старые базисы, заложенные еще Ю.Ф. Книжниковым в 1956 г. В дальнейшем работы по динамике иссыккульских дельт были продолжены моим аспирантом (Эрмеком Н. Султаналиевым), который в 1995 г. защитил кандидатскую диссертацию и долгое время исполнял обязанности зам. декана по учебной работе географического факультета Киргизского государственного университета.

Во-вторых, директор станции давал нам возможность зимовать в Москве, где мы все время проводили на географическом факультете, показывая результаты своих работ профессорам кафедр геоморфологии, палеогеографии и биогеографии. Мы называли директора «Дядей», и это был очень добрый дядя, который контролировал нашу научную деятельность, абсолютно не мешая работать и закрывая глаза на наши вечерние посиделки и не всегда невинные развлечения.

Кстати, о прозвищах. Меня, например, называли «Влас» – сокращенное от имени Владислав. Получил его еще будучи студентом в первой моей экспедиции на Северную Двину, где тогда работали Н.И. Маккавеев, Е.И. Сахарова, А.И. Дрябезгов. Вот он-то и сказал как-то: «У тебя очень длинное имя, отныне будешь Власом». Некоторые мои друзья и знакомые до сих пор так и называют меня (например, Валентина Бондарева, Татьяна Воскресенская).

Володю Благообразова звали «Гроб». Этим прозвищем его наделили за удивительную способность «гробить» все хорошие начинания, за одну черту его сложного характера – быть всегда первым и непогрешимым. Он свято верил в то, что он – самый-самый, это очень мешало его личной жизни.

За Мишней Хейфецем закрепилась прозвище «Мень», отражающая количественный показатель (один мень, мегамень) так называемой хейфоединицы – единицы

суетливости. На станцию часто приезжал муж Эммы Азыковой доктор биологических наук Марат Токомбаев, который всегда просил объяснить ему, что же это такое хейфоединица. Для этого мы устроили небольшую провокацию из бывшей школьной жизни: вывинтили лампочку в камералке и вставили в патрон мокрую бумажку. Зашел Миша Хейфец, посидел с нами. Бумажка высохла, свет погас. Мы сидим и сетуем, что теперь придется свернуть работу. Миша не выдерживает, проверяет лампочку – не перегорела, долго щелкает выключателем. Приносит табурет, лезет в электрощиток. Потом приносит «когти» (где взял?) и лезет на столб. В итоге света лишилась вся станция и несколько частных домов. Миша Хейфец все делал только из самых лучших побуждений – помочь людям.

Невольно я сравнивал быт и общий климат на ЧЭНИСе в Геленджике и условия, в которых работали молодые ученые на Тянь-Шанской станции. Только сейчас я понимаю, насколько мудро поступал Рашид Джумалиевич Забиров, которого за глаза все называли «Дядей» («дядя, дядя пришел!», – кричали наши станционные дети, когда он приходил в гости к сотрудникам), давая полный «карт-бланш» своим подчиненным в области их научных интересов, постоянно заботясь об обновлении приборной базы станции и, по мере возможности, улучшая их бытовые условия. На Тянь-Шанской станции была создана удивительная «питательная среда», где как на дрожжах росли будущие кандидаты наук, пополняя «золотой фонд» географической науки в Киргизии.

И еще о директоре. Рашид Джумалиевич Забиров был очень увлеченным человеком. Во-первых, он фанатично был влюблена в рыбалку. Помню, что после туристической поездки на Кубу он вывез способ плетения круговой сети и ловил ей речную форель в водотоках Конурулленской межгорной котловины. Судаков и сазанов он вылавливал в затонах Тюпского залива, где специально прикармливав рыбу (чаще всего в Николаевском затоне). Когда здоровье не позволило ему продолжать полевые гляциологические исследования, он весь отдался делу сохранения иссыккульских пляжей в период резкого снижения уровня озера Иссык-Куль. В то же время он очень активно боролся с попытками переброски стока рек Сары-Джаса и Каркары в Иссык-Куль. Так местные чиновники от науки пытались остановить падение уровня озера, забывая о том, что водный баланс замкнутого водоема в аридной зоне является очень чуткой и тонкой системой. «Это вам не кастрюля, – говорил Р.Д. Забиров, – откуда можно отчерпать излишек воды». Дополнительное вливание могло привести к противоположному эффекту – подъему уровня озера и разрушению всей курортной инфраструктуры. Этим он очень досаждал водохозяйственным чиновникам, которые впоследствии нашли способ отплатить ему, сняв с должности директора станции и вкатив выговор по партийной линии за якобы нарушение финансовой дисциплины. Его «привинность» заключалась в том, что, желая подкормить сотрудников, он обменяв у киргизов старых выбракованных лошадей на коров и продавал мясо (через бухгалтерию!) всем работникам станции. Оказывается этим он «подорвал основы животноводства Киргизии».

После смены директора (им стал Бектур Орозгожоев по прозвищу «Коммунист», а впоследствии – Анатолий Диких) и отъезда большей части московской диаспоры на Большую землю станция разделилась на несколько конфликтующих группировок, утратила свои позиции как самостоятельное научное учреждение и постепенно пре-

вратилась в полевую базу Института геологии АН Киргизской ССР, куда были переданы научные единицы бывшего отдела географии. Развал научной и хозяйственной инфраструктуры станции довершила «перестройка» и выход Киргизии из состава союзных республик СССР. Остались очень хорошие воспоминания о прошлом и сожаления об утрате для научного географического сообщества России прямых возможностей изучения таких уникальных природных объектов как Иссык-Кульская котловина, озеро Иссык-Куль, сырты и ледники Северного Тянь-Шаня.

A.H. Кренке (старший)

Станция на Земле Франца-Иосифа

В Институт географии я поступил в декабре 1956 г. для участия в гляциологической экспедиции Международного геофизического года (МГГ). Это случилось через тридцать месяцев после окончания кафедры гидрологии суши в МГУ и двух с половиной лет работы на Научно-исследовательской биологической станции «Борок» на Рыбинском водохранилище, где директором был Иван Дмитриевич Папанин. Эта работа заслуживает отдельного рассказа, но именно она толкнула меня на участие в полярной экспедиции. Я просился у Папанина в Антарктиду, но он сказал: «Ты мне здесь нужен».

На Землю Франца-Иосифа (ЗФИ) мне предложил поехать родственник моей тогдашней соседки в Москве Григорий Александрович Авсюк – основатель гляциологической станции на Тянь-Шане, затем зам. директора по науке ИГАНа и глава Секции гляциологии Межведомственного геофизического комитета по МГГ.

Оказалось, что к этой экспедиции готовились ещё два моих сокурсника – В.Л. Суходровский (в качестве начальника) и М.Г. Гросвальд (геоморфолог и гляциолог) – оба из поколения участников войны. Нас собиралось всего 12 человек, в том числе 4 женщины – жена начальника, географ Нина Разумейко, ответственная за измерения температуры льда, Люба Воронина – техник-метеоролог, Татьяна Псарёва – геолог с задачей изучения петрографии льда и Нина Базанова – коллектор, жена очень важного для экспедиции бурowego инженера Льва Базанова, вёзшего с собой буровой станок. Заместителем начальника был картограф и геодезист Олег Виноградов. Я отвечал за гидрометеорологию и баланс массы ледников вместе с Вячеславом Маркиным, ответственным в первую очередь за тепловой баланс. С нами были буровой мастер Иван Пархоменко, механик Вячеслав Толмачёв, коллектор геолог Анатолий Зимников и повар из «Праги» Александр Карасёв.

Полгода заняла подготовка в Москве – обучение гляциологии, чтение литературы и сбор снаряжения. Например, я ездил в Волгоград за трактором, где потратил две недели на переговоры с заводом.

Земля Франца-Иосифа – самый северный архипелаг в российской Арктике, расположенный в ее западной части, ограничивая с севера Баренцево море. Его 191 остров (теперь после полного стаивания ледникового купола Перламутровый их стало 190) располагается между 79°46' и 81°52' с.ш. Площадь архипелага в 1952 г. была

А.Н. Кренке.

Рисунок А.Д. Арманда 1989 г.

равна, согласно аэрофотосъемке, 16134 кв. км, из которых 13735 кв. км (85%) составляли ледники. Наибольшую часть занимают ледниковые купола – отдельные или связанные ледяными же перевалами – и питаемые ими выводные ледники, выработавшие относительно глубокие долины и спускающиеся в море, где находятся наплаву и продуцируют айсберги. Кроме того, имеются маленькие присклоновые ледники, доходящие и не доходящие до моря. Самые крупные острова и ледники находятся на востоке и западе архипелага. Средняя часть, где находится острова Гукера, Хейса, Рудольфа раздроблена проливами – трогами древнего оледенения. Ледники подстилаются базальтовыми плато, излившимися на подстилающие их песчаники и известняки. Участки этих плато выходят на поверхность обычно у северо-западных берегов. Есть и довольно крупные равнины, поросшие мхом и лишайниками на островах Греэм-Бэлл и Земле Александры. Сквозь базальтовые плато и лёд выступает несколько базальтовых же скал, бывших жерл вулканов, например, скала Рубини на острове Гукера. Они заселены птичьими базарами – люриками, кайрами, чистиками, чайками и другими птицами. На островах селятся белые медведи, охотящиеся в море за тюленями. Мясом одного из них мы питались целую зиму. Кажется, тогда это не было запретной охотой.

Институт отправлял три экспедиции – кроме ЗФИ ещё на Новую Землю и Полярный Урал. Их сборами руководил Петр Огановский, вложивший в это дело колossalный труд. Мы оставляли дом на два года. За две недели до отъезда у меня родился сын, и согласие жены на мою поездку требовало большего героизма и усилий, чем от меня на саму зимовку.

Базой экспедиции должна была быть полярная станция Бухта Тихая на острове Гукера, где в 1913–1914 гг. зимовала пытавшаяся дойти до Северного Полюса экспедиция Г Я. Седова, а во время Второго международного полярного года экспедиция по руководством И.Д. Папанина. На том же острове работала экспедиция ААНИИ. Она построила там дом из бревен. Но прекратила работу с утратой интереса к околополюсным аэродромам с появлением межконтинентальных ракет. Ее материалы были затем рассекречены. Благодаря вкладу проф. П.А. Шумского, создавшего, в частности, теорию зон льдообразования на основе открытия механизма питания купола Чюрлениса «наложенным» вторично после лета замерзшим льдом, мы располагали ценнейшими научными архивами, широко нами использованными.

Из Архангельска мы отплыли 21 июля 1957 г. на пароходе «Немирович-Данченко». Из-за рождения сына я не участвовал в погрузке, но уже в пути читал лекции команде судна по истории исследований архипелага, задачах экспедиции и гляциологии. Надо сказать, что интерес был большой.

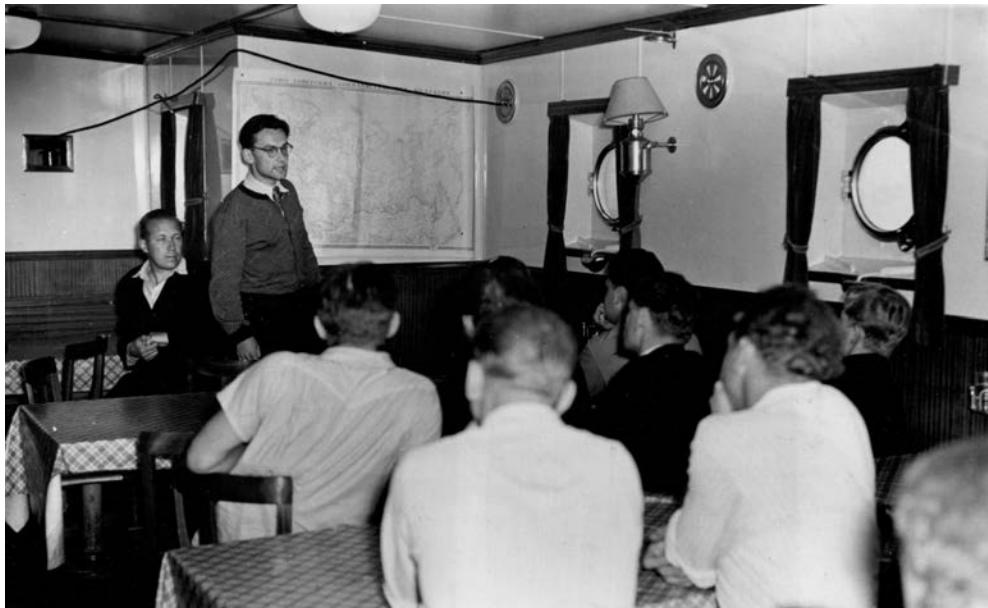
Уже через несколько дней появились плавучие льды и даже однажды видели на них белого медведя. Из-за льдов мы не доплыли 12 миль до берегов островов и

ждали помочи ледокола. Он подошел 28 июля и мы высадились вначале на остров Хейса, где с 1956 г. работала гидрографическая экспедиция, включившаяся в МГГ. Мы помогали в ее разгрузке и обследовали остров с небольшим ледниково-ым куполом, где М.Г. Гросвальд по свежим моренам сразу определил, что ледник быстро сокращается. Ведь купол едва достигал высоты летней границы питания – снежной линии. Мы заметили точно положение края. Вдоль прежних краев тоже тянулись морены и между ними текли ручьи, измерив расходы в которых мы оценили абляцию.

Шестнадцатого августа, покружив во льдах, «Немирович-Данченко» вошел в Бухту Тихую. Разгружались мы в ангаре, приготовленном во время МПГ-2 для цеппелина. При разгрузке камень порвал гусеницу у добытого мною трактора. Это означало, что мы не сможем до следующего лета поднять бревна и строить новый дом. Дом ААНИИ внутри сугроба залило талой водой почти под крышу, решили его откапывать – точнее постепенно вырубать. На помощь с Хейса нам прислали на несколько месяцев ездовых собак с каюром.

Все-таки до первого сентября мы вырубили место для четверых. Мы с Любой Ворониной начали метео- и снегомерные наблюдения, Олег Виноградов и Таня Псарева, пока не стемнело зимней ночью расставляли геодезические вехи и засекали их положение. В доме поставили печь. Встречали медведей и однажды в люке на крыше белые унты Олега я чуть не принял за медвежью лапу и чуть не выстрелил – хорошо, что «чуть».

Постепенно дом освобождался и туда приходило больше народу. Копали глубокий шурф для изучения петрографии льда. Наверх подняли буровой станок и отобрали керн до ложа на глубине 150 м. Склады и баню строили из снежных кирпи-

Лекция для команды судна.

Берег бухты Тихой.

чей, поставили в таком же доме дизельный генератор. Зимней ночью обходили вехи, смотрели дома кино, читали телеграммы из Москвы.

С приходом света работы стало больше. Внизу, у конца ледника Седова, М.Г. Гросвальд и Толя Зимников выстроили себе домик из досок, организовав там вторую метеостанцию. Время от времени рыли шурфы. Со светом начались маршруты. В зоне аблации вели съемку структуры льда, в том числе в обрывах. Самый интересный маршрут был на соседний Купол Джексона, сложенный фирмом и поэтому более теплый, так как талая вода замерзала в фирне. Работали мы там вчетвером с Маркиным, Базановым и Виноградовым. Прорыли шурф на 15 метров и предсказали таяние на ложе. Наша статья о куполе Джексона появилась уже в 1961 г. на английском языке и получила широкий отклик.

Вторым летом к нам наверх поднялся новый трактор. Выстроили еще два дома из бревен – один для семей Суходровских и Базановых. Другой для дам – Ворониной и Псаревой. Жить стало свободнее – реже спускались в Тихую, больше времени оставалось для работ у краев и за пределами ледников. Новыми были карты структуры ледников, которые делал М.Г. Гросвальд. Ну, а на следующее лето нас через Диксон доставили в Москву. Началась обработка данных. Мы выпустили 10 томов первичных материалов и монографию «Оледенение Земли Франца-Иосифа».

Острова вновь привлекли внимание гляциологов в начале 2000 гг. в связи с газово-нефтяной лихорадкой на шельфе и спорах о его разделе между странами. А.Ф. Глазовский и Ю.Я. Мачерет организовали обработку космических снимков 2001 г. и радиолокационных данных толщины 26 куполов в 1994 и 2004 гг. (Оледенение Северной и Центральной Евразии в современную эпоху. М.: Наука, 2007. 481 с. Коллектив авторов под ред. В.М. Котлякова). Оказалось, что за счет таяния ледни-

Злополучный трактор.

База экспедиции со стороны метеоплощадки.

ков площадь оледенения и, следовательно, изучаемого архипелага сократилась за 50 лет на 375 кв. км. Максимальная толщина льда была зафиксирована на о. Грэм-Белл и оказалось равной 450 м. Объем льда по новой оценке сократился на 5 куб. км, что примерно вдвое превышало нашу оценку сокращения на основании данных о скорости движения выводных ледников. По словам Андрея Глазовского, работающего сейчас в Баренцевом море, в том числе в связи с айсберговой угрозой Штокмановскому месторождению, наши материалы оказались очень полезными для практики, так же, как и материалы Новоземельской экспедиции. Важным оказался наш вывод о росте ледников и интенсивности их питания на юго-востоке архипелага, в противоположность Новой Земле, находящейся по другую сторону арктического фронта.

Земля Франца-Иосифа, открытая австрийской экспедицией только в 1874 г., исследовалась полярниками многих стран, что отражено в ее географической номенклатуре. Об истории ее исследования можно прочитать, например, в книге В.А. Маркина «В стране ледяных куполов» (АН СССР, 1963, 162 с.), где написано и о нашей экспедиции.

A.B. Дроздов

На Курском стационаре

В самом начале 1960-х годов, в Центрально-Черноземном государственном заповеднике и в его окрестностях развернулись комплексные многолетние физико-географические работы – был создан новый стационар Института. Заповедник расположен в Курском районе Курской области. Курским стал называться и стационар.

Все началось с организации режимных гидрологических наблюдений на специально построенных экспериментальных водно-балансовых площадках. Инициатива их создания принадлежала М.И. Львовичу, заведовавшему в Институте отделом гидрологии (см. выше очерк Н.И. Коронкевича). Затем в исследования включились сотрудники других отделов.

Стационар стал приобретать характер, присущий Тянь-Шанской станции в пору ее расцвета. Но имелись и существенные отличия. Первое заключалось в заранее заданной четкой тематической направленности курсских исследований – изучение балансов вещества и энергии в лесостепных ландшафтах, характеризующихся, согласно концепции Григорьева–Будыко, оптимальным соотношением тепла и влаги. Второе состояло в том, что территория заповедника, в отличие от долины Чон-Кызыл-Су, где располагалась Тянь-Шанская станция, давно и глубоко изучалась ботаниками, почвоведами, зоологами – там работали такие классики-натуралисты как В.В. Алексин, А.А. Роде, Е.А. Афанасьев, Г.И. Дохман, К.В. Арнольди и другие. Уже были опубликованы фундаментальные монографии и десятки статей. Достаточно серьезным уровнем выделялись научные труды сотрудников заповедника.

На этом фоне нашему Институту нужно было разрабатывать и осуществлять оригинальные научные программы – вести экспериментальное изучение процессов об-

мена веществом и энергией между компонентами лесостепного ландшафта, ставить новые задачи, совершенствовать методы исследований, предлагать новации. С этой целью в работы на стационаре руководство Института вовлекало его молодых и активных сотрудников, стремящихся участвовать в разработке новых направлений исследований и выстраивать свою научную карьеру, опираясь на результаты реализации оригинальных программ. С этой же целью к работе на стационаре в качестве научных руководителей были привлечены опытнейшие сотрудники Института.

Впервые я увидел заповедник в марте 1964 года. В составе небольшого отряда меня командировали на снегомерные работы. Проводились маршрутные и площадные съемки в дубравах и на открытых степных участках. Эти участки именовались непривычно – степь некосимая, косимая и выпасаемая. Как они различались ботанически и в других отношениях, я увидел и узнал только летом. Но по структуре и мощности снежного покрова и по глубине промерзания почвы они различались разительно. Существенными были различия и по элементам мезорельефа – крутизне и экспозиции склонов.

Так началось мое послевузовское обучение на Курском стационаре (в отдел физической географии нашего Института в качестве стажера-исследователя я был зачислен в августе 1963 года после окончания географического факультета МГУ).

Совещание экспертов – цели и программа будущего стационара обсуждаются непосредственно в заповеднике. Слева направо: Ю.Л. Раунер, А.П. Гальцов, А.И. Будаговский, Д.Л. Арманд, Л.Н. Соболев, М.И. Львович и другие участники.

Обучение продолжалось и в последующие годы – я стремился узнать какими методами, какие задачи решали основные тематические группы, работавшие на стационаре, какие были получены результаты. Групп было много. Кроме уже упомянутых гидрологов работали климатологи, ботаники, почвоведы, зоологи, геохимики, геоморфологи, картографы. Потом появились специальные группы, занимавшиеся дистанционными исследованиями, моделированием и др. В каждой из этих групп я проводил немало времени, в меру возможностей участвуя в выполнении простых наблюдений и заданий, не требовавших сугубо специальной подготовки.

Моя всеядность первых лет работы на стационаре объяснялась двумя обстоятельствами. Во-первых, сочетанием присущего моему характеру любопытства со свободой, предоставленной мне моим непосредственным руководителем и научным руководителем всего стационара Давидом Львовичем Армандом. Во-вторых, перспективной задачей, поставленной Армандом – найти собственную тематическую нишу и постараться сделать ландшафтные исследования на стационаре адекватными содержанию и уровню компонентных.

Тут нужно заметить, что присутствие и совместная работа на стационаре многих специалистов разного профиля – это всегда замечательная возможность взаимного обучения. В нашем случае этому способствовало и тесное пространственное сосредоточение объектов наблюдения – площадь Стрелецкого участка заповедника, где располагались база стационара и большинство опытных площадок, составляла всего лишь около 5 тыс. гектаров. Примерно половина приходилась на дубравы, половина – на степь.

Строгий заповедный режим тоже вынуждал нас к комплексности и взаимодействию. Преданный природоохранному делу, опытный директор заповедника Алексей Михайлович Краснитский внимательно следил за сохранностью территории.

Опыты по определению скорости разложения опада.

На все виды работ, связанных с нарушением растительного покрова и почвы, требовалось его особое разрешение. И если уж кто-то получал возможность выкопать почвенный разрез, об этом узнавали все и старались использовать его максимально. Почвоведы с геохимикиами делали описания и брали образцы, гидрологи исследовали водно-физические свойства почвы, ботаники определяли распределение и массу корней, зоологи занимались определениями почвенной фауны. И все – в одном разрезе. Иногда, по техническим причинам представители не всех, а лишь двух-трех тематических отрядов могли успеть обработать такой разрез. В этом случае они сами старались выполнить весь комплекс работ. Естественно, это требовало специальных навыков и оказывалось возможным благодаря взаимному обучению.

В период максимальной активности полевых работ вместе со студентами, выполнявшими роли лаборантов и коллекторов, на стационаре собиралось до ста человек. Действовала общая столовая, обустраивался палаточный лагерь. Этим большим лагерем управлять было непросто. У всех отрядов были свои особенности режима работы, свои сроки приездов и отъездов на другие объекты исследований, свои бюджеты. Нужно было тщательно планировать снабжение стационара продуктами, оперативно управлять работой экспедиционных автомашин. Всем этим с большим или меньшим успехом и изобретательностью занимался зам. руководителя стационара. Некоторые забавные детали запомнились. Так, Валерий Барымов, много лет выполнявший обязанности зам. руководителя стационара, еженедельно выдавал начальникам отрядов листок для расчетов. Питание в столовой там изменялось в «едоднях», а если сотрудник отряда кормился неполный день, то и в «едо-разах». Удивительные термины. Но мы привыкли к ним. Возможно, потому, что были хорошо осведомлены о колхозных трудоднях.

К вечеру, часам к восьми, основные полевые работы и ужин закачивались. Да-вид Львович Арманд, Владимир Маркович Фридланд, Юрий Львович Раунер, Юрий Иванович Чернов, Леонид Николаевич Соболев, Александр Моисеевич Грин, приезжающие на стационар коллеги из других стран выступали перед нашей пестрой аудиторией с докладами, лекциями, рассказами. С ними всегда можно было поговорить, спросить у них совета, обсудить насущную проблему. Наша жизнь в эти месяцы отчасти напоминала летние полевые школы. Во всяком случае, для любознательных людей возможности обучения она открывала богатые. Плодотворной она была и для заинтересованных студентов.

Но случались и курьезы «обучения». Некоторые студенты, не обнаруживающие должного внимания и исполнительности, к ответственным работам не допускались. Один из таких студентов, с запоминающейся фамилией Шпиякин, никак не мог смириться с такими ограничениями. Полагая себя несправедливо дискриминированным, он старался незаметно подглядывать за проведением работ, от которых его отстраняли, а потом самостоятельно и довольно неуклюже проделывать нечто подобное – чтобы собрать собственный ценный полевой материал и прославиться.

Моя палатка стояла на краю лагеря, на небольшом удалении от основного поселения. И вот однажды среди ночи я проснулся от странных звуков. Обычныеочные звуки леса мне были хорошо знакомы. Эти же ни на что не были похожи. Пришлое вылезти наружу. Увидел я того самого Шпиякина, утаившего у зоологов энтомологический сачок, и усердно, как метлой, этим сачком скребущего по траве вокруг моей палатки. Оказалось, он слышал разговор зоологов об укусахочных насекомых и решил отличиться.

Уникальная целинная луговая степь и сформировавшиеся под ней черноземы привлекали в заповедник множество коллег и служили постоянным объектом научных экскурсий и учебных практик. В степи и в дубраве для этих целей существовали стационарные демонстрационные площадки и большие почвенные разрезы. Их посещали и студенты, и профессиональные исследователи. Часто появлялись иностранные коллеги, особенно по случаю проведения международных конференций и семинаров. Помню визиты делегаций, связанные с Международным почвенным конгрессом. В его организации активно участвовал наш Институт. Поэтому перед

проводением экскурсии участников этого конгресса к нам на стационар специально приехал Виктор Оганесович Таргульян. Он признался, что прежде не описывал черноземы и захотел посмотреть демонстрационные разрезы. Мы вместе пошли в дубраву и подвели его к разрезу. Тут он попросил оставить его одного и зайти за ним через час. Приходим и видим – он сидит на краю разреза и смотрит на его трехметровую стенку. Оказалось, он еще не спускался в разрез и объяснил нам, что перед тем, как начать описание, ему необходимо получить достаточно глубокое эмоциональное впечатление от визуального постижения новой для него почвы. Потом, уже при нас последовал классический подробный осмотр стенки с ее ковырянием, взятием образцов, описанием. Это был необычный и полезный для нас урок – нам предлагалось научиться смотреть, проникаться увиденным и осмысливать его прежде, чем прикоснуться к объекту изучения.

На стационаре я работал почти десять лет. Это были насыщенные, интересные годы. С первых месяцев, когда я в роли начальника ландшафтного отряда, состоявшего всего из двух человек – Д.Л. Арманда и меня – очутился в заповеднике, началось интенсивное обучение. Друзья-коллеги сначала надо мной посмеивались. Ну и отряд – руководитель стационара да один сотрудник, лаборантов нет, собственной программы не видно. Но со временем, осмотревшись, программу мы придумали, сотрудников и лаборантов в отряде появилось достаточно. А немного погода в наши дела оказались вовлечены почти все отряды стационара.

Множеству самых разных вещей я учился у Давида Львовича. Способу рассчитывать суммы прямой солнечной радиации, приходящей на склоны разной крутизны и экспозиций. Соответствующую формулу он вывел сам, просидев над тригонометрическими выкладками несколько часов и приговаривая «люблю эту волшебницу тригонометрию». Составлению карт экспозиций и уклонов по топографическим картам. Изготовлению схемы расположения аэрофотоснимков на территории стационара в виде складной книжечки, которую можно положить в полевую сумку или в карман, а вынув – не перелистывать, а раскрыть сразу в нужном месте, получив изображение территории в нужном формате: от А5 до А3. Учился пониманию принципов размещения полезащитных лесных полос. Умению читать эрозионный рельеф по картам и различать все его естественные и антропогенные формы в поле. Тогда же я узнал, что усвоенное еще в школе объяснение В.В. Докучаева насчет происхождения балок из оврагов – ошибочно.

Памятны научно-житейские уроки Давида Львовича, их характерные простота и рациональность. Обычно они были нацелены на снижение моей «младенческой пафосности». Часто это были короткие комментарии к типическим ситуациям, хорошо запоминающиеся благодаря их отточенной, нередко афористической форме. Так, однажды застав меня среди ночи за составлением подробного проекта резолюции чуть ли не всесоюзного совещания по проблемам стационарных исследований, Давид Львович мягко посоветовал мне закругляться поскорее и отправляться спать. «Саша, – сказал он мне – резолюции, как покойники: все очень беспокоятся пока их выносят и успокаиваются когда вынесут».

Научился я и подделывать подпись Арманда – по его же просьбе. Однажды ребята в выходной день собирались съездить в город, чтобы посмотреть какой-то фильм. Составили нужную петицию. Недоставало только подписи руководителя стацио-

нара. Я, как начальник отряда, пошел к Давиду Львовичу. Он в этот момент стирал в казенном цинковом тазике свою одежду, его руки были по локоть в мыле. Внимательно посмотрев на меня, Давид Львович спросил: «Вы еще не научились изображать мою подпись?» Увидев мое смущение, добавил: «Пожалуйста, научитесь и с такими пустяшными бумагами ко мне не приходите».

Постоянно что-то новое, подчас весьма неожиданное, я узнавал у моих коллег. Помню, едва мы в июне 1964 г. встретились с приехавшим не месяц ранее моим однокурсником и тоже стажером-исследователем нашего Института Романом Злотиным, как он показал мне баночку, полную очень мелкой коричневатой крупы или порошка. Это были экскременты зеленой дубовой листовертки. Весенние вспышки численности этого листогрыза создавали совершенно особый не только световой, но и геохимический режим развития нижних ярусов дубравы, особенно напочвенного покрова. Это выяснилось позже, как и особенности пространственного размещения очагов скопления листовертки, циклы развития, роль в общем продукционном процессе. А сначала была догадка, возникшая после того, как поставив раскладной столик под деревом, Роман наутро увидел на нем тонкий слой какого-то порошка. Сообщив его происхождение, Роман предположил, что тема заслуживает специального исследования. И оказался прав.

Благодаря Леониду Николаевичу Соболеву и его сотрудникам я на конкретных примерах почувствовал ценность шкал Раменского, столь органичных мышлению физико-географа, интересующегося анализом факторов ландшафтного разнообразия. Правда, одна из шкал и ее использование меня смущали. Это была шкала шороха от уковов и поскребывания профиля почвы ножом. Леонид Николаевич, отвернувшись, тыкал почвенным ножом в стенку разреза. Он последовательно смешал места уковов сверху вниз на несколько сантиметров и повторял это движение несколько раз. Всякий раз он говорил помощнику, записывающему эти определения – широк три, широк пять и т.д.

Очень расширяло кругозор общение с Владимиром Марковичем Фридландом, причем отнюдь не только в вопросах почвоведения. Иногда, как будто бы мимоходом, в нескольких коротких фразах он делал замечания, касающиеся нашей текущей работы. Они были всегда точными и очень полезными. Другой раз он мог затронуть, на первый взгляд, случайную тему. Но вскоре вы понимали, что замечание адресовано вам ничуть не случайно, а потому, что Владимир Маркович внимательно следил за нашими работами и не только на стационаре, знал наши интересы. Так однажды он упрекнул меня за недостаточно продуктивное сотрудничество с немецкими коллегами. «Почему Вы до сих пор не подготовили обзор современных представлений географов из немецкоязычных стран о ландшафтах, задачах и методах их изучения?» – спросил он меня. И добавил: «Ведь Вы знаете немецкий язык». Упрек был справедливым. И я вскоре такую статью-обзор опубликовал.

В последние годы моей работы на стационаре появилась Наталия Ивановна Базилевич. Ее энергия и темперамент настигали почти каждого из нас. Она интересовалась всеми делами, вникала в наши программы и придумывала неожиданные задачи. Однажды заявила, что будет сжигать червей и анализировать золу, чтобы оценить вклад их немалой массы в химизм почвы. Червей мы, конечно, наловили. Но ведь в каждом червяке полно съеденной им органики, значит просто сжигать их

нельзя, зола получится не та. Я придумал способ очистить червяков от содержащего их пищевого тракта – пустил их поплавать в банке с водой. Червяки наглотались воды. И тогда я стал их осторожно доить. Все получилось. Наталия Ивановна была довольна.

В это время она занималась редактированием очередной монографии о биологической продуктивности фитоценозов разных природных зон. Среди авторов было несколько наших сотрудников – «курян». И с каждым она дотошно выясняла все детали их текстов. Школа эта была весьма полезна. К тому же, мы получили урок организации коллективной работы и конструирования структуры сложной книги, определения вклада всех участников, оформления рукописи и т.п.

Чрезвычайно интересным для меня было понимание некоторых механизмов межкомпонентных связей.

В начале этого очерка я упоминал о результатах мартовской снегосъемки. Съемка выявила характерный снежный сугроб на балочных склонах северной экспозиции, возникающий в результате метелевого переноса снега преобладающими зимой ветрами южных румбов. Оказалось, сугробы на этих крутых склонах, тающие гораздо дольше, чем снег на вышележащих склонах, служат некоей «броней», защищающей почву как от весеннего размыва, так и от накопления мелкозема, транспортируемого весенними потоками поверх снежной «брони». По-видимому, это явление объясняет некоторые особенности почвенного профиля северных балочных склонов, обнаруженные, но не истолкованные почвоведами.

Механизмы трансформации растительного покрова на степных участках с абсолютно заповедным режимом и результаты этой трансформации, охарактеризованные ботаниками и дополненные климатологами – классический, широко известный пример межкомпонентных связей, с которым знакомится каждый новичок, приехавший в заповедник. Понимание этого механизма позволило коллегам, исследовавшим заповедник еще до организации нашего стационара, достаточно четко сформулировать один из парадоксов заповедания Стрелецкой степи. Он заключается в том, что полностью исключив всякое антропогенное воздействия на эти участки, заповедав их, человек спровоцировал ускоренную сукцессию. Поэтому, в целях поиска наилучшего способа сохранить степь в заповеднике были введены три режима, получившие довольно неуклюжие названия – некосимый, косимый и выпасаемый. Два последних должны были воспроизводить прежние условия жизни фитоценозов Стрелецкой степи, где владевшие этими землями стрельцы косили сено и пасли лошадей. А ранее, до их истребления человеком, здесь паслись стада тарпанов. Теперь можно сказать, что опыт удался. Его эффект изучали и наши гидрологи, ботаники, зоологи. Этот опыт исследуется и теперь. Сейчас на некосимых участках не только существенно изменился травостой, но появились многочисленные кусты, дикие плодовые деревья и молодые дубы. Стало быть, заповедать территорию не всегда означает сохранить ее природу.

Лучше других степных участков сохранились те, где был введен режим периодического сенокошения. Его сроки и способы были максимально щадящими. Нужно было начинать покос не раньше, чем созреют семена многих растений и чем поднимутся на крыло птенцы гнездящихся на земле птиц. И не всюду разрешалось применять сенокосилки. Поэтому в пору сенокоса в заповеднике появлялись бри-

гады косцов. Они ночевали в степи, в традиционных балаганах. Косить выходили на заре, по росе. Это были пожилые, опытные косцы. Вот только их песен, о которых мы читали у Бунина, я не слышал ни разу.

Было, правда, другое яркое впечатление – тоже как будто бы из прежней российской жизни. Однажды на заповедной степной дороге я встретил бричку с тентом, запряженную красивой кобылой. Бричкой правил пожилой цыган во френче, в фуражке, с аккуратной седеющей бородой. Он спросил меня:

– Куда ведет эта дорога?

– На кордон заповедника, – ответил я и добавил, – там Вас могут задержать за нарушение режима заповедника.

Цыган помедлил и с достоинством ответил мне:

– Я свободный человек, никто не может меня задержать.

Заповедная степь и вправду внушала ощущение простора и свободы. Эту свободу подспудно я чувствовал и раньше, но в тот раз осознал вполне отчетливо.

Нужно заметить, что долгая работа в каком-либо месте эмоционально привязывает человека к этому месту. Оно становится милым сердцу, начинаешь замечать выразительные детали, надолго остающиеся в памяти. Такие выразительные детали я встречал в дневниках лесников заповедника. Им полагалось вести записи погоды, встреч с животными, примечательных событий и явлений. Вот два запомнившихся примера. В них почти японский лаконизм и поэтичность: «Выскочил заяц и скрылся за горизонтом лога...», «Было тихо и казалось вот-вот пойдет снег...»

Долгое пребывание на стационаре – в данном случае в заповеднике – дает вам еще одну возможность, которой вы лишены во время более кратких экспедиционных работ. Вы можете довольно близко познакомиться с интересными людьми, которых всегда немало в заповедниках. Можете почти изнутри наблюдать жизнь этого микрокосма, со всеми его характерными особенностями. С человеческими страстями, с разнообразием человеческих типов. С сумасшедшими и с барыгами, со своеобразными отшельниками, просто с людьми уникальной судьбы и редких качеств.

В заповеднике многие из нас познакомились и подружились с Владимиром Казимировичем Герцыком. Бывший главный лесничий, уже дав-

Определение массы и структуры корневой системы модельного дерева.

но пенсионер, доброжелательный и деликатный, он всегда живо интересовался новой жизнью, которую мы, по его мнению, олицетворяли. До 1917 года его семья владела небольшим особняком в Судаке. Частым гостем того дома был Максимилиан Волошин. А одна из дочерей Владимира Казимировича – Аделаида Герцык, очень рано умершая – была известным поэтом, Волошин ее ценил и поддерживал. Другая, Вероника Владимировна, работала в научном отделе заповедника. В доме Герцыков хранились акварели Волошина, книги с его автографами, был проигрыватель и хорошая коллекция пластинок. Мы ее старались пополнять. А вечерами собирались за чаем – с разговорами и с музыкой.

Работа на стационаре, в отличие от экспедиционной, позволяет узнать не только человеческий микрокосм, но также и природу места понять полнее, сжиться с ней, помогает находить неожиданные темы для наблюдений.

Так было и с задачей, поставленной мне Д.Л. Армандом. После нескольких сезонов, проведенных вместе с коллективами разных тематических отрядов, после составления ландшафтной карты, правда, не вполне традиционной, а так сказать факторной, после выполнения нескольких частных задач (например, определение динамики продуктивности травостоя и влажности почвы в основных фациях дубрав и степи) – сама собой возникла тема, лежащая на поверхности.

Эта тема – связь морфологии и функционирования лесостепного ландшафта. В течение двух вегетационных периодов на трансекте через бассейн степной балки, на опорных площадках и на равномерно расположенных между ними многих точках описаний были выполнены градиентные тепло-балансовые, водно-балансовые, почвенные и почвенно-зоологические, ботанические, геоморфологические и другие измерения и описания.

В работе участвовали практически все основные отряды стационара. Привлечь их к этой работе, несмотря на дружеские отношения, было не очень просто – ведь от коллег требовалось выполнить серию, так сказать, вспомогательных наблюдений. Общая цель при этом могла их и не очень интересовать, особенно на первом этапе. Условием участия была возможность, по крайней мере, половину ресурсов времени и средств тратить на решение собственных исследовательских задач, а половину на выполнение общей программы. Мой опыт участия в коллективных междисциплинарных исследованиях убедил меня в целесообразности таких отношений. Тем более, что с течением времени у коллег появляется желание воспользоваться возможностью сопоставлений результатов своих и результатов смежников, возникают новые взаимные интересы. Доступность материалов, полученных всеми отрядами, также была условием участия в этой работе.

Собственно ландшафтоведческий результат по тому времени получился достаточно интересным. Оказалось, что фациальная структура водосбора степной балки далеко не соответствует пространственному разнообразию параметров ландшафтного массо-энергообмена. Число фаций, выделенных по характеристикам литологии, рельефа, почвенного и растительного покрова, заметно превышало число ареалов, существенно различающихся сочетаниями параметров теплового и водного балансов, биологической продуктивности и геохимических параметров. Было сформулировано и объяснение, основанное на специфике функционирования фитоценозов лесостепной зоны.

Фундаментальные результаты работ стационара.

Постепенно территория заповедника стала мне и моим коллегам знакома в подробностях, были получены довольно длинные ряды наблюдений. Для многих из нас наущной стала потребность выхода на более обширные пространства, потребность территориальных сопоставлений. К сожалению, серьезной программы, которая позволила бы осуществить эту потребность, не появилось. Вероятно, потому, что Давид Львович, понимавший наши устремления, оставил пост руководителя стационара. Но и потому, что гидрологи, возглавившие стационар после ухода Д. Л. Арманда, а затем и Ю.Л. Раунера, были слишком привязаны к своим «недвижимым» стоковым площадкам, испарителям и т.п. Климатологи без Раунера утратили интерес к стационарным работам, сравнительно-географические сопоставления тепло-балансовых данных их тоже не привлекали. Словом, сочетание объективных и субъективных обстоятельств привело к снижению активности исследований прежнего типа. Кстати сказать, с такой ситуацией приходилось сталкиваться участникам работ и на других географических стационарах – их исследования постепенно

с неизбежностью становились рутинными, люди теряли интерес, нужно было держать паузу и придумывать что-то новое.

Таким новшеством для нашего стационара в середине 1970-х гг. стало включение в программу исследований различных проблем социально-экономического развития Курской области. Эти работы, пожалуй, нельзя называть стационарными в том смысле, каким это слово было наполнено прежде. Но в них эффективно использовались результаты, полученные за предшествующие годы классических стационарных исследований. Одним из итогов поворота стала «Территориальная комплексная схема охраны природы Курской области»¹, изданная в виде книги с серией разнообразных карт природного и социально-экономического содержания. Возникла и еще одна новая тема – геосистемный мониторинг. Она была более органично связана с предшествующими исследованиями. Но объектами мониторинга стали не только природные, но и природно-антропогенные геосистемы.

Вся эта новая тематика получила и новое рамочное название – исследования по программе «Курская модельная область». Однако описание этого и последующих этапов жизни стационара требует отдельного очерка.

Но один результат расширения тематики работ упомянуть хотелось бы. Тем более, что этот результат заключает в себе и социальное, и естественнонаучное содержание.

По соседству с территорией заповедника располагались поля тогдашней зональной сельскохозяйственной опытной станции. Таких станций в стране было довольно много. Их задачи были преимущественно агрономическими – испытывать новые подходящие для зоны и региона сорта сельскохозяйственных культур и подбирать соответствующие агротехнические приемы их возделывания.

Курской зональной станцией руководил милейший человек по фамилии Орлов. Во время войны он служил высокопоставленным интендантром – ему, в частности, пришлось обеспечивать питанием участников Потсдамской конференции. Это был хлебосольный хозяин. Мы сотрудничали с научным отделом станции. И когда к нам на стационар приезжали именитые гости, мы просили директора станции показать свои владения и устроить нам «полевой обед». Вот во время одного из таких обедов мы узнали о продолжающихся на станции опытах по решению агрономических задач в духе идей Трофима Денисовича Лысенко – любимого учителя директора станции. Эти опыты директор проводил сам, никого не принуждая в них участвовать и никому не мешая заниматься своим делом.

Первый многолетний опыт проводился с кукурузой. Директор мечтал сделать ее морозустойчивой. Для этого он с осени мучил проростки растений в термостатах при температуре, близкой к нулю или слегка отрицательной. А потом, в конце зимы высаживал их в открытый грунт. И делал это всегда в один и тот же день – 23 февраля. Он был уверен, что в этот высокочтимый им день Красной Армии проростки будут чувствовать себя очень хорошо. Опыт не был успешным, но директор не сдавался.

---

¹ Территориальная комплексная схема охраны природы Курской области: географические подходы // М.: Институт географии АН СССР. 1987. 212 с.

Фундаментальные результаты работ стационара.

Второй опыт имел целью сделать колос пшеницы похожим на метелку костра безостого. Это здорово повысило бы ее продуктивность. Способ предлагался простой – оплодотворять цветущую пшеницу пыльцой костра. Опыт тоже не удавался, но директор не оставлял попыток.

Обеды всегда сопровождались рассказами директора об этих опытах. После рассказа о втором опыте гости вначале обычно выражали удивление и недоумение, начинали разговор о генетике и видеообразовании. Директор слушал их снисходительно. А потом брал со стола стакан и спрашивал: «Кто сможет его собрать снова после того, как я разобью его вдребезги, на мельчайшие гены? – и продолжал. – То-то же, вот и из ваших генов нельзя собрать растение». На этом дискуссия заканчивалась.

Нужно сказать, наследие Лысенко обнаруживалось на станции не только в опытах директора. Там росли своеобразные лесополосы, давно посаженные квадратно-гнездовым лысенковским способом. Они имели странный вид – это были куртины невысоких деревцев, напоминающих порослевые дубовые кусты в недавно вырубленных байрачных лесочках. Об этих куртинах Давид Львович Арманд, знаток полезащитных лесных полос, говорил: «Не хотят самоизреживаться по заветам Трофима Денисовича».

Для наших молодых сотрудников эти застолья с директором станции были поучительны в двух аспектах. Во-первых, демонстрацией естественнонаучной несостоительности лысенковских идей. Во-вторых, демонстрацией их социальной при-

роды – ведь добрейший директор не имел серьезного образования. На необразованных людей опирался Лысенко, опираются и ныне «ученые» шарлатаны и бессоставные начальники.

* * *

Последние два с лишним десятилетия жизнь стационара была малозаметной на фоне других институтских дел. Стационар выехал из заповедника и разместился рядом с его южной границей, на территории ракетной базы, оставленной военными. Доставшиеся Институту обширные помещения и землевладение сейчас представляют собой значительный капитал и потенциально могут послужить возрождению прежней активности стационара. Но уже с новыми программами и применением новых технологий. Один из возможных новых сюжетов – изучение динамики ландшафтов области в условиях глубоких и повсеместных хозяйственных и социальных перемен, охвативших сельскую местность, пригороды и города страны.

Но для успешного оживления нашего стационара кроме новых программ и оборудования нужны еще молодые, активные, заинтересованные сотрудники. Нужны их солидарные усилия, как это имело место в первое десятилетие жизни стационара.

O.A. Леонтьева

Стационар на Валдае

Наша жизнь

Новый стационар Института географии РАН возник на Валдайской возвышенности в 1973 г. Этому предшествовали обстоятельные поиски места. Цель была в том, чтобы в лесной зоне Европейской части России найти коренные малоизмененные леса. Начали с Тверской области, с Центрально-лесного заповедника. База для исследований хорошая – кроме работ самого заповедника еще многолетние исследования Ботанического института. Но леса в основном заболоченные, вторичные мелколиственные. Двинулись дальше на северо-запад. Валдайская возвышенность привлекла разнообразием биотопов, растительных сообществ конечно-моренного ландшафта. Особенно поразили ельники с огромными деревьями, до нескольких метров в обхвате. Нашли и место для организации стационара – заброшенный дом лесника на р. Валдайка в двух километрах от оз. Валдайское. Удобно: почти в центре лесного массива, а в то же время недалеко от транспортных путей – шоссе и катер, ежедневно курсировавший по озеру к г. Валдай. Ребят не смущило отсутствие электричества и других благ цивилизации. В дальнейшем это обстоятельство только подстегивало исследователей к фантазии изобретения оборудования и приборов для изучения разных особенностей экологии животных и продуктивности растительных сообществ.

«Великолепная тройка» руководителей возникла очень быстро. Сначала игановцы М.В. Глазов (Миша) и А.А. Тишков (Аркаша), потом присоединился Н.В. Чернышев (Коля) с биологического-почвенного факультета МГУ. Они были ровесниками, не-

Основной дом. Вид со стороны кухни.

давно окончившими биофак, к тому же кружковцами (ВООП и МОИП). Миша и Аркадий прошли школу Курского стационара и уже твердо представляли, что нужно делать. Между руководителями установилось четкое разделение обязанностей. Миша был официально начальником экспедиции с бесконечным оформлением бумаг на выезд (командировок, смет, приказов, документов на автотранспорт), приобретением приборов и оборудования для вывоза на стационар, ответственностью за проведение намеченных работ, руководством рабочего коллектива. Он же инициировал и руководил почти всеми зоогеографическими исследованиями. Аркадий, геоботаник по образованию, отвечал за этот сектор исследований. А Коля, выпускник и сотрудник кафедры зоологии позвоночных, руководил исследованиями по экологии мелких млекопитающих и пресмыкающихся.

Валдай в моей жизни возник в 1973 году, спустя полтора года после нашей свадьбы с Мишой и три года после моего поступления на биофак МГУ. В то лето я была уже на сносях, носила под сердцем нашего старшего сына. В таком виде я и поехала в экспедицию, чтобы собирать материал на курсовую работу. Место проведения исследований определилось автоматически с возникновением стационара на Валдае. А тему мне предложил Миша. Он вообще был моим научным руководителем все годы учебы в университете. Руководство осуществлял также строго (а может быть и еще более придирчиво) как и другими членами экспедиции. Никаких скидок на мое положение не делал.

Именно Миша предложил мне заняться земноводными. Мало было охотников изучать этих холоднокровных. Но они были интересны как объект исследования: консументы высших порядков, многочисленные и доступные для наблюдения. Я начала с изучения населения земноводных на небольшом верховом болоте, в 1,5 км от стационара за речкой Валдайкой. Целые сутки я проводила на болоте, изучала видовой состав, численность, размерно-возрастную структуру популяций лягушек и жаб, характер питания, особенности поведения, проводила микроклиматические исследования. С тех пор повелось называть это болотце «Ольгино». Позже ребята решили «раздробить» это болото, а потом и соседнее более крупное – изучить все компоненты биоты и особенности функционирования всей экосистемы. Занялись изучением растительности, беспозвоночных, пресмыкающихся (живородящей ящерицы и гадюки), птиц, мелких млекопитающих.

Для меня всталась проблема с мечением амфибий. Раньше их метили отрезанием пальцев. Но пальцы очень быстро снова отрастали. Стали экспериментировать. Делали метки на коже методом теплового и холодового выжигания, но они исчезали еще быстрее. Наконец придумали полиэтиленовые этикетки с выколотыми на них номерами, и пришитые леской сбоку к нижней челюсти. Проверили в террариуме. Они не мешали при передвижении и охоте.

Одновременно я изучала земноводных и в других биотопах: в разных типах ельников и сосняков, где численность амфибий была гораздо ниже. Многолетние стационарные исследования в дальнейшем позволили перейти на другой уровень обоб-

Сидят: В. Кривошеин, В. Киреева. Стоят слева направо: Б. Кауфман, Т. Черножукова, М. Глазов, О. Леонтьева, К. Еськов, А. Юрьев.

Перед выходом в маршрут.

щения. Нам удалось установить роль земноводных и ящериц в потоке вещества и энергии изученных экосистем.

В первый экспедиционный заезд на кордон приехали Кирилл Еськов, Вера Киреева, Белла Кауфман, Володя Кривошеев и Алеша Юрьев. Все мы на фотографии жизнерадостные, веселые, полные планов и надежд.

Первые годы были самыми горячими. Надо было наладить быт, спланировать и начать исследования, заложить площадки, обеспечить работы соответствующим оборудованием. Миша как ВООПовец охотно брал с собой в экспедиции младших ребят из кружка. На стационар стали приезжать школьники из биологических кружков (ВООП, МОИП, КЮБЗ) и студенты из разных институтов. Иногда на стационаре одновременно было до 10–15 человек. Многие из них на основе собранного здесь материала написали свои курсовые и дипломные работы. Позже по результатам работ стационара было защищено несколько кандидатских и докторских диссертаций. Работа велась очень слаженно. Каждый знал свои обязанности, безукоризненно и вовремя их выполнял, лентяи и бездельники не уживались на кордоне.

На стационаре начали появляться и именитые ученые как из Института географии, так и из их других научных и учебных институтов Москвы и Калинина (Твери). Результаты исследований отображались в статьях и в докладах на разных совещаниях и конференциях. О Валдае заговорили. Особенно нравилась всем комплексность исследований: от подстилки до крон деревьев, от растений до животных беспозвоночных и позвоночных, от экологии отдельных видов животных до популяционных проблем, от воздействия некоторых групп животных до вопросов функционирования целых экосистем.

Ребят интересовала не только природа Валдая, но и местное население, их обычаи, промыслы. Они были одними из последних, кто посетил небольшую деревню, в которой раньше почти все жители из древесины вырезали разные миски и чашки. Ко времени же приезда ребят в деревне остался только один дед, который на своем станке точил эти чашки. У нас до сих пор осталось дома несколько таких чашек, выжженных и раскрашенных Мишиной мамой Галиной Дмитриевной. К сожалению, скоро деда не стало, и исчез на валдайской земле этот промысел. Точно также с уходом мастеров кузнечного дела (жестянщиков) прекратилось изготовление узорчатых резных флюгеров и печных заслонок.

Часто в лагерь приходили «гости» из леса. Однажды вечером, когда почти все ребята были в городе на просмотре какого-то кинофильма, а в лагере оставались только Миша и Коля, их посетил небольшой бурый мишка. М.В. позже описывал этот визит в своем дневнике так: «Он прошел мимо дома и направился к кухне, где вел себя вполне прилично, хотя и слопал 1,5 кг пряников и буханку хлеба, порвав при этом пленку и опрокинув ведра и бидон из-под молока. Все это нас так поразило, что мы рты открыли от удивления. Отсняли по пленке, хотя было ясно, что при ночном освещении (23.00–23.30) этого делать не стоит. Медведь подпускал на 5-6 метров и нехотя отступал. Потом он попытался залезть в кухонный стол, и тут мы уже не выдержали. Я взял кол и прогнал его на поле с люпинами, где он долго стоял на задних лапах и крутил головой. Коля принес ракетницу и два раза выстрелил, медведь с интересомнюхал пороховые газы и смотрел на нас. Потом пришлось запустить ему колом по заду, после чего он отошел к опушке леса и больше не приходил. Когда он исчез, мы сначала подумали, что все это нам приснилось и никакого медведя не было, но съеденные пряники говорили о том, что это был дух во плоти. Еще остался терпкий медвежий дух около палаток. Вот ведь как бывает на Валдае».

Другой раз к ним заявил лось. В Мишином дневнике осталась такая запись: «Сегодня встретился с самцом лося и долго с ним беседовал, т.к. он провожал меня до самого дома и, в конце концов, пришлось выстрелить в воздух, что, правда, не произвело на него большого впечатления, и … он пошел в атаку, а я мигом ретировался. Потом пришли с Аркашей, обвесившись фотоаппаратуей, и отсняли по несколько кадров, а лось опять решил поиграть – мы дали стрекача».

Миша приобщал к работе на благо стационара всех. Друзей и знакомых у Миши всегда было много. Гости, которые просто приезжали и останавливались в палатах недалеко от лагеря, вливались в общественно полезный труд. Кто-то вспахивал огород, с которого у нас на столе всегда были свежие овощи и зелень, кто-то утрамбовывал грядки огромным бревном, кто-то помогал в ремонте дома, строительстве лестницы к Валдайке или переносе туалета на новое место, кто-то участвовал в монотонном шелушении шишечек или разборе почвенных проб. Но все работы, даже самые грязные или занудные, выполнялись весело, с задором, смехом, прибаутками и озорством, в большой степени благодаря жизнерадостности организаторов. Каждая работа была значимой и необходимой для всего коллектива. Праздных людей на стационаре не принимали.

Жили все в палатах, а дом служил лабораторией, сарай – складом. Позже откуда-то притащили вагончик, который тоже приспособили для работ. Из брошенной рабочими огромной катушки для кабеля сделали стол, на котором разбирали по-

Разборка проб. Справа М. Глазов, в центре Т. Черножукова.

чвенные пробы, устраивали застолья или просто «круглые столы». Все, что могло пригодиться на стационаре, тащили на кордон.

Место расположения старого кордона было очень удачным. Мимо постоянно проходили отдыхающие из баз отдыха, расположенных в 2–3 км от стационара, на берегу озер Ужин и Валдайское. Некоторые интересовались нашей работой и окружающей природой. На свои вопросы они получали обстоятельные ответы.

Валдай привлек внимание и известных кинорежиссеров. Здесь был снят ряд хороших фильмов. Например, фильм «Фронт без флангов» снимали прямо на нашем кордоне. Для этого сделали несколько бутафорских построек. На поляне перед домом положили сруб и поставили журавль – это изображало колодец.

На стационаре все очень любили шутить, особенно Миша. Поэтому ребята не преминули воспользоваться таким случаем и повесили на журавль ведро, поставили на край сруба кружку. Конечно все, проходившие мимо по дороге туристы радовались, что можно попить водички. Каково же было их разочарование, когда опускаемое в «колодец» ведро ударялось о землю. Вообще, каких только фотографий не сотворили с использованием этого «колодца»: висельник на веревке журавля, торчащие ноги опрокинувшегося в «колодец» человека и многое другое, на что у кого хватало фантазии.

Слева направо: А. Тишков, Е. Шварц, повариха, шофер, А. Арманд.

Киношники сделали на доме бутафорскую лестницу и дверь со стороны дорожки. Она располагалась рядом с окном, за которым обычно сидел Миша за письменным столом и работал. Многие из проходивших отдыхающих пытались войти в эту дверь, чтобы поздороваться и поговорить с Мишой и очень удивлялись, что дверь закрыта. Мише приходилось объяснять знаками, что вход с другой стороны дома.

А однажды изумленным гостям продемонстрировали «женщину на 220». На стационаре не было электричества, а работал холодильник. Как это так? Миша сказал, что у них есть «Женщина на 220», мол, она обладает уникальной способностью генерировать электроэнергию. Переодели кого-то из мальчиков в женщину, под одежду спрятали батарейку, а в руки дали лампочку, соединенную проводом с этой батарейкой. После магических слов на глазах у гостей лампочка загоралась. А с холодильником было все просто – он работал на керосинной лампе.

Миша старался делать досуг ребят интересным и насыщенным. После много-дневной усиленной работы, особенно утомительного шелушения шишек, разбора подстилки и почвенных проб или после отлова сотенного грызуна устраивали «день лентяя». Сначала происходила генеральная уборка помещений и территории, а потом дальний или ближний поход в какое-нибудь замечательное место. Ходили на затоп (к р. Чернушка), гуляли по лесам, лугам, собирали ягоды и грибы. Вечером баня с купанием в Валдайке и традиционным застольем с песнями, беседами и научными спорами. Эта традиция была позаимствована из экспедиций с В.В. Кучеруком, Н.В. Тупиковой, В.М. Галушкиным, а также экспедиций Института географии на Курский стационар.

Совершали и дальние выезды в разные интересные уголки Валдайской возвышенности. Ездили на оз. Шлино, на речку Рагуша. Недалеко от р. Рагуша обнаружили лесное озеро с развалинами усадьбы на берегу и старым заросшим парком. Миша писал: «Все воспринималось свежо после целого месяца заточения в окрестностях кордона. Для меня было новым лесное озеро, поля и перелески вокруг и картина старой усадьбы – картина запущения, одиночества и былого величия».

В записях Мишиного дневника мы находим: «... может быть, проглянет на несколько дней солнце, и мы прошвырнемся посмотреть новые места. Мне и то надоело сидеть за столом и шелушить эти шишки, а ребята уже просто воют. Болотная тематика вносит разнообразие, но долго не высидишь – идут дожди». «Сегодня 20.06 устроил ребятам поход на Чернушку (затоп) с купанием. Вода прогрелась днем до 23–24 °C и солнышко. Заходили на наше озерко, потом на Лебедец. Посмотрели птиц, растения и новые места, немного развеялись. Сегодня баня и отмечаем первый месяц экспедиции 1975 года».

Или: «Последнее время мы совсем закрутились. Сделать надо много, а сил и времени не хватает, да и погода не балует, каждый день идут дожди, и работать стало очень трудно. Сегодня решили сняться с насиженного места и катить на запад. Маршрут примерно такой – сегодня Новгород и ночевка между Новгородом и Псковом. Завтра, послезавтра – Псков, потом через день-два Тарту, Таллинн, если успеем, то Рига и в Москву».

Сотрудники Валдайского стационара постоянно проводили природоохранные мероприятия: пропагандировали правильное поведение отдыхающих на природе, проводили среди них разъяснительные работы, убирали мусор из леса, боролись с браконьерами. Когда же в конце 80-х гг. начались незаконные рубки леса, ребята, имея соответствующие документы, штрафовали нарушителей закона, что, по одной из версий, и явилось причиной того, что в 1986 г стационар сожгли. Надо было сковырнуть неуемых охранников природы, чтобы не мешали творить беззаконие.

Еще задолго до этого сотрудники ИГ АН СССР и других академических институтов выступили инициаторами создания на территории Валдайской возвышенности национального парка. Новгородские лесопромышленники противостояли этому решению. Они старались затянуть время при согласовании его границ и вырубить как можно больше хвойных лесов. Эти действия вызвали большое возмущение у населения. Под письмом в адрес Правительства РСФСР с требованием прекратить сплошные рубки леса и создать на Валдае национальный парк подписались тысячи людей. На исход протяженной борьбы сторонников создания национального парка со своими оппонентами положительное влияние оказала четкая принципиальная позиция руководства Академии наук, Гидрометеослужбы, активная поддержка со стороны Союза писателей России и Новгородского клуба «Экология».

Постановлением Правительства РФ от 17 мая 1990 года на территории Окуловского, Валдайского и Демьянского районов Новгородской области на площади 158 400 га был учрежден Валдайский национальный парк.

Для Миши Глазова гибель стационара стала большой трагедией, рухнуло все то, что многие годы оттачивалось, планировалось и копилось. Но ребята не собирались сдаваться. Миша в этот же год купил собственный дом в д. Новотроицы, куда продолжали приезжать экспедиции и где проводились исследования экосистем Вал-

дайской возвышенности. Благодаря энергии Миши и его умению сплачивать народ, в Новотроицах и ближайших деревнях образовалась небольшая община единомышленников из Москвы и Петербурга. И сейчас на Валдае продолжают работать питомцы Валдайского стационара.

Большой хрусталь разбился на мелкие осколки. Но идеи и дух Валдайского стационара до сих пор живы.

A.A. Тицков

Первые годы

Мудрый полевик в одной из первых моих экспедиционных поездок поучал меня, салагу: «Не приваривайся к месту. Заболеешь им – и все станет не в радость. Будешь каждую весну страдать, спешить на встречу любой ценой... Все забросишь».

Это предупреждение оказалось и для Миши Глазова, и для меня бесполезным. Валдай стал для нас местом, к которому возвращаешься вновь и вновь.

А начинался Валдай для нас, как ни странно, с заезда в Центрально-лесной заповедник. Был май 1974 г. Миша, Валера Симонов и я на Газ-51 приехали в заповедник к ночи, разбили лагерь прямо в леске среди поселка у пруда. Приготовили кашу, поели и уснули.

Утром я проснулся от тяжести в груди, что-то живое давило, шевелилось, я его скидывал, а оно опять лезло. Когда удалось высвободиться и скинуть агрессора, то оказалось, что это медвежонок, притом весь измазанный нашей кашей. Его собрат, тоже весь в каше лазал по дереву и фыркал на нас. Миша полураздетый стоял рядом и пытался фотографировать. Кстати снимки сохранились и его, и мои. Он даже где-то их показывал и печатал. Медвежата оказались не очень-то и дикими. Это были практически первые «детдомовцы» медвежьего интерната В.С. Пажитнова (см. его книгу воспоминаний «Моя жизнь в лесу и дома» (Тверь, 2008)).

В заповедник мы приехали свататься, предлагать свои услуги. Но получили вежливый «от ворот поворот». Впрочем, лес нам не очень понравился – мелколесье, да еще сырое. Миша сравнивал с Валдаем, который видел в 1973 году, когда ездил туда с М. Вайсфельдом ... Мы провели несколько холодных майских дней в заповеднике. Поймав форель в р. Жукопе, проговорив ночь напролет с опальным диссидентом-журналистом, сбежавшим из Москвы в заповедник, мы сорвались внезапно и уже через 7 часов были на р. Валдайке, взяв предварительно ключ от сторожки лесника у сторожа пионерлагеря.

Когда я увидел вдоль боровичской дороги стену ельников и сосняков, когда по левую сторону в полусумраке белой ночи засеребрилось озеро, я понял – это навсегда. Что подумал Миша – не знаю. Но знаю, что только машина остановилась на поляне перед домом, его было не узнать – вокруг было свое.

В первый год в отряд помогать приехали два школьника из 57-й биологической школы. Были они не натуралистами-кружковцами, а вундеркиндами по части меж-

дународных отношений, языков и математики. Работали неплохо, но и сачковали временами. Мишку это сильно раздражало. Но потом стали приезжать сотрудники лаборатории – Таня Соболева, Наташа Казанская. После летней практики приехали почвоведы с биологического факультета, и кто-то с географического факультета МГУ. Наконец, приехал Коля Чернышев, который, собственно, и договаривался о студентах и школьниках.

И началась обычная валдайская стационарная жизнь: ранние подъемы, учеты и съемка показателей на микроклиматической площадке до завтрака, дежурства, готовка пищи, маршруты, разбивка площадок и пр. Дом лесника без электричества, с худой печкой, мышами, местами с сохранившимися обоями мы делили с почвоведами.

Это потом профессор Л.А. Гришина стала практиковать лагерь с несколькими сотрудниками на р. Валдайке сразу за газопроводом. И только на третий год нашего пребывания почвоведы стали снимать под стационар дом в Шуе. А в первое время мы жили вместе, и даже складывался некий творческий союз (мы, например, с Л.А. Гришиной были знакомы еще с Таймырской экспедиции 1970–1972 гг. и на Валдае вместе закладывали образцы чистой целлюлозы для изучения интенсивности деструкции органического вещества). Добрососедству помогал и приехавший со своими помощниками Г.В. Кузнецов из Института эволюционной морфологии и экологии животных.

Замечу, что Институт географии во главе с начальником отряда (в разные годы он назывался Лесным экосистемным, Таежным, Валдайским) повел себя по-хозяйски: в домике лесника, который был, по сути, заброшен, ежегодно грабился местными Робин Гудами-экспроприаторами, мы сделали ремонт, укрепили окна, навесили ставни и металлическую решетку на дверь. В сарае Михаил устроил себе кабинет и лежак, а на пригорке за баней мы разбили палаточный лагерь и полевую кухню. В итоге, если уж не полноправным, то основным хозяином сторожки лесника отряд под предводительством Миши Глазова стал точно.

Конечно, начало деятельности стационара было романтичным и необычайно продуктивным. Естественно, между мной, Мишой и Колей спонтанно распределились роли, области курируемых знаний и направлений работы. Миша, помимо общих организационных дел (все-таки, начальник отряда) сосредоточился на исследованиях почвенных, напочвенных и кроновых беспозвоночных: брал биоценометрические пробы, всех ставил на разборку почвенных монолитов, устраивал ловчие канавки, обкашивал энтомологическим сачком луговины и нижние яруса леса. Не забывал и про птиц, грызунов, копытных, хищных. Но это было второстепенным. Коля, наоборот, привлекал школьников и студентов для работ по позвоночным – мышевидным в лесах, живородящей ящерицы – на болоте. На мне была геоботаника, картографирование пробных площадок, учеты запасов и продукции фитомассы, включая отбор модельных деревьев (последнее было высотой 34 метра!) и исследования сукцессий на хронорядах. К 1978 г. у нас уже были геоботанические карты, описаны катены, профили на трех площадках в ельниках и на двух верховых болотах, схемы сукцессий, сведения о продуктивности основных типов экосистем района исследований.

Понятно, что для всех этих работ требовалось очень много рабочих рук. На Валдайский стационар хлынул поток юных МОИПовцев, ВООПовцев и КЮБЗистов, а

также студентов МГУ, МГПИ, Тверского университета. Каждый год их число достигало 10–15 человек. Кроме того, по-прежнему рядом работали коллеги с почвенного и географического факультетов МГУ, ИЭМЭЖа. Наша коммуна пополнилась в эти годы экспедиционным отрядом Алексея Арманда (Т.П. Куприянова, Г.В. Кушнарева, Н.В. Миловидова и О.В. Кайданова). Ботаническими делами занимались Н.С. Казанская и Т.К. Соболева, а также студент-геоботаник А. Макридин. Из студентов-зоологов сравнительно быстро у нас появилась Е. Гуртовая, И. Попов, С. Кручинин, А. Войчик, С. Томс, позднее – Д. Замолодчиков, О. Чесных, Е. Чебан, Д. Карелин (все – от Тагира Гильманова с кафедры общей экологии биофака МГУ, который активно взялся с Н.И. Базилевич за модель функционирования ельника) и др. Школьников-помощников было много – и кружковцев, и детей наших коллег.

Мишу любили и поддерживали наши «старики» в лаборатории, а после выступлений на Международном географическом конгрессе, в Иркутске на международной конференции по изучению тайги, на Научном совете по биогеоценологии, в Ботаническом институте, на семинарах ИЭМЭЖа и родного Института, интерес к нашим работам на Валдае быстро возрос. Помимо Ю.А. Исакова нас очень поддерживали А.А. Насимович, С.В. Кириков, К.С. Ходашова, Д.В. Панфилов, О.С. Гребенщиков. Когда в лаборатории появилась Н.И. Базилевич, она просто влюбилась в саму идею Валдайского стационара с его креном в изучение вклада всех групп животных в функционирование и динамику экосистем. И в этом несомненная заслуга Миши. Он сумел увлечь, заинтересовать, убедить. Помню наши экскурсии для участников симпозиума по фитофагам, который мы провели на Валдае. Такого увлеченного доклада о таинствах жизни растительноядных позвоночных и беспозвоночных в таежном лесу, какой сделал Миша, трудно даже представить.

В первое пятилетие у нас сразу все получилось. Срабатывал эффект новизны, когда любая цифра и факт, выявленные оперативно в поле, подстегивали желание узнать что-то еще. Задействованы были все связи и знакомые в биологическом мире: в ЗИНе помогали определить жуков и двукрылых, в ЛАМе у Стаса Разумовского мы собирались для обсуждения результатов исследований сукцессий, сопоставляли «валдайскую сукцессионную схему» с «костромской» (рукопись моей статьи по сукцессиям для сборника 1979 г. он успел посмотреть), на биофаке добывались живоловки для экспериментов, откуда-то добывался сушильный шкаф и т.д. На нас работали и химические лаборатории, и узкие специалисты-систематики. Справочники и определители во множестве стояли на полках в общем доступе. Стационар приобретал вид крепкой полевой лаборатории. Этапом стала подготовка и выпуск первого сборника статей «Организация экосистем ельников южной тайги», 1979. Обложку нарисовал, перевел на пленку и сделал цветоделение М. Никитин по просьбе Миши. В отношении издания я договаривался с типографией Минсельхоза на Большом Харитоньевском, которую мне посоветовал В.С. Залетаев. Собирался сборник быстро и отразил малую часть того, что было уже сделано к 1979 г.

Именно в этот ранний период наши с Мишой старшие дети делали свои первые шаги на Валдае, а наши жены – Оля и Наташа – по праву могут считаться такими же основоположниками исследований на Валдайском стационаре, как и Миша. Благодаря им, здесь не только налаживался быт, но и более размеренным был график

работы. Валдай становился реальным домом. Оля сразу же включилась в ритм и тематику стационара, определив свой объект – амфибий и, отчасти, рептилий. Ее модельное болото получило даже название «Ольгину» и под этим именем фигурирует в нескольких публикациях. Наташа, будучи биологом по образованию и медицинским микробиологом по тематике основной работы, также в каждый из многочисленных приездов помогала в исследованиях, а когда встал вопрос о создании национального парка, даже провела серию исследований по санитарно-гигиенической оценке воды озера Ужин. Ася Авилова – жена Коли Чернышева – тоже приезжала на стационар, но чаще ближе к осени, так как летом была занята как преподаватель на студенческой практике.

Первый этап жизни стационара закончился трагедией – гибелью Коли Чернышева в ДТП. Сырой асфальт, свежий гудрон с щебенкой на обочине, короткий водительский опыт Славы Шумихина, который был тогда за рулем, его же усталость после первого в жизни длинного автопробега (более 400 км) от Москвы до Валдая – все это могло повлиять на эту катастрофу – другое исключаю.

С уходом Коли мы потеряли не только друга-коллегу, которых соединял в себе необычайную фундаментальность и любовь к эксперименту одновременно, а также редкое качество в наше время – способность сделать все своими руками. Это благодаря его способностям и труду у нас на второй год на стационаре появился свет, работали холодильник и разные приборы, а оборудованию для учетов беспозвоночных могли бы позавидовать любые биогеоценологические стационары в СССР. Мне часто вспоминаются наши вечера втроем при свете керосинки, когда, наконец-то, затихал «движок». Мы не спорили, не делились просто увиденным за день – мы подмечали новое в результатах, сопоставляли с известным и планировали, как получить дополнительные аргументы, как экспериментально подтвердить догадки. Например, так рождались идеи о цикличности функционирования ельников в зависимости от репродуктивного цикла ели, от весенних засух, от повреждения хвои насекомыми. Именно в этих беседах утвердилась и идея о сопряженности динамических перестроек с сукцессионными изменениями растительности. Уже на следующий день готовились новые методики учетов, новые условия экспериментов, создавались инструменты и оборудование. Все это предварительно обсуждалось вечерами. И было понятно, что Мише это нравилось. Именно так он и представлял в идеале исследовательский процесс.

В 1980-х гг. на стационаре готовились курсовые, дипломные и даже диссертационные работы. Е. Арманд, А. Григорьев, С. Кручинин, К. Еськов, И. Попов, А. Войчик, Д. Замолодчиков, Е. Шварц, О. Чесных, Е. Чебан, К. Савов и многие другие вполне самостоятельно, осознанно выбирали направление работы, планировали с нами вместе свои исследования, согласовывали методики, обрастили младшими помощниками и окунались в водоворот стационарной жизни.

Мише нравилось, что запущенный в 1974 г. механизм стационарной жизни, включая традиции, быт, ежегодное финансирование, обеспечение транспортом работает безотказно. К нам приезжали старшие коллеги. Трижды – Н.И. Базилевич, с которой мы полностью отработали продуктивность и геохимию болота и построили его концептуально-балансовую модель. В один из приездов опытом учетов мезомикрофауны поделился с нами Роман Злотин. К.С. Ходашова внимательно по-

смотрела на все, что делалось нами, съездила в один из маршрутов на дальнее озеро, где мы благополучно засели в болото на целый день, и одобрила работу. Д.В. Панфилова сразу после серьезной болезни и больницы мы привезли на Валдай отдохнуть. Так он стал приезжать ежегодно, включился в работу, проводил учеты насекомых на лугах Усадьевского лога. Но главное – здесь он стал писать свою книгу жизни «Центры эволюции и исторические миграции биоты земного шара». Когда я вместе с Валерой Масляковым готовил ее к изданию после смерти Дмитрия Викторовича, я назвал жанр книги «научным дневником», т.к. автор не успел обобщить написанное, многое осталось в конспектах в формате дневниковых пометок¹.

Важные результаты

В 1986 г. мы выпустили второй сборник трудов стационара, опубликовали почти два десятка статей в добродушных биологических и географических изданиях, провели конференцию, на которую приехали все ведущие специалисты – исследователи роли фитофагов в тундрах, лесах, степях и пустынях².

К этому времени удалось получить настолько интересные и важные для понимания *динамики таежной растительности и роли животных* результаты, что они по сути изменили представление о тайге как о чисто «детритном» типе зональной экосистемы.

Например, было показано, что роль животных-фитофагов, кормящихся на ели, меняется в годы с высоким и низким уровнем осадков, а пролонгированное действие весенних засух распространяется на такой компонент почвенной мезофауны как дождевой червь, выпадающий из экосистемы на несколько лет.

Радовали те молодые ученые, которые начинали на Валдае и становились самостоятельными, интересными и перспективными исследователями. Стационар стал научной школой для многих, кто здесь начинал работать школьником и студентом. А. Григорьев показал, что оригинальность валдайских почв связана с влиянием неморальной растительности, развитой здесь в голоценовый оптимум, и длительным аграрным освоением. Этот вывод позднее нашел подтверждение в монографии сотрудника Института Б.А. Ильичева и в публикациях другого исследователя почв Валдая – А.Л. Александровского. Целый блок экологических, биоценотических и популяционных исследований мелких млекопитающих проведен в 1970-х гг. Н.В. Чернышевым, а в 1980-х гг. – Е.А. Шварцем и Д.Г. Замолодчиковым.

Именно на Валдайском стационаре сама идея применения системы периодических ниш в качестве способа отражения структуры населения мышевидных грызунов природных экосистем, а также анализ распределения мелких млекопитающих в соответствии с региональной сукцессионной системой растительных сообществ получила реальное воплощение и стимулировала появление целой серии подобных публикаций.

¹ Панфилов Д.В. Центры эволюции и исторические миграции биоты Земного Шара. Под ред. А.А. Тишкова и В.Ю. Маслякова. М.: ИГ РАН, 2005.

² Растительноядные животные в биогеоценозах суши. М.: Наука, 1986.

Наконец, защитился Миша. Его диссертационная работа³ была встречена одобри-тельно. Практически все выступавшие отмечали, что по своему значению, объему привлекаемых материалов она выше кандидатской. После его защиты работа на стационаре тематически расширилась. Из нового можно отметить большее внимание к болотам и лугам. Некоторые исследования были перенесены в Таежный лог и Усадьбе. Из Института в работах того периода принимали участие Н.Г. Царевская, А.Н. Гудына, М.С. Гончарова, В.В. Виноградова, В.И. Турсина и др. Было взято новое направление в исследованиях – изучение закономерностей структуры, функционирования и динамики агроландшафта. На Валдае начал реализовываться международный проект по оптимизации агроландшафтов. Руководителем его был директор Института экологии сельского хозяйства в г. Познань (Польша) профессор Лех Рышковский. Он в тот период не раз приезжал на Валдай, полюбил эти края и, конечно, Мишу Глазова. Незадолго до смерти Рышковский посетил Москву и попросил, хотя бы одним глазком, еще раз посмотреть на Валдай. Я попросил Петю Глазова свозить его туда. Как мне потом сказал пан профессор: «Халера ясна. Я даже поплакал!»)

Работы на стационаре не копировали общепринятую «Программу и методы био-геоценологических исследований» применительно к таежным экосистемам. Они, скорее, дополняли ее, выбирая такие направления, по которым ранее практически не было ничего сделано. Так, детальнейшим образом, строго дифференцированно, была проведена оценка *воздействия фитофагов на вегетативные и генеративные органы ели*. При этом были разработаны совершенно новые подходы и методы изучения прироста и его повреждений, проведены измерения тысяч хвоинок, побегов, ветвей разного уровня и разной экспозиции, прямые замеры потерь фитомассы от воздействия хвоегрызущих и хвоесосущих насекомых. Впервые в отечественной полевой экологии на стационаре прошли эксперименты по оценке влияния искусственно-го отчуждения фитомассы на ели европейской. Оригинальными методами проводились также учеты беспозвоночных в кронах ели и в почве, оценки сезонных потерь органического вещества подстилки в условиях изоляции от мезофауны и пр. Результаты валдайского цикла изучения воздействия животных на ретропро-дукционный цикл ели оказались новыми для науки: удалось проследить зоогенные потери на всех его стадиях – от закладки генеративных почек до созревания семян в шишках, их опадания на землю, сбора птицами и грызунами, формирования всходов и их гибели в первые годы жизни. И таких «семенных лет» за почти 20 лет деятельности стационара было пять.

С самых первых лет работы на Валдае Институт географии включился в научно-общественную деятельность по обоснованию создания здесь особо охраняемой природной территории. Статус заказника, который пусть формально, но все же полу-чила территория вокруг Валдайского озера, некоторое время позволял регламен-тировать и рекреационную, и хозяйственную нагрузку. В 1990 г. в том числе и при нашем участии в подготовке обоснования и рекомендаций на Валдае был создан национальный парк, что послужило стартом нового этапа исследований. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. на Валдае выполнен российско-польский проект по оп-

³ Большая часть диссертации М.В. вошла в его книгу: Глазов М.В. Роль животных в экоси-стемах еловых лесов. 2004.

тилизации агроландшафтов лесной зоны, результаты которого неоднократно докладывались на международных конференциях и были опубликованы.

В течение нескольких лет после 1993 г. – начала государственной экологической экспертизы проекта Высоко-скоростной магистрали (ВСМ) Санкт-Петербург–Москва через Валдайский национальный парк – сотрудники Валдайского стационара Института географии принимали участие в полевых и вертолетных обследованиях трассы, готовили экспертные заключения, проводили картографические работы. История противостояния, позволившего изменить маршрут прокладки ВСМ, а затем и отменить планы ее строительства через парк, описана в серии наших публикаций, в том числе с А.В. Яблоковым, который возглавлял государственную экспертизу и не раз бывал с нами на Валдае.

В 1990-х гг. в рамках российско-шведского соглашения о сотрудничестве по изучению темнохвойной тайги на Валдае побывали шведские специалисты-экологи, были проведены полевые совещания. Е.А. Шварц прошел стажировку на лесном стационаре Сельскохозяйственного университета (Упсала, Швеции). По результатам совместных исследований также были подготовлены публикации в отечественных и зарубежных изданиях. Стационар жил, хотя и на так активно, но искал свое место под солнцем даже в самые трудные перестроочные времена.

По российско-голландскому гранту Российского фонда фундаментальных исследований, посвященному эволюции болот и биоразнообразия, в начале 2000-х гг. на верховом болоте в верховьях р. Валдайка было проведено зондирование торфяной залежи, повторное картографирование растительности и бурение с детальным отбором проб торфа для ботанического и споро-пыльцевого анализа. Все это потребовалось для детальной реконструкции развития растительности и климата в регионе. На первом этапе работы возглавил с российской стороны Л.Р. Серебрянный, а с голландской – Ян Вандерберг, участниками работ были Р.Г. Грачева, В.А. Климанов, А.В. Кожаринов, А.А. Тишков, аспирант Института А.А. Семиколенных. Были получены результаты, которые позволили составить детальную картину изменений растительности и климата за период позднего послеледникового и голоцене, выделить для этого периода циклы и тренды температуры и количества осадков, сделать вывод о более раннем начале формирования лесной растительности (раньше 12100 ± 270 лет), определить скорости накопления торфа. Результаты исследований, в том числе бурения (до 7,5 м) и радиолокационного зондирования, только начинают публиковаться.

В эти же годы в тесном сотрудничестве с научным отделом национального парка Валдайский по гранту Глобального экологического фонда были начаты работы по созданию ГИС национального парка. От Института географии в работах на первом этапе принимали участие М.В. Глазов, П.М. Глазов, В.Б. Малышев и А.А. Тишков. От парка с нами работал заместитель директора В.В. Рогоцкий. На основе дешифрирования космических снимков, картографических материалов, анализа распространения некоторых видов растений и животных были созданы оригинальные цифровые карты и удобный аппарат работы с ними. Сейчас эти работы возобновлены и продолжены молодыми сотрудниками – А.А. Медведевым и П.М. Глазовым, которые предварительные результаты исследований в 2009 г. представили на заседании Ученого совета Института, на конференции, посвященной 20-летию национального парка Валдайский, и получили одобрение.

В последние годы в исследованиях на территории парка активное участие принимают сотрудники лаборатории биогеографии О.В. Морозова, Н.Г. Царевская, Е.А. Белоновская, В.Ю. Масляков, М.П. Кузнецов, П.М. Глазов и др. Важными направлениями стали завершение инвентаризации флоры и фауны национального парка, оценка последствий тысячелетней хозяйственной деятельности, реконструкция эволюции ландшафтов, выявление интересных природных объектов для их описания и охраны, в том числе локализация местообитаний редких видов. Накопленный современный материал позволил в 2009 г. совместно со специалистами парка провести изыскания для оценки возможных последствий для природы прокладки высокоскоростной автомобильной дороги Санкт-Петербург–Москва вблизи северных границ парка и подготовить серию прогнозных карт. Выход в свет книги «Сосудистые растения национального парка Валдайский» О.В. Морозовой, Н.Г. Царевской и Е.А. Белоновской (2010) – важнейший результат исследований последних лет на Валдае.

Кроме того, сотрудники лаборатории географии и эволюции почв и отдела физической географии и проблем природопользования Института – А.Д. Арманд, Д.И. Люри, С.В. Горячkin, Н.А. Караваева и другие с начала 2000-х гг. активно изучают изменения свойств постагрогенных песчаных почв Валдая в хроноряду при самовосстановлении на залежах центральной части парка. Показано, что в ходе восстановления природных экосистем на залежных землях формируются новые ресурсы, имеющие свою ценность и пригодные к использованию. В экономическом аспекте на Валдае уже через 8–10 лет цена замещающих ресурсов приблизится к цене урожая наиболее выгодных для региона земледельческих культур.

Похар

Началась перестройка. Те угрозы, которые мы неоднократно слышали после истории с шестью бочками полихлорпринена, которые отравляли первый плес Валдайского озера и которые нам удалось найти, а сам факт сделать достоянием гласности, реализовались полностью. В раскручивании этого детективного сюжета с поиском, раскопкой и информированием властей и органов внутренних дел Миша принял непосредственной участие. Очень помог и опыт Жени Шварца, который в тот период обеспечил доведение этого дела до логического конца. Но...

Сначала сожгли дачу того, кто рассказал о захоронении этих бочек с ядом на берегу ручья. Потом сожгли дом Радионова-Урусевской, которые нам помогли найти это место захоронения. А потом дошло дело и до нашего стационара – домика лесника на Валдайке. Это произошло фактически на глазах у моего сына Саши, приехавшего на велосипеде с базы отдыха «Берег Валдая». Он увидел сначала горящий дом и поехал звать людей. Спустя полчаса кто-то уже поджег сарай и баню.

Кому-то помешали ученые, защитники валдайских лесов и озер, невольные свидетели начавшейся вакханалии с вырубкой леса перед созданием национального парка, с обездом с неводами малых лесных озер, постоянной стрельбы по всему летающему и бегающему (мы-то знали, что летом в нашем секторе Валдайского лесничества никаких нарушений не будет – мы были начеку всегда).

Миша часто, бесстрашно вскинув на плечо ружье, а то и просто взяв в руки дрын, кричал: «Идем разбираться!» И мы шли – перегораживали дорогу браконьерам с сотнями метров сетки, гонялись за мелким пакостником из отдыхающих, который привозил каждое лето с собой мелкашку и стрелял птиц, не давали загрязнять озеро и нашу речку Валдайку, гоняли лесорубов, незаконно вырубающих лес.

Так закончились первые 16 лет работы Валдайского стационара на р. Валдайке, в лесной сторожке. Вот слова из песни, сложенной на Валдае «до нашей эры»:

Ты бежишь неизвестно куда,
Даришь дни, один лучше другого.
Ты Валдайка-река отгадай:
Когда мы с тобой встретимся снова?

Благодаря Мише было очень много светлого, запоминающегося в этом отрезке времени.

- Увлеченный труд. Школа жизни и полевых исследований для самих зчинателей, для наших детей, юннатов, студентов, аспирантов, молодых ученых.
- Творческая атмосфера. Акварели А. Арманда (одна, запечатлевшая наш домик, висит у меня в кабинете), рисунки мамы Миши, миниатюры Маши Глиэр и Вадима Гудкова, стихи, рассказы, уникальные фотографии Миши.
- Позитивный настрой, создаваемый, в том числе и за счет оптимизма Миши, товарищество. Даже в тех ситуациях, когда по его желанию мы срывались и ехали на озеро в Байнево или на Затоп, застревали на берегу и до темноты грязные, голодные, усталые откапывали ГАЗ-66, даже тогда хватало сил для веселья и оптимизма. Вспоминаются шутки и розыгрыши, коллективные отражения нашествия медведей и лосей, параллельное с Москвой проведение олимпийских игр 1980 года – с метанием на дальность крышки от кастрюли, прыжками назад, стрельбой из настоящего ружья и пр.
- Условия для самоутверждения свободного, не желающего подчиняться никому человека.
- Идеальные условия для становления ученого, лидера исследовательского коллектива.

Все это было очень важно, прежде всего, для Миши: сам задумал, подготовил и выполнил. Валдай стал площадкой для завязывания крепких дружеских отношений. Даже те, кто выбрал другой (не в биологию и географию) путь в жизни, сохранили теплые воспоминания о Валдае, о Мише, обо всех, кто работал на стационаре. Они дружат между собой, собираются по разным поводам.

После нескольких неудачных попыток с помощью нашего Института восстановить Таежный стационар решено было самим искать прибежище. Одним из вариантов был дом в Новотроицах, но требуемой суммы Институт не нашел (тогда в начале 1990-х и на зарплату денег не всегда находили). Миша купил этот дом, ставший родовым гнездом его многочисленного потомства, а также местом притяжения для всех, кто любит Валдай, кто помнит Мишу, кто сделал свой выбор «второй родины».

Меняется облик Валдайского поозерья – зарастают мелколесьем поля и луга, заболачиваются озера. По берегам Ужина вырастают заборы и частные замки. Но-

вая дорога пролегла через Новотроицы. Меняется и все мы. Но Миша уже не изменится никогда. Мы его запомнили таким.

От редактора-составителя.

Смерть Михаила Васильевича Глазова стала последним страшным ударом для стационара. Он умер в лесу, недалеко от своего дома в Новотроицах с любимым фотоаппаратом в руках. Не выдержало сердце.

Об этом слова Ольги Александровны Леонтьевой о разбившемся хрустале. Но верны и последние слова ее очерка – живы и дух Валдайского стационара, и дела. Их продолжают соратники, друзья. В нашем Институте трудится Петр Михайлович – сын Михаила Васильевича Глазова.

B.A. Колосов

Две экспедиции в Абхазию: 1994 и 2009 гг.

В начале июня 1994 г. с двумя французскими коллегами мы медленно продвигаясь на юг от Анапы вдоль благословенного курортного черноморского побережья Кавказа. Наша задача заключается в изучении греко-понтийской и армянской диаспор на юге бывшего СССР. Время от времени мы останавливаемся в небольших городках, чтобы взять интервью у лидеров местной греческой или армянской общины, повстречаться с администрацией и получить статистическую информацию. Конечный пункт нашей небольшой экспедиции – Сухум, столица непризнанной Республики Абхазии, где лишь несколько месяцев назад завершилась продолжавшаяся 13 месяцев кровопролитная война с Грузией.

Эта война, печально известная жестокостями с обеих сторон, была связана в результате попытки грузинского правительства силой вернуть Абхазию в лоно грузинского государства. 14 августа 1992 г. грузинские самолеты неожиданно бомбили Сухуми, а наспех сформированная, но хорошо вооруженная грузинская армия, состоявшая частично из добровольцев, частично из авантюристов и криминальных элементов, не встречая сопротивления, быстро заняла столицу Абхазии. Этим драматическим событиям предшествовала «война законов», вызванная стремлением грузинского руководства отменить автономию, которой в советское время пользовалась Абхазия. Недовольство абхазов своим положением время от времени выплескивалось в манифестации даже в советские годы, когда открытые движения протesta были крайне редким явлением и жестко подавлялись властями. Неформальные лидеры абхазов (их насчитывается всего чуть более 90 тыс.) требовали вывесить Абхазию из состава Грузинской ССР и присоединить ее к Краснодарскому краю России. Действительно, в советский период абхазы из подавляющего большинства превратились на территории автономии в сравнительно незначительное меньшинство (по переписи 1989 г. – менее 18% населения). Главной причиной были миграции грузин, главным образом мегрелов (субэтноса, проживающего в соседних районах Грузии). Их переселение поощрялось грузинскими властями в целях и под

флагом освоения заболоченных восточных районов Абхазии и развития прибрежных курортов.

В результате военных действий 1992–1993 гг. более 200 тыс. грузин стали беженцами, и лишь примерно треть из них (около 65 тыс.) впоследствии вернулись в свои дома. Смогли возвратиться преимущественно те, кто жил в пограничном с Грузией Гальском районе, где мегрэлы составляют абсолютное большинство.

Война опустошила Абхазию: практически полностью разрушена промышленность и инфраструктура, республика обезлюдела. Помимо грузин, выехало много армян и русских, большинство греков было эвакуировано правительством Греции. Абхазия потеряла более половины населения, сократившегося с 525 тыс. в 1989 г. до 215 тыс. в настоящее время. Из них, по официальным данным, на абхазов приходится 44%. Следующие по численности этнические группы – грузины и армяне, составляющие по 21%, а также русские (11%). Население Сухума уменьшилось почти в 4 раза, основного промышленного центра города Ткуарчала – больше чем в 5 раз. Исчезли с карты целые села.

После начала войны Абхазия в одностороннем порядке провозгласила свою независимость. Россия долго ее не признавала и официально установила блокаду маленькой республики. Жители Абхазии старше 14 лет не могли преодолеть российскую границу – мост через горную реку Псоу неподалеку от устья. Этот мост – единственный и поныне пункт пропуска между Россией и Абхазией, поскольку большая часть границы проходит по высоким и малонаселенным горам.

Итак, вот и граница. Проявляя трогательную заботу о территориальной целостности Грузии, российские пограничники сначала отказываются выпускать наших фран-

Сухуми в развалинах, 1994 г.

цузских коллег в Абхазию. Наши друзья признались позже, что в томительные минуты переговоров со стражами границы они молили Бога, чтобы пограничники проявили твердость и не позволили нам перейти Рубикон, отделявший относительно цивилизованный мир от непризнанных гор и берегов Абхазии. Однако молодой лейтенант уступает моим уговорам: срабатывает бумага из нашего Института, удостоверяющая гуманность наших задач. Абхазские пограничники, изнывающие от зноя и скучи, не выражают никакого удивления французскими паспортами, и мы преодолеваем наконец несколько десятков метров, отделяющих Свет от Тьмы.

На другом берегу Псоу мы нанимаем старую «Волгу». Вид ее ужасен: мятые бока, оторванный передний бампер, кое-как примотанный проволокой капот, ветровое стекло все в мелких трещинах. Водитель объясняет, что машину угнали грузинские солдаты, он случайно нашел ее брошенной после аварии в кювете, а денег на починку нет. Да, собственно, и чинить пока негде.

В те минуты я впервые в жизни чувствую, что такое война – не в кино, а в реальности. Дорога идет сначала по узкой «полке» между лесистыми и крутыми горными склонами и отвесным уступом к морю, к которым лепятся брошенные санатории с пустыми глазницами окон. Внизу виднеется непрерывная полоса пляжа с покосившимися основаниями тентов и кабинками для переодевания, а вдоль нее – проржавевшие рельсы с оборванными контактными проводами. По этой магистральной железной дороге еще совсем недавно стучали один за другим поезда со всех концов Советского Союза к кавказским курортам, в Грузию и Армению. Попадаются и коробки вокзалов, построенных когда-то в «тропическом» стиле. Вокруг ни души... Прежнее – только сверкающее, манящее море и безоблачное голубое небо.

Потом горы отступают, и в буйной растительности можно проследить строчки бывших виноградников, садов и чайных плантаций. Вот и Гагра – один из самых популярных советских курортов, известных роскошным приморским парком при въезде в город. Именно здесь в течение месяца шли ожесточенные бои: в глаза сразу бросаются сгоревший автовокзал, остовы бронетехники и грузовиков. А в парке – абсолютное торжество всепобеждающей природы: где же каскады прудов, аллеи с редкими растениями, лебеди и золотые рыбки? Тишина запустения. Как быстро, ведь всего пару лет назад здесь гуляли толпы отдыхающих!

Далъше – блок-посты, суровые молодые люди с автоматами. После кратких объяснений нас пропускают дальше. Наконец, впереди Сухум. На въезде – двенадцатиэтажные башни с проломами от артиллерийских снарядов. В каждой несколько этажей разрушено и выгорело, но выше и ниже – жизнь: окна затянуты полиэтиленовой пленкой. Стекло – все еще слишком дорогой и дефицитный материал. Целые улицы мертвых домов: блочные пятиэтажные и в окружении одичавших садов – добрые когда-то двухэтажные семейные особняки с балконами по периметру. Без окон и дверей, часто без крыши. Вот на остатках перекрытий на высоте пятого этажа чудом повис холодильник. Огромное здание правительства Абхазии – главная мишень, символ контроля над городом; оно полностью выгорело. Сквер на одной из центральных площадей превращен в кладбище, даты смерти на всех могилах близкие: 1993. И годы рождения, как правило, тоже близкие, недавние. Пустынная, выгоревшая набережная с остовами гостиниц, кафе и ресторанов. И опять

Оставленный грузинский дом в Очамчире, 1994 г. Таких тысячи.

рядом в тишине – сверкающее, равнодушное, великое в неизменности и безбрежности море, сияющее южное солнце, пальмы, голубое небо и пустынные пляжи.

Подъезжаем к зданию, занятому несколькими министерствами непризнанной республики. Обстановка напоминает фильмы о революции. Все министерство – несколько классных комнат. Неумелые секретарши что-то выступают на старых пишущих машинках. Министра, обещавшего нас опекать, нет на месте. Ждем его у входа. Интеллигентного вида человек славянской внешности с портфелем интересуется целью нашего визита и представляется профессором местного педагогического института. Завязывается разговор, наш собеседник начинает рассказывать нам об истории Абхазии с древнейших времен. Министр сильно задерживается, мы по-прежнему стоим на ступеньках. Речь профессора академична, размеренна, полна фактов. Через час этой необычной уличной лекции для четверых он достигает XV века, и до нас наконец доходит, что профессор явно не в себе: наверное, последствия войны... Лекция продолжается, но из развалин соседних домов появляется новый персонаж: непричесанная женщина лет 50 укачивает на руках большую куклу, нежно разговаривая с ней, как с ребенком. Кружит вокруг нас, напевая колыбельные, а кукла все никак не может «заснуть». Поставленный голос, правильная речь – кем была эта женщина в прежней жизни? Никогда не забуду эту сцену. Показывается наконец наш министр, и стараясь сохранить академическую учтивость, мы с большим трудом прерываем профессора, так и не узнав, как жила Абхазия в XVIII веке.

Нас размещают на охраняемой территории сохранившегося пансионата вместе с наблюдателями ООН и рекомендуют не выходить за ворота после 16 часов. На

несколько корпусов нас, наверное, всего человек 10–15. Южным теплым вечером слышим с балкона характерное потрескивание автоматных очередей: видимо, это борьба с мародерами.

Как зыбка грань между миром и войной, жизнью и смертью, созиданием и безумием. Как неуловимо быстро добрые соседи превращаются в непримиримых врагов, а города – в военные трофеи и бесконечные руины... Как ужасен национализм!

* * *

Следующие мои поездки в Абхазию состоялись лишь летом 2009 г. – сначала с московским коллегой, а затем – с Джоном О’Локлином и Джерардом Тоалом. Работая над проектом о непризнанных или частично признанных государствах, мы готовили большой социологический опрос. Нас принял президент республики С. Багапш, спикер парламента, первый вице-премьер... Конечно, мы посетили и бывший педагогический институт, а ныне Абхазский университет, которому отдали здание бывшего сельскохозяйственного института, нуждающееся в весьма основательном ремонте, но расположенного в замечательном уголке на окраине Сухума, откуда открывается потрясающий вид на море и город.

За эти годы многое изменилось. Почти восстановлена набережная – символ Сухума, и снова под колоннадой в ее центре, попивая крепкий кофе по-восточному, играют в нарды и домино пожилые мужчины. Снова в знаменитом ресторане у моря, имитирующем абхазский двор, подают прямо из печи вкуснейшие и совсем дешевые хачапури (пироги с кавказским сыром) с местным красным вином. Сцена из полных доброго юмора романов выдающегося абхазского писателя Фазиля Искандера. Отремонтировано несколько площадей и скверов, ожила пешеходная торговая улица в центре города. Правда, внутри вид многих магазинов возвращает в давно ушедшее советское время, но ассортимент вполне пристойный. На улицах – типичный постсоветский парадокс! – полно дорогих джипов и «мерседесов» с абхазскими номерами.

В стране проходят регулярные и совсем не формальные выборы. Когда в 2004 г. Москва пыталась надавить на абхазских избирателей и протолкнуть в президенты казавшегося ей более надежным кандидата, это вызвало политический кризис, и в итоге главой непризнанного государства стал кандидат оппозиции.

Впрочем, сотрудничество с Россией, которая с 2000-х гг. прямо поддерживает Абхазию – неизбежная реальность, и население в целом его широко одобряет. Республика стала постепенно выходить из изоляции. Ее жителям была предоставлена возможность получить российское гражданство, дающее право беспрепятственно ездить в Россию и другие страны. К середине 2000-х этой возможностью воспользовалось более 80% жителей Абхазии. С начала 2000-х гг. начал восстанавливаться массовый летний туризм из России, давший толчок ремонту и строительству жилья, дорог, благоустройству курортных поселков, стимулирующий спрос на сельскохозяйственную продукцию. Зимой для тысяч абхазов жизненно важен вывоз в Россию их традиционного товара – мандаринов. Но заработать на этом нелегко: в сезон сбора цитрусовых у моста через Псоу выстраивается длинная очередь людей, в основном женщин, тянувших за собой на огромных телегах через таможню

Сухуми оживает. Пожилые мужчины играют на набережной в нарды, попивая крепкий кофе по-восточному, 2010 г.

картонные коробки с фруктами. Стоять приходится по несколько часов, часто всю ночь. Сразу за пропускным пунктом жителей Абхазии ждут фуры скупщиков, которые принимают у них мандарины примерно по 50 центов за килограмм и доставляют их в северные районы России.

Психологический климат в республике значительно изменился после пятидневной российско-грузинской войны, вызванной конфликтом в Южной Осетии. События августа 2008 г. (снова август!) ярко показали, что риск новой попытки Грузии разрешить «территориальные проблемы» силовым путем, державший в состоянии постоянной мобилизации всю республику, был вполне реальным. В итоге войны 2008 г. грузинские вооруженные формирования были вытеснены из нависавшей над Сухумом верхней части Кодорского ущелья, входящего в Абхазию – к сожалению, вместе с населявшими эту территорию примерно 3 тыс. сванов (субэтнос грузинского народа). Россия признала независимость Южной Осетии и Абхазии. Республика получила гарантии безопасности, открылись возможности инвестиций и развития экономики. Российские субсидии в том или ином виде составляют значительную часть бюджета Абхазии, а российские государственные компании взялись на условиях десятилетней концессии восстанавливать ее инфраструктуру – железную дорогу, аэропорт.

Естественно, неравнозначность потенциалов России и Абхазии вызывает и проблемы. Например, как развивать абхазскую туристическую индустрию? Нет сомнений, что в Абхазии для туризма есть все – теплое море и подступающие к нему

Дом правительства до сих пор стоит как памятник войне. 2010 г.

горные леса, многочисленные исторические и природные памятники. Нет только рабочих рук. Кто будет строить новые отели и обслуживать приезжих? Вряд ли абхазов устроит распродажа уникального побережья иностранному капиталу, а массовые миграции извне могут вновь стать угрозой идентичности титульного населения.

Война 1992–1993 гг. и многолетняя внешняя угроза, несомненно, еще больше сплотила абхазов. Раны, нанесенные войной, будут заживать еще очень долго. Для восстановления городов и хозяйства нужны огромные инвестиции. Даже в Сухуме и поныне тысячи и тысячи разрушенных домов, теперь частично скрытых разросшимися деревьями. Часто можно увидеть многоэтажные дома, первые этажи которых занимают магазины, а выше них – только выжженный мертвый остов. Не восстановлен и один из символов Сухума – Дом правительства. Что уж говорить о районном приморском городе Очамчире к востоку от Сухума, потерявшем более 75% жителей, или Ткуарчале, развалины которого – мрачный памятник советской индустриальной эпохи. Фактически пока мертва и железная дорога: ведь за Сухумом – тупик, пути к Тбилиси и Еревану нет.

Но дело, конечно, разумеется, далеко не только в инвестициях. Память о войне стала одной из основ абхазской национальной идентичности. О жертвах войны здесь напоминает все: мемориалы в городах и на дорогах, портреты погибших бойцов на прячущих развалинах заборах, экспозиции школьных музеев и мраморные доски с

Жива знаменитая роща пицундских сосен, 2010 г. Но пансионаты обветшали, посетителей мало, доходов тоже.

десятками имен в коридорах университета, биллборды с национальными символами и портретами первого президента Абхазии, востоковеда В.Ардзинбы в военной форме. В любом случае, теперь трудно даже помыслить, чтобы даже в далекой перспективе абхазы согласились жить в одном государстве с грузинами.

И уж конечно, о войне хорошо помнят грузинские беженцы. Проблема их возвращения исключительно болезненна. Оно несомненно затронуло бы основы нынешнего абхазского государства – и в силу численного перевеса и повсеместного проживания грузин в советской Абхазии, и из-за груза недавнего и отдаленного прошлого в коллективном сознании.

Относительная стабилизация политической ситуации после августа 2008 г. и отсутствие прямой военной угрозы, борьба за дипломатическое признание и интеграция в мировую систему, выбор стратегии экономического развития и сохранение устоев демократии в небольшом сообществе – все это ныне новые вызовы Республике.

В Средней Азии с Н.Ф. Глазовским

Дату своей первой встречи с Никитой я не помню. Вероятно, это был конец 1973, либо начало 1974 года. Людям, которым сейчас за пятьдесят, хорошо известно, насколько 1974 г. был сложным и напряженным для почвенной науки, ибо это был год X Международного конгресса почвоведов, проходившего в Москве. Вот в такой непростой период в Институте агрохимии и почвоведения АН СССР в лаборатории чл.-корр. АН СССР В.А. Ковды появился прошедший по конкурсу младший научный сотрудник, к.г.-м.н. Н.Ф. Глазовский. Он предложил мне участвовать в экспедиции, маршрут которой должен был охватить огромную территорию Казахстана и Средней Азии. В разговоре выяснилось, что мы оба заканчивали один и тот же геологический факультет, но разные кафедры, знаем одних и тех же преподавателей. Мне стало ясно – это судьба, мы едем. Правда, я тут же выразил сомнение: отпустят ли нас в связи с работами по организации конгресса. Однако у Никиты была определенная уверенность, что экспедиция состоится, поскольку еще в начале 1974 г. он обсуждал с В.А. Ковдой программу и направление своих исследований в лаборатории и, в частности, план полевых работ на год. Экспедицию В.А. Ковда разрешил с одним условием – вернуться в Москву к началу конгресса, т.е. к августу, и подписал приказ об организации отряда, начальником которого былтвержден я.

Сразу же отмечу, что с самой первой встречи с Никитой у меня возникло к нему доброе, хорошее и уважительное отношение, которое за наше, более чем тридцатилетнее, знакомство не менялось, а скорее усиливалось с годами. Он был прост в общении, прекрасно зная свой предмет, умел коротко и емко объяснить не только научную сторону вопроса, но частенько, техническую и бытовую – разумеется, скавывался многолетний опыт экспедиционной работы, где, зачастую, возникали различные экстремальные ситуации.

В то время (70-е годы прошлого столетия, которое сейчас почему-то называют «застойным») снабжение полевых отрядов было просто великолепным. В экспедицию получали прекрасный индийский чай, которого сейчас днем с огнем не сыщешь, и обязательно второго сорта, который был почему-то вкуснее первого, барочный растворимый кофе, деликатесные консервы мясные и рыбные, тушенку говяжью и свинью, сухую копченую колбасу, воблу, сгущенное молоко и т.д. Вопрос с автотранспортом решился быстро и, как нам с Никитой казалось, вполне положительно. Поскольку работы предполагались в зоне песчаных пустынь, нам выделили автомашину ГАЗ-63 – вездеход с двумя ведущими осями. Тот, кто помнит эту машину, знает, что это – высокостоящий грузовой автомобиль, довольно неустойчивый, склонный к опрокидыванию на бок. Водителем оказался юнец, только что устроившийся на экспедиционную автобазу АН СССР Анатолий Баранов. Экспедиция 1974 г. с Н.Ф. Глазовским по маршруту Пущино–Казахстан–Узбекистан–Киргизия и обратно стала для меня хорошей научной и житейской школой и во многом, если не во всем, определила последующие годы моей жизни и работы.

Итак, выехав обеспеченные оборудованием, финансами и продовольствием, мы через день были в Сызрани и далее до Уральска наш небольшой экспедиционный коллектив проехал вполне неплохо: водитель за рулем, я рядом с ним в качестве штурмана (выбирал путь до Уральска), а Никита в кузове машины – занимался расчетами и рисовкой контуров карт, которые были впоследствии опубликованы в его статьях и монографиях. На участке пути Уральск–Актюбинск начались наши злоключения: неожиданно впереди что-то задребезжало, пошел пар, начались какие-то скачки машины. Остановились, начали проверять, в чем же дело. Оказалось, что двигатель нашего грузовика не закреплен болтами и прет вперед. Еще немного и он бы протаранил радиатор и тогда пришел бы конец нашему чудесному путешествию. Бог миловал, и мы встали посреди Актюбинской степи. Дело за малым – надо закрепить двигатель болтами, которые, вероятно, от тряски покинули свои места. Но не тут-то было. В машине не оказалось ни одного болта и гайки. Выяснилось, что вообще никакого крепежа любого размера в машине нет и найти его посреди степи невозможно! Последовало разумное предложение от Никиты – что-то где-то отвернуть, где много болтов. Так и сделали, кое-как закрепили двигатель, по-моему на одном болте и, привязав его капроновыми канатами к раме, по-тихонечку двинулись к Актюбинску. Думаете куда? Прямо в гараж обкома КПСС, где работал кто-то из выпускников М.А. Глазовской. Далее поехали убежденные, что у нас со всем все в порядке.

Обследовали бассейн р. Эмбы в Актюбинской области, часть Тургайской и Карагандинской областей. Везде это были многокилометровые перегоны и краткие остановки для отбора проб с работой по 12–14 часов в сутки. Следует отметить, что Никита прекрасно знал маршрут и точки отбора, как будто уже бывал там. Я лишь позднее понял, что каждый перегон и каждую остановку для работы он обдумал и просчитал еще в Москве.

Так, с работой и ночными перерывами на 5–7 часов мы добрались до г. Балхаша. Тогда город был оазисом в центре Казахстанской пустыни. Это был город Солнца с хорошими домами, магазинами, с великолепными аллеями, асфальтированными улицами и дорогами, прекрасным снабжением. Закупили продукты и поехали дальше на юг. В километрах 20–30 от Балхаша лопнул баллон правого переднего колеса. Колесо еле сняли, настолько грязь и ржавчина прикипели к металлу. Промучившись 4–6 часов, освободили колесо, заклеили камеру, собрали, накачали, пора ехать, а время – темень жуткая. На стоянку на оз. Балхаш приехали далеко за полночь. Просыпаюсь часов в 5, смотрю: Никита сидит за раскладным столом и работает. Так мы и жили вблизи Балхаша несколько дней: Никита работал под тентом с раннего утра до позднего вечера (даже в самую 40–50 °C жару), я отбирал образцы, ловил рыбу, водитель купался с утра до вечера в озере. От этого времени остался уникальный кадр, вошедший в книгу Е.В. Лобовой и А.В. Хабарова «Почвы СССР», стр. 137. Закончив камеральный период, поехали дальше на юг, оставив это благодатное место.

Проехав дальше, по направлению к столице Казахстана по бездорожью, особых приключений мы не испытали, за исключением одного эпизода. Уже по асфальтированной дороге на пути к Алма-Ате, проезжая по какой-то сырой и заросшей ивняком местности. Мы с Барановым увидели, что дорогу нам перебежал какой-то зверь, похожий на огромную черную или почти черную кошку, вроде пантеры, до-

вольно большую. Мгновенно остановившись, призвали Никиту в свидетели, но уже ничего не увидели – зверь убежал. А Никита сказал, что, судя по описанию, нечто подобное из породы кошачьих водилось раньше в равнинной части предгорий Заилийского Алатау, но сейчас этот зверь полностью истреблен.

Прибыв в столицу, мы направились на высокогорную мерзлотную станцию в окрестностях Алма-Аты, где работали друзья и коллеги Никиты. Подъем от Алма-Аты в гору до этой станции запомнился мне на всю жизнь, и сейчас я его порой с дрожью вспоминаю. Эта дорога шириной чуть более ширины машины, а следовательно, на различных поворотах дороги либо справа, либо слева оказывался обрыв в ущелье, высотой несколько сот метров. Изредка встречались разъезды со встречными машинами. Сколько страха я натерпелся и сейчас не могу передать, не могу того же сказать о Никите.

В один прекрасный момент мы решили направиться на покорение вершины ближайшего горного хребта. Перед выходом Никита обратил внимание на то, что я слишком слабенько одет. Однако я пренебрег его советом, накинул какую-то легкую куртку, и мы двинулись покорять вершину. Сначала все шло великолепно, кругом пологие склоны, но наконец, мы вышли на хребет длиной несколько сот метров. Слева почти отвесный склон, справа – чуть положе, а с каждым метром все холоднее и холоднее. Наконец-то мы взяли вершину, оставили в банке, как положено, свои координаты о покорении вершины, посидели, обозревая горные окрестности, ледники и снежники, и я готов был спускаться вниз, тем более, как мне показалось, именно в этом месте спуск был наиболее удобен. Вдруг Никита заявил, что он продолжит идти по хребту, чтобы выйти на соседний хребет с залегающими на нем ледниками и снежниками, расположенный несколько под углом к нашему, покоренному. Спорить с Никитой и убеждать его, что не стоит этого делать, я не стал. Договорились, что мы встречаемся у подножия хребта при спуске. На этом мы расстались, нарушив элементарный закон техники безопасности: не оставляй товарища одного в маршруте. Мой спуск был достаточно прост и внизу я согрелся и ждал на пологом склоне Никиту, который никак не миновал бы меня в этой точке. Минут через 40–60 появился Никита, страшно расстроенный. Выяснилось, что покоренный нами хребет заканчивается непроходимым склоном-обрывом, и перехода на заснеженный и ледниковый склон просто нет. Поэтому Никите пришлось вернуться, ситуация победила всякие желания. Лишь много лет спустя, когда у нас с Никитой начался другой этап научного взаимодействия, я понял, почему он рвался к этим заснеженным и обледенелым склонам. Он прекрасно знал о работах по изучению химического состава снега, снежников, ледников в различных районах мира, и захороненных в их толщах пылевых атмосферных поступлениях. Именно тогда у него возникла идея изучения атмосферных осадков для оценки состояния окружающей среды различных регионов и индикации антропогенного геохимического воздействия на компоненты ландшафта. Об этом свидетельствует, кстати, статья Никиты с братом Андреем по изучению микроэлементного состава пыли из снежного покрова Заилийского Алатау (1982).

Накануне нашего отъезда из Алма-Аты в сторону озера Иссык-Куль (Киргизия) и далее к Аральскому морю согласно маршруту, разработанному Никитой, он, наконец-то, нашел время встретиться со своими старыми знакомыми и решил пере-

ночевать у них. Мы с водителем расположились на стоянке в спальных мешках на раскладушках, а Никита в городе. С той и другой стороны от нашего импровизированного лагеря с шумом несли воды две реки. Вдруг, где-то в середине ночи начались какие-то движения земли, мне показалось, что какая-то из рек несет огромные камни, настолько огромные, что это привело в движение почву, и земля подо мной заколыхалась. Именно так я это все воспринял. Было это все считанные минуты, если не секунды. Я перевернулся на другой бок и продолжил спать. Ранним утром с первым автобусом (городские автобусы ходили до места слияния этих двух рек), когда мы с Барановым преспокойно еще спали, что называется, хоть машину крали, примчался Никита, страшно возбужденный. Оказывается, ночью было землетрясение сколько-то баллов, и в городе в домах оно фиксировалось по движению столов и прочей мебели. Напуганный за нас, ибо мы находились в горной наиболее сейсмоопасной зоне, Никита первым же автобусом приехал к нам проверить наше состояние, очень переживал за нас.

Еще на подъезде к Алма-Ате у нас сел аккумулятор, и по утрам мы с Никитой заряжались тем, что крутили рукоятку, чтобы завести двигатель и двинуться вперед. В Алма-Ате мой друг организовал для нашей машины новейший аккумулятор, который профессионально зарядили в мастерской одного серьезного учреждения и, что называется, подарили нам. Мы двинулись в дальнейший путь в направлении на Фрунзе, оз. Иссык-Куль и обратно Фрунзе, Джамбул вдоль р. Сыр-дары к Кзылорде, Аральскому морю и г. Аральск. Сразу же начались приключения. Наш новый, только что из-под пломбы и только что установленный на машину и какое-то время работавший аккумулятор вдруг перестал работать, двигать стартер и заводить двигатель. И вот нам – пассажирам, опять пришлось на каждой остановке, начиная с утра, крутить вместо утренней зарядки рукоятку. Проехав и отработав весь приведенный маршрут, не забыв искупаться в Сыр-дарье, мы добрались до г. Аральска.

С болью смотрели мы на большие и малые суда, стоящие в песке на значительном удалении от берега моря. Из Аральска мы выехали в грустном настроении, хотя чувствовали, что поездка близится к завершению. Вблизи Араля было несколько остановок, на одной из которых Никита сообщил о желании сплавать на своей байдарке к скале Берга, на которой должны быть обозначены отметки уровня Аральского моря. Мои попытки убедить его не плавать, были безуспешны. Он уплыл, а вернулся очень поздно, когда я уже весь издергался. Отметок уровня Араля он не нашел. Слава Богу, что на своей видавшей виды байдарке он добрался до лагеря.

Езда и работа по Большим и Малым Барсукам кажется мне сейчас просто прогулкой по плотным пескам Приаралья. Переехав р. Эмбу у г. Гурьева, мы двинулись по берегу северного Каспия, периодически делая короткие гидрохимические профили от берега моря на север, копая в песке разрезы до грунтовых вод примерно глубиной 2,5–3 м. Узнав, что мы взяли курс на Москву, наш водитель решил показать нам, как надо возвращаться домой, и не успели мы сообразить, что имеется в виду, он разогнал машину и попытался перепрыгнуть через арык. В результате – сломанная рессора, у которой остался целым один нижний лист. Продолжая наш маршрут, в песках мы случайно наткнулись на сгоревший бензовоз на базе как раз автомашины ГАЗ-63, стоявший вдоль дороги. Хотя и с большим трудом, но рессоры с нее мы сняли, чтобы обезопасить наш дальнейший путь.

Наконец, добрались в Пущино до института, разгрузились на складе и тут новая напасть: прибегает начальник снабжения и требует загрузить автомашину фанерными щитами и еще чем-то, чтобы завезти все это в МГУ к предстоящему Х конгрессу почвоведов. Как мы ему ни доказывали, что машина в аварийном состоянии и первый же пост ГАИ нас остановит, а водителя серьезно накажут, что нам бы добраться до экспедиционной автобазы, расположенной на въезде в Москву, убедить его не удавалось. Последовали угрозы, что он доложит В.А. Ковде о нашем отказе, что мы срываем конгресс и т.д. Вот здесь я впервые увидел Никиту крайне возмущившимся. Всегда спокойный Никита категорически заявил, что он ничего не повезет и не может подвергать людей смертельной опасности. Помыв машину, они с водителем уехали в Москву, а я, соответственно, домой. Этот инцидент так ничем и не закончился. Если даже начальник снабжения и доложил об этом случае В.А. Ковде, я думаю, что Виктор Абрамович адекватно оценил ситуацию и не стал обострять неприятный вопрос, тем более, что он был абсолютно ясен, а Никита несмотря ни на что вернулся к началу конгресса.

В заключительной части моего очерка о Н.Ф. Глазовском подчеркну, что я был первым соискателем у Никиты. Он был вторым руководителем диссертации (первым был В.А. Ковда). Защита моей кандидатской диссертации состоялась 20 апреля 1981 г., когда Никита был на своем любимом Устюрте, где ни дорог, ни поселков, ни посты, ни связи. По воспоминаниям С.В. Губина, бывшего вместе с ним в тот год в экспедиции, за несколько дней до моей защиты Никита начал «метаться» (термин, который употребил С.В. Губин) в поисках возможности дать телеграмму – отзыв о моей работе в диссертационный совет, где я защищался. Поскольку отделений связи в этом пустынном регионе, разумеется, не было, пришлось Никите, срочно изменив маршрут, ехать за несколько десятков километров в более цивилизованные места. Телеграмма пришла вовремя и была зачитана на заседании Ученого совета.

После ухода Никиты из Пущинского института в МГУ и далее на пост заместителя директора Института географии РАН, наши научные связи трудно было поддерживать. В нашем институте к тому времени появились приборы, определяющие в пробах тяжелые металлы. Поэтому вся работа по изучению биогеохимического круговорота вещества в ландшафтах по программе Н.Ф. Глазовского сосредоточилась на изучении закономерностей миграции тяжелых металлов в природных фоновых ландшафтах и их антропогенных аналогах. Никита был категорически против включения его в соавторы статей, написанных по этой тематике, и никакие мои доводы не могли его переубедить. При подготовке книги «Почвы, биогеохимические циклы и биосфера», посвященной 100-летию со дня рождения В.А. Ковды, где Никита был ответственным редактором, я очень просил, даже требовал, чтобы он был соавтором в статье, изданной в этой книге. Улыбающийся Никита сказал: «Нет, Валера, ты будешь единственным автором».

Последняя встреча и последний разговор с Никитой был как раз на юбилейной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.А. Ковды. Здесь удалось хотя бы немного поговорить с Никитой и что-то обсудить. Мария Альфредовна уезжала в Москву вечером, не дождавшись окончания конференции, и я запомнил их в проеме дверей на выходе из Института с приветственно поднятой рукой, как оказалось, прощальной.

Много можно вспоминать о Никите, но ни одного случая, характеризующего его отрицательно, я припомнить не могу. Для меня и моих близких Никита – крупный ученый и организатор науки, понимающий ее проблемы и решающий их в меру своих возможностей с полной отдачей сил, трудяга, честнейший и глубоко порядочный человек, очень приятный в общении, способный понять чужие проблемы и помочь решить их, если это в его силах.

Я рад и счастлив, что мне пришлось знать Никиту и работать с ним – человеком широкой души, бескорыстным во всех вопросах, отзывчивым на боли друзей и всегда готовым прийти на помощь.

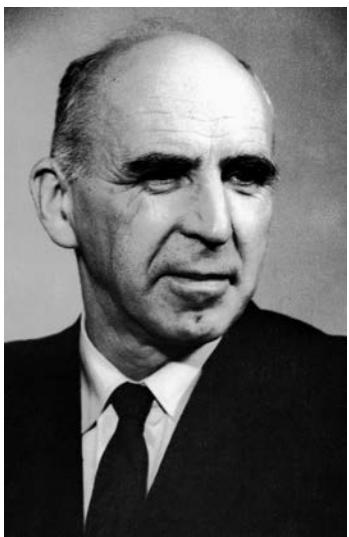
Частъ III
Штрихи к портретам коллег

Е.М. Зингер, В.М. Котляков

Григорий Александрович Авсюк (1906–1988)

Гляциолог, д.г.н. (1954), профессор (1956), академик (1984).
В Институте в 1937–1988 гг., зам. директора Института (1954–1984),
создатель и руководитель отдела гляциологии (1957–1968),
директор Института (1985–1986)

Г.А. Авсюк.

Григорий Александрович Авсюк родился в Петербурге в семье военного топографа. Он владел той же профессией, что и его отец. Поступив в Московское топографическое училище, а затем в Московский геодезический институт и окончив его в 1930 году, Г.А. начал работать инженером-геодезистом и картографом. В середине 1930-х гг. поступил на службу в Главное управление Северного морского пути (ГУСМП) при Совнаркоме СССР, откуда вскоре впервые в своей жизни отправился в Арктику. Он провел две зимовки на полярной станции Бухта Прончищевой на побережье Таймыра. Там он занимался определением астрономических пунктов геодезической сети на берегах Северного Ледовитого океана. Совершая поездки на собачьих упряжках по арктической тундре, он знакомился с полярными льдами. С тех пор льды, сначала морские, а потом ледниковые, становятся основным предметом его исследований.

Гидрографические изыскания на Крайнем Севере включали изучение ледяного покрова арктических морей, составление прогнозов ледовитости таймырского участка Северного морского пути, традиционную описание морских берегов и нанесение их на карту. Полученные тогда Г.А. Авсюком данные были использованы при создании полетных штурманских карт аэроцессий. Они оказали существенную помощь участникам трансарктических перелетов, в том числе полетов в 1937 году на Северный полюс воздушной экспедиции под руководством О.Ю. Шмидта и через Северный полюс в Америку экипажей В.П. Чкалова и М.М. Громова. В Главсевморпути Г.А. Авсюк занимал ответственные должности в управлении воздушной службы и Бюро ледовых прогнозов, где возглавлял отдел карт и лоций. А потом на протяжении более полувека его основная научная и организационная деятельность была связана с Институтом географии АН СССР. В стенах Института он работал с 1937 года до последнего дня своей жизни, оборвавшейся 30 ноября 1988 года. Пройден путь от рядового научного сотрудника до академика, заведующего самым крупным отделом и заместителя директора Института.

В 1946 году Г.А. Авсюк во главе Киргизской комплексной экспедиции отправляется на хребет Терскей-Алатоо, ограждающий с юга высокогорное озеро Иссык-Куль. Там он провел первые в Советском Союзе комплексные стационарные наблюдения в высокогорье. Этот вид географических исследований получил широкое применение в нашей стране. На базе Киргизской комплексной экспедиции Григорий Александрович организовал в с. Покровка, близ озера Иссык-Куль, первый в нашей стране научно-исследовательский географический стационар – высокогорную Тянь-Шанскую физико-географическую станцию, и стал ее директором. Под его руководством станция на Тянь-Шане превратилась в прекрасную школу для воспитания молодых кадров советских гляциологов. Впоследствии вместе с высокогорным филиалом в верховьях р. Кызыл-Су и на леднике Карабаткак станция была передана Академии наук Киргизии.

Григорию Александровичу принадлежит ряд классических работ по гляцио-геоморфологии и геологической деятельности горных ледников. Они содержат морфологическую классификацию горных ледников, анализ механизмов глыбового движения льда и формирования морен. Занимаясь изучением эволюции ледниковых систем, Г.А. Авсюк установил, что приостановка движения (омертвение) концов ледников представляет собой одну из характерных черт общего убывания оледенения горных стран.

Говоря о Г.А. Авсюке, нельзя пройти мимо его исключительной роли в организации отечественной науки о ледниках. Именно им, по существу, была создана современная гляциологическая школа нашей страны. Под его руководством реализованы межведомственные проекты, проведены конференции и симпозиумы, созданы объединения гляциологов в учреждениях Академии наук СССР и союзных республик, университетах и ведомственных институтах

Грандиозным научным мероприятием XX в. стал Международный геофизический год (МГГ). Тысячи ученых из 67 стран Старого и Нового Света объединили свои усилия, чтобы выполнить в 1957–1959 гг. по единой программе комплексные исследования глобальных геофизических процессов в период максимума солнечной активности. Впервые гляциология стала одним из главных разделов изучения Земли. 103 ледниковые станции должны были работать в самых разных районах Земли – от Северного до Южного полюса.

В 1956 г., вскоре после возвращения из Антарктиды, Г.А. Авсюка назначают председателем Рабочей группы по гляциологии Межведомственного комитета Международного геофизического года при Президиуме АН СССР, а в Институте географии АН СССР – руководителем большой группы участников экспедиций МГГ,

Полевой ночлег.

Слева направо: В.М. Котляков, Г.А. Авсюк, М.Г. Гросвальд.

Трудового Красного Знамени.

Академик Г.А. Авсюк был не только замечательным ученым и организатором науки, но и истинным интеллигентом, всегда создававшим вокруг себя обстановку благожелательности, товарищества и демократизма. Он всегда пользовался авторитетом среди юных сотрудников и маститых ученых, всеобщим уважением и любовью. Григорий Александрович был доступен для любого сотрудника, независимо от должности и звания. Они шли к своему руководителю за советом по научным, производственным или даже личным вопросам. И Григорий

Александрович всегда незамедлительно откликался, оказывал по возможности необходимую помощь. Сотрудники отдела гляциологии называли между собой своего начальника совсем по-родственному – «дядя Гриша». Его отличали необычайная скромность, благородство и бескорыстие. Например, будучи одним из руководящих работников Академии наук, он имел полное право получить в Москве бесплатную квартиру, но, не воспользовавшись своим положением, приобрел квартиру в платном академическом кооперативе. В подвале этого же дома размещался на первых порах отдел гляциологии, созданный в ИГАНе.

Рисунок А.Д. Арманда.

лично отобранных им из молодых специалистов. В подготовке и проведении работ по программе МГГ с новой силой раскрылся организаторский талант Г.А. Авсюка. С энтузиазмом и ответственностью он руководит формированием крупных гляциологических экспедиций в Арктику. Он занимается оснащением экспедиций современным научным оборудованием, составляет и выпускает серию «Основных методических указаний по гляциологическим исследованиям», в соответствии с которыми работали зимовочные экспедиции МГГ на ледниках Земли Франца-Иосифа, Новой Земли, Камчатки, Якутии, Алтая, Средней Азии и Полярного Урала, а также в Антарктиде.

Плодотворный труд Григория Александровича Авсюка в науке был отнесен многими государственными наградами, среди которых два ордена Ленина, ордена Октябрьской Революции и

Давид Львович Арманд (1905–1976)

Физикогеограф, страновед, д.г.н.(1957), профессор (1963).

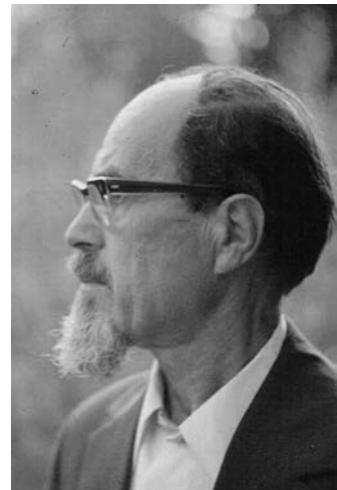
*В Институте в 1940–1976 гг.,
зав. отделом физической географии (1960–1966)*

Давида Львовича Арманда знают не только географы и не только в нашей стране. Его имя знакомо эсперантистам, конструкторам электродвигателей, любителям и организаторам туризма, лесоводам, агрономам, инженерам, конструирующими сельскохозяйственные машины, читателям популярных книг о проблемах природопользования, о географии прошлых и наших дней. И, конечно же, энтузиастам охраны природы.

За 36 лет работы в нашем Институте он сделал необычайно много. Институт обязан ему множеством достижений. И не только научных. Роль этого незаурядного человека в формировании творческой атмосферы, стиля общения, высоких стандартов работы чрезвычайно велика. В Институте он был моим первым и любимым учителем. Уверен, не только моим.

В моей жизни его роль была особенной. После университета мне, выпускнику «зарубежки»¹, направленному в отдел физической географии Института, для включения в нормальную работу необходимо было набираться опыта полевых исследований, постановки и решения задач, основанных на оригинальном эмпирическом материале, а не только на литературных источниках. И Давид Львович сразу же занялся моим обучением – отправил меня на Курский полевой стационар Института, поручил несколько заданий по обработке экспериментальных данных, познакомил с приемами и методами такой работы. Он не жалел времени, чтобы показать мне как пользоваться логарифмической линейкой, пропорциональным циркулем, планиметром и многими другими простыми инструментами того времени.

Сам он виртуозно владел техникой камеральной работы. В моих глазах за письменным столом Д.Л. воплощал облик мыслителя, в котором, однако, присутствова-

*В Эстонии на стационаре
Вооремаа, 1974 г.
Фото В.В. Мазинга.*

¹ Эффект «железного занавеса» советских времен выражался в существовании кафедр, посвященных исключительно географии зарубежных стран. Преподаватели и студенты этих кафедр изучали природу и хозяйство зарубежных стран заочно, не имея возможности просто побывать там, не говоря уже об организации полевых исследований.

Давиду Арманду около 20 лет.

не обременяя своими нуждами – он штопал свои носки, стряпал еду, мыл полы.

Давид Львович был одарен многими и очень разными способностями. И хотя со временем его смерти прошло уже более 30 лет, многие его статьи и книги читают и студенты, и маститые ученые, их штудируют, ссылаются на них по сей день. Давид Львович всегда был устремлен вперед. Он предвидел развитие нашей науки. И выстроил основания и программы для множества перспективных направлений географических исследований.

Путь и творчество ученого, как и любого человека, определяется не только сочетанием способностей, но и судьбой. Вот самые краткие биографические сведения о Давиде Львовиче.

Давид Львович родился в апреле 1905 года в семье фабриканта, имевшего предка француза. Один из трех либерально настроенных сыновей фабриканта был отцом Давида Львовича. За другого вышла замуж служившая в этой семье гувернанткой Елизавета Федоровна Стеффен, принявшая фамилию Арманд. Под именем Инесса она стала известной деятельницей РСДРП, человеком, близким В.И. Ульянову-Ленину. Вообще, в те годы в подмосковном поместье деда-фабриканта Ельдигино (недалеко от нынешнего города Пушкино) его дети активно занимались отнюдь не эксплуатацией трудового народа, но либеральным просветительством и революционной работой, организовали даже подпольную типографию.

Еще недавно в Ельдигино сохранялся музей Инессы Арманд. Советская власть, чтившая соратницу Ленина, его создала и поддерживала. О семье Армандов в этом музее узнать можно было немного, но помню ряд комнат с обстановкой, характерной для начала XX века, с огромным французским роялем красного дерева в гостиной. Боюсь, он не сохранился. От революционного разорения дом Армандов советская власть уберегла, но в середине 90-х годов его купила какая-то строительная фирма для устройства загородного клуба. Последний раз я был в этом доме вскоре

ли вначале смущавшие меня черты конторского служащего – во время работы он надевал нарукавники. Но вскоре я понял – это было просто органичное проявление его рационализма, несколько не диссонирующее с рафинированным образом.

Его оригинальные тексты, рождавшиеся очень быстро, обладали глубиной, выразительностью и ясностью. Он был замечательным педагогом, блестящим лектором, тонким экспериментатором и интерпретатором, одновременно и теоретиком, и наблюдательным и проницательным полевиком. И очень доброжелательным человеком. Я сразу влюбился в него, прыгал вокруг как жизнерадостный щенок, возможно, досаждая своей слишком активно выражаемой привязанностью. Но со временем научился сдерживать свои восторги, беречь его время, заботиться о нем. Хотя в характере Давида Львовича было все делать самому, никого

Семья. 1957 г. Сидят: внучка Лена, сноха Ольга, жена Галина Васильевна, дочь Елена. Стоят: сын Алексей, Давид Львович, зять Владимир.

после этой смены хозяев. Пожилая смотрительница музея, жившая в Ельдигино, грустно переносила в ближний сарай музейные экспонаты. Место рояля должен был занять бильярд.

За участие в революции 1905 года родители Давида Львовича вместе с маленьким сыном были высланы из России. Они жили во Франции, в Швейцарии, в Италии. Немало путешествовали. Кто знает, может быть, эти детские впечатления питали влечение Давида Львовича к экспедициям, побудили оставить первую профессию инженера-электрика и стать географом?

В Россию Арманды вернулись в 1913 году. В Москве Давид Львович закончил Государственный электромашиностроительный институт (Институт красных инженеров Каган-Шапшая), с 1927 года работал на заводе «Динамо» – вначале инженером, затем конструктором, потом главным инженером гальванического цеха. А в 1936 году он снова стал студентом – поступил на заочное отделение географический факультета в Ленинградский университет, позже перевелся в Московский.

Заочная учеба в университете для взрослого, постигающего новую специальность, но уже блестяще образованного человека, это не обычная студенческая жизнь, а интенсивная работа, и характер ее особый. Давид Львович еще не был связан рамками и обязанностями новой профессиональной деятельности: обширной темой или несколькими темами исследований, заседаниями, административными делами, обязательными рецензиями и отзывами, редактированием, неизбежной, но часто тягостной «научной текучкой». Он был, вероятно, свободнее в выборе занятий, чем во все последующие годы. И не случайно именно в это время написаны прекрасные научно-популярные книги «Грозные силы. Рассказы о грозных явлени-

ях природы» (1940), и «Как измерили Землю» (1941). Их с полным правом можно назвать научно-художественными.

Вероятно, дать полную свободу своему литературному таланту, а обнаружился он уже в юности (первая публикация относится к 1920 году!), Давид Львович впоследствии уже не мог, не хватало времени. Работа ученого поглощала его почти целиком. Но все же популярные книги и брошюры продолжали выходить: «Ореховая экспедиция» (1947), знаменитая «Нам и внукам» (первое издание в 1964 году, затем на протяжении пяти лет еще три), «Физическая география в наши дни» (1968).

С 1940 года и до конца жизни Давид Львович трудился в Институте географии АН СССР. Вот основные направления и этапы его работы.

Первые годы в Институте Давид Львович посвятил страноведению. Результат – несколько книг о Румынии, по одной из них защищена кандидатская диссертация. В военное время – полевые работы под руководством А.Е. Ферсмана на Урале по обеспечению нужд Красной армии. А уже через год после окончания войны новая страноведческая книга «Остров Хоккайдо».

Занийством страноведением Давид Львович не оставлял и в дальнейшем. Вообще, он по преимуществу оставался верен основным темам когда-либо начатых исследований, хотя тем этих с течением времени становилось все больше. Но Давид Львович «мог все» и все успевал. Между тем, доклад свой на посвященном его 60-летию Ученом совете Института назвал «одиннадцать не могу». Это были 11 направлений его работы, ему наиболее интересные и, как ему самому казалось, только лишь начатые, только намеченные, устремленные в будущее и незавершенные.

Лекция группе эсперантистов – участников летней школы.

Но вот, через 40 лет, на заседание Ученого совета нашего Института, посвященное 100-летию со дня рождения Д.Л. Арманда, с докладами пришли его коллеги и ученики. Пожалуй, общим рефреном в этих докладах стала фраза, звучавшая, приблизительно, так: за 35 лет своей работы в Институте Давид Львович сделал так много, что мы и сегодня, продолжая развивать начатые им дела, успели вместе сделать не намного больше, чем он. Общенаучное значение трудов Д.Л. Арманда, всех его «не могу», воплощаемых в географические принципы исследований нашего времени, подчеркнул В.А. Шупер. По его мнению, стремление Давида Львовича к выявлению объективного естественно-научного знания служит для нас ориентиром, все более утрачиваемым в социальных науках, где эффективность становится важнее истинности (типичный пример – политтехнологии).

В первые послевоенные годы Давид Львович много занимался внедрением физико-математических и экспериментальных методов в географические исследования. Одна за другой публикуются методические и теоретические работы, ставшие классическими: «Основы метода балансов в физической географии» (1947), «Функциональные и корреляционные связи в физической географии» (1949), «Изучение геоморфологических процессов экспериментальным методом» (1950), «Опыт математического анализа связи между типами растительности и климатом» (1950), «Принципы физико-географического районирования» (1952), «О некоторых теоретических положениях физической географии в связи с критическим разбором взглядов академика А.А. Григорьева» (1951).

И сейчас для каждого серьезного вузовского курса, каждой обобщающей монографии в соответствующих разделах географии эти статьи – один из необходимых элементов построения, если не фундамента.

Названные выше работы – только некоторые примеры и только исходные рубежи, от которых потом продолжались исследования. Полнее или сжато и более фрагментарно, чем прежде, но так или иначе Давид Львович продолжал разрабатывать начатое. Нередко он приходил, спустя годы, к новым воззрениям и не скрывал своих ошибок, подводя итоги. Такой итоговой книгой являются его очерки теоретических и логико-математических основ ландшафтования («Наука о ландшафте», 1975).

Новый цикл исследований начался в 1949 году, когда Давид Львович был привлечен к работам крупных экспедиций по полезащитному лесоразведению, составлению земельного кадастра, борьбе с эрозией. И в этих областях многие работы Д.Л. Арманда стали классическими – в них сплав опыта полевого исследователя, инженера, знатока сельского хозяйства. С интервалом в два года (1956, 1958) выходят две монографии о сельскохозяйственной эрозии, отредактированные и в значительной мере написанные Давидом Львовичем. Вскоре защитив докторскую диссертацию, он публикует фундаментальное обобщение: «Физико-географические основы проектирования сети полезащитных лесных полос» (1961). Эту книгу Географическое общество СССР отметило золотой медалью имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, но с равным правом она могла бы получить высшие награды, присуждаемые за труды и по сельскому хозяйству, и по гидротехнике и мелиорации.

Трехлетние экспедиционные исследования по эрозионной тематике в Китае позволили Давиду Львовичу не только написать специальную монографичес-

Пока Давид Львович доверяет внуку Егору только вилы.

зике ландшафта. В этом новом, созданном им научном направлении стал работать большой коллектив географов разного профиля. Возможно, именно работы на стационаре в сотрудничестве с биогеографами, а также общий процесс экологизации науки побудили Давида Львовича позже расширить рамки физики ландшафта и назвать это направление физико-экологическим.

С первых лет участия в работе крупнейших экспедиций, созданных для осуществления планов преобразования природы, Давид Львович развивает научные основы не только преобразования, но и охраны природы, рационального природопользования.

Пожалуй, наиболее широко он известен у нас в стране именно как один из организаторов и активнейших деятелей этого движения. Характерны заголовки его многочисленных статей в центральных газетах и журналах того времени: «Берегите землю», «И природе нужен бухгалтер», «Прогноз на будущее», «Тревоги обоснованы, надежды реальны». Ни одной другой теме Давид Львович не отдавал столько душевных сил. Он – среди инициаторов и авторов закона РСФСР 1960 года об охране природы, одного из первых в мире.

Еще одна тема увлечений и творчества Давида Львовича – эсперанто. Гуманист, рационалист по складу личности, ученый – Давид Львович видел в эсперанто средство овладения лавиной научной информации и путь сближения людей мира. Отечественные эсперантисты многим обязаны Давиду Львовичу. На эсперанто он публиковал и географические научные работы, и филологические, писал популярные заметки.

Важной сферой деятельности для Давида Львовича всегда была работа в энциклопедиях. Для Большой Советской и для Краткой географической энциклопедий он написал десятки крупных и малых статей. Им присущи лаконичный, ясный стиль

кую работу о Лессовом плато², но и из заочного страноведа стать очным. Его очерки природы Восточного Китая приобрели тот особый аромат страны, который может передать лишь очевидец.

А какие насыщенные, захватывающие лекции читал Давид Львович об этой стране! Он обладал незаурядным талантом лектора, был искренен, щедр и оставлял глубокий след в умах и сердцах слушателей.

В 1960 году Д.Л. Арманд возглавил отдел физической географии Института, а затем его Курский стационар. Здесь он организовал первые комплексные исследования по фи-

² Недавно она опубликована на китайском языке (2004).

изложения, максимальная информативность. Огромное число статей он отредактировал, во многом определил структуру и состав статей географической энциклопедии. Вообще, Давид Львович был мастером редактирования и научил этому ремеслу многих коллег.

Поражает разнообразие адресатов, которым предназначались несколько сот составленных Давидом Львовичем научных записок, отзывов, экспертных заключений. Это, например, Ученые советы Транспортно-экономического института, Института философии, Академии строительства и архитектуры. Это Госплан, Союз советских обществ дружбы с зарубежными странами, Гидропроект, Министерство высшего образования и Министерство сельского хозяйства, Радиокомитет, Комитет по Ленинским и Государственным премиям, Конструкторское бюро Всесоюзного института агролесомелиорации.

Давид Львович оставил большое литературное наследие – более 760 публикаций. Но его роль в жизни Института и сообщества географов еще и в другом. Его деликатное, но столь продуктивное наставничество, его человечность, само его присутствие создавали климат, в котором мы дышали свободно, работали увлеченно, ощущая взаимную благожелательность. Его строгие оценки собственных исследований побуждали и нас стремиться к достижению наилучших результатов. Мы знали – Давид Львович понимает авторство не как собственность, а как ответственность.

Творчество, судьба и личность Давида Львовича неразделимы. В ноябре 1976 года, прощаясь с ним, Юрий Константинович Ефремов говорил: «Великим его достоянием были доброта, терпимость, бескорыстная честность и оптимизм. Через все препоны, досады и понижающие коэффициенты он шел со светлой душой, не творя зла». Слова Николая Николаевича Соколова: «Нельзя не отметить научной честности и принципиальности Давида Львовича. Он был рыцарем науки».

Думаю, он был рыцарем от природы. И, конечно же, рыцарем природы. Рыцарем отнюдь не только в мире науки, но вообще рыцарем – по благородству облика, идей, поступков.

A.A. Тишкиов

Наталия Ивановна Базилевич (1910–1997)

*Почвовед, биогеохимик, эколог, географ, д.с.-х.н. (1965).
В Институте в 1978–1994 гг.*

В январе 2010 года исполнилось 100 лет со дня рождения выдающегося почвоведа, биогеохимика, географа и эколога, достойного представителя когорты ученых-энциклопедистов XX века, преданных своему делу, продолжателя традиций В.В. Докучаева, В.И. Вернадского, В.Н. Сукачева, А.А. Григорьева – Наталии Ива-

Н.И. Базилевич и И.П. Герасимов, 1976 г.

новны Базилевич. Эта дата знаменательна для всего научного сообщества, но особенно для ее многочисленных учеников и младших коллег, которые и сейчас тепло вспоминают этого яркого ученого, неутомимого исследователя, всегда фонтанирующего идеями и планами.

В данном случае мы сталкиваемся с вполне естественным, но, увы, не частым в нашей стране случаем, когда научное наследие ученого не только в его архиве и публикациях, но и в людях, которые в свое время были заражены энтузиазмом, идеями и новыми знаниями Н.И. Базилевич. Живы многие ее коллеги и ученики, активно работают ученики учеников, для которых все, что сделано ею, сохраняет свою актуальность... По индексу цитирования ее работы по-прежнему в лидерах среди российских авторов, занимая место в ряду публикаций классиков. В университетских учебниках по общему почвоведению и географии почв, геоботанике, физической географии, ландшафтоведению, геохимии ландшафтov, биогеографии, экологии и биогеохимии ссылки на ее книги и статьи по достоинству занимают крепкие позиции уже более 40 лет.

В апреле 2010 года Институт географии РАН провел совместно с Почвенным институтом РАСХН, Институтом физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН и Всероссийским обществом почвоведов конференцию, посвященную научному наследию Н.И. Базилевич. Для всех стало сюрпризом, что заявки на конференцию подали около 150 человек. Оргкомитет возглавил академик Г.В. Добропольский, который «помнил Наташу еще по учебе в Университете...», а сама конференция прошла успешно при значительном участии молодежи.

Мало сказать, что Наталия Ивановна была ученым мирового уровня, опередившим на десятилетия развитие многих направлений наук о Земле и наук о Жизни, ей

принадлежит значительный вклад в развитие комплексных исследований функционирования зональных экосистем на основе знаний об эволюции и динамике органического вещества и биогеохимического круговорота химических элементов. Задолго до многих открытий в области экологии, где-то интуитивно, а где-то и за счет строгих концептуальных и балансовых построений, Н.И. Базилевич подошла к системе критериев, позволяющих количественно (вещественно, энергетически) оценить особенности структуры, функционирования и степени открытости экосистемы, включая ее главную подсистему – почву. Она, как никто другой в нашей стране в середине XX в. понимала масштабы и географию биогеохимических функций живого вещества и деятельности живых организмов. Внимательное прочтение тех, еще первых ее статей позволяет увидеть многое: заключения о биогенных миграциях веществ как о ключевых процессах биосфера, приближение к выявлению закономерностей динамического равновесия биологических круговоротов и их циклического характера, выводы об оценке «поведения» живого вещества (автотрофных и гетеротрофных организмов) в условиях неравномерного распределения химических элементов в пространстве. Добывая в полевых условиях и собирая из литературных источников количественные данные, способные характеризовать разные стороны биогеохимических круговоротов вещества и потоков энергии, Наталия Ивановна видела в них основной механизм устойчивости биосферы и ее судьбу в условиях интенсивного воздействия человека.

Известно, что первую статью по географии биогеохимического круговорота Н.И. Базилевич опубликовала в 1954 г. вместе с Л.Е. Родиным в «Докладах АН СССР». В 1955 г. по данной тематике вышли ее авторская статья «Особенности круговорота зольных элементов и азота в некоторых почвенно-растительных зонах СССР» в журнале «Почвоведение» и совместная статья с Л.Е. Родиным, но уже в «Ботаническом журнале».

Благодаря работам Н.И. Базилевич, прежде всего совместным с Л.Е. Родиным, монографии «Динамика органического вещества и биологический круговорот зольных элементов и азота в основных типах растительности земного шара» (1965) Советский Союз оказался самой подготовленной к реализации Международной биологической программы (МБП) страной. У самой Наталии Ивановны появились сотни последователей. Совместно с коллегами она в качестве редактора и основного автора опубликовала справочники «Методы изучения биологического круговорота в разных природных зонах» (1968) и «Методические указания к изучению динамики и биологического круговорота в фитоценозах» (1968). Спустя десятилетие расширенный состав авторов, получивших опыт при проведении МБП, выпустит новое издание этой книги (Методические указания..., 1979), которой пользуются и современные исследователи.

Для Н.И. Базилевич участие в МБП ознаменовалось двумя яркими событиями. *Первое* – ее международное признание как одного из ярких советских участников программы и возможность научного обмена. Их с Р.Е. Родиным книга 1965 г. переведена на английский язык. Сама она постоянно выступает на международных конференциях, ее статьи и доклады переводятся на иностранные языки. Достаточно посмотреть содержание тех «синих» книг, издаваемых Советским комитетом МБП в конце 1960-х – начале 1970-х гг. и итоговых выпусков МБП «Ecosystems of the

world», издание которых растянулось почти на два десятилетия, чтобы понять – Наталия Ивановна по праву была «лицом» советской части программы.

Второе – возвращение в Барабинскую степь. Здесь на стационаре Карагач под ее и А.А. Титляновой научным руководством трудился большой коллектив почвоведов, ботаников, зоологов, географов. Итогом этих работ стала двухтомная монография «Структура, функционирование и эволюция системы биогеоценозов Барабы» (1976).

Я помню Наталию Ивановну в период МБП: ее страстные выступления, речи поклонников и почитателей таланта. Создавалось впечатление, что ей было все понятно, у нее уже все было давно готово. Публикации Наталии Ивановны этих лет удивительным образом опережали время.

Из МБП Н.И. Базилевич вышла авторитетным лидером, вооруженным новыми знаниями о биогеохимических циклах и продуктивности большинства типов зональных экосистем – от полярных пустынь до тропических лесов. Причем в СССР уже тогда данные на многочисленных стационарах МБП собирались по ее методическим указаниям, и поэтому они были географически сопоставимы и позволяли заниматься широкими обобщениями и картографическим синтезом. К 5-му съезду Ботанического общества она готовит доклад «Биогеохимия главнейших типов растительности Земли» (1973), ставит вопрос о различиях баланса химических веществ в природных, полуприродных и искусственных экосистемах и о необходимости построения концептуально-балансовых моделей для его понимания. Наконец, именно завершение синтеза материалов МБП позволило ей выйти на первые построения функциональных моделей обменных процессов в экосистемах, на попытки региональных и глобальных обобщений данных по их продуктивности, энергетике и биогеохимии.

Важно понимать, что все происходило на фоне некоторого «соревнования» двух выдающихся ученых-почвоведов: академика В.А. Ковды, возглавлявшего в 1958–1965 гг. Департамент точных и естественных наук ЮНЕСКО (Париж), с 1968 г. – Международное общество почвоведов, а с 1970 г. – Институт агрохимии и почвоведения АН СССР, и академика И.П. Герасимова, который с 1951 г. после ухода из Почвенного института имени В.В. Докучаева возглавил Институт географии АН СССР, с 1963 г. был Президентом Всесоюзного общества почвоведов и с 1968 г. – вице-президентом Международного общества почвоведов. И все же именно Наталия Ивановна, по образному выражению Л.О. Карпачевского (2004) «сумела сделать Международную биологическую программу реальным делом многих почвоведов страны».

Параллельно с работами по изучению продуктивности природных экосистем и созданию моделей их функционирования Н.И. Базилевич продолжала исследования процессов засоления почв, биогеохимии почв содового засоления. Совместно с Е.И. Панковой в 1968 г. ею была разработана новая классификация засоления почв, которой специалисты пользуются и в наши дни в качестве справочного пособия и инструкции. В эти же годы ею готовится коллективная монография «Засоленные почвы Европейской части СССР», а в 1976 г. под ее научной редакцией и авторством выходит «Карта типов химизма засоления почв СССР».

Тогда же началось ее активное сотрудничество со многими специалистами из Института географии РАН (Р.И. Злотин, А.В. Дроздов, А.А. Тишков, Н.Г. Царевская и

др.), МГУ (Т.Г. Гильманов), математиками из Вычислительного центра РАН (Ю.М. Свирижев, А.М. Тарко, Г.А. Александров и др.). В 1979 г. она переходит на работу в Институт географии РАН, где продолжает свои исследования биологического круговорота и продуктивности экосистем в Центрально-Черноземном заповеднике и в лесах на Валдайском стационаре Института. Оперативно ею публикуется серия статей, посвященных концептуально-балансовым моделям и продуктивности зональных экосистем. В 1980 г. по инициативе профессора Ю.А. Исакова (в те годы – заведующего лабораторией биогеографии), Н.И. вместе с А.А. Тишковым и О.С. Гребенщиковым начала работать над монографией «Географические закономерности структуры и функционирования экосистем». В ней впервые полно для территории СССР в табличной форме была представлена сводка результатов полевых измерений запасов и продукции фитомассы зональных экосистем, анализ изменений продуктивности в рядах зональных катен и схемы концептуально-балансовых моделей функционирования зональных экосистем (1986).

С приходом Наталии Ивановны в лаборатории биогеографии сформировалась творческая группа из тех, кто стал активно заниматься географией продуктивности экосистем (Н.С. Казанская, А.А. Тишков, М.В. Глазов, Г.Е. Вильчек, А.Н. Гудына, Н.Г. Царевская, М. Давыдова, многочисленные аспиранты – Н. Семенюк, Тран Ти и др.). Практически ежедневно мы собирались для обмена информацией, обсуждения планов – то в лаборатории, а то и у Наталии Ивановны дома. Я обрабатывал полевые материалы, печатал огромные таблицы и делал расчеты недостающих данных, плюс – готовил две концептуально-балансовые модели – по степному лугу в Курской области и переходному болоту на Валдае. Гриша Вильчек начал помогать с переводами зарубежных статей и книг и внесением данных на карточки, Марина Давыдова готовила обзор по горным степям, Коля Семенюк – по равнинным степям, Надя Царевская собирала по крохам данные по лугам, Аня Гудына заменяла Наталии Ивановне глаза и руки – чертила карты, правила рукописи.

В эти же годы, примерно с 1980 по 1995 г., нам удалось провести несколько очень интересных и полезных полевых сезонов – на Курском стационаре и на Валдае. Сразу замечу, что директор Центрально-Черноземного заповедника Краснитский привгласил в заповедник Н.И. Базилевич именно как выдающегося ученого, способного внести ясность в давнюю дискуссию о режимах управления заповедной биотой. Косить или не косить? Выпасать или не выпасать? Если посмотреть внимательно на созданные Наталией Ивановной специально для заповедника концептуально-балансовые модели (для водораздельных степей – с Т.Г. Гильмановым, а для лугов – с А.А. Тишковым), то однозначно прослеживается избыток фитомассы, который в идеале должен утилизироваться растительноядными животными. Иначе – возникает тренд накопления мортмассы и мезофилизация экосистемы. Поездки в Курск оказывались полезными для аспирантов и молодых сотрудников. Но и сама Наталия Ивановна старалась максимально использовать время, оторванное от бумажной работы в Москве – вечерами устраивались посиделки у Краснитского, которого она очень ценила как истинного энтузиаста заповедного дела, прислушивалась к его идеям в отношении управления.

В 1984 г. мы с Н.И. Базилевич поехали на конференцию по динамике степной биоты в Аскания-Нова. Именно там и разгорелась страстная дискуссия по режиму

сохранения степной биоты. Уже шли наши эксперименты по экологической реставрации луговых степей и использованию выпаса лошадей в Сумской области в Михайловской целине, и нужны были авторитетные защитники, чтобы эксперименты поддержали. Н.И. Базилевич защитила нас, молодых, наиболее радикально настроенных в отношении сохранения режима периодического сенокошения и ограниченного регламентируемого выпаса. Интересно, что на нашу сторону встала и академик Н.Т. Нечаева, которая очень доброжелательно относилась к Натальи Ивановне.

Еще запомнились две поездки с Натальей Ивановной на Валдайский стационар. Перед этим, кажется в 1979 г., она приезжала на Валдай с Ю.Г. Пузаченко для подготовки программы по мониторингу. И вот – экспедиционная поездка 1983 г., знакомство с мощными высокопродуктивными ельниками, параметры которых еще предстоит перевести в сухие цифры концептуально-балансовой модели. Ель, которую мы использовали для уточнения параметров по запасам и приросту древесины, имела длину 34 метра. Несколько дней тогда мы занимались промывкой мелких корней, описанием почв, отбором проб для анализов и др.

Во второй раз летом в 1984 г. оперативно оценивали продуктивность верхового болота. Эта поездка была короче, так как Наталья Ивановна чувствовала себя неважно. Правда, рядом были аспиранты, жили все тогда не на стационаре, а в гостинице Валдайского филиала Государственного гидрологического института. До полуночи часто спорили о том, как же происходит функционирование столь продуктивных лесов по соседству со столь низкопродуктивными и бедными по составу верховыми болотами. Уже в этот приезд мы начали делать концептуально-балансовую модель переходного болота, которую затем опубликовали в сборнике трудов Валдайского стационара. И если внимательно посмотреть на полученные результаты, то можно найти и ответы на все те вопросы, которые нас мучили почти 30 лет назад «белыми ночами» на Валдае.

* * *

Когда Роман Исаевич Злотин сменил Ю.А. Исакова на посту заведующего лабораторией, он активно поддерживал Наталью Ивановну, фактически благословил именно такой режим работы, когда основное время мы проводили у нее дома – готовили статьи, доклады, помогали с подготовкой к печати ее новой книги, а главное занимались пополнением базы данных.

Уже теряя зрение, пережив несколько инфарктов и инсультов, Н.И. Базилевич в 1990-х гг. продолжала активно работать благодаря самоотверженной помощи сотрудников лаборатории биогеографии, некоторых ее коллег из Почвенного института и приезжавшей для совместной работы почти ежегодно А.А. Титляновой. В эти годы она подготовила разделы в коллективную монографию «Биологическая продуктивность травяных экосистем» (1988), карты продукции, запасов фитомассы и мортмассы для бывшего СССР, завершила свою последнюю монографию по продуктивности экосистем Северной Евразии (1993), вместе с А.А. Тишковым работала над главами тома «Ecosystems of the world 3. Polar and alpine tundra» (1997). До последних дней Н.И. приводила в порядок вместе с добровольными помощниками рукописную базу данных по продуктивности и биогеохимии экосистем.

Вот так – от первой до последней публикации, от первых шагов в науке до последних учеников и специалистов, которым дана путевка в научную жизнь. Почти 60 лет в науке! Более 450 публикаций, в том числе 14 монографий, участие в 25 коллективных монографиях, десятки опубликованных карт (почвенных, заселения, продуктивности растительного покрова), более 20 учеников, защитивших кандидатские диссертации, а трое – докторские, премии В.М. Комарова и В.Р. Вильямса.

* * *

Прошли годы, которые определили востребованность книг, идей и научного наследия Н.И. Базилевич.

Во-первых, растет интерес к проблемам глобального баланса углерода и роли в нем почвенного покрова. На вопрос «Где природная, а где антропогенная составляющая в процессах, приводящих к современному потеплению климата?» трудно ответить без привлечения данных Н.И. Базилевич, а ее имя при утверждении ключевой роли почв в накоплении биогенного (гумус) и гидрогенного (карбонаты) углерода и в определении его глобальных потоков еще многократно будет вспоминаться. Интересно, что в последней авторской монографии М.А. Глазовской «Педолигенез и континентальные циклы углерода» (2009) подчеркивается, что изучение роли педосфера в континентальных циклах углерода позволит выявить причины возникшего в последние десятилетия дисбаланса между поглощением двуокиси углерода на суще и его возвращением в атмосферу. На это обращала внимание и Н.И. Базилевич, но, как и многие современные исследователи, ограничивалась оценками углерода почвы в слое 0-100 см.

Во-вторых, сохраняется устойчивый интерес к обработанным и систематизированным данным Н.И. Базилевич по продуктивности зональных и интразональных экосистем, несмотря на постоянно возникающие к ним поправки, уточнения и дополнения. Они привлекаются для интерпретации и сопоставления с данными по оценке чистой первичной продукции посредством нормализованного дифференцированного индекса вегетации (NDVI), определяемого на основе дистанционной (спутниковой) информации.

В-третьих, начатое Н.И. Базилевич построение серии концептуально-балансовых моделей зональных и интразональных экосистем и включение ее данных в математические модели 1980-х гг. получило достойное развитие в работах Ю.М. Свирежева, А.М. Тарко, А.С. Комарова, Д.О. Логофета, Л.Л. Голубятникова, Т.Г. Гильманова и их учеников. Сейчас эти исследования поддерживаются во многих институтах и лабораториях.

В-четвертых, поддерживается вектор исследований Н.И. Базилевич, связанных с географией биогеохимического круговорота. К конференции 2010 года было подготовлено издание «Биотический круговорот на пяти континентах. Азот и зольные элементы в природных наземных экосистемах» (2008) по материалам архивов Н.И. Базилевич. Новые методы и аналитические технологии позволяют в наши дни оперативно получать детальные данные о вещественном составе растений, животных и почв, природных вод, проводить измерения состава газов, определяя «дыхание

почвы» и концентрацию химических соединений в атмосфере. Это направление исследований Н.И. Базилевич в настоящее время активно развивается.

Еще в 1950-х – начале 1960-х гг. на «волне интереса» к проблемам взаимодействия растительности с почвами и, возможно, под влиянием попыток Н.П. Ремезовой количественно оценить роль абиотических процессов, влияющих на биологический круговорот, Н.И. Базилевич совместно с Л.Е. Родиным (1964) предложила *классификацию типов малого биологического круговорота*. Позже ею были введены понятия: *емкость биологического круговорота* как отражение объема годично-го круговорота химических элементов, *скорость круговорота* на основе соотношения запаса подстилки к опаду зеленой массы, *химизма включенных в биологические циклы элементов*.

Благодаря опыту участия в 1950 г. в одном из первых в нашей стране междисциплинарных биогеоценотических исследований по изучению тараканов юго-западной Туркмении, Н.И. Базилевич стала писать о необходимости более полного учета компонентов экосистем для оценки их продуктивности, энергетики и биохимии. В тех ее статьях затрагивались и вопросы сбалансированности биологического круговорота, в рамках многолетних циклов, роль в нем абиотических факторов и динамика органического вещества. Интересно, что такой емкий и выразительный показатель функционирования экосистем как чистая продукция экосистемы (*net ecosystem production*), введенный в практику экологических исследований еще в 1957 году при изучении лесов на севере Флориды Говардом Одумом, до определенного момента не был известен Наталии Ивановне. В своих примечаниях к «Методическим указаниям...» (1968) она отмечает, что понятие «годичный прирост» «... совпадает с применяемым на Западе термином «*Net primary production*» (с. 8). Позже она существенно дополнила представления о нем (1983), предложив учитывать и абиотическое окисление органического вещества.

Опубликованная в свое время Н.И. Базилевич «система критериев-тестов», позволяющих количественно оценить особенности структуры, функционирования и степени открытости экосистемы (замкнутости биологического круговорота) сохраняет свою актуальность и в наши дни. Она позволяет оценить не только биотические и абиотические потоки, но и дифференцированно определить природные и антропогенные их составляющие.

Наследие Наталии Ивановны – ученого, ставшего еще при жизни легендой – живет и развивается. А мы, кто с ней работал, и кто помогал ей в последние годы жизни, постараемся сохранить в памяти ее образ и передать своим ученикам, а уж они – как сумеют. Но, судя по докладам на конференции памяти Н.И. Базилевич – помнить ее будут еще долго, а использовать научное наследие и подавно.

Альберт Бесланович Бажев (1932–1995)

Гляциолог, к.г.н. (1988). В Институте в 1957–1995 гг.,
зав. лабораторией горной экологии в отделе гляциологии (1987–1995),
зам. зав. отделом гляциологии

Альберт приехал в Москву из Нальчика в 1950 г. в группе выпускников-медалистов. Республиканский Отдел народного образования направил их для поступления в Московский государственный университет. В приемной комиссии он сразу написал заявление на географический факультет, чтобы в будущем изучать природу гор, и главное – родного Кавказа.

За годы учебы он побывал в экспедициях на Урале, в Сибири, работал с сотрудниками Института геологии Академии наук на Вилюе в годы открытия ими коренных месторождений алмазов.

Еще на факультете Альберт увлекся лекциями профессора Тушинского, который читал курс гляциологии. Закончив учебу, он пришел на работу в Институт географии именно в то время, когда наша страна включилась в программу Международного геофизического года. Душой этого проекта был Григорий Александрович Авсюк, только что вернувшийся из первой антарктической экспедиции. Он начал формировать несколько коллективов молодых ученых для гляциологических исследований по программе МГГ в Арктике. И Бажев, отложив на время мечты о Кавказе, выбрал зимовку на неизведанной для него Новой Земле. С тех пор началась его жизнь в науке гляциологии.

Альберт выбрал целью своих исследований наименее изученный раздел гляциологии – механизм превращения снега на ледниках в лед с участием талой воды, повторно замерзающей в холодной толще снега и фирна. Теоретические основы этого направления были заложены известным гляциологом П.А.Шумским. Но Бажев, будучи прежде всего исследователем-экспериментатором, сумел впервые получить количественные определения этих процессов в разных географических зонах Земли, на полярных ледниковых покровах и на высокогорных ледниках, в разных условиях климата и рельефа. Всю жизнь он провел в экспедициях, увлеченно и без устали исследуя самые высокие зоны ледников – области их питания. Тысячи

Спуск с ледника Краснослободцева, Памир.

Альберт с родителями, ему 7 лет.

километров маршрутов, пешком и верхом, на вездеходах и вертолетах. И в этой сложной жизни всегда рядом с ним самый надежный друг и помощник, начиная с зимовки на Новой Земле – жена, гляциолог Валентина Ярославна.

Вернувшись с Новой Земли, Альберт стал руководителем большой экспедиции на Эльбрусе. В 1963 г. он принял участие в советско-французской антарктической экспедиции. Отряд во главе с П.А. Шумским и руководителем французских исследований в Антарктике А. Бауэром прошел санно-тракторным маршрутом через внутренние районы Антарктиды, собрав интереснейший материал по движению ледников. Маршрут продолжался два месяца в тяжелых условиях, при 50-градусном морозе. Альберт сразу нашел взаимопонимание с французскими коллегами и всегда создавал в маленьком коллективе дух доброжела-

А.Б. Бажев в созданной им лаборатории, Новая Земля.

Измерения в трещине ледника Мал. Азау, Эльбрус.

тельности и оптимизма. На каждой остановке пока геодезисты-французы и Олег Виноградов проводили высокоточные измерения на ледниковом покрове, Шумский и Альберт бурили ледник, доставая ледяной керн. Образцы льда запаивали в футляры из полиэтиленовой пленки. Предполагалось их дальнейшее изучение в лабораториях Франции. Образцы доставались с большим трудом, и как говорил П.А. Шумский: «Мороз успевал оставить на наших лицах «пощелуи» Антарктиды – пятна обмороживания, но не успевал за нашими голыми руками».

Затем снова работы на Кавказе, стационар на леднике Марух, а в 1965 г. первое знакомство с памирскими ледниками. Тогда Альберт работал в маленьком отряде в области питания ледника Медвежий, всемирно известного своими катастрофическими подвижками. А в 1970-х годах В.М. Котляковым была организована многолетняя экспедиция по изучению ледников Памира, и в том числе исследования их фирновых областей. Были специально выбраны ледники в разных районах. Обычно с утра в наш высокогорный лагерь прилетал вертолет, мы грузили в него все снаряжение, надевали на свитеры пуховки и летели в самую верхнюю часть ледника – его область питания, где выше только небо. Часто вертолет не мог сесть на рыхлый снег и зависал над ним, а мы быстро выбрасывали свои штанги и лопаты и прыгали вслед за ними сами. Копали под руководством Альберта глубокие шурфы, определяя, сколько лет накапливается здесь толща, с какой скоростью идут процессы образования льда. Улететь обратно из снежного цирка тоже было не всегда просто. Иногда из вертолета спускали лесенку, приходилось очень быстро залезать по ней, и машина, так и не коснувшись снега, успев взять только двух человек, сразу срывалась вниз, в долину. А оставшиеся следили, как солнце садится за горы и ждали, напрягая слух: летит? не

А.Б. Бажев (справа) с табунщиком Муратом, Памир.

систему сбора данных, измерений, расчетов, которая приводила его к новым теоретическим построениям и открытиям. Везде на ледниках он старался оборудовать в толще снега и льда «холодную лабораторию» для подробного исследования образцов. На леднике Шокальского на Новой Земле это было достаточно свободное помещение, с электрическим освещением и большим числом приборов, многие из которых он придумал и смонтировал сам. И даже на Памире, на высоте 5000 м, если мы поднимались на ледник всего на 5–6 дней, первым делом выкапывали в снегу глубокую пещеру для «лаборатории». Днем ходили в маршруты по леднику, а ночами работали с образцами, т.к. для измерений нужны условия наиболее низкой температуры. Сменяли друг друга – в пещере мог уместиться с приборами только один человек, так что спали по очереди. А на Эльбрусе приходилось каждый день рубить лед внутри такой «лаборатории», углубляясь все дальше в толщу ледника, т.к. солнце беспощадно разрушало вход в это драгоценное холодное убежище.

С Альбертом было легко работать в экспедициях – что называется «как за каменной стеной». Кабардинец, выросший в селе, в детстве которого была война, невзгоды и труд наравне со взрослыми, он умел все – навьючить лошадь, наладить переправу через горную реку, построить дом, вытащить человека из трещины, что, к сожалению, нам тоже приходилось...

Он с юных лет умел обращаться с лошадьми. В одной из поездок на Памир наш лагерь расположился вблизи высокогорной летовки табунщиков. По вечерам на широком лугу они занимались укрощением молодых лошадей, приучая их впервые к уздечке и седлу. Оказалось, Альберт прекрасно владел этим искусством и даже

летит? Тогда были замечательные небольшие маневренные машины МИ-4 и прекрасные летчики душанбинского отряда, творившие чудеса посадок на пять тысячные высоты.

В некоторых районах мы поднимались на ледник пешком с палатками и приборами, работали наверху неделю. Все это были совершенно новые работы, впервые показавшие, в каком режиме живут ледники Памира и как велико количество осадков в высокогорной зоне по сравнению с засушливыми пустынями, окружающими горный регион. До этого, как и после, таких работ здесь никто не проводил.

После Памира – снова родной Кавказ и ледники Эльбруса.

Альберт разработал целую си-

проводил мастер-класс для неопытных юных табунщиков. А бывалые «мастера» не могли поверить, что в московской экспедиции умеют даже это!!! Их безмерное уважение к Альберту позволило им доверить нам своих лошадей, и мы отправлялись верхом в дальние маршруты.

Мы всегда замечали, как быстро Альберт становится для местных жителей «своим». Он умел найти подход к каждому человеку. Особенно приятно было видеть, как он общается с детьми. Где-нибудь глубоко в горах, если отряд останавливался вблизи таджикского аула или дагестанского села, его очень скоро окружали мальчишки. Они смотрели, как он занимается каким-нибудь интересным мужским делом – чинит подпругу для ишака, точит ножи или клепает ручку у кастрюли, и буквально лезли к нему на колени, получая в ответ добрые слова и разрешение поучаствовать в его работе.

Альберт всегда отличался доброжелательностью к людям. Эта очень интеллигентная черта была, я думаю, следствием настоящего кавказского воспитания. Уважение к старшим, выдержка, терпимость даже к недоброжелателям. Не раз молодые ученые, знакомясь с ним, уже имеющим большой авторитет в науке, удивлялись, как легко в разговоре исчезает чувство «неравенства», как быстро он вникает в суть вопросов и обязательно старается помочь.

Работы Альberta были широко известны и в нашей стране, и далеко за рубежом, но его научный авторитет был связан, конечно, и с личными качествами. Его приглашали для длительных работ в лаборатории Токио, Копенгагена, Стокгольма, где была прекрасная аналитическая база для исследования ледниковых кернов. Ему не мешали языковые барьеры для обмена опытом и идеями, везде появлялись новые научные связи и новые друзья-коллеги.

В Институте он часто занимал выборные должности. Много лет был председателем месткома, секретарем партийной организации – тогда это была структура, серьезно влияющая на работу и жизнь людей. К нему обращались за помощью, шли со своими проблемами, ему верили – и не ошибались.

Вообще стиль жизни в 1960–1990-е годы был более «человечным», было больше общения, сплоченности, и в полевых условиях, и в Институте. Мы помним, как весь коллектив Института в один день поднялся на помощь маленькому сыну Альберта, попавшему в беду, которому срочно была нужна донорская кровь для спасения жизни…

Ученый по существу и складу своего ума, Альберт был одновременно прекрасным научным организатором. Руководитель больших сложных экспедиций, заведующий лабораторией Института географии, ученый секретарь Секции гляциологии, организатор крупных всесоюзных и международных симпозиумов гляциологов, вице-президент Гляциологической ассоциации. При подготовке наших почти ежегодных совещаний в разных городах, с большим числом участников, он брал на себя основной объем организационной работы. Необходимо было не только распределить более сотни докладов по секциям, но и расселить ученых в гостиницах, позаботиться об их питании, организовать транспорт и условия быта в многодневных научных экскурсиях. Он успевал все, и все проходило успешно, без всяких конфликтов.

Хотя Альберт прожил в Москве 45 лет, Кавказ всегда оставался для него родной землей и всю жизнь тянул к себе. В Нальчике его считали ученым своей республики. Он много лет работал на ледниках Кавказа, но мечтал основать на родине постоян-

ный научный центр для совместных работ с кавказскими географами. В 1978 г. Бажев убедил академика И.П. Герасимова, тогда директора нашего Института, организовать в Нальчике Северо-Кавказскую научную станцию. Он разработал программу работ и возглавил на долгие годы коллектив ученых Москвы и Кабардино-Балкарии.

И снова развернулись гляциологические работы на Эльбрусе. В качестве эталонного мы выбрали ледник Гарабаш. Под руководством Альберта и его собственными руками на леднике на высоте 3900 м был построен удобный и уютный домик-стационар, который вот уже четверть века является приютом для работ на склоне Эльбруса. В нашей стране сейчас это единственная научная база на ледниках на таких высотах.

В эти годы Альберт способствовал развитию разных направлений в изучении ледников Эльбруса. Кроме ежегодных детальных наблюдений за процессами накопления и таяния льда, это были и геохимические исследования; и первое бурение скважин до ложа ледника, с очень сложной доставкой сначала на ледник тяжелого бурового оборудования, а затем в лаборатории Москвы и Стокгольма замороженного ледникового керна; это и первое радиолокационное измерение толщины льда на южном склоне Эльбруса, с приглашением специалистов из Томска, и многие другие виды работ.

В 1995 г. в Нальчике был создан Кабардино-Балкарский научный центр Академии наук. Альберт помогал организовать в его составе отдел географии, разработал программу гляциологического направления исследований, но продолжить эти работы ему, к сожалению, уже не довелось. Мы не бросили начатое им дело, и каждый год поднимаемся вместе с гляциологами Нальчика в свой домик на склоне Эльбруса, чтобы продолжать непрерывный ряд наблюдений, начатый Альбертом и достигший уже теперь 30 лет.

*Захар Захарович Виноградов
(1882–1963)*

*Фотограф. В Институте в 1940–1963 гг.,
зав. фотолабораторией*

А.Д. Арманد

Мастер

Захар Захарович Виноградов оставил заметный след в истории Института географии. Самозабвенно влюбленный в фотографию, он много путешествовал со своей камерой-ящиком и грузом стеклянных пластинок, прошел сверху донизу Волгу, освоил Кара-Кумы и далекое Заполярье. В какой-то момент он нашел понимание и применение своей страсти среди географов Института, так же как Институт нашел в романтике Виноградове мастера ландшафтной и этнографической фотографии. Была оборудована фотолаборатория, где полевые снимки сотрудников также принимались

в проявку и печать. Но Виноградов любил сам ездить с исследовательскими отряда-ми и практически все издания сотрудников в тот период украшались шедеврами мастеров.

В Институте Захар Захарович – в просторечии Захар – обитал в темной пещере – лаборатории. Позже в этих комнатах зажгла лампочки спеччасть, от чего помещение стало светлее, но не менее таинственно. В темноте, при красном свете Захар творил свои чудеса. Случалось, для книги или диссертации требовалось изгото-вить сотни фотографий. Отказа не случалось. Много черной работы брала на себя верная помощница Захара Захаровича Раиль Моисеевна. Допускались в таинствен-ную темноту и любители самостоятельно помочь пальцы в проявителе. Лабора-тория была гордостью и крепкой опорой академических географов. Когда лабора-тории в послевоенные годы не стало, тут-то и поняли сотрудники Института, какой ценности они лишились. Волшебство кончилось.

Не в характере Виноградова, однако, было замыкаться в своей профессии. В Институте он стал организатором и душой всех общих праздников, выставок детс-кого творчества, готовил детям подарки на Новый год. При этом пригласительные билеты Захар Захарович художественно оформлял фотографиями из своей богатой коллекции. Он охотно делился секретами своего мастерства, проводил лекции и практические занятия с сотрудниками и их детьми.

К сожалению, фотоархив З.З. Виноградова не удалось сохранить. Лишь неболь-шая часть его работ хранится в Институте географии, другая – в Историческом музее (на Красной площади), где была организована выставка лучших его произве-дений.

Е.Д. Армандин, В.А. Потулов

Захар Захарович

В.А. Шла война, я был целыми днями на дворе, что родителями не одобрялось, и мне было предложено посещать вечера для детей, организованные Захаром Заха-ровичем Виноградовым; позже вечера эти получили название Захарников. Повели. Познакомили с З.З. Помню, знакомство произошло в подвале, где размещалась фо-толаборатория: З.З. был институтским фотографом. В лаборатории пахло фикса-жем. З.З. разговаривал с мужчиной, при котором была девочка моих лет; нас позна-комили. Стали выяснять наш возраст, и оказалось, что в школу нам идти на следу-ющий год, – от этого при помощи нехитрой арифметики веду отсчет нашего зна-комства, 1942 год.

Вот еще одно обстоятельство: по рассказам родителей, партия долгие годы из-живала все старорежимные традиции. Рождество и елка, напоминающая о нем, под-лежали запрету. Елки продавали тайно частники около вокзалов за большие день-ги. Незадолго передвойной елку допустили. А во время войны, когда появилась тенденция обратная – возрождать традиции, стали даже устраивать новогодние елки в Колонном зале Дома Союзов. Очень красочные билеты раздавали в школе в ос-новном детям погибших фронтовиков и живых энкаведешников. Побывавшие при-

Детская елка в Институте. Справа Лена Стеженская (Середина) в роли Снегурочки.

меня и устраивал в кабинете директора на диване – черном, дерматиновом, пухло-выпуклом. Покрывал моим же надставленным по подолу пальтишком, а сам был где – не знаю, я спала.

На Захарники родители были рады сдать детей и быть от них свободными. Дети были еще больше рады быть свободными от родителей.

В.А. Они, родители, приезжали к окончанию Захарников, чтобы забрать нас по домам. Помню, твои родители замешкались, остальные родители пытались выяснить, где Алена живет. «Там, где стоят большие дядя и тетя», – был ответ. Около метро Дзержинская в те времена действительно стояла скульптура рабочего и работницы.

Е.Д. Про тех двух mastodontov, что стояли между арками входа и выхода метро, такие здоровенные тяжелые, серые, – спасибо, напомнил, но моя зрительная память восстанавливает только их ноги… А когда же они ушли? Исчезли как тать в нощи… Но хватит про истуканов, давай про нашего любимого.

Мой отец звал его за глаза Захар, не из непочтения, а скорее наоборот, чувствуя и уважение, и удивление, но и что-то одновременно комическое. Захар Захарыч ошибся веком. И имя казалось забавным, Захар – чуть ли не Прохор – устаревшим, да еще помноженным на два. Захар Захарыч выглядел каким-нибудь колледжским ассессором или регистратором (как мы себе представляем эти персонажи из классической литературы). На фоне нашей mastodontности он был утончен и антикварен.

По субботам он встречал гостей в дверях зала. Он говорил: «Аленушка, дружочек мой, как мы рады, что увидим сегодня чудесные танцы…» При этом он брал

носили красивые коробочки из-под подарков, рассказывали, что в них было.

Е.Д. Ни я, ни ты на этих елках не бывали, но, счастливейшими – мы бывали на праздниках Захар Захарыча! Каждую субботу! На Захарниках.

Отец мой, работавший всю жизнь в Институте географии, возил меня частенько на работу, потому что меня, как и тебя, некуда было девать. И даже наочные дежурства отец брал

мою руку между своих (нисколько не жал, вероятно, поцеловал бы ручку, если бы это по тем временам не было «Боже упаси»). Я не уверена, что он называл меня на «ты». Может быть, на «Вы». Он таял, я таяла...

Я входила в этот любимый, до сих пор любимейший зал, который считала круглым, хотя он был квадратным. Вихри вальса ходили по кругу.

Здание до революции было богадельней. Что тут делали старушки? Не танцевали же! Скорее всего, это бывшая домовая церковь. А после революции – конференц-зал. В этом зале отец мой защищал кандидатскую диссертацию (у знакомого брал на вечер костюм и галстук) и докторскую. И брат мой кандидатскую и докторскую, и жена брата, и дочка, и зять брата кандидатскую и докторскую.

В.А. Да, зал сам по себе был замечательным, там было много заманчивых вещей: при входе возвышение, на котором стоял длинный стол (стол Ученого совета – *E.A.*), а около него большое президентское кресло, в которое мы могли втиснуться втроем, а позднее – вдвоем. Мы это кресло считали особенно почетным местом и стремились быстрее занять его.

Бывали там и более старшие дети – Алексей Арманд, Алексей Николаев, других не помню, но они скоро перестали ходить. Им, наверно, неинтересно было с такой мелкотой, как мы.

Е.Д. Как же ты не помнишь, что в зале кружились пары, а два Алеша были подростками, они еще не доросли вальсировать с девушками и смущались. Они даже краснели от смущения (или так были румяны?). Один Алеша был моим братом, а другой – сыном постоянной машинистки Института. Она печатала и перепечатывала на машинке все отцовские статьи, обе диссертации, монографии и (о чем надо было как следует молчать) записки моей бабушки – Лидии Марияновны Арманд – из истории школы-колонии для сирот, которую она организовала в двадцатых годах и в конце эпопеи была посажена в тюрьму и кончила жизнь, как принято было кончать тогда интеллигентам (с интеллигентами). А машинистка, милейшая Ольга Алексеевна Николаева, рисковала перепечатывать эти заплесневелые рукописи, слепой текст, чтобы они, обесцветившись окончательно, не пропали для человечества (они несколько лет были замурованы в стене нашей полуподвальной квартиры). Но замуровывали и размурорывали и перепечатывали взрослые, а молодежь тем временем танцевала.

В.А. В зале стоял рояль, на котором играл З.З., в основном Штрауса. Приходил и его племянник, несколько старше нас, и он играл, но не так уверенно, как З.З.

Е.Д. Все не так. Приходил большой, толстый, сумрачный парень, абсолютно молчаливый (говорили что он «того») и играл превосходно все вечера напролет. А Захар Захарыч летал по залу. То ли пол был там такой, то ли воздух, но я, переступив порог, не помнила уже себя (прости, Володенька, и тебя): то ли танцевала, то ли просто носилась как оголтелая, а думала, что танцую.

И сам Захар Захарыч, смешно держа то одну, то другую даму на значительном расстоянии, церемонно отставив еще дальше нижнюю половину, на полусогнутых закручивал чудные вензеля. Приглашал он и меня – и как ему удавалось изогнуться под мой рост? И его добрейшее лицо – в снежно-серой шевелюре, белых усах и козлиной бородке-эспаньолке, старикивские линялые голубые глаза в красных веках с белыми ресницами под белыми высоко, предельно высоко, поднятыми бровями – было передо мной. Я и теперь очень ясно вижу его.

В.А. Нет, были не только танцы – ты б все пела да плясала, – были выставки самоделок, устраивались лотереи, на которых разыгрывали простенькие вещи, например стеклянную солонку, свистульку на манер губной гармошки о трех трубочках, резную деревянную шкатулку с потайным замочком. Не помню, приурочивались ли лотереи к какой-нибудь дате. Бывали лекции, читавшиеся родителями, – по истории, культуре, архитектуре, географии. Использовали «волшебный фонарь». Сотрудники в вечерях принимали активное участие. На лекциях не все было понятно, но интересно очень.

Е.Д. Утомясь развиваться, я, помню, припадала к стереоскопам. Их было два или три. Если долго крутить окуляр, вдруг являлся стереоэффект: верблюды, дикие народы стояли как живые – даже страшно! И горы-пустыни – сделай шаг иди по тем дорогам, к тем вершинам...

После каждой субботы я уходила последняя. Уже все молодые люди отправлялись провожать своих барышень по темной Москве, уже отец давно стоял в дверях с моей шубкой-казакой. В конце концов, отцу все-таки удавалось выудить меня из зала. Захар Захарыч церемонно прощался, в двух руках держал мою и оставался убирать свои стереоскопы, волшебный фонарь, расставлять стулья. А мы с папой шли от Старомонетного переулка в Замоскворечье, через Каменный мост до Библиотеки имени Ленина (ведь Новокузнецкого метро еще не было), и я думала, что не дойду, ни за что, но надо дотянуть до эскалатора и сесть на ступеньки. Отец не препятствовал мне, он видел, что ноги у меня подгибаются, и жалел.

Но вот, наконец, Новый год, елка. Был Дед Мороз – молодой холостой океанолог Саша Живаго (он потом с этой фамилией наплакался).

А я, конечно, танцевала, но уже не так себе, в детских рейтузах, а вся в белоснежной крахмальной марле, стоящей колом, в блестках и искусственных кудрях, изготовленных на папильотках из газеты «Правда». (Целая ночь страданий! Но я готова была страдать.) Меня ждали вдохновенные импровизации (или я ждала содействия Терпсихоры). Мое явление и было тем Новым Годом, которого ждали все.

В.А. Большую елку устанавливали в конференц-зале, игрушки приносили из дома, очень примитивные, оставшиеся с «ранешних» времен. Их было мало. Основным украшением были бумажные цепи, которые мы с азартом клеили у З.З. в фотолаборатории; клеили столярным kleem, запах которого и теперь вызывает воспоминания о тех временах. Между стен зала натягивали нити, на которых повисал брошенный серпантин, склеенный из обрывков, которые кто-то приносил из дома. Бросали и конфетти – его пытались изготовить взрослые с помощью обычного дырокола, но дело не пошло. Были и иные планы – самодельные конфетти хотели разбрасывать с помощью неизвестного мне устройства (вроде фена), никогда раньше я такого не видел. На старый глобус пробовали наклеить осколки зеркала, освещать и крутить его, чтобы сделать видимость снегопада. Казалось, весь Институт был очень заинтересован: кто-то что-то предлагал, и все что-то делали.

Я был в маске лисицы, еще довоенной. Кое у кого были еще маски. Дед Мороз притаскивал большой ящик с подарками, помогали ему мамы и мы, скакавшие вокруг в ожидании подарка, будто помогали. В один из годов не хватило одного подарка, а запасного не было. Моя мама – она тоже работала в Институте – участвовала в комплектовании подарков и очень переживала недостачу. Я отказался от своего.

Е.Д. Володька, бедный ты, несчастный. Только сейчас я об этом узнала, через шестьдесят лет! Наверно, взрослые так нажали на тебя, как это они умеют, что просто жить дальше невозможно, если не пойти добровольно на их предложение. И нельзя было сказать об этом – компенсировать хотя бы славой. Ну а я, испытывая головокружение от успехов, получала от Захар Захарыча плюс к подарку еще и отдельную грамоту: «За изящные танцы». В следующие годы, став школьницей, я приводила на елку своих подружек – делали балет-кордебалет вполне наивно, но и вдохновенно.

В.А. Да, и сотрудники стали просить разрешать им приводить не только своих детей, но и детей родственников. Чужих детей приводили чужие бабушки. Их дети бросались за серпантином, когда он был еще в полете, сматывали и отдавали бабушкам. Бабушки прятали его в сумки, на полу оставались жалкие обрывки. На следующий год серпантин мы делали заново.

Детям готовили подарки на деньги родителей: пара мандаринов, две-три конфеты, несколько штук печенья, какой-нибудь подарок из остатков лотереи.

Е.Д. Эти подарки! Эти мандарины... мандаринчики! Их не было на Урале, откуда мы вернулись после эвакуации. Там несбыточной мечтой была морковка. Я прошила морковку в бреду – в приступе малярии. А тут – мандарины! Они пахли елкой или елка пахла мандаринами! Или они вместе пахли... И елки на Урале не было, на Новый Год ставили сосну.

Но в каждом подарке, что очень важно, был подарочек от самого Захар Захарыча. И хотя мы, завсегдатай Захарников, были избалованы его вниманием, но чувствовали, что эти подарочки нужно ценить и хранить. Тогда, когда уже разовьются праздничные кудри, а от мандаринов останутся только корочки (хочешь – нюхай...), тогда можно будет любоваться его подарком – маленьким складнем из трех створок. Мы получали их в будничные – субботние – праздники...

В.А. По субботам при входе в зал на столе стояла большая стеклянная ваза, в которой лежали в большом количестве маленькие красивые папочки из ватмана или цветного картона, за двумя створками которых была фотография.

Е.Д. Да, но прежде чем открывалась фотография, ей предшествовали стихи Фета, Майкова, Тютчева, написанные каллиграфическим почерком, виньетки, тисненые кантики по краю и цветные кружочки или колечки, полумесяцы, кнопочки из золотой и цветной бумаги (дореволюционной?).

А в самих фотографиях было... Чего только не было! Дальнее и ближнее – паутинка с капелькой россы и лужица в углублении сырой ежки; зимние елочки-малышки, укутанные снегом, как дети на прогулке; вид на Волгу с грозовой тучей над излучиной, и лошади, запряженные в телегу, ветер предгрозовой вздыхает им гривы; старик-крестьянин с босоногой девочкой на коленях; куча свежих лиловых листей, приготовленных на продажу; богородская игрушка – мужик с медведем пилят; и дымковские барыньки в расписных шляпах, с детскими, а еще – всадник, козел, павлин.

Были и совсем другие темы: Айседора Дункан Родена – белая мраморная, танцующая, почти не касаясь земли. Скульптурные головы Бетховена и Льва Толстого гениального мордвина Степана Эрьзи. Красивая девушка прошлого века в красивом парке. «Как хороши, как свежи были розы...».

Все это было снято Захар Захаровичем – Мастером, сделано великолепно с тончайшей проработкой, нежным лирическим светом, чудной композицией.

В.А. – И вот фотографии лежали в стеклянной вазе. Мы могли их брать в любом количестве. Подходил З.З. и просил показать выбранные и объяснить, почему взял именно эти, чем они понравились. По предложению З.З. была у нас эмблема, которую он сам сочинил. Рисовал ее мой отец. В центре раскрытая книга – источник знания; скрещенный якорь и скрипичный ключ; вверху рукопожатие. Восходило солнце...

После войны эти вечера вдруг, к нашему огорчению, сошли на нет. Мы и родители наши хотели возродить хотя бы елки. Но партбюро было категорически против цепей: негоже воспитывать детей на рабской символике. Были и еще какие-то неудовольствия. З.З. обиделся и от возрождения отказался. Скорее всего, не обиделся, а получил предупреждение: будешь собирать вокруг себя столько народу, кончишь в другом месте. Возможно, это доброжелатели в партбюро его пожалели. Взрослые пытались создать что-нибудь идеологически выдержанное, но идеи не родилось, что-то делали, но ничего интересного не получилось.

Е.Д. – Я хаживала к Захар Захарычу уже студенточкой. В подвалчике, невероятно узком из-за ящиков со стеклом – багажом целой жизни – он снимал старым, крепившимся винтом на треножнике фотоаппаратом с выдвигающимся тубусом –

З.З. Виноградов (второй справа). В.А. Гиппенрейтер (в центре) и Д.В. Кравченко (слева) на первомайской демонстрации.

гармонью из черного шелка (или козлиной кожи?). И каждый отдельный кадр был на отдельном стекле, покрытом эмульсией.

Он учил меня проявлять и печатать мои первые фотографии, снятые тоже до-потопным, но уже пленочным аппаратом, подаренным родителями и утопленным позднее в Волге при чрезвычайных обстоятельствах в моей первой экспедиции. Я помню, как сейчас, тот самый запах фиксажа, и мы с Захар Захарычем в красном свете склонились над чудесно пропступающей картиной – научное судно Института географии под названием «Галс» (эдакая была посудина) на рейде в Астрахани. Я числилась на нем матросом второй статьи. Так удалось устроиться. А ты в это время был под Можайском в местечке Красновидово, где географы МГУ проходили практику. Там целая компания «Школы юнг» – юных географов с серьезным видом что-то проходила, изучала, и мои письма летели из Астрахани в Можай, из Можай я получала в какой-нибудь из волжских городов «до востребования».

В.А. – В конце пятидесятых годов я вернулся из армии и узнал от отца, что в Доме ученых состоится торжество по поводу 80-летия З.З. Я пошел. Запомнилось выступление Давида Львовича Арманда, он рассказал биографию юбиляра. З.З. был поэт, не в смысле стихов, а всей своей жизнью.

В начале 20 века З.З. имел прикосновение к студенческим беспорядкам, за что был изгнан из Московского университета. Тогда он купил фотоаппарат с принадлежностями и отправился фотографировать Россию. Он прошел для начала Волгу от истоков до устья – от родника среди болотца, первой деревни в верховьях, первого моста и т.д. Каждую излучину, каждый город он снимал, выжидал наилучшее освещение, сто раз подбирая ракурс... Это все со штатива. Как носил он на себе ящик со стеклами, громадный аппарат и машину на трех ногах – трудно себе представить. Потом у него были экспедиции в самые удаленные окраины вплоть до Тибета. Во многих книгах по географии были книги З.З. Но никто не сфотографировал его, нет его портрета...

От редактора-составителя.

Авторы очерка ошиблись – фотография Захара Захаровича, вышедшего вместе с сотрудниками Института на первомайскую демонстрацию, недавно обнаружилась в нашем архиве. Там же нашлись и некоторые его прекрасные фотографии. Часть из них выставлена в недавно созданном музее Института. В числе этих фотографий оказалась небольшая пачка стереопар. И вот совсем недавно я отыскал у себя дома дедушкин деревянный стереоскоп. Теперь и он в нашем музее.

Иннокентий Петрович Герасимов (1905–1985)

*Географ, почвовед, геоморфолог, палеогеограф,
д.г.н. (1936), академик (1953).*

В Институте в 1943–1985 гг.,

зав. отделом геоморфологии (1943–1952),

зам. директора по научной части (1949–1951),

зав. отделом географии почв (1961–1972)

директор Института (1951–1985).

Член бюро ОГТН АН СССР (1957–1963), ОНЗ (1963–1969),

ООФАиГ (1969–1985)

О.А. Чичагова

Проблема старения гумуса и возраст почв

Академик Иннокентий Петрович Герасимов пригласил меня в институт в 1956 году, для создания в ИГАНе биогеохимической группы в рамках отдела биогеографии. Тогда я работала у М.А. Глазовской на кафедре географии почв и геохимии ландшафтов географического факультета МГУ. Группа, состоявшая в 1956 г. из трех человек (О.А. Чичагова, Д.Г. Левитан, Ю.М. Соловкова), пополнилась в 1957 г. новыми сотрудниками из МГУ (Л.К. Целищева, Л.П. Ильина и Г.С. Погодина). В 1958 г. в аспирантуру к И.П. Герасимову была принята Т.Д. Морозова.

Свою научную работу я начинала под руководством выдающегося ученого – почвоведа, географа, геоморфолога – предложившего мне, наряду с организацией лаборатории и руководством работой аналитиков, заняться разработкой проблемы «Старение гумуса почв», т.е. трансформации органического вещества почв во времени, разработкой новых и модификаций существующих методик изучения состава и свойств ОВ ископаемых почв.

Я провела ряд определений химического состава и свойств органического вещества современных и ископаемых почв России, Болгарии, Румынии, Исландии, Бразилии (образцы были представлены И.П. Герасимовым, М.А. Глазовской, А.А. Величко и частично – мной самой). Я пользовалась также консультациями таких замечательных ученых, как акад. И.В. Тюрин, проф. М.М. Кононова и др. Была собрана и переведена соответствующая литература и написан ряд статей по

И.П. Герасимов.

этим материалам в соавторстве с И.П. Герасимовым, А.А. Величко, Т.Д. Морозовой и др.

В 60-е годы в биогеохимическую группу удалось привлечь целый ряд ученых, создавших необходимую «критическую массу» научного коллектива. Среди них были В.М. Фридланд, С.В. Зонн, А.И. Ромашкевич, В.О. Таргульян, Н.А. Караваева, В.П. Костюченко, позже – Ф.И. Козловский, а затем – А.Г. Черняховский и другие.

Таким образом, небольшая ячейка в будущем явилась основой отдела географии почв нашего Института (переименованного затем в лабораторию географии и эволюции почв).

В 1966 г., по совету академика А.П. Виноградова организовать в нашем Институте радиоуглеродную лабораторию, И.П. Герасимов предложил мне поступить к нему в аспирантуру и заняться проблемой применения радиоуглеродного метода для датирования почвенного органического вещества. Я поступила в аспирантуру к И.П. Герасимову в 1968 году и в 1971 защитила кандидатскую диссертацию на тему «Радиоуглеродное датирование гумуса почв». В 1972 году под руководством И.П. Герасимова мною, а позже, при участии Ф.С. Завельского и А.Е. Черкинского, была создана в отделе географии почв радиоуглеродная лаборатория (в настоящее время – радиоуглеродная группа лаборатории географии и эволюции почв).

От деловых встреч с Иннокентием Петровичем у меня остались удивительные воспоминания: я приходила к нему в директорский кабинет со всеми вопросами, касающимися организации обеих лабораторий, с результатами анализов, которые надо было обсудить с ним. Приходила в любое время – либо по приглашению Иннокентия Петровича, либо по собственному желанию. Все решалось мгновенно и иногда огромное количество различных вопросов и материалов раскладывались, как по мановению волшебной палочки, по «полочкам». Все вставало на свои места и становилось ясным и понятным.

Это был удивительный человек: талант ученого сочетался в нем с необыкновенно организованной личностью. Это был прекрасный организатор научных и аналитических исследований, видящий далеко вперед и умеющий влиять на ход событий. Общение с ним давало чувство огромного удовлетворения, ясности мыслей и планов дальнейших действий, научных исследований.

Его научная интуиция просто потрясала нас. Вот небольшой пример: аналитическая лаборатория обрабатывает огромный материал (почвенные образцы) одной из многочисленных его зарубежных поездок. Я составляю таблицы и приношу их Иннокентию Петровичу. Взамен я получаю текст готовой статьи с пустыми местами для таблиц. Читаю текст и прихожу в восторг от того, как выводы, сделанные Иннокентием Петровичем на основе полевых наблюдений, морфологических описаний и знания литературного материала, прекрасно подтверждаются нашими аналитическими данными. Я просто вставляю готовые таблицы в готовый текст статьи.

Я собирала большой литературный материал по методу радиоуглеродного датирования (в основном, зарубежный), много переводила по просьбе Иннокентия Петровича литературы по его зарубежным объектам (в частности, по Исландии, Бразилии и пр.), старалась, по возможности, интерпретировать полученные аналитические данные, и всегда Иннокентий Петрович делал меня соавтором своих статей. Он был учителем и благодарным соавтором, что теперь, к сожалению, не всегда является правилом в отношениях учителя и ученика.

Самые светлые воспоминания остались от совместных полевых поездок с Иннокентием Петровичем. В поле он просто преображался, становился удивительно доступным, внимательным, очень человечным. Находиться с ним в разрезе или на обнажении доставляло огромное удовольствие – он «читал», восстанавливая события, отразившиеся в профиле почвы, в катене или в большом обнажении как волшебник или пророк. Через мгновение мы уже все отчетливо представляли себе историю развития современной поверхности и почв и становились соучастниками этого представления. Хотелось впитать как можно больше услышанного и увиденного его глазами.

Незабываемой была международная экскурсия по теме «Лесс – Перигляциал – Палеолит» в 1966 г. по лесовым регионам СССР. Кроме интереснейших дискуссий и обсуждений увиденного, сколько было рассказов о смешных ситуациях с известными учеными, сколько юмора и радости от общения! И мы, и иностранные ученые – все были под его обаянием. Среди них были известные ученые, такие как Рихтер, Демек, Хаазе и др. Женщин он просто покорял своей галантностью и мужским обаянием!

Говорить об использовании мною, моими коллегами и учениками всего научного наследия И.П. Герасимова я не берусь. Однако, несомненно, представления И.П. Герасимова об абсолютном и относительном возрасте почв, определяемом по изотопу ^{14}C , получили широкое развитие как благодаря уточнению и разработке основ радиоуглеродного метода, так и в связи с исследованиями, связанными с применением его в почвоведении, географии почв, палеогеографии, геоэкологии, археологии и других науках.

Результаты определения продолжительности периода гумусообразования по радиоуглероду; определение коэффициента обновления гумуса современных и индекса омологения ископаемых почв; определение скоростей потоков углерода в системе почва-атмосфера, скоростей углеродного обмена гумуса зонального ряда почв ЕТР; изучение радиоуглеродного возраста карбонатных аккумуляций в почвах – все это позволило нам совершенно по-новому взглянуть на процессы, протекающие как в самой почве, так и между почвой и атмосферой. Полученные нами оценки потоков углерода в почвах различных эпох голоцене стали основой прогнозирования их динамики в связи с изменением климата. Благодаря применению радиоуглеродных исследований в палеогеографии была возможна разработка геохронологической шкалы плейстоцена и голоцена, проведение реконструкций природной среды и прогнозы ее изменения в связи с изменением климата, исследование хронологии этапов педогенеза и седиментогенеза, реконструкция, хронология и прогноз природных катастрофических процессов, уточнение хронологии, границ и времени существования различных культур.

Таким образом, представления И.П. Герасимова об относительном и абсолютном возрасте почв, впервые высказанные им в связи с применением радиоуглеродного метода для датирования почв, получили свое развитие благодаря уточнению самого метода и исследованиям, связанным с его применением. Однако первенство в интерпретации почвенных радиоуглеродных данных как показателей возраста почв, оценка различия относительного возраста гумуса современных лесных («подзолистых») и степных («черноземных») и пустынных почв, обусловленное различной скоростью процесса почвообразования, свойственного тому или иному генетическому поченному типу, выявление закономерностей изменения радиоуглеродных данных по профилю (удревнение дат с глубиной) в связи с возможным ростом почвы вверх, безусловно, принадлежит академику И.П. Герасимову.

И.П. Герасимов — руководитель аспиранта

Я хочу вспомнить Иннокентия Петровича не как академика-директора, а как персонального руководителя аспиранта. Это ведь совсем другие отношения и другая дистанция между людьми. Я поступил в аспирантуру к И.П. осенью 1962 года: ему тогда было 57 лет, а мне – 28.

Он был в расцвете своей творческой и научно-административной деятельности и, как всегда, был страшно занят. Я пришел к нему после пяти лет потрясающих 4–5-месячных экспедиций в Восточном Саяне, Забайкалье, на Севере Якутии, где я работал в отрядах Почвенного института АН СССР (ПИАН). Я ушел из ПИАНа сразу же после того как институт передали в ВАСХНИЛ. У меня эта аббревиатура всегда ассоциировалась с именем Лысенко, и в такой системе я не хотел работать совершенно.

И.П. принял меня в своем кабинете в середине рабочего дня, между двумя какими-то заседаниями – он явно был в других заботах – слушал вполуха и сказал: «Ну что ж..., интересно, поступайте, сдавайте экзамены, готовьте план диссертации и приходите ко мне». Я сдал экзамены, честно подготовил план диссертации и пришел к нему с планом – очень довольный собой: арктические почвы на гранитах – Большой Ляховский остров, мерзлотная горная тайга на сиенитах, сланцах в Восточном Саяне. Похоже, что я был одним из последних его аспирантов по почвоведению. И он обрушил на меня всю мощь своих сибирских замыслов. Про мой первый план он сказал: «Ну что ж..., интересно, новые регионы, экзотика, но... узко, локально, не крупно. Вам, Витя, надо взяться за проблему северных мерзлотных почв в целом: в чем специфика, какие процессы. Крупнее, крупнее надо». Я был здорово обескуражен, у меня уже была пара публикаций, и я думал, что легко напишу диссертацию.

Я собрался и поехал в поля: в 1963 г. – на Кольский полуостров, в 1964 г. на север Западной Сибири, в 1966 г. на Алдан и Становой хребет. Все эти годы я делал анализы, писал статьи, осваивал минералогию почв, слушал лекции на геологическом и географическом факультетах МГУ и продолжал писать планы диссертации. И.П. их хвалил, но разумчиво прибавлял, что все-таки узковато, регионально, что надо идти к большим обобщениям. «Витя, не ловите блох, беритесь за крупные проблемы», – это его слова.

Аспирантура закончилась в 1965 году, я стал мэнээсом в ИГАНе и написал 15-й вариант плана диссертации, который И.П. все же принял (все 15 вариантов у меня хранятся). И все же «региональность» во мне победила: я написал более 700 страниц текста, где последовательно и занудно описывал примерно одни и те же закономерности в разных регионах Сибири.

К счастью, этот текст я не отдал И.П., а дал его почитать своему другу И.А. Соколову. Илья все честно прочел и летним днем пришел ко мне домой для разговора. Пришел. Сел и сказал: «Что за занудство ты написал – анализируешь восемь регионов, чтобы в конце сказать что все в них похоже?! Попробуй сразу выделить главные закономерности, а потом подтверждай это на материалах регионов». Месяц я был в состоянии гротти, а потом все прояснилось, и я довольно быстро напи-

сал новые 400 страниц. Этот текст я отдал читать И.П., А.А. Роде и М.А. Глазовской. Первым прочел текст А.А. Роде и написал хороший отзыв, в котором впервые прозвучала мысль, что это может быть не только кандидатская, но может быть и докторская диссертация.

И вот настал день предзащиты, которую вел И.П. Я сделал доклад, и началось обсуждение. Многие хвалили, многие резко возражали, иногда возникал мотив защиты докторской. Но мне запомнилось другое. М.А. Глазовская, одобрав в целом работу, сказала: «Все-таки В.О. пишет для идиотов: он столько раз повторяет один и тот же вывод, что от него потом невозможно избавиться». На что И.П. с лукавой улыбкой возразил: «Нет, он хитрее, он не для идиотов пишет. Он вывод повторяет не один раз, но каждый раз к этому выводу прибавляет что-то новое, и вывод становится интереснее и глубже». Я был совершенно счастлив услышать это, ведь это означало, что И.П., несмотря на всю свою занятость, не просто пробежал текст работы, но внимательно прочел и продумал основные выводы и даже сформулировал метод работы, который я сам не осознавал четко.

К мысле о защите докторской И.П. отнесся вначале прохладно: ему было приятно, что работа высоко оценивалась, но внутренней уверенности, что это – докторс-

Подготовка к конгрессу МГС 1976 г. в Москве. Слева направо: В.В. Анненков, И.П. Герасимов, В.М. Котляков, В.П. Чичагов.

кая, у него не было, тем более что С.В. Зонн очень твердо сформулировал, что это две хорошие кандидатские работы, но никак не докторская. Я писал автореферат работы как кандидатской и особенно не страдал – что будет, то и будет. На защите в ИГАНе, которую вел И.П., его интеллигентность и благородство раскрылись полностью. Когда встал вопрос о докторской степени, он очень горячо убеждал Ученый совет, что он был не руководителем аспиранта, а научным консультантом докторанта. Ученый совет ему поверил и проголосовал за докторскую.

А на самом деле И.П. был идеальным руководителем: он не навязывал свою точку зрения на почвы Сибири (а она была существенно другой, чем моя), не предлагал писать статьи в соавторстве с ним (о чем я до сих пор сожалею), не занимался мелким редактированием текста. Он мягко, но упорно «сталикал» меня с локальных, частных проблем на крупные, как теперь модно говорить «глобальные», заставляя задумываться над фундаментальными проблемами географии почв и почво-ведения, мыслить смело и не бояться гипотез. Он сам так работал всю жизнь.

А вскоре после моей аттестации он предложил мне пост заведующего отделом географии почв и геохимии ландшафта (так раньше называлась наша сегодняшняя лаборатория географии и эволюции почв). Это было необычное и смелое решение, если учесть, что в отделе тогда работали С.В. Зонн, В.М. Фридланд, А.И. Ромашевич. Так я стал в 1972 году самым молодым и единственным беспартийным завотделом в ИГАНе.

В.П. Чичагов

С Иннокентием Петровичем вне Института географии

Со временем личные впечатления от общения с нашими замечательными предшественниками забываются, уступая место официальным данным, нередко формальным отзывам и результатам анализа научных работ. Мне посчастливилось работать под руководством И.П. Герасимова в 1956–1985 гг. в Институте географии АН СССР и вместе с ним в отделе геоморфологии; особенно тесно взаимодействовать во время подготовки и проведения XXIII Международного географического конгресса, проходившего в Москве летом 1976 г.; участвовать в процессе создания Национального атласа МНР, ответственным за разработку которого он меня назначил, а также во время совместных командировок в регионы Советского Союза и отдельных зарубежных стран. Разумеется, во время поездок Герасимов оставался одним и тем же человеком – руководителем и крупным ученым, сильным человеком и творческой личностью. Но вне стен Института проявлялись, так сказать, в «чистом» виде его личные качества, и в процессе непринужденного общения он выглядел существенно иным. Свойственная ему напористость становилась мягче. Директор исчезал и уступал место обаятельному и веселому, подвижному и интересующемуся буквально всем и всеми человеку. При этом он становился вровень с окружающими независимо от их возраста, специальности и занимаемого положения. Он был красивым человеком. Общаюсь, он буквально расцветал, говорил с расстановкой, грассируя, покоряя и вдохновляя спутников. Он любил общаться с нами во время обедов в академической сто-

ловой на Ленинском проспекте, в аэропортах, самолетах и поездах. Он рассказывал много интересного и внимательно слушал собеседника. О Герасимове – академике и директоре ведущего географического академического учреждения страны, действовавшего и проявлявшего себя вне стен Института географии – об ИП, как мы его называли, ниже предлагаются несколько зарисовок.

Начну из далеких 50-х годов моей университетской юности. В 1955 г. ИП читал нам – геоморфологам пятого курса геофака МГУ – курс лекций «Геоморфологическое районирование СССР». В сущности это была серия научных докладов по морфоструктурному районированию нашей страны, докладов ученого, значительно отличавшегося от наших университетских профессоров тех лет манерой изложения материала, поведением и внешностью. Нам, плохо одетым студентам, почему-то запомнились его периодически менявшиеся красивые галстуки. Иногда он волновался, был вынужден повторяться, и нам порой его было затруднительно слушать и записывать. Мы теряли внимание, начинали шуметь, и это раздражало его. Но в ответах на наши вопросы – а их было много – перед нами выступал большой мастер, и тут мы его слушали, открыв рот. Тогда мы не знали, что в лекциях этого курса он «обкатывает» свою знаковую работу «Структурные черты рельефа земной поверхности Советского Союза», вышедшую в 1960 г. Не знали мы и о том, что начало этого морфоструктурного направления им было положено в изданной в Казахстане работе сходного названия в 1946 г. Затем в 1957 г. он делал для молодых ученых ИГАНа серию докладов по главам будущей монографии, закладывая основы морфоструктурного анализа. В университете было мое первое знакомство с ИП.

Экспедиция по Монголии. 1951 г.

И.П. Герасимов (справа), Р.П. Зимина и Ю.А. Гагарин.

Значительно позже я понял важное качество ИП – методом *последовательных приближений* совершенствовать свои представления по схеме: тезисы доклада – материалы конференции – научное сообщение – статья – раздел монографии – монография. Прошли годы, и я с благодарностью принял эту схему ИП и использовал ее в моей работе.

В 1956-м я закончил МГУ и был зачислен в ИГАН. Пришел в академический институт после геологических экспедиций ВАГТа (Всесоюзный аэрогеологический трест) и Нигризолото, где занимался морфологией обломочного материала. В ИГАНе я продолжил эти работы, изучая морфологию кварцевых песчаных зерен в целях определения генезиса вмещающих их отложений. В 1958-ом представил ИП свою первую статью на эту тему. Получил положительную рецензию А.В. Сидоренко. ИП на полях написал: «количество затраченного труда не соответствует полученным результатам», но благословил. Статья была напечатана на следующий год в «Изв. АН ССР. Сер. географическая», но отношение ИП к этой теме осталось прохладным.

1962 год. Выездная сессия АН ССР под руководством вице-президента А.П. Виноградова на Дальний Восток. Научная экскурсия в Приморский край, Приханкайская равнина у подножья хребта Синие горы. Копаю для ИП почвенный шурф, он сидит рядом и внимательно следит за тем, как в стенках разреза начинают вырисовываться почвенные горизонты. В одном из них его заинтересовала хорошо выдержанная по простирианию линзочка тонкозернистых песков. ИП посмотрел песочки и поинтересовался моим мнением об их происхождении. Под моей лупой были явно эоловые пески, о чём я и сказал ИП. Это его смущало, даже не устраивало, но он не стал спорить и сказал с некоторой грустью, вспомнив мой опус: «Ты продолжаешь заниматься этим?» Генетические особенности морфологии кварца мне все-таки пригодились...

Быстро описав разрез и взяв образцы, он довольно долго рассматривал пологие вогнутые склоны синих в вечернем освещении подножий и стал рассказывать мне об эрозионных гласизах и педиментах, с которыми я впервые год назад познакомился на Северном Урале. Рассказ был кратким, ярким, содержательным и очень интересным. Проблема педиментов его интересовала всю жизнь, но сомнения относительно интенсивности и масштабов проявления процесса параллельного отступания склонов брали верх, и он предпочитал не выступать по этой проблеме. Когда на заседаниях Ученого совета поднимался этот вопрос, он не отказывал себе в удовольствии узнать наше с Д.А. Тимофеевым мнение и, узнав, улыбался, подтрунивал и отмечал дискуссионность этой проблемы.

ИП помнил все, помнил до мелочей и неоднократно возвращался к, казалось бы, неперспективным, уже пройденным геоморфологическим сюжетам.

1976 год. Чехословакия, путешествие из Праги до Кошице по северным районам страны в формате заседания Комиссии по проблемам окружающей среды МГС, которой руководил ИП. Маршрут был трудным и долгим. График движения нарушался, мы опаздывали, научные заседания длились до глубокой ночи. ИП устал и нервничал. В Низких Татрах мы заблудились. Вечерело, мы прозевали основную дорогу, и наш низко сидящий автобус, оказавшись на второстепенном перевале, въехал на него и не мог спуститься. Чех-шофер растерялся. Здесь мы познакомились с другим ИП – резким и повелительным начальником. Он взял руководство операцией на себя. Прежде всего, он приказал участникам не выходить из автобуса, сам с водителем и со мной пошел на поиски объезда, нашел подходящий вариант и лично руководил спуском. Это был единственный случай, когда я видел призывающего ИП. Он был большим знатоком, имел большой опыт путешествий. Во всех сложных ситуациях на дорогах, будь то обледеневшие подъемы дороги Слюдянка–Иркутск (возвращались из пресловутого Байкальского бумажно-целлюлозного комбината) или сугробы на дороге в пос. Ново-Дарьино, где расположена его дача, – всюду он выходил из машины, оценивал обстановку и вместе со всеми откапывал и толкал машину, хотя делать это ему врачи не рекомендовали, разумеется.

ИП умел и любил все свои дела доводить до логического завершения и не терпел брошенных дел. Я видел, как он трудится в самолете, вагоне поезда, в аэропорту – словом везде, где можно было сесть. Как-то, отчитывая своего постоянно опаздывавшего с делами молодого заместителя Диму Лиленберга, отчеканил: «Это последнее дело – не доводить начатое дело до конца!» Наказывать сотрудников он не любил, самым неприятным из его критических высказываний было: «Это Вам большой минус!» Иногда, когда ему не удавалось справиться со строптивым сотрудником (однажды это было со мной), он подключал В.С. Преображенского. Сокращения в ИГАНе были неизбежными, но он переносил их трудно, переживал.

ИП всегда старался сохранять в поле зрения буквально все: следить за ходом наиболее трудных проектов и зарубежных поездок, прохождением статей и публикаций книг. Его отличало умение тщательно соблюдать намеченный график встреч, звонков, посещений. Внимание к мелочам у него было постоянным. Долгие годы, общаясь с ним, я привык к его ровному, практически спокойному отношению ко мне и выполняемым мной делам. И только один раз я вывел ИП из себя. Дело было так. Я несколько раз откладывал выполнение какого-то мало значащего, по моему

мнению, его поручения. Очередной раз он спросил меня, удалось ли с ним справиться и, услышав в ответ, что стоит ли беспокоиться о таких мелочах, взорвался: «Да что Вы понимаете в мелочах!» Потом взял себя в руки и успокоился. Действительно, сложная, богатая победами и испытаниями жизнь, научила его многому, о чем мы не имели представления... Только после раз渲ла Советского Союза я узнал о трагической судьбе его отца и о непростых годах его юности...

ИП был страстным человеком и исследователем. Начав свою научную карьеру с изучения геологии и геоморфологии аридных регионов юга России и Казахстана, он сформировался как ученый на материалах засушливых областей и сохранил интерес к ним на долгие годы. С 1923 г. он работал на юге Русской равнины, в Казахстане и Средней Азии, защитил кандидатскую диссертацию по почвам пустынь и докторскую о происхождении современной поверхности Турана. ИП никогда не упускал возможности принять участие в конференциях, проводимых в аридных странах и сопровождающихся полевыми экскурсиями. Среди таких поездок выделялась одна.

В 1962 г. он участвовал в работе Международного геологического конгресса и научной экскурсии по Западному Средиземноморью и Западной Африке. Вдоль африканского побережья участники экскурсировали на большом судне, делая многочисленные остановки и сходя на берег для изучения разрезов и других природных объектов. Эта необычайно плодотворная экскурсия больше походила на путешествие и окончилась грандиозным маршрутом через Тунис и Алжир в Сенегал. Возвратившись в Москву, ИП часто мыслями обращался к этой стране и через несколько лет, во время работы в Гвинее решился на свой страх и риск без визы и даже сопровождения снова посетить Сенегал, на это раз с юга. Путешествие было рискованным, но результативным. Времена были сложные, но все обошлось. ИП и своим коллегам рекомендовал продолжить изучение аридных стран, например, своему давнему другу и соратнику А.В. Сидоренко исследовать каличе Мексики и коры Северной Африки. (Сидоренко завершил свой жизненный путь в пустыне, по дороге на юг Алжира).

Разумный, подчиненный решению научной цели риск вообще был присущ ИП. Однажды, во время научной командировки в Венгрию он созвонился со своими чехословацкими партнерами и устроил с ними встречу на пограничном мосту. Не имея визы, он пересек пограничную линию, оказался на территории другой дружественной страны, обсудил важные научные проблемы и вернулся в Венгрию. Советский консул в Венгрии доложил об этом в Москву и у ИП были неприятности, с которыми он, как и с предыдущими, справился.

Отбросив осторожность, на склоне лет, ИП вышел в Мировой океан. В этом решении сказалась вся его страсть к путешествиям, к новым горизонтам современной науки – приложению тектоники литосферных плит к анализу современного рельефа. Сказалось и пренебрежение к ограничивающим его жизнь советам. Это решение принял ученый и человек, сохранивший молодое восприятие природы и

Рисунок А.Д. Арманда.

новых веяний в науке, сохранивший интерес к жизни и отношение к людям, свое-
ственное молодым людям. Он прожил большую, полную ярких событий и интерес-
ных людей жизнь, не терпел обыденности и серости, хотел жить и жил полной
жизнью ученого, у него не укладывалось в голове, как можно пассивно доживать
жизнь. И жил полнокровной активной жизнью, достойной подражанья. На склоне
лет болел, но быстроправлялся с недугами, когда стало меньше сил – научился их
раскладывать, но работать меньше не стал. В его последнем биобиографическом
справочнике среди последних лет его жизни есть годы сверхпродуктивные.
Его работы продолжали выходить и после его кончины.

Иннокентий Петрович был образцовым семьянином, любящим мужем и отцом. Его
лучшие качества перешли к его дочерям и внукам, которых мы с женой очень любим.

Я счастлив, благодарен судьбе за возможность долгого и радостного общения с
этим выдающимся человеком.

Никита Федорович Глазовский (1946–2005)

*Геолог-геохимик, физикогеограф,
д.г.н. (1985), профессор (1987), чл.-корр. РАН (1997).
В Институте в 1988–2005 гг., зам. директора по науке,
зав. отделом физической географии и природопользования (1996–2005).
Действительный член РЭА (1994), РАЕН (1996),
вице-президент Международного географического союза (2000),
председатель Совета WWF России (2004),
заслуженный деятель науки РФ, заслуженный эколог РФ*

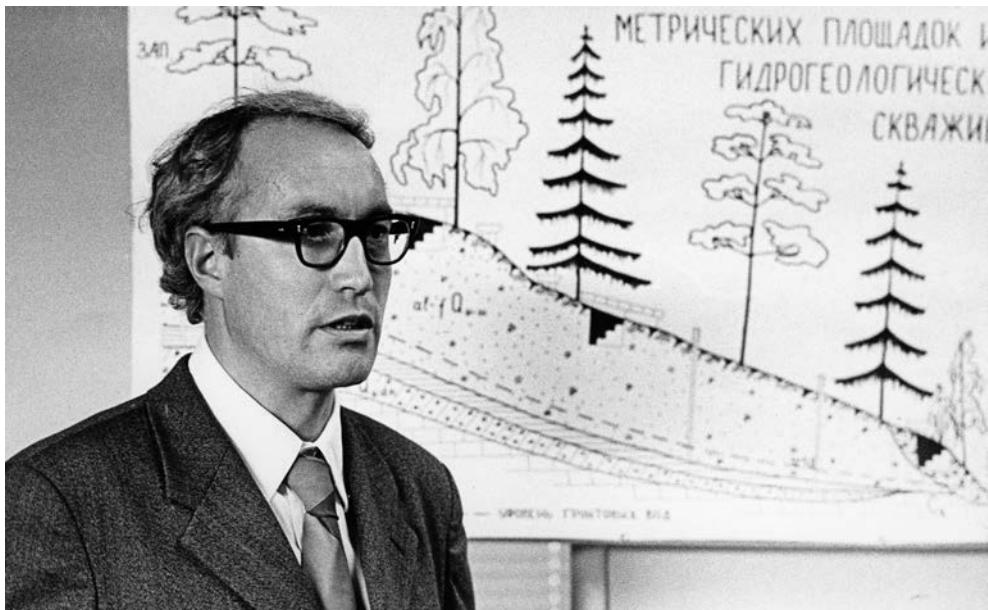
A.B. Дроздов

*У каждого человека есть черты характера и склонности,
во многом определяющие его жизнь*

В молодые годы Никита Федорович на надувной лодке под парусом прошел вдоль
всех берегов Аральского моря. Тогда оно еще было морем. Потом начался Аральский
кризис. И Никита Федорович немало сделал, чтобы вскрыть его причины и смягчить его.

Он очень любил природу, ее стихии и особенно воду и ветер. Он был душой
небольшого неформального парусного клуба. Там мы и познакомились тридцать
лет тому назад. Вернее сказать, Никита Федорович дружески привел меня туда –
новичка, прежде о парусных лодках только мечтавшего.

Это произошло, как и многое в жизни, отчасти случайно. В то время мы работали
в горах и пустынях Туркмении с его мамой, Марией Альфредовной Глазовской.

На международном симпозиуме в Таллине, 1982 г.

И однажды, укрываясь от ветра между барханами, я в шутку сказал ей: «Вот бы нам вместо грузовичка марсианскую песчаную парусную лодку!» «Я Вас познакомлю с моим сыном», – услышал в ответ.

Оказалось, с Никитой Федоровичем у нас общими чертами характера были не только любовь к парусам, но и пристрастие к географии. Я-то заочно его воспринимал как гидрогеолога. А он знал имена местных ветров всего мира. И придумал совершенно оригинальный метод расчета эоловой миграции вещества. Но и как гидрогеолог-геохимик знал о глубоком подземном стоке в моря и океаны мира и о его геохимическом значении необычайно много.

Разнообразие интересов и сфер деятельности Н.Ф. Глазовского, его вклад в изучение геохимии биосфера и в разработку концепции ее устойчивого развития достаточно полно представлены в двухтомнике его избранных работ¹. Поэтому в этом кратком очерке – на первом плане черты личности Никиты Федоровича, памятные мне и многим сотрудникам Института.

Никита Федорович пришел к нам в Институт на должность заместителя директора в 1988 году. Очевидно, это был лучший выбор и для него, и для нашего Института. Но в ноябре 2005 года на 60-м году жизни он скоропостижно скончался. Незадолго до его кончины мы избрали Никиту Федоровича директором Института. Через несколько недель он был бы формально утвержден в этой должности. Он был бы замечательным директором.

¹ Глазовский Н.Ф. Избранные труды в двух томах. Том 1. Геохимические потоки в биосфере. 2006. 535 с. Том 2. Устойчивое развитие биосфера. 2009. М.: Тов. научных изданий КМК. 386 с.

Помню, Иннокентий Петрович Герасимов по коридорам Института проходил очень быстро. Заговорить с ним на ходу удавалось немногим. Старожилы рассказывают, что Андрей Александрович Григорьев шел к своему кабинету всегда медленно, охотно останавливался и разговаривал с коллегами. Так было и после его отставки, я этому свидетель.

Никита Федорович в наших коридорах всегда был стремителен – спеша из своего кабинета по «внешним» делам, он лучезарно улыбался дожидавшимся его коллегам. Все понимали эту приветливую и извиняющуюся улыбку без слов – «сегодня убегаю, поговорить не успеем, но завтра непременно». И не досадовали. Ведь так и получалось, пусть не на следующий день, а чуть погодя. И едва ли кто-нибудь из коллег когда-либо не дождался нужного разговора.

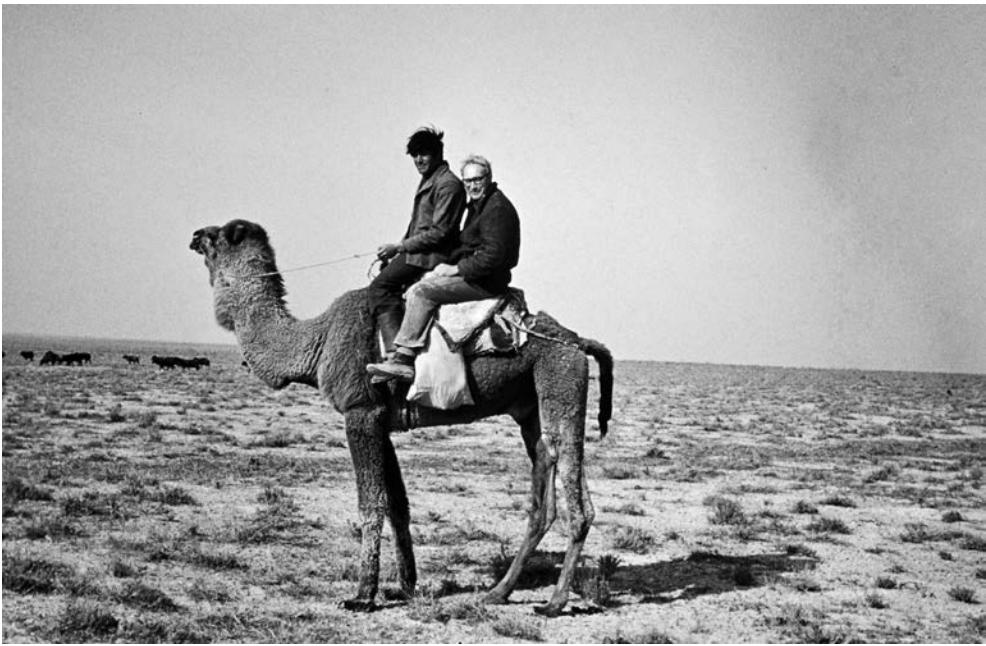
Благожелательная улыбка почти все время освещала его лицо. Думаю, внимательнейшее отношение к нуждам каждого, кто обращался к нему, было врожденной чертой характера Никиты Федоровича. Как и забота об общественном благе. Поразительно, как он успевал совмещать напряженную и продуктивную научную работу с колossalным объемом работы общественной, имевшей большой резонанс и приносившей очень значимые результаты.

Вероятно, одной из его первых и трудных общественных кампаний, в которой он участвовал очень активно, была систематическая, фундаментальная критика проекта переброски стока северных рек в Среднюю Азию и Казахстан. В этой кампании, руководимой академиком А.Л. Яншиным, формировались принципы, и вырабатывался опыт общественного участия советских ученых в решении важнейших социально-экологических проблем страны. Спустя годы Никита Федорович уже сам руководил подобными кампаниями, транслируя этот опыт новому поколению неравнодушных людей и личным примером демонстрируя служение общественному благу. Характерно, что он, после ряда попыток эффективно действовать на государственных постах, включая пост заместителя министра экологии, предпочел сохранить независимость ученого и природоохранную, просветительскую, экспертную работу вести, используя все формы общественной работы. Несомненно, он обладал необходимым для этого талантом. Разумеется, он действовал и в академических, и в правительственные комиссиях, возглавлял официальные научные и экспертные организации, но при этом всегда оставался верен принципам общественного участия – открытости, демократичности, приверженности и научной истине, и гуманистической этике.

В последние месяцы перед кончиной, возможно, предчувствуя разлуку, обычно избегавший эмоциональных фраз, Никита Федорович не раз говорил: «Я люблю наш Институт». Мы надеемся, и он чувствовал нашу искреннюю любовь.

Он был душой нашего отдела физической географии и природопользования. Замечательна и поучительна была атмосфера наших заседаний и дискуссий. Думаю, она была особенно ценна для наших новых сотрудников, сразу окунавшихся в доброжелательную и интеллектуально высокую среду. Я могу сравнить ее только с тем временем, когда мне повезло оказаться в отделе при Гаврииле Дмитриевиче Рихтере, Давиде Львовиче Арманде, Эдуарде Макаровиче Мурзаеве.

Мы свободно планировали темы своих исследований, внимательно прислушиваясь при этом к советам Никиты Федоровича, направлявшего общий ход нашей

С проводником в Кара-Кумах.

работы. Мы старались поддерживать достойный уровень своей работы, зная, что ее результаты получат справедливую оценку, не принижающую их значение. Мы знали также, что при этом поймем какова их цена и «по гамбургскому счету».

В стиле управления отделом и научного руководства вообще у Никиты Федоровича, как мне кажется, четко проявлялась установка – ответственность за выбор темы исследования и за его результаты каждый несет сам. Другое дело, что руководитель может и должен предлагать коллегам и сотрудникам интересные и нужные задачи, предупреждать о трудностях и вероятных неудачах в случае сомнительного выбора, но стараться не ограничивать его свободу, не освобождая от ответственности за него. Так он действовал, в частности, в роли председателя совета по защитам диссертаций.

В характере Никиты Федоровича, безусловно, присутствовало честолюбие. Это нормальное и полезное качество – если оно не подавляет другие, не менее или даже более важные качества, и не определяет мотивы всех поступков человека. Вспоминаю эпизод, в котором выразительно проявилось поведение Никиты Федоровича в момент выбора между деликатностью и стремлением оказаться первым в дружеской парусной гонке.

Мы вышли из заливчика на Иваньковском водохранилище, где обычно стояли наши маленькие яхточки, каждый на своей «мыльнице» – так иронично называла наши пластмассовые посудины Мария Альфредовна Глазовская – и направились к деревне, в которой семья Глазовских несколько лет назад купила избу. Никита Федорович, как обычно, сразу предложил мне «погоняться». Обычно я проигрывал. Но в этот раз с удивлением увидел – я его обгоняю! От изумления я зазевался, вылетел на мель,

На Аральском море.

потерял скорость. Тут на своей лодке подошел Никита Федорович, и я понял причину его задержки. На последнем отрезке пути у него на коленях заснул его любимый щенок. И Никита Федорович в нужный момент не стал менять галс и пересаживаться на другой борт из деликатности – чтобы не разбудить мальыша.

* * *

Предвидя наступающие нелегкие для Академии времена и понимая природу тех ветров, которые ведут к переменам, Никита Федорович планировал многое нужных для нашего Института дел.

Теперь от нас во многом зависит – сможем ли мы сообща продвигать эти планы и замыслы, наполняя их добрым попутным ветром – ветром, который так любил Никита Федорович.

Л.С. Мокрушина

Космический человек

На ночном небе светится такая звезда – «Мария Глазовская». Это был подарок Марии Альфредовне от МГУ в честь 90-летнего юбилея. Старший ее сын – Никита Федорович ушел из жизни рано, не дожив до 60 лет, но он был поистине космическим человеком при жизни: по масштабу географического мышления, по масштабу тех дел, которые он затевал и успевал делать, того доброго, светлого, теплого излучения, которое шло от него к людям. Как ученый он был абсолютным энциклопедистом, а потрясающая работоспособность позволяла ему руководить несколькими научными направлениями.

Внимательный, заботливый, любящий сын, муж, брат, отец двух дочерей и девушка четверых внуков он построил большой красивый деревенский дом с видом на Волгу, а свою любимую яхту назвал в честь дочерей «Марианна».

Мы знали его как заместителя директора Института географии РАН, как заведующего отделом физической географии и природопользования, как председателя диссертационного совета по защите кандидатских и докторских диссертаций по специальностям «Физическая география» и «Геоэкология», как директора программы «Лидеры XXI века в области окружающей среды и развития». С его участием еже-

годно проводились заседания РГО «Ученые – учителю». Он успевал быть членом редакционных советов нескольких журналов. В 1989 г. он был еще и заместителем министра в Госкомэкологии России. Но, освободившись от этого поста, ему не удалось освободиться от других бюрократических обязанностей. За короткое время с 1990 по 1997 г. Никита Федорович вошел в состав правительенных комиссий, в руководство государственных программ, научных и научно-технических советов, Федерального экологического фонда, ВАКа, Совета Государственной экологической экспертизы. Несколько лет он входил в Совет Института мировых ресурсов Всемирного Банка, возглавлял Совет WWF России.

В общем, дел у него всегда было невпроворот, но для каждого, кто к нему обращался, он находил время – выслушать, дать совет, помочь. Он всегда подолгу занимался с докторантами, соискателями, приезжающими из разных уголков России, и не жалел своего времени на заседания отдела, где часто заслушивались отчеты аспирантов или соискателей. На праздничных заседаниях Никита Федорович всегда был весел, шутил, рассказывал смешные экспедиционные истории. Одно из заседаний отдела, посвященное празднику 8 Марта, особенно запомнилось торжественностью и серьезным обсуждением роли женщин в семье, в обществе, в истории и в Институте географии. Заседание проводилось в актовом зале Института, было много цветов и сладостей на столах. Присутствовали сотрудники из других отделов. Вообще-то Никита Федорович всегда дарил цветы на этот праздник всем

На конференции ООН по опустыниванию в Гаване, 2003 г. Слева советник российского посольства Е.Г. Глек.

женщинам Института. На этот раз он пригласил сделать специальный доклад к теме «8 Марта» доктора философских наук Н.И. Кузнецова. Гендерная тема всех как-то сильно затронула, и споры в конце заседания разгорелись нешуточные.

Мы, сотрудники отдела, очень любили Никиту Федоровича. А уж для молодых «лидеров» он был просто божественным кумиром.

В 2000 г. на 29 конгрессе Международного географического союза (МГС) в Сеуле его избрали вице-президентом этого союза. Заседание Исполкома МГС было назначено в Москве в мае 2001 г. Из разных стран приехали 11 вице-президентов МГС, президент Ани Батимер и генеральный секретарь Рон Аблер. Это была первая встреча нового состава Исполкома МГС после выборов в Сеул.

Никита Федорович попросил меня, как ученого секретаря своего отдела, помочь принять гостей. Расписание каждый день было очень плотным: с утра – заседания, во второй половине дня – экскурсии, а вечером – «Динэ-пати», заканчивающиеся песнями и танцами. Царившая атмосфера была удивительно доброй, непринужденной. Было невозможно предположить, что эти люди встречаются, по сути, впервые. В значительной степени это было заслугой Никиты Федоровича. Он здорово танцевал с Ани Батимер. Эта маленькая, худенькая, очень симпатичная и обаятельная женщина из Ирландии прошла непростой жизненный путь. Почти 30 лет она провела в монастыре, потом была учительницей географии и занималась фило-

На даче с мамой Марией Альфредовной и женой Людмилой Ивановной, у ног афганской борзая Филипп.

софскими проблемами географической науки. Где она так хорошо научилась танцевать? Еще и пела она прекрасно. С Роном Аблером они исполняли старинные английские песни. Вице-президент из Мексики Хосе Паласио чудесно пел «Бэсамэмуче», а мы с Никитой, задорно распевали «Перекаты» и, с попыткой перевести на английский язык, гимн российских географов «Я не знаю, где встретиться нам придется с тобой».

С.А. Тархов

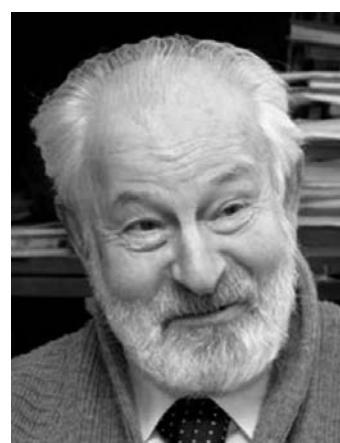
*Григорий Абрамович Гольц
(1933–2009)*

*Экономикогеограф, к.т.н (1965), д.г.н. (1986).
В Институте в 1975–1989 гг.*

Прошло уже почти два года, как не стало Григория Абрамовича Гольца. Он больше мне не звонит и не спрашивает, что нового в Институте географии, чем живут институтские экономмкогеографы; не делится со мной своими мыслями и новыми идеями, которые у него постоянно возникали… К сожалению, время мчится быстро и забирает вокруг нас одного за другим самых интересных людей, которые, когда уходят, оказываются совершенно незаменимыми. Таких людей остается все меньше, и мы, по мере нашего старения, сиротеем все сильнее.

Григорий Абрамович родился в Москве 1 сентября 1933 г. Закончил в 1956 г. Московский инженерно-экономический институт (автотранспортный факультет) по специальности инженер-экономист. Работал с 1959 г. в мастерской генеральных планов проектного института «Мособлпроект», с 1966 г. – в Институте комплексных транспортных проблем при Госплане СССР, в 1975–1989 гг. – в Институте географии АН СССР, с 1989 г. – в Институте народнохозяйственного прогнозирования РАН. Преподавал в Московском физико-техническом институте (с 2000 г.) и международном университете «Дубна» (с 1997 г.). Доктор географических наук (1986 г.), кандидат технических наук (1965 г.). Он – автор более чем 300 научных публикаций, в т.ч. трех известных в научных кругах книг.

Будучи по образованию инженером-экономистом в области транспорта, он, тем не менее, обладал более широким мировидением: постоянно посещал философские, теоретико-методологические семинары и конференции; участвовал в работе многочисленных научных конференций и семинаров по экономике, транспорту, социологии, демографии, географии, градостроительству. Круг его интересов не сводился к какой-то одной научной дисциплине, а был междис-

Г.А. Гольц. 2008 г.

циплинарным. Сейчас такие люди уже почти не встречаются. И мне очень повезло в жизни, что я общался с таким человеком, который интересовался разносторонними вещами, все время искал новое знание, ставил перед собой сложные научные задачи и решал их.

Его всегда интересовали связи между разными элементами реальной жизни. Обычно Григорий Абрамович нащупывал и идентифицировал эти связи, используя математико-статистические методы. Он прекрасно владел высшей математикой, теорией вероятностей и математической статистикой, что сейчас, в эпоху деградации отечественной науки, явление крайне редкое. Кроме анализа актуальных взаимосвязей он всегда пытался исследовать динамику этих связей, причем не за 30–50 последних лет, а за 150–300 лет. Так как статистические данные за такой большой период были недоступны, он косвенным образом определял изучаемые им параметры и всегда находил жесткую и точно определенную им, математико-статистически подтвержденную динамическую связь между явлениями.

Часто беседуя со мной или обсуждая какой-либо вопрос, он воспитывал во мне важнейшие качества, необходимые для организации правильного хода исследования. Это я понял значительно позже, когда уже превратился из студента в научного исследователя. Сначала надо прочитать и просмотреть всю литературу, написанную по изучаемой теме (для этого надо провести достаточно много времени в библиотеке); выяснить, что уже сделано, а что еще не сделано учеными по этой теме. Потом понять, что ты хочешь исследовать и поставить перед собой четкую цель. Разбить ход исследования на отдельные промежуточные, пошаговые задачи, чтобы постепенно (крайне медленно и терпеливо, понимая, что достижение поставленной цели займет очень много времени, так как будут ошибки и неправильные ходы в исследовании) достичь поставленной цели. Для решения каждой промежуточной задачи следует подобрать адекватный метод ее решения. Никакое научное исследование нельзя начинать, не имея предварительной гипотезы о характере взаимосвязей между изучаемыми явлениями (или параметрами, их представляющими). Основное содержание научного исследования – проверка (подтверждение или опровержение) гипотезы и конструирование новой гипотезы, если старая оказалась неудачной и мало эффективной, т.е. плохо объясняющей изучаемые явления и процессы. Если гипотеза подтверждается, то идентифицируются закономерности, зная которые, можно давать научно обоснованные прогнозы будущего развития.

Поиск динамических взаимосвязей между изучаемыми явлениями, выявление закономерностей их развития, а также установление основных законов их устройства и функционирования – вот главный смысл научного исследования. Таковы были главные научные заповеди Г.А. Гольца, которых он придерживался всю свою жизнь и учил им меня, когда я был еще молод и не очень опытен.

Это был настоящий Ученый с большой буквы. Вся его жизнь была подчинена поиску и установлению нового знания. Чаще всего Григория Абрамовича можно было встретить в «Ленинке» (ныне Российской государственной библиотеке) и библиотеке ИНИОН, где он работал много с каталогами, книгами, статьями. У него дома была огромная картотека статей и книг по разным темам, которые его интересовали. Уже при просмотре только одних карточек формировались какие-то мысли и идеи. Этот обширный каталог позволял генерировать даже некоторые научные гипотезы. Благо-

даря этому каталогу Г.А. Гольц выдвинул идею «реки разума» (реки знаний): если объединить все научные законы и закономерности и научное знание, то их сопоставление, сравнение и анализ позволяют получить новое рафинированное теоретическое знание, которое не всегда доступно всем исследователям. Т.е. отдельные «мелкие» элементы научного знания, складываясь вместе, синтезируясь, становятся «кирпичиками» большого научного сверхзнания – той самой «реки разума». Он часто мне говорил об этой реке... Исследователи делятся на частных (отраслевиков), ищущих и анализирующих конкретные знания, и интеграторов теоретических знаний, синтезирующих элементарные знания в теоретическое знание.

Г.А. Гольц внес большой вклад в разные отрасли науки, так как всегда работал на их стыках. К первой фундаментальной научной работе стоит отнести его кандидатскую диссертацию, посвященную выявлению закономерностей мигрантовых миграций в Московской городской агломерации. Эту работу очень высоко оценил Ю.Г. Саушкин. Г.А. Гольц обнаружил, что размер агломерации прямо связан со средними временными затратами на поездки трудовых мигрантов в Москву из области, т.е. с транспортными ограничениями. С этого времени Г.А. Гольц считался одним из крупнейших в нашей стране специалистов по проблемам городского транспорта и автомобильного движения в городах. В следующей работе 1971 г. он выявил статистические взаимосвязи между протяженностью сетей автодорог стран мира и уровнем их социально-экономического развития, где опять им было обнаружено влияние скорости сообщения на размеры транспортных систем.

Последнюю тему Г.А. Гольц продолжать изучать в начале 1970-х гг., когда исследовал взаимосвязь процесса урбанизации и характера транспортной подвижности населения. После перехода из Института комплексных транспортных проблем в Институт географии он провел фундаментальное изучение взаимодействия расселения и транспорта (результаты опубликованы им в книге «Транспорт и расселение», 1981 г.). Изучая особенности этого взаимодействия на разных территориальных уровнях (большой город, городская агломерация, регион, макрорегион, страна) в первой половине 1980-х гг., Григорий Абрамович впервые пришел к выводу о наличии пространственной самоорганизации людей. Люди не могут перемещаться в пространстве дальше некоего биологически определенного лимита времени, поэтому расселяются исходя из этих временных ограничений – чем больше скорость транспортного сообщения, тем значительнее по своим пространственным размерам системы расселения (городские, агломерационные, региональные, страновые). Эти лимиты времени он назвал константами пространственной самоорганизации населения (полчаса, час и т.д.). Это научное знание, полученное Г.А. Гольцем, следует, с моей точки зрения, считать самым главным, фундаментальным научным результатом, который он принес в Науку с большой буквы. Тем самым он создал теорию пространственно-временного изоморфизма территориальной организации общества.

После перехода в Институт научно-технического прогнозирования Григорий Абрамович изучал разные темы и проблемы – от динамики военных расходов до динамики уровня потребления водки в России. Разброс тем был настолько велик, что Г.А. Гольц превратился в оракула почти по всем проблемам, ибо он точно, математико-статистически рассчитывал свои многовариантные прогнозы развития изучаемых им процес-

Рисунок А.Д. Арманда.

сов и явлений. В этот период своей деятельности он стал писать трехтомную книгу, в которой хотел синтезировать все те знания, которые накопил и получил. К сожалению, из-за того, что в 1990-е гг. начался экономический кризис и финансирование фундаментальной науки упало почти до нуля (в т.ч. издательской деятельности), вышел из печати только первый том этой задуманной им трилогии. Тем не менее, этот том содержит в себе много ценного и интересного. Жаль, что два других тома так и не были им дописаны и изданы.

Г.А. Гольц любил решать конкретные задачи: рассчитать что-то (получить точные цифры); сделать конкретный прогноз с цифрами на такой-то год. Поэтому он и ушел в Институт прогнозирования,

так как очень любил этим заниматься. Если перед ним ставили конкретную цель, он всегда ее достигал и получал точные цифры благодаря построению адекватной математической модели. Он часто звонил мне и рассказывал, что ему дали такое-то задание, и он сейчас думает, какие параметры следует подобрать, какую математическую модель надо составить, и что получится в результате, будет ли верна его нынешняя рабочая гипотеза или нет. А потом через некоторое время сообщал мне, что у него все получилось, и результат просто великолепен. Так он шел от решения одной задачи к решению другой, накапливая опыт моделирования и прогнозирования. Он уже в 1970-е гг. превратился в эксперта высшей пробы, но, к сожалению, мало кто толком мог оценить, насколько высок был уровень его компетентности и научной квалификации. Им пользовались исключительно для решения сиюминутных утилитарных и конъюнктурных задач, хотя Григорий Абрамович мог дать науке и стране значительно больше теоретической и методологической пользы. Но, к сожалению, фундаментальная наука и теоретическое знание у нас совсем не ценятся, а в последние годы просто обесценились и не стоят ломаного гроша.

Научный талант Г.А. Гольца мог бы принести стране очень много, но он оказался, увы, не востребован. Жаль смотреть на умирающую фундаментальную науку, которую уже, к несчастью, не реанимировать при нынешнем отношении к ней государства. Но быть пессимистом нельзя. Так мне всегда говорил Григорий Абрамович. Придут другие поколения, и знания, оставленные им, будут востребованы и принесут пользу людям. Но это уже будет совсем иная эпоха, когда научное знание будет вновь цениться высоко и будет играть важную роль в жизни общества.

Мне очень повезло, что я был в течение 40 лет близок с этим замечательным, необычным, интересным человеком, разжигающим из фактов и цифр новые научные идеи. Его влияние на мое научное мировоззрение велико. Он был моим научным патроном в период, когда я формировался как исследователь. Я очень благодарен судьбе за это.

А.П. Горкин

Вениамин Максович Гохман (1918–1986)

Экономикогеограф, д.г.н. (1976), профессор (1981).

В Институте в 1954–1986,

зав. отделом мирового хозяйства (1966–1986).

*Член Международной ассоциации региональной науки,
председатель библиотечного совета ИГ АН СССР*

Мне очень трудно писать о моем учителе и друге Вениамине Максовиче Гохмане беспристрастно и академично, хотя долгие годы редакторской работы в издательстве «Советская энциклопедия» («Большая российская энциклопедия») должны были бы заставить меня пойти проторенной дорогой энциклопедического жизнеописания. Например, подробно развить положения «отжатой» издательством до предела справочной статьи в новом издании 30-томной «Большой Российской Энциклопедии», которую я написал по просьбе редакции географии. Привожу текст статьи.

«ГОХМАН В.М. (1918–1986). Российский экономикогеограф.... Работы по закономерностям территориальной организации промышленности США, теоретической географии, тематической картографии. Разрабатывал основы общественной географии, географии культуры, проблемного страноведения. Основатель отечественной школы экономико-географической американстики. Способствовал внедрению в социально-экономическую географию новых методов исследований, в т.ч. математико-экономических, моделирования, системно-структурного анализа. Преподавал в МГУ, ИМЭМО, различных университетах страны. С 1967 года член Международной ассоциации региональной науки».

Эта суховатая справка отражает только основные направления научной деятельности В.М. Гохмана. Однако многие существенные стороны личности В.М. как ученика, мыслителя и просто человека в ней, к сожалению, не отражены – из-за «лимита объема» и специфики жанра. Попробую несколько нарушить жесткие каноны энциклопедической справки.

Любимый аспирант Н.Н. Баранского Вениамин Максович Гохман (как и его научный руководитель) был не только генератором новых идей в теории, методологии и методике социально-экономической географии, но и выдающимся Просве-

В.М. Гохман и В.П. Ковалевский среди зрителей капустника.

А.П. Горкин демонстрирует В.М. Гохману ценные книги и вина.

русский язык работы западных ученых, ознакомиться с новыми зарубежными направлениями в развитии теории социально-экономической географии и региональной экономики. Читайтесь только в названия: «Американская география», «Модели в географии», «Пространственный анализ в географии», «Теоретическая география», «Научное объяснение в географии», «Методы регионального анализа»… В том, что эти и многие другие классические исследования (не региональные, а теоретические!) стали доступными читателю на русском языке, роль В.М. как организатора, научного редактора, переводчика просто невозможно переоценить. Поистине подвижническая деятельность В.М. Гохмана, которая отнимала у него массу времени и сил (подчас в ущерб собственным исследованиям), ввела в круг «научного общения» советских экономикогеографов таких выдающихся зарубежных ученых, как У. Айзард (Изард), В. Бунге, П. Хаггет, Д. Харвей, Б. Берри, Д. Смит, Дж. Чорли, Я. Гамильтон, Р. Мерфи и многих других¹.

Но главное в В.М., пожалуй, другое. Его просто нельзя представить без многочисленных учеников и последователей. И совсем неважен был их формальный статус: студенты, аспиранты, соискатели, коллеги по ИГ АН, МГУ, другим вузам и академическим институтам, сотрудники различных практических организаций и

чителем и талантливым Педагогом. Многие географы подзабыли, а большинство просто не знает, что именно В.М. Гохман был одним из инициаторов внедрения в нашу науку в 1960–1970-е годы таких принципиальных парадигм, как «теоретическая география», «общественная география», «проблемное страноведение», «культурная география», «метагеография», «территориально-производственная структура» и другие. При этом сам В.М. никогда не претендовал на какие-то приоритеты, охотно делился новыми идеями (еще до их публикации!) с коллегами и учениками – часто на заседаниях Семинара по новым методам исследований в экономической географии или Комиссии по географии промышленности Московского филиала Географического общества СССР.

Во многом благодаря В.М. Гохману сотни и тысячи советских географов смогли прочитать в переводе на

¹ Напомню читателю, что в те времена не было ни Интернета, ни Амазона, а доктора наук в Институте географии могли потратить «на приобретение валютной научной литературы» 10–15 долларов США в год.

учреждений – не только в Москве и Ленинграде, но и в Средней Азии, Закавказье, Сибири, других регионах Советского Союза. В.М. просто притягивал к себе людей, и не только нашу самоуверенную экономгеографическую братию. При этом он оставался скромным и даже каким-то застенчивым человеком, менее всего похожим на живого классика. В.М. Гохман не относился к числу профессиональных ораторов или лекторов, но слушать его для многих было просто эстетическим удовольствием. Безупречная логика, абсолютно грамотная речь без малейших лексических «вирусов», многочисленных метафор и прочих украшательств, неизменная легкая самоирония, тихий и спокойный, но уверенный голос... И при этом, как говорил классик, «словам тесно, а мыслям просторно».

Я впервые увидел Вениамина Максовича в 1956 году, будучи студентом 3 курса геофака МГУ (В.М. читал нам спецкурс «Экономическая география США»), и был сражен наповал. Сидит на краю стола вроде бы еще молодой, но уже солидный дядечка в клетчатой ковбойке, слегка болтает одной ногой и в течение трех часов без перерывов (студенты сами их «отменили»), без тезисов и шпаргалок (у В.М. была феноменальная память) знакомит нас с Америкой, ее ресурсами, населением, промышленностью, транспортом, сельским хозяйством, районами и городами. Факты, цифры, выводы, проблемы... Факты, цифры, выводы, проблемы... А литературы на русском языке о современной географии США в стране тогда не было практически никакой². Помню, как я, высунув от напряжения язык, пытался дословно записывать лекции Гохмана (они до сих пор лежат у меня в письменном столе). В.М. нам просто «открывал окно в Америку». Откуда он черпал информацию о США – для меня до сих пор – загадка³. И именно с середины 1950-х гг. ведет свое начало отечественная экономико-географическая американистика, у истоков которой стояли Н.Н. Баранский, Л.Я. Зиман, В.М. Гохман, М.Е. Половицкая, В.П. Ковалевский. А мы тогда сидели на лекциях Гохмана, не понимая еще, что учимся у одного из первопроходцев нового направления в отечественном экономико-географическом страноведении.

Но, конечно В.М. нельзя было назвать преимущественно географом-страноведом. Отмечу, что в 1960–1970-е годы в советской экономической географии и картографии по части инноваций сложилась своеобразная «кадровая инверсия». Новые научные парадигмы (подчас дискуссионные), идеи и методы в нашу науку привнесли в основном не поездившие по миру молодые амбициозные ученые (как это часто проис-

Рисунок А.Д. Арманд.

² А на иностранных языках – тем более. (Поясняю для современной молодежи).

³ Факт, который может шокировать нынешнюю географическую молодежь: крупнейший советский экономикогеограф – американец В.М. Гохман – никогда не был в стране изучения. При этом имеются свидетельства, что американские географы уважительно замечали: «Как профессор Гохман знает нашу страну, не знает никто из нас».

ходит в наши дни), а умудренные жизненным и профессиональным опытом, казалось бы, уже давно выбравшие свою колею немолодые «научные тяжеловесы» – такие, как Ю.Г. Саушкин, И.М. Маергойз, В.М. Гохман, Л.И. Василевский, Ю.В. Медведков, А.Ф. Асланиашвили, Э.Б. Алаев, С Я. Ныммик и др. Экономико-математические методы, системно-структурный подход, метанаучная парадигма, информационный подход, моделирование – практически этот «опорный каркас» методико-методологического фундамента мировой социально-экономической географии в нашей стране был заложен именно в 1960–1970-е годы усилиями славной плеяды наших учителей, среди которых В.М. Гохман занимает достойное место.

Н.Н. Клюев

*Александр Моисеевич Грин
(1924–2010)*

*Гидролог, д.г.н. (1988).
В Институте в 1956–2010 гг.,
зам. директора (1969–1973),*

*руководитель Курской полевой экспериментальной базы (1974–1990),
зав. лабораторией экспериментального исследования геосистем (1979–1991)*

Харизматичный, неравнодушный, горящий, презревший покой – вот, пожалуй, наиболее точные эпитеты для характеристики «феномена Грина». Это проявлялось во всем – в работе, общении, в быту. Один из наших сотрудников, недавно пришедший в Институт и впервые заглянувший в нашу лабораторию, с восхищением отметил: «Да, ваш Грин даже чай пьет незаурядно и как-то величественно».

Пользуясь современным языком, Грина можно назвать чрезвычайно эффективным научным топ-менеджером. Говорят, такие качества прививают в Оксфорде и Гарварде, но А.М., разумеется, просто был самородком. Умение и желание работать с людьми, чувствовать их достоинства и недостатки, предвидеть их возможный наилучший вклад в общее дело, мастерство использования «кнута и пряника» – прием в любых общественных системах – определялись некими таинственными органическими интуициями, сделавшими Грина эффективным и успешным. Минуло уже более трети века со времени проведения в Москве Международного географического конгресса в 1976 г., а вклад А.М. в его блестящую организацию до сих пор служит образцом научного администрирования.

Среди впечатляющих достижений А.М. – руководство целым рядом крупных международных научных экспериментов на Курской биосферной станции (КБС) по изучению геосистем методом «этажерки» – комплексом наземных и дистанционных исследований, включая использование управляемых авиамоделей, вертолетов, самолетов, искусственных спутников Земли. Грин достойно и внешне легкоправлялся с беспрецедентной по сложности задачей организовать, взаимоувязать

и синхронизировать работу многочисленных (свыше 100 участников, например, на «Курэксе-91»), разноплановых, разноуровенных (от студентов до академиков), разноязыких участников этих исследований.

Любимое детище А.М. – КБС, в создание и функционирование которой он внес решающий вклад, много физических и душевных сил. Зачастую он срывался ехать туда стремительно – решение принималось в конце рабочего дня, а поезд отходил уже вечером. А уже наутро был традиционный обход владений станции, и семенящие рядом с Грином местные хозяйственники наперебой докладывали, что сделано за время вынужденного гриновского отсутствия, а чаще – что помешало выполнить порученные работы. Грин то угрюмо ворчал, то смачно ругался, тоном рачительного хозяина отдавал новые распоряжения.

С большой любовью сам выращивал цветы и кустарники в палисаднике у своей полевой квартиры. А вот слоняться по территории КБС без дела было небезопасно. Если кто-то ненароком зазевается, А.М. тут же найдет ему полезное занятие: клумбу разбить, дерево посадить. Хозяйство-то большое. Один из молодых тогда сотрудников, ныне известный солидный географ, в качестве контрмеры удачно использовал солдатский прием: подобрал себе нетяжелое, но внушительное с виду бревно и всегда носил его с собой, изображая занятость, если надо было пройти мимо Грина.

Весной в обязательном порядке (попробуй откажись!) вся лаборатория выезжала на так называемую «посевную» – возделывать на КБС огород, чтобы летом в столовой была своя свежая зелень и овощи. Чем не забота о здоровье трудящихся и не воспитание позитивного коллективизма (по-нынешнему: «корпоратив»)?

Трудоголик Грин любил и отдыхать, всем видам рекреации предпочитая «роскошь человеческого общения». Даже банальный обеденный перерыв выливался обычно в долгое шумное чаепитие, с бесконечными разговорами, интенсивными дискуссиями, анекдотами, тостами, и чем больше было народа за столом, тем лучше у него было настроение. Жизнелюбие Грина заражало и заряжало окружающих: поглядишь – захочешь жить.

Строгий развернутый академический доклад – не самый его любимый жанр, но зато он был мастером остроумной реплики, яркого образа, быстрой реакции. В наиболее удачных своих выступлениях А.М. достигал высшей убедительности, когда важная мысль выражалась простейшим словом, но это была элегантная простота. На заседаниях Ученого совета, конференциях, семинарах, в повседневных дискуссиях Грин был яростным polemистом, отчаянным спорщиком, получавшим, похоже, особое удовольствие от своего несогласия с «генеральной линией». Ясно, что резкая фраза, правда-матка, мягко говоря, далеко не всем были по нраву. Быть может, такая прямота мысли и слова и не позволила А.М. полностью раскрыть свой незаурядный административный потенциал. (Во вся-

А.М. Грин.

Группа сотрудников Института на Курской биосферной станции – наследнице Курского стационара. В первом ряду в центре А.М. Грин, справа Д.И. Тимофеев и Л.М. Ананьева.

А.М. Грин ведет заседание, посвященное Дню космонавтики, 1987 г.

ком случае, нисходящую ветвь своей карьеры – из зам. директора в завлабы – именно этим своим достоинством = недостатком он сам и объяснял).

Наверное, Грина трудно назвать романтиком-альtruистом, но вот факт: он считал своим долгом и даже императивом терпеливо обивать пороги начальственных кабинетов, «выбивая» что-либо для своей лаборатории: приборы, оборудование, штатную единицу или денежную надбавку сотруднику, пусть даже тому, которого он лично не долюбливал. Причем делал он это вообще-то неприятное дело, пожалуй, с удовольствием и редким азартом и очень огорчался, когда что-то не задавалось. Впрочем, вскоре повторял попытку вновь, добиваясь, как правило, задуманного. Любой, кто хоть раз общался с Грином, понимает, что он, конечно же, ничего не «просил» у власть предержащих («просить» он мог и умел лишь равных или подчиненных по должности). Разумеется, Грин не выпрашивал, а добивался тех или иных ресурсов, чрезвычайно убедительно доказывая, что именно он (его лаборатория, его коллектив) смогут наиболее эффективно распорядиться ими с точки зрения «высших» – научных интересов.

От редактора-составителя.

Читатель, знакомясь еще с первыми очерками этой книги, несомненно, заметил, что их авторы, упоминая А.М. Грина как будто бы попутно со своими основными героями, наделяют его выразительными, запоминающимися чертами. Во многом это те же черты, которыми насыщен портрет А.М. Грина, написанный Н.Н. Клюевым. В то же время эти авторы нередко дополняют портрет Александра Моисеевича новыми штрихами. Таков, например, рассказ Н.И. Короневича об отделе гидрологии. Очень созвучны тексту Клюева фрагменты из воспоминаний А.П. Стекленкова о Германе Пишине.

Мне представляется полезным дополнить портрет А.М. упоминанием его издательско-публикационской деятельности. Здесь необходимо сказать, что А.М. был организатором не только Курской биосферной станции, но и Лаборатории экспериментальных методов изучения геосистем (ЛЭМИГ, впоследствии ЛЭИГ), наследовавшей часть тематики Курского стационара и обеспечившей ему в Институте постоянное структурное представительство¹.

Так вот, ЛЭМИГ и затем ЛЭИГ выпускали ежегодно несколько книг с результатами всех проводившихся непосредственно на стационаре и на КБС исследований и всех совещаний или конференций по соответствующей тематике. Это были и общегеологические монографии, и сборники докладов, и материалы текущих исследований. Последнее особенно ценно, поскольку нередко обобщающие монографии и статьи в журналах содержат только малую часть полевых материалов и экспериментальных данных. А для работ стационарного характера важны полнота и преемственность результатов и, разумеется, их доступность. Важно и то обстоятельство, что А.М. не только не препятствовал всем участникам

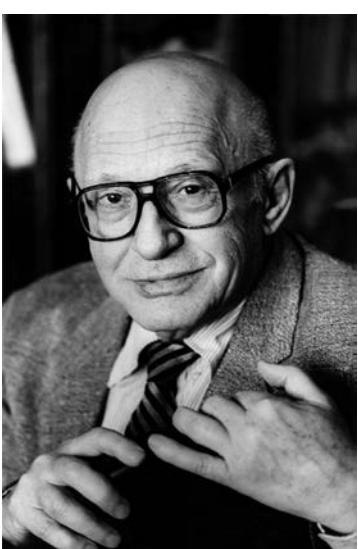
¹ Прежде стационар существовал преимущественно в виде огромной экспедиции с более чем десятью отрядами, формировавшимися в разных отделах и лабораториях Института. Со временем ЛЭМИГ была преобразована в ЛЭИГ, тем самым в ее тематику не только методические, но и общегеографические сюжеты были включены уже и формально, а не только фактически.

работ публиковать их пусть не самые значительные результаты, но активно побуждал делать это регулярно, не оставляя за бортом то, что иным руководителям и редакторам кажется мелким и второстепенным. И если в делах организационного управления лабораторией и станцией Грин мог быть весьма авторитарен и действовал подчас жестко, редактор он был либеральный и не навязывал свои научные взгляды, старясь соблюдать лишь общую канву и тематическую целостность издания.

A.H. Рудой

Михаил Григорьевич Гросвальд (1921–2007)

*Геоморфолог, гляциолог, д.г.н. (1981), профессор (1991).
В Институте в 1956–2007 гг.,
заслуженный деятель науки РФ (2002),
почетный доктор Шведской королевской АН,
почетный член Русского географического общества
и многолетний Председатель Гляциологической комиссии
его Московского филиала*

М.Г. Гросвальд.

Короткий рассказ о жизни незаурядного человека, гляциолога, геолога Misha Grosswald. Так звал его весь научный мир, но так обращаться к нему напрямую позволяли себе только старые коллеги и друзья – географическая и геологическая элита планеты. И родные. Он подписывал свои письма так: MG или MG.

Скажу, что чувствую все эти самые последние годы. Мне его очень не хватает. Даже ощущение того, что в любой момент я могу позвонить ему в Москву, и – звонил, не прошло. Это не грустно. Это просто так есть.

По-моему, Гросвальд был гением. Я часто не понимал его рассуждения. Понимая логику, не мог сразу понять результат его последовательных логических операций. Иногда не хватало просто знаний. А чаще, думается теперь, он мыслил как-то не так, как многие. Результат я, в конце концов, понимал. Базовые положения – тоже. Но сам механизм этого могучего умственного процесса, его гениальной в воплощении и красивой в своей законченности идеи, гипотезы большой или малой, научного или жиз-

ненного предположения, этот механизм я не понимаю и сейчас. Такой черный ящик. Ужасно умный. И находясь с ним рядом, и я чувствовал себя гораздо умней, чем есть на самом деле... С годами я просто начал верить, не понимая сразу, но понимая через год, или даже – десять. Вот пример.

1980-й год. Гляциологический симпозиум в Томске, Гросвальд ведет палеогляциологическую секцию. Доклад Б.А. Борисова о ребристых моренах в предгорьях Алтая, в районе с. Платово. Доклад интереснейший, пионерный, даже смелый. Если гипотеза Борисова верна, то площади оледенения, соответствовавшие этим ребристым моренам, были гораздо больше ранее представлявшихся, контуры древних ледников были совсем иными, меняются и все палеобалансовые характеристики четвертичных ледников. То есть, гляциология получает новый методологический инструмент, сулящий серьезные открытия. Вопросы, дискуссия, все интересно, Михаил Григорьевич отмечает доклад особо, но как-то задумчиво. Через пару дней Гросвальд спрашивает меня: «Ты эти места знаешь? Ты бы съездил туда, посмотрел еще раз вот этими глазами», – и протянул мне серый ротапринт знаменитой сегодня в мире, а в то время – в мире без СССР, большой статьи американца Вика Бейкера, опубликованной в неведомом мне тогда Бюллетене Geological Society of America, 1973. Эта была статья о гигантских знаках ряби на территории Колумбийского базальтового плато, статья, которая сразу сделала 28-летнего Бейкера всемирно знаменитым. Это я сейчас об этом знаю. Но тогда и МГ не знал. Но как-то вот чувствовал то, что рассказал на симпозиуме, но не понял десятки лет работавший там питерский геолог. Гросвальд интуитивно был прав – «ребристая морена» и в районе Платово, и во многих других местах (Тува, Памир) оказалась гигантской рябью течения. Сейчас там – чуть ли не официальные памятники природы. И я написал (через пару лет) об этом свою первую «диллювиальную» статью, или – расширенные тезисы в местном сборнике.

В общем, с этого и начались настоящие наши «гидросферные катастрофы»¹. Так что в действительности открыл гигантскую рябь течения в Евразии и сделал верные из этого выводы, открывающие все эти десятки лет и сейчас палеогеографию и четвертичную геологию в совершенно новом свете сравнительной планетологии – М.Г. Гросвальд. Не я. Не мой бывший студент В.В. Бутвиловский. Это сделал Гросвальд тогда, осенью 1980 г. в длинном коридоре главного корпуса Томского государственного университета. Видимый процесс продолжался минут семь. Дальше оно само поехало².

С аспирантурой у меня были, как говорят, варианты. Впервые мне предложили ее в Новосибирске, сразу после защиты дипломной работы. Затем, после мотаний никому не нужным у нас инженером – на моей родной кафедре. Оба раза я отказывался. По разным причинам. А приехал я к Михаилу Григорьевичу. Домой. Уже пожилым таким мэнэсом – лет 27–29 мне было, что ли... Мы говорили часа три. По очереди. Оторвались на обед, который заставила нас съесть Нина Андреевна. И так, все знают, бывало всегда – ни один человек из дома Гросвальда-Голодковской голодным не выходил, по каким бы делам этот человек не появлялся в этой славной, дышащей разумом и душев-

¹ Много позже я понял и другое. Мы зарезали открытие, уничтожили готовую докторскую очень приятного мне, интеллигентного и вежливого человека.

² Я писал об этом в обеих диссертациях. Но кто же их читает, кроме оппонентов...

М.Г. Гросвальд на геологической съемке в Туве, 1953 г.

даривал, слушать его было просто счастьем, моральным наслаждением. Хотя говорить он мог о чем угодно, тема диссертация могла быть просто поводом для дальнейших рассуждений. Сейчас пишу и думаю – все же недальновидны были те, кто имел возможность личного общения с этим великим человеком, а не воспользовался ею. «Великим человеком» М.Г. Гросвальда назвал первым не я, а Вик Бейкер, тот самый молодой американец, чью статью когда-то и как бы по слуху дал мне Михаил Григорьевич. А выразился так Бейкер через много лет, когда они познакомились в Берлине, а Виктор Бейкер был уже президентом Геологического общества США.

М.Г. Гросвальд родился 5 октября 1921 г. в г. Грозном, в семье инженера нефтяных промыслов, учился в московской школе, затем в Московском высшем техническом училище им. Н.Э. Баумана (МВТУ). В октябре 1939 г., студентом, был призван в армию. Он служил красноармейцем 1-го прожекторного полка, а с февраля 1943 г. – лейтенантом, зам. командира батареи по политчасти. До конца войны прослужил в 544-м зенитно-артиллерийском полку. Находясь на службе в Харькове, М.Г. Гросвальд стал слушателем факультета заочного обучения Военно-политической академии. Однако, незадолго до ее окончания, ему напомнили, что он, будучи эсперантистом, состоял в переписке с иностранцами. М.Г. Гросвальд был уволен из армии. В своей автобиографической книге он писал, что «в конечном итоге мое крушение обернулось благом. Я получил новую специальность, которая обеспечила меня увлекательной работой на последующие десятилетия». Думаю, что это был полуформальный предлог увольнения. Настоящая причина была более гнусной, хотя не менее для нашей Родины в то время привычной.

ным теплом квартире. И вот, уже прощаясь, М.Г. сказал: «Диссертацию вы напишете. Только не надо мне носить главы и разделы, мне все равно читать некогда, сразу всю иносрите! А проблемы будем обсуждать устно». Ну, так я и сделал в итоге...

Есть такое выражение: «заботливый руководитель». Смысл в него вкладывается обычно такой – «руководитель бдит, пасет, правит и пихает».

Гросвальд абсолютно, во всяком случае, внешне, никакому образу не приближался. Он руководил не так. Он становился – умел становиться – не знаю, для всех ли? – старшим коллегой, который всегда готов был обсудить с младшим любую проблему. Он дарил знания, рассыпал их, с удовольствием раз-

После демобилизации в 1950 г. М.Г. Гросвальд поступил на географический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова на кафедру геоморфологии. В первой половине 1950-х гг. он занимался четвертичной геологией, геоморфологией, вулканизмом и неотектоникой Саян и Тувы, где и совершил свои первые открытия, в частности, – обнаружил толщи туфоморен, которые помогли доказать факт подледных извержений базальтов и весьма древний возраст одного из четвертичных оледенений гор Южной Сибири.

Много позже, уже в конце XX в., было установлено, что Саяно-Тувинское нагорье – единственное место в Евразии, для которого по датированным ледниково-вулканогенным отложениям (по туфам и туфоморенам) доказывается абсолютный возраст и покровный характер не менее полутора оледенений. Эти данные были сведены в классической монографии, и сегодня являющейся настольной книгой каждого естествоиспытателя. К данной тематике М.Г. Гросвальд возвращался в течение всей жизни и в одной из своих последних статей в «Известиях РАН, сер. геогр.», развил свои сорокалетней давности идеи о подледных извержениях тувинских вулканов-туйя. Эти положения совсем недавно были подкреплены новыми фактическими материалами известным японским геологом Горо Комацу с коллегами.

Параллельно, с началом МГГ, Михаил Григорьевич включился в программу по изучению динамики оледенения и географии перигляциальной зоны Земли Франца-Иосифа. В итоге двухлетних полевых работ участники этой экспедиции получили первую сводку по гляциологии архипелага, увидевшую свет в коллективной монографии «Оледенение Земли Франца Иосифа» (1973). Именно тогда был впервые сделан важный вывод о том, что оледенение ЗФИ убывает: за последние 30 лет архипелаг в среднем терял 3,3 куб. км льда в год. Этот вывод через 30 лет был подтвержден В.С. Корякиным. Ранее же в научном сообществе поддерживалось мнение П.А. Шумского о том, что оледенение ЗФИ стационарно или даже растет.

В течение более пятидесяти лет М.Г. Гросвальд исследовал практически все ключевые районы современного и древнего оледенения Земли. Он занимался полевыми научными изысканиями на Шпицбергене, в Советской и Американской антарктических экспедициях, в Гренландии, Канадской Арктике, Японии, а также в горах Таймыра, Тянь-Шаня, Памира, Северной Якутии, Новосибирских островов, Чукотки и Кольского полуострова и во время полевых экскурсий в ледниковые районы Новой Зеландии.

Огромную роль в развитии научных представлений М.Г. Гросвальда сыграли семь экспедиций в Северном Ледовитом океане на российских атомных ледоколах, во время которых он только на Северном полюсе побывал 13 раз, на вертолетах и самолетах полярной авиации налетал тысячи километров... В результате этих экспедиций, а также многочисленных научных встреч, дискуссий с учеными из десятков стран мира, появились сотни его научных и научно-популярных публикаций, сложились научные убеждения, которые давно уже называют «палеогеографической моделью Гросвальда».

В середине 1970-х гг. в Денвере М.Г. Гросвальд изложил свои предварительные взгляды на развитие морских ледниковых покровов – совершенно нового в то время научного понятия. Аудитория, состоявшая из видных американских палеоклиматологов, геологов и гляциологов, единогласно отметила, что автор доклада

«заново переписал всю четвертичную геологию». Об этом же через год заявил и видный советский географ и геолог, академик И.П. Герасимов, тогдашний директор Института географии АН СССР. Он сказал, что М.Г. Гросвальд создал «Концепцию» – с большой буквы, подчеркнув при этом, что речь идет о выдвижении новой системы взглядов, о новой большой «каменоломне» фундаментальных идей, из которой еще долго будут добываться открытия. Вероятно, только И.П. Герасимов в то время мог позволить себе выступить с такой оценкой. «Он был Юпитером – добавляет о Герасимове сам М.Г. Гросвальд, – который стоял как никто другой высоко, и ничто не могло пошатнуть его авторитета, вызвать зависть».

В своей творческой биографии сам М.Г. Гросвальд выделял пять условных хронологических этапов: начальный, завершенный в 1960-е годы, когда был сформулирован и обоснован вывод об оледенении Баренцевоморского шельфа.

Второй, 1970-е годы, когда на палеогляциологическую карту Арктики был нанесен Карский ледниковый щит и ледниковый покров Евразии в целом, а также впервые был введен термин «Евразийский (вместо «Европейского») ледниковый покров».

Третий этап (1970–1980-е гг.) ознаменовался «рождением» Панарктического ледникового покрова, возникшего в результате объединения наземных, морских и плавучих ледников в целостную динамическую систему антарктического типа. В журнале «Science», в публикациях по американскому проекту КЛИМАП, этот покров был назван новой, самой поразительной, чертой ледниковой палеогеографии Земли. Панарктический ледниковый покров М.Г. Гросвальда нашел свое отражение на системе карт Атласа снежно-ледовых ресурсов мира (1997 год).

Четвертый этап в научной деятельности М.Г. Гросвальда стал временем «территориальной экспансии» оледенения для Арктической и Притихоокеанской России. Реконструкция Охотского покрова вместе с наблюдениями на берегах Берингова пролива и в Японии а также с итогами работ бурowego судна JOIDES RESOLUTION в Северной Пацифике позволили пересмотреть существующие реконструкции палеоклиматов и оледенения всей северной части Тихого океана. Все это были настоящие прорывы в географической науке, мощные удары по схоластике. Золотая научная «связка» Котляков-Гросвальд-Кренке выдавала красивые и умные идеи и теории, завоевывавшие умы сразу, навсегда. Эти имена были у всех просвещенных людей на устах. Помню публичное выступление В.М. Котлякова, М.Г. Гросвальда и А.Н. Кренке в Политехническом музее в начале 1980-х. Зал – полон. Лекции, доклады – блестящи, люди просто светились! Это было мощно, и это было неопровергимо. И осталось таким же, впрочем.

Для пятого этапа научного творчества М.Г. Гросвальда было характерно обращение к решению проблем ледниковой палеогидрологии, особенно к распространению и механизмам гидросферных катастроф, имевших как локальные, так и континентальные масштабы. При этом водные массы, участвовавшие в гидросферных катастрофах, М.Г. Гросвальд рассматривал не отдельно от оледенения, а вместе с ним, как жидкие компоненты единых ледниковых систем. Поэтому и в катастрофических ледниковых подвижках – серджах, и в дилювиальных потоках – мегафлатах он начинал уже видеть две стороны одной и той же – эруптивной – деятельности горно-покровных оледенений и всего Арктического комплекса.

В предисловии научного редактора к «Евразийским гидросферным катастрофам и оледенению Арктики» академик В.М. Котляков писал, что в этом новом исследовании М.Г. Гросвальда, вместе с оледенениями, грандиозные диллювиальные явления проявляются как новый, ранее неизвестный элемент «Земной системы», начинавший действовать в эпохи дегляциации. Без этого штриха – катастрофических потопов – картина глобальных изменений позднеледниковой оставалась неполной. Эти геофизические процессы недавнего геологического прошлого встанут в ряд с такими событиями ледниковых эпох, как внезапные повышения уровня океана, коллапсы ледниковых щитов, выбросы айсбергов и похолодания климата, которые «записаны» в изотопном составе льда Антарктиды и Гренландии.

За эту монографию М.Г. Гросвальд был удостоен Премии имени А.А. Григорьева, присуждаемой Президиумом РАН за выдающиеся работы в области физической географии.

Шестой этап научной биографии М.Г. Гросвальда начался на рубеже веков, когда, согласно дальнейшему развитию своей парадигмы, он пришел к убеждению, что ледниковые покровы зарождались не на материках, и не в умеренных широтах, как считает сейчас большинство исследователей, а в центре Арктики, в океане. Именно отсюда, считал М.Г. Гросвальд, динамичные компоненты ледниковых покровов извергались на периферию океанов и на материковые окраины.

Grosswald — video.
Легендарный видеодоклад Гросвальда на Первой рабочей встрече
QUEEN в Страсбурге

После появления моих первых статей о Михаиле Григорьевиче в ИНТЕРНЕТе мне позвонил коллега, морской геолог из Швеции. Статью ему перевели. Олаф предложил: в случае, если я собираюсь продолжать, то непременно должен описать и тот нетривиальный эпизод в истории проведения больших научных встреч, который вот уже полтора десятка лет носит в научном мире имя собственное: «Misha Grosswald – video». Олаф, как и другие очевидцы, участники той уже уходящей в историю науки сессии, полагает эпизод уникальным и заслуживающим хотя бы краткого упоминания. Думаю, что это так и есть. Сам Михаил Григорьевич считал когда-то именно так, правда, объясняя все по-своему: мол, само, мягко говоря, не вполне стандартное его появление на QUEEN во Франции в период его физического нахождения в Японии нужно объяснить не его, Гросвальда, научной популярностью, а моим сибирским напором (эвфемизм мой). Михаил Григорьевич вежливо ошибался.

Чуть более, чем через месяц после нашей конференции ГЛОКОП в Толедо, я неожиданно получил по электронной почте приглашение выступить с докладом на Первой рабочей встрече нового проекта QUEEN (Четвертичные изменения окружающей среды Евразийского Севера), который финансировался Европейским научным фондом. Я обменялся письмами с ученым секретарем конференции, хотя так и не понял, откуда дует ветер (я не занимался никогда вплотную Арктикой), но

согласие, разумеется, дал. По условиям ESF, все было оплачено, даже билеты через Москву-Франкфурт-Страсбург (и обратно). Билеты домой в Томскую квартиру доставил пожилой курьер (подполковник запаса, как выяснилось в неназойливом обмене мнений о текущей погоде).

И вот: номера в «Хилтоне», окна – непосредственно на здание Европарламента... Очень приличные деньги на проживание (кто помнит, в середине 1990-х зарплату в России не платили в принципе). И вообще – Эльзас и т.д. И жена Марина рядом, она тоже представила новые материалы, правда, тоже не по Арктике. За окном последний месяц 1996 г., адвенты перед Рождеством, все сияет – лица, елки, фонари, уличные украшения... Горячий глинтвейн и знаменитые огромные страсбургские блины, которые готовят тут же, ловко, красиво и вкусно. Небольшой снег чуть искрится, мороз... с терпким глинтвейном...

После двух свободных дней, субботы и воскресенья, – начало пленарного заседания нового проекта QUEEN.

За эти прекрасные дни, кроме знакомства с Эльзасом, я внимательно изучил программу, особо отметив список приглашенных. Заявлено много знакомых: из Института географии РАН – В.М. Котляков, М.Г. Гросвальд и А.А. Величко, мерзлотоведы из МГУ и несколько человек из ААНИИ. В.М. Котляков в эти дни был на крупном климатическом совещании в Коста-Рике, Гросвальд, я знал, работал в Японии. Андрей Алексеевич Величко, с которым у нас давно были прекрасные отношения, несмотря на диаметрально противоположные научные позиции, летел вместе через Франкфурт. Утро понедельника, пленарное, все – в залах «Хилтона» после шведского завтрака. Йорн Тиде, президент проекта, делает первый вводный доклад. Согласно представленной карте, территория работы QUEEN – севернее полярного круга, т.е. явно пока не моя. Но проблематика известна, слушаем.

Слушаем день, второй, смотрим постеры, общаемся, вечером вместе пьем душистое крепкое пиво в пиано-баре в цокольном этаже отеля (знакомых по старым симпозиумам немало). И мне вдруг приходит в голову мысль, что Россию-то здесь представляют, по сути, «умеренные антигляциалисты», к каковым я себя никак относить не могу. А.А. Величко, Н.Н. Романовский, восходящая тогда (а ныне уже взошедшая и сияющая) звезда из ААНИИ, прекрасный человек Дима Большиянов, широко известный своей гибкой научной политикой Валера Астахов, все скандинавы и англичане. Согласно большинству представленных реконструкций, в максимум последнего оледенения в русском секторе Арктики было тепло, а по некоторым данным – даже теплее, чем сейчас, т.е. все не так, как в Западном полушарии, молчу уж про горы Центральной Азии....

А у меня с собой неплохая по тем временам видеокамера, которую я тогда таскал с собой везде и снимал все – а дома уже разбирался с докладами, поскольку почти не знаю английский язык. И на одной из взятых для переписывания пленок случайно сохранилась запись грандиозной испанской дискуссии нашего ГЛОКОПа с докладами Гросвальда двухмесячной давности, которые я же на видео и записывал, вместе с вопросами, репликами, выкриками из зала... Озвучиваю мысль Марине: «Все нечестно. У комьюнити создается неверное впечатление о гляциалисткой температуре российских ученых. Гросвальд приглашен, доклад – на камере, и этот доклад обязан

здесь прозвучать!!!» Я шагаю в Оргкомитет. Перерыв, много знакомых и незнакомых мужчин скандинавского, германского и британского облика, бокалы виски и других неслабых напитков. Присоединяюсь и громко и вежливо заявляю, что вот, мол, участник отсутствует (а Гросвальда знали все!), но доклад его актуален, и надо бы представить его вот таким – говорю каким – образом. Говорю я по-немецки с хорошим берлинским акцентом, с таким интеллигентным напором. Я настаиваю, практически требую. Оргкомитет жмется: мол, так не принято, по телевизору, с большим уважением, но... Я мягко, но твердо давлю дальше. Особенно протестовали датчане и финны (не буду называть имена, они довольно известны). Большинство маститых прекрасно представляли, о чем может говорить Гросвальд, да еще и с новыми идеями. Сначала мне отказывали, ссылаясь на регламент. Затем стали предлагать выдвинуть телевизор во время обеда, дескать – все будут кушать и слушать. Я был громко и натурально возмущен. И, в конце концов, ультимативно поговорил с Ерном. И убедил (ему я сказал о возможном резонансе в случае отказа).

В программу совещания была включена специальная сессия под названием «Grosswald-video», был выделен прайм-час исключительно для одного доклада. Но через мою камеру. И вот этот час настал. В большой банкетный конференц-зал ребята в синих корпоративных комбинезонах Hillton вкатили огромный телевизор, подключили видеокамеру, я взял пульт и упруго прошагал к монитору. В зале были все участники, больше двухсот человек. Оргкомитет занял первые ряды, далее ученыя полярная скандинавско-британская молодежь (семь одеждек и все без застежек)... Российская палеогеографическая диаспора садиться не стала. Отечественный научный бомонд стоял в задних рядах и мимически обменивался друг с другом своей взаимо-индифферентостью к происходящему. Но пришли. Не слушать Гросвальда. Пришли смотреть Гросвальда по телевизору. Стой! Оппозиция! А как тут не придешь?

Представившись, я передал горячие приветы от академика В. Котлякова и профессора М. Гросвальда, которые к сожалению...., но вот Professor Grosswald передал мне свой недавний доклад.., спасибо всем, что уделили внимание... И нажал кнопку на пульте.

Огромный экран засветился академическим, испанских колоров, цветом, от микрофонов как раз скромно спускался в зал тоже великий, деликатный Леонид Рувимович Серебрянный, только что закончивший негромко рассказывать аудитории далекого Толедо то, о чем что он и должен был докладывать, согласно своим убеждениям. Вздрогнув от аплодисментов, проснулся дремавший за столиком конвивенера послеочных дискуссий сильно волосатый еще в то время, бывший хиппи, профессор Энтони Г. Браун из Эксетера и объявил следующие доклады. Заседание в телевизоре продолжалось. На сцену (в мониторе) легко взбежал слегка вспотевший и весело оживленный и, я бы сказал – опасно азартный, Misha Grosswald (ему тогда 75 было, между прочим). Те, кому хотя бы раз в жизни посчастливилось слушать доклады и лекции Гросвальда, легко меня сейчас понимают.

Михаилу Григорьевичу предстояло делать два доклада: мой (в связи с моей англоязычной неграмотностью) – о ледниковой палеогидрологии плейстоцена гор Южной Сибири, а потом свой – обо всей остальной территории Земли. Тони объявил оба доклада. Свет в зале потух, на экране появилась большая рельефная физико-географическая карта Евразии.

Гросвальд говорил часа полтора. И все эти полтора часа, юно, даже изящно, перемещаясь между чередующимися схемами с кодоскопа, меняющимися слайдами, громко, отчетливо, красиво Misha Grosswald убедительно и просто рассказал из Испании с экрана монитора большой аудитории конференц-зала «Хилтона» во Франции, насколько доказательны его позиции. На слайдах выставлялись бесспорные молодые морены восточной оконечности Чукотки, гигантские гляциодислокации Кольского полуострова, системы линейных закономерно ориентированных позднеледниковых каналов стока в Сибири и в Казахстане... Конвинер в Испании даже не делал попытки напомнить о регламенте. А конвинером во Франции был сам Йорн Тиде, который, после того, как Гросвальд с экрана сослался на его данные по Средиземноморью, и аудитория в «Хилтоне» громко зааплодировала Ерну, покраснел еще более обычно, смущился, встал и поклонился слушателям, поклонился всерьез, машинально... Забегая чуть вперед, замечу, что излишне даже и говорить и том, что после этой видео-сессии Йорн Тиде стал к нам с Мариной особенно любезным и внимательным, подарил кучу книг для нас и для Misha Grosswald. На всех последующих сессиях он всегда разыскивал меня глазами в зале, свекольно краснел, а мы с Мариной одобряюще ему кивали... Вот так тень великих чуть коснулась... А приятно!

Я нажал кнопочку, экран потух, зал взорвался аплодисментами. Вопросов нет, дискуссий тоже, а и с кем – с телевизором? Но будь М.Г. Гросвальд в Страсбурге, он ринулся бы в дискуссию, как окунался в дискуссии всегда и везде, отвечая спокойно, доброжелательно, обстоятельно и убийственно доказательно.

Гросвальд всю жизнь был бойцом. На каждую одну его статью, опубликованную, скажем, в Quaternary International и подписанную автором M.G. Grosswald, тут же появлялся едва ли не десяток своеобразных статей-ответов, подписанных всегда едва ли не двумя десятками соавторов из нескольких стран мира...¹

Собственно говоря, после видео-доклада Михаила Григорьевича из Толедо в Страсбурге рабочую встречу КВИН вполне можно было завершать. Гросвальд всем объяснил. Но дотянули до товарищеского ужина. И славно поужинали.

Научное завещание М.Г. Гросвальда

Незадолго до своей кончины М.Г. Гросвальд почти завершил свой новый и сейчас уже итоговый труд о ледниковых покровах Земли в эпоху последнего великого похолодания. Эту работу, уже после кончины Михаила Григорьевича, подготовили к изданию его родные, коллеги и ученики. В незавершенной, буквально прерванной на половине фразы, книге он продолжил разработку своей концепции, согласно которой последняя ледниковая система, существовавшая на территории Евразии почти 100 тысяч лет (между 110 и 8–10 тыс. лет назад), в периоды своего мак-

¹ Он был очень мужественным человеком, обладал завидной волей. Он побеждал научных оппонентов, не сдаваясь никогда, но отступая и признавая свои ошибки так же достойно. Он боролся и побеждал свои очень серьезные болезни, да делал это так, что никто и не догадывался, насколько ему плохо, больно, или даже – страшно...

симального развития представляла собой сплошной Евразийский покров. Он состоял из Скандинавского, Баренцево-Карского, Восточно-Сибирского, Берингийского и Охотского ледниковых щитов и объединявших их шельфовых ледников, которые простирались вплоть до Северного полюса и далее.

В одном из своих последних писем М.Г. Гросвальд писал мне: «Вчера вернулся в родной дом и прочитал твоё письмо... Отношение к нашим взглядам {N} мне давно ясно, я помню, как он после моего доклада на Ученом совете по Великим потопам, когда я убедил всю аудиторию, не выступил, а сказал потом мне лично, что он НЕ ВЕРИТ, и не поверит никогда! Это – его дело. В новом «Quaternary Research» скоро будет статья Лени Поляка и др. о покровных оледенениях причулотской части Арктического бассейна. Я читал, это очень серьезная работа, и уж очевидно, что на соседней суше все реки подпруживались.... {NN} не следует горевать, потомки в XXI веке его заслуги оценят. Как и наши с тобой. А от современников признания ждать не приходится, многие из них приспособленцы, сиречь – предатели... Своему парню из Нижневартовска закажи (хоть от моего имени) по Сибирским увалам обзорную статью, которая сделает ясным, что это – величайшая в мире гляциодислокация... С приветом, МГ».

И еще: «Отважимся дать совет: ищите следы подпрудных озер и йокульлаупов, ищите гигантскую рябь течения, и вы сможете решить многие из своих проблем. Диллювиальные образования развиты много шире, чем думают многие из нас, и

М.Г. Гросвальд на Южном географическом полюсе, база Скотт-Амундсен. 1974–1975.

чтобы их находить, недостает лишь одного – знания того, что именно надо искать. Первооткрыватель Мизульских «потопов» Бретц тоже не догадывался о существовании гигантской ряби течения; потратив годы на изучение скэбленда, он нигде не заметил этих форм. Зато узнав о них от других, он кинулся в поле и обнаружил рябь течения, причем сразу в 40 местах».

«Моя задача на ближайшую пару лет (далее я принципиально не планирую) – написать книгу о великих оледенениях материков и океана… Хотелось бы, чтобы эта работа создала новый стандарт в палеогляциологии, положив конец тупиковым спорам о природе валунных суглинков, грядового рельефа или подводных трогов и подорвала слепую веру в непогрешимость датировок по C¹⁴, OCL (optically stimulated luminescence) и в разные догмы, мешающие развитию ледниковой теории… Это свойство палеореконструкций – их внутренняя и внешняя увязанность, или consistency, непротиворечивость – для подлинного эксперта имеет наивысшее значение, и если ее нет, то ничто такую реконструкцию не спасет – ни длинные списки датировок, ни авторитет маститых исполнителей…¹».

М.Г. Гросвальд перевел на русский язык около десятка книг по гляциологии и истории ледниковой теории («Тайны ледниковых эпох» Джона и Кэт Имбри, «Физику ледников» У.С.Б. Патерсона, главы из известного учебника Р.Дж. Райса «Основы геоморфологии» с комментариями переводчиков, и др.). Как популяризатор науки он написал несколько книг в известной серии «Наука о Земле», принял участие в написании «Энциклопедии для детей. Том 3. География».

В качестве почетного члена Русского общества по изучению проблем Атлантиды М.Г. Гросвальд вместе с известным геофизиком и поэтом Александром Моисеевичем Городницким и другими энтузиастами участвовал в ожесточенных и увлекательных дискуссиях о научных разрешениях этой удивительной загадки нашей истории и нашей природы.

И задуманную свою последнюю книгу М.Г. Гросвальд написал. Почти до конца. А еще я помню до минуты, как в Пущино, на одном из наших симпозиумов, М.Г. присел рядом со мной около рояля, я играл что-то из старых советских песен, и стал негромко петь. Он знал все песни, все слова до конца. И вокруг рояля, около Михаила Григорьевича, начали собираться гляциологи, подошел Владимир Михайлович Котляков, и стали все вместе петь. И это было здорово! Вот это, думается, и символизирует – мы вместе! Все это и называется – сообщество.

И еще. Я продолжаю жить, и живу с ощущением невозвращенного долга своему старшему товарищу, коллеге, учителю и другу, который ушел раньше. И живу с убежденностью о необходимости возвращения всех долгов.

---

¹ М.Г. Гросвальд. Полвека в поиске отзывов великих оледенений. М.: Научный мир, 2004. С. 233.

Борис Львович Дзердзеевский (1898–1971)

*Метеоролог, климатолог, д.ф.-м.н. (1942), профессор (1950).
В Институте в 1950–1971 гг.,
зав. отделом климатологии,
заслуженный деятель науки и техники РСФСР,
дважды лауреат Государственной премии (1946, 1950)*

A.X. Хргиан

Жизнь и деятельность

В жизни и деятельности каждого крупного ученого отражаются большие события и проблемы его века. Можно с уверенностью сказать, что в жизнедеятельности Б.Л. Дзердзеевского отразилась целая эпоха советской метеорологии – от ее первых начинаний, определявшихся сельскохозяйственной практикой, до глобальных задач, рожденных сегодняшней космической эрой. Его разносторонность кажется удивительной и даже, может быть, чуждой в наш век узкой специализации ученых. Чтобы понять ее значение, нам нужно попытаться представить то время, когда полвека назад начало развитию советской метеорологии было положено небольшой группой энтузиастов-ученых, не имевших, по меркам наших дней, ни удовлетворительных приборов для сети станций, ни средств для нормальной научной работы. Среди этих энтузиастов был и Б.Л. Дзердзеевский.

Б.Л. Дзердзеевский.

Уроженец г. Чернигова, сын служащего сахарного завода, Борис Львович уже с молодых лет в первые трудные послереволюционные годы зарабатывал себе средства на жизнь временной работой на заводе. Он окончил Киевскую гимназию и в 1920–1923 гг. прошел курс Института народного образования (ИНО), готовившего учителей для украинской средней школы. Его первая печатная работа, появившаяся в «Мироведении» в 1920 г., была популярной статьей, посвященной «Новой Орле» – замечательной звезде, блеск которой в 1918 г. увеличился очень быстро на 13 звездных величин, сделав ее на недолгое время в 25 раз более яркой, чем Сириус.

Таким образом, от этой первой публикации до последней работы Б.Л. Дзердзеевского, вышедшей в 1972 г., прошло 52 года. К астрономической тематике Б.Л. Дзердзеевский возвращался еще не раз в своих популярных статьях о метеорах, солнечных затмениях и т.п., но его научная работа вскоре пошла по иному руслу. В 1922 г. он стал заведующим метеорологической станцией, а затем метеорологической сетью, так называемого, Шепетовского «куста» Саха-

ротреста. Эта сеть в 1926 г. была передана в Украинскую метеорологическую службу – Укрмет. Как и вся метеорология той эпохи, Укрмет был связан, прежде всего, с сельскохозяйственными проблемами, среди которых культура сахарной свеклы, конечно, занимала ведущее место.

Укрмет, сделавший много для развития метеорологической службы на Украине и вообще в СССР, был создан по постановлению Наркомзема УССР 19 ноября 1921 г., вскоре после известных ленинских декретов об организации Метеорологической службы РСФСР (21 июня и 13 октября 1921 г.). Руководил им в 1922–1927 гг. Н.И. Данилевский – необычайно преданный своему делу энергичный ученый, собравший около себя отличный коллектив и сумевший быстро наладить работу Укрмета. Особенно большой размах в Укрмете принял подготовка и издание многочисленных климатических очерков различных областей Украины – Харьковской, Черниговской, Подольской и других, а также климатических атласов. В Укрмет вошло также незадолго до него образовавшееся киевское Бюро погоды, первая синоптическая карта которого была расчерчена 21 июня 1921 г. Помимо прогнозов, здесь составлялись ежемесячные обзоры погоды и описания различных, часто опасных явлений погоды на Украине – гроз, больших градобитий и пр. В составлении этих описаний принимал большое участие и Б.Л. Дзердзеевский.

Со временем в работе Укрмета приняли участие такие выдающиеся и известные советские метеорологи, как Б.И. Срезневский, Н.К. Софтеров, И.Я. Точидловский и др. В этой атмосфере интенсивного и квалифицированного научного творчества работал в Киеве и молодой Б.Л. Дзердзеевский. В Укрмете он был не только специалистом, весьма тесно связанным с очень конкретными проблемами сельскохозяйственной метеорологии. Он деятельно сотрудничал в выходившем с 1925 г. журнале Укрмета «Погода и життя» и публиковал в нем статьи по широкому кругу вопросов – об организации метеорологических наблюдений, о различных явлениях погоды («серый снег», грозы и пр.), а также публиковал обзоры погоды.

В Укрмете Б.Л. Дзердзеевский проработал около шести лет. Этот период был очень важен для формирования интересов и взглядов молодого ученого. Вполне очевидно, что общее научное направление Б.Л. Дзердзеевского сложилось именно под влиянием кипучей деятельности Укрмета тех лет.

В конце 1927 г. Укрмет, к которому в это время присоединилась и Гидрометрическая служба Украины, возглавил Н.К. Софтеров. Н.И. Данилевский перешел на работу в Западно-Сибирское Бюро погоды, вместе с ним покинул Киев и Б.Л. Дзердзеевский. Новое поле деятельности, широкий диапазон условий климата и погоды Сибири открыли перед Б.Л. те новые горизонты, в которых так нуждался молодой исследователь. И хотя сибирский период работы Б.Л. Дзердзеевского был недолог (1928–1930 гг.), он, несомненно, пробудил в нем интерес к познанию географических условий и климата земного шара, а также к проблемам Арктики. Интерес этот был реализован полностью, но значительно позднее.

В Иркутске, когда Б.Л. Дзердзеевский был заместителем директора Магнитно-метеорологической обсерватории, он стал заниматься изучением местных ветров Байкала и впервые применил шаропилотные наблюдения (в экспедициях 1929 и 1931 гг.).

Но время готовило большие перемены, наша страна вступила на новый путь, который открыл новые возможности и перед советскими метеорологами. Первая

пятилетка потребовала значительного расширения работ метеорологов и вместе с тем дала им для этого невиданные ранее средства. В 1929 г. был создан Гидрометеорологический комитет СССР, призванный объединить всю метеорологическую работу в СССР. Стала необходимой сильная и объединенная служба погоды. 1 января 1930 г. начало свою работу большое Центральное Бюро погоды (ЦБП) СССР в Москве, заменившее работавшее до этого Бюро погоды в Ленинграде.

С декабря 1930 г. Б.Л. Дзердзеевский стал сотрудником и ученым секретарем ЦБП СССР. Он был также секретарем редакции нового «Журнала геофизики», первый номер которого вышел в конце 1931 г. Этот журнал при большом содействии Б.Л. Дзердзеевского продолжил традицию физико-математических исследований в науке об атмосфере – традицию, созданию которой в Одесском университете способствовал А.В. Клоссовский – учитель многих сотрудников Укрмета, а в Ленинграде – Б.Б. Голицын, директор ГГО в 1913–1916 гг.

В этот период Б.Л. Дзердзеевский был деятельным организатором и участником синоптических курсов, работавших в Москве при ЦБП СССР в 1930–1931 гг. под руководством специально приглашенного из Норвегии Т. Бержерона. История и значение этих курсов для развития синоптической метеорологии очень хорошо известны, и мы не будем здесь останавливаться на них. Напомним лишь, что главным учебным пособием для студентов этих курсов и для советских синоптиков в первые после окончания курсов годы был «Трехмерно-связный синоптический анализ» Т. Бержерона. Первая часть этой книги была напечатана (сначала в гектографическом издании, затем в 1934 г. в типографском издании) в Москве в переводе Б.Л. Дзердзеевского, которому пришлось разработать и терминологию нового синоптическо-фронтологического метода на русском языке и сформулировать на нем понятия совершенно новой синоптической системы.

Фронтологический метод, который иногда называли норвежским, на самом же деле был разработан в значительной мере как норвежскими, так и советскими синоптиками. Он отличался большой физической ясностью своих основных понятий, вытекающих непосредственно из основ термодинамики атмосферы, наглядностью методов анализа и прогноза погоды и возможностью использовать для этих последних многие другие достижения физики атмосферы – учение об облаках и осадках, представления о пограничном слое и т. д. Его введение в практику советской службы погоды было многим обязано и Б.Л. Дзердзеевскому, который, в частности, несколько лет (1933–1936 гг.) вел преподавание синоптической метеорологии в Московском гидрометеорологическом институте. Развивая понятия фронтологического метода, Б.Л. Дзердзеевский воспользовался и своими незаурядными способностями фотографа. Он собрал немало очень характерных фотографий фронтальных, местных и других форм облаков, которые потом нашли достойное место в первом советском «Атласе облаков», изданном в 1957 г. с его участием.

Однако Б.Л. Дзердзеевский, имея острый аналитический ум, не мог не замечать и недостатки фронтологического метода, особенно его неспособность охватить атмосферные явления масштаба большего, чем циклоны и фронты (1–2 тыс. км), и, следовательно, дать прогноз более чем на 12–24 часа. Можно полагать, что представление об этом возникло у Б.Л. Дзердзеевского давно, вместе с желанием найти пути преодоления этой проблемы. Несомненно, что его также привлекала идея,

получившая большое распространение в начале 30-х годов, которая заключалась в том, что главная «кухня погоды» находится в Арктике и что именно там формируются атмосферные процессы самого большого масштаба и интенсивности, определяющие погоду чуть ли не всего северного полушария.

В 1934 г. Б.Л. Дзердзеевский перешел на работу во вновь сформированный Арктический отдел Гидрометеорологической службы, преобразованный в 1935 г. в отдел службы погоды Главного управления Северного морского пути, где Б.Л. Дзердзеевский работал до 1940 г.

Это был «золотой век» в исследовании Арктики, когда советские мореплаватели и ученые смогли сделать очень многое для изучения природы Арктики и для ее освоения. Были организованы многочисленные базы и обсерватории, проведены важные экспедиции и открыты воздушные пути через Арктику. К тому же эти годы совпали с периодом большого потепления климата Арктики, когда, например, в навигацию 1938 г. Карское море было свободно ото льда до самых высоких широт, так же как и море Лаптевых. В больших северных экспедициях этого времени Б.Л. Дзердзеевский принимал не раз личное участие: в 1935 г. – в составе З-й ленской экспедиции, в 1937–1938 гг. – в летних экспедициях на Северный полюс, к каравану «Садко» и на «Ермаке».

В этот период Б.Л. Дзердзеевский с увлечением взялся за новую научную работу, вернее, за решение новых больших проблем синоптики. Уже в конце 1936 г. он выступил в Москве с первым своим докладом о летних синоптических условиях в Арктике в 1932–1936 гг., определяющих ее ледовитость. Позднее он дополнил этот материал еще двумя годами наблюдений (всего 502 дня наблюдений), характеризующих наиболее трудный для плавания участок Северного морского пути от устья р. Пясины до моря Лаптевых. Так были намечены первые макросиноптические типы циркуляции – классификация, идея которой принесла потом столь важные плоды в трудах Б.Л. Дзердзеевского и его ближайших сотрудников. Правда, вначале он скромно ограничивал свою задачу «краткосрочным прогнозом синоптических типов, обуславливающих ту или иную конфигурацию льда», но подобная статистика типов циркуляции атмосферы имела, конечно, гораздо более универсальное значение.

Следующий этап разработки этого большого синоптического замысла имел самостоятельное и очень большое научное значение. В мае 1937 г. удалось впервые высадить в Арктике близ самого полюса дрейфующую экспедицию в составе И.Д. Папанина, Э.Т. Кренкеля, П.П. Ширшова и Е.К. Федорова. Экспедиция вела свои наблюдения до февраля 1938 г., когда ее участники смогли благополучно вернуться на Родину. Результаты наблюдений экспедиции были изданы в 1941–1945 гг. Это был не только журнал метеорологических наблюдений, но и свидетельство того, что специалисты-метеорологи близко познакомились с погодой и климатом района, расположенного непосредственно у самого полюса. Б.Л. Дзердзеевский не только принял деятельное участие в обработке и подготовке к печати материалов экспедиции, но и добавил к ним свою интерпретацию их – анализ атмосферной циркуляции 1937–1938 гг. над Центральным полярным бассейном. Вопреки средним картам давления воздуха, говорившим о наличии в Арктике устойчивого зимнего, пусть слабого, антициклона, Арктика оказалась ареной очень бурной синоптической активности. Ее, как оказалось, пересекают траектории быстрых и медленно движущихся

щихся циклонов и фронтальные зоны, которые в ней удавалось распознать временами почти до самого полюса. Эта работа была удостоена в 1946 г. Государственной премии СССР.

Насколько результаты дрейфующей экспедиции оказались важны для понимания генезиса арктической погоды, настолько и связанное с ними исследование Б.Л. Дзердзеевского стало существенным этапом нового учения о типах циркуляции всей атмосферы Северного полушария. Развитие этого учения уже было связано с Институтом теоретической геофизики Академии наук СССР, куда Б.Л. Дзердзеевский перешел в 1940 г. Соответствующая типизация была разработана им совместно с З.М. Витвицкой и В.М. Курганской уже в 1946 г. Дальнейшее развитие этой идеи происходило в рамках отдела климатологии Института географии АН СССР, заведовать которым Б.Л. Дзердзеевский стал с 1950 г.

Для характеристики системы типов общей циркуляции атмосферы и их повторяемости Б.Л. Дзердзеевский, несколько позднее, уже при содействии коллектива отдела климатологии Института географии АН СССР, составил в 1956 г. календарь «элементарных циркуляционных механизмов» (ЭЦМ) Северного полушария за 55 лет – с 1899 по 1954 г. Эта система типов, с одной стороны, была связана с изменениями такой наглядной и широко используемой в синоптике характеристики циркуляции, как «индекс циркуляции», а с другой – с проблемой структуры климата и его колебаний. Как оказалось, преобладание зональных или меридиональных типов циркуляции и их смена от сезона к сезону в масштабе Северного полушария определяют глобальные вековые изменения температуры, осадков и пр., которые Б.Л. Дзердзеевский проследил по наблюдениям в Стиккисхольме (Исландия), Гринвиче, Копенгагене, Москве, Барнауле, Владивостоке и т.п. Развивая эту идею в докладе римскому коллоквиуму по изменениям климата, созданному ЮНЕСКО в Риме летом 1961 г., Б.Л. Дзердзеевский упомянул и о возможности объяснить колебания циркуляции гелиофизическими явлениями. Еще несколько ранее, в докладе Нью-Йоркской Академии наук, он указал, что повторяемость типов зональной циркуляции в течение полутора столетий менялась приблизительно параллельно числу солнечных пятен, то есть что космически возмущенные периоды отличались сравнительно «выровненным» типом циркуляции в Северном полушарии.

Еще один важный вывод был сделан Б.Л. Дзердзеевским в докладе в Риме. Он указал на то, что изучаемые с помощью статистики различных ЭЦМ колебания циркуляции и климата сильнее всего проявляются и вместе с тем имеют наибольшее значение в аридных (засушливых) климатах. Хорошо известно, как велики были колебания климата в историческую эпоху, например, в Северной Африке и в Передней Азии и какое значение они имели для хозяйства государств, расположенных на этих территориях.

Все эти примеры показывают, какое универсальное значение имела классификация ЭЦМ, разработанная сначала в Институте теоретической геофизики и затем в Институте географии АН СССР, и с какими фундаментальными задачами метеорологии она была связана. Мы уже видели ранее, что умение ставить и формулировать актуальные задачи геофизики всегда отличало Б.Л. Дзердзеевского.

Заметим также, что позднее он довел свой календарь ЭЦМ до 1970 г., так что теперь каждый исследователь атмосферных процессов большого масштаба всегда

имеет возможность сравнить свои анализы с типами циркуляции, описывающими северное полушарие в целом. Терпеливый труд, вложенный в этот календарь Б.Л. Дзердзеевским, еще поможет будущим поколениям ученых в их повседневной работе и в объединении (гомогенизации) их результатов.

Мы не будем здесь останавливаться на истории развития этой идеи Б.Л. Дзердзеевского, тем более, что она хорошо освещена в ряде статей. Упомянем лишь, что он смог получить хорошее подтверждение своей основной концепции единого, охватывающего все полушарие механизма циркуляции таким новейшим методом, как спутниковые наблюдения (кумулятивные фотографии) облачности. В статье 1971 г., используя также материалы фотографий за 1967–1968 гг., он показал, что меридиональные типы циркуляции связаны с характерными обширными, но расчлененными массивами облачности в умеренных широтах и большими «просветами» у полюса и в субтропиках. При зональном же типе такой организации облачности не обнаружилось, облака в это время гораздо более однородным образом распределены над материками и океанами. Эта работа о новой интерпретации ЭЦМ, к сожалению, появилась в печати уже после смерти Б.Л. Дзердзеевского.

Большую практическую важность имели работы Б.Л. Дзердзеевского о метеорологии засухи как в ее макроклиматическом, так и микроклиматическом аспектах. Эти исследования были организованы им как в Институте географии, так и в созданной для этого Комплексной научно-исследовательской экспедиции, работавшей в 1951 г. в Прикаспии и изучавшей микроклимат степного и полупустынного ландшафта этого района. Эти исследования, очень важные для установления норм орошения, селекционной работы и пр., были посвящены в значительной мере и изучению суховеев. К их генезису Б.Л. Дзердзеевский подошел тогда также с макросиноптической точки зрения, связав их с притоком сухих воздушных масс при меридиональных типах циркуляции. Он отверг старую гипотезу А.И. Войкова о прогревании опускающегося воздуха как источнике повышенной температуры и сухости суховея. Б.Л. Дзердзеевский связал последний с вторжениями арктического воздуха. Тем самым был поставлен вопрос о механизме трансформации прежнего холодного воздуха в теплый, о тепловом балансе и подобных процессах, могущих создать суховейный комплекс. Именно поэтому в экспедиции Института географии было обращено такое большое внимание на тепловой баланс поля и, впервые в науке в столь обстоятельном виде, на тепловой баланс лесных ценозов, включая наблюдение за испарением и испаряемостью в них.

Многочисленны были и популярные статьи и брошюры Б.Л. Дзердзеевского на разнообразные метеорологические темы, чаще всего рассказывающие об основной проблеме – движении и переменах атмосферы. Последнюю он образно назвал в заглавии одной из своих брошюр «Воздушный океан». Неоднократно он обращался и к своей любимой «малой» теме – фотографированию характерных облачных форм. В последние годы (1964–1970 гг.) многие из своих популярных выступлений Б.Л. Дзердзеевский посвятил актуальному вопросу о сверхдолгосточном прогнозе колебаний климата. Лично для него этот вопрос был особенно живым с тех пор, как большое потепление в Арктике в 1930–1940 гг., столь способствовавшее тогда ее экспедиционному исследованию, сменилось постепенным похолоданием.

Б.Л. Дзердзеевский принимал участие в многочисленных конференциях и рабочих комиссиях, составлял отчеты о них, писал многочисленные отзывы, рефераты и обзоры, вложив в них свою богатую эрудицию и трудолюбие. Много раз он докладывал результаты своих работ, а также исследований советских географов и синоптиков на зарубежных симпозиумах – от Мадрида до Мельбурна, где в успехе у слушателей и при защите своих взглядов ему очень помогало отличное знание языков, в том числе польского, немецкого, болгарского и чешского. И в этом, на первый взгляд, менее важном «лингвистическом» обстоятельстве проявился ученый той классической школы, которая придавала столь большое значение широте взглядов и познаний, разнообразию интересов и запросов и умению связывать воедино выводы, полученные весьма разнообразными научными методами. В своих поисках решения фундаментальных задач динамики атмосферы он понимал, что частичный успех в изучении основных проблем атмосферы может значить больше, чем крупный прогресс в каких-либо очень частных вопросах, такой, какой нередко прельщает ученых молодого поколения метеорологов. Может быть, именно этот вывод, что в науке об атмосфере следует обращать внимание, прежде всего, на ее главные проблемы, подчиняя их изучению решение вторичных и вспомогательных задач и в то же время пользуясь самой разнообразной методикой исследования всех масштабов – камерального, статистического, классификационного, экспериментального, экспедиционного и т.п., и является важнейшим итогом, к которому нас приводит знакомство с научной биографией Б.Л. Дзердзеевского и с тем огромным вкладом, который он внес в науку об атмосфере на всех ступенях ее развития в СССР.

Н.К. Кононова

Он не настаивал на своей точке зрения, просто советовал

Осенью 1957 г. я поступила в аспирантуру к Б.Л. Дзердзеевскому. У него в это время уже были две аспирантки: Юлия Владимировна Спиридонова и Светлана Степановна Савина. Борис Львович дал мне тему, а дальше я сама решала, какие материалы использовать и каким методом воспользоваться. К Борису Львовичу мы приходили советоватьсяся, приносили свои наработки, жаловались на неудачи. Он внимательно выслушивал, находил в сделанном рациональное зерно и советовал, что еще можно выудить из обработанного материала. Он никогда не настаивал на своей точке зрения, просто советовал, а потом смотрел, что получилось из наших самостоятельных решений. В то же время он настойчиво предостерегал нас от решения ложных задач. Однажды он сказал: «Мы часто решаем задачи типа «хлопнула дверь – погасла лампочка», а надо просто получше ввернуть лампочку, чтобы не гасла». И рассказал такую историю. Как-то в управлении гидрометслужбы заметили, что на одной станции с некоторого времени повысилась вечерняя температура воздуха. Стали анализировать, докопались до причины, даже написали статью в «Метеорологию и гидрологию», как вдруг от начальника той станции приходит

На конгрессе МГС в Швеции, 1970 г. Справа – М.И. Нейштадт.

письмо: «Когда вы нам, наконец, пришлете фонарь «летучая мышь»? Который месяц на вечерние наблюдения со свечкой ходим!»

Борис Львович был общительным человеком, легко шел на деловые контакты с людьми и организациями. После одной из командировок по Восточной Сибири я привезла из Иркутска предложение Игоря Петровича Дружинина, заведовавшего тогда отделом анализа и прогноза стока рек в Сибирском энергетическом институте (СЭИ СО АН ССР, теперь Институт исследования систем энергетики им. Милентьева, ИСЭМ СО РАН), помочь нам с математической обработкой материалов типизации циркуляции атмосферы Северного полушария, в которых этот отдел был очень заинтересован. СЭИ располагал собственным вычислительным центром. Борис Львович охотно согласился. Из-за обилия необходимых расчетов мы

сильно отставали с обработкой данных типизации от проведения самой типизации. Наконец, в Материалах метеорологических исследований появилась первая книга, подготовленная совместно Институтом географии и Сибирским энергетическим институтом под редакцией Б.Л. Дзерзееевского и И.П. Дружинина и изданная Межведомственным геофизическим комитетом при Президиуме АН в 1970 г. Следом с применением типизации были успешно защищены в СЭИ кандидатские диссертации С.Г. Агарковым, З.П. Коноваленко, Н.В. Хамьяновой, В.П. Кукушкиной, а у нас в ИГАНе докторскую диссертацию защитил И.П. Дружинин. Сотрудничество наших отделов продолжалось и после ухода из жизни Бориса Львовича. Аналогичные совместные сборники были изданы в Материалах метеорологических исследований в 1974 и 1977 гг. В настоящее время в ИСЭМ в том же направлении работает лаборатория, возглавляемая Тамарой Васильевной Бережных, которая приезжала с докладом к нам в Институт в 2006 г., когда мы отмечали 60-летие типизации.

Когда в 60-е годы стала создаваться Комиссия АН социалистических стран по проблеме «Планетарные геофизические исследования» (КАПГ), Борис Львович принял в ее создании активное участие. Он переписывался по этому поводу с учеными разных стран (проф. Бернхардом из ГДР, проф. Витеком из Чехословакии и др.) и договаривался о проведении совместных работ.

К сожалению, Борис Львович не дожил до начала работы КАПГ. Уже без него, начиная с 1972 г., к нам в Институт приезжали для совместной работы Стефан Велев из Института географии Болгарской А.Н. Манфред Ольберг из Университета

им. Гумбольдта (ГДР), Ласло Макра из Венгрии. Результаты наших совместных работ мы публиковали в «Известиях АН СССР. Сер. геогр.», в Материалах метеорологических исследований за 1979, 1982 и 1984 гг., а также в научных изданиях стран-партнеров. Некоторые из установленных в те годы контактов оказались устойчивыми. В 2005 г. на Международном симпозиуме по опасным природным процессам, проходившем в Софии, мы со Стефаном Велевым доложили об увеличении в последние годы продолжительности циркуляционных механизмов, приводящих к выпадению обильных осадков на западном и восточном берегах Черного моря, и о росте в связи с этим повторяемости метеорологически обусловленных опасных природных процессов в наших странах.

Дело, начатое Борисом Львовичем, живет и сейчас. Типизация циркуляционных механизмов Северного полушария доведена по 2010 г., материалы размещены на сайте www.atmospheric-circulation.ru, там же приведены основные положения типизации. В XXI веке с применением типизации защищено пять кандидатских диссертаций: одна в Институте географии Казахской академии наук, одна в Санкт-Петербургском гидрометеорологическом университете, две в Казанском (Приволжском) федеральном университете (подготовлены в Иркутском государственном университете) и одна в Институте оптики атмосферы им. В.Е. Зуева, г. Томск (подготовлена в Институте солнечно-земной физики СО РАН, г. Иркутск). Список работ, выполненных с применением типизации Б.Л. Дзерзееевского (более 550 наименований), размещен на указанном сайте.

B.C. Корякин

Он был единственным и незаменимым

В литературе отчетливо прослеживается арктическое прошлое Бориса Львовича. Так, в работе Н. Сибирцева и В. Итина «Северный морской путь и Карские экспедиции» (1936) Б.Л. Дзерзееевский отмечен как один из сотрудников научной группы на борту ледокола «Ленин» в навигацию 1932 года. Его дальнейшая полярная карьера заняла несколько лет и отмечена ростом как административным, так и научным, причем нередко ему приходилось заниматься, по сути, преподавательской работой, «образовывая» очередное пополнение полярников, не имевшее необходимой научной подготовки.

Занимая должность начальника Арктического отдела ЦУ ГМС, Б.Л. Дзерзееевский в статье «Климатические условия работы в Арктике», 1935 (в сборнике «За освоение Арктики», предназначенному для курсов партработников, направлявшихся на работу в Арктику) дает общую характеристику погодных явлений, с которыми предстояло встретиться будущим полярникам, особо выделяя особенности местных штормовых ветров типа бора на Новой Земле или «южак» на Чукотке. Одновременно он втолковывает будущему руководящему составу Главсевморпути «азы» организации необходимой сети полярных станций: «Сеть станций должна быть так густа, чтобы ни одно метеорологическое явление не проскочило бы незамеченным. Только в таком случае мы можем получить сведения отовсюду, по всем нужным

нам направлениям, своевременно принимать те или иные решения, иметь достаточно полный материал для изучения атмосферы» (с. 188). Непременными условиями успешной работы он называет 1) соблюдение сроков наблюдений, 2) правильный выбор места, 3) правильную установку приборов и 4) наблюдения по единой инструкции.

В январе 1936 г. уже в должности начальника Службы погоды Главсевморпути он участвует в работе совещания партхозактива этой организации, отражая незаслуженные наскоки администраторов и хозяйственников на свое подразделение, о чем свидетельствует текст его выступления: «Тов. Шевелев указывал на вынужденные посадки по вине метео, хотя сейчас же оговорился, что в этих случаях не были доставлены метеотелеграммы. Необходимо разграничить вину метео и связи, так как когда метеосводки сданы своевременно на телеграф или радиостанцию, то недоставка их не является виной Службы погоды... Все без исключения аварии прежде всего хотят валить на погоду, а когда начинается расследование причин, выясняется иное... С обслуживанием нас связью дело обстоит очень плохо... Еще одно! Кадров у нас нет! Из 30 работающих у нас синоптиков мы получили из ЦУ ЕГМС 5 человек и вынуждены были пойти по пути организации краткосрочных курсов, так что окончившие их работники не полноценны» (1936, с. 160–161). И все это на фоне известного обострения классовой борьбы в период развернутого построения социализма, когда погодный прогноз мог легко не совпасть с политическим со всеми вытекающими последствиями...

Вершиной деятельности Бориса Львовича в Арктике, несомненно, является его участие в полюсной экспедиции О.Ю. Шмидта весной-летом 1937 г., когда ему пришлось давать прогнозы погоды не только на пути к Земле Франца-Иосифа, но и на район полюса, где какие-либо наблюдения вообще отсутствовали! Чтобы выйти из положения, Дзердзеевскому приходилось на Р-5 (самолетик ближайший родич знаменитого У-2) с неотапливаемой кабиной подниматься с аэрологическим разрезом до 4 км и таким образом выполнять свою работу, от которой зависело так много и которую каждый из участников экспедиции оценивал по-своему. По Э. Кренкелю, «главный синоптик экспедиции, красивый мужчина с бородкой, не очень-то торопился нас пустить... Каждое утро командиры самолетов, с глазами, полными надежды, смотрели на Дзердзеевского, а он произносил одну и ту же фразу: «Лететь не рекомендую!» Запретить вылет Дзердзеевский не мог. Но без его рекомендации никто не мог этот вылет разрешить» (1972, с. 423). И тем не менее, выступая на собрании Академии наук после возвращения с полюса 10 июля 1937 г. О.Ю. Шмидт воздал должное своему «Богу погоды»: «Я хочу засвидетельствовать, что за время нашей экспедиции мы получали от наших синоптиков, и в первую очередь от Б.Л. Дзердзеевского, исключительно верные прогнозы погоды *без единой сколько-нибудь существенной ошибки*» (1956, с. 175). И к этому нечего добавить.

Таким единственным и незаменимым Б.Л. Дзердзеевский был уже в самом начале своей научной карьеры.

Наталия Владимировна Думитрашко (1905–1988)

Геоморфолог, д.г.н. (1948).
В Институте в 1934–1988 гг.,
ученый секретарь Института (1936–1938),
член бюро Межведомственной комиссии
по геоморфологическому картированию,
зам. председателя Селевой комиссии АН СССР,
руководитель геоморфологической комиссии МФ ГО СССР

Н.В. Думитрашко была одним из известнейших географов СССР, очень талантливым научным работником. Ее учитель – геолог В.А. Обручев – был крупнейшим ученым. И Наталия Владимировна тоже была настоящим человеком науки.

Я познакомился с Н.В. в 1951 г. Она стала моим научным руководителем в годы учебы в аспирантуре. Под ее руководством я старался заниматься усердно и начал учиться проведению полевых исследований. Н.В. Думитрашко придавала полевым исследованиям большое значение.

В 1952 году мы поехали на Кавказ, путешествовали по Дагестану, были на побережье Каспийского моря. Совершали конные и пешие маршруты. Эта поездка открыла мне глаза на геоморфологию как науку. Н.В. всегда по ходу маршрутов объясняла основные особенности геоморфологического строения территории. Она, несмотря на то, что впервые была на Кавказе, хорошо ориентировалась в особенностях местных географических условий. Она была истинным знатоком своего дела, очень интересно рассказывала о рельефообразовании, легко определяла возраст рельефа.

Так мы исследовали Восточный Кавказ и особенно горные территории Азербайджана. Для меня было большим достижением научиться в поле понимать геоморфологическое строение территории. Во время экспедиции Н.В. постоянно вела интенсивные исследования, все собранные в поле материалы были для нее очень цennыми. Она показывала мне каждую увиденную форму рельефа, объясняла причины ее образования, и каждый вечер в палатке при свете свечей проверяла мой дневник, давала советы, высказывала свое отношение к составленным геоморфологическим профилям, подробно расспрашивала к каким научным выводам я пришел. Н.В. много времени уделяла объяснению моих предположений, помогала выдвинуть на передний план реальные научные идеи. Работая рядом с ней, я старался перенять ее подход к исследованиям, ее методы.

Н.В. Думитрашко.

Отдых на маршруте по Восточному Кавказу.

да я писал статьи по геоморфологии, то, прежде всего, давал их читать Н.В. Думитрашко. И хотя Н.В. была очень строга и требовательна ко мне, ее забота была незаменима. Ее консультации были очень ценные, особенно принимая во внимание тот факт, что я окончил Педагогический институт и мои знания по геоморфологии были весьма ограничены.

Геоморфологией я очень интересовался с первых дней поступления в аспирантуру. Но то, что геоморфология станет моим предназначением в науке, я окончательно понял после изучения в 1956–1958 гг. современного и древнего оледенения азербайджанской части Большого Кавказа. Научный отчет об этой работе был выпущен в качестве монографии (1965). Выдвигаемые в этом труде положения опровергали ранее существовавшие представления о древнем оледенении. Я разработал и предложил свою, новую, более реальную, схему оледенения. Согласие Н.В. с моими выводами окрылило меня.

Однажды я вышел на работу после командировки. Мне стало известно, что на заседании Ученого совета Муса Аббасов пожаловался на то, что Б.А. Антонов (его руководитель) нарушил его авторские права и М. Аббасов требует их восстановить. Мне предложили, чтобы и я написал заявление о том, что Н.В. Думитрашко нарушает мои права как автора. Я ответил, что с этого дня и навсегда у всех написанных мной монографий первым автором будет мой научный руководитель Н.В.

Сейчас я понимаю, что на существовавшее в прошлом бюджетное финансирование можно было проводить крупные исследования. А тогда я чувствовал и сознавал лишь одно: Институт географии АН СССР – настоящий очаг науки. Он давал всем географам страны новые темы и направления, ставил интереснейшие задачи для исследований, был координатором и ведущим участником многих международных проектов. Таким он и должен быть всегда!

После завершения полевого сезона, я, возвратившись в город, с 9 утра до 9 вечера проводил время в библиотеке имени В.И. Ленина, усиленно занимаясь. Так, не теряя времени, в результате интенсивных занятий я быстро смог подняться до уровня зрелого геоморфолога уже в аспирантские годы. Ког-

Думитрашко. У меня к ней нет и никогда не будет никаких претензий. Если бы Н.В. Думитрашко не была моим руководителем, я не стал бы ученым! Н.В. Думитрашко для меня была всем. Без нее я в геоморфологии как в науке не смог бы сделать и шага. Поэтому клеветать на нее было бы бессовестно. Обвинять Н.В. Думитрашко было бы с моей стороны еще и проявлением невоспитанности. Родители меня воспитали в другом духе.

Наталья Владимировна трудилась на переднем фронте азербайджанской геоморфологической науки. Она создала азербайджанскую группу аспирантов. Поэтому большинство азербайджанских геоморфологов считает ее своим незаменимым учителем. Она подготовила также будущего доктора наук, профессора Н.Ш. Ширинова, кандидатов наук Р.Я. Кулиева и И.Э. Марданова.

В 1960 году в Институте географии АНА было начато составление геоморфологической карты территории республики масштабом 1:200 000, которая была закончена в 1965 г. По плану составления этой карты Б.А. Антонов на Малом Кавказе, М.А. Аббасов в Нахчыванской АР, Н.Ш. Ширинов на Кура-Аразской низменности, а я на территории Большого Кавказа должны были проводить картирование.

Проводившаяся в течение пяти лет напряженная научно-исследовательская работа позволила выпустить двухтомный труд по геоморфологии азербайджанской части Большого Кавказа и новейшим тектоническим движениям, а также составить одну из трех геоморфологических карт территории Азербайджанской Республики масштаба 1:200 000. Окончание этого фундаментального исследования завершилось выпуском нескольких монографий.

Моя монография «Геоморфология Юго-Восточного Кавказа и новейшие тектонические движения» (1973) победила в Общесоюзном конкурсе, объявленном Географическим обществом СССР и была удостоена Золотой медали имени Н.М. Пржеvalского. Это стало весомым успехом, завоеванным азербайджанскими геоморфологами в масштабе всего Советского Союза.

Двухтомный труд, посвященный геоморфологии Кавказа, выпущенный коллективом геоморфологов, заслужил глубокое уважение и почет среди кавказских и московских ученых.

И во всех этих наших достижениях особая заслуга Н.В. Думитрашко

Работа доставляла Н.В. удовольствие. И в поле, и в кабинете она работала с одинаковой интенсивностью. А когда работы было мало, она чувствовала себя большой.

Последние годы жизни Н.В. провела в доме престарелых. Она очень радовалась, когда я ее навещал.

Я пронес благодарность к Наталье Владимировне через всю свою жизнь. Будучи требовательной к себе, она, не считаясь со временем и обстановкой, работала с такой интенсивностью, что за короткое время заканчивала писать целую брошюру, нередко и книгу. Ее требовательность и постоянный контроль дали возможность и мне сформироваться как геоморфологу.

Я горд и признателен судьбе за то, что являлся одним из ее аспирантов. И склоняю голову перед силой ее духа.

*Борис Николаевич Зимин
(1929–1995)*

*Экономикогеограф, д.г.н. (1993).
В Институте в 1962–1995 гг. с перерывом,
зав. редакцией географии БСЭ (1974–1978)*

Есть люди, значение которых осознается только после их смерти, и Борис Николаевич Зимин, безусловно, принадлежит к их числу. Плохое здоровье, почти не позволявшее ему выходить из дома, и полное отсутствие стремления к саморекламе совершенно не способствовали широкой известности, и знали его, в основном, те, кто работал с ним в Институте. Между тем Б.Н. Зимин был одним из самых самобытных отечественных экономикогеографов и, может быть, сопоставлен по масштабу с таким корифеем, как И.М. Маергойз.

Б.Н. Зимину принадлежат многие замечательные достижения, среди которых следует отметить новаторский эволюционный подход к теориям размещения промышленности, теорию малых высокоразвитых стран и представления о цикличности интеграционных и дезинтеграционных процессов в развитии мирового хозяйства, районном цикле, а также об оптимальных размерах интеграции. Если наша наука будет развиваться дальше, если не перестанет существовать наш Институт как обветшавший храм, в котором хранится священный огонь знаний, идеи Б.Н. Зимина получат развитие в работах молодых последователей, ибо со временем они не только не устаревают, но, наоборот, приобретают все большую актуальность. Именно так произошло с представлениями о чередовании интеграционных и дезинтеграционных циклов в развитии мирового хозяйства, получивших дальнейшее развитие в работах Л.М. Синцерова и блестящее подтверждение с началом нынешнего финансово-экономического кризиса.

Теория размещения была любимым коньком Б.Н. Зимина. В ней он сделал особенно много, но, пожалуй, самый важный в мировоззренческом отношении результат – это эволюционный подход к теории размещения. Любая отрасль размещается сначала «по Веберу», в точках, обеспечивающих минимальные издержки, а затем «по Лёшу», в точках, обеспечивающих максимальную прибыль. Две, казалось бы, взаимоисключающие штандартные теории представали при этом как характеристики разных этапов освоения территории, а освоение это, по Зимину, идет постоянно, ибо каждая новая отрасль осваивает территорию заново.

Тесная связь эволюционизма с рационализмом вполне очевидна: если мы верим в прогресс, отказавшись при этом от примитивных линейных представлений о его односторонности и неуклонности, то мы неизбежно встаем на позиции эволюционизма. Эволюционная идея имеет плохую репутацию в социологии, но социально-экономическая география гораздо ближе к естественным наукам, а биология столь же проникнута эволюционизмом, сколь и осознанием крайней сложности и нелинейности этого процесса. Не удивительно, что наиболее глубокие мыслители

среди социальных географов нашего Института – В.М. Гохман, Ю.Г. Липец, Ю.В. Медведков, В.А. Пуляркин были убежденными эволюционистами. Было бы удивительно, если бы им не был и Б.Н. Зимин, яркий представитель этой славной плеяды.

Совершенно недостаточно осознается научным сообществом предложенная Б.Н. Зиминым теория районного цикла. Суть ее очень проста, как проста любая фундаментальная идея. По мере того, как район развивается, растет стоимость рабочей силы и на определенном этапе она становится столь высокой, что начинает перевешивать все конкурентные преимущества. Район становится депрессивным. В результате резко снижается стоимость рабочей силы. Снизившись, она сама становится конкурентным преимуществом района и привлекает инвестиции. В результате возобновляется экономический рост. Надо ли объяснять, сколь актуальна эта идея, когда господдержка радикальным образом ис-

Б.Н. Зимин – тренер по легкой атлетике, детская спортивная школа, 1970 г.

кажает течение районного цикла? Громадные средства, закаченные в Рур, не позволили снизиться стоимости рабочей силы настолько, чтобы снова сделать этот район привлекательным для инвесторов. Да иначе и быть не могло в социальном государствстве. Между тем дилемма состоит не в том, чтобы помогать или не помогать, а в том, чтобы помогать либо территории, либо людям. Если помогать именно людям, то надо вкладываться в их переселение в динамично развивающиеся районы, что требует значительно более высокой мобильности рабочей силы, такой, как в США, а не в ФРГ. В то же время резкое снижение численности населения депрессивного района становится естественным ограничением для снижения зарплат. Сейчас, когда мы в очередной раз разочаровались в рыночных механизмах и переживаем «второе пришествие» кейнсианства, нам следует иметь хоть немного мудрости, дабы понять, что нам предстоит вторично пережить и разочарование в госрегулировании. И Зимин скоро опять подставит нам плечо, когда мы станем судорожно искать выход из чудовищной неэффективности зарегулированной экономики и прозатратной региональной политики. Глубокие мыслители не

уходят от нас, они навсегда остаются с нами, как остались и Дж. М. Кейнс, и Ф. фон Хайек.

Теория малых высокоразвитых стран – если не самый крупный, то самый красивый изумруд в том великолепном украшении, которое Б.Н. Зимин создал для любимой науки, ведь он принадлежал именно к тому поколению романтиков, для которых наука была смыслом жизни. Эта теория – не только блестящий образец решения масштабной научной задачи, но и урок того, что термины определяются в структуре теории. К сожалению, мы все никак не можем усвоить этот урок и продолжаем бесплодные споры о терминах, у которых не может быть ни конца, ни результата.

Столкнувшись с необходимостью определения малой высокоразвитой страны, Б.Н. Зимин ввел понятие стандартного экономического района как территориального комплекса с ВРП 90–110 млрд. долл. США (в ценах 1970 г.) и экспортной квотой в $\frac{1}{3}$. Поскольку такие хозяйствственные целостности, как правило, представляют собой мощные ядра, не покрывающие территорию полностью, Б.Н. Зимин ввел, наряду со стандартным экономическим районом, стандартный экономико-географический район, в котором к ядрам «прирезаются» межядерные пространства. «Экономическая масса» такого района будет несколько больше – 120–130 млрд. долл. в ценах 1970 г. Помнится, с каким сарказмом мы, студенты 70-х гг., говорили об объективности экономических районов, постулированной Н.Н. Баранским. Между тем научная интуиция не подвела прославленного корифея, и можно смело утверждать, что Б.Н. Зимин дал новую жизнь идеям об объективности экономических районов: «В ряде случаев стало модно повторять за западными методологами, что объективных районов не существует, т.е. собственное невежество облекли в высокую философскую форму, тем более что чужие ошибки прикрывали «нищету собственной философии»¹.

Сделав такой сильный ход, Б.Н. Зимин получил возможность определить малую высокоразвитую страну как страну меньше одного стандартного экономического района. Понятно, что малая высокоразвитая страна может успешно вписаться в международное разделение труда только благодаря филигранно отточенной специализации и, по Зимину, вынуждена развивать нижние, ресурсные «этажи» своей экономики, обеспеченные постоянным спросом, будь то норвежская нефть или шведская железная руда, а также самые верхние этажи, представленные производством уникальной продукции, будь то строительство ледоколов и платформ для подводного бурения в Финляндии, или производство часов высшего ценового сегмента в Швейцарии. Средние «этажи», т.е. массовые производства, не для таких стран, чья структура экономики напоминает песочные часы.

Главным козырем малых высокоразвитых стран Б.Н. Зимин считал более высокий уровень социальной инфраструктуры, понимаемой значительно шире, чем это принято в большинстве случаев, а именно как образ трудового мышления. Это предполагает значительно меньший расход человеческого материала в фиктивных сферах (политика, армия, чиновничество) и несравненно большую, нежели в больших

---

¹ Размещение производства в рыночной среде. Из трудов Б.Н. Зимина / Сост. А.П. Горкин, Ю.Г. Липец. М.: Альфа-М, 2003. С. 84

«Трогай!» – на картошке, Борис Николаевич в роли возничего.

странах, прозрачность и доступность власти. Более высокое качество человеческого материала и, как следствие, более высокое качество жизни – результат существования пирамиды прямого восприятия (все жители такой страны знакомы друг с другом либо лично, либо через общих знакомых), поэтому население такой страны не может превышать 12 млн. жит. Задолго до нынешней «гуманитарной географии» и с несравненно большим успехом Б.Н. Зимин исследовал информационное поле, одну из составляющих экономико-географического поля, наряду с расселенческим (много более консервативным) и экономическим (значительно более изменчивым). Информационное поле при наложении другого, более мощного, может сохраняться на протяжении двух поколений, но в горах, в условиях изоляции оно может сохраняться столетиями. Любимый пример Б.Н. Зимина – сарапинские анклавы в Швейцарии.

Б.Н. Зимин разрабатывал на теоретическом уровне проблемы оптимальной величины экономической интеграции. Он считал исключительно успешной интеграцией ЕЭС в границах, определенных Римским договором, но уже вступление в ЕЭС Великобритании в 1973 г. полагал шагом в направлении снижения экономической эффективности. Его позиция в отношении дальнейшего расширения вполне понятна, да и само это расширение было мотивировано чисто политическими причинами. Именно поэтому в ЕС совсем не склонны обсуждать и, тем более, исследовать взаимозависимость расширения и экономической эффективности. Но мы пока еще свободны от цензуры политкорректности, тем более от нее был свободен Б.Н. Зи-

мин, писавший: «Стандартной интеграцией» автор считает объединение девяти экономико-географических районов среднего масштаба (для случая высокоразвитых районов и стран), которое обладает максимальной устойчивостью как система в силу того, что при объединении девяти СЭР замыкание экономических связей «на самих себя» достигает максимума. При меньшей или большей величине «интеграции» возникает не только значительно большая необходимость в связях с внешним миром, но в случае превышения оптимума – даже и внутренняя борьба отдельных частей интеграции, тем более сильная, чем меньше возможность закрытия «излишка» связей во внешнем мире².

У тех, кто знал Бориса Николаевича, в памяти остался очень грузный и очень добродушный человек, поразительно напоминавший добродушного гиппопотама из сказок К. Чуковского. Те, кто учился с ним на геофаке МГУ, отдавали должное его незаурядности еще в студенческие годы, восхищались и в дальнейшем его поразительной способностью правильно предсказывать экономические пропорции различных явлений. Это было результатом энциклопедических познаний и исключительного исследовательского таланта. Сам Б.Н. Зимин то ли не осознавал своей незаурядности, то ли совершенно не находил нужным ее подчеркивать, хотя нисколько не был застенчивым и высказывался порой довольно резко, но всегда совершенно беззлобно.

В 1993 г. Б.Н. Зимина не без трудностей привезли в ИГАН на предмет защиты докторской диссертации по совокупности трудов. Непосредственный начальник Б.Н. Зимина Ю.Г. Липец, который на самом деле был для него не начальником, а ангелом-хранителем, во многом сам написал текст доклада и исхлопотал в ВАКе разрешение на защиту по совокупности трудов в порядке исключения, что было гораздо трудней. Защита была настоящим праздником науки, но это было последнее появление Зимина в Институте. Через два года его не стало.

Новая генерация ученых, сформировавшаяся под большим или меньшим влиянием постмодернизма – это люди совсем другого толка, они сами, если талантливы, гораздо интересней своих работ. Не таков был Зимин, презиравший модные поветрия и решительно выносивший за скобки «экономические фикции», изучая их как патологию хозяйственного развития. Он следовал принципу романтиков «Быть, а не казаться», а не постмодернистской манере казаться, а не быть. Он был исключительно обаятелен как человек и невероятно интересен как собеседник, уже хотя бы в силу фантастической эрудиции, при этом его идеи еще глубже и интересней, чем он сам. Он вполне мог бы сказать, как Чехов: «Читайте мои книги, там же все написано». Но написал он не так много. В 80-е годы он собирал у себя аспирантов и молодых кандидатов, чтобы прочитать им курс географии промышленности, еще более необычный, чем его создатель. А также напоить чаем с пирожными и конфетами, которые он доставал каким-то непонятным образом, поскольку в продаже всего этого уже не было. Ему было не жалко для тех, кому он передавал эстафету. Найдем ли мы кому ее передать?

---

² Размещение производства в рыночной среде. Из трудов Б.Н. Зимина / Сост. А.П. Горкин, Ю.Г. Липец. М.: Альфа-М, 2003. С. 85

*Сергей Владимирович Зонн
(1906–2002)*

Почвовед-географ, д.с.-х.н. (1951), профессор (1961).

В Институте в 1962–2002 гг.,

зам. директора по науке (1973–1975),

начальник комплексной экспедиции по Русской равнине (1970–1975),

зав. лабораторией аэрокосмического дешифрирования (1975–1978),

зам. гл. редактора журнала «Почвоведение».

Почетный член Международной ассоциации почвоведов

При упоминании одного только имени – Сергей Владимирович Зонн – становится тепло на душе, возникают чувства огромного уважения и почтения к ученому с мировым именем, энтузиасту науки. Вспоминаю его с невольной улыбкой как обаятельного и доброжелательного человека, демократичного и легкого во взаимоотношениях с людьми любого возраста и служебного положения, целящего чувство юмора и дружеского общения, всегда готового пошутить.

Сергею Владимировичу суждено было прожить долгую и яркую жизнь, полную и радостей творческих исканий, и изнурительного, но вдохновляющего труда, страшных дней во время ленинградской блокады, гонений властей на своих любимых и уважаемых учителей и его самого как «вейсманистов-морганистов», и возрождения вместе с ними новых научных и весьма успешных направлений. С.В. Зонн родился 3 апреля 1906 г. в г. Владикавказе и дожил до 96 лет, сохранив при этом интерес к жизни и науке, ясную память, бодрость. Помню как он сам, будучи уже на пенсии, приезжал летом за научной литературой в библиотеку Института и в лабораторию картографии – это было всегда праздником для нас. Сразу же вокруг него собирались сотрудники и с интересом слушали его рассказы о своей жизни и воспоминания, например, об экспедициях в 30-е и другие годы! Он, как всегда, был элегантен, с неизменной бейсболкой на голове и с антикварной (только так) тросточкой с массивной серебряной ручкой в виде орлиной головы. На наше предложение привозить литературу к нему домой он отвечал отказом; было понятно, что поездки в Институт и встречи с коллегами были для него приятной необходимостью.

Научные заслуги и всеобщее признание Сергея Владимировича были весьма значительными в отечественной географической и почвенной науке, в лесоведении, в педагогической и общественно-научной деятельности. Когда наступали его

С.В. Зонн.

круглые юбилеи, к примеру, 60-летний и последующие, включая 90-летний, они каждый раз отмечались и в Почвенном институте, и в Институте географии. А журнал «Почвоведение», выпуск которого С.В. Зонн отдал 50 своих лет (с 1948 г.), посвящал его юбилеям и творческим достижениям развернутые статьи¹.

В Институт географии С.В. Зонн пришел в 1962 г. в качестве старшего научного сотрудника и заместителя директора И.П. Герасимова. В 1970 году он стал руководителем комплексной экспедиции по Русской равнине, а в 1975 году возглавил лабораторию географического дешифрирования аэрокосмических материалов. Здесь хотелось бы сказать о впечатлениях, которые произвел на него наш Институт и известная в научных кругах страны царящая в нем свобода научного творчества. Как он писал в статье, посвященной своему 90-летию: «...в Институте контролем выполнения заданий была публикация работ, а их значимость устанавливалась Ученым советом института... Все это способствовало развитию личной инициативы, расширению научного кругозора и активности».

И действительно, все мы – кто работал в Институте много лет или всю жизнь – по сей день знаем, что способность к самостоятельной научной работе постоянно поощрялась, включая даже вновь поступивших молодых сотрудников и аспирантов. Если можешь добиться реальных результатов, опубликовать их в научных журналах и докладывать на конференциях, пожалуйста, разрабатывай собственную тему (в рамках плановых тем Института, а иногда – если очень интересно – и вне плана, которые впоследствии часто перерастали и в большие плановые темы). Практически каждый научный сотрудник мог и должен был готовить докторские и кандидатские диссертации, проводить полевые исследования. Тогда при социалистической экономике на это выделялись бюджетные средства; пожалуйста, заказывай машину в автобазе Академии наук, талоны на бензин, снаряжение на складе Института, топографические карты в 1-ом отделе и вперед – по одной шестой части земного шара. Кто-то работал на Кавказе, в Средней Азии, Сибири, кто-то даже на Камчатке или в любых других районах страны. Главное – результаты и публикации, а личная инициатива – это главный стимул, особенно в творческой работе. Поэтому работали с энтузиазмом, не жалея себя и в поле и при обработке полученных данных, поэтому и наш Институт становился для многих родным домом, в котором осуществлялись интереснейшие научные свершения. Эта замечательная традиция и атмосфера сохранилась в Институте до сих пор, несмотря на трудности, связанные уже с рыночной современной экономикой.

Итак, при поступлении в наш Институт за плечами С.В. Зонна в течение почти 50 лет (с 1926 г.) оставались крупные и плодотворные этапы работ в разных научных учреждениях страны по почвенно-мелиоративным исследованиям, изучению горных почв в многочисленных экспедициях на его родном Северном Кавказе и в других регионах страны. В исследованиях по полезащитному лесоразведению и лесному почвоведению С.В. Зонн считается по праву главой этого направления в СССР. Итогом этих работ стала его монография «Горно-лесные почвы Северного Кавказа», защищенная в качестве докторской диссертации и удостоенная Государственной премии, главы в коллективной монографии, созданной под руководством

¹ Почвоведение, 1966, № 3; Изв. АН СССР, сер. геогр. 1986, № 2; Почвоведение, 1996, № 4, С.339-348; № 9, С.1142–1148; Почвоведение. 2006, № 7. С. 792–794.

любимого учителя и соратника В.Н. Сукачева «Основы лесной биогеоценологии». Эта работа получила широкое признание и была переведена на английский и французский языки. С.В. Зонном были проведены почвенно-географические исследования в Сибири, на Дальнем Востоке и на Русской равнине, отраженные в почвенных главах томов серии «Природные условия и естественные ресурсы СССР». Много сил и внимания было отдано изучению почв зарубежных стран. Особое внимание было уделено генезису и географии тропических почв. Результаты этих исследований Сергей Владимирович систематизировал и обобщал, будучи уже в нашей лаборатории. Немалое научное значение приобрело участие Сергея Владимировича в составлении Национальных географических атласов Кубы, Вьетнама.

Об этих научных этапах и результатах я пишу кратко – в общих чертах, поскольку хотелось бы поделиться личными впечатлениями о совместной почти 10-летней работе с Сергеем Владимировичем в сравнительно краткий «для него», но очень яркий для нас период в Лаборатории географического дешифрирования аэрокосмических материалов. Тогда ему было уже под 70 лет. В той же статье, посвященной 90-летию своего долгого и трудного пути в науке, он писал: «Аномальность моей жизнедеятельности, как отмечалось многими, в том, что с возрастом интенсивность научного творчества не снижалась, а возрастила и достигла апогея в период от 70 до 90 лет. И сейчас мой мозговой компьютер противоборствует старости».² И действительно мы были свидетелями и могли убедиться в том, что в таком возрасте С.В. Зонн смог освоить и стать руководителем в стремительно развивающимся в те годы нового направления географических исследований – аэрокосмического зондирования, связанного с множеством технических вопросов, далеких от сугубо географических.

Надо отдать должное мудрости и скромности Сергея Владимировича, который на первых порах прихода в лабораторию в 1975 г. присматривался к нашим работам и не пытался их направлять. Тогда мы (межотдельский коллектив Института) практически завершали многолетнюю тему по договору с институтом (который разрабатывал проект по запуску первого в стране ресурсного экспериментального ИСЗ «Метеор-Природа»), посвященную пионерным в стране и в мире научно-методическим разработкам по использованию телевизионной информации с космических систем для географических целей. В лаборатории мы составляли окончательный 4-летний отчет для передачи заказчику. Как научному руководителю этих работ, мне приходилось писать, помимо собственных глав, введение, заключение, и редактировать большой объем текста отчета, причем сроки сдачи отчета были довольно жесткими. Ввиду моей загруженности Сергей Владимирович предложил помочь отредактировать отдельные главы, как если бы был простым сотрудником лаборатории, а не заведующим; это была весьма ценная помощь.

Впоследствии под руководством С.В. Зонна одним из основных направлений в лаборатории и в институте стали межотдельские исследования по изучению состояния и динамике сельскохозяйственных геосистем в Калмыкии с использованием аэро- и космических снимков (в рамках государственной долгосрочной программы по комплексному картографированию под эгидой Госцентра «Природа» и ГУГК). Благодаря организаторским способностям и авторитету С.В. Зонна эти многолет-

² Почвоведение, 1996, № 9, стр. 1148.

ние исследования (с экспедиционными работами и аэровизуальными наблюдениями) стали знаменательным этапом работ как для Института и участника этой темы Госцентра «Природа», так и для местных калмыцких научных и партийных учреждений. Жизнь в лаборатории кипела, были подготовлены многочисленные статьи, организованы межведомственные конференции, на которых подводились итоги полученных результатов и шел обмен мнениями. Помню прекрасно один из докладов Сергея Владимировича, посвященных результатам применения космических снимков – это был не обычный сухой научный доклад, это была баллада о возможностях космических снимков, которые еще не всеми были оценены.

Меня поражал размах его деятельности, например, связанные с работами по изучению тропических почв его многочисленные командировки. Как он успевал и как не уставал? А затем он в обычном разговоре нам сообщает между прочим, как если бы речь шла о незначительном деле: «...выпустил монографию «Железо в почвах», – а затем через некоторое время – «еще одну закончил «Алюминий и его роль в почвообразовании». Позже нам становилось известным, что эти работы были оценены не больше и не меньше как новейший вклад в науку, положившие начало новому направлению – химической географии. На основе этих материалов Сергей Владимирович преподавал курс тропического почвоведения в Университете дружбы народов (одновременно с работой в ИГАНе), создал учебное пособие, переведенное на английский язык.

С Сергеем Владимировичем Зонном было легко и приятно работать благодаря его умению быстро схватывать все новое в науке и находить наиболее оптимальные пути решения возникающих научных и организационных вопросов. Он всегда был в центре внимания – представительный, умный, доступный и красивый. И потом – у него был замечательный вкус к жизни во всех ее проявлениях. Он был очень светским человеком; тогда в советское время, когда все – продукты, одежду, билеты на поезд, самолет, в театр и т. д. надо было «доставать», он благодаря своим связям не испытывал трудностей. Как рожденный на Кавказе, был гостеприимным человеком, любил застолье, обожал грузинскую кухню. Обычно на свои дни рождения Сергей Владимирович приглашал нашу лабораторию домой – стол ломился от редких угощений (грузинские маринады, присланные ко дню рождения его аспирантами, молочный поросенок или трехлитровая бутыль виски, которая была установлена, как пушка, на лафете – иначе ее нельзя было поднять и налить виски в бокал). Мы, особенно женщины, не уставали восхищаться его элегантностью – одевался всегда с тонким вкусом и даже успевал следить за модой. А его галантность! Помню во время совместных командировок на Курскую институтскую базу или в Азербайджан в Закаталы по программе «Интеркосмос», он всегда был внимателен, тактичен, быстро осваивался на новом месте и давал практические советы. Словом с ним было надежно и интересно. Я благодарна судьбе, которая подарила радость совместной научной работы и человеческого общения с таким значительным, приятным и дорогим для всех нас, кто его знал, человеком – Сергеем Владимировичем Зонном.

E.C. Ревина

Игорь Алексеевич Зотиков (1926–2010)

Гляциолог, к.т.н. (1957), д.г.н. (1969), чл.-корр. РАН (1990).

В Институте в 1962–2010 гг.

Почетный полярник, член Союза писателей, художник

Вся жизнь — науке и миру

Улыбаться надо, братцы, не сдаваться, молодцы

Тимур Шаов

Игорь Алексеевич Зотиков – член-корреспондент РАН, член Гляциологической ассоциации, доктор географических наук, кандидат технических наук, участник 6 экспедиций и 2 зимовок в Антарктиде, экспедиции «Северный полюс – 19» на дрейфующих льдах в Арктике, экспедиций на ледники Кавказа, Тянь-Шаня, Шпицбергена и Полярного Урала. Он был первым представителем России среди членов «Клуба Исследователей» в Нью-Йорке, почетным полярником, членом Союза писателей СССР и России, почетным членом Русского географического общества. А главное – инициатором одного из важнейших географических открытий второй половины XX века – открытия самого большого антарктического подледникового озера Восток.

Автор пионерских научных работ и открытий, отдавший науке более полувека, он сорок восемь лет проработал в Институте географии РАН.

В 2008 г. Игоря Алексеевича фактически избрали академиком РАН – за него проголосовали две трети академиков секции географии. Но две трети голосов получили две кандидатуры – большая редкость, а единица была одна. Раньше в таких случаях выделяли дополнительную единицу. Теперь, когда наука финансируется по остаточному принципу, Игорь Алексеевич стал академиком «без портфеля».

В 2010 г. в серии «Международный полярный год. Мемуары» издательства «Парусен» вышла книга его воспоминаний «Зимние солдаты» и многое прояснила в удивительной судьбе этого выдающегося и разносторонне одаренного человека и ученого.

Предки его, о которых он слышал от отца, происходили от путешественников-поморов с Мезени. Находясь в полной зависимости не только от своего умения, но и от воли волн и штормов, особенно хорошо чувствуешь, что жизнь твоя целиком и

Рисунок А.Д. Арманда.

Курсант-летчик Первого московского аэроклуба.

полностью в руках божьих находится – от того так много поклонных крестов поставлено было на суровых берегах Белого моря. Может быть и поэтому, переселившись вглубь России, в ее центрально-черноземные земли, потомки тех поморов стали служителями православной церкви. Дед Игоря Алексеевича – Василий Дмитриевич Зотиков – священствовал в Козлове, ныне Мичуринске, даже после революции оставшись верным своему служению. А отец – Алексей Васильевич, столкнувшись в семинарии с неправедным руководством, разочаровался в церкви и пошел в революционеры. Правда, жизнь вовремя подкорректировала его возможную карьеру коммуниста. В гражданскую войну только счастливое стеченье обстоятельств спасло его от расстрела по приговору военного трибунала. Так членом партии он быть перестал и сделал все необходимое, чтобы о его непролетарском происхождении узнать было невозможно. А неплохое образование, полученное в семинарии, и лозунг времени «учиться, учиться и учиться» привели Алексея Васильевича в науку. Начав с учебы в Тимирязевской сельскохозяйственной академии, он стал старшим научным сотрудником сельскохозяйственного отдела Политехнического музея.

Мама Игоря Алексеевича – Наталия Ивановна Суханова – родилась в Воронежской области, но и ее фамилия встречается среди жителей Мезени. Она, окончив тот же вуз, что и Алексей Васильевич, преподавала в школе химию. Там же учились два ее сына. Старший, Игорь, стал ученым, путешественником, писателем,

Зимовка на Мак-Мёрдо. Подготовка бурильного оборудования, 1965 г.

художником и, в результате, членом-корреспондентом РАН; младший, Женя, – ученым-исследователем и академиком Академии медицинских наук. Так получилось, во многом, благодаря стараниям родителей и бывшей попадьи – Бабуси, как называл ее маленький Игорек, – оставившей мужа, чтобы поддержать сына. В Москве они жили очень небогато, если не сказать бедно, в коммуналке неблагополучной в криминальном отношении Марьиной рощи. И для мальчика героями были, наряду с летчиками, дворовая шпана и голубятники. Отца, носившего очки и шляпу, во дворе называли «гнилым интеллигентом» и «профессором кислых щей», и кем маленький Игорек точно не хотел быть, так это ученым.

Но когда старшеклассники, видимо, самоутверждаясь, брали второклашку, сына учили, за руку и за ногу и вывешивали за окно третьего этажа, душа уходила в пятки, а он думал о том, что вырастет и поедет в дальние страны, и увидит огромные деревья с досковидными корнями, как в старинной книге родителей «Жизнь растений», и еще много-много чудес. (Упомянутая книга до последних дней занимала почетное место на книжной полке Игоря Алексеевича, оставаясь любимой.) Примерно в классе третьем случилось важное открытие. Оказалось, что, если прочитать написанное в учебнике к уроку, можно получить «пятерку». А любимая Бабуся частенько повторяла: «Если все гули да гули, смотришь – и лапти обули». И, конечно, залы папиного Политехнического музея, посвященные покорителям морских и небесных просторов, и мамины книги из библиотеки потихоньку сделали свое дело.

Игорь начал бредить самолетами и мечтал стать авиаконструктором. После восьмого класса он поехал в пионерский лагерь инструктором авиамодельного кружка. Шар монгольфье, склеенный ребятами из тонкой бумаги под руководством начинающего авиатора, поднялся в воздух и перелетел футбольное поле, прежде чем упал, врезавшись в деревья на противоположной стороне. Это был настоящий успех – аплодисменты и буря восторга от участников праздника... А на следующий день началась Великая Отечественная война.

Игорь Алексеевич говорил иногда «для кого война – для кого мать родна» не просто так. Для него связанный с войной период взросления был очень важным. Во время эвакуации вглубь России и бесед с возчиком-«вредителем» он узнал, что «все городские – баре, живущие за счет соков крестьянина». Учиться пришлось вдали от семьи. А летом пошел работать на тракторе и при ремонте мотора осколком металла получил травму глаза. Глаз спасла операция в военном госпитале у профессора Филатова. Обычный мальчишка стал другим человеком. Он видел, как люди, которые были для него непрекаемым авторитетом, «давали слезу», или ломались, а он – смог, не сломался.

Однажды, в июле 1943 г. по дороге в МАИ, куда он тогда поступил, на площади Белорусского вокзала ему довелось увидеть прибытие поезда с ранеными солдатами. В те дни шла великая кровопролитная битва на Курской Дуге. Глаза одного из раненых поразили Игоря: «Это были веселые, почти радостные глаза человека, который совсем недавно испытал необыкновенное счастье, был поднят судьбой так высоко, что и сейчас продолжал ликововать, благодарный случаю...» По виду его, по изможденному лицу, на котором выделялись только излучающие ликованием победы глаза, ясно было, что сознание соучастия в великом деле сильнее физического страдания.

По мнению Игоря Алексеевича, именно с той встречи он всегда стремился испытать такое же ликование сопричастности к победе – над обстоятельствами, над собой. Хотя, скорее всего, желание быть там, где вершатся важные, пусть и трудные дела, – это результат личных, с детства присущих ему качеств. Ведь уже в шесть лет он мечтал стать летчиком, чтобы, когда самолет разобьется, на могиле поставили памятник с пропеллером и прекрасные женщины, похожие на его любимую Бабусю, восхищались его подвигом.

Во время учебы в вузе занимался альпинизмом, тренировался в барокамере Первого медицинского института, готовясь к полетам в стратосферу. Перетренировался, завалил сессию. Отсутствие стипендии пришлось восполнять ночными разгрузками вагонов на Рижской-Товарной. По сравнению с этой работой альпинизм показался просто игрой богатых баловней судьбы. Большой удачей было то, что его приняли в летное училище. В 1949 г. он окончил Московский авиационный институт и одновременно с дипломом инженера получил пилотское свидетельство.

Его распределили в ОКБ А.М. Люльки – изобретателя первого в СССР реактивного газотурбинного двигателя. На протяжении трех лет Игорь Алексеевич работал над проблемами переноса тепла и термодинамики при разработке реактивных двигателей и два лета занимался в спортивной школе альпинистов. А в 1954 г. поступил в аспирантуру Энергетического института АН СССР. Изучал проблему входа в плотные слои атмосферы советских баллистических ракет. Первым провел эксперименты по изучению разрушения тел в горячем сверхзвуковом потоке. В зем-

ных условиях получил характерные для метеоритов регмаглипты (волнистые) поверхности оплавления (1954–1957), аналог которым он обнаружил через много лет у нижних поверхностей тающих в морской воде айсбергов. В 1957 г. он защищил кандидатскую.

Когда начался Международный геофизический год, идея поехать в Антарктиду на самый большой ледник на Земле и посмотреть мир за пределами СССР заставила Зотикова подать заявление с просьбой взять его в экспедицию теплофизиком. Так в составе гляциологического отряда IV Комплексной антарктической экспедиции состоялась первая в его жизни зимовка в Антарктиде. Его «бур» вышел из строя на глубине 50 м, не оправдав надежду пройти всю толщу льда простым протаиванием в течение двух-трех лет. Но Зотикову удалось показать (1962–1963), что в центральной, наиболее холодной части ледникового покрова Антарктиды идет непрерывное таяние льда снизу, у ложа, что у дна ледника могут быть озера, и предположить, что в них может существовать жизнь. Игорь Алексеевич стал гляциологом и решил связать свое будущее с изучением Антарктиды.

Главным, выдающимся достижением И.А. Зотикова является его теоретическая и практическая работа в Антарктиде, охватывающая период от Международного геофизического года (1957–1958) до Международного полярного года (2007–2008) и практически до последних дней. Он стал инициатором и основным участником в осуществлении выдающегося географического открытия XX века – открытия гигантского подледникового озера Восток в Антарктиде (1987–1996).

В составе Антарктической экспедиции США Игорь Алексеевич был начальником американско-новозеландско-советской выносной станции на озере Ванда в Сухих Долинах Земли Виктории, осуществив первое посещение людьми этой области Антарктиды во время южнополярной зимы, и первым показал, что температура воды у дна всегда покрытого льдом озера равна +25 °C даже в конце зимы (1965).

Открытие подледникового таяния и существования подледниковых озер стало главной причиной теоретического порядка, позволившей отклонить Международный проект размещения и сохранения радиоактивных отходов на дне ледникового покрова Антарктиды, серьезно рассматривавшийся в 1970–1976 гг.; а также использовалось при расчете возможности существования озер под ледяными шапками Марса (1983–1995).

В 2003 г. в Калининграде Зотиков высказал и обосновал идею использования атомных подводных лодок для исследования морей-пещер под шельфовыми ледниками Антарктиды.

Игорь Алексеевич – создатель теплофизической гляциологии – плодотворного научного направления в гляциологии, основанного на применении теплофизики и гидродинамики к изучению ледников Земли. Им на английском языке написана первая в мире книга об истории открытия подледникового озера Восток, закрепившая приоритет российских ученых и автора в открытии и исследовании этого удивительного феномена Земли (2006). Отличительной особенностью работ Игоря Алексеевича является то, что они всегда открывали будущие направления развития науки.

Научная работа И.А. Зотикова в Антарктиде отмечена правительственными наградами – двумя орденами «Знак почета» и медалью правительства США «За службу

в Антарктике». Бюро географических наименований США назвало его именем один из ледников Антарктиды.

При этом нельзя сказать, что жизненные обстоятельства всегда благоприятствовали научной карьере Игоря Алексеевича. Это сегодня вода под ледником щитом Антарктиды – аксиома. А ведь на доказательство этого надо было потратить десятки лет. В 1964 г. Андрей Капица на «Харьковчанках» прошел над озером Восток, не подозревая о нем, и с помощью сейсмографов получил отражение от dna ледника. Отражений оказалось два. Капица истолковал верхнюю линию как отражение от границы «лед – подстилающие породы», а нижнюю – как отражение от осадочного слоя. Но о воде и, тем более, о полном воды озере – ни слова. И такая трактовка на десятилетия отодвинула открытие озера, пока не была пересмотрена автором под давлением новых данных.

Когда Зотикову пришло время защищать докторскую, ее главное утверждение, что в центральной части Антарктиды подо льдом есть вода и озера, профессор Шумский, крупнейший гляциолог того времени, написал отрицательный отзыв на двадцати шести страницах. «Спасла» докторскую телеграмма американцев, сообщавшая, что на станции Берд на границе льда и коренных пород обнаружена вода. Иначе в мае 1968-го г. Ученый совет АА НИИ не присудил бы Зотикову докторскую степень...

Руководящие товарищи постоянно одергивали: «Рано! Рано! Рано! Куда ты рвешься? Подожди – успеешь!» Он, конечно, не возражал им, а сам все равно гнул свою линию... Не торопясь, потихоньку, шаг за шагом, каждую свободную минуту. И наступал момент, когда те же люди говорили: «Поздно! Поздно! Поздно!..» А дело уже было сделано, вопреки их советам. Поэтому – работай, твори, если чувствуешь внутреннюю потребность. Ведь время не вернешь, оно неумолимо...

Особенно хорошо он почувствовал необратимость времени, когда преградой для работы стала онкология – меланома. Жизнь, представлявшаяся вечной, оказалось, может закончиться очень быстро. Но вместо паники и депрессии Игорь Алексеевич «начал жить активнее и... даже веселее. Жалеть не о чем – прожил жизнь, которой бы хватило и на десятерых...» Хотелось только, чтобы не пропали накопившиеся мысли и впечатления, и сел за рассказ, написал страниц двадцать и, с замиранием сердца, отвез в журнал «Вокруг света». А за три дня до вылета на шельфовый ледник Росса пришлось сделать срочную операцию в онкоцентре на Каширке, так что швы снимали уже в госпитале Мак-Мердо. Зато экспедиция удалась. Американцы за год до этого, несмотря на свое миллионное оборудование, не смогли пройти ледник. А наш Зот со своей командой с помощью бурового устройства, сделанного его другом Валентином Моревым «на коленках, из велосипедных цепей», смог! Удалось получить со dna четырехметрового ледника до сих пор остающийся единственным в мире ледовый керн границы «ледник – море Росса» со знаменитыми зотиковскими регмаглиптами. Американский адмирал, обнимая Зотикова за плечи, сказал, что, будь он не из СССР, об этом достижении писали бы все газеты мира.

Игорь Алексеевич всегда вел дневник, прочитав когда-то, что для юнги английского корабля ведение дневника было делом обязательным. Описания морских путешествий создали Англии имидж хозяйки морей. Ведь, что не описано на бумаге, того словно и не было на деле. И, когда удачная операция позволила ему выйти из больницы здоровым и с чувством, что «обманул всех», в свет начали выходить его

Выставка в галерее на Песчаной, 2009 г.

рассказы и книги, не только научные. О работе, о путешествиях и встреченных людях, о родных и заморских берегах. В 1984 г. – «За разгадкой тайн ледяного континента» и «Я искал не птицу киви».

Интересно, что, когда заканчивалась командировка в Америку, связанная с необходимостью изучения керна, добытого командой Зотикова на шельфовом леднике Росса, встретился человек, который начал уговаривать остаться в Америке, рассказывая, что научит, как сделать так, чтобы и семья потом перебралась к нему. Предложение звучало заманчиво, но в СССР должна была выйти в свет книжка «Я искал не птицу киви», и набор мог быть рассыпан. Это решило дело. Выход книжки оказался важнее.

Не удалось бы посмотреть смерти в глаза так близко, возможно, он и членкором бы не стал. Работал бы, никуда не торопясь. Хотя, членкором ему, наверное, суждено было стать. Вмешалась судьба. Решая, подавать документы на звание или поехать в экспедицию в Китай, выбрал, ясное дело, Китай. Но там его укусила какая-то «муха цеце» (условное название насекомого), начались галлюцинации, поднялась температура. В результате – госпиталь и возвращение домой как раз к выборам. Когда сделал положенный шестиминутный доклад, сразу возникло ощущение – попал. И, правда, выбрали.

В 1989 г. в «Советском писателе» удалось издать «Пикник на Аппалачской тропе» о работе с американцами, а на средства спонсоров в «Радуге» – перевод книги Халиля Джебрана «Пророк». И в 1990 г. И.А. Зотикова приняли в члены Союза писателей СССР.

В 1994 г. состоялась продолжительная и счастливая командировка в Японию. Но, оказывается, неслучайно, при всей радости общения с этой страной, преследо-

вало чувство непонятной тревоги, опасности. Как сказал при встрече по поводу написанной об этом путешествии книги «Японская сестра. Книга о Японии» (1999) зав. кафедрой японского языка и литературы Института стран Азии и Африки МГУ, посещение Японии опасно обострением проблем каких-то, даже не проявлявшихся ранее, тонких мест организма. Во всяком случае, у Игоря Алексеевича после возвращения домой случился инсульт. Восстановление шло медленно. Когда смог выходить на улицу, была поздняя осень. Особенно удивляли и радовали белые шарики цветов на маленьких кустиках, и мечталось посадить такие на даче, если удастся поправиться.

Удалось, но кустики не посадил. Лечиться приходилось теперь регулярно. Вот во время такого планового лечебного курса в ЦКБ РАН в Узком в феврале 1998 г. мы с Игорем Алексеевичем и познакомились. Я закончила физический факультет Воронежского университета, а потом аспирантуру Института физической химии РАН, где и работала в то время научным сотрудником. Можно сказать, что нас познакомил перевод «Пророка», который произвел на меня необыкновенно сильное впечатление. Но, точнее, Севьян Израилевич Вайнштейн – ученый-этнограф с мировым именем и друг моей семьи. Когда мы все вместе пили чай, Игорь Алексеевич рассказал историю появления «Пророка» в его переводе. И пожаловался, что книгу о Японии издать не получается, потому что в «Новом мире», где он планиро-

Последняя книга.

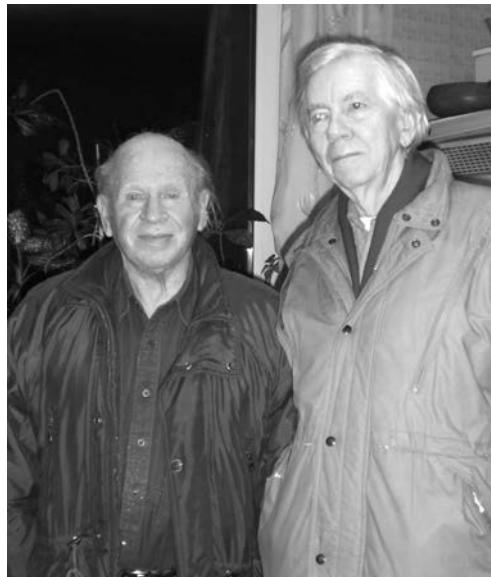
вал издание, ему сказали, что автор не знает русского языка и учить его бесполезно. При всем желании поверить такому утверждению, подержав в руках «Пророка», было невозможно. Я попросила рукопись почитать, подозревая, что дело в стилистике. Ведь писалась книга в Японии, где говорить и думать приходилось на английском. Так и оказалось. А поскольку у меня был компьютер, я взялась отредактировать и представить книгу в электронной форме. Вообще, Игорь Алексеевич и как человек, и как ученый, и как писатель показался мне личностью уникальной. Когда была в Ленинке, я сравнила его «Пророка» с профессиональным переводом и пришла к выводу, что он этот перевод превзошел. А его «Тепловой режим ледникового покрова Антарктиды» по умению захватывающе интересно подать научный материал напомнил «Лекции по физике» Фейнмана. Поэтому неудивительно, что наше сотрудничество состоялось, когда и его моя квалификация не разочаровала.

Мы вместе работали, начиная с «Японской сестры» (1999), над изданием его книг: «Саги полярных морей» (2002), «The Antarctic Subglacial Lake Vostok» (2006), «Антарктида. Дорога к озеру Восток» (2008), «Антарктическое подледниковое озеро Восток» (2010), «Зимние солдаты» (2010), а также по грантам РФФИ. Ему требовалась техническая и творческая поддержка, но, в отличие от советских времен, в наше время члену-корреспонденту не только лаборатория, даже машинистка не полагается. И тем поразительнее, как много Игорь Алексеевич успел, даже будучи не особенно здоровым человеком.

Возникло непреодолимое желание рисовать, и он купил шесть масляных красок и холст. Когда близкие, жена и сын, легли спать, поставил на стол отцветший цикламен, взялся за кисть. Утром, проснувшись, они увидели первую картину (1977 г.) Игоря Алексеевича. Мольберт и краски он брал во все экспедиции, потому что даже на антарктическом морозе писал только с натуры. Чувствовал, что иначе не уловить главного в увиденном. Частенько довольствовался только ручкой и бумагой.

И.А. Зотиков популяризатор науки в лучшем смысле этого слова. Его блестящие научно-художественные книги, проиллюстрированные репродукциями его рисунков и картин, выполненных во время путешествий, и сегодня восхищают читателя и интересны как детям, так и взрослым.

Он – художник со стажем. Выставки его проходили в Доме художников на Кузнецком мосту, в галереях и художественных школах. Профессионалы говорили о нем как о потенциальном члене Союза художников СССР, если бы реже ездил в Антарктиду и чаще выставлялся. Он оставил после себя около сотни картин (не считая пропавших с выставок – уезжая в экспедиции, не успевал их забирать) и

С Роджером Барри в Москве, 2008 г.

большое количество рисунков, сделанных с натуры. В участниках Ассоциации художников-географов «Географика – геоживопись», членом которой он являлся, Игорь Алексеевич считал особенно ценным то, что каждый из них любитель – сначала географ и только потом художник: «...душа наша не поставлена в жесткие рамки обучением: «надо так, а не иначе», а находится в положении души ребенка, который отражает то, что чувствует и видит непредвзято, искренне и своеобразно».

Пожалуй, умение, даже став большим ученым, сохранить в себе ежеминутно познающего мир ребенка и является отличительной особенностью этого яркого, незаурядного человека. Руководитель одной из его антарктических экспедиций Андрей Капица в разговоре с корреспондентом «Комсомольской правды» Василием Песковым в 1963 году назвал Игоря Зотикова «витамином для души».

Летом 2009 г., зная, что снова смертельно болен, Игорь Алексеевич поехал в свои любимые Миленки на реке Угра, работал там над рукописями «Зимних солдат» и переводом с английского «Антарктического подледникового озера Восток», написал маслом три картины. Две – «Река Угра. Место купания» (картон, масло, 35×50) – одинаковых и «Травы заливных лугов Угры» (картон, масло, 35×50). О Миленках он говорил, что хотел бы здесь жить и умереть. Вернувшись Москву, работал над подготовкой к изданию книг, написал картину «Кавказ. Пики МНР. Вспоминая траперс 3-Б» (холст, масло, 50×35). Эти картины выставлялись на Пятой юбилейной выставке художников-географов в «Галерее на Песчаной» в апреле 2010 г. и к 65-летию Победы в Великой Отечественной войне в ЦСО «Тропарево-Никулино» (с директором его он дружил) в мае того же года. В связи с 65-летием Победы и ко Дню социального работника он подарил каждому сотруднику этого центра по книге «Саги полярных морей».

22 апреля 2010 г. в интервью для журнала «Большой город» (опубликовано в мае 2010) Игорь Алексеевич говорил, что счастье для мужчины – суметь остаться простым мальчиком и при этом «достичь чего-то», и «в каждом мужчине должно быть желание совместить две несовместные вещи – остаться человеком и проверить себя на прочность». Среди летчиков, подводников, полярников, понимаешь, как важно и как интересно быть там, где сведено к минимуму прямое соперничество людей. Где или вместе, или не выжить, где нужно преодолевать себя и природные стихии.

В больнице, когда самочувствие позволяло, успевал обсудить отчет по гранту РФФИ о возможности подледниковых паводков антарктического озера Восток. Вернувшись домой, открыл компьютер, изучил присланные С.В. Поповым – основным исполнителем по гранту, к сегодняшнему дню ставшим уже доктором наук – данные и оценил его выводы, одобрав главные. Телефон Игоря Алексеевича замолчал только за месяц до ухода, когда болезнь и африканская жара, случившаяся тогда в Москве, забирали последние силы.

Он прекрасно пел, был гостеприимным человеком, для которого важно было накормить и напоить гостя как можно вкуснее. Любил готовить: засолить красную рыбку к празднику, запечь гуся или индейку, приготовить рагу из кролика, суп из морепродуктов или бычьих хвостов. А главное – «делай что должно, и будь, что будет», «никогда не сдавайся» – вот чем руководствовался в жизни Игорь Алексеевич. Конечно, ему не чужды были сомнения. Он говорил, что частенько

по утрам просыпался с мыслью: «живу не так... пора стреляться». Но слова В. Лугового из песни Г. Гладкова «Грусть напрасна, потому что жизнь прекрасна, // Если ты живешь и любишь, как в последний раз» – это об Игоре Алексеевиче. Он любил жизнь, любил людей, животных, музыку и поэзию, театр и рыбную ловлю... В его доме жили то кошка, то собака, то снова кошка; начал даже писать повесть о собаке полярника Гарде... Особенno его удивлял мир растений – на каждом подоконнике в доме стояли горшки с цветами. Невозможно обятье необъятное, но надо к этому стремиться – таким, наверное, было внутреннее чувство Игоря Алексеевича. Убедившись, что курение очень вредит нормальному самочувствию, бросил курить; алкоголь оставил в символическом варианте... Много лет был членом партии, правда, с диссидентским уклоном, но его всегда волновали вопросы веры. В 2004 г. в Боулдере он принял крещение в православной церкви. Вернувшись в Россию, соборовался, ходил к исповеди и причастию. Хоронили его по православному обряду.

Роджер Барри – почетный профессор географии в Университете Колорадо и член кооперативного института по исследованиям в области экологических наук так написал (27.08.2010) о своих чувствах, связанных с уходом И.А. Зотикова: «Нам с Эйлин (женой – Е.С.Р.) очень грустно услышать новость о смерти Игоря. Он был милым человеком, и другом, и отличным ученым. Я встретился с ним в 1979 году во время моего первого визита в Москву. Он побывал в Боулдере три раза, и я был очень рад, когда он получил стипендию Фулбрайта (в 2004 г.) и работал 8 месяцев в Боулдере. Мы многое сделали вместе, и он закончил книгу об озере Восток. Я был рад его видеть... в ноябре 2008 (в Москве) и вместе поужинать и посетить оперу. Я говорил с ним дважды, когда он был в больнице. Его будет очень не хватать...».

Сергей Викторович Попов – известный ученый-полярник, работавший с Игорем Алексеевичем по грантам РФФИ: «Со всей искренностью могу сказать, что это действительно большая и невосполнимая потеря и для тех, кто его знал, и для Института, и для науки. Он принадлежал к старой научной школе, к тому слову людей, которыми мы не перестанем гордиться. Это счастье, что Вам и мне довелось с ним вместе работать. У Игоря Алексеевича было чему поучиться, и мне жаль, что мы встретились и начали работать слишком поздно. Я никогда не забуду нашу с ним встречу в Питере в прошлом году, когда, заскочив на десять минут в его номер, я провел там больше трех часов, слушая и удивляясь уму, широте и глубине мышления, кругозору этого человека» (из письма, 24 августа 2010).

Да, нам всем, кому выпало счастье общения с Игорем Алексеевичем, будет его очень не хватать. Но нам повезло: он позаботился о том, чтобы после него остались его книги, научные и художественные, статьи и картины. И мы можем открыть эти книги и почитать или просто полистать, разглядывая репродукции картин, когда почему-то стало грустно, когда нужна поддержка и дружеское плечо рядом или когда хотим подготовиться к поездке в полярные области планеты, или в Японию, Америку, Новую Зеландию.

Воистину, на таких людях держится мир.

*Юрий Андреевич Исаков
(1912–1988)*

*Биолог, географ, д.б.н. (1963), профессор (1967).
В Институте в 1958–1988 гг.,
зав. отделом биогеографии (1963–1983)*

Ю.А. Исаков.

В 2012 году исполняется 100 лет со дня рождения Юрия Андреевича Исакова – выдающегося ученого-зоогеографа, эколога и орнитолога, крупного деятеля охраны природы и заповедного дела СССР и России, стоящего у истоков многих направлений теоретической и прикладной биогеографии. Он был доктором биологических наук, профессором, около 30 лет проработал в Институте географии РАН и долгие годы возглавлял отдел биогеографии.

Часто осенью, под 25 октября, в день смерти Ю.А. Исакова накатывает волна воспоминаний о нем, о человеке, который при жизни не думал о том, каким он запомнится коллегам, не заботился о том, чтобы произвести о себе хорошее впечатление. Жил, словно наверстыwał упущенное – писал статьи и книги, собирая коллег

на совещания, спешил высказаться по самым острым проблемам зоогеографии, экологии и орнитологии, хватался за любую возможность поехать за границу, чтобы повидать мир, хорошо ему известный по книгам.

У него в детстве – в 1920-х гг. в период его пребывания в КЮБЗЕ (Кружке юных биологов зоопарка) была кличка «Икс». Таким «мистером Икс» он и остался для большинства своих коллег до самой смерти – редко улыбающимся, несколько язвительным, недоверчивым, не терпящим бездарей, даже теряющимся, если рядом оказывался какой-нибудь малограмотный ученый. Он был руководителем моей диссертации, несмотря на то, что работа была чисто геоботанической. Мы – Миша Глазов и я – в начале 1970-х гг. стали его фактически последними учениками. Каково быть учеником человека, который на 20 лет был вычеркнут из жизни, сидел в лагере, работал на Беломорканале, потом скитался с семьей по стране – работал в Гассан-Кулийском, Астраханском и Дарвинском заповедниках и в Западной Сибири, только в 1944 г. завершил прерванное арестом обучение в Московском государственном университете. И в 1955 году вернулся в Москву и еще долгие 8 лет ждал реабилитации. В год, когда его реабилитировали в 1963 г. – он защитил докторскую диссертацию. А ведь его первые несколько монографий вышли в годы, когда он был в ссылке и не имел возможность получить высшее образование.

О Юрии Андреевиче я слышал от старых КЮБ-Зистов – Татьяны Николаевны Дунаевой, от зоолога, открывателя наскальной живописи Каповой пещеры Александра Владимировича Рюмина, профессоров В.В. Кучерука, В.И. Осмоловской, П.В. Матекина и А.П. Кузякина, а также от руководителя нашего кружка при МОИП Анны Петровны Разореновой ... Много раз видел его в Зоомузее МГУ и на заседаниях МОИП. Его седая слегка волнистая крупная шапка волос была заметна издалека. А манера говорить, абсолютно аристократический вид одних притягивал, а других отталкивал. Позже, уже в мои студенческие годы его имя постоянно упоминалось наряду с другими выдающимися зоологами. Он пользовался несомненным авторитетом у старшего поколения: Александр Николаевич Формозов пригласил его на свое место, возглавить отдел биогеографии в Институт географии; а директор Института – академик Иннокентий Петрович Герасимов даже с некоторым пietetом, внимательно слушал мнения Юрия Андреевича по самым разным вопросам. А о ровесниках и более молодых коллегах и говорить нечего – для них он оставался легендарным «мистером Икс». Например, для Л.Г. Динесмана, Р.П. Зиминой, А.М. Чельцова-Бебутова и И.А. Шилова, пришедших в КЮБЗ в год ареста Юрия Андреевича, или для Е.В. Карасевой, А.Д. Бернштейн, В.М. Смирнина, В.М. Гудкова, пришедших в кружок перед войной или во время войны (1943–1945 гг.).

Когда я еще мальчишкой зимой 1965 года после лаборантской работы на Курском стационаре у профессора Д.Л. Арманда и В.Д. Утехина появился в Институте, Александр Николаевич Формозов только передал бразды правления в отделе биогеографии в руки Ю.А. Исакова. Отдел был тогда скорее зоогеографический, так как ботаников было всего трое – О.С. Гребенщикова, Е.Л. Любимова и В.В. Барыкина. В.Д. Утехин, Л.Н. Соболев работали тогда в отделе физической географии, а палеогеографов еще в конце 1959 г. перевели в отдел геоморфологии. С появлением Ю.А. Исакова в Институте связывали большие надежды по укреплению отдела биогеографии. В те годы там работали, стоявшие у истоков отдела ученицы А.Н. Формозова – К.С. Ходашова и Р.П. Зимина, выдающиеся зоологи и специалисты в области заповедного дела – С.В. Кириков и А.А. Насимович, делали свои первые шаги в науке молодые Д.В. Панфилов, В.С. Залетаев, Е.Е. Сыроечковский, Н.С. Казанская, Р.И. Злотин, О.Н. Шубникова. Сам А.Н. Формозов с приходом Юрия Андреевича чаще стал ездить в свои любимые костромские леса, больше стал писать популярных заметок о природе, рисовать акварели. Неоднократно я слышал из комнаты № 9 на втором этаже Института свист синицы и пеночки – это Александр Николаевич, забывшись, оседлав стул, как пенек посреди поляны, рассказывал о наблюдениях в Шарье в Костромской области. Юрий Андреевич с подчеркнутым пietetом относился к Формозову, которого знал с 1920-х годов еще по зоопарку и, по-видимому, считал себя обязанным ему за приглашение в Институт, но внешне это почти не проявлялось.

Рисунок А.Д. Арманда.

Единственный случай, когда он проявил при мне резкость характера в полной мере, был не похож сам на себя, т.е. несдержан, связан с осуждением В.К. Рахилина, приглашенного И.П. Герасимовым из Владивостока на должность ученого секретаря Института. Тот, не разобравшись в ситуации, необдуманно, без обсуждения с Исаковым, фактически сократил ставку консультанта А.Н. Формозова.

В эту осень, моим рабочим местом стал стол Александра Николаевича. У нас в комнате № 9 напротив дирекции стояло 9 столов – за каждым по 2–3 человека. Я приходил на работу каждый день, а он 1–2 раза в неделю. Мы слушали его интересные рассказы, советовались, обсуждали планы наших таежных поездок. Уж кто-то, а Формозов здесь мог подсказать многое. Но известие о сокращении стало для него убийственным, и я был свидетелем, как немощь пришла в тело человека, которого отстранили от любимого дела, от своего детища. Исаков был как никогда резок. В.К. Рахилину: «Вон! Вон из отдела, чтобы духа здесь не было! – Показал мне какую-то его публикацию в «Орнитологии», как пример безграмотности. – И его еще нам сватают! Вон!»

А.Н. Формозова через некоторое время хоронили. Помню похороны на Новодевичьем, было холодно. На сотрудниках отдела лежала печать вины за то, что не уберегли от равнодушия. И Юрий Андреевич, казалось, тоже чувствовал эту вину. На надгробии А.Н. Формозова позже появился белый горностай – символ, отражающий благородство выдающегося зоогеографа и эколога, создателя и первого заведующего отделом биогеографии. Вторым, не в смысле по значимости, а скорее перехватившим эстафету, был Ю.А. Исаков.

Нельзя сказать, что Ю.А. очень любили коллеги. Скорее наоборот – его несколько сторонились, старались не попадаться под острый язык. Большую часть времени он оставался сосредоточенным, немногословным, иногда даже сумрачным. Оживал, когда беседовал с приятным и умным человеком. Со слов тех, кто оказывался с ним рядом вне Москвы – был приятен в поле, в командировке, на конференции, в заграничной поездке. Трудно было понять в некоторых случаях его отношение к собеседнику, к предмету обсуждения, рассматриваемой работе. В своих суждениях часто был он резок, иногда, на мой взгляд, необоснованно. Только зная его судьбу можно понять – откуда все это.

Мне посчастливилось не только сравнительно долгий отрезок своей жизни работать под его руководством и защитить кандидатскую диссертацию, но и написать в соавторстве с ним несколько статей и монографию (1986), участвовать в организации конференций, поработать в поле. В общем – ежедневно последние 15 лет его жизни общаться по разному поводу и без повода, что само по себе для понимания человека очень полезно, а также говорить, дискутировать. Каждая дискуссия становилась для нас, молодых ученых праздником знаний – сразу хотелось забиться в библиотеку, схватить книги по теме и собирать аргументы «за» или «против». До сих пор у меня хранятся конспекты «по мотивам» наших бесед о роли водохранилищ, о естественных классификациях экосистем, о происхождении степей и их фауны, о динамике ландшафтов. Что-то удалось опубликовать (например, нашу вошедшую в учебники классификацию форм динамики экосистем), что-то ждет своего часа.

Энциклопедические, и не только книжные знания помогали ему убеждать оппонентов в дискуссии. Это он делал мастерски и настолько интересно, что даже такой

полемист как Д.В. Панфилов часто оказывался поверженным и уходил от своих выдающихся идей, забрасывал интересные разработки и начинал заново исследования. Умение убеждать помогало Ю.А. Исакову в его научно-организационной работе, в которой он преуспел как никто среди коллег – орнитологов и биогеографов. Организация десятков крупных совещаний по зоогеографии, средообразующей роли животных, по изучению фауны птиц СССР, кадастру водоплавающих птиц и охране водно-болотных угодий, заповедному делу. Участие в работе международных организаций (Рамсарской конвенции, Международном бюро по изучению водоплавающих, Международном орнитологическом комитете), крупные проекты – подготовка новой многотомной монографии «Птицы СССР», обобщение итогов комплексных исследований влияния Рыбинского водохранилища на природу региона и др. – трудно представить, но это оказалось под силу типичному академическому ученому. Но, правда, с хорошей гулаговской закваской.

Лет десять после смерти Юрия Андреевича шли ему письма со всего мира. Его приглашали на конференции, просили прислать книги и оттиски, советовались при создании новых охраняемых территорий. Непрекаемый авторитет в исследованиях водно-болотных угодий, водоплавающих птиц и их миграций был оправданно высоким. Это во многом его усилиями была подготовлена и принята одна из первых международных конвенций в области охраны живой природы – Конвенция о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение, главным образом в качестве местообитания водоплавающих птиц (Рамсарская конвенция, 1971). Он встречался с шахом Ирана, агитировал своих зарубежных коллег за то, что дело сохранения мигрирующих птиц – общее, а сохранять птиц надо на всем пути их ежегодных перелетов. Вспоминаю свои беседы об Исакове со старыми сотрудниками Астраханского, Дарвинского и Черноморского заповедников. Оказывается, вдали от Москвы Ю.А. преображался, становился мягче и доброжелательнее. И это понятно, Москва в 1934 г. сломала его жизнь, а эти люди, с которыми он работал все годы ссылки, помогали ему, как могли, по сути – спасали его. Он был им очень обязан и подчеркивал это.

У всех наших «отдельских стариков» – С.В. Кирикова, А.Н. Формозова, А.А. Насимовича, К.С. Ходашовой, Р.П. Зиминой и О.С. Гребенщикова и в манере ежедневного общения, и в отношениях, и в разговорах, что называется «за глаза», ощущалось почтение и признание за Ю.А. роли лидера. Редкий случай, но, как подчеркивал А.А. Насимович, авторитет Юрий Андреевич заработал, прежде всего, ставшими классическими работами в заповедниках, сочетающими глубокие знания отечественной и зарубежной литературы, блестящим аналитическим умом и богатейшей практикой полевой работы. Ну и, конечно, тем, что эти же качества ценил в коллегах и всячески поддерживал их.

Характер Ю.А. я почувствовал в первый же день после распределения на работу в Институт географии. Прибежав к десяти утра в Институт, боясь опоздать, у двери в отдел биогеографии я застал Мишу Вайсфельда и Наташу Ратникову. Они обсуждали экспедицию по заповедникам, в которой обоим предстояло участвовать. Я прошел в кабинет зам. директора С.В. Зонна и положил перед ним направление в Институт и другие документы, объяснив, что диплом выдадут в июле, а мне надо уезжать в экспедицию на Таймыр, и ждать я не могу. С.В. Зонн заметил, что если

так, то можно и отказаться от распределения. Мол, найдете другую организацию, где Вас отпустят в экспедицию, и будут ждать, когда вы вернетесь и приступите к работе. Достаточно только письма от этой организации, что они готовы вас принять. В сердцах еду к Савве Михайловичу Успенскому, пишу там заявление с просьбой о приеме на работу во ВНИИ охраны природы и заезжаю в Президиум АН СССР на Ленинский 14, где в отделе распределения мне делают пометку, что согласны с перераспределением. К концу дня возвращаюсь в Институт географии к Зонну, а тот посыпает к Ю.А. Исакову с тем, чтобы на заявлении с отказом от распределения он написал свое согласие. Иду в отдел, но Исаков достаточно резко мне заявляет, что никакой бумаги он не подпишет. «Раз Вы распределитесь в отдел биогеографии – извольте здесь и работать!». И судьба моя была решена. Говорю Ю.А.: «Раз не пускаете на Таймыр, то посыпайте в какую-нибудь экспедицию. Только, чтоб сразу, можно даже завтра». Ну, завтра – не завтра, а через 3 дня я оказался в экспедиции по заповедникам Европейской части России, поработал за один год в Киваче, Башкирском, Жигулевском, Лапландском, Кандалакшском, Печоро-Ильческом и других заповедниках, сдружился, спелся, сработался с замечательными учеными – почвоведами, ландшафтологами, гидрологами, климатологами. Сблизился и с Исаковым, и с Насимовичем и Кириковым. Стал быстро своим в отделе.

Жизнь пошла своим чередом. Ю.А. Исаков поддержал мою идею заниматься географией сукцессий и ролью в них животных-фитофагов. Ему понравился мой обзор, вышедший в «Вопросах териологии» о роли растительноядных животных в экосистемах тундр. Был он написан в духе работы отдела в период проведения всесоюзных совещаний по средообразующей роли животных, организованных отделом биогеографии в 1960-х годах. Им всячески поощрялись наши с М.В. Глазовым работы на Валдае. Это выражалось в том, что ежегодно, несмотря ни на что, Таежный отряд получал и деньги на экспедицию, и машину. С нами на Валдай отпускали фактически весь инженерно-лаборантский коллектив отдела. Надежда была на то, что в тайге сберется сопоставимый с Курским полевым стационаром по объему и разнообразию материала по структуре и функционированию зональных экосистем.

В 1980 г. вышла в издательстве «Наука» книга Ю.А. Исакова, Д.В. Панфилова и Н.С. Казанской «Классификация, география и антропогенная трансформация экосистем». Книга – манифест, старт развитию нового направления в биогеографии, экологической географии – «географии экосистем». Она открыла цикл публикаций отдела биогеографии по сравнительно-географическому анализу структуры, функционирования и динамики экосистем. То, что экосистема, а не ландшафт, стали основным объектом биогеографов, не вызвало возражений ни академика И.П. Герасимов, ни ведущих физикогеографов Института. Такая незримая идеологическая поддержка взбодрила Юрия Андреевича, и он задумал серию монографических публикаций, в которых себя видел в качестве соавтора и редактора. Об этом я пишу с полной ответственностью, так как помню обсуждения этих изданий, планирование полевых исследований по зональному градиенту, попытки обобщения материалов заповедников, расположенных в разных природных зонах. Долго сохранялись даже рукописные предложения по содержанию будущих книг.

В 1982 г. отдел биогеографии отметил 70-летие Юрия Андреевича. Мы написали статью для «Известий АН СССР. Серия географическая», в которой все-таки

косвенно упомянули непростую судьбу юбиляра. Я помню, даже обнаружил странные публикации Юрия Андреевича по звероводству в Карелии, подготовленные им в период работы на Беломорканале. В 1983 г. начали готовить всесоюзную конференцию по географии экосистем. Д.В. Панфилов и Ю.А. Исаков были не только идеологами этого нового направления, но и мобилизовали всех, кто придерживался этой сравнительно новой идеологии, которую можно образно назвать «географией процессов». То, что тогда получилось, в том числе замечательная «программная» книга материалов совещания «Современные проблемы географии экосистем» (1984) – удача Юрия Андреевича и, фактически, начало новой биогеографии, своеобразный подарок к юбилею.

После конференции он собрал нас с Н.С. Казанской и предложил обобщить публикации последних лет в книгу по географии динамики экосистем. Мне досталась природная динамика. Наташе – антропогенная. Классификацию форм динамики мы решили подготовить вместе, а исследования динамики экосистем на базе заповедников Ю.А. готовил сам. Когда пришло время сдавать рукопись, у меня все было готово, вплоть до рисунков и списка литературы. Наташа Казанская принесла рукопись, с которой Исаков работал месяца два, его же материалов сначала не было. Редактор издательства тогда сидела у нас на Старомонетном и работала с рукописью по мере поступления материалов. Исаков принес свои куски, чисто отпечатанные и фактически готовые в последний момент. Все сладилось сравнительно быстро, и книга (Исаков, Казанская, Тишков, 1986) вышла почти в срок (на год позже), но все же практически в одно время с нашей второй монографией (Базилевич, Гребенщиков, Тишков, 1986), к которой как редактор Исаков приложил также много стараний. Так как О.С. Гребенщиков к тому времени умер, Юрий Андреевич доводил его материалы до публикации (например, ему и Д.В. Панфилову принадлежит система группирования экосистем по классам – у Олега Сергеевича этого в тексте не было).

Кто придумал «Летопись природы»? Этот вопрос даже патриархи заповедного дела нашей страны определенно решали в пользу А.Н. Формозова. Причем была и соответствующая его публикация (Формозов, 1962), где говорилось об особой ценности непрерывных наблюдений по Летописи природы. Мол, тот незадолго до войны предложил Комиссии по заповедникам систематизировать наблюдения за состоянием природных комплексов заповедников в специальном документе. Он же, как это написал сам Ю.А. Исаков, и предложил название этого документа «Летопись природы». Когда же заканчивалась подготовка рукописи нашей монографии «Зональные закономерности динамики экосистем» (1986) где-то зимой 1982 года, Юрий Андреевич неожиданно, вне принятого ранее содержания книги, принес черновой вариант главы «Методические вопросы исследований динамики экосистем и их согласование с задачами геосистемного мониторинга». В этом же году в № 4 «Известий РАН. Серия географическая» была опубликована его статья на эту тему.

На мой вопрос, как это сочетается с задачами книги, он ответил, что именно из многолетних рядов наблюдений и рождаются документированные описания сукцессий, дается характеристика природной и антропогенной изменчивости экосистем. И тут же рассказал историю о том, что его натолкнуло в 1939–1940-х годах к мысли о необходимости рекомендовать всем заповедникам вести подобный унифицированный документ наблюдений. Его дед и отец были заядлыми охотниками и

в течение десятилетий записывали все свои трофеи, параллельно фиксируя сроки, погодные условия, место и характер охоты. Из этих записей складывались сводки по динамике численности дичи в районе охоты, породном составе добытых птиц и зверей, связи активности промысловой фауны с климатическими условиями и пр. Об этом он рассказал А.Н. Формозову, посетившему его в Астраханском заповеднике. Они очень долго обсуждали эту идею. Потом, вернувшись в Москву, А.Н. Формозов успел даже сделать сообщение в Комиссии по заповедникам, а потом война «отложила» это дело почти на пять лет. Косвенно причастность Ю.А. Исакова к программе Летописи природы в заповедниках подтвердили А.А. Насимович, который в те годы работал в Комиссии по заповедникам, а также С.В. Кириков, который однозначно воспринимал программу Летописи природы как детище Исакова и Формозова и реализовывал ее в Башкирском заповеднике.

У меня нет сомнений, что еще многое вспомнится и напишется о Юрии Андреевиче. Перед его смертью я был у него дома на Фестивальной улице, и меня поразило не только обилие книг, которые лежали везде и в только одному ему понятном порядке, но и невероятный аскетизм жизни этого выдающегося ученого. На письменном столе стоял запыленный аквариум с высохшими растениями как символ того, что жизнь, выбранная хозяином этой квартиры, многое приносит в жертву.

До сих пор полного жизнеописания Ю.А. Исакова нет. Знаю, что есть потребность написать о нем как о деятеле заповедного дела в России, как об одном из выдающихся специалистов в области охраны живой природы. Но для меня он был и остается учителем, ученым, который всегда на равных с выпускником университета мог обсуждать фундаментальные проблемы науки, писать статьи и книги, планировать исследования. И в этом был стиль, в этом была изюминка воспитания и образования юных исследователей, передача эстафеты из далекого далека дерево-люционной российской науки в нашу советскую действительность. Что-то нашим учителям в этом удалось. За это им огромное спасибо.

*Инга Вениаминовна Канцебовская
(1931–2011)*

*Экономикогеограф.
В Институте в 1966–1995 гг.*

Т.Г. Рунова

Наша Инга

В 1960–1990-е годы Ингу Вениаминовну Канцебовскую в Институте географии знали практически все, кто работал в орбите его «главного здания». Благодаря ее «многовалентности», как называл это свойство Инги наш бывший заведующий А.А. Минц, в широкий круг ее многолетнего дружеского общения входили давние зна-

комые по школе, университету, институтам Гидроэнергопроекту и Гипрогору, где она работала до ИГ АН СССР, коллеги по работе со странами бывшего СЭВа, личные и семейные друзья.

Уникальная притягательная сила Инги Канцеровской состояла не столько в ее «учености» (хотя она была, безусловно, талантлива и в этом – например, широко известны ее коэффициент урбанизированности и другие методические новшества), сколько в удивительно трезвом умном взгляде на жизнь и на те сложные ситуации, которые эта жизнь нам постоянно подкидывала, и в том мужестве, с которым она сама их преодолевала. И личное поведение, и готовность оказать содействие каждому из своих друзей конкретным деловым советом и реальной помощью делали Ингу явным центром общего нашего притяжения.

В жизни Института эти ее качества и недюжинные организаторские способности проявились в том, что, не занимая высоких должностей, она быстро и почти автоматически становилась «оргцентром» подготовки и проведения тех конференций, семинаров, экспедиций, научных сборников, мероприятий международного сотрудничества, в которых ей часто приходилось участвовать. Назову хотя бы участие в организации работы секций XXIII Международного географического конгресса, семинаров, трудов и отчетов по экологическому сотрудничеству семи стран Восточной Европы (стран СЭВа).

Инга никогда не гналась за званиями и должностями, даже не стала защищать кандидатскую диссертацию, хотя имела весомый научный потенциал. Она участвовала в подготовке таких общественно значимых разработок, как зонирование Севера для определения повышающих коэффициентов к заработным платам, определение продовольственного потенциала Русской равнины, обоснование границы СССР и Китая, методика оценки воздействия человека на окружающую среду, проектирование ряда городов и гидроэлектростанций Сибири и других изысканиях. Она охотно давала дальние советы аспирантам и докторантам, молодым и вполне зрелым коллегам.

Хочется отметить, что, имея множество друзей и общую благожелательную настроенность, наша Инга отнюдь не была «добренькой тетушкой для всех». Она четко определяла для себя круг людей, для нее неприемлемых по тем или иным качествам, и не стеснялась, иногда и нелицеприятно, высказывать свое мнение, от чего некоторые поеживались. В частности, она не терпела лживость и ксенофобию, а также «дуготь» научных авторитетов.

До самых последних дней жизни она сохранила жизнелюбие, жизненную стойкость, общительность, желание и способность любому из своих друзей дать добрый совет. Поздравляя 30 декабря Ингу с наступающим 2011 годом, когда она, по сути, уже слегла (она ушла от нас 3 января), я спросила ее о самочувствии и получила ответ: «Лежу и потихоньку подыхаю, трубка телефона лежит на ухе – держать ее тяжело, а разговоров много...» Так до конца своих дней она и была в общении с окружающим миром.

И.В. Канцеровская.

К портрету Инги Канцебовской

Рисунок А.Д. Арманд.

Последний раз я разговаривала с Ингой 31 декабря, мне и в голову не могло прийти, что ее не станет всего через три дня. В полуслутливой форме я тогда поздравила Ингу с тем, что методика определения уровня урбанизированности, предложенная ею в соавторстве с И. Зориным в начале 1970-х годов, не только оказалась работоспособной до сих пор, но и пригодной для российских территорий в новых социально-политических и экономических условиях. Ярким примером этого служит увиденная мною недавно статья А.Н. Выходцева, опубликованная два года назад в журнале «География и природные ресурсы» (№ 3, 2008) в которой рассчитан комплексный показатель уровня урбанизированности для 11 районов расселения Ханты-Мансийского округа. Инга с изрядной долей самоиронии,

обычно присущей умным людям, ответила, что вполне готова остаться в анналах географии.

Инге было 6 лет, когда она по воле сталинского режима осталась без обоих родителей. Ее воспитала тетя, дожившая до очень преклонных лет. И именно ей принадлежит фраза: «Преждевременная смерть мне уже не грозит», – которую мы вспоминали, когда речь ненароком заходила о здоровье.

Не так давно Инга поведала мне, что в одну из бессонных ночей, иногда случавшихся у пожилых людей, она задумалась о тех словах, которые могли бы быть высказаны вслед ее жизни. Я парировала, что в ту же самую бессонную ночь я решала не менее важную задачу: где мы будем отмечать мой уход из жизни. Такие шутки между нами допускались, поскольку юмор помогает переживать жизненные невзгоды.

Инга всегда внимательно следила за тем, что происходит в стране, и с досадой повторяла: «Я ничего не понимаю, у них нет никакой логики». Тем не менее, она сразу поняла общий исход «дела Ходорковского». Мне казалось, что второе его дело настолько очевидно, что оправдательный вердикт вполне вероятен. Инга же до самого конца придерживалась противоположной точки зрения относительно решения, которое будет принято, и «как всегда, Канцебовская оказалась права». Это обычная присказка ее близких друзей.

Личность

«А кто не сумел достичь
В искусстве особых успехов,
Покупает машину “Москвич”
Или ходит пешком. Как Чехов...»

С.Я. Маршак

Зная Ингу Вениаминовну более 35 лет, я практически никогда не работал с ней «по географии». Догадывался, что в своей сфере – в области районной планировки – она хороший и известный специалист. Но не это выделяло ее из всего экономгеографического сообщества Института – не бедного на яркие личности. И на этом ярком фоне Инга Вениаминовна Канцбовская очевидно выделялась, для этого ей только требовалось начать говорить.

1974 год был в истории Института географии во многом переломным. В 1976 г. Советский Союз должен был принять XXIII Международный географический конгресс. Для работы в его оргкомитете были призваны И.В. Канцбовская и автор этих строк. Общаясь с ней почти каждый день, я понял, почему делаю это с удовольствием. Ее отличало свободомыслие, отсутствие пиетета к начальству и желание сделать любую работу на хорошем профессиональном уровне. Естественно, что за все это она «поплатилась»: благодарные мезоначальники тут же сбросили на Ингу Вениаминовну почти всю работу, связанную с научной программой конгресса. Именно тогда я услышал от Инги Вениаминовны фразу, которую многократно использовал в своей жизни: «Проблемы надо решать на том уровне, на котором они решаются».

Общение в Москве дополнялось совместными выездами на конференции и в экспедиции. Запомнилось несколько эпизодов. 6 ноября 1975 г. – аэропорт Самарканда засыпан снегом и за последние два дня не принял ни одного самолета. Не помню уж каким чудом, но Инге Вениаминовне удается перерегистрировать наши билеты на ближайший рейс. Но при посадке в самолет толпа местных жителей оттеснила меня в сторону, и возникла перспектива остаться в Самарканде без каких-либо средств на неопределенное время... Вдруг слышу у трапа крики о пропавшем мальчике, понимаю (узнав голос Инги Вениаминовны), что речь идет обо мне. Чадолюбивые узбеки жалеют потерявшегося малютку и на миг теряют бдительность... Этого оказывается Инге Вениаминовне достаточным для того, чтобы втащить в самолет 100-килограммового «малютку». За эту любезность я смог с ней расплатиться только в 1989 г. в Усть-Коксе (Горный Алтай), когда добровольно взял на себя обязанность изгнать стадо свиней из мест общего пользования.

Немного о более серьезных вещах. Именно благодаря правившему в те времена в экономической географии Института матриархату – Г.А. Приваловской, Т.Г. Руновой, Ж.А. Зайончковской и И.В. Канцбовской – я был вынужден, вопреки природной лени, поступить в докторантuru и даже защитить докторскую диссертацию.

По здравому размышлению, я пришел к весьма тривиальному выводу, что Инга Вениаминовна Канцебовская, несмотря на все свои кулинарные успехи, была женщиной «не домашней».

О ком же я пишу эту заметку? Отчасти о хорошем профессионале, отчасти об умном и очень остроумном человеке (что так мешает в личной жизни и профессиональной деятельности)... Суммируя все эти качества, я предлагаю заменить их одним словом – Личность. Этот титул никем не вручается, получить его трудно, потерять легче. Нынешний период доминирования людей с высшим, но без среднего образования, не очень благоволит Личностям.

Т.П. Грязнова

Александра Семеновна Кесь (1910–1993)

*Геоморфолог, палеогеограф, д.г.н. (1964).
В Институте в 1931–1993 гг.*

Окончив в 1931 г. Ленинградский государственный университет по специальности «геоморфология», Александра Семеновна была зачислена в штат Геоморфологического института АН СССР, и до самой кончины наш Институт, преобразованный сначала в Институт физической географии, а затем в Институт географии, навсегда стал ее родным домом.

Обширны были научные интересы Александры Семеновны. Еще будучи студенткой она опубликовала две работы, в том числе совместно с Б.А. Федоровичем «Субаэральная дельта Мургаба» – об одной из интереснейших аллювиально-дельтовых равнин Средней Азии.

В 1934 г. в связи с проектом пропуска амударьинских вод по Узбою для орошения земель юго-западного Туркменистана А.С. Кесь провела детальные исследования долины Узбоя и Сарыкамышской впадины. Экспедиция продолжалась более трех месяцев на верховых лошадях и в сопровождении каравана верблюдов. Полученный материал был положен в основу монографии «Русло Узбоя и его генезис». За эту работу А.С. Кесь была награждена грамотой ЦК ВЛКСМ и получила вторую премию на Всесоюзном конкурсе молодых ученых.

В 1935 г. она получила ученую степень кандидата географических наук по совокупности работ. В 1939 г. А.С. Кесь переключилась на работы по изу-

Рисунок А.Д. Арманда.

чению эрозии. Это была важная и актуальная задача, так как смыв почв и рост оврагов губили поля, нанося огромный ущерб народному хозяйству. Итоги этих работ послужили основой для составления геоморфологических карт и систематизации эрозионных форм рельефа на территории от Чувашии на севере до Прикаспийской низменности на юге.

В годы Великой Отечественной войны в Институте была организована комплексная группа во главе с И.П. Герасимовым по составлению специальных военно-географических карт и описаний для нужд фронта. А.С. Кесь и Б.А. Федорович принимали в ней активное участие.

В 1950 г. началось проектирование Главного Туркменского канала, и Академия наук СССР организовала крупную комплексную Арапо-Каспийскую экспедицию. В ее состав вошла и А.С. Кесь, продолжавшая исследования на Узбое, на территории Сарыкамышской впадины и древних дельт Амударьи.

С начала 50-х годов А.С. Кесь связала на долгие годы свои работы с археологами Хорезмской экспедиции Института этнографии АН СССР, работавшей под руководством чл.-корр. АН СССР С.П. Толстова в этих же районах Средней Азии. Институт этнографии АН СССР проводил большие археологические, исторические и этнографические исследования Хорезма, земель древнего орошения в старой, ныне мертвой, дельте Амударьи и в Сарыкамышской впадине, где хорошо сохранились следы средневековых поселений и оросительная сеть на безжизненных в настоящее время пашнях.

Участие в этих работах А.С. Кесь помогло этнографам нагляднее представить палеогеографическую обстановку жизни древних культур. Итогом работ стала коллективная монография «Низовья Амударьи, Сарыкамыш, Узбой – история формирования и заселения», история развития рельефа и орошаемого земледелия в этих районах, начиная с древнейших времен. Книга вышла в 1960 г. в соавторстве с С.П. Толстовым, М.А. Итиной и Т.А. Жданко. Позднее комплексными археолого-палеогеографическими исследованиями были охвачены и низовья Сырдарьи.

В течение ряда лет я вместе с Александрой Семеновной принимала участие в работах Хорезмской экспедиции. Это была для меня школа полевых исследований. Я впервые оказалась в пустыне и с большим интересом работала с А.С., которая уделяла мне много внимания. Она любила пустыню и прививала эту любовь и мне.

Заседание дирекции, конец 1940-х годов. А.С. Кесь в первом ряду слева, справа А.А. Григорьев. Во втором ряду слева направо: А.И. Дворядкин, Д.М. Колосов, Э.М. Мурзаев.

Однажды она заметила, что утром во время завтрака я мало пью, только чашку кофе. Посоветовала больше пить чая и не брать с собой в маршрут фляжку с водой. Работали мы тогда в Кызылкумах. День выдался очень жаркий + 46 °С в тени. Нам предстояло с Александрой Семеновной пересечь несколько песчаных гряд, высота которых достигала 20 м. Впереди шла Александра Семеновна, я плелась за ней. Фляжку с водой я, конечно, с собой взяла. Как только А.С. бодро спускалась вниз в межгрядовое понижение, я делала несколько глотков воды. Когда вода закончилась, я поняла, что могу погибнуть. Сил не было, мой язык распух и прилип к нёбу. Какое-то время я терпела. Было очень стыдно, но пришлось признаться А.С. в своем бессилии. Ведь эта очень волевая женщина была намного старше. Когда она увидела меня, даже испугалась и сразу же посоветовала вернуться в лагерь – хорошо, что он был внизу, в котловине, недалеко. Меня облили водой и дали выпить целый чайник.

Это был урок, который больше никогда в моей «пустынной» жизни не повторился.

В Хорезмской экспедиции работало много талантливых людей. Вечерами после работы пели песни, рассказывали анекдоты, читали и сочиняли стихи и даже целые поэмы. Очень часто сюда приезжал и работал с археологами поэт Валентин Берестов. Он много и интересно рассказывал, читал стихи.

В коллективе Хорезмской экспедиции Александра Семеновна была в центре внимания – умная, серьезная, внимательная, тактичная. О ней сочинили шуточную легенду: как однажды Кесь пришла на скважину и встретила там Киса – камышового кота. От неожиданности и в то же время с любопытством они рассматривали и изучали какое-то время друг друга, а потом мирно разошлись.

Скважины в пустыне – это отрада людям. Можно вымыться, освежиться и даже постирать, хотя скважина с пресной водой – редкость. Как правило, вода в них соленая или горько-соленая. В экспедиции всегда имелся во флягах запас пресной воды и Александра Семеновна неоднократно «добывала» у начальника экспедиции полведра воды. Это было радостью. Тогда мы шли с ней за барханы и мыли друг друга – каждой хватало двух кружек: одна на мытье головы и вторая на все остальное.

Однажды мы остановились на берегу оз. Сарыкамыш. Сразу же появились две лодки с добрыми и гостеприимными рыбаками, которые, узнав, что мы из Москвы, подарили нам очень много разной рыбы. Мы долго чистили и жарили ее. Нажарили с А.С. целый большой таз. До сих пор я вспоминаю, с каким удовольствием она ела свое любимое блюдо.

В 1956 г. среднеазиатские работы временно прервались вследствие переключения А.С. Кесь на изучение лёссовой провинции Китая по приглашению АН Китайской Народной Республики. Эти работы продолжались три года. Научным результатом стала разработка вопросов строения и генезиса лёссовых отложений. Эти материалы вошли в состав докторской монографии А.С. Кесь «Лёссово-красноглинистая формация и лёссовый рельеф», успешно защищенной в ИГАНе в 1964 г.

Начиная с 1961 г., А.С. Кесь участвовала в работах Лёсовой комиссии ИНКВА (Международного союза по изучению четвертичного периода). Это дало ей возможность познакомиться с лёссовыми отложениями других стран: США, Новой

Зеландии и некоторых европейских – Болгарии, Румынии, Югославии, Польши, ФРГ, где она выступала с докладами и достойно представляла нашу геоморфологию.

После завершения работ в бассейне р. Хуанхэ А.С. Кесь вновь возвратилась к среднеазиатской тематике, к палеогеографии Турана, к проблеме Арала, который все больше и больше интересовал ее в связи со стремительным падением уровня. В 1980 г. в издательстве «Наука» вышла ее книга «История заселения и древнее орошение Юго-Западной Туркмении» (в соавторстве с В.П. Костюченко и Г.Н. Лисициной).

В последние годы Александра Семеновна в качестве научного руководителя участвовала в работах по заданию Госкомитета СССР по науке и технике по проблеме перераспределения речного стока сибирских рек и по прогнозу изменений природных условий Средней Азии. В круг интересов А.С. Кесь входили также вопросы опустынивания Приаралья и снижения уровня Аральского моря вследствие использования вод Амударьи и Сырдарьи на орошающее земледелие. Таким образом, вся научная деятельность А.С. Кесь всегда была направлена на решение важнейших народно-хозяйственных задач.

Александра Семеновна была очень скромным, трудолюбивым человеком, готовым всегда помочь другим. Строгая, серьезная, деловая – она неизменно пользовалась доверием сотрудников. Неоднократно избиралась секретарем и членом Партбюро, многие годы возглавляла Народный контроль Института. За свою деятельность А.С. Кесь была награждена двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом «Знак почёта» и многими медалями.

От редактора-составителя.

Характер Александры Семеновны лаконично, но точно очерчен в последнем абзаце этого очерка всего тремя словами – «строгая, серьезная, деловая», еще лаконичнее и не менее выразительно отображают его два слова, с которыми Борис Александрович Федорович обычно дома обращался к своей жене. Студентом-дипломником мне приходилось бывать у Б.А. в его рабочем кабинете, где мы иногда задерживались дольше положенного времени. Тогда Александра Семеновна, молча, появлялась в дверях. Тут-то и звучали слова Б.А.: «Слушаюсь, мой капитан».

Да, авторитет и облик Александры Семеновны были таковы, что к ее суждениям прислушивались и обычно не оспаривали их, вероятно, почти все коллеги. Но вот однажды, на заседании отдела физической географии я выступил с рецензией на работу нашей сотрудницы Л.С. Филиппович. Анализируя аэрофотоснимки, она постаралась показать, что полосчатый рисунок поверхности адыров Ферганы обусловлен эрозионными формами, а не эоловыми как полагала А.С. Я тогда осмелился заявить, что доказательств справедливости эоловой гипотезы в этом конкретном случае мало и аргументация А.С. не вполне убедительна. Не ожидавшая такого нахального выступления от «зеленого» стажера-исследователя А.С. не смогла сразу же как должно возразить мне. А спустя несколько часов, дожидаясь пока И.П. Герасимов примет меня в своем директорском кабинете, я услышал, как он утешал обычно уверенную в своей правоте знаменитую исследовательницу рельефа пустынь, жаловавшуюся на какого-то мальчишку. «Не огорчайтесь. Вы, бе-

зсловно, правы», – говорил ей директор. Стало быть, в характере Александры Семеновны были не только некоторые черты «железной леди», но, как и у большинства людей – уязвимость, потребность в доверии... Однако, в ее облике, действительно, угадывалось что-то капитанское, угадывалось и было ей к лицу.

*Предисловие Н.Ф. Глазовского
к избранным трудам¹ Ф.И. Козловского*

*Феликс Иванович Козловский
(1928–2000)*

*Почвовед, географ, д.г.н. (1988).
В Институте в 1978–2000.*

Рисунок уличного художника-портретиста.

Сейчас, через два года после смерти Феликса Ивановича, каждый из нас, его коллег, наверное, по-своему вспоминает об этом исключительном человеке. Но я уверен, что во многом оценки личности этого ученого и человека совпадут.

В конце 60-х – начале 70-х годов, начав заниматься геохимическими балансами ландшафтов, я впервые познакомился с работами Феликса Ивановича Козловского. Это был период повального увлечения математическими методами. Географы, почвоведы, биологи и геологи открыли для себя новый способ более объективного и четкого описания природных объектов и прогнозирования различных изменений природной среды. Именно в это время появилось большое количество работ, посвященных моделированию природных процессов и применению статистики для установления корреляционных отношений или же для разграничения, разделения различных природных объектов. И среди десятков книг и статей, посвященных математическим методам в науках о Земле, выделялись работы Феликса Ивановича Козловского.

Выделялись своими свежими идеями и нетривиальным подходом, качеством обо-

¹ Ф.И. Козловский. Теория и методы изучения почвенного покрова. М.: ГЕОС. 2003. 536 с.

Скоро будут костер и ужин.

снования и достоверностью исходных материалов. Я начал специально искать работы этого автора, и делал это в течение многих лет, задолго до личного знакомства, поскольку они давали импульс размышлению и служили эталоном качества научной работы.

Я уверен, что и многим другим молодым, да и не только молодым исследователям в творческом плане значительно помогли работы Феликса Ивановича.

Я помню, что Виктор Абрамович Ковда, выдающийся советский почвовед, один из основателей изучения процессов соленакопления в ландшафтах и создатель научных основ мелиорации засоленных почв, считал работы Феликса Ивановича, особенно посвященные проблемам миграции солей и моделированию природных процессов, новаторскими, приводил их в пример и постоянно обращал на них внимание своих сотрудников и аспирантов.

В середине 80-х годов я пришел в Институт географии РАН и с этого момента мне посчастливилось работать вместе с Феликсом Ивановичем. Очень скоро я понял, что Феликс Иванович не только интереснейший ученый, но и один из тех людей, на которых держится Институт географии.

В любом коллективе, в том числе в Институте, каждая личность играет свою собственную особую роль. Один – генератор идей, другой – душа компании, третий – саркастический и блестящий оппонент, которого побаиваются и аспиранты, и сотрудники, и (во всяком случае, в душе) академики.

Обсуждение маршрута.

более адекватно и справедливо оценить значение той или иной представленной работы.

Феликс Иванович был чрезвычайно скромным человеком. Я не могу вспомнить, чтобы за много лет совместной работы он говорил бы о себе и своих личных проблемах. Он не стремился к формальному признанию своих несомненных научных заслуг, но среди своих коллег – ученых – пользовался непререкаемым авторитетом, что гораздо более важно.

Я думаю, что Феликс Иванович был внутренне очень цельным человеком. Он определил для себя ряд жизненных принципов, которым неизменно следовал как в науке, так и в обыденной жизни. А поскольку эти принципы были светлыми и честными, то и в памяти всех знавших его людей он остается светлым и мудрым человеком.

Читатель, ранее знакомый с работами Ф.И. Козловского, сможет проследить развитие оригинальных научных идей, а молодой ученый, вступающий в науку, откроет для себя интереснейшего творческого ученого, идеи которого еще долгие годы будут стимулировать научные исследования в области географии и почвоведения.

Феликс Иванович был в Институте эталоном – эталоном увлеченности наукой, эталоном честности, интеллигентности, эрудиции, скромности, принципиальности и доброжелательности. В очень немногих людях могут органично присутствовать эти, часто трудно совместимые, качества.

Мы все помним выступления Феликса Ивановича с докладами на Ученом совете, когда зал бывал полон, а присутствующие на заседании коллеги самых разных, подчас очень далеких от почвоведения направлений находили для себя много полезного в стройных методологических подходах выступающего. Мы помним заседания специализированных советов по присуждению ученых степеней, когда во время выступлений Феликса Ивановича стихал шум дебатов в зале, потому что эти выступления всегда были абсолютно принципиальны по существу, неизменно доброжелательны по форме и позволяли присутствующим гораздо

*Сергей Сергеевич Коржуев
(1916–2007)*

*Геоморфолог, д.г.н. (1971).
В Институте в 1947–2002 гг.*

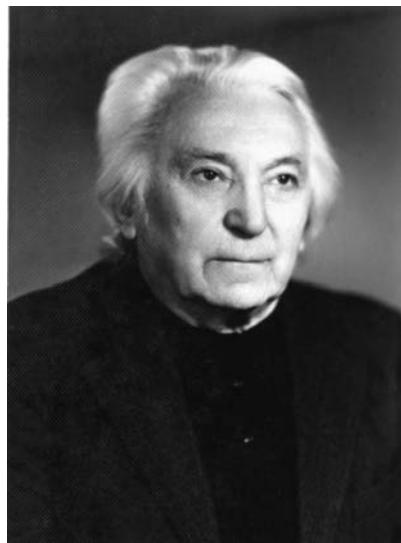
Ученый, путешественник, поэт

...Август 1943. После полутора месяцев изнурительного маршрута по водораздельным равнинам Олекмы и Витима он вывел свой отряд к долине Лены. Далеко внизу широкая полноводная река привольно катила свои воды, олицетворяя неизменную вечность. Вдоль долины продувал ветерок, отгоняя тучи комаров, преследовавших в маршруте людей и оленей. Здесь впервые можно было расстаться с надевшими накомарниками; приятно было думать о скорой дневке с баней у воды, о свежей рыбе и ухе...

Над скальным обрывом стояла прямая мужская фигура, длинные седые волосы путешественника разевались по ветру. Это был плотно скроенный, коренастый человек, одетый в видавший виды зеленый штормовой костюм, на ногах были изрядно потерты кедровым стланником кирзовыесапоги. Его скучающее лицо было бесстрастно, он молчал. В душе он благодарили судьбу за удачу – успешный исход маршрута, прошедшего без потерь: Слава Богу, все были живы и здоровы – и богатый оригинальный собранный полевой материал, требующий скорейшей обработки и обобщения. Позже, в 1959 г. он опубликовал монографию «Геоморфология долины Средней Лены и прилегающих районов».

Это был замечательный исследователь рельефа Восточной Сибири, сотрудник Института географии АН СССР Сергей Сергеевич Коржуев – необыкновенный человек и ученый. Его отличала скромность, уравновешенность, поразительное трудолюбие, умение выбирать самые актуальные направления в науке. За внешней закрытостью скрывалась поэтическая душа – это был поэт и мечтатель.

В нашем Институте во все времена было и, я уверен, будет в будущем, много светлых и добрых, скромных и молчаливых, трудолюбивых ученых. Среди них выделялся Сергей Сергеевич Коржуев – замечательный человек и крупный географ с широким кругом научных интересов. О нем достаточно обстоятельно сообщалось

С.С. Коржуев.

в юбилейном, выпущенном в 2008 г. к 90-летию ИГАНа труде «Институт географии и его люди». Мне хочется еще раз вспомнить о С.С., потому что я многие годы сотрудничал с ним, потому, что я остался последним из его живых соратников и потому, что я глубоко уважал и любил его.

В 1941 г. С.С. окончил географический факультет МГУ по специальностям «физическая география, геоморфология, гидрология и экономическая география». Во время Великой Отечественной войны работал военным гидрологом в Полесье, подготавливая направления легендарных прорывов Красной Армии через казавшийся тогда непроходимым этот сильно заболоченный и залесенный регион Белоруссии. Уже тогда, в тяжелые военные годы, он внимательно наблюдал, пытался объяснить и систематизировать свои впечатления и знания об уникальном геоморфологическом строении Полесья, современный рельеф которого был преемником холодной позднеплейстоценовой приледниковой пустыни или «ископаемой пустыни» по П.А. Тутковскому. И молодому Коржуеву в тяжелые военные годы удалось запомнить геоморфологические особенности Полесья в таких подробностях, которые спустя годы составили основу его кандидатской диссертации и монографии «Рельеф Припятского Полесья».

Придя в ИГАН, Коржуев, человек скромный, молчаливый, довольно замкнутый, попал в новую для него обстановку академического института. Он быстро освоился, завоевал авторитет среди сотрудников и стал одним из двух неофициальных советников И.П. Герасимова по научным вопросам; другим был С.Ю. Геллер.

Несмотря на солидную разницу в возрасте почти в двадцать лет, меня связывали с Сергеем Сергеевичем многолетние теплые дружеские отношения, я испытывал к нему глубокое уважение. Он был привлекательным, но немногословным собеседником. С момента нашего знакомства он был мне очень интересен, сначала как геоморфолог, позже – как человек. Его отличала солидность, взвешенность решений и поступков. Я дорожил его мнением и советами в научных вопросах и в оценке людей и их поступков. Он всегда интересовался результатами моих экспедиций, вслед за мной проводил исследования в Монголии, наконец, рецензировал мои статьи и докторскую диссертацию. За стенами ИГАНа я видел его только один раз во время содержательной, полной интересных событий, поездки на Дальний Восток. Это была выездная сессия Академии наук СССР в 1965 г. под руководством вице-президента АН СССР А.П. Виноградова. Но, обо всем по порядку.

Зимой 1955 г. я, студент 5-курса геофака, был зачислен на временную работу в СОПС АН СССР и по поручению В.В. Никольской составлял геоморфологическую карту Зее-Буреинской равнины. Работал я в СОПСе, в правом крыле нынешнего ИГЕМа, и приходил в Институт географии АН СССР, в отдел геоморфологии, размещавшемся в 9-ой комнате напротив Дирекции, обсудить отдельные вопросы картографирования. Институт в те годы был небольшим, все его отделы размещались в одном здании, населявший его люд был общительным, дружным и веселым.

В отделе было много новых, интересных для меня ученых, таких как БАФ (Борис Александрович Федорович – зав. отделом), С.Ю. Геллер, В.Н. Кунин, Ю.А. Мещеряков и другие. Часто в отделе появлялся директор Института И.П. Герасимов, которого за глаза звали Кеша. Много было молодых геоморфологов: Б.А. Корнилов, Д.А. Тимофеев, Д.А. Лилиенберг, Н.С. Благоволин, И.Ю. Долгушин. Неза-

висимо от возраста, все они были, по моему первому впечатлению, очень активны, входили и уходили «двойками, тройками и целыми мастьями», как говаривал мой любимый О'Генри, громко говорили на разные темы, обсуждали множество вопросов, не стеснялись критиковать директора, словом, вели себя непринужденно. Весь коллектив сотрудников Института обычно отмечал крупные праздники в актовом зале. В те годы уже начинались знаменитые, прогремевшие на всю страну институтские капустники. В зале заседаний накрывался П-образный в плане стол. Здесь всегда было дружно, весело. Застолье заканчивалось танцами. Сергей Сергеевич сидел рядом со своей женой, был общителен с окружающими, но вина не пил никогда. Надо ли говорить о том, что все мы, молодые сотрудники, уделяли должное внимание этой русской традиции... Я поинтересовался у его спутников по якутской экспедиции о причинах его воздержания и услышал любопытный ответ: «Он сам никогда не берет в рот спиртного, а его дед в царской армии получил медаль «За трезвость».

В будние дни в отделе геоморфологии в Институте я наблюдал много для меня неожиданного (даже привлекательного...). Помню, как Тимофеев с Благоволиным с самым серьезным видом обходили всех, собирая взносы. Кто-то поинтересовался: «На что?» Ответы были краткими и убедительными: «На день птиц» или «В фонд Мира». Это был чистейшей воды блеф, вообще-то попросту веселое вранье, но народ верил и сдавал. И вот среди этого буквально бурлящего отдела только один седой человек, сидевший у окна в дальнем левом углу комнаты, был молча погружен в работу. Казалось, он не слышал происходящего вокруг и ничего не видел кроме плотно исписанных окружным ровным почерком листов бумаги. Так, помнится, углубился в чтение рукописи своей пьесы кардинал Ришелье в романе А. Дюма-отца, когда на пороге его кабинета впервые возник юный д'Артаньян. Но героя Дюма не было, и огромного кардинальского стола не было, и была не Франция XVII в., а был отдел академического института, и была советская эпоха. И за обычным однотумбовым с фанерным покрытием столом, напротив окна, выходящего на стену смежного Почвенного института, с поразительным постоянством трудился Сергей Сергеевич Коржуев. Длинные седые волосы, бледное скуластое лицо, традиционный серый костюм и свитер – вот и все, что запоминалось в его облике. Он писал, внимательно читал написанное, переписывал строчку за строчкой, тщательно, педантично вычеркивая отдельные слова и предложения частым прямым заборчиком – узкой ровной гармошкой. Первое, что мне бросилось в глаза, это тщательность, скрупулезность и монотонность его работы. И умение доводить начатое дело до конца – я выше уже упоминал о его монографиях. Эти замечательные качества сопровождали его деятельность всю жизнь. И второе, постоянно присутствовала некоторая отрешенность, огражденность от происходящего вокруг, старательно поддерживаемая замкнутость в своей работе. Все это оказалось хотя и характерными, но лишь внешними чертами, манерой поведения, направленной на планомерную работу за письменным столом в отделе. Склонные к эпатажу некоторые молодые сотрудники не раз заявляли, что приходят в Институт не работать, а общаться. Так вот, Коржуев своим поведением показывал, что можно и нужно работать всегда, в любых условиях, а в Институте каждый обязан трудиться. С другой стороны эта особенность поведения, скорее всего, маскировала внутренние,

В якутской тайге.

происходившие в душе С.С. процессы. А они, как выяснилось через много лет, активно бурлили, если не бушевали в его душе и выплескивались наружу во время докладов, выступлений и особенно дискуссий. Коржуеву было далеко не безразлично происходящее в научной жизни отдела, и он обычно с жаром бросался в дискуссии. После таких вспышек он снова становился уравновешенным до флегматичности человеком. Этот стиль поведения нисколько не изменился даже, когда он женился на нашей же сотруднице Зинаиде Сергеевне Чернышовой.

С.С. Коржуев был страстным человеком. Об этом не догадывались многие, но знали друзья и соратники, к которым он причислял и меня. А однажды причислив, был внимателен, участлив, был готов помочь делом и советом, был временами откровенен. Вообще же он был очень серьезным человеком. Серьезным во всем: в семейной жизни, в науке, в экспедициях, в подготовке статей и монографий. Приведу несколько примеров.

В начале 50-х годов прошлого столетия он вместе с упомянутыми выше молодыми

геоморфологами проводил полевые исследования в бассейне р. Олекмы в составе Геоморфологического отряда Якутской комплексной экспедиции СОПС АН ССР. Район работ был трудным – горная тундра, большие каменные моря на плоских водоразделах Алданского щита; транспорт – олени. С этого мы начали рассказ. Задачей Коржуева было восстановление истории формирования речных долин. Но его в то время интересовали совершенно иные вопросы, в частности, генезис исходной вершинной денудационной поверхности Алданского щита. Со свойственной ему скрупулезностью и настойчивостью он делал маршрут за маршрутом по этим унылым и трудно проходимым водораздельным равнинам: заболоченным марям и каменным морям, по обширным гарям с поваленными обгорелыми деревьями, часто без троп, постоянно выискивая обходные пути. Все это в накомарнике, так как тучи якутских комаров докучали день и ночь на протяжении многих месяцев с мая по сентябрь и пропадали с приходом холодов. Работали тогда в экспедициях по 3–4 месяца. Выполняя собственную программу, он сезон за сезоном работал в основном на водоразделах и гораздо меньше в речных долинах. Разумеется, он собрал необходимый отчетный материал и по заданной теме, но главным результатом его экспедиционных работ был сбор материалов для создания концепции о протопенеплене – древнейшем пенеплене Алданского щита, которая получила заслуженное признание.

Теоретические представления Сергея Сергеевича были сведены в фундаментальной серии «История развития рельефа Сибири и Дальнего Востока», получившей Государственную премию СССР.

Исследования С.С. Коржуева в Якутии носили комплексный характер. Наряду с главными геоморфологическими работами он планомерно собирал материалы по гидрологии бассейна Лены, а также по экономической географии Якутии. Тщательно обработав и обобщив все свои результаты по этому региону, он стал главным автором монографии «Якутия» в серии издававшихся ИГАНом монографий «Природные условия и природные ресурсы СССР», написав геологический, геоморфологический, гидрологический и экономико-географический разделы. Этим «Якутия» резко отличается от других, более коллективных монографий серии. Геоморфологические результаты составили изрядную долю в его другой фундаментальной монографии «Морфотектоника и рельеф земной поверхности», за которую он получил премию Всесоюзного географического общества имени С.И. Дежнева. Заметьте, Дежнева – первопроходца – тоже символичное совпадение...

Геоморфологическое наследие С.С. Коржуева солидно и разнообразно. Ученый искал, чувствовал и осваивал новые направления в науках о Земле. На склоне лет он проявил большой интерес к новой, прогрессивной теории литосферных плит, опубликовав с И.П. Герасимовым и А.В. Живаго на эту тему несколько работ.

Перечитывая работы С.С. Коржуева, знакомишься с характером, стилем и умением работать этого признанного, настоящего мастера-геоморфолога. Анализ массива его научных работ заслуживает специального исследования. Здесь же продолжим рассказ о его личных качествах.

Коржуев с одинаковым вниманием относился к трудам ученых независимо от их возраста. Он всегда с большим интересом расспрашивал меня о результатах моих экспедиционных работ, делился своим мнением о моих статьях и докладах. Когда он закончил свою докторскую диссертацию, один из ее разделов дал мне просмотреть. Умев отстаивать свою точку зрения, Сергей Сергеевич уважительно относился к оппонентам.

Всю его доброжелательность, дружеское внимание и отношение я ощущал в процессе подготовки своей докторской диссертации «Деструкция в эволюции равнин Центральной и Восточной Азии», рецензировать которую поручили С.С. К тому времени у меня накопился большой, но разнородный материал по геоморфологии южных регионов России, Монголии, Китая, Кореи, Вьетнама и Камбоджи. Проблема была в его унификации, увязке, в определении «веса» полученных данных, в выборе оптимальной логики и структуры, словом, в создании единой законченной работы. Я написал первый развернутый вариант объемом около 800 страниц и отдал на просмотр Коржуеву. Он долго читал, делал пометки карандашом на полях, задавал вопросы, предлагал сократить отдельные детали; обсуждал со мной поочередно раздел за разделом, страницу за страницей. Я к тому времени не первый год знал Сергея Сергеевича, но в процессе обсуждения моей работы был поражен его эрудицией и опытом, а главное, доброжелательностью и деликатностью. Он объяснял свою позицию и не настаивал на ней. Не нажимал, давал время подумать, неоднократно возвращался к пройденным сюжетам, наводил, наталкивал на оптимальное решение спорных вопросов. Если к оптимальному решению не удавалось прийти

Рисунок А.Д. Арманда.

сразу, делалась пауза. Это была увлекательная, творческая работа над моим текстом, принесшая пользу и доставившая мне удовольствие. Благодарность ему за помощь я сохранил на всю жизнь.

Другой эпизод нашего тесного общения с ним связан с созданием моей небольшой книжки «Город в стихотворениях поэтов Серебряного века», вышедшей в 1996 г. Написав текст на 150 страницах, я попросил Сергея Сергеевича посмотреть его. И вот тут меня ждало открытие – настоящий сюрприз. Неожиданно для меня он принял мой опус близко к сердцу. Выяснилось, что он блестяще знает русскую поэзию и особенно детально творчество поэтов Серебряного века. Когда я стал взвешивать плюсы и минусы стихотворного наследия Александра Блока и любимого мной Николая Гумилева, он

мягко улыбнулся и сказал: «Если в поэзии Блок – Аллах, то Гумилев – Пророк его...». И свою книжку я предварил портретом Блока, а на его обороте поместили портрет Гумилева. После совместного рассмотрения объем моего опуса сократился, но качество улучшилось. При обсуждении этой работы выяснилось, что Коржуев – поэт. В 30-е годы прошлого столетия он писал стихи, публиковал некоторые из них в «Комсомолке» и был знаком со всеми знаменитыми советскими поэтами, сотрудничавшими с газетой, поэтами с разными судьбами... Имена некоторых из них канули в Лету... К сожалению, душевые стихи Коржуева не дошли до нас, хотя несколько раз он читал на отдельских праздниках замечательные, проникновенные строфы о Лене, Олекме, о тайге. В них его поэтическая душа тосковала по годам путешествий, по красотам якутской тайги и великих сибирских рек. Общаясь с поэтом, я нередко ощущал его ностальгию по ушедшим временам, ушедшим людям и духовным ценностям. Прошли годы, и мне все чаще приходит в голову мысль: наверное, Сергей Сергеевич был верующим человеком. Зная его кратко описанные выше качества, думаю – глубоко верующим...

Заканчивая рассказывать о Сергее Сергеевиче Коржуеве, вспоминаю его во время нашего путешествия по Дальнему Востоку, увлеченного исследователя, вместе с которым мы шагаем по равнинам восточнее оз. Ханка, по равнинам Южного Сахалина, островов Кунашир и Шикотан в Курильской гряде, издали наблюдаем извержение вулкана Тяятя на Кунашире. Наше дальневосточное путешествие, полное радостных встреч и дружеских обсуждений, мы закончили переходом с запада на восток через остров Шикотан в Малой Курильской гряде. Оно завершилось спуском по плотной щетке бамбукового стланика к мысу под названием Край Света. Действительно, здесь кончалась Наша Земля, дальше на восток катил свои пологие волны Тихий, действительно Великий океан...

На свежем ветру, на скалистом обрыве, над Великим океаном возвышалась однокая фигура Сергея Сергеевича Коржуева – путешественника, ученого и поэта...

Николай Тимофеевич Кузнецов

(1920–1996)

*Гидролог, геохимик, д.г.н. (1973).
В Институте в 1947–1996 гг.*

Н.И. Коронкевич, И.А. Клюканова¹

Человек редкого мужества

23 февраля 2010 года исполнилось 90 лет со дня рождения одного из крупнейших исследователей аридных территорий, прежде всего в географо-гидрологическом плане, незаурядного человека редкого мужества Николая Тимофеевича Кузнецова.

Родился он в Москве. Отец, Тимофей Сергеевич, как указано в анкете, до революции был служащим, после нее рабочим, как и мать, Ксения Михайловна. После окончания школы в 1938 году Н.Т. поступил в Московский гидромелиоративный институт им. Вильямса. В сентябре 1942 года с 4 курса был призван в армию и направлен слушателем в Высший Военный гидрометеорологический институт Красной армии, который окончил в июле 1944 года по специальности инженер-гидролог.

Через этот Институт, в котором преподавали Я.Е. Джоган, Б.А. Аполлов, М.И. Львович и другие крупнейшие специалисты того времени, прошли многие известные затем гидрологи и климатологи. Здесь Н.Т. Кузнецов познакомился, в частности, с А.И. Субботиным и И.С. Соседовым, с которыми поддерживал дружеские и творческие контакты многие последующие годы.

В 1944–1945 гг. Н.Т. Кузнецов служил в действующей армии и в составе Степного фронта форсировал Днепр, а в составе войск 1-го Белорусского фронта – Вислу и Одер. Был начальником рекогносцировочных гидрометеорологических партий и отрядов на территории Польши и Германии. В 1945–1946 гг. возглавлял гидрометеорологическую станцию во Франкфурте-на-Одере. В 1946 году демобилизовался из армии и продолжил обучение в Московском гидромелиоративном институте. Ушел с 5 курса и, проработав некоторое время инженером по оборудо-

¹ От Н.И. Коронкевича. В марте 2010 года в возрасте 78 лет ушла из жизни Инна Алексеевна Клюканова – ближайший сподвижник и друг Николая Тимофеевича Кузнецова. Будучи сама незаурядным исследователем, все свои способности и силы она посвятила тому, чтобы создать для Н.Т. максимально комфортные условия для творчества – помогала в сборе и обобщении данных, брала на себя техническое оформление рукописей, во время его болезни, когда он был лишен голоса, служила «переводчиком» в переговорах с окружающими, озвучивала выступления и доклады Н.Т., старалась оградить его от разного рода негатива. У Н.Т. во время болезни нередки были вспышки гнева, раздражительности и приходилось поражаться тому запасу доброты, терпения, выдержки, которые были у этой скромной, красивой женщины. Заслугу Инны Алексеевны в реализации творческих замыслов Н.Т., особенно в последние два десятилетия его жизни, трудно переоценить.

Участники советско-китайской экспедиции, Урумчи, 1957 г. Слева направо: Э.М. Мурзаев, Н.Т. Кузнецов, А.А. Юннатов, Б.А. Федорович и их китайский коллега.

ванию Главного дорожно-мостового управления РСФСР, в конце 1947 года пришел в Институт географии АН СССР, с которым были связаны 50 последующих лет его жизни.

Николай Тимофеевич работал в разных подразделениях Института – в отделах климатологии и гидрологии, гидрологии, Среднеазиатской экспедиции. Последнюю он возглавил в 1972 году после смерти С.Ю. Геллера. В 1977 году в связи со структурными преобразованиями в ИГАНе Н.Т. Кузнецов пришел в Комплексную экспедицию по проблемам переброски стока, возглавляя в ней работу по Аральской тематике. Этим же он занимался и в составе лаборатории комплексных географических прогнозов. Последние годы жизни до своей кончины 10 декабря 1996 года Н.Т. Кузнецов проработал в лаборатории горной геоэкологии.

Н.Т. Кузнецов – автор более 300 опубликованных и рукописных работ, в т.ч. 8 книг. Основные темы, которыми он занимался: гидрография и гидрологический режим Центральной Азии, проблемы Арала и Приаралья, геосток, особенно такая его составляющая как вещественный состав взвешенных наносов.

Исследования Центральной Азии он начал с Монголии, куда неоднократно выезжал на полевые работы в период с 1949 по 1968 гг.. В конце 1950-х годов поездками был охвачен и северо-западный Китай – область Синцзян. Экспедиционные работы, проводимые совместно с монгольскими и китайскими учеными, позволили ему досконально изучить особенности формирования и функционирования гидрологических систем в специфических условиях аридных территорий и на всю жизнь «прикипеть сердцем» к ним.

До Н.Т. Кузнецова существовали весьма фрагментарные представления о гидрографии и водном режиме Центральной Азии. Именно Кузнецову первому удалось создать целостную гидрологическую картину данного региона, построить первую достоверную карту стока, определить ресурсы стока Центральной Азии в размере 152 км³/год. Поскольку данных непосредственных наблюдений было очень мало, ему пришлось широко использовать косвенные данные, например по осадкам, применять методы географической аналогии. Значительное внимание Н.Т. Кузнецовым уделял вопросам палеогидрографии. В частности, в одной из своих книг он писал, что не подтверждаются выводы В.М. Синицына и Э.М. Мурзаева о том, что в период максимального оледенения выпало много осадков, и сток рек был очень большим. Интересно, что ответственным редактором книги был Э.М. Мурзаев, с которым Н.Т. Кузнецова связывали многолетние дружеские отношения. Как видим, это не мешало выяснению истины.

Н.Т. показывает, что во многих случаях в аридных районах можно избежать обмеления рек при интенсивном использовании водных ресурсов. Для этого нужно создавать орошающие массивы на месте дикой влаголюбивой растительности или ограничивать площади последней.

Работы Н.Т. в Центральной Азии во многом носили пионерный характер и не только в гидрологии. Своебразным подтверждением этого служит такой факт. В одном из краеведческих музеев на границе Бурятии и Монголии в одном ряду стоят фотографии Пржевальского, Мурзаева, Кузнецова. Именно к Кузнецову в свое время обращались редакции БСЭ, ряда зарубежных энциклопедий с заказом на написание статей о водных объектах Центральной Азии.

Как уже отмечалось, еще работая по Центральной Азии, Н.Т. неоднократно обращался к рекам и водоемам Средней Азии как аналогам для объяснения ряда гидрологических явлений и процессов. Поэтому вполне логично его последующее переключение на Среднюю Азию и особенно бассейн Арала. Но при этом на смену в значительной мере индивидуальному способу проведения исследований пришел принципиально иной. Кузнецову дирекцией ИГ АН СССР было поручено возглавить работы по исследованию Аральской проблемы. Напомним, что постановлением ГКНТ Институт географии был назначен головным по данной проблеме и должен был организовать и курировать работу десятков организаций – соисполнителей. Основная тяжесть всей этой работы свалилась на плечи Н.Т. Конечно, за этой работой пристально следил директор ИГАН академик И.П. Герасимов. Конечно, у Н.Т. были прекрасные помощники – А.С. Кесь, М.Е. Городецкая, Е.Н. Минаева, Р.В. Николаева, К.Н. Аргасова и многие другие. Постоянные консультации давали Э.М. Мурзаев, В.Н. Кунин, представители среднеазиатских и казахстанских организаций. И все же нагрузка была колоссальной, а тут еще и тяжелая болезнь. Но Н.Т. блестяще справился с заданием. Впервые удалось дать действительно комплексную оценку ситуации в столь крупном регионе антропогенного опустынивания, по существу экологического бедствия, выявить причины и механизмы данного явления, количественно оценить произошедшие изменения окружающей человека среды, выявить их медико-географические, социально-экономические последствия и разработать концепцию решения проблемы. К сожалению, сводной монографии по итогам исследований по проблеме Арала и Приаралья Н.Т. создать не удалось. Видимо, оказались болезнь и стремление сосредоточиться на вопросе, составляющем научный интерес для него. Ука-

занный же пробел в монографическом подведении итогов работ по Аральской тематике был отчасти восполнен вышедшей позднее, в 1990 году, книгой Н.Ф. Глазовского «Аральский кризис» под редакцией Н.Т. Кузнецова.

Личный же научный интерес для Н.Т., начиная с 1970-х годов и по существу до конца жизни, составили проблемы геостока (в понимании С.Д. Муравейского) и такая слабоизученная составляющая геостока как вещественный состав взвешенных наносов. Напомним, что под геостоком Муравейский понимал совокупность жидкого, твердого и химического стока.

Н.Т. обосновал особую перспективность изучения геостока в аридных районах, где чрезвычайно сложны процессы его природной и антропогенной трансформации, а значения общего выноса веществ составляют огромные величины. Достаточно сказать, что по этому показателю Амударья занимает первое место среди всех рек бывшего СССР. В последние годы жизни Н.Т. занимался вещественным составом наносов рек Кавказа. Его чрезвычайно интересовал сравнительный анализ по этому признаку кавказских и среднеазиатских рек.

Н.Т. был очень эрудированным человеком. О широте его взглядов свидетельствуют, в частности, большое число опубликованных им популярных изданий, среди которых видное место занимают книги и статьи о самых разнообразных вопросах рационального использования и охраны водных ресурсов.

Обратите внимание на то, что за период с 1954 по 1968 гг. вышли 6 книг, написанных Н.Т. лично. Что было бы, если бы не болезнь?

Более 20 лет Н.Т. Кузнецов был инвалидом – перенес тяжелую операцию горла, лишился голоса, у него было больное сердце. Но и это время он продолжает неустанно трудиться. Помимо руководства аральскими работами, подготовки отчетов, статей им написаны в соавторстве 2 книги.

Конечно, болезнь крайне затрудняла общение с Н.Т. Не все могли понять, что он пытался сказать. С большинством людей он общался с помощью записок. Когда нервничал, писал неразборчиво. Но и во время болезни Н.Т. сохранил свои лучшие черты. Без преувеличения можно сказать, что последние годы его жизни были настоящим подвигом. Н.Т. был исключительно работоспособным. Работа была его «хобби». В нее он вкладывал все силы, которых с годами становилось все меньше. А в молодости энергия била из него ключом. Он был жизнелюбом, прекрасно танцевал. Особенно в своей стихии он чувствовал себя в экспедициях.

Н.Т. был смелым, принципиальным, неравнодушным человеком. Не боялся сказать правду, самоотверженно бросался на защиту обиженных. Будучи секретарем парторганизации ИГАНа в конце 1940-х – начале 50-х годов, он уберег многих в Институте, когда были попытки найти «врагов народа» и сделать в географии то, что произошло в биологии.

Н.Т. принадлежал к разряду щедрых людей, которым доставляло удовольствие помогать другим советами, а подчас и материально. При этом он был скромен, ненавязчив. У него было много друзей, единомышленников. Среди них Э.М. Мурзаев, В.Н. Кунин, С.Ю. Геллер, многие ныне здравствующие сотрудники нашего Института, масса людей из других организаций, в т.ч. среднеазиатских, казахстанских.

Н.Т. Кузнецов был крупным ученым, во многом первооткрывателем, и замечательным человеком.

Слово о коллегах

Николай Тимофеевич Кузнецов был великолепным человеком и большим ученым. У него был широкий географический кругозор, и когда он бывал с нами в экспедиции, умел видеть среду именно с географических позиций. Любил разжечь костер, вокруг которого собиралась молодежь. Он замечательно рассказывал о Монголии, Китае. Своими идеями он делился со многими, был очень щедрым в этом плане, помогал в написании диссертаций, отзывов и т.д.

Вообще мне выпало большое счастье общаться с интересными людьми в Институте географии, в котором я проработала всю жизнь. Когда я впервые после распределения из МГУ вошла в Институт, я увидела необыкновенного человека, очень внимательного к окружающим. Они тоже смотрели на него неравнодушно – даже с благоговением. Я спросила: «Это директор института?» «Нет, это Самуил Юльевич Геллер», – был ответ. Да, это была удивительная плеяда ученых: Э.М. Мурзаев, Д.Л. Арманд, С.Ю. Геллер, Н.Т. Кузнецов…

Я с большим удовольствием ходила на заседания Ученого совета. Такие там были интересные дискуссии! Живой театр! Когда я осмелилась спросить у С.Ю. Геллера: «В чем смысл жизни?», ответ был как всегда лаконичен: «В самой жизни...».

Жизнь в Институте в окружении этих замечательных людей многому научила меня. Заведя аспирантурой и общаясь с молодежью, я придерживалась правила никогда не говорить: «Приходите завтра». Старалась все делать сразу. Только однажды отказалась в выдаче справки вьетнамской аспирантке из отдела экономгеографии зарубежных стран. Она просила: «Евгения Николаевна, дайте справку на аборт, мне надо защищаться». Более двух часов со слезами на глазах я ее уговаривала, что этого делать нельзя, ведь у нас такие люди замечательные: они от души помогут и диссертацию защитить, а на первых порах и ребенка поднять. Через несколько лет она забежала в Институт, чтобы дать мне фотокарточку с вьетнамской девушкой в перламутровом платье, со словами: «Евгения Николаевна – это ваша дочь».

Инна Алексеевна Клюканова была чудесным, прекрасным человеком. Недавно мне позвонила Соня Короновская (она работала в редакции журнала «Известия академии наук. Серия географическая»). На мой вопрос «какая была Инна», она ответила: «Она была мудрая, причем мудрость ее была из глубоких русских корней, она была большой умницей и очень-очень доброй». Я спрашиваю: «А как ты назовешь такую ее черту характера: если она видит, что человек, который был должен что-то сделать, не сделал порученное, она без всяких упреков и стонов все сама за него сделает». Ответ: «Это тоже разновидность доброты».

У Инны была прекрасная память. Всегда, если мы затруднялись назвать фамилию того или иного человека, писателя, актера – Инна запросто называла нужную фамилию. Она очень любила людей и нежно их называла. Например, с ее легкой руки Кузнецовых, даже еще когда не был кандидатом, был для всех нас Профессором («А Профессор пришел? ушел?» – мы знали о ком идет речь). Профессору Инна много помогала всегда и во всем. Она много помогала всем, с кем работала: печатала статьи, рецензии, отзывы и т.д. Была прекрасной матерью и бабушкой.

Владимир Николаевич Кунин (1906–1976)

*Гидролог, гидрогеолог, д.г.н. (1945),
чл.-корр. АН СССР(1969) и АН Туркменской ССР(1951).*

В Институте в 1948–1968 гг.

*Заслуженный деятель науки Туркменской ССР,
вице-президент Международной ассоциации гидрологических наук (IAHS)
и Международного союза гидрогеологов (IAH)*

В.Н. Кунин.

распределения подземных и поверхностных вод, влияние поверхностного стока и атмосферных осадков на режим подземных вод, искусственное формирование линз пресных вод, научные принципы их эксплуатации, методики расчета, прогноза и регулирования подземного и поверхностного стока в пустыне и т. д.

В 1930 г. В.Н. Кунин окончил географический факультет ЛГУ, но еще будучи студентом, принимал деятельное участие в изучении пустынь как научный сотрудник Пустынной станции Репетек и Каракумской экспедиции АН СССР.

Окончив в 1935 г. аспирантуру Государственного гидрологического института в Ленинграде, Владимир Николаевич целиком посвятил себя исследованиям засушливых территорий Азии. Старший специалист Гидрометслужбы Туркмении, инженер-гидрогеолог Ашхабадской геологической партии, консультант Туркменского геологического управления, заведующий отделом Туркменского филиала АН СССР, научный руководитель Карабогазской экспедиции АН Туркменской ССР – вот далеко не полный перечень деятельности В.Н. Кунина, направленной на изучение

В.Н. Кунин родился в 1906 г. в Швейцарии. В годы советской власти в нашей стране было принято не афишировать свое «зарубежное» происхождение. Но Владимир Николаевич никогда не скрывал этого, а совершенное знание английского и французского языков, полученное в детстве и юности, позволили ему в дальнейшем широко общаться с зарубежными коллегами, выступать с докладами на многочисленных научных конференциях и симпозиумах, пропагандировать достижения отечественной науки.

Владимир Николаевич Кунин был классическим географом широкого профиля. Круг его научных интересов охватывал геоморфологию и палеогеографию аридной зоны, геологию и гидрологию засушливых районов, тепловой и водный режимы, растительность и почвы пустынь, происхождение и закономерности

пустынь. Этими же вопросами Владимир Николаевич одновременно занимался в Институте географии АН СССР, которому он отдал около 25 лет своей жизни.

Личное участие в экспедициях, непосредственное руководство комплексными физико-географическими и гидрогеологическими исследованиями, проводимыми в Туркмении, Средней и Восточной Азии, позволили Владимиру Николаевичу собрать обширнейший научный материал, который лег в основу его кандидатской диссертации «Современные эоловые формы Юго-Восточных Каракумов», а затем и докторской – «Подземные воды Каракумов». В 1951 г. В.Н. Кунин был избран членом-корреспондентом АН Туркменской ССР, а в 1969 г. – Академии наук СССР. Ему было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Туркменской ССР».

Научная деятельность многих лет жизни В.Н. Кунина была направлена на решение современных проблем гидрогеологии. Он по праву считается одним из основоположников учения о подземных водах пустынь. Результаты многолетних исследований В.Н. Кунина представлены в его многочисленных научных статьях и обобщены в монографиях «Очерки природы Каракумов» (1955), «Местные воды пустынь и вопросы их использования» (1959), «Временный поверхностный сток и искусственное формирование грунтовых вод в пустыне» (1960), «Линзы пресных вод пустынь. Методы исследования, оценки ресурсов и эксплуатации» (1963). Несмотря на то, что со временем публикации этих монографий прошло почти полвека, они не потеряли свою актуальность и широко используются в научной и практической деятельности гидрогеологами и гидрологами, занимающимися изучением перспектив использования водных ресурсов пустынь.

Владимир Николаевич всегда блестяще сочетал теорию с практикой, фундаментальные научные исследования с прикладными проблемами, решения которых безотлагательно требовало водное хозяйство.

Освоение водно-земельных ресурсов Каракумов и Прибалхашья, Копетдага, трасс Главного Туркменского и Каракумского каналов, Красноводска и залива Кара-Богаз-Гол было бы невозможно без гидрогеологических исследований, проводимых в этих районах под руководством и при непосредственном участии В.Н. Кунина. Результаты этих исследований позволили снабдить водой промышленные и скотоводческие районы, оросить высохшую землю, наладить освоение минеральных ресурсов.

Эти же исследования легли в основу развернутой программы преобразования пустынь, для выполнения которой по инициативе В.Н. Кунина в Туркмении был создан Институт пустынь, ставший в то время Всесоюзным центром по изучению засушливых территорий.

В своей деятельности Владимир Николаевич уделял большое внимание защите водных ресурсов от загрязнения и истощения и постоянно искал пути рационального решения проблемы охраны водных ресурсов. Он отстаивал мнение, что одним из основных путей защиты водоема от загрязнения является комплексное безотходное производство. Он доказывал необходимость создания единой системы борьбы с загрязнением природных вод и разработки автоматических систем контроля и управления их качеством.

По инициативе Владимира Николаевича была организована координация исследований Каспийского моря, задачей которых была разработка научных основ управ-

ления режимом Каспия в условиях комплексного использования водных ресурсов его бассейна.

Вместе со своими коллегами и единомышленниками, ведущими учеными страны, А.Н. Вознесенским, Г.Н. Калининым, Б.И. Куделиным, В.Н. Кунин был одним из организаторов, а затем и директором Института водных проблем, впервые созданного в Академии наук с целью комплексного изучения ресурсов поверхностных и подземных вод. В настоящее время этот институт является крупнейшим научным центром страны по разработке принципов и методов изучения, использования, охраны и управления водами суши, включая прогнозирование перспектив использования пресных вод для водоснабжения населения и орошения.

Обширной и многогранной была международная деятельность Владимира Николаевича. Он много внимания уделял развитию международных научных связей, поддерживал контакты с крупнейшими учеными мира, был вице-президентом Международной ассоциации гидрологических наук. Он читал лекции в Австралии, Англии, Аргентине, Болгарии, Германии, Дании, Индии, Иране, Китае, Ливии, Норвегии, Польше, США, Тунисе, Турции, Франции, Чехословакии, Чили, Швейцарии, Швеции.

В шестидесятых годах В.Н. Кунин был официальным представителем СССР в «Научной программе ЮНЕСКО по изучению аридной зоны», членом Бюро Научного комитета по проблемам окружающей среды Международного совета научных союзов.

Работая в начале семидесятых годов старшим научным советником Секретариата Организации Объединенных Наций, Владимир Николаевич Кунин приложил много сил для укрепления международного сотрудничества в области охраны окружающей среды.

В.Н. Кунин всегда плодотворно сочетал научную деятельность с большой научно-организационной и педагогической работой; он подготовил большую школу ученых – гидрогеологов и географов.

В.Н. Кунин был главным редактором журнала «Водные ресурсы», редактором многих изданий, касающихся различных аспектов изучения и использования водных ресурсов, часто выступал в печати по актуальным проблемам современности, был членом бюро Отделения океанологии, физики атмосферы и географии АН СССР.

Я навсегда запомнил последнюю встречу с Владимиром Николаевичем. За несколько дней до его кончины я приехал навестить его в больницу Академии наук. Будучи уже неизлечимо больным и прекрасно понимая это, Владимир Николаевич сразу же отверг мои вопросы о его самочувствии и заговорил о научных проблемах и планах развития Института водных проблем. Очень жаль, что у меня тогда не было с собой магнитофона, – это была речь ученого, устремленная в будущее, человека, который, уходя из жизни, думает и беспокоится о развитии науки и судьбах своих коллег и учеников.

Несмотря на разницу в возрасте у меня в течение ряда лет были добрые товарищеские отношения с Владимиром Николаевичем. Я неоднократно бывал в его доме. Удивлял его кабинет в квартире: обои на стенах не были видны, сплошные стеллажи и полки с книгами на разных языках. Причем это были книги не только «по специальности», но и о музыке, живописи, архитектуре, художественная литература. Владимир Николаевич мгновенно ориентировался в этом море книг – он сразу же доставал с полки ту книгу, о которой шла речь.

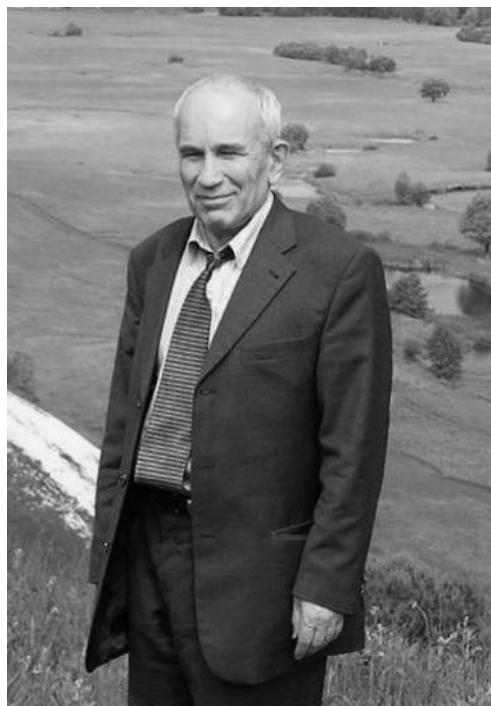
Юлий Григорьевич Липец (1931–2006)

*Экономикогеограф, д.г.н. (1991).
В Институте в 1960–1966, 1980–2006 гг.,
зав. лабораторией географии мирового развития (1988–2006)*

Юлий Григорьевич Липец остался в нашей памяти как прекраснейший человек – добрый, мягкий, абсолютно бескорыстный, всегда стремящийся всем помочь, с невероятной щедростью тративший силы и время на общественные дела. И как выдающийся ученый, чьи идеи не получили еще должного резонанса из-за исключительной скромности Юлия Григорьевича, не позволявшей пропагандировать их с достаточной настойчивостью.

Талант всегда многогранен. Юлий Григорьевич начинал научную деятельность как африканист, его первая книга была посвящена странам Юго-Восточной Африки (1968). После «африканского» периода (работа редактором в Географизе в 1954–1960 гг., затем в ИГ АН СССР, где в 1963 г. была защищена кандидатская диссертация) Юлий Григорьевич пятнадцать лет проработал в Центральном экономико-математическом институте (ЦЭМИ) АН

СССР (1966–1980 гг.), где занимался вопросами системного моделирования, сохранив, впрочем, интерес к Африке до конца жизни. Именно как «модельер», один из создателей первой отечественной модели мировой динамики, своего рода «советский Форрестер», Юлий Григорьевич приобрел заслуженный авторитет в научных кругах. Работа в ЦЭМИ способствовала тому, что он стал одним из первопроходцев количественной и теоретической революций в географии, которые в нашей стране протекали совсем не безболезненно, вызывая существенное противодействие наиболее консервативной (и весьма влиятельной) части научного сообщества. В 1962 г., совместно с Л.И. Василевским, В.М. Гохманом, И.М. Маергойзом и Ю.В. Медведковым, Юлий Григорьевич создал Семинар по новым методам исследований в экономической географии при Отделении экономической географии

Ю.Г. Липец.

Московского филиала Географического общества СССР (МФГО). Отметим, что в 60–80-е годы ушедшего столетия жизнь в МФГО была ключом, календарный план заседаний представлял собой огромную простыню, он печатался тиражом более 2 тыс. экз. и рассыпался всем московским членам Общества. А «Семинар Гохмана» был одним из самых активных подразделений и проводил заседания 1–2 раза в месяц.

Юлий Григорьевич был причастен к изданию многих прекрасных книг, в т.ч. и переводных, существенно повлиявших на интеллектуальный климат в географии времен количественной и теоретической революций. Он был переводчиком вышедших в издательстве «Прогресс» книг «Методы регионального анализа» У. Изарда (1966) и «Пространственный анализ в экономической географии» П. Хаггета (1968), на которых училось не одно поколение географов. Нельзя не отметить и исключительную преданность Юлия Григорьевича делу научной информации в географии. Выпуск тетради «Теоретические и общие вопросы географии» в реферативном журнале «География» он принял в 1970 г. от уехавшего работать в Женеву Ю.В. Медведкова, и продолжал нести, точнее, волочить эту нелегкую ношу даже после распада системы научно-технической информации в стране, когда все без исключения референты отказались от работы, и Юлию Григорьевичу приходилось самому писать хотя бы краткие рефераты на все реферируемые источники за совершенно ничтожное вознаграждение.

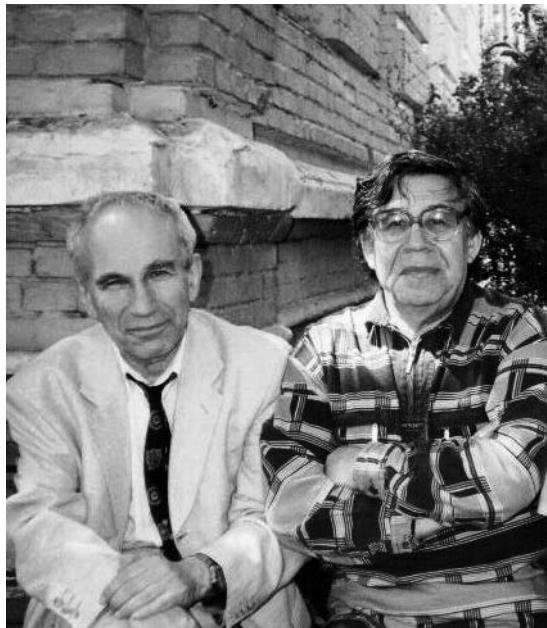
С 1980 г. Юлий Григорьевич работал в ИГ АН СССР, возглавив в 1986 г. одно из подразделений Института после кончины В.М. Гохмана, для которого был правой рукой и надежной опорой. В 1990 г. он защитил докторскую диссертацию. В эти годы Юлий Григорьевич продолжал уделять исключительное внимание теоретическим проблемам географической науки, активно участвуя во всевозможных совещаниях и семинарах, а часто и организуя их. Уже в конце 70-х гг. он деятельно участвовал в установлении первых контактов с философами, которые мы налаживали с целью привлечь их к разработке методологических проблем географии. В 1983 г. он принял активное участие в организации Комитета по методологическим проблемам географии при Президиуме ГО СССР, в который вошли 20 географов и 9 философов, проявлявших интерес к нашей науке. Комитет проводил сессии, посвященные обсуждению определенных проблем методологии географии 1–2 раза в год в различных городах СССР, и закончил свое существование вместе с его распадом – последняя сессия состоялась в 1991 г. в Алуште.

Некоторые принципиально важные теоретические положения были сформулированы Юлием Григорьевичем в докладе на конференции в Обнинске в сентябре 1978 г. В последующие годы они частично воспроизводились в других его публичных выступлениях. В этом докладе он выступил не только как глубокий теоретик, но и как методолог географии: «Единство науки требует преодоления естественной асинхронности развития отдельных отраслей знания; иначе сложившиеся диспропорции могут исказить объективную научную картину реального мира, что неизбежно отразится и на практической деятельности людей. Конкретным примером таких диспропорций служит история изучения проблем взаимодействия природы и общества и экологии человека. Одним из факторов, приведших к отставанию научного знания в экологии, явилось общее отставание научного синтеза и синтезирующую-

щих наук. Поэтому, на наш взгляд, полезно попытаться выделить основные, самые общие причины этого отставания на примере одной из синтетических наук. География – одна из древнейших наук такого плана, и не случайно, столь злободневные сейчас экологические проблемы долгое время обсуждались в географических кругах, и был даже выдвинут тезис, что география и есть «экология человека» (Barrows, 1925)¹.

Далее было выдвинуто очень важное и не получившее должного распространения и развития положение об апориях географии: «Согласно наиболее распространенному мнению, причиной отставания географии был и остается ее характер как описательной науки (по известной дихотомии идеографические – номотетические науки). На наш взгляд, и ранее это деление относилось к методическим особенностям географии; ныне при развитии общей теории систем и широком использовании системной ориентации в географии, создании новых средств сбора, хранения и обработки массовой информации и создания геоинформационных систем, «описание» стало одной из стадий географического анализа и не может претендовать на роль обобщенной характеристики науки или стать серьезной методологической трудностью – «апорией» на пути развития географии. Реальные апории современной географии определяются более глубокими свойствами изучаемых ею явлений и характером самой науки. В первом приближении можно выделить 3 апории: 1) единство географии; 2) хорология, или пространственный анализ, и география; 3) уникальность и типичность в географии»².

Не имея возможности донести до читателя мысли Юлия Григорьевича обо всех трех апориях, остановимся хотя бы на последней: «Третья апория связана с географическим преломлением общенаучной проблемы множественности и единичности, которая нашла отражение в дискуссиях о типичности и уникальности объектов, изучаемых в географических науках... Наиболее логичным представляется использование уже сложившегося в методике географии сочетания индивидуального и

Ю.Г. Липец и В.А. Пуляркин (справа). Рязань, 2000 г.

¹ Липец Ю.Г. Апории современной географии // Всесоюзная конференция «Методологические аспекты взаимодействия общественных, естественных и технических наук в свете решений XXV съезда КПСС» (Тезисы докладов и выступлений). Вып. III–IV. М.–Обнинск, 1978. С. 403.

² Там же, С. 403–404.

типовогического подходов – анализа тренда и остатков регрессии – на языке математической статистики. Однако проблема усложняется тем, что по мере подъема по ступеням пространственной иерархии число объектов резко сокращается, и на высших ступенях мы приближаемся к единичному объекту: глобальной системе. К такого рода объектам уже не применимы стандартные процедуры научного анализа, и нам приходится действовать односторонне: изучать систему на базе взаимодействия ее составных частей. Поэтому столь ценные для науки первые данные по сравнительной планетологии, однако человечество пока еще остается уникальным объектом изучения и географии и всей науки. В заключение отметим, что в сравнении с апориями в математике и логике апории современной географии, на наш взгляд, связаны, прежде всего, с противоречиями нашего знания, что, возможно, облегчит их преодоление по мере расширения и углубления научного знания в целом»³.

«Болевые точки» были не только обозначены с исключительной четкостью. Были предложены многообещающие пути дальнейшего развития, в основе которого должна лежать рефлексия над теоретическими трудностями. Этой рефлексии крайне не хватает и сейчас. По прошествии героической революционной эпохи мы, увы, опять стали сильнее грешить «теоретической беззаботностью» по А.А. Борзову, и расплачиваемся за нее отсутствием заметного прогресса в развитии нашей науки, преобладанием частных результатов, не находящих естественного места в рамках стройных концепций. Отсутствие утопического проекта в современном обществе, стимулирующего стремление к совершенству («перфекционизм» стал словом прे-зрительным), приводит к постыдному измельчанию всей интеллектуальной продукции, будь то литература или искусство, философия или наука, идеология или теология. Мы стремились вышвырнуть утопию вон, поскольку воспринимали ее как надувательство, как средство интеллектуального порабощения тоталитарным режимом. Между тем Ю. Хабермас, которого даже при крайней антипатии нельзя записать в лагерь фундаменталистов, сказал коротко и веско: «Когда высыхают утопические оазисы, ширится пустыня банальности и беспомощности»⁴. В осознании злободневности, по Хабермасу, историческое мышление неразрывно связано с утопическим.

Для Юлия Григорьевича были одинаково характерны и широта исторического мышления, и упорное стремление заглянуть за горизонт. Он пытался осмыслить происходящее именно как область соприкосновения прошлого и будущего и говорил с глубокой озабоченностью о возрастающей нестабильности мировой финансовой системы или о прогрессирующем отставании Черной Африки. Как-то более двадцати лет назад во время одной из прогулок в Сокольниках, которые мы с Юлием Григорьевичем предпринимали время от времени для обсуждения научных проблем, он поставил на обсуждение вопрос о том, почему же все-таки возможна плановая экономика, несмотря на всю ее противоестественность. Нас обоих вдохновлял бытовавший тогда среди американских экономистов афоризм: «Плановая экономика – как говорящая лошадь. Странно, прежде всего, то, что она существует». Именно в причины ее существования мы пытались проникнуть. Безо всякого, впро-

³ Там же, С. 405–406.

⁴ Хабермас Ю. Политические работы. М.: Практис, 2005. С. 112.

чем, успеха. Но если я таких отважных попыток никогда больше не предпринимал, то Юлий Григорьевич продолжал работать над этой проблемой в обычной своей спокойной и методичной манере, причем, как выяснилось через много лет, весьма плодотворно.

Результатом его размышлений стало представление о существовании двух равновесных систем цен предложения (СЦП) – низкой и высокой, а также различных вариантов неравновесных систем. Для низкой СЦП характерна низкая стоимость всех ресурсов, включая человеческие, товаров и услуг; для высокой СЦП – наоборот. Именно переход от низкой СЦП к высокой должен привести к переходу от бедности социалистического общества к богатству высокоразвитых стран. «До 1920-х гг. во всех странах мира уровень СЦП характеризовался различными степенями неравновесия. Низкая оплата массовых профессий в промышленности, сельском хозяйстве и на транспорте, а также в сфере услуг была повсеместной и послужила важным обоснованием многих теоретических построений, в частности марковской теории классовой борьбы. В 1920–1930-х гг. две системы цен предложения с относительным равновесием начали формироваться в глобальном масштабе.

Первая была основана на высоких ценах на труд, товары и услуги – система цен высокого уровня; вторая, соответственно, на низких ценах на труд, товары и услуги – система цен низкого уровня. В 2005 году исполнилось 90 лет со времени зарождения СЦП высокого уровня. В 1913 г. на заводах Г. Форда средняя текучесть рабочей силы составляла 31,9% в месяц. С 1915 г. был установлен уровень минимальной оплаты труда – 5 долл./день и текучесть снизилась до 1,4 %»⁵.

«Очень важно, что формирование высокой СЦП происходило в благоприятной теоретической среде – теории предельной полезности, согласно которой стоимостные и ценовые характеристики присущи в равной мере всему спектру товаров и услуг (включая третичный и четвертичный сектора) и, что особенно существенно, на все природные ресурсы, начиная с земли и воды» – подчеркивал Юлий Григорьевич. В дальнейшем высокая СЦП стала важным фактором формирования «государства всеобщего благосостояния» и ныне присуща всем странам т.н. «золотого миллиарда» или «Первого мира».

«Формирование низкой системы цен предложения, при которой также, впервые в экономической жизни, наблюдалось относительное равновесие между оплатой труда и ценами на основные товары и услуги, произошло в конце 1920 – начале 1930 гг. в СССР в ходе процессов индустриализации и коллективизации, а также банковской реформы 1930-х гг. Основными условиями ее формирования стали всеобъемлющее планирование хозяйства, монополия внешней торговли и ликвидация частного предпринимательства в промышленности и торговле, неконвертируемость рубля (с конца 1926 г. прекратился обмен червонцев на зарубежную валюту, прежде всего – на немецкие марки) и полностью автономная кредитно-инвестиционная система. При данной системе цены на товары и услуги формировались не децентрализовано, в

⁵ Липец Ю.Г. Внешний фактор региональной трансформации – ценовая среда региона, страны, группы однотипных по ценовой системе стран. // Шестые сократические чтения. Постиндустриальная трансформация социального пространства России (Углич, 16–20 сентября 2005 г.). Сб. докл. М.: Эслан, 2005. С. 116.

ходе анализа спроса и принятия корпоративных решений, а центральными органами Госпланом и Госкомцен. Эти цены, при обычном дефиците как товаров, так и услуг и их невысоком качестве (Корнаи, 1990), устанавливались исходя из уровней оплаты труда, даже на импортные товары. Они держались принципиально низкими на «социальные» товары, например, хлеб и коммунальные услуги, включая энергию. Большая часть жилого фонда в городах распределялась бесплатно, равно как и услуги в области образования и здравоохранения. Цены на транспортные услуги и горючее оставались на низких уровнях в течение десятков лет. Так, железнодорожный билет из Москвы в Ленинград 40 лет стоил 10–12 руб., бензин 7,40 коп/литр и т.п., несмотря на рост реальной зарплаты с 50 до 220 р. в месяц⁶.

Переходный период Юлий Григорьевич понимал как переход от СЦП низкого уровня к СЦП высокого уровня. Этот переход еще далек от завершения и в странах – новых членах ЕС. Так, пятикратный разрыв в размерах средней зарплаты между Финляндией и Эстонией (соответственно 2500 и 500 долл.) сочетается с несравненно меньшей разницей в ценах на товары и услуги.

Юлий Григорьевич тщетно пытался донести свои идеи до реформаторов, в т.ч. Е.Т. Гайдара, с которым беседовал лично. Результатом этих контактов стал следующий теоретический вывод: «Наши реформаторы долго спорили, на чем строить. Одни говорили, что надо следовать рецептам Кейнса (совокупные расходы, базовые уравнения и т.д.). Другие, и это победило, – что нужно сделать упор на монетаристской теории, где основное уравнение выражено предложением денежного обмена. Эти оба уравнения конвергируют друг с другом, но не в этом дело. Дело в том, что и кейнсианский рецепт, и фридмановский рецепт работают, как показал не только наш опыт, но и опыт развивающихся стран, в условиях высокой системы цен. Вот там они могут работать, и те и другие рецепты. А в условиях неравновесной системы цен, заниженной оплаты труда, эти базовые положения уравнения кейнсианской и фридмановской теорий работают в крайне извращенном виде»⁷. По мнению Юлия Григорьевича, предварительные, сугубо экспертные оценки позволяют предполагать, что искомые показатели нижнего порога должны лежать в диапазоне 800–900 долл. в месяц по оплате труда. Однако эти показатели требуют корректировки с учетом различий в покупательной способности валют, которые очень заметно проявляются, прежде всего, в странах с низкой и неравновесной СЦП, что особенно четко отражено в подсчетах ВВП по паритетам покупательной способности для Китая, Индии, России и ряда других стран. Для нашей страны моделирование динамики СЦП крайне осложнено глубокой дифференциацией ценового пространства и высокой долей неформальной экономики.

Юлий Григорьевич не жалел сил в попытках разобраться в развитии мирового хозяйства и как исследователь, и как организатор науки. Он опубликовал в соавторстве с В.А. Пулякиным и С.Б. Шлихтером прекрасное пособие для вузов «География мирового хозяйства» (М.: Владос, 1999). Широта и ответственность темы заставили авторов проявить скромность в выборе жанра, но, будучи написанной весьма доступно, эта очень богатая идеями и фактическими данными книга явно рас-

⁶ Там же, С. 116–117.

⁷ Там же, С. 123.

считана не только на студентов. Впрочем, авторы не остановились на достигнутом, и под их общей редакцией вышла коллективная монография «Экономическая география мирового развития. XX век» (СПб.: Алетейя, 2003), вероятно, лучшее произведение этого рода за последнее десятилетие. В последние месяцы жизни Юлий Григорьевич напряженно редактировал новый русский перевод классической книги А. Лёша⁸, который должен выйти в издательстве «Наука» в наступившем году.

Особенно велика роль Юлия Григорьевича как «организатора и вдохновителя» ежегодных конференций экономикогеографов и региональных экономистов, ставших традиционным форумом для обсуждения проблем регионального развития. С 1983 г. эти конференции проходили в качестве сессий Совета АН СССР по региональным системам, которым руководил А.Г. Аганбегян, с 1995 г. эти сессии стала проводить Международная академия регионального развития и сотрудничества, руководимая А.Г. Гранбергом. Ю.Г. до последних дней жизни энергично готовил очередную сессию, посвященную проблеме «Унаследованные территориальные структуры в социально-экономическом развитии», которая, по его замыслам, должна была состояться в Кирове в начале июня 2007 г...

Катастрофическое снижение интеллектуального уровня, равно как и отсутствие вдохновляющего проекта будущего – всего лишь симптомы крайне тяжелой болезни, порожденной глубочайшими трансформационными процессами в современном обществе. И постиндустриальная трансформация, и даже «демографическая революция» – лишь отдельные аспекты этого мощнейшего тектонического сдвига. Подобно сильному землетрясению, уничтожающему целые массивы материальной культуры, этот социальный катаклизм уничтожает исключительно важную часть духовной культуры, а именно рационализм, цитаделью которого остается наука, сама все больше напоминающая тонущий корабль. На смену ученым приходят менеджеры, мышление которых не может не быть примитивным, ибо примитивность – оборотная сторона его эффективности. Менеджер не может мыслить неисчислимymi категориями, он подобен офицеру, ставящему задачу, либо получающему ее. Но офицера естественно видеть во главе роты или дивизии, менеджера – во главе фирмы или корпорации, но не во главе кафедры или лаборатории, университета или НИИ. Между тем организация духовного производства по образу и подобию материального (в смысле материальной заинтересованности) – свершившийся факт, с которым уже давно все смирились.

Вместе с наукой из мира уходит и идеология. Подобно тому, как манипулирование социальными процессами все больше вытесняется манипулированием общественным сознанием, предъявляющим спрос на PR, а не на социальную теорию, всегда отстающую от социальной практики, в международных отношениях идеология оказалось полностью вытесненной geopolитикой. Фундаментальные представления о правах человека, политических свободах и демократии оказались низведенными до средства решения сугубо прагматических политических (или даже экономических) задач. Нас действительно ждет новое средневековье, с мобильни-

⁸ Лёш А. Географическое размещение хозяйства. М.: Изд-во иностранной литературы, 1959.

Данный перевод был сделан с английского издания 1954 г., поскольку немецкого оригинала (2-е издание 1944 г.) не было в распоряжении издательства.

ками, ноутбуками и еще более современными техническими новинками, распространяющимися со скоростью, о которой еще недавно нельзя было даже мечтать. Ведь идеологический вакуум уже начинают заполнять какие угодно лжеучения и даже самые почтенные мировые религии приобретают претензии, от которых берет оторопь. Яркий тому пример – энергичная борьба высших иерархов РПЦ против преподавания в средней школе научных представлений о происхождении человека и даже «обезьяний процесс», только уже не в 1925 г. в захолустном городишке в Теннесси, а в 2006 г. в блистательном Санкт-Петербурге.

Юлий Григорьевич преданно служил делу разума и просвещения, защищая от наваждений времени, прежде всего, свой собственный ум и в мягкой ненавязчивой форме помогая другим умам. Он мастерски умел слушать всех и всё, никого и ничего не принимая всерьез, если это с очевидностью противоречило доводам Разума. Он часто говорил в частных беседах, что концепция устойчивого развития – это гениальное изобретение чиновников, позволяющее подбирать ключи к любым сейфам с деньгами. Он ни в грош не ставил и отечественные рассуждения об энергетической сверхдержаве, и зарубежные – о газовом шантаже, поскольку смотрел без особого оптимизма как на перспективы отечественного ТЭКа, так и на добросовестность наших западных партнеров. У него в равной степени не вызывали восхищения и уровень исследований в ВШЭ, и уровень подготовки в американских университетах, поскольку и с тем, и с другим он был знаком на собственном опыте. У него был очень широкий и разнородный круг общения, но он никогда не принадлежал ни к каким тусовкам и вряд ли любил само это слово. С его уходом сократилось пространство, освещавшееся «естественным светом разума». Этого света и далее будет становиться все меньше и меньше, и если нам не удастся передать социальную эстафету тем поколениям, которые идут за нами, мир будет все глубже погружаться во тьму.

Н.И. Коронкевич

*Марк Исаакович Львович
(1906–1998)*

Гидролог, д.г.н. (1942), профессор (1947).

В Институте в 1954–1989 гг.,

зав. отделом гидрологии (1962–1988)

Марк Исаакович Львович – один из самых известных гидрологов в нашей стране и в мире, автор 25 книг и почти 500 статей, посвященных широкому кругу гидрологических проблем. Многие из его работ переведены на английский, французский, китайский, японский, польский и другие языки. Особенно широкий резонанс в научном мире получили его исследования по классификации рек земного шара, мировому водному балансу, оценке антропогенного воздействия на водные ресур-

сы и обоснованию путей их наиболее рационального использования и охраны. Им была создана своя географо-гидрологическая школа. Под его руководством стали кандидатами и докторами наук свыше 50 гидрологов СССР, Болгарии, Вьетнама, КНР, Кубы, Польши, Румынии, Югославии, Кении и других стран.

В течение ряда лет М.И. Львович был действительным членом постоянной комиссии Международной программы Международного географического союза, президентом Международной комиссии поверхностных вод, членом бюро Международной ассоциации гидрологических наук и соредактором бюллетеня этой ассоциации, членом Болгарского и Сербского географических обществ. Он входил в состав многих Ученых советов, комиссий, редколлегий, в т.ч. «Известий АН СССР. Серия географическая», журнала «Водные ресурсы».

М.И. награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Красной Звезды, болгарским орденом Кирилла и Мефодия I степени, многими медалями. М.И. Львовичу и его работам посвящена статья в Большой Российской Энциклопедии (2011, т.18, с. 193).

М.И. Львович родился в Запорожье 15 мая 1906 г. В 1924 г. он переехал в Ленинград, где совместил работу в Государственном гидрологическом институте (ГГИ) с учебой на географическом факультете ЛГУ. В ГГИ проработал до 1952 г., пройдя путь от лаборанта до заместителя директора по науке. Здесь же по совокупности выполненных работ в 1936 г. ему была присуждена ученая степень кандидата географических наук. В 1942 г. он защищает докторскую диссертацию. С 1947 г. – профессор.

М.И. одним из первых оценил значение полевых гидрологических исследований. В молодые годы он объездил с гидрологическими экспедициями многие районы СССР, в т.ч. Дальний Восток. Эти поездки, в частности, позволили ему выдвинуть опередившую свое время идею использования закономерностей гидравлических процессов для разведки россыпных месторождений золота. Еще в начале 30-х гг. им совместно с М.А. Великановым была опубликована статья, в которой излагалась программа создания в СССР сети воднобалансовых станций. Одна из первых таких станций была создана М.И. на Дальнем Востоке. В 1936 г. по его инициативе был организован широко известный воднобалансовый стационар на Валдае, а в 1948 г. – гидрометеорологическая обсерватория «Каменная степь». Позднее, уже уйдя из ГГИ и работая в Институте географии АН СССР, он организовал полевые воднобалансовые исследования в Заволжье, в Подмосковье, на юге Украины, в Курской области.

Велика роль М.И. Львовича в становлении в стране службы гидрологических прогнозов. В конце 30-х гг. ему была поручена организация Всесоюзной службы гидрологических прогнозов, координирующей деятельность отделов гидропрогнозов местных управлений Гидрометеослужбы.

М.И. Львович.

В годы Великой Отечественной войны М.И. был одним из руководителей гидрологического обеспечения действующей армии. В 1943 г. он был назначен членом Военно-гидрометеорологической миссии СССР в США.

М.И. всегда интересовала глобально-гидрологическая тематика. В 1945 г. была опубликована его работа «Элементы водного режима рек земного шара», многие положения которой были апробированы еще в конце 1938 г. в исследовании «Опыт классификации рек СССР».

Широкий отклик в мире получила профилактическая концепция предотвращения качественного истощения водных ресурсов, предусматривающая всемерное ограничение сброса сточных вод в реки и водоемы, которую М.И. начал разрабатывать более полувека назад и обосновал прогнозно-гидрологическими расчетами для суши земного шара и отдельных его регионов. Значительное место этой концепции отведено в книгах «Мировые водные ресурсы и их будущее» (1974) и «Вода и жизнь» (1986). Последним глобально-гидрологическим исследованием стала коллективная монография «Современная интенсивность внутриконтинентальной эрозии суши земного шара» (1991), написанная под его руководством.

В научном творчестве М.И. Львовича наряду с глобальными широкое применение нашли региональные и зонально-ландшафтные подходы к исследованию водных ресурсов. Это стало возможным в результате развития географо-гидрологического метода В.Г. Глушкова, которого М.И. считал своим учителем и о котором он написал книгу. Марк Исаакович предложил шестикомпонентную систему уравнений водного баланса, которая позволила генетически более обоснованно по сравнению с традиционным трехчленным уравнением А. Пенка изучать закономерности круговорота воды. На основе шестикомпонентной системы уравнений водного баланса им и его учениками построены карты элементов водного баланса и выполнена балансовая оценка водных ресурсов мира, СССР, Русской равнины и других регионов.

М.И. может считаться одним из основоположников антропогенного направления в современной гидрологии. Большой вклад он внес в понимание гидрологической роли различных видов хозяйственной деятельности на водосборах (земледелия, лесного хозяйства, урбанизации территории и др.) Особенно тщательно эти вопросы были проработаны им в книге «Человек и воды» (1963).

С 1954 г. М.И. Львович начал работать в Институте географии АН СССР – после увольнения в 1952 г. из ГГИ в период гонения на космополитов и непродолжительной работы в Экспедиции полезащитного лесонасаждения Академии наук. В 1962–1986 гг. он возглавлял отдел гидрологии ИГАН. В период работы в ИГАНе была выполнена большая часть его работ. Помимо указанных выше исследований в 70–80-е гг. в Институте географии под руководством М.И. Львовича было проведено изучение влияния территориального перераспределения водных ресурсов на окружающую среду, в результате чего были разработаны рекомендации по максимальному ослаблению отрицательных последствий отдельных проектов переброски стока и предложения по интенсификации водного хозяйства на местах. В частности, предложения по пересмотру географии земледелия, по созданию в горах Средней Азии системы водохранилищ ирригационного назначения с многолетним регулированием стока и по расчленению Аральского моря с целью частичного сохранения его экологического потенциала.

В 1989 г. М.И. по семейным обстоятельствам эмигрировал в США, где и умер 27 сентября 1998 г. в г. Сан-Хосе.

М.И. был чрезвычайно целеустремленным, работоспособным и организованным человеком. Того же он требовал от своих подчиненных. Во многом благодаря этим качествам возглавляемый им отдел гидрологии ИГАНа с числом сотрудников немногим более 20 человек на протяжении многих лет успешно конкурировал в воднобалансовых исследованиях с ГГИ, насчитывавшим по крайней мере в 100 раз большее число исследователей.

Любую работу М.И. начинал с разработки метода исследования. Недаром его любимым изречением были слова А.И. Герцена: «Метод есть эмбриология истины». В статьях и отчетах, напоминал он, необходимы четкая постановка задачи, методическая часть, логическое четкое изложение результатов исследования, выводы и рекомендации. Обаятельный с окружающими во внеслужебной обстановке, М.И. был весьма требователен, порой жесток ко всему, что относилось к работе, ее качеству, срокам выполнения. Ему был присущ в целом авторитарный стиль управления, хотя и в весьма интеллигентной манере. Он никогда не употреблял бранных слов, не был блестителем строгой дисциплины. Обычно всеобщая явка на работу была обязательна лишь по вторникам и четвергам, да на всех заседаниях, когда выступал он сам или кто-то из сотрудников отдела. В присутственные дни все должны были отчитываться о проделанной за предшествующую неделю работе. Много внимания уделялось подготовке к предстоящим докладам, в частности, изготовлению иллюстрирующих их плакатов. Как-то он сказал мне, что главное – результат, а как и когда его получает сотрудник, не играет большой роли.

При этом М.И. весьма болезненно относился к инакомыслию в отношении своих идей и решений – мог нелицеприятно высказаться по этому поводу, долго помнил прегрешения, старался расстаться с совершившими их людьми. В этой связи ушли из отдела гидрологии ИГАНа или сильно испортили свои отношения с ним С.Л. Вендров, А.М. Грин, П.Ф. Идзон, Г.М. Черногаева и ряд других сотрудников. Немало недоброжелателей нажила его манера подчеркивания своего «я», упорного навязывания своего мнения, исходя из искренней убежденности, что он лучше других знает проблему. Помнится следующий эпизод. Дело было в кинотеатре «Новочеркасск», рядом со старым зданием Института водных проблем (ИВП) АН СССР. Там проходило Всесоюзное совещание по проблемам переброски стока. Выступал Г.В. Воропаев как директор ИВП – ведущей организации, отвечающей за научную разработку проблемы переброски стока. После его выступления к нему, очень довольному своим докладом, подошел М.И. и в присутствии большого числа людей сказал: «Григорий Васильевич! Что же Вы, готовя свое выступление, не посоветовались со мной? Я бы подсказал Вам главную идею решения проблемы. А так ваш доклад получился неудачным». Настроение Воропаева после этого резко упало.

В то же время М.И. очень ревностно защищал на разных уровнях своих учеников, друзей, последователей и нередко очень существенно помогал в жизни вне рамок научной деятельности.

Немалое влияние на отношения М.И. к коллегам оказывала его жена Фрида Аркадьевна, которая всегда была в курсе того, что делается в отделе гидрологии и в Институте географии. Ей, врачу по специальности, М.И., не обладавший крепким здо-

ровьем, во многом обязан тем, что прожил почти 93 года. Она бдительно следила за его состоянием и при первых признаках недомогания старалась устроить его в академическую больницу или санаторий. Но при этом М.И. забирал с собой книги и рукописи и превращал больничную палату в служебный кабинет, где писались статьи и книги и решались производственные вопросы с приглашенными сотрудниками.

Добившись выдающихся результатов в своей научной деятельности, Марк Исаакович многое дал своим ученикам и, прежде всего, навыки научной работы, широкий кругозор как в области гидрологии, так и смежных наук, причем не только географических. Вспоминаю, как в одну из редких минут своих отвлечений от работы он очень увлеченно рассказывал мне о сусальном золоте, о том, как этим золотом покрывали фрагменты станции метро «Таганская» и что на это ушло 2 килограмма золота.

Полученные навыки и знания способствовали успешной карьере многих его учеников и последователей. Самое же главное, он научил многих из нас относиться к науке как к главному делу жизни.

Г.М. Лаппо

*Яков Григорьевич Машбиц
(1928–1997)*

Экономикогеограф, страновед, д.г.н. (1975),
профессор, чл.-корр. Российской академии образования (1995).
В Институте в 1955–1997 гг.,
зав. отделом географии зарубежных стран (1970–1986),
дважды лауреат Государственной премии (1973, 1987)

Полтора десятилетия назад не стало Якова Григорьевича Машбица. Он скончался в день своего 69-летия. Болезни, которые ему досаждали в последнее время, казалось, отступили. Утром 15 сентября Яков Григорьевич принял поздравление от А.А. Величко, звонившего из-за города. Но вскоре почувствовал себя неважно. В сопровождении жены отправился в больницу, расположенную на той же улице, на которой он жил. А через три-четыре часа скончался. Остановилось сердце. Когда Наташа позвонила мне во второй половине дня и сказала буднично: «Яша умер», – чувствовалось, что она говорит, сама не осознав, что случилось.

Все, кто знал Яшу, дружил с ним, работал, привык общаться чуть ли не ежедневно, его не забывают. Он продолжает жить где-то рядом. Кажется, что придешь в Институт географии и встретишь его, беседующего с коллегами в коридоре, улыбающегося после очередной шутки. Или увидишь в библиотеке за просмотром свежих поступлений. Или будешь заседать на Диссертационном совете, на котором он обязательно выступит в поддержку соискателя.

В институте Я.Г. был опорной фигурой, авторитетным профессионалом-географом. Его мнение ценили Иннокентий Петрович Герасимов и Владимир Михайло-

вич Котляков, коллеги из других отделов и лабораторий. Смысл жизни для него был в работе, в том, чтобы дело свое делать хорошо. И получалось у него всегда так, как надо.

Яша умел работать в коллективе. В редколлегии «Стран и народов», будучи заместителем главного редактора Ю.В. Бромлея, был инициативен, курируя географическую часть интересного издания, удостоенного в 1987 г. Государственной премии СССР. Подобная же роль генератора идей и куратора социально-экономических разделов была у него при создании Национального атласа Кубы, также удостоенного Государственной премии СССР (1973).

Вместе с Вениамином Максовичем Гохманом он создал основы проблемного страноведения – важного раздела социально-экономической географии. Эти разработки сыграли большую роль в подъеме, придании актуальности и свежести исследованиям стран мира. Много Яковом Григорьевичем сделано для развития столь значимого в географии направления как создание Национальных атласов разных стран (помимо кубинского еще монгольского и вьетнамского). Он поддержал идею создания «Географии для управленцев», разработал программу книги, беседовал с возможными авторами разделов. Книга не была написана. А жаль. То, что сейчас публикуется и делается по вопросам административно-территориального устройства, реформирования (по сути дела развода) Единой энергетической системы, приватизации предприятий, формирования агломераций, преодоления монопрофильности городов, расширения границ Москвы, – свидетельствует о дефиците географических знаний у лиц, принимающих решения. Осознаешь, как была бы полезна и необходима подобная книга. Государственная политика в области демографии, охраны окружающей среды, расселения должна иметь надежные географические основы.

Обширные знания, превосходная память, общая культура, трудолюбие и работоспособность, высокая гражданственность, вообще добротные человеческие качества очень помогали Якову Григорьевичу успешно работать и добиваться хороших результатов. Он относился к своему делу с большой ответственностью. Его совершенное владение испанским языком вызывало восхищение. Помню, как поразил поистине виртуозный перевод выступления президента АН Кубы А.Н. Хименеса на приеме в Президиуме АН СССР. Я.Г. легко и свободно, без усилий и запинки излагал пространные части речи кубинского ученого.

После кончины Яши я по просьбе его жены разбирал с большой горечью научный архив Я.Г. Десятки увесистых папок с обозначенными темами, сотни, тысячи листков напечатанных на машинке или написанных от руки, но очень разборчиво. Все в порядке, очень аккуратно. Видно было, что папки не пылились на полках. Они все время были в работе, постоянно пополнялись. Листки в них выражали непрерывную работу, которой Яша занимался неутомимо. Вовсе не создавалось

Я.Г. Maisits.

впечатления, что владелец архива почивал на лаврах и намеревался ограничиться стрижкой купонов. Он был весь в движении, продолжал восхождение в науке, шел к новым свершениям. Содержимое папок отражало не только и не столько уже достигнутое (было, конечно, и это), оно говорило о намерении сделать еще больше, разработать новые темы и направления.

Якова Григорьевича отличало педагогическое мастерство. Оно ярко проявилось во время его не очень долгой, но плодотворной работы на кафедре В.П. Максаковского в Педагогическом университете. Для тамошних студентов и аспирантов он был поистине живым классиком. Триумфально был избран в члены-корреспонденты Российской академии образования. Коллеги подумывали о том, что пора бы провести его в академики. Мне довелось присутствовать при разговоре на эту тему тогдашнего Президента РАО М.И. Кондакова и В.П. Максаковского. Буквально за день до кончины Я.Г. узнал о том, что готова верстка его учебника, посвященного проблемному страноведению, – своего рода напутствие и завет молодым географам.

Как-то в разговоре с Яшой я поделился своими заботами. Моей дочери Лене, аспирантке ИГАНа, предстояло сдавать кандидатский минимум по философии. Естественно, она волновалась – материал огромный, вопросов тьма. Яша предложил дочке прийти к нему для консультации. И так умело, мастерски построил собеседование, в ходе которого не только много рассказал сущностного и о том, как надо строить ответы, но сумел снять тревоги и неуверенность. Дочь ушла окрыленная и экзамен сдала на «отлично».

Даже в своем хобби Я.Г. достигал профессионализма. Его знание истории отечественного футбола было потрясающим. Почти не напрягая память, он в разговорах на футбольные темы называл имена игроков и тренеров, результаты матчей, приводил массу интересных подробностей. Причем, это касалось не только его любимой команды ЦСКА – «команды лейтенантов». Его эрудиции позавидовали бы авторитетные футбольные статистики.

У Яши было хорошо поставлено чувство юмора. Он любил шутку, умел создать и поддержать атмосферу непринужденности, рассказав анекдот, забавную байку, прочитав ироничные стихотворные строчки. Но делал это не как балагур, стремящийся потешить публику. В шутливой форме или в шутливом обрамлении преподносился очень даже серьезные вещи.

И собственные невзгоды и трудности Я.Г. переживал и преодолевал с юмором. А ведь временами не все складывалось по справедливости, так, как надо было бы. Не все радовало. После окончания геофака мог бы быть оставленным в МГУ, учитывая его отличную учебу. Не оставили. Великолепное знание стран Латинской Америки и вообще испаноязычных стран и замечательное владение испанским языком, естественно, открывало ему пути в эти страны. Но поездок, не считая посещение Кубы, где он побывал 11 раз, было намного меньше, чем требовалось в интересах дела.

В июле 1977 г. в составе делегации советских географов Я.Г. прибыл в город Торунь – место проведения III польско-советского семинара по урбанизации. И почти сразу, кажется, чуть ли не в день прибытия, вернулся по вызову в Москву, чтобы затем отправиться в Перу. Но случилось так, что и в семинаре по урбанизации не поучаствовал, и в Перу почему-то не полетел. Хотя все надлежащим образом было оформлено.

Яша был непревзойденным тамадой. Кто-то в шутку сказал, что Яша проходил «тамадатуру» в Грузии. Конечно, в Грузии он был не раз и всегда с удовольствием. Встречали его грузинские друзья замечательно. Так что «тамадатуру» проходил успешно. С ответственными обязанностями тамады Яшаправлялся блистательно, умело направляя ход дружеского застолья. К месту находил всевозможные были и небылицы, широко использовал и художественную литературу, и народную мудрость. Его речь изобиловала артистически выполненными миниатюрами. Любил помянуть Одессу с ее дружелюбием и теплотой, приводя высказывания И. Бабеля: «Киплингов здесь не будет, зато Мопассанов вам гарантирую». Вспоминал о Буденном, который на вопрос «Как Вам Бабель?» ответствовал: «Смотря какая бабель!»

Жена и друг Наташа Машбиц-Дукельская сказала кратко об отличительной черте своего мужа: «Яша умел дружить». Это глубоко верно. Яша, скромный по натуре человек, смог позволить себе роскошь – иметь много друзей, очень разных. И по учебе в университете, и по работе в ИГАНе и других академических институтах, особенно в Институте Латинской Америки, и по Обществу дружбы с зарубежными странами, по Географическому обществу. Был заботлив и внимателен, всегда готовый поддержать, прийти на помощь словом и делом. Люди были ему интересны. Эта черта – внимание к людям – свойственная настоящему педагогу и хорошему человеку, у Яши была выражена очень сильно. На друзей не жалел времени, а ведь уйма его уходила на беседы, телефонные разговоры, чтение и рецензирование рукописей. И Яше друзья отвечали теплотой и благодарностью.

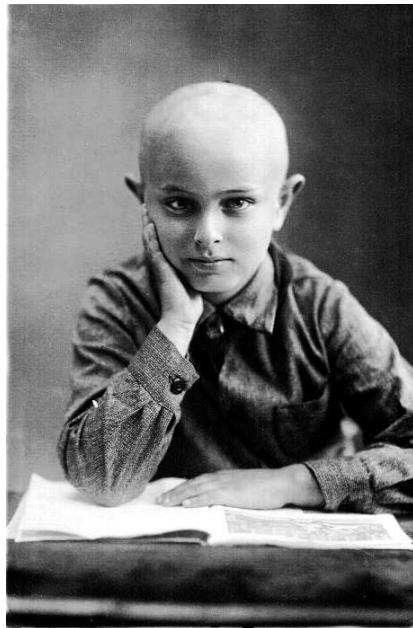
В библиотеке Я.Г. много книг с дарственными надписями. Очень много надписей нестандартных. Хочется привести хотя бы некоторые.

«Дорогому другу Якову Григорьевичу Машбицу с благодарностью за помощь в работе над этой книгой, за добное отношение к ее автору. Здоровья Вам и оптимизма. Ваш всегда Эд. Мурзаев. 28.09.95» (надпись на книге «Топонимика и география»(М., 1985)).

На книге «Чехословакия» (М., 1964): «Дорогой милой моему сердцу семье Машбиц от автора на добную память с чувством искренней симпатии и в знак нашей давней дружбы. 10.05.1964. И. Маергойз».

«Дорогому Яше Машбицу, хорошему человеку и работяге с глубоким уважением и любовью в память об общих учителях и друзьях. Твой О. Витковский».

«Якову Григорьевичу Машбицу, уже давно ставшему маяком для автора этой скромной книжечки. Б. Ишмуратов».

Якову Григорьевичу 11 лет.

В.В. Покшишевский на своей книге «Население и география» (М., 1978) заполнил целую страницу. Привел 24-строчное стихотворение Георгия Шенгели «Александрия», затем изречение Ларошфуко: «Старея, люди становятся более безумными и более мудрыми». И от себя: «Дорогому Якову Машбицу – другу – с любовью, рецензенту – с благодарностью от автора-александрийца (и «француза»). Сердечно В. Покшишевский».

А.А. Величко: «Дорогому Яше, без твоей поддержки не родилась бы и книга».

В.А. Тишков: «Дорогим Наталье и Якову с самыми добрыми чувствами благополучия и успехов от коллег по Новому Свету с почтением к высокой учености и человечности».

«Яшенъке Машбицу – великому латино-американисту от скромного, но любящего африканца. М. Горнунг».

С.А. Тархов, С.Б. Шлихтер: «Дорогому Яше – организатору и вдохновителю всех наших побед с любовью и дружбой».

«Дорогому Яше Машбицу, неотступно тревожащему мою совесть, с благодарностью. Л. Блохин. 06.02.95».

«Дорогому Якову Григорьевичу Машбицу с благодарностью за его огромную душевную щедрость. Э. Жибицкая». (Эрнестина Давыдовна Жибицкая была школьной учительницей Яши по географии).

«Дорогому Якову Григорьевичу Машбицу, обладающему большим и тонким чувством юмора, что делает его незаменимым судьей даже теоретических опусов. В. Вольский».

И ученики, и товарищи, и маститые ученые в своем отношении к Я.Г. единны. Роль таких людей, как Я.Г. в коллективе трудно переоценить. Они необходимы как воздух. Я.Г. не просто активно и плодотворно, не всегда заметно для других работал, занимая ответственные посты и входя в мозговой центр Института. Своей доброжелательностью и человеколюбием он создавал теплую товарищескую атмосферу. При всей своей мягкости и такте был принципиален и тверд в позиции, хотя всегда был готов к обсуждению, к поиску приемлемого для всех решения. Когда говорил о том, что добился «достойного компромисса» в своем непростом из-за обилия характеров отделе был страшно доволен, прямо-таки светился.

Когда выступал, быстро овладевал вниманием аудитории. У О.Р. Назаревского вошло в привычку «ставить оценки» выступавшим (например, на заседании Диссертационного совета). Яша, гораздо чаще, чем другие, удостаивался «пятерки».

Помню, на заседании аттестационной комиссии при переаттестации сотрудников, когда рассматривался вопрос о Я.Г. Машбице, я, учитывая, что среди членов комиссии были недавно ставшие игановцами, сказал: «За Яковом Григорьевичем надо ходить с блокнотом и записывать его высказывания, они интересны и поучительны». Сказал вроде бы шутливо, но будучи в этом абсолютно убежденным. А вот сейчас жалею, что сам этому призыву следовал лишь изредка, хотя вместе мы были нередко – и на разных заседаниях, и беседуя в кулуарах, и подчас совершая совместные поездки, например, на любимый обоими Кавказ.

Всюду и всегда Я.Г. не был пассивным. Не мог просто присутствовать или числиться. Всегда был активным участником.

У меня сложилось убеждение, думаю, что не только у меня, что Яша очень удачно выбрал профессию географа – исследователя, педагога, популяризатора науки. Он органично вошел в географию, проникся ею. Занятия географией, знакомство с районами и странами во время путешествий, анализ статистического материала, обращение к картам как важнейшему в географии средству анализа и синтеза, – все это определило интересы, пристрастия, сам образ его жизни. Быть географом для него было почетно и ответственно, в высшей степени престижно. Я.Г. был убежден в высокой роли географической науки, географии как учебного предмета, мировоззренческом ее значении. Видимо, поэтому на надгробном камне на могиле Я.Г., покоящегося на Ваганьковском кладбище, надпись предельно лаконична: «Яков Григорьевич Машбиз. Географ».

Рисунок А.Д. Арманда.

Эдуард Макарович Мурзаев (1908–1998)

*Физикогеограф, страновед, д.г.н. (1949), профессор (1956).
В Институте в 1931–1969 гг.,
зам. директора по науке (1954–1961)*

A.B. Дроздов

Самое важное

Кроме овеществленных результатов труда наших учителей, кроме книг, карт, рукописей, для полноценного развития научного сообщества не менее важны нематериальные проявления их творчества. Это наши с ними разговоры, это их голоса и жесты, поступки. Они формируют наше научное мировоззрение ничуть не в меньшей степени, чем письменные источники. С появлением аудио- и видеозаписей и эти аспекты нашей жизни отчасти стали материальны, но многое хранится только в памяти, особенно, если мы обращаемся к далеким временам. Это та самая «дней связующая нить», оборванные концы которой стремился соединить принц Гамлет и разрывать которую нельзя.

Скажу о том, что в нематериальном наследии Эдуарда Макаровича Мурзаева хранящемся в моей памяти, для меня особенно важно.

Монголия, начало 1940-х годов.

Шел 1968 год, Эдуарду Макаровичу было 60 лет, мне не было и тридцати. В этот год я получил от него книгу «Путешествие в жаркую зиму» с лестной дарственной надписью – «Саше Дроздову, молодому географу от старого Макарыча».

Немногие люди, как мне кажется, называют себя старыми в 60 лет. Правда, к 60 годам Э.М. был уже классиком. Уже опубликованы были книги о Монголии, Средней Азии, Синьцзяне, уже вышел знаменитый словарь.

Незадолго до этого, в годы учебы в МГУ, Э.М. казался мне существом почти мифологическим. Мне пришлось видеть его в те годы лишь дважды. Первый раз на заседании топонимической комиссии Географического общества. Он говорил о вещах для меня абсолютно новых и поразительных. Я почувствовал, что его речь, которую по малограмотности смог

понять лишь отчасти, полна глубокого значения. А его облик оставлял ощущение заключенной в нем мудрой силы.

Второй раз я с робостью смотрел на него, председателя экзаменационной комиссии, во время защиты своей дипломной работы, в которой осмелился рассуждать о Джунгарии, где, конечно же, не бывал. А он бывал не раз. И мне казалось – знал о ней все. И я трепетал. Но Мурзаев никаких грозных вопросов мне не задал и о моей работе ни словом не обмолвился. А мне бы очень хотелось услышать его одобрение. Но тогда я еще не знал, как деликатен этот человек. Узнал позже, уже в Институте.

Дело в том, что в студенческие годы, да и потом я во множестве глотал разнообразнейшие книги о Средней и Центральной Азии. И вот однажды после какого-то из институтских заседаний заговорил с Эдуардом Макаровичем о моих увлечениях Свеном Гединым, который тогда был у нас отнюдь не в почете, Арминием Вамбери и даже «Крышей мира» Сергея Масловского (его литературный псевдоним Мстиславский). Мурзаев мою восторженность очень мягко остудил. Выслушал меня благожелательно, а потом Свену Гедину отдал должное, но попенял за некоторые преувеличения, о Вамбери заметил, что это был человек мужественный и устремленный, но скорее выдающийся филолог, чем географ, а про книгу Сергея Масловского не сказал ничего.

Мне кажется, я тогда правильно понял этот урок. И не счел Эдуарда Макаровича сухим человеком. Мне стало ясно – тогда он деликатно дал мне почувствовать, что достоверные факты ценят больше, чем пересказ прекрасной легенды об Исандере и Пери в авантюрном романе. И что прекрасные легенды нужно читать в подлинниках, а не в переложениях.

Был ли Эдуард Макарович только лишь добросовестным и сухим собирателем фактов, как вначале отзывался о нем Л.Н. Гумилев? Из своей казахстанской ссылки

он писал: «Мурзаев образец ученого муравья, по Фр. Бэкону». Конечно, нет. Он был еще и «пчелой Бэкона». И тот же Гумилев позже писал Абросову уже иначе: «Кстати, Мурзаева я достал и извлек из него кое-что нужное».

По-моему, важнейшей чертой Эдуарда Макаровича была сдержанность, за которой ясно ощущались сила и независимость.

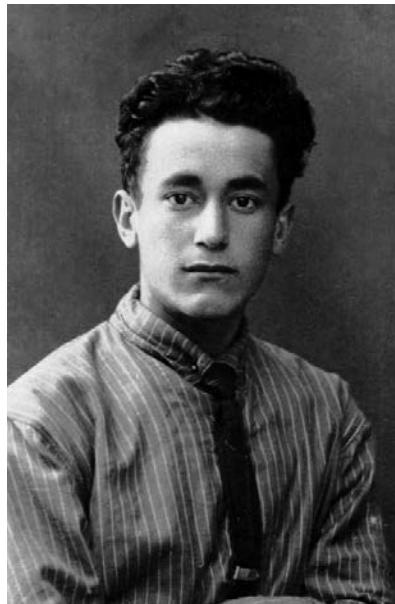
Сильным и теплым было его рукопожатие. Силой и независимостью были окрашены его выступления на очень интересных «среднеазиатских» заседаниях нашего Ученого совета, посвященных, например, проблемам происхождения рельефа пустынь или лёсса. Там обычно разгорались острые споры между Б.А. Федоровичем и С.Ю. Геллером, В.Н. Кунином и А.С. Кесь. В эти бурные дискуссии почти всегда включался И.П. Герасимов и иногда, как председатель Совета, настаивал на том, чтобы признать верной только одну их гипотез. Тогда вставал Мурзаев и спокойно замечал: «Нашему Совету не к лицу нарушать научную этику». Страсти стихали и несправедливого решения Совет не принимал.

Думаю, независимостью было продиктовано его решение уйти на должность консультанта сразу же, как только такая должность появилась в штатном расписании академических институтов. Эдуард Макарович заявил о желании занять ее, не дожидаясь очередной аттестации и возможного предложения директора. Кстати, он нередко говорил, что от трудностей не следует уклоняться, нужно предвидеть их и идти им навстречу.

Вот еще один запомнившийся, казалось бы частный, но характерный эпизод. Эдуард Макарович должен был выступать оппонентом в МГУ на докторской защите Н.Ф. Глазовского, а я вызвался проводить его от дома до аудитории 1807 на географическом факультете, где обычно проходят заседания Ученого совета. Уже на остановке автобуса он вспомнил, что забыл очки. Я предложил сбегать за ними, а потом, чтобы не опоздать на защиту, поймать такси. Тут Эдуард Макарович мягко возразил, заметив, что таксиста, возможно, придется уговаривать, просить об одолжении. И мы без забытых очков поехали на автобусе.

«Не будем равнодушны к ушедшим». Это слова Мурзаева из дарственной надписи на его книжке «В сердце Азии». Он никогда не был равнодушен к своим учителям, к коллегам. Написал о них, если не ошибаюсь, девять книг. Это, несомненно, еще одна важнейшая черта характера Эдуарда Макаровича.

Особенные отношения связывали Мурзаева со Львом Семеновичем Бергом. Отношения во многом символичные. Их важный смысл, безусловно, преемственность поколений и дел. Но у этой преемственности есть и символ – уйгурский разрезальный нож слоновой кости, когда-то принадлежавший Петру Петровичу Семенову-

Крым, школьные годы.

Заместитель директора, 1954–1961 гг.

Тян-Шанскому, первому президенту Русского географического общества. Петр Петрович подарил его Льву Семеновичу, а Лев Семенович подарил Эдуарду Макаровичу. Этих замечательных людей связывали не только отношения учителя и ученика, не только общность исследовательских интересов, не только уйгурский нож как эстафетная палочка поколений, но и еще одно обстоятельство, пожалуй, тоже символичное. Дело в том, что в 1895 году отчет о 50-летии Общества писал Петр Петрович, в 1945 году отчет о его столетии писал Лев Семенович, в 1995 году отчет о 150-летии, как догадываетесь, писал Эдуард Макарович. Ну а разрезальный нож, хранящий тепло рук наших учителей – это, согласитесь, особым образом материализовавшаяся та самая «дней связующая нить».

Деликатность, сила и независимость, теплота, неравнодушие, требовательное отношение к достоверности сообщаемых фактов – об этих важнейших чертах личности Эдуарда Макаровича, памятных мне и многим из нас, я хотел сказать прежде всего.

Дополню этот рассказ двумя высказываниями Мурзаева о самом себе. Говорил он о себе очень редко, а если писал о своих путешествиях, то отстраненно, избегая оценок своей работы. Пожалуй, он вообще почти не употреблял прилагательных в превосходной степени. Заголовком к одной из книг о своих экспедициях поставил: «Путешествия без приключений и фантастики».

Одно из его запомнившихся высказываний о себе самом окрашено характерной ironией. Однажды, сидя в кабинете Эдуарда Макаровича, я наивно спросил: «Как Вам удается делать так много?» Улыбнувшись, он ответил: «Самое важное – это встать с дивана». Видя мое недоумение, добавил: «Книги я часто читаю лежа. Вот нахожу что-то интересное. И тут нужно встать, взять карточку, записать на ней все необходимое и положить ее в нужный ящичек. Вот и все».

Между прочим, библиографические карточки он очень любил. Выходил на трибуну с их небольшой стопкой. Там в задуманном порядке были собраны фак-

ты, нужные цитаты. На эти карточки от времени до времени посматривал и перекладывал их, как листают теперь страницы компьютерной презентации. Так он выступал с большими и сложными докладами, всегда насыщенными и убедительными.

И еще одно высказывание Эдуарда Макаровича о себе. Это чудесная, выразительная цитата из его книжки «Путешествие в жаркую зиму», из последней главки «Золотая рыбка»: «Много лет назад ко дню рождения я получил подарок – ленинградскую авторучку. На ее противоположном от пера конце в прозрачном колпачке плавает крошечная золотая рыбка. Я с удовольствием пользуюсь этой ручкой, привык к ней, и она всегда верно помогает в работе, которая почему-то не кончается, а толпится очередью. Признаться, я и не хочу, чтобы она исчерпалась.

Может быть, с золотой рыбкой мы остались друзьями и никогда не ссорились потому, что я не просил ее об исполнении несбыточных желаний, не оскорбляя ее достоинства нескромными требованиями».

Лучше о характере Мурзаева не скажешь. А я только старался оживить некоторые памятные мне штрихи к его портрету.

В шутке Эдуарда Макаровича о «самом важном» – его все уже упомянутые черты. Но скажу еще об одной. Вот удивительная книжка Льва Семеновича Берга – о науке и ее смысле – «Номогенез, или Эволюция на основе закономерностей» (1922). Этую книжку Мурзаев купил в студенческие годы в Петербурге. Он тогда слушал лекции Берга. Мне довелось слушать Эдуарда Макаровича – и в залах заседаний, и у него дома, уже на улице Дм. Ульянова. И однажды после разговора о номогенезе Берга Эдуард Макарович эту книгу мне подарил. Кстати, она есть в нашей библиотеке.

Свою небольшую книжку о Берге Эдуард Макарович назвал тремя словами «Жизнь есть деяние». Слова эти характеризуют жизнь и Берга, и автора.

Будем помнить об их деяниях. Будем стараться оберегать «дней связующую нить».

А.Д. Арманд

Черток Мурзаева

В самоуверенные годы аспирантуры я как-то влетел в кабинет заместителя директора Института:

– Эдуард Макарович, подпишите, пожалуйста.

Мурзаев внимательно прочел протянутую ему бумагу.

– Присядьте, пожалуйста. К кому это письмо?

– В соседний институт с просьбой разрешить пользоваться их библиотекой.

Рисунок А.Д. Арманда.

– Ну, разве просьбы так пишут? Неизвестно кому. Как зовут директора института?

– Не знаю.

Мурзаев порылся в справочнике и вписал своей рукой: «Глубокоуважаемый Иван Степанович».

– Теперь дальше. За какие такие Ваши заслуги, прошлые или будущие, он допустит Вас в хранилище своего института?

Эдуард Макарович терпеливо выслушал мои объяснения, для чего я стремлюсь в чужую библиотеку и на свободном месте письма добавил: «В Институте географии в соответствии с планом научных работ проводится исследование геоморфологии и геологии рыхлых отложений Севера Европейской части СССР. Можем ли мы рассчитывать на помощь Вашего Института имеющимися у Вас печатными и фондовыми материалами по указанной теме?»

В конце моего послания рядом со своей фамилией и должностью Эдуард Макарович приписал: «С глубоким уважением».

Возвращая мне письмо для внесения исправлений, этот корифей отечественной науки слегка смущенно произнес:

– Простите меня за этот урок бюрократии.

С тех пор официальные послания, написанные «по Мурзаеву» неизменно приносят мне успех.

M.A. Вайсфельд

*Андрей Александрович Насимович
(1909–1983)*

*Биогеограф, эколог, д.г.н. (1953).
В Институте в 1963–1983 гг.*

Не часто встречаются люди, которые с первых мгновений знакомства и общения покоряют вас раз и навсегда. Поначалу и не поймешь даже, чем этот человек пленил вас: широко распахнутой душой, мягким обаянием, трогательной доброжелательностью, нравственной чистотой, кристальной честностью или еще чем-то, что по праву можно и нужно назвать интеллигентностью в ее изначальном значении. Именно таким человеком был Андрей Александрович Насимович.

Андрей Александрович пришел в Институт в 1963 г. В лаборатории биогеографии (тогда – отделе) в то время трудилась плеяды выдающихся ученых: А.Н. Формозов, Ю.А. Исаков, С.В. Кириков, Д.В. Панфилов, О.С. Гребенщикова, К.С. Ходашова. Все они сразу и навсегда прониклись к нему искренним уважением, почтанием и любовью. Так же стали относиться к Андрею Александровичу и пришедшие в коллектив несколько позже молодые специалисты: О.Н. Шубникова, Р.И. Злотин,

А.А. Тишков, Н.Г. Царевская, Н.С. Казанская, М.В. Глазов и автор этих строк.

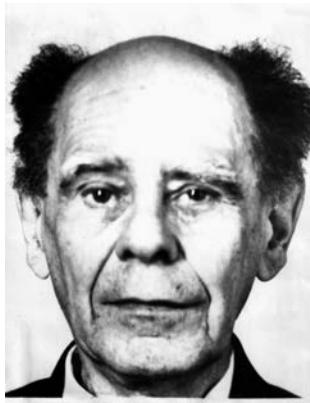
Я пришел в Институт в июле 1969-го (как же быстро летит время!) и буквально с первых же дней Андрей Александрович взял меня под свою опеку. По сути, он стал моим наставником и учителем. Ненавязчиво и деликатно он повел меня по долгому пути к науке. Андрей Александрович отличался пытливостью ума, самозабвенным служением науке и необыкновенной работоспособностью. Его увлеченность экологией и в особенности зоологией промысловых видов млекопитающих была настолько искренней и глубокой, что сразу же передавалась его ученикам и коллегам. Нужно ли говорить, что именно это направление в биогеографии и географическом ресурсоведении стало для меня ключевым в работе.

Наверное, здесь не следует рассказывать биографию Андрея Александровича, хотя отдельные ее вехи интересны необычайно. Чего стоит один только пеший переход на снегоступах в одиночку через Уральский хребет в зимнюю стужу! Не буду я также освещать его огромный и крайне разнообразный вклад в науку, рассказывать о его важной роли в развитии биогеографии в целом. Это предмет отдельного обстоятельного разговора и публикаций на этот счет было много¹.

Но нельзя обойти вниманием его поистине титанический труд на благо лаборатории и Института. Кстати говоря, еще до поступления сюда на работу, Андрей Александрович трудился над докторской диссертацией «Роль режима снежного покрова в жизни копытных животных на территории СССР» в докторантуре Института. Здесь весьма ощущимую консультативную помощь он получал тогда от Г.Д. Рихтера, признанного основателя отечественного снеговедения.

С самых первых шагов в Институте А.А. Насимович взялся за изучение ресурсов животного населения севера Западной Сибири и страны в целом. Андрей Александрович всегда любил полевую работу и отличался завидной «легкостью на подъем». Поэтому его экспедиция в сезон 1964 г. на север Западной Сибири была вполне закономерной. Результатом этой работы явилась не только обобщающая и очень содержательная статья о ресурсах животных региона. Не менее важно, что ему удалось скординировать работу многих западносибирских географов, тогда еще несколько разрозненных, наладить научные контакты в региональном аспекте и тем самым заложить твердый фундамент дальнейшего научного сотрудничества.

В том же 1964 г. по его инициативе в отделе биогеографии была начата работа над темой «География ресурсов фауны СССР», которая, вне всякого сомнения, со-

A.A. Насимович.

¹ См.: Исаков Ю.А., Матюшкин Е.Н. Памяти Андрея Александровича Насимовича (1910–1983) // Бюлл. Моск. общ. испыт. природы. Отд. биол. Т. 89. Вып. 4. С. 3–8; А.А. Тишков, М.А. Вайсфельд, Л.Р. Серебрянский. Видный биогеограф, зоолог и деятель заповедного дела. К 90-летию со дня рождения А.А. Насимовича // Изв. АН. Сер. геогр., 2001. №1. С. 119–123.

храняет актуальность и поныне. В дальнейшем она трансформировалась в другую, многолетнюю, но с иным названием тему: «Промысловые животные СССР (в последующем – России и прилегающих стран) и среда их обитания». Весьма любопытно, хотя и грустно, вспомнить, что со стороны тогдашней дирекции ИГАНа не оказывалась поддряжка началу работ по этой важной для науки и страны тематике и даже ощущалось противодействие. Только упорные и буквально титанические усилия Андрея Александровича позволили развернуть работу по «ресурсной» теме. До временного прекращения работ по теме, вызванной кончиной Андрея Александровича, вышло в свет 6 томов серии. Три из них вышли под редакцией А.А. Насимовича (посвященные соболю, куницам, харзе; колонку, горностаю, выдре; песцу, лисице и енотовидной собаке), один – С.В. Кириковой (о тетеревиных птицах) и два – Р.П. Зиминой (книги о сурках).

Время показало безусловную целесообразность развертывания работ по ресурсной тематике. Серия с каждым выпуском завоевывала популярность среди широкого круга специалистов не только в нашей стране, но и за рубежом. Сейчас все монографии серии без преувеличения стали настольными книгами зоогеографов, экологов и охотоведов. Важно подчеркнуть, что среди огромного коллектива авторов (а монографии – это коллективный труд) большинство были представлены учеными из самых разных концов страны и ближнего зарубежья. Наша лаборатория в лице автора этих строк работает в этом направлении и сейчас.

Кстати сказать, и это далось крайне непросто. После кончины Андрея Александровича многократные попытки возобновить работу над серией (уже под моим научным руководством), да еще в сложные для страны и науки 80-е годы, натыкались на сопротивление дирекции Института. И только благодаря активной и энергичной помощи А.А. Тишкова и протекции Р.П. Зиминой работа над серией возобновилась. Седьмой том, посвященный медведям, вышел в свет в 1993 г. под моей редакцией. В настоящее время опубликовано уже 9 томов серии, основанной в далекие уже 60-е годы прошлого века А.А. Насимовичем.

Справедливость требует сказать (раз уж мы упомянули о дирекции), что поразительная работоспособность Андрея Александровича, его безукоризненная обязательность, отзывчивость, желание откликнуться на любую просьбу и поразительная безотказность интенсивно эксплуатировались. Бесконечные внеплановые большие и малые, но всегда срочные или неотложные просьбы (читай поручения) отнимали у него уйму времени и сил. Он постоянно что-то «готовил» (в том числе, помнится, и национальный доклад СССР для ЮНЕСКО), «составлял записки», «редактировал» и «реферирувал» и т.д. и т.п. Вся эта рутинная «работа» очень удручала его, выбивала из колеи, портила настроение, но отказать он не мог. Сейчас, оборачиваясь назад, можно с уверенностью сказать, что эта нескончаемая череда поручений наверняка нанесла серьезный ущерб его научной работе, и кто знает, сколько научных идей Андрея Александровича остались из-за этого нереализованными?

Тем не менее, А.А. Насимович находил время и для основной работы. Помимо работы над упомянутой серией Андрей Александрович совместно с О.Н. Шубниковой готовил рукопись о промысловых млекопитающих и птицах СССР, принимал участие в экспедиции по Байкалу (1966 г.) и очень много сил отдавал работе по

проблемам заповедников и по заповедной теме в целом. Результатом было множество публикаций по этой тематике, в том числе и монографического характера.

Раз уж зашла речь о заповедном деле, совершенно необходимо сказать следующее. В сложное для заповедного дела время (50–60-е годы прошлого века), когда царивший в стране тоталитарный режим привел к ликвидации значительной части заповедников и разрушению заповедной системы страны в целом, немногие отваживались встать на защиту заповедников. Среди них был и Андрей Александрович Насимович. Вместе с А.Н. Формозовым, Ю.А. Исаковым, С.В. Кириковым и другими видными учеными он не побоялся опубликовать в газете «Известия» и журнале «Охота и охотничье хозяйство» (1957, 1968) статью со все говорящим названием: «В защиту заповедников».

Еще А.А. Насимович умудрялся подготавливать для реферативных журналов огромное число – многие тысячи рефератов! И его рефераты отличались исключительной содержательностью, четким слогом и вместе с тем лаконичностью.

Те, кому посчастливилось отдавать свои рукописи Андрею Александровичу на редактирование, не переставали удивляться его удивительной манере работы с рукописью. Он не позволял себе, как это делали все редакторы, просто править рукопись ручкой или карандашом по тексту и на полях. Он предварительно отпечатывал поправки, причем, не только фразы, но и отдельные слова, на машинке, нарезал их на полоски или маленькие кусочки (если это были отдельные слова) и затем старательно, буквально с филигранной точностью вклеивал все это в текст, предварительно «раскроив» его на отдельные лоскуты. И эта его манера редактирования была уникальна. Нужно ли говорить скольких трудов это ему стоило? Это был фирменный редакторский стиль Андрея Александровича (особенно любимый машинистками). Тогда еще не было компьютеров, но я убежден, что даже появившись они в те времена, своему «фирменному стилю» он бы все равно не изменил.

Любопытно, что в устном обсуждении редактируемого материала, Андрей Александрович был немногословен. Только краткие замечания и только по делу.

Надо сказать, что Андрей Александрович вообще не отличался излишней разговорчивостью, о себе рассказывал очень сдержанно, порой даже скромно, но всегда конкретно. Вместе с тем, он с удовольствием принимал участие в беседах, не избегая в разговоре обсуждения скользких или неудобных тем, и никогда не уходил от ответов даже на очень щекотливые вопросы. Я не припомню случая, чтобы Андрей Александрович покривил душой или слукавил. Он всегда был честен и корректен. Мне ни разу не приходилось слышать от него нелестных слов даже о тех людях, к которым он не испытывал симпатии. Неудивительно, что все, абсолютно все без исключения ученые, с которыми мне доводилось беседовать в самых разных уголках страны, отзывались об Андрее Александровиче неизменно тепло и с любовью. Да иначе и быть не могло! Это был очень светлый, по-настоящему интеллигентный человек. Вообще, у меня сложилось твердое убеждение, что у него совсем не было врагов. Да я и не могу себе представить, что таковые могли бы быть в принципе.

Работать с Андреем Александровичем, а тем более под его опекой и руководством, было удовольствием. Он никогда не препятствовал инициативе, не перепроверял полученные, особенно в поле, данные, а если что-то и поправлял, то всегда ненавязчиво и деликатно. Доверие его было абсолютным. И одно только это не

позволяло где-то чуть слукавить или схитрить, что в реальной служебной, да и не только, жизни бывает, увы, не так уж и редко, особенно когда находишься в тисках обстоятельств. Работая над кандидатской диссертацией, руководителем которой он был, я все это ощущал постоянно. И еще он беспрепятственно позволял пользоваться своей обширной библиотекой. Я не знаю, сколько было в ней книг, причем, далеко не только научных (располагались они на разных полках-стеллажах), но на-верняка многие и многие сотни. И там были очень редкие, эксклюзивные экземпляры. Но любую из них он легко давал мне на дом, не ограничивая в сроках. Уникальная доброта и доверие.

Андрей Александрович был настолько одержим работой, что даже в отпусках он что-нибудь да писал. После одного из них он привез очень интересную и информативную рукопись книги о слонах, которая так и называлась «Африканский слон». Позднее она была издана и сразу стала бестселлером. После другого – пару статей о заповедниках и т.д. И лишь один раз после возвращения из очередного отпуска он как-то смущенно и даже стыдливо признался, что в этот раз «не написал ничего путного», зато в третий раз перечитал «Войну и мир».

Природа исключительно щедро одарила Андрея Александровича. Люди, близко знакомые с ним, прекрасно знали, как блестяще играл он в шахматы (помнится, как-то в поезде, когда мы ехали с ним на конференцию в Киров, я проиграл ему подряд три партии, каждая из которых длилась не больше 10 минут). Но мало кто знал, что Андрей Александрович отлично ориентировался в мировой художественной литературе, был знатоком и тонким ценителем классической музыки, хорошо разбирался в живописи. Это был всесторонне образованный и эрудированный человек.

Как любой зоолог, Андрей Александрович в молодости был охотником. Однажды он с виноватым видом рассказал мне, что «на его совести» есть даже один медведь. Но впоследствии, глубже познав чарующий мир дикой природы, он без сожаления отошел от охоты и никогда к ней больше не возвращался. Кстати говоря, это характерно для многих зоологов.

Я уже упоминал, что рассказ о научной деятельности А.А. Насимовича, не входит в рамки этой заметки. Но все же нужно сказать, что он по праву считался и поныне продолжает считаться выдающимся ученым-териологом и биогеографом, признанным специалистом заповедного дела. Его научное наследие огромно и не поддается точному учету. Скажу только, что счет его публикаций, считая и рефераты, идет на тысячи! Этот вопрос еще ждет своего исследователя.

Не работать Андрей Александрович не мог в принципе. Мне часто приходилось бывать у него дома, в том числе и в выходные дни. И всегда я заставал его за рабочим столом в тиши своего кабинета. Какие это были приятные дни! Андрей Александрович и его супруга были очень гостеприимными, и я никогда не чувствовал в этом доме никакой скованности или неловкости. Я очень любил этот дом № 8 по ул. Панфёрова. Сейчас, когда мне случается оказаться неподалеку, я непременно подхожу к его старым стенам и испытываю очень сложную гамму чувств. Это и грусть, и ощущение невосполнимой утраты, и вместе с тем благодарность судьбе за то, что она подарила мне счастье знать и много лет близко общаться с таким замечательным, редкостным человеком, каким был Андрей Александрович Насимович.

Марк Ильин Нейштадт
(1903–1985)

Палеогеограф, геоботаник, д.г.н. (1955), профессор (1959).

В Институте в 1948–1985 гг.,

зам. директора по науке (1957–1970),

заслуженный деятель науки РСФСР (1971)

«Молодой ботаник – зрелый болотовед – маститый палеогеограф»

*И.П. Герасимов (из выступления на Ученом совете,
посвященном 60-летию М.И. Нейштадта)*

Жизнь одаривает человека встречами с замечательными людьми. Замечательными эти люди могут быть по-разному. В Институте географии всегда было много ярких, интересных людей с уникальными судьбами. Но все же, несмотря на богатое научное наследие, лишь некоторые имена продолжают светить на «научном небосклоне». И здесь проблема не в забывчивости учеников и последователей, а в конъюнктуре современных исследований. Так получилось и с именем М.И. Нейштадта. В 2003 г. я готовил для «Известий РАН. Серия географическая» материал к 100-летию ученого, связался с М.М. Чернавской – дочерью М.И., к сожалению, уже покойной, и обратил внимание на то, что о нем написано и сказано крайне мало. Рукопись статьи тогда посмотрели А.А. Величко и Э.М. Зеликсон, дали ценные советы и замечания, согласились с новыми оценками наследия, а главное – с более весомой ролью в отечественной эволюционной географии, которое в статье было отведено М.И.

Интересно, что последнее десятилетие Институт географии РАН стал более активно заниматься палеоэкологическими реконструкциями сопряженного развития биоты и климата в голоцене. Постоянно возникает необходимость в пополнении методологической базы этих исследований, в т.ч. для уточнения событий раннего голоцена и его некоторых этапов, синхронизации климатогенных изменений, а также для оценки преемственности в развитии растительности. Это подразумевает обоснование переноса закономерностей современной динамики растительности на палеоэкологические реконструкции. И здесь есть основание возвратиться к богатому научному наследию М.И. Нейштадта, 110-летний юбилей которого будет в 2013 г. Еще в 1977 г. Н.А. Хотинский отмечал, что именно М.И. первыми работами по реконструкции развития ландшафтов окрестностей озера Сомино заложил фундамент современной палинологии и палеогеографии голоцена.

Рисунок А.Д. Арманда.

Именно озеро Сомино и стало местом наших первых встреч, консультаций и последней встречи, незадолго до смерти ученого. И для самого М.И. это озеро было своего рода символом научной судьбы.

Более 50 лет разделяют первые и последние публикации Марка Ильича по реконструкции природной обстановки в районе маленького озера Сомино в Ярославской области. В них уместились главные события отечественной палинологии и палеогеографии XX в., в становлении которых М.И. Нейштадт занимал достойное место. Мне приятно сознавать, что одна из последних публикаций М.И. каким-то образом была связана с нашей беседой о судьбе озера Сомино и окружающих его болот. Сначала я рассказал о том, что болота вокруг озера выгорели после летних пожаров 1972–1973 гг. Н.А. Хотинскому, который много работал в этих краях, кстати, также по совету М.И., описывал там «свайные культуры». А затем я рассказал об этом самому М.И., постоянно информировал его о происходящих в тех краях изменениях ландшафтов, о работах археологов. И в 1978 г. М.И. мне рассказал о начале работ по истории озер СССР и его желании включить в нее озеро Сомино, на котором работал еще в начале 1920-х годов. Потом в 1980 г. он показал и одну из последних своих публикаций с названием «Проект озеро Сомино». Круг замкнулся спустя 50 лет!

В той, теперь уже десятилетней давности юбилейной статье, мне хотелось изменить представление о вкладе М.И. Нейштадта в современную палеоэкологию и палеогеографию, отойти от стереотипов 1970–1980-х гг., когда больше говорилось о заслугах М.И. в «становлении и развитии советского торfovедения и болотоведения» и о его научно-организационной, общественной и международной деятельности, а не о вкладе в теорию отечественной палинологии, палеогеографии и истории растительности голоцен. Как будто не было «всесоюзной хронологической схемы голоцена», построенной для изучения истории растительности в голоцене и называемой «схемой Нейштадта», или не М.И. принял эстафету от В.С. Доктуровского в палинологии голоцена, выделив региональные типы пыльцевых диаграмм? А разве не он еще в 1930-х гг. первым стал проводить масштабные оценки зональной дифференциации растительности Северной Евразии в голоцене? И, конечно же, странно выглядела недооценка роли М.И. в создании методологии и методик изучения болот и торфов для целей реконструкции климата и растительности в голоцене.

С М.И. я познакомился еще в 1964 г. в Московском обществе испытателей природы, в период своих занятий в биологическом кружке. Его книга «Определитель растений Средней полосы Европейской части СССР», третьим изданием которого мы все тогда пользовались для своих экскурсий, помогла многим сделать первые шаги в геоботанике, в том числе и мне. Мой экземпляр, подписанный М.И. в 1964 г., сейчас хранится в музее Института географии.

Мало кто сейчас осознает тот факт, что многие отечественные исследователи голоцена, включая и самого М.И. Нейштадта, например В.Н. Сукачев, В.С. Доктуровский, Н.Я. Кац, Н.И. Пьявченко, В.В. Куряшов и др. были выдающимися «рекентными» ботаниками и геоботаниками. Это позволяло им с высокой степенью соответствия реконструировать природную обстановку разных периодов голоцена, вычленяя процессы, связанные собственно с эволюцией ландшафта и реальные сук-

цессионные процессы, как эндогенные, так и экзогенные – климатогенные и гидрологические направленные перестройки растительности.

Именно эту сторону научной деятельности М.И. высоко ценили геоботаники, считая его лидером данного направления науки. Академик И.П. Герасимов, абсолютно правомерно числя М.И. по «географическому ведомству», свое выступление на Ученом совете Института географии, посвященное 60-летию М.И. в 1973 г., озаглавил «Молодой ботаник – зрелый болотовед – маститый палеогеограф». Вероятно, точнее было бы сказать, что начиная со своих первых работ по послеледниковой истории района Плещеева озера в 1928 г., в т.ч. и оз. Сомино с его сапропелевой толщиной около 40 м, до своей последней достаточно краткой публикации 1986 г. о 200-метровом «чуде-торфянике» в Греции он оставался палеогеографом и палеоэкологом, не меняя интересов.

Привожу краткую биографию М.И., чтобы были понятны истоки многих направлений его деятельности.

Родился в 1903 г. в Псковской области около г. Невель, в озерном и болотном краю. Его отец из Витебской области, а мать – уроженка г. Великие Луки. Оба погибли в 1941 г. в г. Невель во время оккупации. Увлечение наблюдениями за природой началось у М.И. еще в гимназии, а затем – после Октябрьской революции – в Единой трудовой школе. В своем докладе «Мой путь в географию» на заседании Ученого совета Института географии, посвященного 70-летию М.И., он с любовью вспоминал те времена и своего учителя природоведения и географии А.П. Гусаревича, который провел с учащимися Невельской средней школы множество экскурсий. «Жизнь реки и озера были на глазах – жуки-плавунцы, водомерки, вертлячки, ручейники в своих домиках ... Все это можно было наблюдать и изучать, сделав всего один шаг из дома, и возбуждало интерес к законам жизни,» – вспоминал М.И.

В школе, где учился М.И., был создан естественно-географический кружок, который изучал природу окрестных мест и создавал биологические коллекции. Их в 1919 г. послали в Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос), который и вызвал М.И. в 1919 г. в Москву на курсы по изготовлению наглядных пособий. Жил 16-летний натуралист в доме Наркомпроса по Малому Харитоньевскому переулку, очень полюбился соседям (в основном участникам различных партийных съездов и конференций), т.к. стал добровольным тапером – сопровождал игрой на пианино немые кинокартини, которые показывали участникам съездов.

После курсов в 1919 г. М.И. вернулся в Невель, где работал делопроизводителем при новой власти, а уже в 1920 г. начал обучение в Московском государственном университете на физико-математическом факультете по специальности «ботаника». Учиться юному М.И., по-видимому, было легко благодаря хорошей подготовке, полученной не только в школе, но и дома (обычно в таких семьях, как семья М.И. готовили детей к возможности «экстерната»). Помогла и рекомендация Наркомпроса. Заметим, что М.И. выезжал из Невеля с «мандатом» в Наркомпрос учеником всего лишь 5 класса. Как он сам вспоминает «мне пришлось три раза сдавать экзамены в первый класс, это были сложные и трудные экзамены, которые осложнялись и другими причинами». Эти «другие причины» – Постановление Кабинета Министров 1887 г. «О мерах к упорядочению состава учащихся в средних и высших учебных заведениях», касающегося ограничения для образования простона-

родья, а главное – «непубликуемый» циркуляр для попечителей учебных округов о норме приема в учебные заведения для евреев: в «черте оседлости» – 10%, вне черты – 5%, а в обеих столицах – 3%. Эти ограничения просуществовали фактически до 1916 г., а их снятие открыло путь к образованию многим талантливым людям, в т.ч. и М.И., который всю жизнь был благодарен «советской власти» и подчеркивал «разницу в получении образования в царское время и советское». Об этом он особо сказал и в своем докладе «Мой путь в географию».

Мне приятно сознавать, что я учился на кафедре геоботаники, которую организовал В.В. Алексин, и которую одним из первых закончил М.И. Его учителями в МГУ стали В.В. Алексин, А.А. Еленкин, А.Л. Курсанов, но самым главным был В.С. Доктуровский. Его экскурсии на болота, на разрезы торфяников, в т.ч. межледниковые, развили интерес у М.И. к изучению истории болот и их палеогеографии. Он вспоминал, какое впечатление на него произвели наглядные «сюжеты», показанные В.С. Доктуровским на примере с «максимумом пыльцы орешника» в ранних слоях межледниковых отложений торфа, где помимо этого можно было наблюдать мощные прослойки и самих орешков.

После университета в 1925 г. М.И. распределился на Центральную торфяную опытную станцию (Московская область), на которой проработал 22 года. Это было время масштабных исследований торфяных болот и ресурсов торфа СССР, для методологического и методического обеспечения которых требовалась серьезная научная работа. Его должность сначала была простой, но конкретной – «геоботаник». Долгие годы он оставался заведующим сектором торфяного фонда, а затем – заместителем директора по научной работе станции. Усилиями М.И. она многие годы оставалась центром научной и методической мысли в области истории, географии и хозяйственного использования болот. Один только взгляд на список публикаций молодого ученого в эти годы поражает воображение и позволяет говорить о добрых традициях отечественной прикладной науки.

К сожалению, академическая наука зачастую необоснованно претендует на эксклюзивный научный синтез. Мне трудно судить о других отраслях науки, но вот в геоботанике, к которой был близок М.И., базовые знания, теория, понятийный аппарат и методическая основа сформировались в рамках прикладных исследований по луговедению, лесоведению, болотоведению, песковедению и пр. в отраслевых институтах. Так было и в период работы М.И. на Центральной торфяной опытной станции, которая тогда была по сути дела национальным научным центром в области болотоведения, торфоведения, изучения истории растительности в голоцене. Скромность М.И. не позволяла ему в публикациях и выступлениях подчеркивать это, но именно так нас учил на кафедре геоботаники профессор Т.А. Работнов и другие, которые прошли школу прикладной науки и высоко ценили тех, кто работает «на земле».

В 1935 г. М.И. защитил кандидатскую диссертацию. В том же году вышло первое издание его «Определителя растений Средней полосы Европейской части СССР», выдержавшего позже более 8 изданий. До защиты диссертации прошло всего 10 лет после университета. А как много сделано! Здесь и основы палинологии и палеогеографии голоцена, проблемы географии, типологии и районирования болот, методы их исследования, включая палинологический и ботанический ана-

лизы торфа, результаты экспедиционных работ в разных регионах страны и пр. М.И. мы обязаны тем, что за сравнительно короткий срок были изучены ранее неизвестные огромные заболоченные пространства и торфяники Западной, Центральной и Восточной Сибири, Дальнего Востока и Камчатки. А параллельно с изучением «торфяного фонда» страны шло создание принципов ботанико-географических исследований болот, разработка методов анализа торфяных залежей для целей реконструкции их развития и пр.

В период Великой Отечественной войны М.И. занимался составлением карт проходимости болот для Военно-инженерного управления Красной Армии, а затем уже в составе «картографической бригады» Института географии, руководимой И.П. Герасимовым, участвовал в подготовке крупномасштабных тематических карт для различных военных организаций. В качестве своего реального вклада в победу М.И. рассматривал и доклад на Ученом совете Минздрава СССР о возможности использования сфагновых мхов в качестве перевязочных средств вместо ваты. Составленная им Инструкция по заготовке и употреблению сфагnuma вышла во время войны в трех изданиях и широко распространялась на фронте и в тылу врага среди партизан. Я видел эти Инструкции и думаю, что они спасли жизнь многим раненым.

После войны М.И. поступил в докторантuru к И.П. Герасимову. Сделать это в те годы было нелегко – например, надо было сдавать экзамены по двум языкам. В процессе обучения в докторантуре в 1948 г. М.И. по конкурсу был принят в Институт географии. Здесь следует подчеркнуть тот факт, что, несмотря на неоднократные высказывания М.И. об И.П. Герасимове как о «третьем учителе», все же они в отношении палеогеографии голоцена были на равных позициях. И не потому что М.И. был старше, а потому, что заслуженно приобрел авторитет среди коллег и выдвинулся в лидеры науки. Здесь следует отметить, что И.П. Герасимов совершил героический поступок, приняв на работу М.И. в те годы, когда уже повсеместно начиналась борьба с космополитизмом и когда из МГУ были выгнаны многие коллеги и товарищи М.И., в т.ч. Н.Я. Кац. Могу сказать, что И.П. Герасимов, конечно же, рисковал, и тем более понятна искренняя признательность ему М.И., сохранившаяся до последних дней жизни ученого.

В 1955 г. М.И. защитил докторскую диссертацию, которая чуть позднее была издана как монография «Палеогеография и история лесов СССР». Она получила

В Якутии.

Полевая экскурсия, 1951 г.

Не будет преувеличением отметить, что М.И. долгие годы был общепринятым мировым лидером палеогеографии голоцен, о чем свидетельствует его избрание почетным председателем Комиссии INQUA (Международный союз по изучению четвертичного периода) по голоцену, почетным членом INQUA и почетным членом Бюро Ассоциации по изучению четвертичного периода Африки. Он принимал участие в подготовке и проведении шести (VI-XI) Конгрессов INQUA! Во Франции была издана книга М.И. по истории INQUA и ее конгрессов. Как лидер отечественной и международной палинологии М.И. участвовал в редколлегиях международных палинологических журналов, в организации многих международных палинологических конференций, награжден золотой медалью имени Г. Эрдтмана, медалями Хельсинского и Кильского университетов.

Вклад М.И. в развитие палеогеографии можно кратко суммировать следующим образом. Еще в середине 20-х гг. прошлого века, включив в текущие исследования торфяников палинологический анализ, М.И. получил большое количество пыльцевых диаграмм, что позволило разработать обоснование оценки возраста болот, более корректно устанавливать «стратиграфические зоны» голоцен, реконструировать его климатические периоды и даже выйти на анализ эволюции и сукцессионной динамики растительности и изменений границ природных зон в голоцене. Уже в его статьях по послеледниковой истории Переславль-Залесского уезда были заложены методологические основы для таких построений. На этом принципе основана современная система палеоклиматических реконструкций по пыльцевым спектрам, разработанная в 1980–1990-х гг. В.А. Климановым. Важность положений, представленных в ранних публикациях М.И., для становления отечественной палинологии, истории растительности и палеогеографии голоцена отмечал Н.А. Хотинский. Он писал в 1973 г., что именно в них М.И. нарисовал свою первую картину голоценовой истории лесов в центре Русской равнины и наметил детальную

впоследствии премию Президиума АН СССР. Но еще большее признание она получила среди коллег и специалистов в смежных и даже далеких научных областях.

В Институте географии М.И. проработал 37 лет, причем 13 из них заместителем директора. Многие сотрудники Института старшего поколения помнят М.И. как скромного, доброжелательного и исключительно трудолюбивого человека. Несмотря на громадную общественную нагрузку, он продолжал научные исследования, вел большую работу в международных научных организациях.

Ленинград, 1953 г. М.И. Нейштадт в первом ряду шестой справа.

палинолого-стратиграфическую схему, расчленяя голоцен на 12 зон. Предложенная схема долгое время оставалась практически без изменений и легла в основу выделенного М.И. «среднерусского типа пыльцевых диаграмм» и согласована с периодами Блитта-Сернандера.

Использование пыльцевых диаграмм для палеогеографических и хронологических построений было пионерным и в те годы часто вызывало сомнения у коллег. М.И. своими публикациями убедил коллег-геоботаников в том, что значимые для формирования растительного покрова климатические колебания в послеледниковое время имели место.

Сам М.И. особо ценил опубликованную в конце 1930-х гг. в «Проблемах физической географии» статью «Роль торфяных отложений в восстановлении истории ландшафтов СССР», в которой он обобщил свои взгляды на проблемы палеогеографических реконструкций на основе изучения торфяных залежей. По-видимому, именно такой подход позволил М.И. исследовать самые древние слои голоценовых торфяников, получивших название «мшаровского горизонта» – по имени болотного массива в районе Плещеева озера. В будущей «всесоюзной хронологической схеме голоцена» этот горизонт соответствовал «древнему голоцену». На основе пыльцевых данных и подсчета слоев уникальной сапропелевой 40-метровой толщи оз. Сомино он установил его возраст 10 000 лет, который подтвердился позднее датировками C^{14} . Да и в начале 1970-х гг., когда встал вопрос об использовании годичной слоистости сапропелей оз. Сомино для сопоставления радиоуглеродного возраста с абсолютными оценками, для первой половины голоцена подобных данных еще не было.

На Амуре. Какой широкий!

Статья о торфяных болотах Барабинской лесостепи, опубликованная в Трудах Центральной торфяной опытной станции, открыла цикл исследований по голоцену Западной Сибири, ответив на прямые вопросы о происхождении верховых болот на южном пределе их распространения, о положении границ бересовой лесостепи и пр. Выяснилось, что изученные торфяники не являются реликтами ледникового времени, а сформировались в раннем голоцене. С этого же периода развивается и бересовая лесостепь, сохраняя свою стабильность, что подтверждается преобладанием в пыльцевом спектре пыльцы бересы. Этот вывод важен с позиции теории голоценовой динамики ландшафтной зональности. В оптимум голоцена северная граница леса сдвигалась на север по разным оценкам на 300–500 км, но при этом «колочная» лесостепь практически оставалась стабильной, что подтверждено и позднее реконструкциями А.А. Величко.

Можно подчеркнуть, что Западная Сибирь всю жизнь притягивала М.И. к себе. В этом крупнейшем в мире торфяном бассейне им открыты и описаны многие массивы болот, выявлены закономерности их развития. Здесь он впервые пришел к выводу о синхронности начала болотообразования в Азиатской и Европейской частях России, сделал первые радиуглеродные датировки для центральной части региона, описал торфяники с тремя горизонтами пней. Это существенно расширило представление о природе «пограничного горизонта».

В Западной Сибири М.И. сделал «глобальные оценки» роста болот, определил скорости болотообразования, показал его «агрессивный» характер в системе «лес–болото» во влажные климатические периоды.

По Амуру. На капитанском мостике.

Уже работая в Институте географии, он не прерывал связей с производственными организациями. Главным для М.И. здесь был доступ к огромному массиву первичных материалов, которые он систематизировал, обобщал и представлял на суд коллег в виде крупных монографий, сводок, атласов и справочников. Такими в свое время стали: «Торфяные запасы Азиатской части СССР», «Методы исследования торфяных болот», «Споро-пыльцевой метод в СССР».

Когда М.И. в книге «История лесов и палеогеография СССР в голоцене» (1957) провел синтез имеющихся палинологических данных для всей Северной Евразии, он выделил 15 типов региональных диаграмм, четко различающихся по составу и последовательности споро-пыльцевых спектров. Он же определил их как «модели развития растительности голоцена», отметив глобальный характер индицируемых спектрами климатогенных изменений. В современных поисках причин и моделей нынешних глобальных изменений в прошлом явственно прослеживаются методологические «нейштадтовские корни». Не его ли «типы региональных диаграмм» стали стимулом для будущих реконструкций климатических изменений, проводимых В.П. Гричуком, а затем и В.А. Климановым.

Читаю статью М.И. 1928 г. о голоценовой истории окрестностей озера Плещеево и реконструкциях динамики климата и растительности на основе анализа пыльцевых спектров и не перестаю удивляться прозорливости автора. Он писал: «Все колебания климата в послеледниковое время происходили лишь в небольших размерах...». Ну а коренные перестройки растительности и животного населения имеют более сложную природу. Он прекрасно понимал поступательный характер динамики всего природного комплекса на освободившихся из-под ледника и на новых гляциальных субстратах. Характерные времена первичных сукцессий почв и растительности охватывают сотни и тысячи лет. И выдавать происходящие в данном случае смены за исключительно климатогенные не резон. И разве значимы изменения

климата на 1–2 °С для древесной породы, «климаареал» которой настолько широк, что охватывает несколько природных зон?

Методология палеогеографии голоцен, разработанная М.И., базируется исключительно на фактах, массивах данных и результатах их пространственно-временного сопоставления. Наука за последние десятилетия шагнула вперед, но устойчивость основных положений концепций несомненна.

У М.И. еще при жизни было достаточно возможностей для проверки своих построений в условиях появления новых подходов и методов. Например, появление и широкое распространение радиоуглеродного метода ^{14}C только добавило аргументов к теоретическим построениям М.И.: в отношении начала голоцена, его деления на 4 крупных хронологических периода; голоценовой истории лесов Северной Евразии, палеогеографии природных зон и их движения, наличия региональных типов пыльцевых диаграмм, индицирующих временные отрезки и характер динамики растительности. Для книги «Палеогеография и хронология верхнего плейстоцена и голоцена по данным радиоуглеродного метода» (1965) М.И. подготовил главу «Голоцен». В ней подведен итог нового этапа развития палеогеографии голоцена с учетом внедрения радиоуглеродного метода. Он вместе с Л.Р. Серебрянным был инициатором и руководителем этих пионерных исследований в Институте географии на всех его этапах: от полевых работ в центре и на северо-западе Русской равнины и обеспечении межинститутских контактов до теоретических обобщений.

Радиоуглеродные даты подтвердили прежние оценки начала болотообразования (старт торфонакопления) на Русской равнине и возраст начала нижней границы голоцена в 12 000 ВР. М.И., несмотря на имевшиеся в те годы разногласия, пришел к выводу, что нижняя граница должна быть синхронной и близкой по абсолютной величине для большинства регионов Северной Евразии (в противном случае она не является следствием глобальных перестроек климата). Несколько сложнее было с синхронизацией «пограничного горизонта» в свете данных, полученных новыми методами. М.И. высказал мнение о возможном отличии «пограничного горизонта» в разных регионах Восточной и Западной Европы.

Оценивая научное наследие М.И., хочу подчеркнуть подтвердившуюся верность его основных теоретических построений. К сожалению, в жаркие 1972–1973 гг. действительно сгорели, осущенные торфоразработками, крупные болотные массивы вокруг озера Сомино (Переславль-Усольский торфяной массив). А как хотелось бы спустя 70 лет после первых исследований оз. Сомино вернуться туда, как об этом мечтал М.И., вооружившись всеми современными техническими и аналитическими средствами. Вспоминаю старую фотографию бурения сапропелевой толщи на оз. Сомино, показанную М.И. как иллюстрацию самоотверженности труда исследователей в те далекие 1920-е гг.: деревянная площадка на островке, кронштейны, буровая, плохо одетые люди. Что было стимулом их работы? Быстрее оценить запасы торфа и сапропеля для возрождаемого после революции и войн хозяйства страны? Или дух познания – стремление понять природу этой древней воронки и проследить ее многотысячелетнюю историю – развитие озера, формирование на его окраинах сплавины и болота, поселение на берегах человека? Выходит, что и то и другое.

Сам М.И. достаточно скромно оценивал свой вклад в развитие науки. Нам же этот вклад видится выдающимся, потому что именно М.И. Нейштадт заложил теоретические основы большинства современных направлений палинологии, истории растительности и палеогеографии голоценов, исторической биогеографии Северной Евразии, изучения динамики природной зональности последних тысячелетий, палеоэкологических реконструкций, эволюционного болотоведения.

Ю.П. Баденков

*Владимир Сергеевич Преображенский
(1918–1998)*

*Физикогеограф, д.г.н. (1966), профессор (1970),
заслуженный деятель науки, академик РАН.*

*В Институте в 1947–1998 гг.,
зав. отд. физической географии,
методологии исследования геосистем (1966–1987),
зам. директора по научной работе (1975–1988)*

Мой опыт руководства морскими экспедициями привел меня однажды к любопытному размышлению об управлении сложными научными организациями и коллективами. Если принять капитана судна за человека, ответственного за достижение поставленных целей и проводку корабля в неспокойном океане к конечному пункту, то эта работа во многом сродни работе директора академического института.

Директор института, как капитан, несет всю полноту ответственности за правильность выбранных научных проблем и приоритетов, адекватность методологических подходов, координацию исследований и достижение поставленных целей. Как правило, он имеет опыт административной работы и хорошо знает всю кухню управления и руководства коллективом. На флоте капитана иногда называют «обленившимся старпомом». При этом имеется в виду, что капитан (или мастер) не стоит на вахте, освобожден от многих рутинных обязанностей управления судном. Но не зря его каюта расположена ближе всех к навигационному отсеку и мостику, куда, если того потребуют обстоятельства, он может выйти в любое время суток чтобы принять правильное решение. Его авторитет непререкаем. Он не осуществляет «ручного управления» – для этого существуют другие люди и службы – но он в ответе за все на судне.

При такой модели управления, заместитель директора по научной работе, при определенных допущениях, соответствует штатной должности старшего помощника капитана. В обязанности последнего входит постоянный контроль за правильным курсом, соблюдением правил и норм безопасности, состоянием и благополучием команды. Он координирует деятельность других подразделений и служб. Для капитана он является самым доверенным лицом, ответственным за повседневное

Семья Преображенских в начале 1920-х годов. Отец Сергей Александрович, мать Хиония Дорофеевна, дочери Наташа и Нина, сын Володя.

Кроме того, я сразу же попал в жесткую хватку Владимира Сергеевича, который знал о научной деятельности Института и его сотрудников буквально все. Мало того, он знал характеры и привычки всех сотрудников – от выдающихся профессоров и докторов наук до скромных молодых менеджеров и лаборантов. Он знал все приводные механизмы функционирования Института и родственных институтов Отделения океанологии, Физики атмосферы и др. Короче, он знал все. И чувствовал себя в этой среде так же уверенно и естественно, как... старпом на корабле, плывущем среди коралловых рифов где-нибудь в южных морях... Естественно, и требования к своим подчиненным – а я непосредственно попадал в их число – были весьма жесткими. Не могу сказать, что мне все это очень нравилось, но я честно старался. В каком-то смысле, мне снова повезло, поскольку это была новая школа обучения мастерству и не где-нибудь, а в головном Институте географии – тогда такая иерархия была четко установлена в академической системе.

Владимир Сергеевич был требовательным, но терпеливым учителем. Кроме того, меня поражала его энергия и жаждность к новым идеям и подходам. Идеи конструктивной географии, экологии человека, ТерКСОПов, модельных регионов – все эти инициативы проходили в Институте при его самом непосредственном участии. На мой взгляд, он меньше интересовался отраслевыми дисциплинами – палеогеографией, геоморфологией или почвоведением (на этом поле безусловным лидером был Иннокентий Петрович Герасимов), но зато он был ярым проводником интеграци-

управление кораблем. Он, если угодно, является рабочим инструментом управления, обладает большой властью и возможностями. От его эффективного управления зависит успех и безопасность плавания. Но при одном важном условии – он должен иметь абсолютное доверие капитана. И наоборот.

С Владимиром Сергеевичем Преображенским я познакомился в 1981 году, когда после окончания своей работы в Тихоокеанском институте географии пришел по приглашению академика И.П. Герасимова в ИГАН и был назначен на должность ученого секретаря. Мы так не договаривались. Работа в отделе географии почв в качестве старшего научного сотрудника вполне соответствовала моим желаниям. Для меня, привыкшего к самостоятельности заведующего лабораторией и полевой вольнице, работа ученого секретаря казалась полной жизненной катастрофой. После океанских рейсов – в замкнутое пространство крохотного заваленного бумагами кабинета и бесконечную рутину составления планов и писания отчетов – такой переход был слишком контрастен!

Север Забайкалья. Переправа через горную реку с сыном проводников-эвенков.

Забайкалье, середина 1950-х годов.

Беседа с Туром Хейердалом в Институте географии, 1983 г.

онного потенциала географии. И еще он был безусловным патриотом Института географии и отстаивал его интересы безо всяких сомнений – твердо, а порой и агрессивно. Он был кровь от крови, плоть от плоти игановцем!

Не могу сказать, что наши отношения складывались безоблачно. Он чувствовал, что работа ученого секретаря – мне в тягость. Возникали трения и мелкие стычки. Изменения в отношениях произошли после того, как я однажды принес Владимиру Сергеевичу идею создания Совета директоров академических институтов географии, и проведения ежегодных встреч с целью сверки и координации научных планов. Эту идею я заимствовал у своего отца, Баденкова Петра Федоровича, который был директором головного НИИ шинной промышленности. Он рассказал мне о такой практике среди директоров шинных заводов СССР.

Владимир Сергеевич проникся этой идеей и убедил академика Герасимова провести что-то подобное на базе нашего Института. Естественно, организация этого мероприятия была возложена на меня. Я помню, как в 1983 году (если не ошибаюсь) такая встреча состоялась и прошла весьма успешно. Я помню, как директор Института географии Академии наук Азербайджана академик Гасан Алиевич Алиев (брать Гейдара Алиева, члена Политбюро) жал мне руку и говорил: «Маладэц, в следующий раз обязательно приеду, хароший чай в перерывах давали!»

После этого мероприятия Владимир Сергеевич проникся ко мне более теплыми чувствами и у нас сложились добрые рабочие отношения, сохранившиеся до

В президиуме совещания в Тирасполе, 1988 г. Слева Т.Г. Рунова.

его кончины. А уж когда я, неожиданно для себя, и сам стал заместителем директора Института, то наша общая работа в дирекции в сложный период жизни Института после смерти Иннокентия Петровича Герасимова и на фоне начала перестройки и наступления смутных времен в стране и Академии, – эти трудности нас очень сблизили. Сложились доверительные отношения, которые я всегда ценил и ценю в совместном деле.

Мы иногда перезванивались и обсуждали самые разные проблемы и сюжеты как глобального, так и бытового характера. Мне навсегда запомнился один разговор. Когда моя личная жизнь сложилась таким образом, что я женился на сотруднице нашего Института Ольге Гальцевой (тогда Омельченко), то я решил поделиться этим со старшим товарищем. Я позвонил Владимиру Сергеевичу и честно рассказал ему о своих планах и сомнениях. Он, после недолгого молчания, сказал: «Юрий Петрович, Вы не первый в институте, кто проходит через это. По моим подсчетам, Вы 22-й в Институте географии, кто заново устраивает свою жизнь с сотрудникой (-ком) Института». Не могу сказать, что эта информация и спокойный ответ Преображенского примирил меня с моими переживаниями, но, тем не менее, он дал мне понять, что я не одинок в своих терзаниях.

Незадолго до его смерти я позвонил ему, и мы довольно долго обсуждали какие-то горные проблемы Кавказа, конфликты, самобытность и богатство культуры. Неожиданно для меня в завершение разговора он начал петь высоким прерывающимся фальцетом какую-то старую казачью песню...

Владимир Сергеевич Преображенский... Человек, который прошел войну. Который прошел становление и был участником всех важнейших событий в Институте географии РАН. Который знал об Институте все и был его верным бойцом и патриотом. Человек, которого не все любили в Институте. Но это была его жизнь и его дело.

А для меня он иногда казался старпомом корабля под названием Институт географии РАН. Ответственным и надежным...

В.А. Шупер

Валерий Алексеевич Пуляркин (1930–2003)

*Экономикогеограф, страновед, д.г.н. (1974), профессор.
В Институте в 1952–2003 гг.*

Навсегда ли ушло страноведение?

В.А. Пуляркин, 2000 г.

Неверно, что время проходит, оно уходит вместе с нами, ибо не существует без нас, и каждый из нас – его частица. Неверно и то, что время всегда течет вперед, – оно знает приливы и отливы, эпохи подъема и упадка, накала творчества и его угасания. Мы сами создаем время, в которое живем. Оно почти так же принадлежит нам, как наши научные результаты. Но результаты остаются, как книги в библиотеках, а время уходит, как вода, оставляя глубоко выработанное русло, которое и есть памятник времени.

Научное знание – не золотые слитки в подвалах Гохрана, отлитые из песка, добывшего трудом множества старательей. Золото никогда не превратится в бронзу, но нет ни одной научной истины, в которой мы могли бы быть уверены так же, как в пробе золота, даже в самой познаваемости мира. Вдохновенная погоня за синей птицей – это и есть тот поток, который создает научную картину мира.

Счастливые представители естественных наук устремляются в эту погоню, вооружившись мощью математического аппарата, удивительным образом позволяющего создавать более или менее надежные теоретические конструкции. Социальным наукам престарелый классик либерализма Фридрих фон Хайек вообще запретил искаать законы естественнонаучного типа, поскольку законы природы действуют независимо от нашего сознания и их нельзя попрать, а законы общества – вполне можно. Разными способами представители гуманитарного знания пытаются постичь наш парадоксальный, быстротекущий, невероятно разнородный мир, и смирение перед истиной весьма часто заставляет их довольствоваться описательными методами.

Именно из благородного стремления к познанию и описанию новых земель возникло научное страноведение, достигшее наивысшего расцвета в XX веке и ушедш-

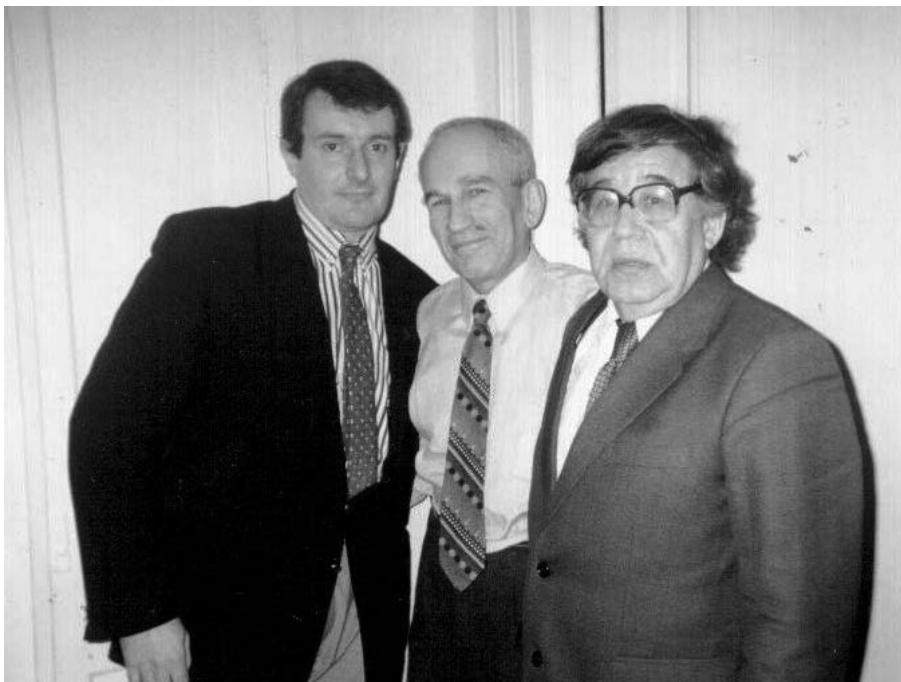
шее вместе с ним. Исключительно мощный прилив талантливых исследователей в начале 50-х годов – удивительный и необъяснимый в те крайне мрачные времена – не обошел стороной и географию; и среди славной плеяды блестательных ученых, окончивших в те годы географический факультет МГУ (либо в качестве редкого исключения – другие вузы), было немало страноведов. Последних представителей научного страноведения. Был среди них и Валерий Алексеевич Пуляркин.

Что такое научное страноведение и почему его нет сейчас? Оно возникло в эпоху значительно меньшей дифференциации науки, когда один исследователь еще мог охватить весь спектр знаний о стране или регионе «от геологии до идеологии», как говорил корифей отечественной экономгеографии и пламенный борец за развитие страноведения Николай Николаевич Баранский. Понятно, каких качеств требовали такие задачи от подлинного мастера своего дела – широчайшей эрудиции в самых различных областях знания, владение несколькими языками, способность перерабатывать египетские пирамиды всевозможных источников информации, великолепной памяти и, разумеется, литературного таланта. Недаром одна из статей Н.Н. Баранского называлась «Больше заботы об искусстве географического описания». Продукция страноведа – монография о той или иной стране – должна была быть не только интересной и содержательной, она должна была еще и легко читаться.

В нашей стране во времена невыносимого идеологического давления изучение зарубежных стран было еще и формой интеллектуального самосохранения для тех, кто не желал служить Партии, ибо партийное руководство разрешало описывать эти страны такими, какими они были, не превращая географические описания в средство пропаганды или идеологической борьбы. Возможность мысленно посетить другие страны и правдиво о них рассказать широкому кругу читателей в стране, где неуместно рассказанный анекдот мог, в конечном счете, стоить рассказчику жизни, была захватывающей и вдохновляла многих талантливых географов.

Почти для всех них была характерна судьба Ивана Александровича Витвера, одного из наших самых блестательных страноведов – наставника В.А. Пуляркина в университетские годы – автора прекрасных книг о Германии и Франции, Бразилии и Аргентине, никогда не посещавшего исследуемых стран и, возможно, даже не мечтавшего их посетить, как не мечтают посетить Марс или Венеру исследователи этих планет. При этом И.А. Витвер вовсе не был обижен властью: он заведовал кафедрой в МГУ, во время войны был деканом факультета, был удостоен государственной премии, докторскую степень получил без защиты, его школьный учебник «Экономическая география зарубежных стран» выдержал 16 изданий. Как у слепого в невероятной для обычного человека степени обостряются все остальные чувства, так у советских страноведов сила воображения восполняла неспособность видеть собственными глазами и, читая витверовские описания Лондона, невозможно заставить себя поверить, что автор не прожил в этом городе если не долгие годы, то, по крайней мере, несколько месяцев.

Жизнь ученого может быть внешне бедной событиями, но при этом внутренне исключительно насыщенной и захватывающе интересной. Защитив в 1952 г. великолепную дипломную работу по текстильной промышленности Индии, выпускник географического факультета МГУ В.А. Пуляркин был принят по рекомендации И.А.

Слева направо: Л.М. Синцеров, Ю.Г. Липец, В.А. Пуляркин. Конец 1990-х годов.

Витвера на работу в Институт географии АН СССР, где и работал до конца своих дней. Сколько вместили в себя эти полвека напряженной и плодотворной работы! В 1955 г. была защищена кандидатская диссертация по Кашмиру – одному из самых интересных, противоречивых и политически нестабильных районов мира. За ней последовали книги об Афганистане, Западном Пакистане и Цейлоне. В 60-е годы Пуляркин уже авторитетный страновед, один из признанных знатоков Южной Азии. Казалось бы, нет никаких оснований сворачивать с этого интересного и многообещающего пути.

«География, при всех творческих изысках в отношении ее определения, – писал Пуляркин, – всегда символизировала в «народе» знания о территориях, знаковым образом которых чаще всего выступали государство или страна. Поэтому страноведение обычно ассоциировалось с географией, и во внепрофессиональной среде знак равенства окончательно не зачеркнут. Иное дело среди специалистов, ибо они, с одной стороны, лучше осведомлены о тех многообразных сюжетах, которые исследует их любимая наука, либо, с другой, – давно разбрехавшись по собственным исследовательским квартирам, нередко не в состоянии разобраться, чем занимается ученый коллега. Постоянное дробление и дифференциация географической науки было характерным и закономерным процессом, не дошедшем до логического конца благодаря наличию традиционных скрепляющих обручей в виде принципа территориальности. Они постепенно расшатались и ослабли, но исторически сложившееся единство географии не исчезло: на подмогу пришло взаимодействие природы и общества, которое неизмеримо углубилось и расширилось на протяжении XX в. Угроза разруше-

ния естественных ландшафтов как местообитания человечества заставляет географов разного профиля сообща решать возникающие задачи и размышлять о теоретическом фундаменте совместной исследовательской активности¹.

В 1976 г. два заведующих отделами в Институте географии, мощные и авторитетные фигуры, В.М. Гохман и Я.Г. Машбиц выдвинули идею проблемного страноведения. Описание страны должно центрироваться по нескольким основным проблемам, наиболее важным для нее и рассматриваемым во взаимосвязи. Иначе можно утонуть в море фактов, так и не успев напоследок сказать главное. Над теми же проблемами работал и Пуляркин, защитивший в 1972 г. докторскую диссертацию по экономико-географическим процессам в сельском хозяйстве стран Азии. Это тоже был ответ на вызов времени. В 70-е годы классическое страноведение стремительно устаревало, само это понятие стало вытесняться региональной географией, вовсе не предполагающей в качестве обязательного условия ни комплексности характеристик стран и регионов, ни тем более выделения и изучения процессов, определяющих их развитие. Строго говоря, региональной географией можно считать описание любой территории в любом аспекте. Едва ли тут есть интеллектуальные барьеры, взять которые по силам немногим.

Интеллектуальный климат 70-х, увлечение количественными методами почти во всех социальных науках, стремление построить теоретическую географию по образу и подобию теоретической физики (вопреки предостережениям Хайека о невозможности сформулировать законы в социальных науках столь же непреложные, как и в науках естественных, о которых по одну сторону железного занавеса почти не знали, а по другую – почти не вспоминали), способствовали стремлению отправить страноведение в музей истории науки, проводив его туда с почестями, но возможно быстрее. «Впрочем, о былом обычно уже не спорят, – писал Пуляркин. – Да, вклад сделан, страноведение выполнило предназначеннную ему роль, но лишь в рамках создания территориальных описаний и характеристик. Более же сложные научные задачи, выдвигаемые нынешним днем, оно, де, принципиально не в состоянии реализовать, а поэтому должно ограничиться информационными целями, просвещая широкие массы населения: «всяк сверчок знай свой шесток»².

Между тем престарелый классик либерализма был прав, и В.А. Пуляркину оставалось только с грустью наблюдать победное шествие модных заблуждений. Его любимая наука не шла своим путем к своим целям, а копировала то, что никоим образом не могло привести к успеху. «Внедрение количественных методов в географию особенно способствовало усилинию ее систематической части за счет другой, региональной, при явной недооценке герменевтического обоснования страноведения как науки (однако эта сложная дискуссионная проблема нуждается в специальном анализе). Более того, стали появляться высказывания о том, что теорию географии необходимо развивать путем, сходным с развитием теории физики, то есть на основании опыта выдвигать гипотезы и концепции, затем математизировать концепции и использовать их для выражения гипотез, из которых затем долж-

¹ Пуляркин В.А. Дискуссионные вопросы современного научного страноведения // Проблемное страноведение и мировое развитие. Сб. статей памяти Якова Григорьевича Машбица. М.: Смоленск, 1998. С. 23.

² Там же, с. 25.

но извлекать результаты и насыщать их географическим содержанием... Тем самым нашей науке отводится фактически амплуа эпигона, шествующего уже давно проторенной дорогой, а географам в их отношении к точным дисциплинам остается руководствоваться реакцией знаменитого человека-дятла с тухлыми глазами (из повести В.П. Катаева «Святой колодец») при встрече с дегустатором винтреста: «Познакомьте! Умоляю вас! Пока еще не поздно. Я поцелую ему ягодицы, я полижу их»³.

Едкая пародия на теоретическую географию представляется не слишком-то справедливой: выдвижение гипотез и последующие попытки их опровержения по Попперу – всеобщий способ познания от амебы до Эйнштейна, – и идут этим путем все без исключения науки, от истории до математики. Попытаемся, однако, вникнуть глубже. В любой ситуации люди делают не то, что нужно, а то, что могут. Малая часть констатировать принципиальные трудности гуманитарных наук, надо попытаться прорваться сквозь них. Романтический порыв 60-х и 70-х годов был попыткой с заведомо негодными средствами, хотя оказался во многих отношениях вовсе не бесполезным. Подлинное же призвание географа, по В.А. Пуляркину, – искать и находить познавательные средства, адекватные задачам, стоящим перед нашей наукой. Но кто же из нас может быть на высоте этих задач?

Увы, мы опять скользим здесь по зыбкой грани, отделяющей гуманитарную науку от искусства. Страновед по праву носит высокое титло ученого, его труды объективны, доказательны, рациональны и именно потому ценные, но он не может передать свои достижения студентам и аспирантам, не может написать курс вроде Ландау и Лившица. Не всякому дано продвинуть вперед развитие той или иной области науки, но всякий может повторять и использовать достижения предшественников, если он квалифицирован и упорен. Но этих двух полезных качеств совершенно недостаточно для создания современных страноведческих описаний тех стран, которым более чем полвека назад посвятил свое вдохновение Витвер.

Искусство значительно требовательней к таланту, чем наука. Средний поэт или средний композитор – нечто значительно более убогое, чем средний историк или средний математик. Страноведение, вероятно, никогда не станет наукой в строгом смысле этого слова, и потому всегда будет требовать гигантов, но гиганты ушли, как мамонты. Всеобщее измельчание, прагматизм и катастрофическое снижение интеллектуального уровня не оставляют надежды на то, что они скоро придут вновь. Нам остаются только книги⁴ и пустые места, которые никто даже и не пытается занять, настолько это было бы нелепо.

Мы все уйдем, но лишь немногие из нас закроют за собой дверь великой эпохи – великой достижениями, которые едва ли удастся повторить.

Или все же удастся? Ведь наследует же в чем-то страноведение Витвера и Пуляркина французскую школу эпохи Видаля де ля Блаша. Или они из одной и на всегда ушедшей эпохи?

---

³ Там же, С.29.

⁴ Пуляркин В.А. Локальные цивилизации во времени и пространстве (взгляд географа). М.: Эслан, 2005.

Т.Д. Александрова

Гавриил Дмитриевич Рихтер (1899–1980)

*Физикогеограф, страновед, снеговед, д.г.н. (1945), профессор.
В Институте в 1931–1980 гг.,
зав. отделом физической географии (1937–1960),
заслуженный деятель науки РСФСР.*

Гавриил Дмитриевич Рихтер много десятилетий служил географии, почти четверть века руководил отделом физической географии нашего Института (1937–1960), читал лекции в вузах, заведовал кафедрой в МИГАиКе (с 1942 г.). Все, кому посчастливилось быть знакомым с Г.Д., запомнили его мягкую интеллигентность: вежливость, доброжелательность, уважительное и внимательное отношение ко всем.

О докторе географических наук, профессоре, заслуженном деятеле науки РСФСР Г.Д. Рихтере написано немало как о физикогеографе, страноведе, снеговеде. (См. Библиография опубликованных трудов. М., 1988). Здесь лишь некоторые отрывочные неизвестные или малоизвестные данные, обнаруженные недавно.

Гавриил Дмитриевич был младшим сыном Д.И. Рихтера (1848–1919) – известного земского статистика, экономиста, географа, общественного деятеля, который много лет возглавлял отдел географии Нового энциклопедического словаря Брокгауза и Ефона, где начинал научную работу будущий директор Института географии А.А. Григорьев. Мать Г.Д. окончила фельдшерские и акушерские курсы, работала в психиатрической больнице, затем стала женой Д.И. Рихтера и матерью пятерых детей (Анна, Дмитрий, Ирина, Владимир, Гавриил).

Гавриил Дмитриевич всю жизнь сохранял теплые отношения с сестрой Ириной (1895 г. рождения), которая стала доктором биологических наук в области гистологии (в Архиве РАН хранятся ее воспоминания, Ф. 1991. Д. 32). Ирина писала об отце как человеке незаурядном, который установил уклад жизни семьи, где детей никогда не наказывали, но внушали, что «всякий настоящий труд надо ценить и уважать и никогда не брезговать даже самым грязным трудом», учили, что «нельзя нарушать законы, даже если они не совсем хороши».

На даче, конец 1970-х годов.

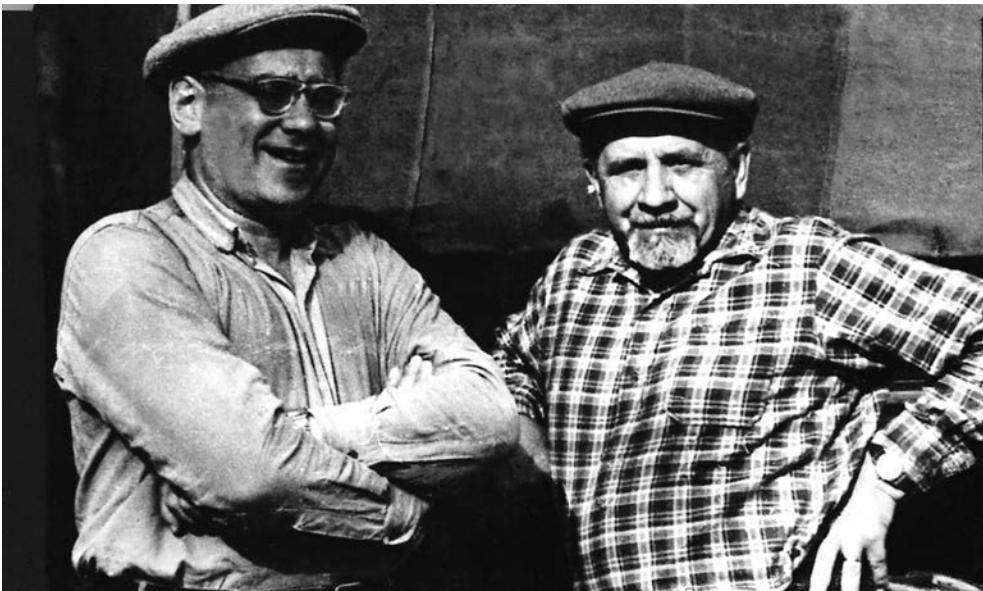
Гавриил писал об Ирине в юношеском дневнике 1918–1919 гг: «Хороший очень человек Иринушка, только как-то очень не уверена в себе и своих способностях и знаниях, от того она такая и «неприкаянная». Может быть, это результат недостатка нашего воспитания – мы все какие-то «никудышные»... Из меня ведь тоже ни черта путного не выйдет. Нет у меня ни настойчивости и усидчивости, ни привычки работать, ни чего, с чем можно было бы принести какую-нибудь пользу народу... Завтра Ирина запишет меня на курсы пчеловодства и кролиководства в Соляном городке. Хочется работать и чем-то полезным заниматься» (Ф. 1991. Д. 9).

Некоторое представление о начале деятельности Г.Д. Рихтера можно получить из его дневников (две тетради с 1914 г. по 1967 гг.). Записи в них очень лаконичны, практически одна страничка за год, иногда на ней всего несколько строк (Ф. 1991. Д. 28). Пятнадцатилетним школьником Гавриил совершил поездку на север до Петрозаводска и Архангельска. Двумя годами позже вместе с сестрой Ириной был рабочим в геологическом отряде, собирая образцы для Самарского музея. После окончания реального училища в Царском Селе в 1917 г. Гавриил стал студентом медицинского факультета Юрьевского (Тартуского) университета, но так как университет эвакуировали в Воронеж, перевелся на естественное отделение Петербургского университета.

Как и все молодые люди, Гавриил размышлял о будущем: «Я уже давно чувствую влечение к педагогике. Может быть это так – временно. Может быть, потом я и совсем забуду об этих моих мечтах, но сейчас я как-то не могу себя иначе представить, как преподавателем в новой трудовой школе. Сначала я думал, что может быть смогу работать в области науки, но плохо и сам в это верил, да и говорил это, пожалуй, больше потому, что все наши все время мне говорили о будущей для меня научной деятельности после Университета. Плохо мне верилось в это и самому потому, что у меня совершенно нет той усидчивости, наблюдательности и настойчивости, да и способности к обобщениям, которые необходимы в научной работе. Единственно, где я смогу, пожалуй, принести пользу – это в педагогике. А для того, чтобы стать хорошим педагогом, нужно заняться своим воспитанием и образованием. Хочется почитать педагогическую литературу – может быть, там найду, что нужно сделать с собой, как нужно себя воспитывать» (Ф. 1991. Д. 9).

Чтобы как-то обеспечить себе существование в голодные послереволюционные годы, Гавриил работал санитаром, затем в продовольственной управе («скуча страшная, тоска, плесень и паутина»), инструктором по семи волостям уезда по учету урожая 1919 г. Последняя работа оказалась «больше всех по сердцу... все время в разъездах, а я страшно люблю ездить и смотреть новые места – хоть часть нашего уезда узнал и очень во многих местах побывал».

В октябре 1919 г. Г.Д. поступил в Географический институт, но его вскоре призвали на военную службу. «17. XII. 1919 г. Вот уже больше двух недель как я на военной службе во Владимире. Скверно я себя чувствую, особенно по вечерам. Как-то больно чувствуется свое бесцельное здесь пребывание. Какая-то тюрьма. Ничего не делай, никуда не уходи и только слушай и исполняй приказания. Хорошо, что еще начальство симпатичное – все видят, что наши занятия – только для препровождения времени». Вскоре Рихтер смог возобновить вечерние занятия в Географическом институте, а в марте 1921 г. его отпустили из Красной Армии для продолжения образования в Географическом институте.

Организаторы экспедиций «по меридиану», слева Е.М. Зингер.

Еще будучи студентом, Г.Д. Рихтер стал научным сотрудником Географического института и участвовал в экспедициях (в Большеземельскую тундру, на Кольский полуостров, Южный Урал). Свои впечатления об экспедициях он докладывал на научном студенческом кружке, где был председателем.

После окончания в 1924 г. Географического института Г.Д. Рихтер на несколько лет глубоко погрузился в исследования Кольского полуострова и озера Имандра, начатые им еще в 1922 г. За 1926–1939 гг. этим объектам было посвящено почти 30 научных и научно-популярных публикаций, что составило около 3/4 вышедших в этот отрезок времени статей.

Г.Д. Рихтер оказался одним из первооткрывателей древних следов пребывания человека на Кольском полуострове. В 1925 г. на песках Большого Оленьего острова он (вместе с географом С.Ф. Егоровым) обнаружил человеческие кости, которые заинтересовали археологов и стимулировали несколько археологических экспедиций на Кольском полуострове. Обнаружил Рихтер случайно и проявления металлогении (Ф. 174), что подтверждено его воспоминаниями о Кольском полуострове и о выдающемся ученом-организаторе А.Е. Ферсмане (<http://arctic.org.Ru/2000/htm>).

«В течение трех лет (1925–1927) я руководил работами Имандровской экспедиции Мурманской биологической станции, которая занималась комплексным изучением бассейна озера Имандра. Так как подробной карты озера в то время еще не было, приходилось производить глазомерную съемку, с которой я шаг за шагом обошел всю береговую линию озера (около 1000 км), проводя попутно наблюдения по морфологии и строению берегов... Съемка озера Имандра была закончена, и я всегда пользовался случаем проверить на местности увязку планшетов и привязать наши горные маршруты к карте озера. С этой целью мы отправились по окрестным вершинам, с которых открывался широкий обзор озера, и можно было взять засеч-

ки буссолью на приметные точки берегов. На одной из посещенных вершин магнитная стрелка буссоли показала сильную магнитную аномалию, причина которой меня заинтриговала, и я собрал серию образцов...

Вернувшись в Ленинград, я, по установленному обычаю, зашел к А.Е. Ферсману, чтобы рассказать ему о проведенных исследованиях, и, конечно, сообщил ему об обнаруженной магнитной аномалии... Он очень внимательно рассмотрел образцы через складную лупу и радостно воскликнул: «Батенька мой, да ведь это замечательно! Такое сочетание ультраосновных пород с щелочными известно пока только для Южной Африки. А там с ним связан целый ряд ценнейших полезных ископаемых. Вот здесь, — указал он, — следы меди и никеля!»

Через несколько дней группа сотрудников Ферсмана отправилась в Мончегорск и произвела там минералогическую разведку, а в следующем году там уже работали партии геохимиков и минералогов».

За работы на Кольском полуострове Г.Д. Рихтеру в 1928 г. была присуждена малая серебряная медаль Географического общества.

Необычными впечатлениями была наполнена первая зарубежная поездка Гавриила Дмитриевича в 1956–1957 годы в составе Антарктической экспедиции на научно-исследовательском судне «Обь». Три общие тетради дневников морской антарктической экспедиции содержат аккуратные ежедневные записи. К сожалению, сейчас, когда существует много разных книг и об Антарктиде, и о путешествиях по океанам, записи не содержат ничего нового. Результатом путешествия в Антарктиду стали статьи об ее оазисах (1958), о процессах денудации (1960) и несколько неопубликованных заметок.

Стоит напомнить об одной сфере деятельности Г.Д. Рихтера, которой он посвятил более полувека – изучение снега. Он один из первых обратил внимание на важную роль снежного покрова в природе и хозяйстве. Его идеи легли в основу комплексной дисциплины – снеговедения, включающей в себя географическое, физическое, ландшафтное, структурное снеговедение, зимоведение, и в общую науку о льдах и снегах – гляциологию (Мурзаев, Нефедьев, 1988).

Вероятно, интерес к анализу влияния снега на природные процессы возник у молодого Рихтера в 1920-е годы во время полевых работ на Кольском полуострове. В конце 1930-х годов Г.Д. Рихтер уже обучал проведению зимних снегомерных работ студентов МОПИ, наблюдал за снегом (вместе с Л.Д. Долгушиным, который отмечает 100-летний юбилей!) в районе Печоры; на подмосковной станции Института географии «Зеленая слобода» организовал наблюдения за снеготаянием, участвовал в проведении первого совещания по изучению снега.

Во время Великой Отечественной войны Гавриил Дмитриевич составил ряд карт о заснеженности аэродромов. По результатам анализа снежного покрова на аэродромах в военных целях опубликовал большую статью «География снегового покрова» в книге «Строительство и эксплуатация зимних аэродромов». За работы оборонного значения Г.Д. был награжден орденом «Знак почета» и медалями.

Продолжая теоретико-методические исследования, Г.Д. Рихтер готовил книгу, которая должна была «познакомить с основными свойствами снежного покрова и тем самым облегчить задачу использования снега при военных операциях военными инженерами». Книга, вышедшая в 1945 г., «не потеряла актуальности и поныне

является настольной книгой для каждого гляциолога и гидролога» (Котляков, Самойлов, 1985).

В 1940–1950-е годы Г.Д. организовывал снегосъемки в ботаническом саду в Останкино, проводил наблюдение за снеготаянием в центре Европейской части СССР на самолете Института прогнозов, написал много статей о роли снежного покрова в природе и значении его в народном хозяйстве.

В середине 1950-х годов Рихтер задумал монографию «Снежный покров и его использование в народном хозяйстве». Монографии не получилось, но вышло шесть коллективных «снежных» сборников с его непременным авторским участием и под его ответственным редактированием. В эти же годы он задумывал создать в Институте географии отдел по изучению снежного покрова. Возможно, его мысли стали толчком к созданию в 1957 г. Г.А.

Авсюком отдела гляциологии, ставшего самым большим отделом Института географии, координирующим многие работы по изучению льда и снега в стране.

Участвовал Г.Д. Рихтер и в разработке проекта Института снега и льда СО АН СССР, который должен был поддерживать связи со снеговедческими и гляциологическими учреждениями СССР, Канады, Австрии, ФРГ, Болгарии, Чехословакии, Японии, США, Швейцарии, Швеции, Норвегии и других стран мира.

В 1965 г. он составил первый (и единственный) «Словарь основных терминов и понятий по снеговедению» – «молодой быстро развивающейся отрасли знания, еще не имеющей общепризнанной терминологии». Последняя «снежная» статья Г.Д. Рихтера (с В.М. Котляковым и Е.А. Нефедьевой) «Ландшафтное снеговедение: современное состояние, задачи и перспективы» вышла в 1974 г.

Гавриил Дмитриевич с его любовью к преподаванию был инициатором и научным руководителем научных конференций молодых ученых, проводившихся в Институте географии регулярно с середины 1950-х годов. Он также был инициатором и душой знаменитых поездок по «меридиану» для молодых ученых, проводившихся в Институте в конце 1950-х–начале 1960-х годов.

Сотрудники отдела физической географии любили собираться у Г.Д. дома или на даче на ст. Ильинская Казанской железной дороги, где всегда было весело и душевно.

Став научным консультантом в 1969 г., Гавриил Дмитриевич продолжал работать, вел активную переписку. В его фонде в Архиве РАН – более сотни отзывов на докторские и кандидатские диссертации, книги и статьи авторов из многих городов, письма более чем 210 адресатов. Среди них сотрудники Института географии: Д.Л. Арманд, А.А. Григорьев, И.С. Гришин, Е.Е. Гуртовая, Л.Д. Долгушин, М.И. Иверонова, Э.М. Мурзаев, В.В. Никольская и др., известные географы: С.В. Калесник, Э.Г. Коломыц, Ф.Н. Мильков, И.М. Осокин, Н.А. Солнцев, Г.К. Сулаквелидзе, А.Ф. Трешников и др.

Гавриил Дмитриевич Рихтер был наставником многих молодых географов, ставших крупными учеными. С большой теплотой о Г.Д. часто вспоминает директор

Рисунок А.Д. Арманда.

Института географии академик В.М. Котляков. Профессор В.С. Преображенский, бывший аспирантом у Г.Д. в первые послевоенные годы и принявший у него после Д.Л. Арманда эстафетную палочку руководства отделом физической географии, всегда относился к Г.Д. с большим почтением. С любовью вспоминают о Г.Д. и более молодые коллеги – В.С. Корякин, В.П. Чичагов, А.В. Дроздов (см. их очерки в этой книге), Н.И. Осокин и многие другие.

Юрий Львович Раунер (1930–1982)

*Климатолог, д.г.н. (1960).
В Институте в 1957–1982 гг.,
зав. отделом климатологии (1972–1982)*

А.Н. Золотокрылин

В 1967–1969 гг. после окончания МГУ я работал инженером на кафедре климатологии и метеорологии географического факультета. На кафедре я впервые услышал о Юрии Львовиче Раунере, как о перспективном молодом ученом. Он стал известным далеко за пределами ИГАНа после серии исследований теплового и радиационного баланса лесного покрова на Загорской станции Института мерзлотоведения АН СССР во второй половине 1950-х годов и исследований ландшафтов разных природных зон. Следует сказать, что исследования теплового баланса лесов были пионерными в СССР. Они начались всего на несколько лет позднее подобных работ за рубежом (Западная Германия, A.Baumgartner). Уже в 1960-х годах исследования теплового баланса лесов проводились на Валдайской станции ГГИ (С.Ф. Федоров), на Теллермановской станции лаборатории лесоведения АН СССР (Н.Н.Выгодская) и за рубежом.

Рисунок А.Д. Арманда.

В 1969 г. Ю.Л. защищает докторскую диссертацию «Тепловой баланс естественных ландшафтов» и становится признанным лидером фитоклиматического направления исследований в нашей стране.

Высокие оценки исследований Ю.Л. сотрудниками кафедры проявили во мне интерес к его работам. Особенно сильное впечатление на меня произвела вышедшая к тому времени статья Ю.Л. на тему: «Изучение атмосферы как компонента биогеоценоза» в книге «Программа и методика биогеоценологических исследований» (1966). Эта статья, а затем автореферат

докторской диссертации Ю.Л. Раунера (1969) стали программными для меня в период подготовки к поступлению в конце 1969 г. в аспирантуру лаборатории биогеоценологии им. В.Н. Сукачева Ботанического института АН СССР. Моими научными руководителями стали Н.В. Дылис и Ю.Л. Раунер.

Тогда я познакомился с Юрием Львовичем и тогда начались мои плодотворные встречи с ним. Одна из первых встреч состоялась на подмосковном биогеоценологическом стационаре «Малинки» под Москвой. Ю.Л. дал ценные советы при выборе репрезентативных площадок в еловом и сосновом насаждениях, размещении измерительных приборов на вышке над пологом леса и внутри полога. Ю.Л. имел большой опыт в организации подобных наблюдений, в частности на Загорском лесной станции, а позднее в Центрально-Черноземном заповеднике. Советы Ю.Л., его опубликованные методические разработки помогли мне улучшить и упростить методику градиентных наблюдений. Она учитывала накопленный опыт и ошибки многолетних исследований на разных стационарах.

Среди проблемных направлений фитоклиматологии Ю.Л. выделял изучение механизмов прямой и обратной связи в системе «физическая среда – фитоценоз» а также изучение пограничного слоя атмосферы и влияния на него подстилающей поверхности различных типов растительного покрова. Ю.Л. всегда подчеркивал междисциплинарный аспект фитоклиматических исследований, так как они являются важной составной частью комплексных эколого-географических и экспериментально-теоретических работ по климату.

Ю.Л. не ограничивался обсуждением хода моих исследований только в стенах Института географии АН СССР. Он считал, что мне будет полезно ознакомиться с полевыми работами на Курской полевой экспериментальной базе ИГАН. Летом 1972 г. мне удалось это сделать. Так впервые состоялось мое знакомство с комплексными работами по геофизике природных ландшафтов на Курской базе с участием других Институтов и учреждений.

Мне хорошо запомнились поездки с Ю.Л. по экспериментальным площадкам, его увлеченный рассказ об особенностях эксперимента, его четкое представление о перспективе исследований. Поражала меня скромность Ю.Л. в оценке проводимых им работ. Я возвращался в «Малинки» полный научных впечатлений о размахе экспериментальных исследований Ю.Л. и окрыленный поддержкой моих работ.

Подмосковье, стационар «Малинки», середина 1960-х годов. Слева направо: Д.Л. Арманд, Ю.Л. Раунер, Н.В. Дылис.

В этом же году была опубликована монография Ю.Л. Раунера «Тепловой баланс растительного покрова», в которой были обобщены результаты теоретических и экспериментальных исследований по изучению радиационного и теплового режима, а также его влияния на развитие растительного покрова Центральной лесостепи. Монография стала моей настольной книгой. Она подвигла и усилила мои впечатления об увиденном на Курской базе. Несомненно, что монография стала научным ориентиром в подготовке моей диссертационной работы.

Мне повезло, что одним из научных руководителей моей диссертационной работы был выдающийся теоретик и экспериментатор фитоклиматологии Ю.Л. Раунер. Выбор темы кандидатской диссертации под влиянием работ Ю.Л. Раунера и последующее плодотворное сотрудничество с ним в дальнейшем навсегда определило мою научную судьбу.

С.С. Савина

* * *

После ухода Бориса Львовича Дзердзеевского отдел оставался какое-то время обездвиженным. Пока он не был передан в руки д.г.н. Юрия Львовича Раунера. Это произошло бы рано или поздно и при Борисе Львовиче, который с большой симпатией и отечески покровительствовал Ю.Л. Раунеру еще со студенческих лет. Он видел в нем не только своего последователя, но и со временем преемника на свое место.

С Юрием Львовичем я столкнулась с первого дня в университете. Мы попали в одну и ту же группу уже на первом курсе. Тогда мы были еще послевоенными детьми. Он выглядел очень домашним, скромным, интеллигентным мальчиком. Со второго курса нас объединяет общий интерес к климатологии и мы вновь входим в состав одной кафедральной группы по этой специальности. Тогда мы не задавались вопросом – почему каждый из нас выбрал этот путь? Его ближайшие друзья, жившие все вместе в районе Тимирязевской академии, стали океанологами. Им было легче в своей группе, где была только одна девочка, чем Юре Раунеру, где он был один среди девочек.

Одна из присущих ему черт характера – это индивидуализм. Возможно, с этим и было связано то, что он как-то чаще держался в стороне, не принимая особо активного участия в комсомольской и общественной жизни группы климатологов. Это, естественно, часто вызывало конфликты группы с ним, состоящей из 10 активных девушек. Однажды это приобрело комический характер. На комсомольском собрании курса кто-то из активных членов группы бросил открыто упрек: «Юра не живет с группой!» Можно представить реакцию – общий смех. Его ближайшие друзья не один раз использовали этот случай, чтобы над ним пошутить. А шутки он воспринимал не всегда.

Вместе с Юрием Львовичем я кончала географический факультет по специальности «климатология», вместе получали красные дипломы, врученные ректором МГУ акад. Петровским и при распределении были направлены в Институт географии АН СССР. Однако, Юра решил на несколько лет задержаться на факультете, отказавшись от места в ИГАНе. В доверительной беседе он мне искренне сказал,

что хочет еще побывать в новом здании МГУ. Его можно было понять! После успешной защиты диссертации на факультете Юрий Львович приходит в ИГАН.

Теперь следует сказать о нем, как о личности, в дополнении к официальному очерку в книге «Институт Географии и его люди» (М.: Наука. 2008). Нельзя отнять у него такие черты его натуры, как благородство, порядочность, честность и принципиальность! Зная Ю.Л. Раунера, можно с уверенностью сказать, что путь его лежал в «чистую науку». В то время мало кому удавалось всецело этому следовать. Жизнь все время создавала условия, обязывавшие Ю.Л., кроме близких ему научных, решать проблемы организационного руководства – Загорский стационар, Курский стационар.

В большой степени замкнутость его характера осложняла его деятельность. Он полностью был поглощен своими научными интересами, не всегда делился своими замыслами, идеями. У меня впечатление, что все, кроме науки, ему просто мешало. Это особенно чувствовалось на последнем этапе его «взлета», когда на него возложили обязанности зав. отделом климатологии. Конечно, он не мог не испытывать чувство удовлетворения! Тем не менее, для него всегда приоритетом, несмотря на сложные ситуации, оставалась наука. Он вышел победителем! Его последняя книга говорит сама за себя, оправдывает поставленную им Цель! В прошлое ушли все упреки отдела, дирекции. Она получила самую высокую оценку и в Институте географии, и за его пределами в Советском Союзе и за рубежом. Книга «Климат и урожайность зерновых культур», М.: Наука, 1981 – это ему памятник.

М.М. Чернавская

* * *

В конце 60-х я поступила в очную (целевую от ЦНИИП градостроительства) аспирантуру в отдел климатологии Института географии АН СССР к Ю.Л. Раунеру. В этот период он работал над своей докторской диссертацией, которую успешно защитил в 1969 г. Но, к сожалению, тогда он не мог уделять моей работе много внимания. Тем ценнее были беседы с ним, его замечания и пожелания. Помню курьезный случай, когда я принесла ему на просмотр свою первую главу. Он был несколько удивлен, прочел и в основном хвалил. Но ему категорически не понравилось выражение «палитра» методов как отголосок художественно-архитектурных настроений института, где я в то время работала. На самой защите моей кандидатской диссертации Ю.Л. как руководитель нашел очень теплые и неформальные слова и пожелал успеха. Я была тронута до глубины души.

Юрий Львович с большим уважением относился к коллегам – научным и инженерно-техническим сотрудникам отдела. Помню, как он не однажды повторял, что климатологов-специалистов очень мало и их нужно ценить и беречь. В 70-е и 80-е годы примерно половину отдела составляли инженерно-технические работники, которые занимались составлением таблиц метеорологических элементов, перенесением данных с пленочных носителей в таблицы. Одновременно велись разговоры на животрепещущие темы, преимущественно громко, иногда коллеги старались буквально перекричать друг друга. Этот шум, как мне казалось, был слышен в ка-

бинете заведующего и мог мешать ему работать. Но Ю. Л. никогда не позволял себе выказать недовольство, сделать замечание. Он был всецело поглощен работой, предан науке, был необыкновенно трудолюбив. Он был автором, как сейчас принято говорить, действительно фундаментальных статей и монографий. Я вспоминаю Юрия Львовича Раунера как чрезвычайно скромного, деликатного, интеллигентного человека.

Г.С. Шилькромт

Леонид Леонидович Россолимо (1894–1977)

*Лимнолог, д.г.н. (1938), профессор.
В Институте в 1958–1974 гг.,
руководитель группы лимнологии*

Мне посчастливилось почти 20 лет работать рядом, быть ученицей и сотрудникницей очень неординарного человека, каким был выдающийся лимнолог Леонид Леонидович Россолимо.

В конце 1957 года в отделе Каспийского моря Института океанологии АН СССР, где я только что начала свою трудовую деятельность по окончании Московского гидрометеорологического техникума в качестве лаборанта, стали говорить о возможной передаче всего отдела, естественно не как Каспийского, а как отдела лимнологии, в Институт географии АН СССР. Отделом тогда руководил известный гидролог, профессор Борис Александрович Аполлов (по совместительству заведовал кафедрой гидрологии суши на географическом факультете Московского университета).

Рисунок А.Д. Арманда.

Так как отдел состоял в основном из гидрологов и метеорологов, занимавшихся скорее морскими исследованиями, а не лимнологическими, для определенной переориентации направленности работ передаваемого в ИГАН СССР отдела был приглашен профессор Л.Л. Россолимо.

Леонид Леонидович Россолимо – выпускник Московского университета. Закончил естественное отделение физико-математического факультета. В революционный период уезжал ненадолго из Москвы на родину в Одессу, а по возвращении в Москву возглавил биологическую (позже ставшую лимнологической) станцию в Косино, под Москвой. Он руководил ею в течение 18 лет (с 1923 г.). Станция была учреждена в 1909 г. Московским Обществом испытателей природы (МОИП) и зак-

рыта весной 1941 г. по непонятной причине. Это произошло несмотря на то, что результаты исследований станции с 1920-х по 1941 гг. представляли собой, по существу, пионерные (на мировом уровне) фундаментальные достижения в познании процессов превращения и круговорота веществ в озерных водоемах. На станции работали многие известные исследователи, в том числе будущие крупные отечественные ученые, члены-корреспонденты АН СССР гидробиолог Г.Г. Винберг и микробиолог С.И. Кузнецов.

Совсем недавно, уже в 2000-е годы я узнала, что летом 1941 г. (до начала Отечественной войны) Леонид Леонидович кратковременно работал на Беломорской биологической станции Московского университета, которая и поныне существует на побережье Кандалакшского залива. Ее организатором и научным руководителем был университетский друг Леонида Леонидовича очень известный исследователь, морской гидробиолог, академик Лев Александрович Зенкевич.

Во время Великой Отечественной войны Л.Л. Россолимо временно, в сентябре-октябре 1941 г., работал в Главке Управления, а позже, также временно, в 1942 г. заведовал кафедрой гидробиологии в МГУ. А затем длительное время, с 1942 по 1959 гг., т.е. на протяжении 17 лет, заведовал кафедрой гидрологии Мосрыбвтуза имени А.И. Микояна. В 1958 г. этот ВТУЗ был переведен в Калининград. Будучи профессором в Мосрыбвтузе, Леонид Леонидович увлеченно работал на Глубоком озере, на базе Гидробиологической станции АН СССР вместе со своим бывшим сотрудником по станции в Косино Анатолием Петровичем Щербаковым.

В ИГАН Леонид Леонидович был зачислен в 1958 г., сначала по совместительству, а с 1959 г. уже постоянно – в отдел лимнологии, переведенный туда, как было сказано выше, из Института океанологии. И тогда начался его третий, и последний до кончины в январе 1977 г., длительный, почти 18-летний, период работы в одном

Знатоки Байкала. Справа Г.И. Галазий.

На Валдайском озере, 1970 г.

довича в новом отделе Института географии (руководителем отдела некоторое время оставался проф. Б.А. Аполлов) существенно изменилась структура научных работ, образовались новые исследовательские группы. Л.Л. Россолимо подбирал себе кадры единомышленников (и таких же как он трудоголиков) из имеющегося состава отдела, готовых переориентировать свои исследовательские интересы. Вот тогда и возник коллектив сотрудников, названный впоследствии группой лимнологии.

Основу группы составляли кандидат географических наук Нина Яковлевна Миронова, кандидат биологических наук Татьяна Николаевна Покровская, младшие научные сотрудники Евгения Ивановна Федорова и Розалия Владимировна Николаева, а также лаборант Лидия Ивановна Иванова и другие. Замечу, что до своего появления в новом отделе ИГ АН Леонид Леонидович хорошо был знаком только с Т.Н. Покровской, так как она ранее обучалась в Морсбывтuze.

Я включилась в работу группы лимнологии только в 1963 г., хотя прежде всегда находилась рядом с ее сотрудниками, в одной комнате, в старом здании Института океанологии АН СССР, на ул. Бахрушина (бывшая Лужниковская). А до этого работала с Верой Александровной Рутковской, взявшей себе тему актинометрических исследований и проводившей экспедиционные исследования на водохранилищах Волги, а позже с Розалией Владимировной Николаевой по теме, связанной с изменениями уровня Каспийского моря.

учреждении на выбранном им еще в молодости направлении научной деятельности – исследование озер как водных ландшафтов.

Это было действительно географическое направление его деятельности, которому он не изменил на протяжении всей своей жизни. Исследование озер должно было включать не просто комплексное, а скорее системное рассмотрение физико-химических и биологических процессов превращения вещества и энергии в водоемах в условиях разных географических зон и районов. Выявлялись особенности накопления органических и минеральных веществ и химических элементов (железа, кремния, кальция) в озерах разных географических районов и связи между типами накопления веществ и химических элементов в озерах с окружающими наземными ландшафтами.

С появлением Леонида Леони-

Основное внимание в исследованиях группы лимнологии первоначально уделялось вопросам типологии и районирования озер по важнейшему типологическому показателю – накоплению в отложениях ряда веществ и химических элементов. Эту концепцию Л.Л. Россолимо выдвинул еще раньше. Для ее подтверждения полевыми исследованиями озер разного типа были заняты все сотрудники группы. Проводились исследования в разных географических районах – на Кольском полуострове и в Карелии, в республике Коми, на Полярном Урале и в Среднем Поволжье. Вопросы накопления в озерах железа разрабатывала Е.И. Федорова, кальция – Р.В. Николаева, минеральных ледниковыхзвесей – Н.Я. Миронова, органического вещества – Т.Н. Покровская, а кремния – Л.Л. Россолимо. Исследования позволили выделить и охарактеризовать ряд озерных районов с определенным типом накопления веществ и химических элементов. Результаты были опубликованы в нескольких тематических сборниках и в монографии Л.Л. Россолимо.

Отдел лимнологии просуществовал недолго. В начале 1960-х гг. штат его был сокращен, а группа лимнологии, возглавлявшаяся Л.Л. Россолимо, была включена в состав отдела физической географии ИГ АН. Основным направлением лимнологических исследований всегда оставались вопросы озерного накопления веществ и энергии. Но с 1963 года особое значение приобрели пионерные для нашей страны исследования причин развития евтрофирования водоемов и его проявлений в озерах разного типа. Таким образом, внимание лимнологов было переключено на проблему антропогенных нарушений режима озер, возникающих в результате интенсивной хозяйственной деятельности человека на водосборных бассейнах.

Изучение антропогенных нарушений озер требовало иных подходов к выбору объектов и методов исследований. В этом случае главными объектами становились озера, характеризующиеся продолжительным и разнообразным освоением их водосборов, а также длительное время и, по возможности, разносторонне исследовавшиеся прежде, чтобы можно было выявить динамику или даже быструю эволюцию их важнейших свойств.

В начале 1960-х гг. были исследованы озера Плещеево (Переславское) в Ярославской области, Велье и несколько рядом с ним расположенных небольших озер, Валдайское и Селигер (Новгородская и Тверская области). И, кроме того, несколько глубоких озер на Южном Урале на территории и близ Ильменского заповедника. Проведенные гидрохими-

На берегу Пестовского водохранилища,
1975 г. Последний выезд в поле.

ческие и гидробиологические исследования указанных водоемов позволили выявить антропогенные нарушения важнейших их свойств и прежде всего изменения их кислородного режима.

В дальнейшем, в тематику лимнологических исследований вошли вопросы, имевшие важное научное и методическое значение для понимания механизмов антропогенных нарушений озерных свойств. К таким вопросам следует отнести роль рассеянного стока основных биогенных элементов с сельскохозяйственных территорий в евтрофировании водоемов, роль литорального комплекса в превращении поступающих в водоем биогенных элементов и различия в евтрофировании макрофитных и фитопланктонных озер.

Почти всю свою жизнь Л.Л. Россолимо занимался исследованиями небольших озер. Но он всегда проявлял особый интерес к одному из крупнейших озер мира – Байкалу, написал большую научную монографию «Температурный режим озера Байкал» (М.: Изд. АН СССР, 1957, 552 с.) и научно-популярную книгу «Байкал» (М.: Наука, 1966, 170с., переведена на японский язык). За первую книгу Л.Л. получил премию Президиума Академии наук СССР, а за вторую – премию общества «Знание».

Впервые Леонид Леонидович попал на Байкал в 1917 г. по окончании Московского университета и принял участие в работе Байкальской экспедиции. Выполнял он полевые исследования и в 1950-х гг. при работе над монографией о Байкале, представляющей собой обобщение и анализ обширных материалов послойных (по вертикали от поверхности до дна) измерений температуры воды за предыдущие 50 лет, выполненных, главным образом, сотрудниками Лимнологической станции в Листвянке на Байкале. Свою монографию Леонид Леонидович посвятил памяти Г.Ю. Верещагина – самоотверженного исследователя Байкала. Замечу, что первые более или менее систематические наблюдения за температурой воды Байкала были выполнены сосланными в Сибирь поляками Б. Дыбовским и В. Годлевским в период с 1869 по 1876 г. В начале 1970-х гг. Л.Л. Россолимо работал над новой монографией о Байкале, заказанной ему Гидрометеоиздатом в период острых дискуссий по поводу строительства Байкальского целлюлозно-бумажного комбината. Но эта монография оказалась невостребованной и судьба рукописи неизвестна.

Следует особенно отметить непосредственное участие самого Леонида Леонидовича почти во всех экспедиционных исследованиях до 1974 г., то есть до его 80-летия. Он не представлял себе получения новых знаний без наблюдений за происходящими процессами в природных и природно-антропогенных водных объектах.

Скончался Леонид Леонидович в январе 1977 г. после продолжительной тяжелой болезни. Но группа лимнологии, созданная им, продолжила успешно работать в стенах Института географии. А многие последователи продолжили тематику работ Леонида Леонидовича и в других лимнологических и географических учреждениях.

Леонид Рувимович Серебрянnyй

(1931–2000)

*Палеогеограф, геоморфолог, гляциолог, эколог, страновед, картограф,
д.г.н. (1973), профессор (1990).
В Институте в 1954–2000 гг.*

A.B. Орлов

Учителъ и другъ

Даже простое перечисление многостраничного списка научных работ Леонида Рувимовича Серебрянского, содержащего названия сотен статей и десятков монографий как по фундаментальным проблемам географии, так и по узкоспециализированным задачам смежных дисциплин, заставляет задуматься о масштабах его личности.

Мне посчастливилось встретить в Леониде Рувимовиче учителя и друга и проработать с ним почти двадцать лет. Эта работа не ограничивалась повседневными обсуждениями научных и околонаучных проблем и написанием совместных статей. Почти каждый год мы отправлялись в длительные экспедиции в горные районы, где в экстремальных условиях о человеке узнаешь неизмеримо больше, чем в обычной обстановке. Именно поэтому я считал возможным на страницах этого сборника поделиться с друзьями и коллегами Леонида Рувимовича своим пониманием его как ученого, учителя и просто человека.

Прежде всего, в Леониде Рувимовиче поражала энциклопедичность знаний. Редкая трудоспособность и крепкая память позволяли ему усваивать и удерживать огромные объемы научной информации. Вся эта информация была строго организована, что позволяло Леониду Рувимовичу быстро готовить лекции, поддерживать на высоком уровне научные дискуссии и очень квалифицированно отвечать на вопросы. А вопросы к нему возникали ежедневно, и их было очень много, прежде всего потому, что никому никогда не было отказа, будь то начинающий аспирант, либо маститый ученый. Леонид Рувимович с необыкновенной легкостью извлекал из памяти и, как сейчас говорят, открывал нужный файл, содержащий ответ, почти тождественный тексту соответствующего раздела классической монографии или оригинальной

Л.Р. Серебрянский, начало 1960-х годов.

Защита кандидатской диссертации, 1964 г.

статьи. Не ограничиваясь этим, он подробно рассматривал аргументы оппонентов, детально анализировал историю вопроса и точно характеризовал современное состояние проблемы. Открытость и искреннее желание поделиться своими знаниями и помочь коллегам – яркая черта Леонида Рувимовича. Мало кто, за исключением самых близких, знал, какая многолетняя, повседневная, самоотверженная и планомерная работа лежала в основе его знаний. Тысячи томов, десятки тысяч статей не проплывали глазами, а внимательно прочитал Леонид Рувимович. Он собрал огромную научную библиотеку в своей скромной квартире, его знали практически во всех научных библиотеках и книжных магазинах Москвы.

Дома его можно было видеть либо консультирующим кого-то по телефону, либо склоненным за письменным столом. По этому поводу его дочь-дошкольница говорила: «У моего папы одно хобби – сидеть за столом» (правда, насчет его хобби она явно заблуждалась, это была его основная работа).

Получая базовое географическое образование на кафедре картографии географического факультета, он одновременно учился на романо-германском отделении филологического факультета МГУ. Естественно, что свободно читая на восьми языках, он смог широко ознакомиться и с достижениями западных школ.

Природная способность Леонида Рувимовича к освоению языков – это вообще отдельная тема, достойная большой статьи. Я лишь приведу два ярких примера. Как-то работая в Грузии, мы заехали в Тбилиси и решили заглянуть в гости к общему знакомому. Трудность заключалась в том, что точно помня его многоэтажный дом, мы абсолютно не могли вспомнить не только номер квартиры, но даже номер подъезда. И, как назло, не у кого было спросить его точный адрес. И вдруг, зайдя в очередной подъезд дома и взглянув на почтовые ящики, Леонид Рувимович абсо-

лютно точно определил квартиру нашего товарища. Оказывается, во время экспедиции он выучил грузинский алфавит, рассматривая дорожные указатели, винные этикетки и крышки консервных банок. Естественно, для него не составило большого труда прочитать грузинскую фамилию на дверце ящика с соответствующим номером квартиры.

Другой случай произошел на Шпицбергене, когда мы встретились с норвежской экологической экспедицией. Первоначально беседа велась на английском. Вдруг один из норвежцев запутался с подбором нужного слова и по-норвежски обратился за помощью к соседу. Слово, видимо, было действительно весьма редкое и затянувшуюся паузу нарушил Леонид Рувимович, подсказав и само норвежское слово, и его английский эквивалент. На свои удивленные возгласы норвежцы получили еще более удивительный ответ: «Извините, но я по-норвежски говорю намного лучше, чем по-английски». Надо было видеть, с каким уважением они стали относиться к этому загадочному немолодому и небритому русскому профессору. Да еще и одетому в весьма специфический костюм, важными элементами которого были ватник и болотные сапоги.

Важным этапом становления Л.Р. Серебрянного как ученого оказался период 1960-х – начала 1970-х годов, когда его внимание было сконцентрировано на изучении природных событий, происходивших на Русской равнине в позднем плейстоцене и голоцене. Существенным вкладом Леонида Рувимовича в разработку дан-

Экспедиция на легендарном ледоколе «Красин», 1984 г. Серебряный в последнем ряду седьмой справа, пятый справа – В.С. Корякин.

На разрезе у археологов, Сергиево-Посадский район, 2000 г. Справа стоит Р.Г. Грачева.

широкомасштабное планомерное многолетнее изучение этих центров молодые энергичные ученые смело внедряли в практику исследований самые современные методы, широко использовали передовой зарубежный опыт. Принимая участие в этих работах и полевых семинарах, Леонид Рувимович убедился в преимуществах комплексного подхода, успешно сопоставляя собственные результаты с материалами коллег, полученными другими методами. Леонид Рувимович считал крайне важным, что во время этих работ он встретил много единомышленников, которые, тесно взаимодействуя, формировали необходимую для развития науки среду. Многие знакомства тех лет переросли в настоящую дружбу, продолжавшуюся до последних дней Леонида Рувимовича.

Расцвет научного творчества Л.Р. Серебрянного пришелся на 1970-е – 1980-е годы, когда ему удалось на высочайшем для того времени уровне провести комплексные исследования горно-ледниковых районов Кавказа, Тянь-Шаня и Шпицбергена.

Леонид Рувимович очень точно и своевременно осознал значение высокогорных районов для изучения динамики ландшафтов, раскрытия механизмов взаимодействия различных природных объектов. Именно в районах современного оледенения он предполагал собрать данные, позволяющие правильнее реконструировать природные обстановки прошлого на равнинах.

Организацию таких исследований сам Леонид Рувимович считал своим главным научным достижением. Результаты работ были опубликованы в многочисленных советских и зарубежных периодических изданиях и систематизированы в монографиях «Колебания ледников и процессы моренонакопления на Кавказе» (М.: Наука, 1984, с колл.) и «Морены – источник гляциологической информации» (М.:

ной проблемы явилась монография «Динамика покровного оледенения и гляциоэвстазия в позднечетвертичное время» (М.: Наука, 1978), написанная по материалам его докторской диссертации. Часто обращаясь к этому периоду своей жизни, Леонид Рувимович выделял несколько моментов, определивших направление его дальнейших работ.

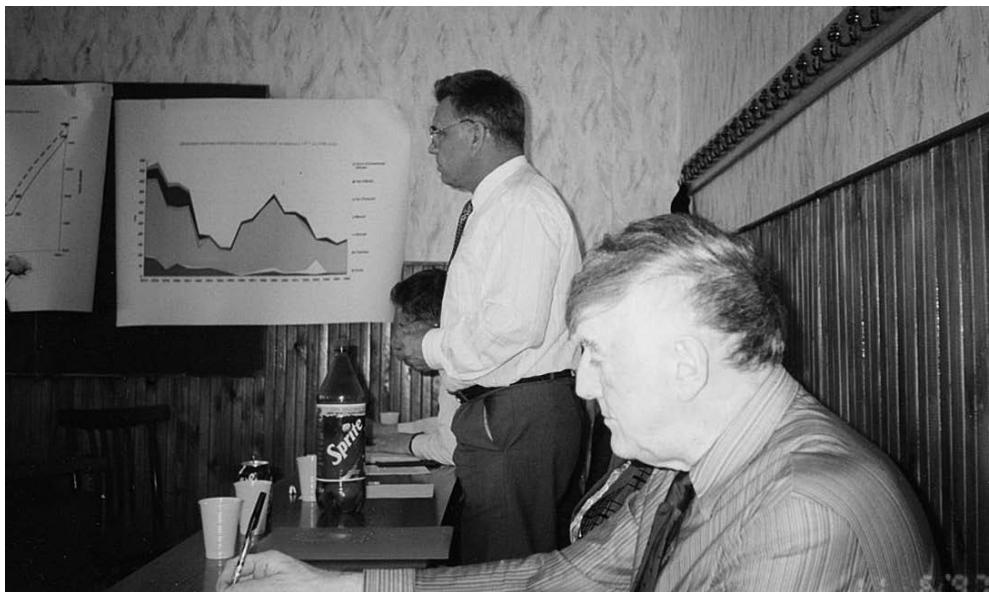
Определяющим он считал знакомство с опытом палеогеографических исследований в Прибалтике, Белоруссии, Карелии, Ленинградской области, где в те годы возникло несколько крупных научных центров, проводивших

Наука, 1989, с колл.). Путешествия по горам, наблюдения за катастрофическими процессами и жизнью горцев в суровой природной обстановке помогли Л.Р. Серебрянному (в соавторстве со мной) написать интересные научно-популярные брошюры «Ледники в горах» (1985), «Тянь-Шань глазами гляциолога» (1988), «Человек в мире льда» (1988) и другие.

Богатый литературный итог научной деятельности Леонида Рувимовича в этот период, как и на протяжении всей жизни, определялся его выдающимися эпистолярными способностями.

Благодаря строгой организации ума Леонид Рувимович предельно четко выражал свои мысли. Многие коллеги считали его научные доклады, выступления в прениях, просто монологи – практически готовым печатным текстом, который лишь требуется изложить на бумаге. В научных издательствах редакторы буквально охотились за подготовленными в печать работами Серебрянского, поскольку их редактирование являлось лишь формальным делом, а авторы считали за счастье «заполучить» его в качестве научного редактора своих произведений.

В докомпьютерную эпоху очень интересна была методика Леонида Рувимовича написания текстов. Как правило, он сразу переносил на бумагу уже готовые куски текста, которые затем дополнялись существенными вставками. Следующий этап заключался в написании логических связок, которые вклеивались в разрезанный текст. В итоге первоначально написанный текст мог к концу дня вырасти в длину до полутора-двух метров, после чего он опять разрезался на страницы исходного формата, которым давалась нумерация «а», «б», «в» и так далее. После того, как процесс повторялся, приходилось изменять основную нумерацию страниц. И так несколько раз, пока Леонид Рувимович не решал, что тема исчерпана.

Заседание Государственной аттестационной комиссии в Тюменском университете, конец 1990-х годов.

Впечатляющие научные итоги высокогорных исследований, безусловно, были достигнуты исключительно благодаря энергии и работоспособности Леонида Рувимовича, его высочайшему авторитету среди коллег. Проводя ежегодно несколько месяцев в экспедициях, он успевал организовать аналитическую обработку материала, осмысливать полученные данные, обсудить их с коллегами и опубликовать. К обработке собранных образцов были привлечены лучшие лаборатории страны. Благодаря высочайшему научному рейтингу Л.Р. Серебрянного, большинство дорогостоящих исследований выполнялось совершенно безвозмездно.

Вспоминая Л.Р. Серебрянного – ученого, хотелось бы обратить внимание еще на одну важную особенность – его фанатическую приверженность науке. Порой это приобретало форму религиозной ортодоксальности и выражалось в абсолютной бескомпромиссности. С одной стороны, он был категорично нетерпим к людям, пытавшимся на науке делать карьеру, а с другой – мог с легкостью прощать личные недостатки энтузиастам, искренне увлеченным научными исследованиями. В последние годы советского периода он искренне переживал по поводу снижения требований к научной квалификации молодых ученых, кандидатов и даже докторов наук, видя в этом одну из основных причин наметившегося тогда спада качества исследований. Леонид Рувимович старался противостоять этому процессу не только собственными научными работами. Он очень много времени уделял студентам, выпускникам вузов, аспирантам.

Было удивительно приятно наблюдать, с какой открытостью и доброжелательностью, не считаясь со временем, он по-товарищески общался с молодыми коллегами, стараясь помочь им определиться с выбором темы диссертации, методической постановкой работы, правильной интерпретацией полученных результатов. В случае, если проведенные исследования привлекали его внимание, он с удовольствием выступал в качестве оппонента, давая четкую и ясную оценку работе, рассматривая предложенное решение в широком контексте географических исследований.

Любовь к науке еще более ярко проявлялась в Леониде Рувимовиче в отношениях с учениками. Они все без исключения становились его друзьями. С ними он обсуждал любые проблемы, все были вхожи в его дом, многим доверялись самые сокровенные мысли. Можно уверенно сказать, что он был по-настоящему счастлив в кругу своих молодых единомышленников.

Конечно, научная бескомпромиссность Леонида Рувимовича многого ему стоила. Достаточно сказать, что он был очень неудобным подчиненным. К сожалению, многие не понимали, что его одиозность основывается лишь на любви к науке и не преследует никаких корыстных целей.

Особенно тяжелым стал для Леонида Рувимовича, впрочем, как и для многих настоящих русских ученых, перестроечный период нашего общества. Рухнувшая система сломала не только отжившие бюрократические устои советской научной конструкции, но и разрушила почти все действительно нужное и важное, что было создано в результате многолетнего талантливого труда нескольких поколений ученых. Ощущение ненужности, напрасно прожитой жизни, все чаще посещало Леонида Рувимовича. Необходимость заниматься тяжелым, неблагодарным трудом для содержания семьи все чаще сменяла радость творчества. Леонид Рувимович вы-

держал и этот удар, однако обстановка 1990-х годов – главная причина того, что мы его потеряли столь преждевременно.

Леонид Рувимович воспитывался в рамках старых географических традиций, где главенствовал чисто описательный подход, поэтому первоначально потенциал Леонида Рувимовича реализовался в классических страноведческих трудах. Но, в отличие от многих предшествующих работ, в его монографиях о Дании, Исландии, Нидерландах четко прослеживается мысль о географии как науке, изучающей взаимодействие природы и общества.

Можно только сожалеть, что в те годы Леонид Рувимович был лишен возможности посетить эти страны и был вынужден проводить их изучение исключительно по литературным источникам. Тем не менее, Географическое общество Нидерландов высоко оценило монографию Леонида Рувимовича и признало ее одним из лучших исследований их страны зарубежными географами. Безусловно, работы по страноведению следует отдельно рассматривать как весьма значительный вклад Л.Р. Серебрянного в географию.

Однако, на мой взгляд, главным результатом этих исследований для Леонида Рувимовича стало глубокое понимание необходимости изучения механизмов взаимодействия природных, хозяйственных и социальных явлений и анализа их динамики.

Именно системность исследований с учетом всего многообразия прямых и обратных связей природных явлений и объектов стали фирменным знаком научного подхода Серебрянного.

Леонид Рувимович неустанно повторял, что такие исследования должны проводиться на качественно-аналитической основе и прилагал серьезные усилия по популяризации и внедрению новых методов исследований. В Советском Союзе он был известен как автор первой книги по радиоуглеродному анализу. Именно выход в свет этой монографии, обобщающей зарубежный опыт, стимулировал начало широкого внедрения радиоуглеродного метода в геолого-географические исследования в нашей стране. Хорошо также известны публикации Л.Р. Серебрянного по использованию спорово-пыльцевого анализа, дендрохронологического и лихено-метрического методов датирования аккумулятивных образований, литологии рыхлых отложений в палеогеографии и палеогляциологии.

Важно, что Леонид Рувимович всегда стремился самостоятельно освоить все применяемые им методы полевых и лабораторных исследований, прекрасно понимая, что без этого невозможно грамотно интерпретировать полученные результаты.

Даже кажущемуся многим простому делу – отбору проб – Леонид Рувимович придавал огромное значение. Его манипуляции в разрезе или на обнажении напоминали работу хирурга в операционной. Доверить кому-либо эту работу он мог лишь будучи уверенным в неукоснительном соблюдении методических норм.

Во время экспедиций ярко проявились личные замечательные человеческие качества Леонида Рувимовича, среди которых особенно хотелось бы отметить преступту общения и уважительное отношение к товарищам. Это выражалось и в его постоянной готовности наряду со всеми выполнять разнообразные хозяйствственные работы, требований основательно загружать его рюкзак при организации выносных лагерей. Будучи немолодым человеком, он достойно переносил все тяготы экспедиционной жизни.

Совместная работа с Леонидом Рувимовичем в экспедициях была очень полезной для его молодых коллег. Он прививал им культуру экспедиционной жизни, личным примером показывал, что их основная задача заключается в выполнении научной программы исследований, хотя, конечно, с удовольствием мог посидеть вечером у костра с песнями под гитару или выделить несколько дней для отдыха на берегу Иссык-Куля или Черного моря по окончании экспедиционных работ. Зато во время нахождения в районах исследований он работал без выходных, а в дождливую погоду – до тех пор, пока не промокнет последняя пара белья.

Очень горько, что не стало Леонида Рувимовича. Слишком талантливым и неродинарным он был человеком. Я уверен, что память о Леониде Рувимовиче сохранится еще надолго. Осталось много людей, которые благодарны ему за помощь и поддержку в трудные минуты. Остались ученики, которых он не только привел в науку, но и преподал важные уроки жизни и поведения. Остались коллеги, которые будут опираться в своих исследованиях на его опыт и полученные им результаты.

*O.H. Соломина
(запись беседы с А.В. Дроздовым)*

Он очень любил своих учеников

Сначала несколько слов о себе, поскольку у меня довольно-таки непростая судьба в географии и только благодаря Леониду Рувимовичу она состоялась, я не преувеличиваю. Я училась на вечернем отделении исторического факультета. Но я хотела, точнее, всегда знала, что мне надо поступать на геологический – мне очень нравится полевая жизнь. С юности нравится... Но я была уверена, что не сдам математику и физику, потому что их я действительно не знала. У меня если есть какое-то врожденное направление интересов, то оно гуманитарное. И вот я до самого последнего момента не знала – куда мне поступать.

Я училась во французской спецшколе и училась хорошо. И в первый год после школы я в самый последний момент решила поступать в Институт иностранных языков им. Мориса Тореза. И, естественно, не поступила, потому что никакого бла-та у меня не было, а без этого попасть туда было совершенно невозможно. И год работала лаборанткой в школе в физическом кабинете. И готовилась опять непонятно к чему. Я знала, что это будет какой-то гуманитарный ВУЗ, потому что это направление у меня на роду написано, но какой? Мои родители в этом никакого участия не принимали, они полагали, что я как-нибудь сама все решу, и уехали отдохнуть. И я решила попробовать куда-нибудь поступить. Экзамены на вечернее отделение факультетов МГУ принимались на месяц раньше, чем на дневное, и поэтому я взяла и поступила на вечернее Истфака. И все!

Со мной в одной группе училась девушка, которая была замужем за гляциологом нашим, за Гуняевым. Они собирались летом в экспедицию на Кавказ, и она сказала, что им нужна повариха. Я обрадовалась и подписалась на это дело. Поехала поварихой на Кавказ к Леониду Рувимовичу Серебрянному.

Это была экспедиция в Беленги, мое первое путешествие в горы. Л.Р. я увидела в первый раз – этот момент я очень хорошо помню – из окна поезда. Тогда в первый раз я увидела вообще всех, кто ехал в эту экспедицию, в том числе Гросвальда, который провожал свою Нину Андреевну, увидела Андрея Стекленкова, Андрея Орлова. Гросвальд сразу произвел на меня неизгладимое впечатление, он был в таком пиджаке, совершенно неземной, уверенный в себе (вообще, он всегда был очень убедительный). Леонид Рувимович казался тогда совершенно молодым, ему еще не было пятидесяти, наверное. Он в кожаной куртке стоял как-то очень молодцевато и высматривал нас в окна поезда, прибывшего на перрон в Нальчик. Нина Андреевна замахала руками, и тут мы все и встретились.

Мы поехали в Беленги на ГАЗ-66, который был загружен почти под крышу – тогда еще привязывали раскладушки, раскладные столы и т.д. И сидеть впереди там только серьезным людям доверяли, остальные все лежали, упервшись носом в самую крышу, и не видели просто ничего. Везли долго, дорога там ужасная, и под ледник мы приехали поздно, в полной темноте.

На мой вопрос, как и что мне делать, начальник отряда ответил: «Встаешь в шесть, чтобы к семи завтрак был готов». Легли спать. Я, как ответственный человек, действительно проснулась в шесть, откидываю полог армейской палатки и передо мной – белые сверкающие горы. Я просто обомлела. Потому что это было что-то невероятное. И только-только солнце пробивается… Что-то готовила, бужу их, а они меня проклинают! Никто ни в какие семь и даже восемь вставать не собирался. Леонид Рувимович, между прочим, был жаворонком, и он-то, как раз, любил вставать рано! Но ему народ не позволял. Тогда Орлуша (А.В. Орлов) открыл мне секрет, что Л.Р. просто с утра хочет есть. И тогда поступило предложение, ставить возле спальника Л.Р. с вечера еду, чтобы он, проснувшись, ел, а потом снова засыпал.

Я совершенно не умела готовить, отправившись в эту экспедицию. Именно там я научилась варить всякие супы, борщи. Вообще эта экспедиция была страшно интересная, во-первых, потому, что это была моя первая экспедиция. А во-вторых, потому что там было много интересного народа.

И вот этот экспедиционный опыт для меня остался идеальным навсегда, в том числе и в части организации научных исследований. У Л.Р. всегда было много аспирантов, соискателей, просто сотрудников, которых он набирал, и он умел каждому дать в руки инструмент. Маленький инструмент, которым тот умел работать. Ну, например: «Ты будешь заниматься морфологией – ориентацией обломков этой морены. Сначала ты начинаешь с малого, берешь штангенциркуль и измеряешь эти обломки, их ориентацию и т. д. Дальше ты расширяешь сферу своей деятельности и измеряешь не только обломки, но и что-нибудь еще. Потом, в конце концов, защищаешь диссертацию».

Книга, что они выпустили по итогам тех работ на Кавказе, включает пять глав, две из которых были отдельными диссертациями. Там каждый отвечал за какой-то участок работы. И, вот даже сейчас, я не вполне понимаю – как все это сработало. Потому что обычно мешают амбиции, ведь совершенно разные люди там были. Или я не замечала тогда, как все улаживалось на этапе, например, полевых работ и дальнейшей обработки материалов. Очевидно, авторитет Л.Р. был настоль-

ко велик, что ни у кого не возникало сомнений, кто будет первым автором, кто последним. У него это было очень хорошо устроено, он прекрасно понимал все тонкости дела: люди приносят свой богатый фактический материал, и дальше это все надо как-то организовать. Организовывал, конечно, он, но все равно ученого амбиции всегда или часто стоят впереди. Особенно когда отдаешь свои наработанные данные в общий котел, и дальше что-то варится и получается. И вот он очень умело заведовал этим делом! И я сейчас тоже пытаюсь у себя так делать. Серебрянnyй объявлял, что после окончания полевых работ пишется одна общая статья, куда включаются все соавторы, которые принимали участие в этих работах. Потом каждый имеет право публиковать свои данные в таком составе, в каком хочет.

Я с ним написала одну книжку. Я приходила к нему домой, у него был круглый такой стол и там, на печатной машинке я печатала текст, который наговаривал Л.Р. Дальше мы составляли какой-то кусок, и потом его снова перечитывали, переделывали и т.д. Часто это было в интерактивном режиме, т. е. я могла Л.Р. прервать и предложить что-либо.

Я понимаю, ему, так же как и всем, не хватало рабочих рук. Поэтому ему было нужно работать с нами с таким бешеным энтузиазмом – вот, давай, пожалуйста, давай вот это, давай то...

Он, конечно, хорошо видел концепцию всей работы. Ты мог «принести в клювике» какую-то ерунду, а он все это объединял – и в результате получалась, конечно, вещь! Он понимал – каждый человек должен найти свое место в соответствии со своими возможностями и своей потенциальной компетенцией. Потом ты можешь дальше развивать свое дело, но вот этот аппарат знаний, который у тебя в руках – это инструмент, которым ты можешь «ямочку свою копать», потом от этой ямочки, если хочешь дальше развиваться, выбирать свое направление. Он говорил, если ты основательно освоишь что-нибудь, ты будешь потом востребованным специалистом. Даже если у тебя не получится что-то более значительное, по крайне мере ты всегда будешь хорошим ремесленником.

Но тут обязательно нужен один человек, который бы был одновременно сверху и рядом. Тогда можно допускать всю эту мозаику и все эти частные эффекты. И вот Л.Р. обладал как раз таким качеством.

Дальше Л.Р. меня очень поддержал, потому что потом, когда мы уже много раз ездили в экспедиции, мы кое-что набрали, и начали писать следующую книжку – не про Кавказ, а уже про Тянь-Шань. Часть, которую писала я – моя диссертация. Без Л.Р. я, конечно, не решилась бы писать ее, а с Гросвальдом я не смогла бы написать, потому что у него другой подход. Это человек, который сверху смотрит, т. е. у него главное – дедукция.

У Л.Р. были поразительно разные интересы, например, методология географии. Вообще у него, я бы сказала, в основном было гуманитарное дарование. Конечно, чтобы написать про радиоуглеродный метод, даже на том раннем уровне его развития, нужно знать основы физики. Но в целом он был гуманитарием, он же знал много языков и легко им обучался. Я помню, что Л.Р. как-то по-шведски выступал, мог по-английски, по-немецки, по-французски. Ну и читал он, конечно, все. Мы с ним однажды обсуждали Улисса Джойса, еще в те старые времена, до того как

роман появился на русском. А он читал его по-английски, что очень непросто. Окончил же он совсем неожиданную кафедру – картографию.

Но вот интересно, как Л.Р. высказался по поводу дендрохронологии. Я по своей инициативе начала заниматься этим делом при датировании морен. Говорю Леониду Рувимовичу (на уровне написания кандидатской): «Ну, а что же мы с Вами дендрохронологией не занимаемся?» Он отвечает: «Я был на одном заседании этих дендрохронологов – это особая наука! Мы не сможем с тобой этим заниматься. Там всякая статистика и т. д.». Тогда он меня как-то остановил и довольно надолго. Но все же я его не послушалась, и начала этим заниматься. Но пока я не съездила в Штаты и не научилась делать это как следует, у меня, конечно, были некоторые затруднения. Не знаю, почему он тогда сразу сказал «этого нам не надо, этого мы не сможем...».

Л.Р. в последнее время остро чувствовал, что его недопоняли, недооценили. И часто выступал критически. Вот чем отличается от него А.Н. Кренке – это абсолютно позитивный человек! А.Н., когда выступает, всегда скажет, что ты сделал в своей диссертации. Он понимает это даже лучше, чем сам диссертант. И еще мне нравится заповедь, которой придерживается Кренке: «не надо говорить о том, что не сделано, скажите о том, что сделано, это задача оппонента». И это прекрасно, и я всегда про это пытаюсь помнить, когда пишу рецензии. Л.Р. тоже все это понимал, но его захлестывали эмоции. В последние годы это было даже тяжело. Под конец его жизни мы были уже практически хорошие друзья, поэтому я могла его останавливать.

Он свято относился к полевым работам. Я думаю, ему, так же как и мне, просто нравилась эта полевая жизнь.

Он был физически не очень приспособленный к полю человек – не координированный. В первый год, когда я там служила поварихой, было много уморительного. И вот я помню, сижу в палатке, а был какой-то день, когда мы не пошли на работу, и я все время варю, ну, потому что когда люди не ходят на работу, они постоянно есть хотят. И вот у меня стоит ведро компота под пологом в тени. Слышу, как идет Л.Р.: вот он ткнулся в одну палатку и об оттяжки «бдынь», о вторую «бдынь», и я чувствую, что он приближается, и об мою уже – «бдынь». И я ему кричу: «Леонид Рувимович, у меня тут компот стоит». Он отвечает: «Я вижу!» И вдруг слышу – ведро «бдынь»! Еще помню, у Л.Р. была очень чувствительная кожа, ему совершено нельзя было находиться на солнце, а тут Кавказ. Вот они (Л.Р. и А.В. Орлов) сидят и описывают обнажение, просидели целый день на солнце. И хотя у Л.Р. была шляпа, что-то еще, но были незакрытые туфли, и на следующий день у него выскочили вот такие пузыри!.. И мы вынуждены были везти его в больницу в Нальчик, и он там провел неделю, потому что у него кожа сгорела до ожогов. Поэтому физически он к полю был очень не готов. Но ему это страшно нравилось. Ему нравилась эта романтическая жизнь, такая коллективная, как ни странно.

Думаю, теперешнее время Л.Р. больше бы подошло. Он, конечно, все равно был бы чем-нибудь недоволен, но все-таки его ориентация на этот западный стиль помогла бы ему. Мне кажется, он очень быстро бы пошел дальше и дальше. Мы с ним опубликовали несколько статей на английском, и они же прошли «со свистом» просто диким, там ждали новых... Он, пожалуй, единственный из всех кого я знаю, у кого первый аспирант, который защитился, был из Прибалтики.

Но ему очень мешали, его не пускали за границу, и это тоже наложило очень серьезный отпечаток на его состояние.

Постепенно он становился все более и более пессимистичным, почти мизантропом. Но поскольку я могла пресекать его такие пессимистические ламентации, мы с ним могли и на оптимистичные темы говорить. Большинство людей, которые к нему с почтением относились или даже без всякого почтения, не достигали этой фазы, потому что сначала ему надо было выговорить все плохое, что у него есть, а потом уже можно было говорить обо всем интересном.

Л.Р. очень любил своих учеников. Поэтому он очень тяжело переживал, когда кто-то уходил. Он же всегда всех доводил до защиты, возился, правил работы. У него было много направлений и соответственно учеников на разных этапах своего развития: кого-то нужно постоянно контролировать, кого-то можно уже отпускать в свободное плавание. И это для него было очень важно.

Это были совсем особые отношения между учителем и учеником. Мне раньше казалось удивительным – что же он столько времени на нас тратит? И тоже вся эта логистика, это же требует усилий! Надо же и свою работу успевать делать! Однако ему очень охотно многие помогали: радиоуглеродные образцы он отправлял в Прибалтику, пыльцу ему делала Молясова из Питера и т. д. Так что и тогда, в некомпьютерную эру он производил столько качественного научного материала, что это просто потрясающе!

*Леонид Николаевич Соболев
(1902–1986)*

*Географ, геоботаник, почвовед, эколог, к.г.н. (1943).
В Институте в 1942–1970 гг.*

Н.Д. Кожевникова, Н.В. Трулевич

На Тянь-Шанской станции

Район работ сотрудников станции охватывал типичные ландшафты Тянь-Шаня в диапазоне высот от 1600 до 4700 м над уровнем моря. Здесь на сравнительно небольшом протяжении полупустыни и сухие степи переходят в лесо-лугово-степной пояс, затем в субальпийский, альпийский и венчает этот высотный ряд гляциально-нивальный пояс. Работы Л.Н. Соболева и его учеников во многом связаны со станцией. Здесь мы познакомились с Леонидом Николаевичем, преимущественно об этом этапе его деятельности мы и хотим рассказать.

Авторы работали коллекторами в полевых отрядах Л.Н. Соболева, будучи студентами естественного факультета Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина (Н.Д. Кожевникова в 1953 г., Н.В. Трулевич –

в 1954 г.). В 1953 году Л.Н. Соболев с помощниками собирал материал по сезонному развитию основных травянистых сообществ на подгорной равнине, в предгорьях, средневысотных горах и альпийском поясе стационарного бассейна реки Чон-Кызыл-Су. В 1954 году проводились экспедиционные исследования, главным образом, в западной части Иссык-Кульской котловины для написания большой работы по растительности этого региона. Результаты опубликованы в статье и монографии в издательстве АН Киргизской ССР.

До работы в Институте географии АН СССР Л.Н. трудился в Институте кормов в г. Алма-Ате, где занимался эколого-типологическим изучением природных пастбищ Казахстана. С этого времени и до конца жизни Леонида Николаевича с ним была его жена Юлия Васильевна Попова – заботливая, понимающая, во всем помогающая, любящая. Она сопровождала Леонида Николаевича во всех командировках. Работая на станции, помогала ему организовывать и проводить стационарные исследования, а также участвовала в обработке собранных материалов, в том числе и на базе в Покровке. Мы постоянно ощущали ее внимание, доброе отношение и поддержку.

Те же подходы, методологию и методы (в основном по Л.Г. Раменскому), что и в Институте кормов Л.Н. Соболев использовал в стационарных и экспедиционных исследованиях, которые проводил он в период работы на станции.

В 1953 г. станцию перевели в Киргизский филиал АН СССР. Но ряд сотрудников, в том числе и Л.Н. Соболев, еще несколько лет продолжали научную работу. С созданием АН Киргизской ССР в 1955 г. был организован отдел географии, в состав которого вошла станция. Ее директор – кандидат географических наук, гляциолог Р.Д. Зибиров возродил станцию к активной деятельности практически во всех направлениях, которыми занимались сотрудники Института географии АН СССР в первые годы ее существования. Но к большому сожалению, по объективным и субъективным причинам с 1990 г. начался отток ведущих сотрудников. Сокращались целевые направления. Сейчас станция существует лишь名义上.

По пути на дачу Г.Д. Рихтера, 1969 г. Слева направо: Л.С. Абрамов, Е.Н. Лисичек, Л.Н. Соболев.

Леонид Николаевич был строгим, требовательным, но в то же время доброжелательным руководителем, внимательным к возможностям, здоровью и душевному состоянию всех окружающих, в том числе коллекторов и рабочих. Очень детально, доходчиво и терпеливо разъяснял перед началом выполнения каких-либо заданий их цель, способы сбора и фиксирования материалов. От него мы научились описанию растительности по методике Л.Г. Раменского, которую Л.Н. Соболев применял и пропагандировал в качестве наиболее информативной при эколого-географических исследованиях. Как правило, каждое такое описание сопровождалось детальной характеристикой почвенного разреза. Обязательно отмечались высота над уровнем моря, положение участка в рельефе, экспозиция, угол падения склона, особенности увлажнения, засоления, механического состава субстрата, направление и степень хозяйственного использования, а также общие особенности растительного покрова и экотопа соседних участков. Эти материалы дают возможность комплексной характеристики фитоценозов на основе построения экологических схем, что и было осуществлено Л.Н. Соболевым в его статьях из серии «Работы Тяньшанской физико-географической станции – Труды Института географии АН СССР» о растительном покрове степного, лесо-луго-степного поясов и высокогорий стационарного бассейна, а также в других изданиях АН СССР. Все эти результаты были использованы при составлении (совместно с М.А. Глазовской) почвенно-геоботанической карты Иссык-Кульской котловины.

Выносливый в полевых условиях, неприхотливый к жизненным удобствам, он и нас настраивал на подобный лад, что очень пригодилось нам в дальнейшей работе, связанной со многими экспедициями, в которых мы применяли методы изучения растительного покрова, разработанные Леонидом Николаевичем. Материал, полученный в результате экспедиционных работ с применением этих методов, послужил основой для экспериментальных работ по интродукции горных и высокогорных растений в Главном ботаническом саду РАН и во многих других геоботанических исследованиях – наших и наших коллег.

В заключение можно лишь поблагодарить судьбу. Она даровала нам в свое время, во-первых, встречу и совместную работу с Л.Н. Соболевым – человеком, безраздельно преданным науке, известным многим географам, геоботаникам, экологам. Его основной целью было применение результатов всех своих исследований и методических разработок для рационального природопользования.

Во-вторых, мы получили возможность многие годы (Н.В. Трулевич) и практически всю творческую жизнь (Н.Д. Кожевникова) работать на Тянь-Шанской физико-географической станции среди талантливых, увлеченных, бескорыстных, трудолюбивых и результативных ученых. Среди людей, щедро делящихся своими знаниями и умениями, помогающими друг другу как в экспедициях, так и при обработке полевых материалов и в доведении их до опубликования. И просто в сложных жизненных ситуациях.

На Курском стационаре

Леонида Николаевича впервые я увидела еще будучи студенткой в середине 1960-х годов на Курском стационаре Института географии РАН. Он знакомил нас с учением о типологии земель Л.Г. Раменского. Во время экскурсий по заповеднику он поражал нас прекрасным знанием флоры этого региона, где раньше он, по-моему, никогда не бывал. Леонид Николаевич много рассказывал нам об истории создания заповедника, о В.П. Семенове-Тян-Шанском, в начале 20-х годов работавшем в Институте географии АН СССР, и о других известных географах. Леонид Николаевич был прекрасным популяризатором, рассказывал всегда очень интересно и увлеченно. Во время экскурсий по заповеднику он был всегда впереди, часто поджиная нас, а отставших спрашивая, как они себя чувствуют, не болит ли сердце и почему они отстают. Это все говорилось без какого-либо сарказма, с искренней заботой о человеке. Вообще он был очень внимателен к нам, студентам, хотя иногда мог и вспылить, подчас раздражался, если видел нерадивого и ленивого студента. Правда, Леонид Николаевич был очень отходчив, мог и извиниться перед человеком которого, как он считал, обидел.

С 1966 года под руководством Л.Н. Соболева я стала работать в Институте географии РАН в группе геоботаников. Главным направлением деятельности Л.Н. в течение всей жизни было развитие учения Л.Г. Раменского. Так что основным содержанием работ нашей группы было картографирование территории Курского стационара Института на основе принципов типологии земель, основанной на методике Раменского, которую Леонид Николаевич развил и дополнил.

Леонид Николаевич был не только оригинальный ученый, яркий и остроумный, но и очень энергичный, неутомимый человек. Мы с трудом успевали за ним во время наших полевых работ. Нелегко было выполнять и большой объем обработки полевых материалов. Л.Н. торопил нас, досадуя на нашу медлительность. Но в группе всегда поддерживалась доброжелательная атмосфера. Л.Н. подбадривал нас, шутил, много рассказывал о своей молодости и учебе в Киеве, об интересных людях, с которыми был знаком. Работать с Л.Н. было увлекательно и радостно.

В 1970 году уже после ухода на пенсию, он стал одним из организаторов кружка юных биологов и краеведов (КЮБИК). В него входили в основном школьники разного возраста. Этот кружок объединял ребят, увлеченных ботаникой, зоологией, проблемами охраны природы. Они собирались раз или два в неделю на территории какой-нибудь школы для проведения теоретических занятий: делали доклады на разные темы,

Рисунок А.Д. Арманда.

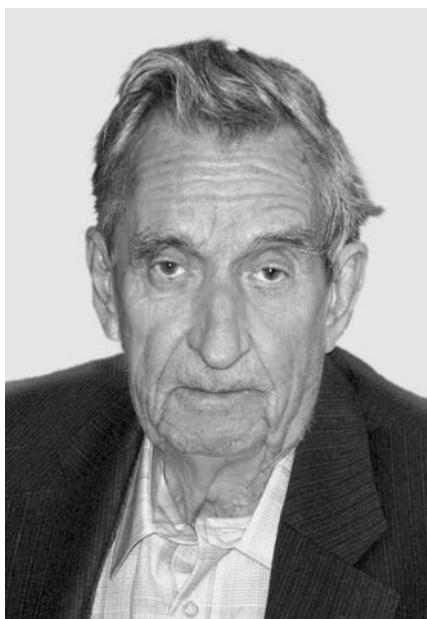
обсуждали наиболее интересные проблемы. А один раз в неделю выезжали в Подмосковье на экскурсии. И Леонид Николаевич, несмотря на возраст и не очень хорошее здоровье, ни разу не пропустил ни выезда на природу, ни занятия с ребятами в школе. Когда же Леонид Николаевич попал в больницу в тяжелом состоянии, то ребята решили устроить постоянные дежурства и забрать Леонида Николаевича из больницы, но не успели, он умер. Это было глубоким потрясением для всех, кто его знал.

Память о Леониде Николаевиче Соболеве – выдающемся ученом и прекрасном человеке – ребята сохранили на долгие годы.

Дмитрий Андреевич Тимофеев (1929–2010)

*Геоморфолог, д.г.н.(1979), профессор (1992).
В Институте в 1953–1964 гг. и 1970–2006 гг.,
зав.отд. геоморфологии в 1986–2006 гг.
Председатель Геоморфологической Комиссии АН,
главный редактор журнала «Геоморфология»*

Из статьи памяти Д.А. Тимофеева в журнале «Геоморфология». 2010, № 4

Москва, 2009 г.

Д.А. Тимофеев родился 24 июня 1929 г. в Ленинграде. На формирование его личности в детские годы оказал решающее влияние дед – выдающийся русский почвовед академик Л.И. Прасолов. Мальчиком Дмитрий Андреевич прочитал практически все лучшие книги, связанные с географией: от произведений Жюля Верна и Э. Реклю до трудов Н.М. Пржевальского и Л.С. Берга. Музу дальних странствий навсегда увлекла Митю Тимофеева.

Во время войны судьба уберегла Д.А. Тимофеева от ужасов блокады. Он попал в экспедицию в горах Карагату, что в Южном Казахстане. И хотя вначале юноша увлекался страноведением и экономической географией, судьбе было угодно, чтобы он в 1951 г. окончил географический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова на кафедре геоморфологии.

В студенческие годы Д.А. Тимофеев прошел уникальную школу полевых исследований: работал на Русской равнине, в Кызылкуме и на Памире, на Камчатке, в зоне Каракумского канала в Средней Азии. Его руководителями были выдающиеся географы – И.П. Герасимов, А.А. Завалишин, Е.В. Лобова, В.В. Никольская, Л.Е. Родин, Н.Н. Розов, Б.А. Федорович, В.М. Фридланд.

H.A. Караваева

Человек беспредельного края Земли

Дмитрий Андреевич – выдающийся геоморфолог нашего времени. И не только геоморфолог, он был эрудированным физикогеографом, природоведом, естествоиспытателем в полном значении этого понятия. Это проявилось уже в первой его книге «Средняя и Нижняя Олекма», изданной в 1965г., по результатам экспедиционных исследований молодого «начинающего» ученого в 1954–1956 гг. (ему было тогда 25–27 лет). По существу книга является глубоким физико-географическим анализом совершенно неизученной территории к северу от Станового хребта. В этом сложном физико-географическом регионе у него была роль первопроходца, и он выполнил ее на самом высоком уровне. Специальным геоморфологическим исследованиям, конечно, отводилось особое место, при этом не только локальным, но

Камчатка, 1951 г.

главным дискуссионным проблемам геоморфологии: поверхности выравнивания, склоновые процессы и эволюция склонов, зависимость рельефа от тектоники и истории его развития. Но много наблюдений было сделано и по гидрологии речных долин, и даже по растительности и почвам. Такой комплексный подход, способ мышления и анализ природных явлений является естественным, необходимым для настоящего ученого – географа.

Хочется отметить еще одну особенность восприятия природы Дмитрием Андреевичем. В его строгих научных положениях, доказательствах, между строк ощущается отношение к природе как к эстетическому совершенству, удивляющему и восхищающему. В книге об Олекме при описании гольцов есть такие слова: «Глубокие долины стекающихся с гольцов речек разделены длинными извилистыми отрогами. Сверху такие гольцовые группы напоминают гигантских застывших осьминогов, раскинувших свои окаменевшие щупальца по бескрайней тайге».

Наверное, одной из самых длительных региональных экспедиций Дмитрия Андреевича была Западно-Сибирская, около 10 лет. Состав отрядов менялся от года к году, были физикогеографы из Иркутска, Новосибирска, Владивостока, Ленинграда, привлекали и местных жителей. Начальником все годы был Дмитрий Андреевич. На небольшой период времени отрядом был зафрахтован уже списанный катер под гордым название «Ударник Затона» со шкипером, симпатичным стариком – татарином. Благодаря катеру удалось подняться вверх по Северной Сосьве, в совершенно неизученные места. Несмотря на разные характеры и амбиции новых членов отряда, в нем царила атмосфера дружбы, взаимопонимания, помощи и бес-

Якутия, 1955 г.

Монголия, 1976 г.

конечных научных дискуссий. Это было результатом отношения Дмитрия Андреевича с окружающими, он любил и понимал людей, умел превратить, казалось бы, непреодолимую преграду в шутку. Хотя условия были не из легких – тяжелые пешие переходы по заболоченной тайге и болотам, гнус в изобилии, да и погода часто была не из лучших. Дмитрий Андреевич даже после очень тяжелых маршрутов, немного отдохнув, обязательно стоял с удочкой до темноты и говорил, что «пока рыба видит наживку, надо ловить».

Длинные пешие маршруты, конечно, были трудны для Дмитрия Андреевича. Он хромал (результат детских шалостей), но никогда не давал повода подумать, что он устал. Единственным естественным отдыхом для него были остановки для рытья почвенных разрезов. Но в этих случаях, посидев несколько минут, он вставал и говорил: «Вы копайте, а я посмотрю здесь все вокруг. Приду и расскажу. А вы мне – все подробности про почву».

В полевых условиях всегда бывают нелегкие ситуации. В Западной Сибири неоднократно приходилось выгружаться из вертолета, который не мог сесть на землю (не было ровной площадки), только зависал как можно ниже. Тогда, выбросив багаж, приходилось прыгать. Или посадки на лодку, качающуюся на илистом дне. Но Дмитрий Андреевич переносил это stoически, как само собой разумеющееся. Он был в своем Мире, на природе, принимал ее во всех ее ипостасях – трудных и добрых.

Дмитрий Андреевич был образованнейшим человеком беспредельного кругозора. Ему было

« ...внятно все:
И жар холодных чисел,
И дар божественных видений...»

И острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений».
(А.Блок)

Он прекрасно знал литературу, поэзию, музыку от классики до джаза, историю. Все это он пропускал через себя, это жило в нем.

Но геоморфология занимала особое место, она была не просто его профессией, это был смысл его существования. Когда в поле коллеги задавали ему профессиональные вопросы, он преображался. При этом он не учил каким-либо постулатам геоморфологии, он рассказывал о ней. На примерах того, что отряд уже видел или еще увидит. Рассказчик он был замечательный, увлеченный и увлекающий слушателей. Такая геоморфология запоминалась навсегда.

Последнее время, когда он лишился возможности выходить из дома, он продолжал писать по несколько статей в год и говорил, что уже составил длинный список тем и проблем, о которых ему хотелось бы написать. Но две статьи он дописать не успел...

Географическая наука потеряла яркого ученого. Его близкие – любимого и незаменимого друга.

Д.В. Лопатин

Мой друг и наставник

Личность Дмитрия Андреевича многогранна. Она впитала в себя лучшие черты ученых-географов русской научной школы. Открытость и широта души сочетались в нем с широтой взглядов и глубиной научной мысли. Выдающийся организаторский талант объединял вокруг себя людей разных взглядов и научного потенциала, создавал ауру исследовательского творчества на разных научных уровнях. В этом проявлялся его демократизм, сочетавшийся с отсутствием монументальности выдающегося ученого. Он всегда оставался «своим парнем» и для вчерашнего студента и для деятеля, обремененного званиями и регалиями. Хотя он и не создал своей школы, но он способствовал научному росту представителю любой школы и веры научного исповедания. Именно по этой причине отечественная геоморфология нашего времени 1960–2000-х годов под его руководством получила столь всеобъемлющее развитие: от геологических партий до высоких академических трибун.

Дмитрий Андреевич ворвался в мою жизнь в начале 60-х годов, когда я, как витязь на распутье, выбирал свой путь научного развития. За моими плечами того времени уже был опыт проведения геолого-съемочных работ на севере Якутии и на Сахалине, но совершенно не было опыта научной деятельности. Мы все молодые и амбициозные слетались на огонек Иркутского научного академического Центра в самом начале создания Сибирского отделения АН СССР. В ужасных бытовых условиях, при нищенской зарплате, всегда голодные, мы мечтали только о покорении Академического Олимпа. Мы умели работать по 20 часов в сутки, но и с такой же неистовой отдачей могли отдыхать, расслабляясь покорением горных вершин и от души гудеть в дружеских попойках. Дух

романтики 60-х играл как шампанское в наших душах и молодых здоровых телах. Д.А. не был в этом исключением.

Дмитрия Андреевича до того времени я знал только по нескольким его работам о поверхностях выравнивания. Он был всего на 7 лет старше меня, и его имя тогда мне ни о чем не говорило. В мой пустой дом поздней осенью 1964 года Дмитрия Андреевича привел Г.П. Скрыльник. Он оказался удивительно интересным собеседником, и мы проговорили тогда, о том о сем, до самого утра. С первых же слов беседы мы нашли друг друга, чтобы больше не расставаться. Наша нежная дружба еще более укрепилась, когда мы обзавелись женами и детьми. Мы стали дружить домами. И связь эта не окончилась с уходом Дмитрия Андреевича.

Дмитрий Андреевич был не по годам мудр. Его девиз «Познать в жизни все и запомнить хорошее» приобрел и в моей жизни решающий смысл. Он умел смирять наши мечущиеся души «отцовскими» беседами, и своим спокойствием в неспокойном мире мог показать нам путь, который мы безуспешно искали в сложной жизненной ситуации. Очень редко он бывал резок в своих оценках. Это случалось только тогда, когда попиралась мораль и научная этика. В этих случаях он был непреклонен и строг.

Его научный потенциал и педагогический дар я ощущал на заседаниях им созданного Иркутского регионального геоморфологического методологического семинара. Он с легкостью подвергал анализу доклад на любую представленную тему. Его педагогический такт я испытал, когда подал в собираемый им сборник свою обширную статью. После того, как он ее прочитал, он мне сказал, что в статье надо кое-что исправить. Открыв рукопись, я увидел чудовищную картину. От его правки не было в статье живого места. Она вся была исчерчена редакторскими знаками. Мне стало не по себе от стыда, что я подал рукопись в совершенно неотработанном виде. Больше такого со мной не повторялось. Да! Мы спорили с ним по поводу тех или иных аспектов работы, и порой весьма жестко. Но это уже был чисто научный спор. Любую критику он формулировал предметно и с высоким тиктом, я бы сказал, деликатно. Его письма с объяснением своих позиций у меня хранятся, и я их иногда перечитываю, даже цитирую в своих лекционных занятиях студентам.

Вспоминаю еще один эпизод его педагогической деятельности. Как-то на предзащите одной докторской диссертации я очень резко выступил с жесткой критикой. После заседания Дмитрий Андреевич отозвал меня в сторону и провел аккуратное разъяснение, суть которого заключалась в том, что ученые должны уметь слушать и уважать чужое мнение, если оно достаточно аргументировано. Единомыслie убивает науку, заводя ее в тупик. Это я запомнил на всю жизнь.

Иркутский этап в научном росте Дмитрия Андреевича был, воистину, золотым. Там он создал лучшие свои работы по теории геоморфологии. Академгородок явился инкубатором его докторской диссертации. Ему обязаны своим местом в научно-педагогическом геоморфологическом доме очень многие в ту пору начинающие свой тернистый путь молодые ученые Э.Г. Коломыц, Г.П. Скрыльник, Е.Н. Дибцев, В.А. Войлошников, Я.Я. Клейн, С.С. Осадчий, И.Б. Петров и, конечно, я сам. Именно там он вырос в выдающегося организатора Геоморфологической комиссии РАН.

В поле с Дмитрием Андреевичем мне пришлось работать всего один краткий сезон, когда мы готовили экскурсию в Приольхонье и на о. Ольхон к IX Пленуму Геоморфологической комиссии осенью 1969 г. Меня удивляло то обстоятельство, что он, внимательно наблюдая за изменением геоморфологического ландшафта, редко доставал полевой дневник для фиксации полевых наблюдений и не имел фотоаппарата. Но при определении объектов экскурсионной демонстрации он всегда проявлял детальную осведомленность в предмете исследования и находил главное, что надо выделить и предложить к дискуссии. Кроме того, он всегда обращал наше внимание на эстетическую строну наблюдалого геоморфологического ландшафта. Во всем увиденном в поле находил романтические мотивы, которые отображал в стихотворной форме.

В общении с выдающимися учеными, прибывающими к нам из-за рубежа, он оставался прежним свободным и раскованным человеком, как и со всеми нами в обычной обстановке. Он одинаково легко находил общий язык и с рабочим в партии, и с академиком, обремененным званиями и наградами, сохраняя при этом высокий интеллигентный уровень. Вспоминается эпизод приема в доме Тимофеевых профессора Дурбанского университета Л. Кинга. После скромного, но сугубо научного приема в лаборатории у Н.А. Флоренсова и научной экскурсии по Байкалу, был запланирован обед в семье переводчика его знаменитой книги «Рельеф Земли» Д.А. Тимофеева. Татьяна Михайловна, его супруга, пребывала в легкой панике, так как в магазинах полки были пустыми, а в домашнем холодильнике «гуляла мышь на аркане». Времена были голодные. Вызвался помочь один из научных сотрудников Стас Обухов. У него были связи с директором нашего гастронома. Через 15 минут Стас принес двух куриц и обед состоялся в лучших традициях русского застолья с обсуждением сравнительной характеристики озера Байкал и аналога его в Африканском рифте озера Танганьики.

Дмитрий Андреевич был не только талантливым ученым и организатором науки, но обладал чудесным даром притягивать к себе людей. По праздникам или просто так в его доме часто бывали шумные вечеринки. Собиралась в основном академическая молодежь. Он был всегда тамадой и мастерски управлял разухабистым коллективом. Он любил сам петь, много знал песен и романсов, но и давал разгуляться всем остальным членам «временного коллектива». В его компании всегда было свободно, тепло и весело: песни под гитару, рассказы «бытовых» и всякие тряли-вали перемежались с научными дискуссиями, писанием коллективных статей и обсуждением последних социальных новостей. Дни и ночи, проведенные с Дмитрием Андреевичем в иркутский этап его жизни, я вспоминаю как лучшие годы своей жизни.

А.А. Свиридов

Вспоминая друга

Дмитрия Андреевича Тимофеева я знал много лет, сначала по работам и шапочному знакомству на разных научных и коллонаучных собраниях. Близко мы позна-

комились и подружились семьями, когда оказались соседями по дачам. В 1981 году в Черустях, на границе Московской и Владимирской областей мы получили по 10 соток земли. Это была гиблая заболоченная низина, заросшая густым ивняком. Тучи комаров носились над этими просторами в любое время года, в жару комары разбавлялись стаями оводов. Жена Дмитрия Андреевича – Татьяна Михайловна – называла это место «джунглями», а сам Дмитрий Андреевич более романтично – «Простоквашино». Первые годы жили как первопроходцы «дикого Запада» – ни воды, ни газа, ни керосина.

Держались крепкой группой – Тимофеевы, Свиточи, Каплины. Ночевали то в палатке, то в съемной комнате в деревне, то у Павла Алексеевича – первого построившего дом. Все любили друг друга, часто вместе ели, пили, говорили. Дима был очень галантным кавалером, всегда и всем женщинам делал комплименты, каждую уверял, что потрясен ее умом и красотой. Все женщины, независимо от возраста, звали его Димочкой. Путь на «дачи» был и далек, и долг, требовал использования разных видов транспорта – метро, электричка, «кукушка», «кукушонок» и еще немножечко пешком. Истинный полевик, Дмитрий Андреевич не роптал, уставших в конце пути мог поддержать забавными историями, а уж когда достигали дома, то и рюмочкой. Жил на природе с удовольствием, с любовью, с интересом. Не было лучшего знатока окружающего нас мещерского леса, где как синий дым стелилась у ног черника, на бледно-зеленом мху стояли яркие кустики с красными гроздьями брусники и почти весь сезон – грибы. Дима был отменный грибник, любил сам процесс их сбора, ведь это как игра: они прячутся – он ищет.

А каким рыбаком он был! На дачных участках находится противопожарный пруд. По утрам я там делал зарядку. Прибегал рано и обязательно заставал сидящего на берегу Д.А., смолящего сигаретку, в плаще (от комаров) и непременно с уловом плотвички, реже карасей. Мое появление, конечно, не вызывало восторгов – все же купание пугает рыбу, но «добрь» на плаванье я всегда получал.

Самое приятное время в «Простоквашино» – вечера. Обычно мы семьями собирались на террасе Павла Алексеевича Каплина. Димина жареная рыбка, мелкая, вместе с косточками и, конечно, внутренностями, была необычайно вкусна, полезна и популярна. Ее съедали в первую очередь. Разговоры, разговоры, обо всем – от науки до спорта. Д.А. после нескольких рюмок уверял, что он потомок Чингиз-Хана, даже просил подтвердить их портретное сходство. Вообще он был прекрасным, интересным рассказчиком, слушать его всегда доставляло удовольствие. Наше совместное житье в Черустях длилось больше 15 лет, и это было очень славное время!

Периодически с Д.А. мы встречались и в Москве. Зимой он обычно читал лекции географам в МГУ. Делал это очень интересно, неформально, в свободной манере обсуждая каждую проблему и рассказывая о великих географах. Причем жизнеописания корифеев географии он сопровождал критическим рассмотрением их трудов и вопросов, оставленных нам. После лекций заходил в лабораторию Новейших отложений, и мы говорили о всякой научной всячине. Последняя лекция была то ли недавно, то ли давно – в 2009 году.

Как жаль, что это так неотвратно: вчера друзья приходили, а завтра уже не придут.

Есть такой очень крупный ученый

С Дмитрием Андреевичем Тимофеевым до 1978 г. я был знаком только по его работам. У меня уже было мнение, что есть такой очень крупный ученый. А наше личное знакомство состоялось в том же 1978 г. в Казани, на пленуме Геоморфологической комиссии. Но пока только знакомство...

В 1983 г. не стало Н.И. Маккавеева – он был членом редколлегии журнала «Геоморфология» со времени его основания. И вскоре (буквально через три-четыре месяца) мне позвонила Людмила Евгеньевна Сетунская, бывшая тогда ученым секретарем журнала, и от имени Д.А. пригласила войти в состав редколлегии, сказав, что Д.А. Тимофеев считает, что я мог бы курировать вопросы флювиальной геоморфологии, и что он настоятельно просит принять это предложение. А ведь это практически совпало с моим переходом на основную работу на кафедру гидрологии суши, т.е. с юридическим уходом из геоморфологии.

С тех пор началось уже регулярное общение с Дмитрием Андреевичем. Помимо заседаний редколлегии, это были встречи на пленумах Геоморфологической комиссии – снова в Казани, Санкт-Петербурге, Киеве..., на диссертационных советах. Общаясь с ним, слушая его замечания на заседаниях редколлегии, собственные его предложения по тематике журнала, читая его публикации в «Геоморфологии» – я понял, Дмитрий Андреевич – настоящий лидер отечественной геоморфологии, ученый-теоретик, во многом определяющий лицо современной науки.

Меня всегда радовала и, наверное, поражала быстрая и конструктивная реакция Дмитрия Андреевича на интересные, как мне представляется, предложения. Дважды в 90-е годы я обращался к Д.А. как главному редактору с просьбой об организации в «Геоморфологии» публикации серии статей по материалам тематических совещаний Межвузовского совета по эрозионным, русловым и устьевым процессам при МГУ: по овражной эрозии и формам первичной гидрографической сети; по эрозии и русловым процессам на урбанизированных территориях. Д.А. поддерживал просьбы, и статьи были опубликованы с соответствующими ссылками.

В середине 90-х годов Д.А. очень охотно откликнулся на мое предложение сделать совместную статью к 40-летию выхода книги Н.И. Маккавеева «Русло реки и эрозия в ее бассейне». Он не только откликнулся, но и предложил свое видение такой статьи. Статья получилась, и я могу только испытывать глубокое удовлетворение тем, что моим соавтором был Д.А. Тимофеев.

В 2007 г. Дмитрий Андреевич с большим энтузиазмом воспринял идею посвятить один из номеров 2008 г. юбилею Николая Ивановича Маккавеева. И хотя сам он не был в числе авторов статей, его внимание к номеру чувствовалось на всех этапах его подготовки.

Мне иногда кажется: если бы не позиция Дмитрия Андреевича, то эрозионные и русловые процессы (а не флювиальная геоморфология) были бы в какой-то мере отлучены от геоморфологии... Во всяком случае мне приходилось не раз слышать от некоторых геоморфологов, что то, чем занимаемся я и лаборатория – это не геоморфология. Дмитрий Андреевич своим отношением к проблеме доказал обрат-

ное! И за это эрозиоведы и русловики должны быть ему благодарны.

На заседаниях Редколлегии Дмитрий Андреевич ко всем оценкам статей, особенно критическим, подходил необыкновенно корректно и деликатно, с уважением к авторскому мнению.

Ну и, конечно, нельзя не подчеркнуть, что Дмитрий Андреевич – один из немногих, занимавшихся общетеоретическими проблемами геоморфологии. Ему безусловно помогала огромная эрудиция, прекрасное знание литературы – и классики, и всей ее истории, и самой современной... Очень жаль, что он не написал книгу по теории геоморфологии – такой труд был бы нужен. Поэтому дело чести его соратников – собрать воедино основные методологические и теоретические статьи Дмитрия Андреевича и как можно скорее издать... Это просто необходимо!

От редактора-составителя.

В 2019 г. исполнится 90 лет со дня рождения Дмитрия Андреевича. Восемь лет – срок достаточный, чтобы подготовить и издать его избранные труды. Это достойная задача коллегам Д.А. по Институту географии. А пока поместим здесь – как аккорд памяти – одно из монгольских стихотворений Д.А., собранных в небольшую книжку сотрудниками лаборатории геоморфологии ИГАН.¹

Вечер

Как динозавры-исполины
По Гоби горы разлеглись.
Устали за день. Их вершины
Вечерней синью налились.
И на постелях своих бэлей²
Под шепот звезд они уснут.
Во впадинах, как в колыбелях,
Дневные ветры в ночь замрут.
За день набегавшись, к востоку
Ушли тихонько облака,
Поняв, наверно, что нет проку
В дневной погоне. Что века

Рисунок А.Д. Арманда.

¹ Д.А. Тимофеев. Т.М. Лебедева. Путешествия в стихах. ООО «Медиа-пресс». 2009. 62 С.

² Бэль – монгольское название подгорных равнин, образующих пьедесталы гор гобийского типа.

Стоит безмолвная пустыня
Всей суете земной чужда,
Что нет величия в гордыне
И что прекрасна простота.
Как динозавры-исполины
По Гоби горы разлеглись.
Темнеют зубчатые спины,
На небе звездочки зажглись.
Закат алеет. Все стихает.
В природе и во мне покой.
Как хорошо, что так бывает,
Что прерывается наш бой!

В.П. Чичагов

*Борис Александрович Федорович
(1902–1981)*

*Геоморфолог, д.г.н. (1953), профессор (1956).
В Институте в 1932–1981 гг.,
зав. отделом геоморфологии (1952–1956),
лауреат Государственной премии (1952)*

Б.А. Федорович, 1970-е годы.

... Осеннее пасмурное утро начала 60-х годов прошлого века. Коридор второго этажа Института географии АН СССР. Внезапно гаснет электрический свет и все погружается в полную темноту. Движение по коридору не прекращается, шаги одного человека слышатся в сторону зала заседаний Ученого совета, другого от него. Я только что вышел из комнаты 17 (там теперь наша библиотека), остановился в темноте, слышу движение людей и жду их сближения. Вот они, кажется, сошлись.

– Боб, это ты?

– Я.

– Что-то ты похудел и стал каким-то твердым...

Ярко вспыхивают лампочки и – о чудо! – напротив институтской стенгазеты высокий, худой академик Д.И. Щербаков – академик-

секретарь Отделения геолого-географических наук АН СССР, поставив огромный, набитый книгами портфель на пол, ощупывает тоже тощего и высокого Боба Корнилова, пытаясь найти в нем сходство со своим старым другом Б.А. Федоровичем... Коридор быстро наполняется сотрудниками, появляется и виновник истории, обнимается с академиком, все смеются...

БАФ – весь Институт его так называл за глаза – был упитанным, среднего роста джентльменом с небольшим, но четко очерченным животиком, всегда очень общительный, искрящийся юмором, обходительный, любитель милых дам и проч.

Неоднократно возвращаясь к воспоминаниям о соратниках и товарищах по совместной работе в отделе геоморфологии Института географии РАН, к основоположникам создания прогрессивных современных представлений о деятельности ветра и создаваемых им разнообразных формах рельефа, с удовольствием и радостью вспоминаю этого замечательного геоморфолога, яркую личность, очень доблестного и гостеприимного человека – Бориса Александровича Федоровича. Он особенно мне близок своими научными трудами в области аридной геоморфологии, страстью к изучению пустынь в длительных экспедициях и справедливым, благожелательным отношением к людям. Славное дело, которому он посвятил свою долгую жизнь, успешно продолжается. И на фоне современных научных достижений роль Б.А. становится все более яркой и значимой...

Начав трудовую деятельность в 17 лет рабочим землемерной партии в Крыму, в 1924 г. Б.А. закончил Таврический государственный университет в Симферополе. В университете познакомился с замечательным отечественным ученым акад. В.А. Обручевым, оказавшим большое влияние на его формирование как исследователя песчаных пустынь. По окончании университета заведовал гидрогеологической частью Управления водного хозяйства Крыма, показал себя способным исследователем и внес много нового в познание геологии и геоморфологии Крыма. В 1927 г. в «Изв. АН СССР» им была опубликована первая работа по геологии Крыма. Молодой ученый привлек внимание научной общественности и в том же году был приглашен акад. Д.И. Щербаковым в Академию наук СССР для работы научным сотрудником в Комиссии по изучению естественных производительных сил – КЕПС, которую возглавлял известный учений-геохимик акад. А.Е. Ферсман. Затем почти полвека с 1932 г. и до конца жизни деятельность Б.А. Федоровича протекала неизменно в стенах Института географии АН СССР.

В 1929 г. Б.А. впервые знакомится с песчаным морем Каракумов, руководя отрядом в знаменитой Серной экспедиции под эгидой А.Е. Ферсмана, и на всю жизнь становится страстным исследователем песчаных пустынь. К числу его основных научных достижений относятся обоснование эолового происхождения песчаных пустынь Средней Азии и образования замкнутых солончаковых впадин под действием весьма своеобразного «солевого» выветривания. Впервые в нашей стране Б.А. использовал материалы аэрофотосъемки и аэрометоды для анализа организации пространственной структуры песчаного рельефа и выяснил, что основные закономерности формирования песчаных пустынь обусловлены деятельностью ветра, его аэродинамическими характеристиками, а также спецификой ландшафтных условий. Ученому удалось изучить и выявить огромное количество форм песчаного рельефа пустынь, разработать их морфологическую и генетическую классифика-

кацию и создать принятую ныне методику их картографирования по аэрофотоматериалам. На основании этих данных были впервые составлены серии карт эолового рельефа большей части азиатских и африканских песчаных пустынь. Все эти достижения были сведены в докторскую диссертацию «Пески пустынь, их происхождение, развитие рельефа и вопросы освоения», блестяще защищенную в 1953 г. С начала 70-х годов прошлого века Б.А. энергично включает в арсенал своих научно-исследовательских работ использование новых космических материалов, показав богатейшие информационные возможности космического зондирования для географических исследований.

Трудно переоценить роль Б.А. Федоровича в создании первичных палеогеографических представлений о происхождении и эволюции песчаных пустынь. Он является автором ряда обобщающих крупных работ по вопросам изменения увлажненности пустынь на протяжении плейстоцена, голоцена и современной эпохи. На основании изучения вещественного состава каракумских песков он доказал их древнеаллювиальный генезис – связь с деятельностью огромной древней Амударьи. На примере дельты Мургаба ученым показаны основные пути формирования субазральных дельт в песчаных пустынях. Б.А. Федорович стоял у истоков познания гидрогеологических условий песчаных пустынь. Результаты проведенных им детальных исследований грунтовых вод дельты Мургаба заложили основы для выяснения основных особенностей формирования подземных вод туркменских пустынь, а также общих закономерностей формирования подземных вод пустынь Средней Азии. Существенное значение имеют полученные ученым данные об эловом генезисе лёссов и лёссовидных отложений, формирующихся в результате выноса ветром и отложения в «ветровой тени».

Особый вклад сделал Б.А. Федорович в решение важных практических задач, начиная с участия в работах упоминавшейся Серной экспедиции. В военные годы он выполнял важные государственные задания по выявлению и мобилизации ресурсов тыла для защиты нашей страны от гитлеровских захватчиков, принимая участие в работах Казахстанской экспедиции, возглавляемой директором ИГАНа акад. А.А. Григорьевым. Вместе с другими учеными Института он разрабатывал вопросы сельскохозяйственного обеспечения огромной территории Казахстана, занимался геоморфологическим обоснованием выделения земельных фондов республики и наметил главные пути их водохозяйственного обеспечения. Эти оригинальные данные были использованы ученым позже – при составлении фундаментальных монографий «Природное районирование Северного Казахстана» (1960) и «Казахстан» (1969) в широко известной многотомной серии нашего института «Природные условия и естественные ресурсы СССР». Б.А. быстро реагировал на появление новых данных. В 1973 г. он в соавторстве написал очень оригинальную работу о скоростях переноса рыхлых отложений, «меченых» продуктами разложения ядерных взрывов.

Б.А. был поразительно энергичен и активно участвовал во всех всесоюзных конференциях и совещаниях: пленумах Геоморфологической комиссии АН СССР, Всесоюзного географического общества, Четвертичной комиссии АН СССР; его труды периодически издавались практически во всех географических периодических и эпизодических изданиях страны.

Пустыня Кара-Кумы. Исследователь эоловых песков.

В книге «Институт географии и его люди», изданной ИГРАН в 2008 г., освещены основные этапы его жизни и деятельности, в частности отмечено проведение в 20–30-е годы прошлого века геолого-геоморфологических исследований в малоизвестных регионах пустынь Средней Азии – Каракумов, Тянь-Шаня, Устюрта и Центральной Азии – Синьцзяна, Джунгарии и Тарима; обоснование приоритета новейшей тектоники в объяснении формирования среднеазиатских горных стран и ряд других вопросов. В этой книге отмечены большие успехи Б.А. в области изучения оледенения горных стран, эволюции равнин предгорий и долин горных рек, рельефа песчаных пустынь Средней Азии, а также выход в 1948 г. в свет его монографии «Лик пустыни», получившей Сталинскую премию и переведенной на эстонский, чешский, английский, арабский, испанский, хинди, урду, польский языки. Б.А. принимал непосредственное деятельное участие в создании Института пустынь АН Туркменской ССР в г. Ашхабаде. Он был высоко образованным ученым с широчайшим кругом научных интересов, о чем свидетельствуют основные его работы, сведенияные в посмертно изданной монографии «Динамика и закономерности рельефообразования пустынь» (1983).

Приведенные сухие данные буквально просят добавить несколько строк о БАФе – человеке. Человеком он был замечательным! Какие яркие поэтические тосты он произносил на праздниках, как любил чествовать юбиляров! Он с удовольствием писал юбилейные статьи в честь своих учителей, соратников и друзей – академи-

ков И.В. Мушкетова, В.А. Обручева, А.Е. Ферсмана, Д.И. Щербакова, Г.А. Гамбурцева.

Нынешним молодым людям – геоморфологам и географам – будет интересен стиль работы БАФа. Вот краткая зарисовка одного дня его полевых работ.

… Лето. Песчаное море Каракумов. Бесчисленные барханы, дюны, песчаные гряды… Лагерь отряда БАФа стоит в песках у небольшого колодца в дефляционной котловинке. После раннего подъема, позавтракав, все одеваются для маршрута. Особое внимание уделяется светлой рубашке с воротником и длинными рукавами – защите от палящего солнца, головному убору – желательно шляпе с полями или панаме, и, конечно же, традиционным коричневым брезентовым сапогам на кожаной подметке – многофункциональным, но спасительным от змей прежде всего… БАФ тщательно проверяет каждого сотрудника, осматривает, дает советы. Все берут с собой запас воды. И отряд начинает путь по песчаной бесконечной всхолмленной равнине… В маршруте интересно буквально все, но наиболее богаты остатками западины, вынутые ветром котловинки, где, во-первых, могут обнажаться подстилающие эоловые пески породы и, во-вторых, накапливаться самые разнообразные предметы, как полезные – фрагменты ископаемой фауны, так и всякий хлам – позвоночники змей, обломки старых медных чайников, стреляные гильзы и проч. Час за часом путники двигаются, выбирая наиболее низкие проходы между песчаными холмами и раскладывая свои силы на возвращение в лагерь. Когда удается с воздуха посмотреть на маршрут отряда, не устаешь поражаться его продуманности: несмотря на общую незначительную протяженность в несколько, редко до 5–7 километров – ходить по пескам нелегко – участники сумели обследовать немало котловин, обнаружить важные и интересные находки и вовремя выйти к лагерю. Обо всем этом БАФ талантливо написал в своем знаменитом «Лике пустыни».

Большой вклад был сделан Б.А. Федоровичем в развитие геоморфологического картографирования в нашей стране. Вместе с акад. И.П. Герасимовым он был инициатором и организатором создания большим коллективом советских ученых первой Геоморфологической карты СССР м-ба 1:4 000 000. Б.А. Федорович много сделал в области разработки легенд общих и специальных геоморфологических карт разных масштабов, построенных на разной морфогенетической основе с использованием различных принципов геоморфологического картографирования.

Большие знания и опыт проведения геоморфологических исследований на территории Средней Азии успешно реализовались ученым в период освоения целинных и залежных земель в Казахстане. Научные результаты его исследований равнин Туркмении помогли освоению пустыни путем создания серии ирригационных сооружений.

Б.А. долго собирал геоморфологические, палеогеографические и географические материалы, тщательно взвешивал их и оценивал до той поры, пока они не становились едва ли не канонами. После этого весьма трудно было изменить его точку зрения. Вот два примера. Песчаный грядовый рельеф, по его мнению, формировался в результате активных продольных ветровых потоков и никакие новые данные С.Ю. Геллера, И.М. Островского и других ученых, доказывавших их образование поперечным ветровым переносом, не убеждали его в их правоте. И второе.

Бэрковские бугры по Б.А. Федоровичу также были созданы продольными ветрами, но теперь доказано, что эоловые отложения залегают лишь на кровле бугров, формируя только верхнюю, так называемую надбугровую толщу. В 1954 г. под его научным руководством наша сотрудница М.П. Брицына на географическом факультете МГУ во время защиты кандидатской диссертации делала доклад по геоморфологии Северного Прикаспия и я помню, что ей было довольно трудно отвечать на вопросы о генезисе бэрковских бугров.

Представления Б.А. Федоровича о морфологии и генезисе эолового песчаного рельефа были учтены и использованы американскими учеными при составлении карт песчаных пустынь мира в монографии «A Study of global Sand Seas», изданной NASA в 1979 г., т.е спустя полвека от начала изучения этих вопросов БАФом...

У БАФа было много учеников и все его очень любили. В 1952–1956 гг. он возглавлял отдел геоморфологии, был добрым другом и наставником геоморфологов ряда поколений. Повторим, он был одним из создателей Института пустынь Туркмении – единственного в ту пору института такого типа. Его заслуги в подготовке научных кадров очень велики. В Казахстане, Туркменистане, Узбекистане и Киргизии трудятся его способные ученики.

Многие годы он был членом Ученых советов ИГАНа и геофака МГУ, неоднократно работал председателем Государственной экзаменационной комиссии геофака.

Я нередко вспоминаю улыбающегося и смеющегося БАФа в стенах ИГАНа, на съездах и конференциях, а также в полевых экспедициях молодых ученых Института по традиционному «меридиану». Он активно участвовал в обсуждении докладов на молодежных конференциях Института... БАФ был весьма энергичен и в проведении институтских праздников в зале, в котором в те годы собирался весь ИГАН.

Научная, научно-организационная и педагогическая деятельность Б.А. Федоровича была высоко оценена советским государством, наградившим его орденами Ленина, Красной Звезды и медалями.

Борис Александрович был обаятельным, доброжелательным и скромным человеком, достойным подражания. Был храбрым человеком – в конце 20-х годов Средняя Азия еще не была полностью освобождена от басмачей... Он очень любил людей и любил жизнь. И продолжал любить жизнь до конца. Будучи тяжело больным, он говорил: «А жизнь все равно прекрасна!»

Рисунок А.Д. Арманда.

В.П. Белобров

Владимир Маркович Фридланд (1919–1983)

*Географ, почвовед, картограф, д.г.н. (1964), профессор.
В Институте в 1964–1970 гг.*

Блестящий лектор.

Среди ученых редко можно встретить людей, похожих друг на друга характерами, стилем работы, письма, увлечениями, умением выступать, манерой общения. Но чем-то неуловимым они схожи внешне и безошибочно узнаются всеми окружающими именно как ученые. Владимир Маркович Фридланд отличался от многих коллег и характером, и внешне. Он аккумулировал в себе черты присущие ученым и всем родившимся под знаком Стрельца – любителям природы, путешествий и в какой-то степени искателям приключений на непознанной почве знаний.

Высокий и стройный, красивый, вежливый со всеми, включая землеводов и коллекторов, школьников и студентов, галантный с женщинами всех возрастов, он оставался при этом строгим, взыскательным, бережливым (особенно это касалось времени) и чрезвычайно работоспособ-

ным человеком. Библиофил и эрудит, с трепетом относившийся к трудам предшественников, он всегда смотрел вперед, туда, где любимое почтоведение соприкасается с другими смежными и параллельными науками, в частности с философией, которой он отдавал заметный приоритет, легко видимый в его классических научных трудах.

Всегда тщательно одетый, никогда никуда не опаздывающий он также вел себя и в полевых условиях, методично описывая разрезы, факторы почвообразования и процессы, рисуя схемы и постоянно ведя дневник. Образец организованности. Он ненавязчиво прививал и совершенно естественным образом вынуждал нас брать на вооружение методы своей научной работы в поле и Институте, которые оказались бесценным опытом, не потерявшим актуальности по настоящее время. Можно себе только представить, как бы виртуозно Владимир Маркович владел компьютером, доведись ему дожить до компьютерной эпохи. Все новое в науке не ускользало из его поля зрения. Трудно вспомнить хотя бы один вопрос, на который Владимир Маркович не смог бы ответить.

Он отличался удивительной, постоянной и чрезвычайно продуктивной работоспособностью. Именно работоспособностью, которая позволяла на базе энциклопедических знаний держать руку на пульсе времени, быть в курсе новейших достижений науки, не гнушаясь при этом черновой работы.

Увидеть его бездействующим на защатах, докладах и даже полевых отчетах сотрудников отдела не удалось ни разу. Он всегда внимательно слушал, держал в руках тетрадь в коленкоровом переплете на 96 страниц и писал, писал, писал. В его библиотеке в несколько тысяч только научных книг особое место занимали эти самые зеленые, красные, синие, исписанные от корки до корки тетради, стоявшие на полках ровными рядами. Такое обилие тетрадей и дневников характерно еще разве только для литераторов и журналистов. Увидеть его без тетради в руках можно было только на банкете, которому он уделял ровно столько времени, сколько необходимо, чтобы соблюсти все приличия. И...снова за работу!

Обладая прекрасной памятью (знал наизусть, например, любимого им «Золотого теленка» Ильфа и Петрова) он фиксировал все новое и интересное, «прокручивал» это новое через умы своих коллег, понимая важность этого как для него самого, так и для окружающих ученых.

Вопросы и выступления на заседаниях различного ранга были для него обязательны. Можно сказать, что не задать вопросы и не выступить было сродни «табу». Владимир Маркович всегда задавал докладчику только три из множества вопросов. Три вопроса неизменно следовали один за другим. К этому можно было готовиться заранее. Три вопроса, как три неизвестные карты в колоде, таили в себе загадку, разгадать которую в ответе удавалось не всегда и не каждому.

Почему три вопроса? Возможно, это была привычка, задействованная в научный обиход раз и навсегда. Может быть, желание не слишком осложнить жизнь докладчику, задав больше трех вопросов. Вполне вероятно, просто потому, что «Бог любит троицу». Получить ответ у Владимира Марковича на этот вопрос, к велико-

Интерпретатор.

Внимательный слушатель. Собеседница М.И. Герасимова.

му сожалению уже нельзя. Но, кажется, что у рожденного под знаком стрельца В.М. цифра «три» была счастливой. Подсознательно, хотел он этого или нет, цифра «три», была его талисманом и путеводителем.

Семья Владимира Марковича состояла, например, из трех человек. Он написал три прекрасных, широко известных монографии, не потерявших актуальности и по сей день, трижды сменил место работы между двумя институтами: Почвенным им. В.В. Докучаева и Институтом географии АН СССР, которые расположены бок о бок. Можно было бы найти еще много примеров, связанных с цифрой «три». Но три вопроса в этом ряду были самой типичной изюминкой его стиля.

Владимира Марковича хорошо знали за рубежом. Он переписывался со многими учеными мира, чему способствовали классические знания трех языков – французского, английского и немецкого. Наибольшей известностью он пользовался среди французских ученых. Вот характерный эпизод. Молодой кубинский ученый в 80-х годах был послан своей страной, заботившейся о росте научных кадров, на год на стажировку во Францию. Выбор руководителя имел очень большое значение, определяя в дальнейшем научную квалификацию, статус и многое другое. Обратившись к ведущему специалисту-почвоведу по влажным тропикам Сегалену с просьбой взять его на стажировку, он услышал типичный вопрос: «Кто Вас может рекомендовать из зарубежных ученых?» После долгих разъяснений выяснилось, что рекомендовать может только неизвестный Сегалену ученый – ученик В.М. Фридланда. Имени Владимира Марковича оказалось вполне достаточно, чтобы положительно решить столь нелегкий вопрос о стажировке. В результате молодой кубинец освоил современные методы почвенной микроморфологии, ставшие основой его кандидатской диссертации.

На юбилейном заседании кафедры. Выступает М.А. Глазовская. Владимир Маркович – третий слева в первом ряду.

Владимир Маркович очень тщательно и требовательно подходил к любым публикациям, но особенно к своим. Они отличались новыми идеями, до деталей обоснованными результатами и выводами, законченностью как этапа работы или всего научного направления. Его монографии по процессам почвообразования и тропическим почвам Вьетнама, структуре почвенного покрова и классификации почв цитируются постоянно, настолько они информативны. Стиль письма Владимира Марковича чем-то напоминает Ф.М. Достоевского. Те же любимые причастные и деепричастные обороты, точки с запятой и все подтверждающие до мельчайших деталей пояснения и замечания с обязательными ссылками на литературу, иногда и от Аристотеля.

Отношение Владимира Марковича к студентам и аспирантам было сродни отцовскому воспитанию. Поощряя инициативу, он требовательно относился ко всем без исключения. Внимательно следил за научным ростом учеников и для экзамена по сдаче кандидатского минимума по английскому предлагал им свою личную книгу Торпа «Почвы Китая», обоснованно считая ее лучшим способом активно освоить перевод с первоисточника по специальности.

Владимир Маркович не чужд был юмора. Как ничто другое это отражало его внутреннюю свободу, способность переносить неприятности и невзгоды. В памяти знавших его коллег Владимир Маркович останется яркой фигурой, воплощением преданности и последовательного служения науке.

Владимир Георгиевич Ходаков (1932–1993)

Гляциолог, д.г.н. (1976), профессор (1986).

В Институте в 1955–1993 гг.,
зав. лабораторией инженерной гляциологии
и проблем Севера (1982–1993)

В.Г. Ходаков на субботнике,
1980-е годы.

Период расцвета отдела гляциологии связан со многими именами. Это и отцы-основатели, прекрасные организаторы науки, это и талантливейшая плеяда полевых исследователей, выросшая в период МГГ, это следующее поколение... После ухода из отдела таких глыб как П.А. Шумский и И.Ю. Долгушин длительное время в отделе было лишь два доктора наук. В.Г. Ходаков стал третьим.

Мне посчастливилось общаться на протяжении почти двадцати лет с Владимиром Георгиевичем как с руководителем в аспирантуре, коллегой по работе и просто человеком.

Руководитель

После окончания МГУ я в 1971 г. по распределению попал в Ташкент (САРИГМИ –

Среднеазиатский региональный научно-исследовательский гидрометеорологический институт) и провел свою первую зимовку на леднике Абрамова, который был одним из объектов исследований по программе Международного гидрологического десятилетия. В 1972 г. в Ташкенте осенью проводился Всесоюзный гляциологический симпозиум. Проводился с размахом: неделя заседаний и неделя экскурсий. Под симпозиум была целиком зарезервирована гостиница «Саёхат», но и она не могла вместить всех участников (были же времена!). Естественно, что молодой поросли мест в гостинице не хватило, но все мы с утра приезжали туда и проводили там весь день. Было жутко интересно видеть и слышать тех, о ком знали по публикациям. К тому же была редкая возможность пообщаться со сверстниками из других городов и институтов.

На одном из первых пленарных заседаний сразу же запомнился один из докладчиков. Не сам доклад, а то, как его автор отвечал на вопросы. Тему доклада я забыл довольно быстро и уже давным-давно не помню, а стиль ответа на вопросы врезался на всю жизнь: предельная лаконичность, конкретика и никакого «научнопа». Ни

с чем подобным сталкиваться до этого не приходилось. Ни на лекциях в университете, ни в научном студенческом обществе, ни на ученых советах в САРНИГМИ. Этим, запомнившимся докладчиком, был В.Г. Ходаков из Института географии. Тогда, собираясь на очередную зимовку, я и представить не мог, что через несколько лет судьба сведет меня с этим незаурядным ученым и прекрасным человеком. Случилось это через три года, когда я собрался поступать в аспирантуру ИГАНа.

Во время беседы с Владимиром Михайловичем Котляковым, бывшим уже тогда заведующим отделом гляциологии, разумеется, зашла речь и о предполагаемом руководителе. Услышав предложенную фамилию, я с трудом поверил своим ушам – Ходаков! К этому времени я уже был знаком с некоторыми его работами и представлял их качество. А это – визитная карточка любого ученого. К тому же по внешнему виду это был вполне земной человек, да и разница в возрасте не была запредельно большой. Беседа с В.М. Котляковым происходила утром в отделе на улице Гарибальди, а уже днем была назначена встреча с В.Г. Ходаковым в Старомонетном переулке. Волновался я изрядно, но успокоился после первых же слов нашего разговора. Владимиру Георгиевичу хватило нескольких минут, чтобы оценить объем собранного материала, его кондиционность и обнаружить «где густо, а где пусто». Удивило меня и то, что он был знаком с моей единственной на тот момент статьей (еще утром Владимир Георгиевич не ведал – не гадал, что у него будет эта встреча) и сделал по ней пару замечаний-пожеланий. Сухой остаток встречи – он согласен стать моим руководителем, в аспирантуру я поступаю через год, а пока отправляюсь на очередную зимовку на ставший для меня почти родным ледник Абрамова, и целенаправленно собираю материал для латания обнаруженных дыр.

Следующая встреча произошла через год, когда я поступил в аспирантуру, а Владимир Георгиевич стал моим официальным руководителем. Тогда-то и началось мое тесное общение с этим удивительным человеком.

При первой же встрече в новом качестве Владимир Георгиевич сразу же определил, чего и в какие сроки ждет от меня. Но перед этим был выбор темы и ее утверждение. Ситуация была не совсем простая. С одной стороны у меня был собран неплохой многолетний материал, а с другой Институту была спущена абсолютно новая плановая тема, которую должен был вести В.Г. Ходаков и ему был необходим исполнитель. При этом сроки по плановой теме были достаточно жестко лимитированы. У Владимира Георгиевича, как я в этом неоднократно убеждался в дальнейшем, было уникальное научное чутье и предвидение – он прекрасно прогнозировал научный потенциал каждого из своих аспирантов и с первых дней совместной работы, как мне кажется, уже знал чего можно ждать от каждого из своих учеников. И Владимир Георгиевич принял решение, что работать мне предстоит с материалом, собранным за зимовочные сезоны, а для плановой темы необходим соискатель с серьезным математическим аппаратом. Непросто ему было обосновать свою точку зрения перед руководством, но в итоге он оказался прав. Ту, плановую тему, блестяще и в срок отработал Александр Сосновский. Я же написал работу с использованием методов статистического анализа. Требовательность к уровню работ аспирантов у В.Г. Ходакова была высокой. Запомнил его слова на начальной стадии обучения – «если заниматься статистическими методами, то делать это надо серьезно и на уровне не ниже выпускника статистического вуза». Так что попотеть мне пришлось изрядно.

Руководство было неформальным. Думаю, что это подтверждают все его аспиранты и соискатели. От нас он требовал глубокого знания проблемы и незаметно, и очень тактично (это все мы поняли гораздо позднее) вводил нас в науку более высокого уровня. Мои опусы правил виртуозно. Шелуху выметал сразу, на допустимые технические мелочи особого внимания не обращал. А дальше было нечто похожее на фокус: вроде бы ни больших правок, ни явных смысловых замечаний нет, но добавлено несколько слов и текст становится убедительнее, факты весомее, а выводы солиднее. Сразу же приучал к научной точности и пунктуальности: в терминологии никакой отсебятины и научной двусмысленности, а сдача статьи в срок – это святое.

Личностное научное общение было нечастым и не слишком продолжительным. Он ничего не разжевывал, а пристально следил за тем, насколько каждый из нас за это время вырос, какой путь прошел. Закончив обязательную часть встречи руководителя с аспирантом, каждый раз некоторое время уделял и вопросам, не имеющим, на первый взгляд, отношения к теме работы. Это были и подходы к выбору объектов исследований, и изменения в методологии полевых работ, обоснование репрезентативности, распространение данных, полученных в точке, на территорию, масштабные эффекты явлений и многое-многое другое. Это постоянно подстегивало, и каждый раз я готовился к нашим встречам продуманно и тщательно. Хотя бы для того, чтобы быть понятливым слушателем и успевать за его полетом мыслей. А их у него было предостаточно, многое он черпал из смежных и пограничных наук. Воспитатель и учитель в науке – это совсем не то, что воспитатель и учитель в средней или даже высшей школе. Это сложнейшее сочетание профессиональных и человеческих качеств, дарованное очень немногим. В.Г. Ходаков был из когорты немногих.

Ученый

Чаще всего в этом качестве я наблюдал его на тех знаменитых еженедельных (было и такое!) семинарах отдела гляциологии, когда помещение забивалось под завязку и многие стояли даже в коридоре, и, не видя докладчика, только слушали. Очередь докладов и сообщений была расписана на полтора-два месяца вперед. Правда, для аспирантов и соискателей было послабление, и их выступление могло быть заслушано вне очереди. Не помню, чтобы кто-то из людей, сотрудничавших с Владимиром Георгиевичем, этой привилегией воспользовался: все даты с ним обговаривались заранее и ни разу не нарушились. Не подводили его ни разу...

На семинары Владимир Георгиевич приходил заранее и почти всегда садился на одно и то же место во втором-третьем ряду у окна. Слушал выступления, сидя слегка вполоборота, положив руки на голову в районе висков и глядя куда-то вдаль. Со стороны могло показаться, что он где-то далеко-далеко, но как только начинались вопросы, и завязывалась дискуссия, все становилось на свои места. Вопросы задавал нетривиальные, выступал предельно кратко, но как же по существу! В кратких выступлениях не было места критике мелких недостатков (это решалось после семинара в рабочем порядке), но всегда подчеркивались и выделялись достоинства работы, положительные отличия от работ коллег.

Я на семинарах всегда конспектировал выступления, а затем подробно записывал вопросы и ответы, фиксировал яркие высказывания, ссылки на работы других ученых. Позже, просматривая свои записи, я обнаружил, что больше всего записей в толстой амбарной книге было посвящено В.Г. Ходакову и М.Г. Гросвальду. Владимир Георгиевич рассматривал все проблемы чаще всего с позиции глубинных процессов и возможности выявления численных закономерностей, а Михаил Григорьевич с точки зрения единого географического пространства, цитируя при этом в громадном количестве работы зарубежных исследователей. Связи со смежными науками оба находили виртуозно.

Литературу по специальности В.Г. знал практически всю, вплоть до сборников студенческих работ, например, Томского университета.

Работая рядом с ним в поле, а это было в течение нескольких лет на Шпицбергене и в Средней Азии, обратил внимание на ведение им полевых дневников. Сначала удивился, когда он затребовал не один, а сразу три дневника. Через несколько дней стало понятно – почему. Записи вел ежедневно скрупулезные с фиксацией даже крошечных деталей: погодные условия, время начала маршрута, состав людей, особенности маршрута, что удалось зафиксировать визуально, какие запланированные измерения проводились по ходу работ, в каких условиях и в какое время, необходимость каких измерений возникала в процессе работы и т.д. и т.п. Объяснял это тем, что наука – неизведанная дорога, и неизвестно на каком ее отрезке могут потребоваться те или иные уже приобретенные и зафиксированные знания и факты. Именно факты, а не воспоминания и личностные оценки, хотя без последних наука существовать не может.

Два примера. Первый. На Шпицбергене мы изучали особенности свойств снежного покрова в разных точках архипелага. К отдаленным местам работы добирались либо на вертолетах, либо на вездеходах. Пока отрывались шурфы и проводилась снегосъемка, В.Г. Ходаков успевал получить дополнительную информацию, например, по глубине колеи, глубине лыжни, глубине следа при ходьбе без лыж. Измерял плотность снега на дне каждого из следов. По его просьбе механики вездеходов совершали фик-

В горах Терской Алатау, 1980-е годы. В.Г. Ходаков (справа) с Е.А. Ильиной и А.В. Гордейчиком.

сированное количество проходов по колею, и процесс измерений повторялся. Все это не входило в программу основных работ, но тщательно фиксировалось. Через несколько лет наша лаборатория выполняла работы по проходимости снежного покрова различными видами техники, и вот тут-то пригодились те, шпицбергеновские измерения.

Второй. Работая на Тянь-Шане, наш инженерно-гляциологический отряд очень помногу передвигался на автомашине. Вроде бы обычное дело – едем, любуемся местными красотами, обмениваемся впечатлениями, а Владимир Георгиевич постоянно что-то фиксирует в своем дневнике. Вечером, после чая, у костра обмениваемся своими наблюдениями. Общую картину – перевалы, водопады, противолавинные галереи – видели все. А частности (едва заметные следы схода лавины на противоположном склоне, на каком участке дорога будет непроходимой после сильного дождя, место вероятного снежного заноса) зафиксировал, как оказывается, только В.Г. Ходаков. Начальник тогдашнего отряда Андрей Гордейчик весело заметил: «Так потому он и профессор, что видит то, что не могут разглядеть студенты, аспиранты, мэнээсы и просто нээсы».

Кстати, о профессорстве. Внешне, даже в стенах Института, ничем не выделялся. Что уж там говорить о жизни вне подвалов на улице Гарибальди, или сводов на Стамонетном? Но один случай крепко врезался в мою память. На Шпицбергене, в Баренцбурге (а экспедиция базировалась именно там), основное место общения и встреч – столовая. Разумеется, рабочая, поскольку высокое начальство питается в своей, где и приборы другие, и скатерти на столах. Все друг друга (по крайней мере, визуально) знают хорошо и новичков «вычисляют» сразу. Мы, наука, все, кроме начальника экспедиции, ходим в рабочую. Нас знают, не вникая в детали. В те советские времена представители интеллигенции обязаны были прочитать в Доме культуры, как минимум, одну популярную лекцию. Наша экспедиция в этом отношении всегда была в передовиках: менее двух лекций не проводила. Одну, как всегда, начальник экспедиции Евгений Максимович Зингер – кладезь сведений, воспоминаний, баек и анекдотов из своей богатейшей полярной жизни. Вторую, а то и третью наиболее титулованные сотрудники. Отказы не принимались, и поэтому их не было. Дошла очередь и до В.Г. Ходакова. В Доме культуры и у столовой вывешены объявления: такого-то числа, во столько-то часов в ДК состоится лекция доктора географических наук, профессора Ходакова В.Г. Тему лекции точно не помню, но что-то типа «Снег и лед в нашей жизни и в жизни Земли». В зале достаточно много народа – помимо обитателей нашего дома, наши соседи по Научному городку, кто-то из консульства, интересующиеся из отряда вертолетчиков и значительная часть шахтеров, пришедшая в добровольно-принудительном порядке. Владимира Георгиевича представляют, и он поднимается на сцену. Никакого иллюстративного материала нет, а, значит, вся надежда на слово. Сидим рядом, а поэтому слышим все комментарии пролетариата. «Такой маленький, и профессор!», «Да я его каждый день в столовой вижу!», «Кто же тогда у них Зингер, если это – профессор?», «Да я за две полярки весь этот лед и снег знаю не хуже этих профессоров и академиков!» – и много еще чего в таком же духе. Начинает свою сорокапятиминутную лекцию Владимир Георгиевич именно с того, что все, находящиеся здесь, каждый день в течение двух лет видят снег и лед. А дальше следуют понятные и убедительные примеры из повсед-

невной жизни островитян, которые, так или иначе, иллюстрируют ключевые понятия гляциологии, объясняют важность этих специфических знаний, рисуют перспективы. Блестящим оратором (как известные всем выпускникам географического факультета профессора Ю.Г. Саушкин и Г.К. Тушинский) не был, но аудиторию увлек логикой изложения, последовательностью и неопровергими аргументами, которые всегда были убедительными и понятными. Лично меня поразило умение находить параллели в смежных дисциплинах, что чрезвычайно трудно для такой специфической аудитории. Лекция заканчивается точно в срок. Обычно в таких случаях следуют два-три заготовленных вопроса, вежливые аплодисменты и все торопятся на выход. А здесь все пошло по-другому. Шквал вопросов из зала, явно не подготовленных, а возникших по ходу лекции. Уровень вопросов разный – от школьной географии за шестой класс, до сложных инженерных проблем. Ни один вопрос не остается без понятного и четкого ответа (стиль Ходакова!) По времени ответы заняли столько же времени, как и лекция. А это свидетельство явной заинтересованности аудитории. На выходе в толпе ловлю несколько фраз с впечатлениями от услышанного. «А ты говорил, что будет неинтересно!», «Вот это настоящий профессор – сначала я понимал мало, а в конце уже почти все», «Ты не рост его смотри, а на голову. Не голова, а глобус, очень большой глобус!» Особенно мне почему-то запомнилась последняя фраза: глас народа – он глас божий. А для себя уяснил следующее: даже не подготовленная аудитория сможет тебя воспринимать, если овладеешь двумя умениями – умением в двух словах передать суть, и умением отыскать новое в привычном, в том, что окружает тебя каждый день.

Ученый он был незаурядный. Его справедливо считают одним из создателей нового направления – инженерной гляциологии. И не потому, что в течение более чем десяти лет он возглавлял лабораторию инженерной гляциологии, а потому, что в отличие, скажем, от А.К. Дюнина, который прекрасно разбирался в вопросах метеореведения, он разбирался во всем. От искусственного намораживания до создания ледяного наката на автомобильных дорогах, от заторно-зажорных ситуаций на реках до глобального техногенного воздействия на гляциосферу.

С последним связан еще один эпизод работы на Шпицбергене. В первой половине 80-х гг. в научных кругах самого разного уровня широко обсуждалась теория «ядерной зимы». Разумеется, время от времени обсуждалась она и среди сотрудников нашей лаборатории. Так вот как-то после серьезной работы в морозный арктический день, сидя в кают-компании, к третьему часу ночи добрались и до этой проблемы. Кто-то высказал мысль, что основные последствия ядерной зимы связывают с загрязненностью атмосферы, изменением солнечной радиации, доходящей до земли, и как следствием всего это существенным изменением климата. Но никто не может сказать, а каковы будут последствия, если ядерный взрыв произойдет в районе интенсивного оледенения или в ледяной толще покровного ледника. Как будет вести себя снежный покров? Поговорили, и поговорили... А на следующий день В.Г. Ходаков с мощной паяльной лампой весь день экспериментирует, а что будет с верхним слоем снежного покрова, если его подвергнуть кратковременному тепловому излучению: на какую глубину проникает тепловой поток, как быстро образуется ледяная корка и т.д. и т.п. Ему было важно понять, в первую очередь, для самого себя суть нового процесса, а уже затем, используя, масштабный

эффект, перенести результаты эксперимента на большие пространства. Это был его стиль – при минимуме возможностей получать максимум информации. Выстроить методику исследований простейшими приборами, или создать уникальную методику, а затем и получить уникальные данные.

Он, как немногие, умел в общем вычленить частное, а из частей создать целостную картину. Простой пример: ему хватило одного единственного полета над Шпицбергеном, чтобы по косвенным признакам (посадок и измерений не было) вечером в черновике набросать карту снежности архипелага. И этот черновой набросок поразительно совпал с картой, которая была затем построена на основании многочисленных прямых измерений. Его научная интуиция была безукоризненной. Результаты его точечных снегосъемок, выполненных на Полярном Урале в условиях сложной орографии при минимуме трудозатрат, спустя многие годы были подтверждены площадными работами, которые выполнялись десятком человек с огромным количеством измерений.

Его защита докторской диссертации – это отдельный разговор. Работа была завершена в то время, когда в Институте происходила сложная и длительная процедура реорганизации Ученых советов. Ждать надо было достаточно долгое время, а еще одним советом, принимавшим к защите диссертации такого профиля, был Ученый совет на географическом факультете МГУ. В силу целого ряда обстоятельств отношения между организациями были в то время не слишком простыми, и многие искренне советовали Владимиру Георгиевичу «не соваться в МГУ», а «отсидеться в окопах ИГАНа» до лучших времен. В.Г. Ходаков же всегда придерживался мнения, что аргументированная и доказательная наука выше склок и дрязг. Что и подтвердил своей блестящей защитой в легендарной аудитории 18-07! Голосование было впечатляюще единогласным, а его официальный оппонент Геннадий Николаевич Голубев в своем выступлении отметил, что каждая из глав его докторской диссертации, как минимум, соответствует кандидатской. А глав было около десяти, и все они были объединены одной большой научной идеей.

Научные интересы В.Г. Ходакова были многообразны – подвигка ледника Колка, снежники Заполярья, динамика оледенения Полярного Урала, взаимодействие компонентов природы, древние оледенения Евразии и Северной Америки, взаимодействие полей метеоэлементов и их изменчивость во времени и пространстве, инженерные расчеты в пределах гляциосферы, обоснование технической и экономической нецелесообразности транспортировки айсбергов (одно время на эту тему была уйма печатных спекуляций). Собирался засесть за написание работы под условным названием «Теоретическая гляциология». Мечтал с помощью метода искусственного намораживания создать искусственный ледник. Все расчеты для этого были готовы. Но вот незадача – к тому времени Институт лишился всех своих полевых баз, в том числе самой любимой Владимиром Георгиевичем на озере Большая Хадата на Полярном Урале.

Даже единичная поездка или посещение объекта выливалось в цельную нестандартную (по тем временам, разумеется) статью или вывод. Как пример, его поездка на Камчатку и посещение полюса снежности Евразии.

Его научный язык был понятен всем от стажера-студента до маститого академика. Прекрасно знал математику, в совершенстве ею владел. На равных разговари-

вал с сотрудниками МИФИ при решении инженерных и технических проблем. Поэтому математические спекуляции в его присутствии никогда не проходили, казалось ли дело теории очередей, или распознавания образов.

Спорить с ним было практически бесполезно – на все контраргументы у него был прекрасно мотивированный и адресный ответ.

Многие ученые сильны в своей области, но плавают в смежных. Он не плавал ни в одной (ни с физиками, ни с палеогеографами, ни с геофизиками, ни даже с археологами).

Человек

Во всех коллективных статьях его фамилия одна из последних – строго по алфавиту. Очень сокрушался, если ретивые редакторы меняли очередность. Соавторов ставил обязательно, даже если их участие было незначительно.

Никогда не сюсюкал ни с аспирантами, ни с сотрудниками. За подчиненных хлопотал у начальства неоднократно, за себя – ни разу!

Не любил галстуки и официальные костюмы. Сразу же после Ученого совета снимал галстук и расстегивал воротник рубашки – так ему было гораздо удобнее.

По сути своей был очень компанейским, но пытался это почему-то скрывать. С удовольствием участвовал в сабантуюх по поводу и без. При этом всегда вносил самую большую сумму в лаборатории – я получаю больше каждого из вас. На обеденные чаепития (ах, какой это был замечательный ритуал!) приносил двойную порцию «домашностей», подкармливая молодые организмы. Любил вкусную еду, но в экспедициях никогда не был привередливым. Не считал зазорным перемыть всю посуду или принести воду для кухни. Очень любил вечером посидеть у костра. Во время небольших по времени посещений побережья Иссык-Куля, куда мы спускались из высокогорной части Тянь-Шаня, с утра отправлялся с большим крафтовым мешком для сбора щепочек и веточек, прибитых к берегу, для того, чтобы вечером был огонек. Слуха особого не было, но старательно подпевал, зная наизусть множество текстов.

Жил предельно скромно на улице Обручева, ничто не отвлекало его от науки. Над письменным столом оформленная золотая медаль за школьные успехи и портрет Б. Окуджавы.

Уходя в отпуск, оставлял за себя исполняющим обязанности заведующего лаборатории по очереди всех сотрудников со степенью (каждый год другого) – готовил замену и давал возможность получить хотя бы на 2 месяца более солидную зарплату.

На конфликты не шел, считая, что время все расставит по своим местам. Многие замечали, что его невольно «придерживают» – обычная практика в творческой среде, когда люди, принимающие решения, чувствуют потенциал коллеги и видят в нем конкурента. Не лез ни в партию, ни в члены-корреспонденты. Предсказывал, что при первом же «шухере» из партии начнется массовый исход, ибо строилась она уже на карьерных, а не идеальных принципах. Но это было не публичным прогнозом, а мыслями в доверительных беседах один на один, где-нибудь во время маршрута на привале.

На Полярном Урале.

районе тундры Богемана не удалось уговорить вертолетчиков задержать отлет на полчаса. У них было лимитировано время возвращения, а у нас оказался большой объем работы. Доводы, что в условиях полярного дня ради уникальных результатов можно подкорректировать график, не были услышаны диспетчером полетов. Расстроился Владимир Георгиевич тогда ужасно и очень переживал, костеря, на чем свет стоит, весь вертолетный отряд.

Масштаб личности, рядом с которой все мы находились достаточно длительное время, конечно же, ощущали, но только время позволило оценить его в должной мере.

Порой, особенно по молодости, казалось, что и я бы смог, или что-то в этом роде. А на деле все было иначе: и слова в статье не те, и эксперименты слишком громоздки, и ссылки не слишком убедительные, и интерпретация результатов не слишком глубокая и порой тривиальная.

Годы берут свое. Задорные молодые люди поседели и полысили. Многих уже, увы, нет с нами. Кое-кто отошел от науки, найдя себя в непростые постперестроечные годы, в других сферах жизни. Нет и той замечательной лаборатории, которую создавал Владимир Георгиевич. Но в Институте все еще много людей, которые помнят его и трепетно относятся к его памяти. В день рождения Владимира Георгиевича, 10 марта, многие приходят в 36-ю комнату в главном здании Института, в которой он работал долгие годы. Это те люди, которым посчастливилось соприкоснуться с большим ученым и замечательным человеком.

Спорт очень любил, как и все из послевоенного поколения. Во время экспедиций на Шпицберген у всех нас была прекрасная возможность заниматься по вечерам спортом в прекрасном спорткомплексе рудника. В Москве такой возможности ни у кого практически не было. Владимир Георгиевич ежедневно посещал бассейн, проплывая не менее полутора-двух километров, и очень сокрушался, что в столице мало бассейнов, а рядом с домом нет ни одного.

В быту был немногословен, но глубоко проникающий взгляд говорил лучше всяких слов.

Недостаткам людей не придавал особого значения, если это только не подлость или непорядочность, концентрируясь на достоинствах и буквально восторгаясь ими.

Никогда не устраивал публичных выволочек. При мне сорвался один-единственный раз, когда при авиадесантных снегомерных работах на Шпицбергене в

Кира Семеновна Ходашова (1922–1990)

Зоолог, биогеограф, к.б.н. (1949).
В Институте в 1946–1980 гг.

Начало июля. Под окнами нашей лаборатории цветет жасмин.. Подъезжает черная «Волга». За рулем Володя Пальчиков, чисто выбритый и трезвый как стекло. Это Алексей Михайлович Краснитский, директор заповедника¹, прислал своего водителя, чтобы отвезти Киру Семеновну к поезду «Соловей». Время ехать. Кира Семеновна не любит проявления чувств при посторонних и прощается со своим отрядом на террасе. Выходим к машине. Собирается кто-то из сотрудников заповедника. Приходит сам Алексей Михайлович – проводить. Чемоданы уложены, письма переданы. Алексей Михайлович жмет руку, желает счастливого пути, и «Волга», ведомая уверенной рукой Пальчикова, устремляется по березовой аллее к Симферопольскому шоссе... На моей памяти из приезжающих в заповедник только Генриетта Исааковна Дохман удостаивалась такого внимания директора. А в воздухе неуловимо витает что-то такое, что можно определить одним словом – УВАЖЕНИЕ...

Кира Семеновна Ходашова родилась в Москве 12 июля 1922 г. Многое в ее характере становится ясным из биографии родителей. Отец Семен Николаевич происходил из прасолов². Он учился на инженера путейца в Харькове. Открывалась прекрасная перспектива, но в 1905 г. его, студента 3-го курса, подхватил вихрь революции, и это имело печальные последствия – арест, тюрьму, ссылку на поселение в Восточную Сибирь. В эпоху интенсивного железнодорожного строительства специалист путеец оказался востребованным даже на поселении – его привлекли к изысканиям и прокладке трассы Байкало-Амурской магистрали (дореволюционный вариант). Но беспокойная натура Семена Николаевича не давала сидеть на месте, и он подготовил побег с детальным планом, сменными лошадьми, переодеваниями и поддельными паспортами. В последний момент от побега при-

После защиты диссертации,
1950-е годы.

¹ Центрально-Черноземный государственный заповедник (ЦЧГЗ), на центральной усадьбе которого базировался Курский стационар Института географии.

² Оптовый скупщик скота, мяса, рыбы для розничной продажи.

Обсуждение маршрута, слева Р.И. Злотин.

шлось отказаться, потому что он мог тем самым подставить под удар своего товарища поручителя – начальника строительства, а российский инженер такого позволить себе не мог. После революции 1917 года Семен Николаевич освободился и поехал в Москву, где услышал Ленина, выступавшего перед толпой с балкона. Тот его совершенно разочаровал, и он, бросив политику, устроился на работу на вагоноремонтный завод. Там он познакомился с Лидией Федоровной – будущей мамой Кирьи Семеновны. Лидия Федоровна происходила из смешанной польско-немецкой семьи. Отец ее был немец, работавший управляющим фабрикой в Москве. Она окончила Институт иностранных языков и работала преподавателем в разных вузах. В 1921 году вышла замуж за Семена Николаевича. Отец Кирьи Семеновны с годами не утратил либерализма и в бытность свою на заводе «Калибр» в конце 30-х на общем собрании как-то выступил с заявлением, что нельзя, мол, заниматься охотой на ведьм и видеть во всех врагов и вредителей, есть среди нас и честные люди. Его друзья посоветовали ему немедленно уволиться и «залечь на дно», что ему и пришлось сделать, устроившись в какую-то инвалидную артель. Вскоре эта артель под его руководством вышла в передовые.

В школе Кира Семеновна была ученицей прилежной, о чем свидетельствует золотая медаль. Никакого особого интереса к биологии она пока не проявляла, и твердо решила после окончания школы поступить в военно-морское училище. Морская романтика была в моде. Но Лидия Федоровна отговорила ее, внушив, что девице больше пристало в университете учиться, а не на флоте служить. Кира Семеновна совету вняла и поступила в Московский университет на биологический факультет. Долго учиться не пришлось, т.к. летом 1941 г. отца с семьей эвакуировали на Урал в

Свердловск. Здесь в это время разместился Центральный Институт эпидемиологии и микробиологии (впоследствии им. Гамалеи). В январе 1942 г. Кира Семеновна устроилась на работу в лабораторию по производству противостолбнячной сыворотки при Институте. Здесь и началось знакомство с практической биологией и это увлекло ее – она твердо решила стать микробиологом. В 1943 г. семья вернулась в Москву и Кира Семеновна восстановилась в университете. Ее учителем и наставником стал А.Н. Формозов. Все свидетельствуют о том, что ученики Александра Николаевича всегда сохраняли с ним духовную связь – таково было обаяние его личности и интеллекта. Кира Семеновна не была исключением. Начались полевые факультетские практики. За годы войны ее поколение много пережило и переосмыслило. Многие вещи стали видеться по-иному. Киру Семеновну теперь манила работа в экспедициях. Полгода общения с природой и свободы от Москвы с ее собраниями, промыванием мозгов, митингами и постоянными кампаниями по борьбе – это, конечно, дорого стоило. Полевая зоология стала ее постоянным увлечением. После окончания университета в 1946 г. Кира Семеновна и Римма Петровна Зимина пришли по приглашению А.Н. Формозова в Институт географии во вновь созданный им отдел биогеографии. Они стали первыми сотрудниками нового отдела.

Безусловно, Александр Николаевич Формозовоказал огромное влияние на становление Кирьи Семеновны какченого. Впрочем, то же самое можно сказать и об остальных его учениках. Он сразу подключил новых сотрудников к подготовке глав в монографии «География СССР» и других книгах. Расширялась тематика отдела и география работ. Кира Семеновна работает в Комплексной научной экспедиции по вопросам полезащитного лесоразведения. Вместе с А.Г. Вороновым и В.В. Кучеруком изучает природные очаги чумы в Поволжье. Работает на Джаныбекском стационаре. Постепенно набирается практический опыт работы в поле. О.Н. Шубникова рассказывала, что как-то во время экспедиции в Якутию они с Кирой Семеновной остались в лагере и должны были приготовить обед. Так как спички промокли, они долго пытались зажечь костер, стреляя из ружья в сложенную кучку сфагnuma. На выстрелы пришел Л.Г. Динесман и сказал все, что он думает об их умственных способностях. Но в конце концов обед был готов.

В 1949 г. Кира Семеновна защищает кандидатскую диссертацию «Жизненные формы грызунов равнинного Казахстана и основные закономерности их географического распространения».

В 1951 г. она вышла замуж за Льва Георгиевича Динесмана, известного зоолога. В 1956 году у них родилась дочь Маша³. Со Львом Георгиевичем она пишет несколько статей о влиянии грызунов на степное лесоразведение и об их средообразующей роли. Как ученица А.Н. Формозова она вносит в биогеографические исследования экологический аспект. В сферу ее интересов входят географический анализ экологических форм животных, их адаптаций к среде обитания, средообразующая роль животных и ее географические особенности, влияние растительноядных животных, в первую очередь грызунов, на растительный покров, роль животных в биологическом круговороте, географические аспекты организации зональных экосистем. Кира Семеновна была одним из инициаторов работ на стационарах. При ее непосредственном участии на-

³Автор искренне благодарен Марии Львовне Ходашевой за помощь в составлении этого очерка

С зоологом В.И. Елисеевой (слева) в Центрально-Черноземном заповеднике, 1976 г.

чались многолетние комплексные работы Института в Центрально-Черноземном государственном заповеднике и были заложены зоологические профили в дубраве и степи. В этом заповеднике началось ее многолетнее творческое сотрудничество с Р.И. Злотиным. Совместная их работа имела результатом интересную книгу «Роль животных в биологическом круговороте лесостепных экосистем», вышедшую в 1974 году и переведенную на английский язык. Круг интересов Киры Семеновны был широк. Было опубликовано много работ по смежным проблемам в соавторстве с сотрудниками других отделов института – И.П. Герасимовым, А.М. Грином, А.В. Дроздовым, А.Д. Армандом, Е.К. Дайнеко.

На стационаре вокруг Киры Семеновны сложилось дружное сообщество коллег, причем отнюдь не только зоологов. Этот круг друзей с годами расширялся. Зоологическая терраса поочередно становилась и лабораторией, и столовой, и клубом, и банкетным залом. Свет на террасе горел допоздна, а в праздники и дни рождения и до утра. Атмосфера была легкая и дружеская. В большом ходу были розыгрыши, иногда изощренные, жертвой которых мог стать любой зашедший на террасу.

Впервые я встретил Кири Семеновну в Институте в 1971 г., когда мы с И.В. Грузновой пришли устраиваться на работу на лето в зоологический отряд. Кири Семеновна показалась мне особой суховатой и даже несколько надменной. Она, как мне показалось, холодно взглянула из-под очков и стала расспрашивать нас об учебе и наших прежних практиках. Про себя я подумал: «Ну, эта даст нам жизни в поле. Может, пока не поздно поискать что-то другое. Анатолий Георгиевич (Воронов) поможет». Но первое впечатление быстро прошло, и за внешней суховатостью я увидел доброту, искренний интерес к тебе и желание помочь. Кири Семеновна

любила молодежь, опекала ее, стараясь делать это незаметно. Она всячески способствовала нашему продвижению и искренне радовалась нашим первым успехам. Конечно, мы многим обязаны ей.

Кира Семеновна многое унаследовала от родителей, от века минувшего, благородного... Она следовала традициям старой Академии. В вопросах принципиальных не знала компромиссов, при этом сохраняя такт и деликатность. На собрания и Ученых советах говорила то, что считала правильным. И всегда уважала чужое мнение. На заседаниях отдела она вместе с Юрием Андреевичем Исаковым всегда побуждала выступать молодых сотрудников, приучая их к дискуссии. Сотрудники Курского стационара и заповедника всегда очень тепло относились к Кире Семеновне, что не удивительно при ее характере, и она платила им тем же. Директор Алексей Михайлович Краснитский выражал неизменное уважение и даже присыпал мед с собственной пасеки.

Но самые близкие отношения у нее сложились с местным зоологом Валентиной Ивановной Елисеевой. Они вместе закладывали профили в 1964 году, на которых стали проводиться ежегодные учеты. Все годы работы в заповеднике они тесно сотрудничали. После ухода Кирьи Семеновны на пенсию сотрудничество продолжалось, и в 1992 г. уже после смерти Кирьи Семеновны, вышла их совместная книга «Землеройки в экосистемах Центральной лесостепи Русской равнины».

Работать в поле с ней было удивительно легко. Непрятязательность, большой экспедиционный опыт и легкий характер делали ее прекрасным старшим товарищем. Студентов и школьников, работавших у нас в отряде, она неизменно опекала. Годы работы с ней в заповеднике были для нас прекрасной школой – и научной, и человеческой.

Кира Семеновна очень тяжело переживала неожиданное и нелепое увольнение в 1973 году А.Н.Формозова, человека, столько сделавшего для Института. Для всех это было полной неожиданностью, а ее просто потрясло. Тогда я первый и последний раз в жизни видел ее курящей. Сигарету она держала неумело, как школьница, и, едва сдерживая слезы, что-то говорила Р.И. Злотину.

В середине и конце 1970-х гг. наш отряд несколько лет работал в Ворошиловградской области на землях Деркульского конного завода. Кира Семеновна всегда и везде легко находила язык с местными жителями. В ее характере сочетались искренний интерес, доброжелательность и уважение к людям. А здесь еще, очевидно, вспомнились украинские корни. Все принимали ее за свою. Она даже платок повязывала по-местному и говорить стала на полуукраинском. А местные обращались к ней – «Кира Сэмэнна» или просто «Сэмэнна». Работая на пастбищах, мы познакомились и подружились с табунщиками – те иногда собравшись вокруг нас с интересом наблюдали, как взрослые, с виду нормальные люди ножницами стригут траву, копают ямы и выбирают жуков и червяков из земли. Иногда делали комментарии в народных выражениях. Славные были ребята. Самое интересное начиналось вечером, когда они сбивали лошадей в табун и гнали домой. Кони всегда восхищали Киру Семеновну, а здесь паслись прекрасные животные чистокровной и украинской верховой пород. Было чем залюбоваться.

Нужно сказать, что Кира Семеновна очень тонко чувствовала и понимала красоту природы, ее эстетику. Однажды, во время работы в том же Деркуле, мы шли по

дороге вдоль степной балки. Она показала рукой на заходящее солнце. Вдруг закатные лучи под каким-то особым углом упали на степь и та вся загорелась. Пронизанные лучами заходящего солнца медные волны ковыля катились под ветром из края в край, и в этих волнах вспыхивали фиолетовые огоньки цветущего шалфея. Ни души вокруг. Ощущение времени пропало. Казалось, что сейчас из-за горизонта появится табун тарпанов. Картина от начала мира... Долго проработав в лесостепи, Кира Семеновна удивительным образом научилась улавливать ее настроение. Она говорила, что в лесу хорошо быть утром, а в степи вечером – настроение особое. Спустя какое-то время я и сам в этом убедился.

В последние годы все больше давала себя чувствовать надвигающаяся болезнь. И хотя Кира Семеновна вида не подавала – даже в последних поездках она садилась в кузов ГАЗ-66, а не в кабину (лучше видно) – ездить в поле становилось все тяжелее. У нее были повышенные требования к себе, и она высоко держала планку. Когда выезды в поле сократились, Кира Семеновна стала говорить, что переаттестовываться ей нечем (хотя материала было в избытке) и что пора уходить. К этому времени подошла очередная волна сокращений, и под вопросом могло оказаться положение некоторых из вновь принятых сотрудников. К тому же атмосфера в Институте и в отделе стала меняться. Всего этого Кира Семеновна, конечно, терпеть не могла и весной 1980 г. подала заявление об уходе. Для нас это стало неожиданностью. После стольких лет работы расставаться было тяжело. Но уйдя на пенсию, Кира Семеновна продолжала активно работать – нужно было опубликовать накопленный материал. В 1992 году вышла ее последняя, совместная с В.И. Елисеевой книга о землеройках.

....Черная «Волга» свернула на шоссе и понеслась в сторону города. Стало немного грустно, как всегда бывает при расставании. Все стали расходиться. Алексей Михайлович отправился в контору, а мы на террасу – кто собираясь на площадки, кто загружать термостаты. А в термостатах сушились пробы с этикетками «Деркул выпас», «Деркул богар», «Деркул степная балка». И снова вспомнились закатное солнце, катящиеся под ветром медные волны ковыля и табуны гнедых коней, которых так любила Кира Семеновна...

O.H. Яницкий

*Николай Федорович Яницкий
(1891–1979)*

Экономикогеограф, д.г.н. (1955), профессор (1956).
В Институте в 1932–1963 гг.,
зав. отделом географии стран народной демократии (1950–1957)

Родился Н.Ф. в г. Староконстантинове в Украине, в семье военного, а затем земского врача Федора Феодосьевича и Елизаветы Львовны Яницких.

Н.Ф. Яницкий окончил историко-филологический факультет Императорского университета Св. Владимира в Киеве. В 1918–1920 гг. преподавал в Таврическом университете (г. Симферополь). По возвращении в Москву в 1921–1931 гг. – директор Государственной центральной книжной палаты РСФСР, организатор библиографических съездов РСФСР. Разоренные двумя войнами многие библиотеки возродились или вообще возникли благодаря его усилиям и усилиям его коллег.

Перейдя в 1932 г. в Институт географии АН СССР, отец в предвоенные годы провел несколько полевых сезонов в Казахстане, составляя карту полезных ископаемых этой республики, подготовив обширную монографию по теме (ее публикации помешала война). Работал также в СОПСе и обществе Знание, читал лекции «Политическая карта мира». По окончании войны, в 1948 г. он был послан Институтом в длительную командировку в Болгарию, Югославию, Венгрию и Румынию. Экономической географией он занимался в течение долгих лет, но по не зависящим от него политическим причинам, результаты его совместных с румынскими учеными полевых исследований были опубликованы лишь в 1974 г. только на румынском языке.

В течение почти 15 лет Яницкий заведовал отделом стран народной демократии, и вплоть до выхода на пенсию в 1963 г. занимался проблемами экономической и политической географии стран Восточной Европы (подробнее его биографию и историю семьи см. в моей книге «Семейная хроника»¹). Одна из последних его печатных работ была посвящена geopolитике.

Думаю, что интерес к географии, только исторической, был у отца не случаен. Вскорости после поступления в университет отец стал членом, а позже – ученым секретарем студенческого историко-этнографического кружка при университете Св. Владимира (Киев) под руководством видного киевского историка и этнографа, профессора Митрофана Викторовича Довнар-Запольского (1867–1934). Идея создания кружка была выдвинута Довнар-Запольским еще в 1902 г., затем был разработан его устав, который был утвержден Министром народного просвещения в сентябре 1903 г. Учредителями кружка был сам профессор, преподаватели и студенты. Всего за 10 лет состоялось 64 его заседания, причем если в первые годы существова-

Студент Императорского университета Св. Владимира в Киеве.

¹ Яницкий О.Н. Семейная хроника. 1852–2002 гг. М.: Издательство LVS. 2002.

На даче, Николина гора, 1958 г.

одические издания того времени, например, многотомную «Русскую историческую библиотеку», но также и местные источники, скажем, «Известия Архангельского общества изучения Русского Севера». Однако занимались студенты не одной только академической работой. Под патронатом Московского Археологического общества они выезжали на полевые работы (раскопки) в Тульскую и Порольскую губернии, работали в архивах городов Петербурга, Москвы и Екатеринослава. Под руководством Довнар-Запольского в 1910–1911 гг. были осуществлены экскурсии в Москву «для обозрения исторических памятников и для знакомства с архивами, а летом 1911 г. – в Новгород на XV Археологический съезд». Студенты периодически выезжали на раскопки, работали в государственных архивах, в частности, в Московском главном архиве министерства иностранных дел – архиве чрезвычайно обширном, хранившем бесценные документы по истории отдельных российских городов, в Архиве министерства юстиции, Киевском центральном архиве.

Члены кружка широко пользовались изданиями местных обществ Любителей Древности и общественных библиотек, как, например, библиотекой Общества истории и древностей в Риге, а также собственным архивом библиотеки университета Св. Владимира. В 1911 г. при кружке был основан собственный археологический

вания кружка проводилось по 4–5 заседаний в течение учебного года, то в 1911–1912 гг. их было уже по 17–19 в год. Выступали с докладами, речами и сообщениями как маститые учёные, так и преподаватели и студенты. Поначалу кружок посещали студенты и преподаватели разных факультетов, включая естественнонаучные, однако постепенно тематика суживалась, и к 10-летнему юбилею это был уже вполне профессиональный исторический кружок. Я пишу об этом столь подробно, потому что, как мне представляется, и до сих пор мы во многих областях своей педагогической практики не достигли того теоретического и методического уровня анализа первичного материала, которым владели русские студенты 100 лет назад.

В своей работе члены кружка широко использовали пери-

музей, поддерживаемый частными пожертвованиями, в том числе от членов кружка. Всего за годы существования кружка в нем активно работало более ста студентов и преподавателей, многие из которых стали позже видными российскими историками – В.М. Базилевич, А.М. Гневушев, Б.Г. Курц, П.П. Смирнов и другие. Замечу, что члены кружка не только учились и изучали, но и вполне профессионально относились к собственной деятельности. Фиксировалось членство кружка, велись протоколы заседаний, собирался его архив.

Тематика докладов, рефератов и сообщений была очень широкой: от вопросов философии и социологии Г. Спенсера, бытовых и философских основ славянофильства до истории научных студенческих кружков в русских университетах; от рефератов научных новинок до биографических портретов их авторов; от отчетов о летних командировках в архивы столиц и полевых сезонах в уездных городах до проблем экономической истории и исторической географии; от рецензий на текущую историческую и экономическую периодику до анализа взглядов на предмет и метод исторического исследования. Колossalное значение придавалось источниковедению, в частности, оценивались описания путешествий по России как исторический источник, анализировалась степень достоверности писцовых книг, изучались подворные переписи, исследовались возможности статистических методов в историческом исследовании и даже методологические приемы при разработке цифрового исторического материала.

Работы членов Кружка помимо упомянутых сборников периодически публиковались в виде статей в журналах и отдельных брошюрах. Например, в журнале «Университетские известия» за 1904 г. вышли три статьи А.М. Гневушева «Политико-экономические взгляды гр. Н.С. Мордвинова», а в 1910–1912 гг. – целая серия статей того же автора под общим названием «Сельское население Новгородской области по писцовым книгам 1495–1505 гг.». В сборниках кружка публиковались даже отчеты о летней практике (работа в архивах, на раскопках). Замечу, что на рубеже XIX—XX вв. была хорошо развита социальная статистика, особенно земская, которой студенты-историки постоянно пользовались.

Первое свое исследование по русской истории отец опубликовал в 1912 г., когда ему было 20 лет. К десятилетию работы кружка, в 1914 г., был выпущен «Юбилейный сборник статей» членов кружка², где отец (тогда его секретарь) опубликовал отчет о десятилетней деятельности кружка. В том же году были опубликованы первые небольшие историко-географические изыскания отца. Также публиковались отдельными оттисками отчеты о летних занятиях студентов, предварительно читанных на заседаниях кружка³.

В 1915 г. в качестве одного из сборников кружка была опубликована монография отца, целиком основанная на архивных изысканиях⁴. Монография была удос-

² Юбилейный сборник историко-этнографического кружка при университете Св. Владимира. Киев: Типография 2-й артели. 1914. 332 с.

³ Отчет о занятиях в Московских архивах летом 1912 и в октябре 1913 гг. члена кружка студента Н. Ф. Яницкого. Киев. 1915. 5 с.

⁴ Яницкий Николай. Экономический кризис Новгородской области XVI века (по писцовым книгам). Киев, Типография Императорского ун-та Св. Владимира. 1915. 366 с.

тоена золотой университетской медали. Это печатный труд объемом 366 с. (более 25 авт. листов!) с литературой более ста наименований и обширными комментариями и пояснениями. Более половины книги составляли «Приложения», то есть извлечения из первоисточников, коими для изучаемого периода были писцовые книги (переписи). К сожалению, по техническим причинам воспроизвести в данной публикации «Приложения» не удалось. Студент-дипломник Николай Яницкий посвятил значительную часть этой работы обоснованию и описанию отбираемых источников и методике работы над ними. Это было довольно серьезное для того времени исследование социально-экономического и демографического кризиса данного региона. Если учесть, что в работе большой раздел был посвящен причинам и мотивам миграции, то можно считать, что это была работа по социальной географии (так ее оценивают и современные историки). Судя по другим студенческим публикациям отца, он под руководством М.В. Довнар-Запольского в течение всех университетских лет углублял и развивал одну тему. В апреле 1920 г. отец прочитал несколько лекций на историко-филологическом факультете Таврического университета (г. Симферополь). Две из них – «Служилое землевладение в московском государстве» и «Южнорусские степи и колонизационное движение в северо-восточную Русь XII века» – я воспроизвел в упомянутой выше книге по рукописи, хранящейся в семейном архиве.

Хотя волею политических обстоятельств начала 20-х гг. отец из историка Руси XII–XVI веков превратился в организатора библиотечного дела в стране, а позже в специалиста по экономической и политической географии СССР и стран Восточной Европы, он никогда не терял интереса к исторической географии и geopolitike в широком смысле этого слова. Более того, комплектуя новые советские библиотеки, собирая и обучая специалистов библиотечного дела, организуя съезды библиографов (не правда ли, непривычны все эти слова для наших ушей сегодня?) отец много ездил по стране и хорошо изучил ее культурную географию и новейшую историю. В итоге список его научных работ составляет 72 названия, научно-организационных – 20, мемуарных – 8. Многие из них переведены на европейские языки.

В становлении отца, как и многих других научных работников, огромную роль играла интеллектуальная среда. Еще с дореволюционных времен отец с матерью обосновались в районе Арбата (Старого Арбата как он теперь называется), где жила российская интеллигенция. Отец был не слишком общительным человеком, но все же круг его ближайших коллег по профессии был достаточно обширен: П.М. Алампиев, Д.Л. Арманд, Л.А. Валесян, А.Г. Доскач, Л.Я. Зиман, М.М. Жирмунский, В.И. Рабинович, специалист по исторической географии Яцунский, известный исследователь-востоковед Е.К. Бетгер.

Второй, не менее важный круг состоял из родных, друзей и ближайших знакомых. Это были, прежде всего, врач А.З. и геофизик А.Г. Калашниковой, в круг которых входили многие потом получившие известность ученыe, как, например, акад. П.Л. Капица. Затем инженер Б.П. Зепалов (его гимназический друг и полиглот), муж и жена Д.П. и В.М. Демуцкие (он – известный киевский кинооператор, а оба они – давние киевские друзья отца и матери, с которыми они потом встречались в Ташкенте, где те отбывали ссылку), семья Ф.Ф. Федоровского, известного геолога

(тоже репрессированного), и семья Б.Б. Когана кремлевского врача, фамилия также известная по печальному «делу врачей» (1952–53 гг.). Отец, как выяснилось совсем недавно, долгое время помогал материально еще одной семье репрессированных – Ратнер-Стоговых, дочь которых Л.И. Стогова (ум. в 2009 г.) прошла всю войну военным врачом.

Я уже не говорю о дружбе с акад. О.Ю. Шмидтом и его семьей, которая, начавшись со школьной скамьи, продолжалась всю жизнь и во многом определила судьбу моего отца. Поскольку круг Шмидта был очень обширен и потому, что между мною и моей сестрой Ириной было 16 лет разницы, а моим двоюродным братом и мною 13 лет, этот круг интересных людей состоял из трех поколений и одновременно входил в обширный круг большой семьи Шмидтов-Яницких – например, исследователь Севера и ближайший соратник Шмидта Г.А. Ушаков, пианистка Нина Отто, певица Наталья Петровна Рождественская, композитор и музыковед Александр Юрьевский, пианист А. Ю. Беленький.

В конце жизни, уже выйдя на пенсию, отец занялся восстановлением и написанием истории своей семьи. Как социолог, могу сказать, что это – наиболее ценный (и всегда ценный) документальный материал о том, как развивалось и что потеряло наше общество в XX веке. К сожалению, не все архивы были тогда еще доступны, и поэтому отец довольствовался своим собственным семейным архивом, который каким-то чудом уцелел, несмотря на войны и репрессии. К сожалению, очень ценные документы и предметы отец отдал в государственные архивы, особенно много в Музей истории медицины в Латвии. Их концы или хотя бы копии я получить уже не смог. Кое-что мне удалось добавить и уточнить в уже упоминавшейся моей книге «Семейная хроника. 1852–2002 гг.».

Они рано ушли от нас

От редактора-составителя..

Несколько очерков посвящены коллегам, рано сраженным болезнями, нередко приобретенными в экспедициях. Или погибшим в результате несчастного случая, в том числе в поле, как это три с половиной года назад случилось с М.Г. Кунаховичем. Эти очерки не планировались заранее, они постепенно появлялись по инициативе их авторов. Всем героям очерков довелось прожить меньше 60 лет, большинству – существенно меньше. Именно это обстоятельство явилось причиной выделения их в отдельную и, конечно же, неполную группу. Но я считал нужным подчеркнуть их ранний уход из нашего сообщества как явление, отчасти специфичное для нашей профессии.

А.Д. Арманд

Михаил Александрович Ведюшкин (1953–1994)

к.ф-м.н. В Институте в 1979–1985 гг.

М.А. Ведюшкин.

Михаил Александрович пришел в Институт географии после окончания механико-математического факультета МГУ. Его увлекла проблема математического моделирования природных процессов, получившая в то время широкое распространение. После углубленного знакомства со спецификой тем, разрабатываемых физической географией, он остановил свое внимание на проблеме евтрофирования водоемов. По этой теме был накоплен богатый материал наблюдений, собранный группой лимнологов под руководством Т.Н. Попковской. Группа в течение ряда лет вела исследования, в частности, на Валдайском озере. Добавив к этой информации дополнительные сведения, полученные из литературных источников, Ведюшкин построил модель озерной системы, подвергающейся евтрофным преобразованиям. Модель включала около 40 переменных. Управляющими переменными были потоки био-

На Таймыре, 1983 г.. М.А. Ведюшкин в центре, справа Г.В. Кушнарева.

генных веществ, азота и фосфора, поступающих с озерного водосбора. Остальные переменные различным образом откликались на пресс биогенов.

Эта тема логично привела М.А. Ведюшкина к более широкому классу явлений, к ландшафтным системам со свойствами переключателей – триггеров. Тема стала предметом его кандидатской диссертации. Брошюра «Триггерные геосистемы», написанная в соавторстве с А.Д. Армандом, стала отправной точкой для дальнейшего развития соответствующих исследований, включенных в тематику Института географии.

М.А. Ведюшкин принял участие в работах по геосистемному мониторингу, в том числе в роли начальника полевого отряда.

Внезапная смерть прервала участие Ведюшкина в теме «Анатомия кризисов».

А.Д. Арманд

Елена Викторовна Козлова (1955–2001)

В Институте в 1976–2001 гг.

Елена Викторовна Козлова (Калошина) была принята в Институт географии в период подготовки к XIV Международному географическому конгрессу в 1976 году. Она участвовала в работе оргкомитета конгресса, а в дальнейшем работала в составе коллектива, занимающегося разработкой норм экологических нагрузок, в отделе физической географии и геофизики ландшафта. Предконгрессный опыт помог ей почти единолично организовать (в роли ученого секретаря оргкомитета) Всесоюзное совещание по устойчивости геосистем в Минске. В коллективную монографию по теме устойчивости Е.В. написала одну из глав. Последующая научная деятельность Е.В. Козловой была связана с темой кризисов в природе и обществе. Она взяла на себя освещение непростой темы кризисных явлений в истории человеческих культур, вошедшей в виде одной из глав в книгу «Анатомия кризисов».

Е.В. Козлова успела принять участие в экспедиции в Архангельскую область, посвященную безопасности тепловой атомной станции в г. Архангельске. Болезнь и трагическая ранняя смерть, связанная с ядерной катастрофой на комбинате «Маяк» на Среднем Урале (место ее рождения), не дали ей продолжить работу на пользу географии.

E.V. Козлова.

М.П. Кузнецов

Михаил Геннадьевич Кунахович (1960–2007)

Гляциолог, к.г.н. (1991).

В Институте в 1983–2007, с перерывом в связи со службой в армии

Незаменимый человек

М.Г. Кунахович.

Так получилось, что нас с Мишой многое связало совершенно загадочным образом. Мы оба в одно и то же время оказались на кафедре криолитологии и гляциологии и, с удивлением, на учебной практике после второго курса в Залийском Алатау, обнаружили, что родились в один день и один год, и наше первое совместное празднование дня рождения произошло там, в Казахстане. В дальнейшем мы часто вместе отмечали эту дату, когда находились в Москве. В один и тот же год мы женились, и в один и тот же год родились наши сыновья, с разницей чуть меньше месяца, потом они одновременно пошли в один и тот же класс одной и той же школы. Этой череде удивительных совпадений мы оба придавали мало значения.

Время летело быстро, и многое стремительно менялось в нашей жизни, но время имеет странную особенность изменять свою скорость и даже останавливаться. Такая остановка произошло, когда я узнал о Мшиной гибели на Эльбрусе. Была сначала небольшая надежда, но потом все развеялось и стало ясно, что, перефразируя строчку известной песни «Он сердце оставил в Кавказских горах». Не будет кощунственным сказать: это был красивый уход, – в тот редкий момент, когда природная стихия практически не оставляет шансов человеку на выживание, даже такому сильному, выносливому и опытному, каким был Миша. Так уходят настоящие и сильные люди, профессионалы своего тяжелого и опасного дела. На память приходит много таких случаев и один из них – это гибель в снежной лавине «лавинщика» от бога Нуриса Урумбаева на склонах того же коварного Эльбруса.

Несмотря на нашу развитую цивилизацию с современными средствами безопасности, хорошим оборудованием и снаряжением, мобильной связью – профессия гляциолога остается крайне опасной профессией. И, как в прошлых веках полярники, гляциологи, альпинисты и первопроходцы рисковали своей жизнью в своих откровенно опасных путешествиях, так и сегодня они входят в группу повышенного риска.

Миша сознательно выбрал гляциологию. Поступив после школы в инженерный вуз, он быстро понял, что это не его дело и, не проучившись и года, бросил его и поступил в Московский университет на географический факультет. До конца своих дней он и не думал менять свой выбор, работая в отделе гляциологии и оставаясь действующим гляциологом, в то время как многих коллег-друзей раскидало по разным углам в непростые 90-е годы. Быстро защитил кандидатскую диссертацию (она была удивительной и великолепной – всего 37 с.), много работал в разных экспедициях, писал статьи и в последние годы приступил к написанию докторской диссертации, которую не успел завершить.

Меня всегда удивляла его способность легко и непринужденно делать одновременно много дел. Казалось, у него не двадцать четыре часа в сутках, а гораздо больше. Он успевал всюду и многие, кто его окружали, поражались этой его удивительной энергии и способности. «Человек – скорая помощь» так я однажды его охарактеризовал. Ему можно было позвонить в любое время, по любому вопросу и всегда была уверенность, что Миша придет на помощь, что на него можно положиться в любой ситуации. В Институте он был незаменимым и разносторонним человеком, великолепно владеющим компьютером с момента его появления. Он многим людям помогал налаживать программы, давал советы, бежал на помощь. Я хорошо помню, как не раз и не два обращался к нему с подобными просьбами, и он до поздней ночи мог сидеть и бороться с коварным компьютером, пока тот не сдавался. Мало кто знает, но Миша, помимо своей основной научной деятельности, многие годы готовил к печати институтский сборник «Материалы гляциологических исследований», выполняя огромный объем работы самостоятельно, включая верстку, макет и доведение этого издания до типографии, работая преимущественно ночами. Когда только он успевал спать?

В те же самые 90-е годы, когда надо было как-то существовать, чтобы прокормить семьи, мы с ним не раз и не два брались за всякие разные подработки, которые были совсем далеки от нашей основной специальности. Занимались деревянным строительством в качестве плотников, клали печки и камины, мыли окна и верстали на компьютере разные печатные издания. Потом строили и обустраивали дом и баню в Тверской области, где в то время собиралась большая компания географов.

Мне всего два раза удалось работать с Мишой в гляциологических экспедициях, последний раз в 1997 году на Земле Франца-Иосифа во время бурения ледникового купола по совместной российско-американской программе. Работа была непростая и довольно длительная. Базировалась экспедиция на Северной Земле, и вся заброска оборудования и снаряжения происходила вертолетами на сотни километров. Там я, зная Мишу, казалось бы досконально, в очередной раз был удивлен его талантами, разносторонними способностями и просто незаменимостью – по-другому сказать не могу, не дадут соврать и мои товарищи, которые были там. Сломался снегоход, и не было возможности доставить запасные части – Миша находит оригинальное решение и из консервной банки делает вентилятор, который потом служит нам верой и правдой. Сломался кожух сцепления – и из алюминиевой миски изготавливается новая деталь, которая также оказывается работоспособной. Перед нами там стояла важная задача: установить американскую автоматическую метеостанцию, которая должна была через спутник передавать погоду в метеорологический центр.

На Эльбрусе.

Нам досталась упаковка этой метеостанции с толстенной инструкцией на английском языке по ее установке и запуску в рабочее состояние. Американцев тогда не пустили в нашу Арктику, и подсказать было некому. Когда мы распаковали это оборудование, оказалось, что собрать эту установку и запустить ее программное обеспечение – задача практически невыполнимая. Мы целую неделю вдвоем с ним бились над ее реализацией (я в качестве подсобной рабочей силы) и метеостанция была собрана, установлена и … заработала, до сих пор не могу в это поверить. Вечером, когда все собирались на ужин в палатке, Миша приходил с ноутбуком и, пока все развлекали себя поглощением еды и напитков, долбил очередную программу для фиксирования процесса бурения и измерения параметров. Все это ему непостижимым образом удавалось. Уже сейчас, когда я пишу эти строчки, вспомнил еще одну не менее удивительную историю. Наш общий приятель, работавший в западной компании, специализирующейся по установке датчиков для газовой отрасли, обратился к Мише с просьбой наладить программное обеспечение для этого датчика. Не знаю уж, почему он обратился, видимо, от бессиля. Миша сказал ему, что попробует и, к своему собственному удивлению, справился с этой задачей. Другой раз ему удалось раскрыть программу для показа кино в совершенно невиданном в России формате.

Таких случаев можно вспомнить огромное множество: сломался компьютер – Миша, отказал автомобиль – опять Миша, надо срочно куда-то добраться, а у Миши в то время, у единственного из нас, была машина – опять Миша. И так до бесконечности.

Сегодня, когда прошло уже довольно много времени без Миши и уже можно посмотреть на него как бы со стороны, я затрудняюсь сказать, кем был Миша. Другом –

да, отличным человеком – безусловно, душой любой компании – конечно, талантливым человеком, ученым, разносторонней личностью – не сомневаюсь. И все же – главное, что он был незаменимым человеком для многих и многих, с кем ему пришлось пересекаться, даже случайно и ненадолго. Действительно редкое качество в наше время. Кто-то как-то в шутку назвал его Гуманистом с большой буквы, и сейчас я думаю, что это может быть самое точное выражение его сущности

И.В. Канцеровская, Г.А. Приваловская, Т.Г. Рунова

*Алексей Александрович Минц
(1929–1973)*

Экономикогеограф, д.г.н. (1969), профессор (1971).
В Институте в 1952–1973 гг.,
зав. отделом экономической географии (1962–1973)

В конце декабря 1972 г. сотрудники отдела экономической географии возвращались троллейбусом в свой Институт после похорон на Донском кладбище Самуила Юльевича Геллера, замечательного человека. Разговор крутился вокруг событий, связанных с обстоятельствами ухода людей из жизни. В какой-то момент Алексей Александрович Минц, наш зав. отделом, коллега и товарищ, сказал, что вероятность гибели человека в авиакатастрофе ничтожно мала. И кто бы мог подумать, что эта ничтожно малая вероятность падет именно на него: через 50 дней – 19.02.1973 года он вместе с зам. директора ИГАН СССР Леонидом Федоровичем Куницыным, стал жертвой авиакатастрофы в пражском аэропорту.

В канун этого трагического дня близкие А.А. Минцу коллеги и друзья, пообедав в ресторане «Бухарест» по поводу предстоявшего его отъезда, распрощались и рассеялись кто куда: кто в сторону Большого Каменного моста, кто по Б. Ордынке в Институт или к ближайшей станции метро. Во время этого последнего прохода по Ордынке Алексей Александрович рассказывал, какую огромную роль в познании архитектуры Москвы сыграла его мама, архитектор по образованию и профессии, за неделю до этого ушедшая из жизни, и какое большое влияние она оказала на его общее развитие. Незадолго до гибели – 9 декабря 1972 года Алексею Александровичу исполнилось 43 года.

И теперь, когда мы, тогда сорокалетние, стали восьмидесяти – в лучшем случае, семидесятилетними, задаешься вопросом: каким же был

A.A. Минц.

Алексей Александрович, каким его воспринимали сокурсники, коллеги, товарищи? Многое по горячим следам было опубликовано в 1974 г. в предисловии академика И.П. Герасимова к книге «Ресурсы, среда, население», посвященной памяти А.А. Минца, в статьях «От редколлегии» и «Сорокалетние...» Ю.Г. Саушкина, возглавлявшего в те годы кафедру экономической географии СССР. В этой статье Ю.Г. Саушкин кратко, но очень емко изложил общую оценку научной деятельности А.А. Минца, отнеся его к наиболее ярким представителям «сорокалетних».

Попытки понять характер и профессиональную судьбу Алеши заставили вспомнить, что 50–60-е годы были годами противопоставления «физики – лирики». Алешин характер, выбор им специальности складывался во многом под влиянием этого противостояния и жизни в семье отца-академика Александра Львовича Минца – выдающегося физика. Т. Рунова как-то спросила Алексея Александровича, почему он выбрал при своих способностях такую достаточно «скромную» область науки как география. Его ответ был таков: «Я не хотел, чтобы мое профессиональное имя увязывалось с именами родителей (отца – физика, академика, мамы – архитектора), не хотел быть зависимым от их авторитета».

Мы, сотрудники, коллеги Алеши, были поражены неожиданным для нас впечатлением – недоуменной реакцией Александра Львовича Минца на огромный поток соболезнований географов из университетов и институтов многих стран мира после катастрофы в Праге. Он был страшно расстроен тем, что только потеря сына заставила его внимательно присмотреться к тому, чем же он занимался, что за стран-

Рассказчик – Алексей Александрович, среди слушателей В.М. Котляков (слева) и Р.С. Нарских (справа).

ная вещь современная география. Такая реакция на географию, воспринимаемую не как самостоятельная наука, а лишь как школьный предмет, была в те годы вполне обычной для ученых физиков. Когда после гибели Алеша мы бывали у Александра Львовича на Тверской, он часто и подробно расспрашивал нас о сути современных исследований в географии и об Алешином месте в этих работах и был просто обескуражен своим поздним открытием.

Алексей Александрович Минц проработал в ИГАНе всего 20 лет, с 23 до 43 лет, за первые десять он стал известным в стране и за рубежом ученым, за второе десятилетие создал практически новый отдел, возглавивший ряд передовых направлений нашей науки.

Сегодня представляется, что он – может быть, самый выдающийся экономико-географ в истории Института географии, сумевший за короткий срок в 10 лет, отпущеные ему судьбой, вывести наши исследования с узкого поля районоведения (что было основным в работе отдела) к поисковым работам широкого диапазона практически по всему кругу экономико-географических исследований. Своими новаторскими поисками он расширил само поле географии, тесно сомкнув его с изучением проблем взаимодействия общества и природы, социально-общественной и гуманитарной проблематикой. Это было инициировано им полвека назад, в начале 60-х гг., и привело к тому, что теперь и сама наша отрасль знаний получила название «общественная география». Думается, что Алексей Александрович полностью не успел раскрыть весь свой творческий потенциал.

Однако живой образ любого человека проявляется не только в успешной деятельности, но и в поступках, конкретных делах, во взаимоотношениях с коллегами того или иного масштаба и с отдельными людьми. Запомнилось многое, что сам Алексей Александрович рассказывал о себе. Он ни разу не прихвастнул своими успехами. Ни тем, что за весь срок обучения в МГУ он ни разу не получил оценки ниже пяти баллов (это неоднократно любил повторять его близкий друг В.А. Пуляркин). Ни тем, что после XXII Международного конгресса МГС в Лондоне он, будучи впервые в Англии, провел для советских участников экскурсию по стране. Ни тем, сколько и какую товарищескую помошь оказывал своим друзьям и коллегам, включая и авторов этих заметок. Для осознания личностных качеств Алексея Александровича были важными памятные встречи друзей и близких по духу коллег, которые ежегодно 19 февраля устраивала его жена – Зоя Ивановна Мартынова в течение 37 лет до самой своей смерти.

Раньше других, из ныне живущих, в отдел экономической географии СССР попала через аспирантуру Г.А. Приваловскую, два года спустя после распределения в ИГАН СССР А.А. Минца и его сокурсницы Д.А. Петряевой, зачисленных на должности м.н.с. без степени. Они были самыми молодыми сотрудниками отдела, тотчас же включенными зав. отделом С.Н. Рязанцевым (1956–1959) в авторский коллектив по подготовке самостоятельных глав ряда монографий, вошедших в известную «синюю серию» экономико-географических характеристик экономических районов и союзных республик СССР. Эта работа послужила катализатором проявления разных личных качеств сотрудников отдела. На общем фоне выделялась незаурядность А.А. Минца. Однажды он по-дружески, но вполне серьезно отчитал Г. Приваловскую за то, что она, подготовив и апробировав свою кандидатскую диссертацию и

выполнив только что принятую, видимо, в 1956 или 1957 гг. постановление о необходимости публикаций (была уже опубликована ее брошюра по теме диссертации, объемом 2,8 п.л.), не написала автореферат. До сих пор помнятся его слова: «Все аспиранты ждут выхода в свет своих публикаций, что зависит не от них, а Вы безответственно отнеслись к тому, что зависит непосредственно от Вас». В этом был весь Алеша – что зависит от тебя, должно быть выполнено вовремя и безукоризненно. А ведь он сам был еще м.н.с., защитивший диссертацию вне аспирантуры в установленный им самим срок (1956 г.) и уже имевший в списке своих работ несколько наименований.

Алексей Александрович был руководителем демократического, редкого в те годы, типа. Он мог найти общий язык с сотрудниками любого ранга, и это было для него совершенно естественно. Не «указание сверху», а разговор с глазу на глаз в виде беседы, как, пожалуй, основной способ выяснения позиций, мнений и, возможно, знаний и компетенций своих сотрудников.

Чтобы представить обстановку и стиль руководства отделом в это время, нужно вспомнить давнюю традицию собираться всем его составом (почти 30 человек) один раз в неделю в так называемый «присутственный день» в одной небольшой комнате. В случае необходимости подробного разговора о работе с кем-либо из сотрудников, Алексей Александрович приглашал пообедать в «Поплавке» – в этом случае обязательно настаивая, что за обед платит он сам. Обычно же мы обедали в «Поплавке» большой компанией «вскладчину», обсуждая проблемы и планы работы, предстоящих экспедиций. Алексей Александрович всегда с удовольствием участвовал в неофициальной жизни отдела, тогда довольно молодого по возрасту и мобильного, в том числе и в коллективных поездках, оплачиваемых месткомом за победу в межотдельских соревнованиях по итогам научно-исследовательской работы, в «субботниках», праздничных посиделках, во время которых много пели. Именно у нас работал Е.А. Страдомский – известный еще со времен университетской самодеятельности певец.

При этом Алексей Александрович очень жестко организовывал свою научную и «околонаучную» работу. Г. Приваловская, нередко встречая в Ленинской библиотеке Алексея Александровича, помнит о максимальной концентрации его внимания и мысли на лежащих перед ним на столе материалах. Никаких перекуров, чаепитий или кофе-брейков, никаких разговоров с коллегами: все это после 14–15 часов. Один раз в неделю, в дни новых поступлений литературы, сразу же ее просматривал и, как бы оправдываясь за свою пунктуальность, пояснял: ведь это гораздо быстрее и эффективнее, чем потом перебирать каталожные карточки.

И. Канцевская, принятая в 1966 г. в ИГАН после 12 лет работы в строгом дисциплинарном режиме проектных институтов, приходила на новую работу всегда точно вовремя. Алексей Александрович обычно уже сидел за своим столом, разбирая бумаги, отвечая на письма и т.д. На удивленный вопрос, почему он этим сам занимается, хотя в отделе много людей, которые могли бы это делать, ответил: «Ну что ты – пока попросишь, пока объяснишь, пока проверишь… нет, самому проще». Понятно, что в такой ситуации Т. Рунова с готовностью согласилась на предложение стать ученым секретарем отдела, так как видела, насколько он завален мелкими сугубо канцелярскими делами, и взялась помогать в решении «бумажных дел». По словам Татьяны Григорьевны, она до сих пор гордится отзывом А.А. о ее работе: «Наконец-то я понял, зачем нужен в отделе ученый секретарь». Получить его одобрение было очень приятно.

Алексей Александрович, став заведующим отделом экономической географии и определив новые направления конструктивных исследований, столкнулся с проблемой обновления кадров. Кардинальная смена научного направления работы отдела проходила с характерной для Алексея Александровича «мягкой решительностью» в 1966–1967 гг. на фоне сильного внутреннего сопротивления сотрудников старшего поколения отдела, привычно занимавшихся каждый своим «регионом». Всем предстояло сделать выбор: включиться в разработку фундаментальных проблем нового направления или менять профиль своей деятельности. Те сотрудники, которые не смогли принять новое, достаточно быстро нашли для себя другое место работы. Мы не помним трагических моментов в судьбах людей, связанных с этим научным разворотом.

Этот кардинальный поворот проходил через судьбы конкретных людей, бывших в период 50–60-х гг. действительно самыми крупными в стране специалистами районной географии. За их плечами стояло создание упомянутой «синей серии» – многотомной и наиболее полной до сих пор порайонной характеристики страны. Такой поворот не мог не привести к внутреннему конфликту в отделе и практически расколу его на приверженцев и противников новой линии. Столкнувшись с этой проблемой молодой, 33-летний и сугубо интеллигентный заведующий проявил такую твердость и вместе с тем такое умение повести за собой коллектив, что многие ученые – не только молодые, но и зрелые, имеющие в науке имя, поддержали новую тематику. Назовем И.В. Комара, М.И. Помуса, Е.Б. Лопатину, О.Р. Назаревского, М.И. Ростовцева. Яркий пример новых отношений представляет диалог А.А. Минца в качестве нового зав. отделом, изменяющего направление исследований, с одним из ведущих и очень уважаемых сотрудников отдела – д.г.н. Игорем Валериановичем Комаром. И.В. Комар поступил в аспирантуру ИГАНа в 1943 г., имея практический опыт работы в плановых органах Свердловской области и последующих исследованиях по формированию производственно-территориальной структуры Урала. Можно представить, сколько терпения, выдержки, такта и убедительности потребовалось молодому заведующему в выступлениях на заседаниях отдела и в личных беседах (включая совместную поездку в Париж на одну из географических конференций!), чтобы новая ресурсная тематика из «навязанной», как говорил сам И.В. Комар, превратилась в «его собственную тематику». Результатом этого исключительно плодотворного диалога стала фундаментальная монография И.В. Комара о ресурсных циклах.

По воспоминаниям И. Канцеровской, она начала работать в отделе, как раз в тот момент, когда его сотрудники каждую пятницу отчитывались в работе уже по новым темам. На нее (на новенького) это произвело незабываемое впечатление. Возникало ощущение, что некоторые из них не вполне понимали смысл сделанной ими работы. Отчет состоял из перечисления набора фактов, часто плохо увязанных между собой. После доклада Алексей Александрович тактично, но очень твердо и ясно объяснял суть исследования, его место в ряду других четко укладываемых элементов пазла нового направления. При этом ей «открывался» новый Минц, который помнился очень умным, но обычным для того времени студентом. В целом коллектив смог понять и принять научный смысл «конструктивной географии».

Алексей Александрович был незаурядным, исключительно порядочным, хорошо воспитанным и очень скромным человеком, с тонким чувством юмора на фоне общей

сдержанности и даже некоторой застенчивости. Думается, что все, кому доводилось в жизни сталкиваться с ним, согласились бы с таким представлением о его личности.

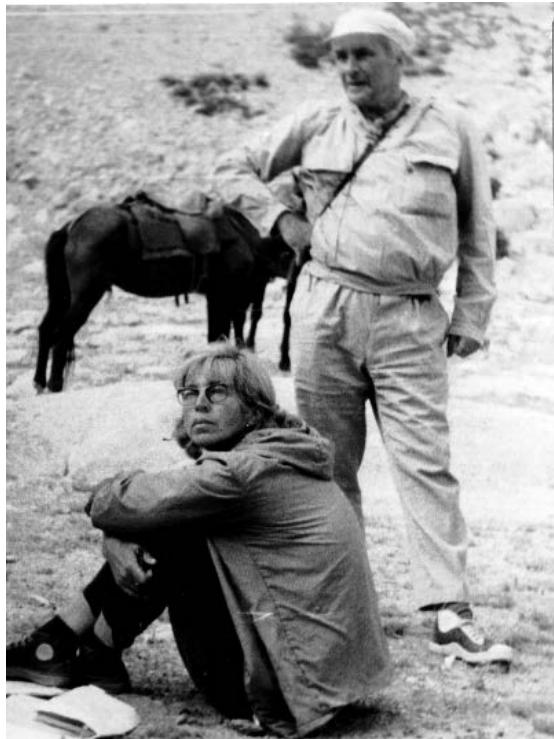
Эти человеческие качества в сочетании с хорошо организованным трудом сотрудников отдела и большим личным трудолюбием и активностью способствовали притяжению сотрудников отдела, особенно его молодой части, к Алексею Александровичу Минцу без каких-либо видимых стараний с его стороны.

Э.О. Фридленберг

Василий Михайлович Муратов (1932–1986)

*Геоморфолог, к.г.н.
В Институте в 1965–1986 гг.*

Родился Василий Михайлович в семье русских интеллигентов. Отец, Михаил Васильевич Муратов, был писателем. Его книги о декабристах, в том числе о Лунине, имели широкую известность. Мать, Юрьевич Татьяна Григорьевна, была заслуженным учителем СССР, редактором журнала «Литература в школе». До революции она была народоволкой, сотрудничала с Инесской Арманд. Дед – Г.Т. Мачтет – автор знаменитой песни «Замучен тяжкой неволей».

На Памире, 1970-е годы. Сидит И.М. Лебедева.

Еще в школьные годы Василий Михайлович принимал участие в экспедиционных геологических работах в качестве коллектора. После окончания школы поступил на географический факультет МГУ.

В студенческие годы сотрудничал с д.г-м.н. Б.Е. Хайним, у которого писал курсовые и дипломную работы. После окончания университета был оставлен на кафедре геоморфологии, а затем поступил в аспирантуру ИГАН СССР (научный руководитель – д.г.н. Н.В. Думитрашко), где занимался исследо-

ванием особенностей рельефа Западного Кавказа. В годы учёбы в аспирантуре широко интересовался философией, историей, этнографией, археологией и геологией Кавказа. Диссертацию написал в течение двух месяцев.

С 1964 г. (совместно с Э.О. Фридленберг) начал заниматься совершенно новой тематикой «Рыхлые отложения палеолитических пещер». География исследований была широка: исследовались пещеры Крыма, Западного и Центрального Кавказа, Дагестана, Молдавии, Урала. В результате была разработана методика исследования палеолитических пещер и пещерных отложений. Принимал участие в написании монографии «Динамика взаимодействия между естественной средой и доисторическими обществами» совместно с французами. Несколько раз выезжал за границу (Польша и Франция). Сотрудничал с институтом географии Грузинской АН, Пермским университетом.

В.М. работал по составлению геоморфологической карты Кубы. Трижды на длительный срок он выезжал на Кубу. Помимо плановой работы по геоморфологии, занимался там исследованием пещер и пещерных отложений.

В.М. хорошо и быстро писал. Его работы (их около 40) высоко оценивались коллегами и оппонентами. В свою очередь коллеги, особенно молодые, очень дорожили его мнением.

Работая на Кубе, в одной из пещер заразился грибковым заболеванием, которое поразило легкие, а затем и позвоночник, что и явилось причиной смерти.

Т.Г. Рунова

*Патрияна Ивановна Петрякова
(1940–1996)*

*Экономикогеограф.
В Институте в 1964–1996 гг.*

Среди молодежи отдела экономической географии СССР в 60–70-е годы (уже прошлого столетия) выделялась своей внешностью недавняя выпускница МГУ (1964 г.) Таня Петрякова – белокурая стройная девушка с классическими чертами лица. По нынешним временам она могла бы украшать обложки самых изысканных женских журналов.

Но наша Таня, которая вышла из интеллигентной академической семьи, была человеком совсем иного рода. Она была редкой скромницей и, казалось, прятала свою красоту, постоянно стараясь быть незаметной. Но не об этом речь. Таня запомнилась в отделе как одаренный, высоко эрудированный молодой ученый, она прекрасно ориентировалась во всехозвучных времена научных течениях, много времени проводила в библиотеках, знала все наши и зарубежные книжные новинки.

Т.И. Петрякова.

И все это позволяло ей активно, наряду с нашими «корифеями», участвовать во всех официальных (и не очень) обсуждениях, и высказывать свои, часто очень неожиданные суждения и давать оригинальные оценки. И в целом она была очень неординарным человеком, наделенным не только способностями и знаниями, но и каким-то своим взглядом на мир.

Вот эти ее особенности и разглядел в ней наш молодой талантливый заведующий А.А. Минц, в те годы перестраивавший научный профиль отдела. В части поисковых ресурсо-ведческих исследований наибольшую сложность представляли тогда (да и теперь, пожалуй, тоже) оценочные исследования территории как всеобщего многофункционального ресурса и ее использования. И необходимость такого поис-

ка увиделась в отделе уже 40 лет тому назад! Кто бы сказал, что эта тема не актуальна и поныне? И в качестве своего соавтора в разработке этой наименее сложной многослойной темы А.А. Минц взял не кого-то из маститых ученых, а именно Таню с ее эрудицией и своеобычным, непредвзятым взглядом на мир.

За немногие годы (к великому сожалению в начале 1973 г. А.А. Минц трагически погиб) им в соавторстве удалось сформировать свои основные представления об этой проблеме и опубликовать их в журнале «Изв. АН СССР. Сер. географическая», 1973, № 4. Затем Татьяна Ивановна Петрякова продолжила эти работы, в частности, поместила статью по проблематике изучения использования территории в сборнике «Ресурсы, среда, расселение» 1974 г., посвященном памяти А.А. Минца.

Эти статьи стали экономико-географической классикой, и кто бы ни начинал заниматься этой проблемой, обращаются к ним до сих пор как первоисточнику.

В последующие годы Тане пришлось заниматься и другими научными и организационными работами: она участвовала в изучении проблем развития Московского столичного региона, судьба которого уже в 70-е годы волновала коллектив отдела, пришлось поработать в оргкомитете Международного географического конгресса, выполнять несколько лет обязанности ученого секретаря отдела, выпускать сборники... В последние годы она работала помощником ученого секретаря докторской диссертационной Совета по экономической и социальной географии, помогала аспирантам и соискателям на последних и часто наиболее хлопотных этапах подготовки работы. Эти люди, сейчас уже известные ученые, вспоминают о ней с особой теплотой...

К большому сожалению, Татьяна Ивановна не относится к категории людей, легко и много пишущих. Возможно, это ее научная скромность, психологическая особенность, возможно, на ее пути, тогда еще совсем молодого ученого, не появился человек, подобный ее первому руководителю, способный направлять ее

интересы в продуктивное русло. Да и жизнь ее оказалась трагически короткой, оборвалась в 1996г. нелепой случайностью (автомобильная катастрофа).

В нашей памяти Таня сохранилась как необычайно заботливый и отзывчивый человек. Предметом этих забот в первую очередь была ее дочка, никогда не забывала она своих пожилых болезненных родственников, для которых была главной опорой. Для коллег по институту и друзей вне его стен у нее всегда находился добрый совет и прямая помощь, даже в ущерб себе, что было просто удивительно. Такая жертвенность свойственна далеко не всем. И мы все, кто знал Таню, помним этого светлого человека.

А.П. Стекленков

*Герман Николаевич Пшенин
(1935–1992)*

*Геоморфолог, к.г.н. (1979).
В Институте в 1965–1992 гг.*

В своих записках я не буду касаться научных достижений Германа, поскольку в библиотеке нашего Института с ними может ознакомиться любой желающий, а ограничусь лишь личными воспоминаниями, раскрывающими его как человека. Моя жизнь в Институте, именно жизнь, а не только работа, сложилась так, что мне довелось довольно тесно общаться с такими людьми как Владимир Маркович Фридланд, Леонид Рувимович Серебрянный, Михаил Григорьевич Гросвальд, Александр Моисеевич Грин и многими другими выдающимися личностями. Я не могу рассказывать о них подробно, это будут скорее штрихи к портретам, которые напишут те, кто знал их лучше меня. Главным моим героем останется Герман, который на протяжении почти 20 лет был моим лучшим другом.

О жизни Института я знал довольно много еще мальчишкой – моя мама, Екатерина Сергеевна Стекленкова, проработала в нашей библиотеке более 50 лет. Как женщина не только красивая, но и умная, она с чисто женской интуицией прекрасно понимала, кто есть кто. Как-то мама приходит с работы вся в слезах от смеха, спрашиваю, что случилось. Оказывается, Леню Серебрянского забрали в милицию и отвели прямо в отделение на Старомонетном – попал под описание словесного портрета преступника, проникавшего в квартиры москвичей под видом сотрудника Мосгаза... Познакомившись с Леонидом Рувимовичем поближе, я понял причину ее веселья.

Также благодаря маме первая экспедиция, в которую я поехал еще восьмиклассником, работала под научным руководством Владимира Марковича Фридланда, он, собственно, и привел меня на географический факультет МГУ. Затем была работа в группе палеогляциологии Леонида Рувимовича Серебрянского. И вот как-то, в начале 1970-х, он предложил мне поехать в Среднюю Азию, поработать с неизвест-

Г.Н. Пшенин.

сына, которому было тогда 12 лет, вместо Москвы в Алма-Ату, крикнув на прощание какой-то тетке, дескать приглядите за парнем, чтобы нормально доехал до дома. Потом, когда на проплывающем мимо вагоне он увидел табличку «Москва–Алма-Ата», то помчался как угорелый на экспедиционном грузовике, пытаясь обогнать скорый и перехватить ребенка на ближайшей остановке.

Наконец на перроне возник Пшенин, отвез нас на место работы, где мы разбили базовый лагерь, а сам куда-то укатил, в то время у него было много договоров с Южно-Киргизским геологическим управлением. Через месяц, когда мы уже заканчивали, он появился вновь, и мы поехали в долину реки Итакар, чтобы посмотреть местные травертины, там и состоялось наше более близкое знакомство.

Как-то вечером, когда уже солнце стало заваливаться за горизонт, Герман вдруг предложил мне прогуляться. Куда и зачем – неизвестно. Лезем в гору, до вершины добираемся уже в сумерках, присаживаемся перекурить и так сидим еще минут двадцать. И все это молча, без единого слова. Потом Герман произносит: «Ну, давай, рассказывай, что перед собой видишь». Я говорю – ни одного комментария, ни одного вопроса. Посидели еще минут десять, темень уже стоит кромешная. Герман поднимается: «Ладно, пошли вниз». До лагеря добираемся около полуночи, Серебряный сидит в палатке с квадратными глазами, но не задает никаких вопросов. Так же молча пьем чай и расходимся по своим палаткам. На свежем воздухе Леонид Рувимович спрашивает меня, куда, мол, ходили-то и зачем? Я тоже начинаю держать марку, да так говорю, тут неподалеку, смотрели кое-что.

Потом мы стали разъезжаться, картографы поездом, мы с Серебряным – самолетом. Сидим с ним в Ошском аэропорту, билеты на руках, в карманах ни копейки,

ным мне тогда Германом Николаевичем Пшениным. Я спросил у мамы кто это такой, в ответ было сказано, что мне повезло, у него непростой характер, но он – умнейший человек.

Итак, мы с Серебряным и группой картографов едем в Фергану поездом. Барахла много – приборы, рейки – в самолет не пустили. В Андижане нас должен встречать Пшенин. Наша задача пробурить болото в Суфане, отобрать пробы на спорово-пыльцевой и радиоуглеродный анализы, задача картографов – провести геодезическую съемку. Приезжаем – на перроне никого, позже я узнал, что это было одной из составляющих фирменного стиля Германа, за что его многие не могли терпеть. Если он сидел и с кем-то разговаривал о науке, то попросту забывал обо всем на свете. Позже мы с ним вместе опаздывали на поезд Ташкент–Москва, а однажды в предотъездной суете Герман умудрился отправить собственного

ждем Германа с деньгами и фруктами с местного базара. Слышим объявление по местному радио: «...заканчивается посадка на рейс Ош-Москва...» – Германа нет. Делать нечего, поднимаемся по трапу, сзади крик: «Стой!!!» Бежим к ограде, сквозь которую Герман нам просовывает деньги, через верх перебрасывает дыни, две из четырех разбиваются вдребезги, и на прощанье слышу: «Ты вообще-то приезжай, может быть, из тебя чего-нибудь да получиться».

Потом была еще масса приключений, о которых можно было бы написать целую книгу, но речь идет о Германе. Его отличала удивительная работоспособность и фанатичная преданность делу. В 1982 году я вслед за ним перевелся в Институт литосферы. Наш тогдашний шеф Константин Октаевевич Ланге создал при отделе комплексных проблем биосферы, которым он руководил, небольшое подразделение под названием «Лаборатория структурной геоморфологии», сманил туда Германа и он позвал меня за собой. Это было время абсолютной свободы. От шефа было предельно ясное и откровенное указание – делайте, что хотите, но чтобы было хорошо. О том, как мы работали, знали лишь немногие, и в том числе инспектор 1-го отдела некая Лейла Аслановна, обаятельнейшая женщина. Во время войны она служила в СМЕРШе и в качестве переводчика лично участвовала в допросах фельдмаршала Паулюса. Крупномасштабные карты, которые нам были необходимы для работы в поле, можно было переправить двумя путями – либо спецпочтой, либо загрузить их в сейф, если машина стартовала из Москвы, при этом сейф должен быть привинчен к кузову. И вот как-то раз сложилась такая ситуация. Герман уже в поле, принимает у наших предшественников шофера вместе с автомобилем, я в Москве, заканчиваю кое-какие дела, надо лететь в Ташкент, начинать работать, но в Ташкенте придется торчать минимум две-три недели в ожидании карт, что режет под корень все наши планы. С обреченным видом прихожу оформлять пересылку карт, и вдруг Лейла Аслановна начинает задавать мне стандартные вопросы: «Сейф привинчен к кузову автомобиля?» Отвечаю: «А как же!» «Ну, тогда забирайте карты и уезжайте», – слышу, не веря своим ушам. Осенью, возвращая карты, я не утерпел и спросил ее: «А почему вы меня все-таки выпустили?» Лейла Аслановна задумчиво вздохнула и сказала: «Мальчишки, неужели вы думаете, что я не знаю, кто у нас в институте работает, а кто нет. Вот посмотри на эту папку – карты вернулись в том же порядке, в котором я их разложила, ни единого пятнышка, ни единой помарки. А ваши? Все листы измяты, везде следы карандаша, которые вы плохо стерли, здесь обронили пепел от сигареты, а в этом месте пролили портвейн».

Вскоре из-за аппаратных игр высокого начальства нас в полном составе опять переводом вернули в Институт географии. Не могу сказать, что нас приняли с распростертыми объятиями, поэтому снова пришлось подыскивать различные варианты более или менее сносного существования.

В конце 1987 года А.М. Грин предложил мне перейти к нему в лабораторию экспериментальных исследований геосистем и возглавить Комплексную геосистемную экспедицию (КГЭ), которая в основном базировалась на территории Курского стационара. В 1988 году там планировалось проведение международного аэрокосмического эксперимента «КУРЭКС-88» с участием большого числа как наших, так и зарубежных специалистов. Я поставил два условия. Во-первых, на весь срок действия экспедиции, а она функционировала 9 месяцев в году, я включаю в ее состав

Пшенина Германа Николаевича; во-вторых, при КГЭ, а чаще ее называли просто Курской экспедицией, создаю отдельный Среднеазиатский геоморфологический отряд – мешать курянам он не будет, а сразу по весне стартует прямо из Курска на юг.

Грин согласился и тут же приступил к инструктажу. «Тебя ждет, – начал он, – с одной стороны, толпа неуравновешенных научных сотрудников, которые несмотря ни на какие уговоры, приедут с чадами и домочадцами, с другой – куряне, в гробу видавшие всю эту науку, мешающую им заниматься своим прямым делом, а именно поливать грядки, окучивать картошку и так далее. Поэтому запомни, Андрюня, выход только один – террор и еще раз террор». Герман уехал в Среднюю Азию, а я остался на Курской базе, воплощать стратегический замысел Грина.

В следующем, 1989 году, хлопот с Курской базой стало уже меньше. И я целиком отдался работе на Иссык-Куле – надо было заканчивать диссертацию, руководителем которой был Михаил Григорьевич Гросвальд. Я пригласил его принять участие в нашей экспедиции, и летом этого же года состоялась его встреча с Пшениным. Общение было непростым. Первый день они присматривались друг к другу, как два бойца на ринге, а на следующий день состоялся небольшой бой. С одной стороны Герман, знающий Среднюю Азию, как свои пять пальцев, с другой Гросвальд, известный своим глобализмом. Оба стойко держали удар, ни нокаутом, ни нокаутном даже и не пахло. Больше о науке они не разговаривали, я отправился с Гросвальдом в поездку вокруг Иссык-Куля, показывать, что нашел, а Герман ушел в одиночный маршрут. Самое интересное произошло позже. Герман стал проникаться идеями Михаила Григорьевича, а Гросвальд все с большим уважением относиться к своему оппоненту. При случайных встречах в стенах Института они с искренней симпатией улыбались друг другу, но, как два заговорщика, в более тесный контакт уже не вступали.

Тем временем в Средней Азии уже прокатилась первая волна «урюковых революций», и было ясно, что скоро все полетит в тартарары. Для Германа было страшным ударом, что Средняя Азия для него закрыта навсегда. И он скоропостижно умер 7 апреля 1992 г.

Я по-прежнему продолжаю общаться с семейством Пшениных, а не так давно стал крестным отцом младшего внука Германа – Михаила Михалыча. Жизнь идет дальше, несмотря ни на что, а свою дружбу с Германом я до сих пор считаю одной из самых своих главных удач.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

От редактора-составителя.

Почти 40 лет назад Игорь Михайлович Забелин написал небольшую интереснейшую книжку с прекрасным названием «Мудрость географии».

Почти 5 лет назад Никита Федорович Глазовский выступил с докладом, посвященным 100-летию со дня рождения Д.Л. Арманда. Вот цитата из него, безусловно, выражаяющая мысли, созвучные основному лейтмотиву нашей книги:

«...скажу, во-первых, о том, чем мне близко творчество Давида Львовича Арманда, столетний юбилей которого мы сегодня отмечаем. Во-вторых, я назову те новые процессы и явления, которые, как мне кажется, характерны для нашего времени, и те проблемы, которые нам предстоит решать.

К сожалению, я не был лично знаком с Д.Л. Армандом, но он мне близок по духу – как и он, я тоже занимался очень разными вещами, а в итоге пришел к взаимодействию среды и общества.

Он был генератором идей, основателем многих направлений географии или участвовал в их создании, был очень разносторонним человеком. Многие из начатых им дел удалось реализовать, например, кадастры или математизация географических исследований...».

В этой цитате ясно выражена ценность связи поколений, связи идей предшественников с будущим географии. Наша книга посвящена именно этой теме, об этой связи думали и говорили герои нашей книги. И доклад Н.Ф. Глазовского, несомненно, может служить прекрасным послесловием к ней. Ниже дана его сокращенная версия. Текст восстановлен по магнитофонной записи.

Назвать доклад, по ассоциации с книжкой Забелина, можно было бы так – «Прелест географии». Правда, у автора в последней строке иначе: «Прелесть науки». Но, конечно же, автор не мог не иметь в виду и нашу науку – географию.

Н.Ф. Глазовский

Прелесть науки

Сокращенная версия доклада «Новое время – новые возможности и проблемы», прочитанного на заседании Ученого совета Института географии РАН, посвященном 100-летию со дня рождения Д.Л. Арманда

В последние 20–30 лет после смерти Д.Л. Арманда многое изменилось, изменилось время. Появились много новых методов и технологий: космические методы, компьютеры, Интернет.

В чем-то наши возможности сузились. Сократились экспедиции, сократилось пространство наших непосредственных исследований – теперь это не СССР, а Россия.

Но и расширение возможностей было несомненным. Нет политических ограничений, угнетавших экономическую географию. В сферу исследований включены новые темы, например, geopolитика. Мы можем работать за рубежом, ездить по миру.

Появились новые процессы и объекты изучения: глобализация, однополюсный мир, терроризм. В России сложилась новая экономическая и политическая ситуация.

Возникли новые направления – культурная география, ландшафтное планирование. Чрезвычайно актуальной стала оценка окружающей среды.

Перед нами встают и новые проблемы. Их нужно решать сообща.

Есть две методологические проблемы:

1. Преодоление стереотипов и насыщение смыслом научной полемики. Например, можем ли мы с уверенностью говорить о проявлении и значении Кондратьевских циклов в самых разных процессах, как об этом заявляют многие авторы? Можем ли мы, всего лишь ссылаясь на пример Канады, утверждать, что активная миграция в Россию нужна, а если нужна, то для чего? Как интерпретировать различные оценки биологического разнообразия, говоря о его непреложной значимости? Существуют количественные оценки разнообразия восьми групп организмов, но все ли они надежны и одинаково значимы для разных ситуаций? Как выявить при этом критический уровень биоразнообразия?

Здесь уместно спросить себя – какими мы руководствуемся принципами, выбирая оценочные критерии? Например, для сравнения стран можно использовать либо валовый внутренний продукт, либо приведенный валовый внутренний продукт. Результаты сравнения и его интерпретация будут различны.

2. Взаимосвязанные проблемы устойчивости биосфера, пригодной для обитания человека, а также устойчивости отдельных регионов биосфера – с одной стороны, и проблема устойчивого развития как таковая – с другой.

Говоря об устойчивости биосфера с позиций человека, мы имеем в виду, что скорость изменения жизненно важных биосферных условий не должна превышать скорости адаптации или видоизменения самого человека.

К определению устойчивости биосфера возможны разные подходы:

- энергетический, с оценками количества энергии и ее качества энергии (энтропии);
- биогеохимический, с оценками возможных пределов нарушения глобальных и региональных биогеохимических потоков.

У нас «нет оснований беспокоиться о количестве энергии – уничтожение или производство энергии абсолютно невозможно» (Ребане). Существенным является качество энергии, которое характеризуется энтропией. Именно энтропия управляет процессами в природе. Энтропия изолированной системы может только расти или оставаться постоянной (в случае термодинамического равновесия).

Даже в изолированной системе, где энтропия должна, в целом, расти, в отдельных частях системы, в ее подсистемах, являющихся открытыми или замкнутыми, в результате обмена веществом и энергией с другими частями большой системы порядок может возрастать и энтропия уменьшаться. Таким образом, человек, чтобы жить, должен предотвращать рост энтропии в подсистеме, в которой он живет, т.е. предотвращать сползание к термодинамическому равновесию. Единственный путь – добы-

вать негэнтропию – вещества и энергию высокого качества и освобождаться от использованного вещества и энергии низкого качества, выбрасывая их за пределы подсистемы.

Применительно к биосфере это значит, что единственный путь для избавления на Земле от отходов экономической деятельности без создания еще большего количества отходов (возросшей энтропии) заключается в использовании в процессе очистки среды цикла поглощения солнечного излучения и испускания инфракрасного теплового излучения в мировое пространство, которое будет служить «мусорной корзиной» бесконечной емкости.

С биогеохимических позиций очень интересна более частная, но важная проблема – возможна ли автотрофность человечества? Это задача создания искусственной цивилизации вне современной биосферы. Задача интересна по существу, а также с позиций моделирования устойчивости.

Назову теперь несколько собственно географических исследовательских проблем:

1. Самоорганизация и управление в географических системах (по А.Д. Арманду).

Для ее решения нужно много времени. Необходимо создать модели систем разных уровней и выявить значимость различных факторов развития разных систем.

2. В связи с этим важна задача выявления и определения соотношения систем разных масштабов.

Тут мы имеем возможность использовать новый инструмент – анализ фрактальности. Но важность исследования фрактальности не только в том, что выявляется самоподобие на разных уровнях, но и в том, что выделяются отдельные объективные структуры.

3. Интересная задача – это изучение географической мотивации действий разных людей, особенно, в рамках разных наций – «география менталитетов».

Вот какие, например, возникают вопросы:

- каковы отличия менталитета китайцев, евреев и русских?
- возможны ли изменения менталитета под влиянием географических и /или социо-экономических, исторических факторов?

Эти вопросы важны для прогнозирования состояния будущего общества, воздействия на среду и т.д.

4. Мы должны с географических позиций показать – каково место России в будущем мире. Мы должны осознать современную ситуацию и возможные пути ее изменения.

5. Во многом наши успехи будут определяться развитием географического образования.

Многие наши сотрудники читают лекции в разных университетах. С некоторыми мы создали совместные исследовательские и образовательные центры или отделы. Но необходимо разрабатывать серию академических учебников для высшей школы. Необходимы популярные книги о современной географии. Нужно заниматься повышением географической квалификации управленцев.

Методологические и специальные проблемы развития географии нельзя отдельить от проблемы выбора стратегии развития науки в России.

Эта проблема широко обсуждается, предлагаются разные критерии. Распространен тезис о том, что главный критерий научных разработок – это их соответствие мировому уровню, а те научные направления, которые ему не соответствуют, развивать у нас нецелесообразно. Однако, этот действительно важнейший критерий не универсален.

Все самое новое рождается на стыках дисциплин. Поэтому чем больше таких стыков, тем больше нового. Отсюда: наука должна развиваться как можно более широким фронтом. Для России, унаследовавшей от СССР широкий фронт научных институтов, целенаправленно и резко сужать его тем более нельзя.

Наука есть элемент национальной безопасности (наука не только для обороны, техники, экономики, но и для образования, культуры). Если какая-либо наука в России в настоящий момент отстает от мирового уровня, то нельзя эту науку «закрывать». Наоборот, ее надо развивать.

Поэтому принцип концентрации усилий на тех направлениях, где достигнуты максимальные успехи, нужно сочетать с принципом поддержки всего научного фронта (что нужно учитывать при оценке деятельности институтов).

Критерии оценки институтов должны быть направлены не на выявление тех институтов, которые надо закрыть, а на содействие развитию науки.

Возникает проблема оценки научных институтов. Необходимо учитывать не только научную (естественно, это главное), но и культурологическую роль институтов РАН. Любая наука – это форпост культуры, образования и цивилизации на территории, форпост ее освоения. Академический институт в регионе формирует шлейф смежников, развитие научной инфраструктуры. Тем самым стимулируется освоение территории, причем высококачественное освоение (не только охотниками и рыболовами), что важно с многих позиций, в т.ч. geopolитических. Поэтому при оценке институтов необходимо учитывать их общее значение в регионе.

Закончить мне хотелось бы словами, которые, несомненно, могли бы быть скажаны и Давидом Львовичем Армандом:

«Прелестъ науки в том, что она, как и искусство, неисчерпаема и бесконечна».

Указатель имен

сотрудников Института географии РАН, упомянутых в книге

А

Абрамов Л.С. 51(фото), 98
Абрамович Д.И. 13
Авсюк Г.А. 6, 20, 36, 41, 71, 77, 152, 158, 188–191, 194, 212, 231, 280–282, 297, 463
Аксельрод-Рубина И. 36, 110
Алаев Э.Б. 55, 86, 314
Алампиев П.М. 526
Александрова Т.Д. 10, 13, 170–177, 459
Александровский А.Л. 260
Ананьева Л.М. 41, 336 (фото)
Анненков В.В. 123, 128, 314 (фото)
Аполлов Б.А. 405, 468
Аргасова К.Н. 129, 135, 407
Арманд А.Д. 16, 53, 119, 200, 232, 254 (фото), 263, 285, 305, 433, 520, 529
Арманд Д.Л. 6, 15, 17, 24, 49, 113, 123, 151, 190, 238, 283–289, 309, 322, 383, 409, 463, 526, 545
Арманд Е.Д. 259, 285 (фото)
Артоболевский С.С. 54, 58 (фото), 59, 391
Асеев А.А. 86
Асяян Д.С. 86, 89, 90, 94, 207, 210 (фото), 367
Ахаминов А.Д. 205

Б

Баденков Ю.П. 205, 449
Бажев А.Б. 75, 205, 297–302
Базилевич Н.И. 18, 241, 242, 258, 290(фото)–296, 387
Барабанова Е.А. 28 (фото)
Баранский Н.Н. 331, 333, 364, 455
Барбаш Н.Б. 55
Бардин В.И. 121
Барыкина В.В. 86, 383
Басов В.Д. 65, 67, 152
Бачулис И.М. 152
Белоновская Е.А. 205–207, 263
Беляев А.В. 26, 28
Белякова Г.М. 86
Берг Л.С. 23, 145, 431, 433, 488
Березкин А.В. 95
Бибикова Т.С. 28 (фото)
Благоволин Н.С. 86, 126, 134, 152, 401
Борзов А.А. 416
Борисов П.М. 32, 144
Бородина Т.Л. 54, 58 (фото)
Борунов А.К. 205

Бострем В.Г. 89

Бугровский В.В. 114, 123
Будаговский А.И. 31, 43, 44, 112, 237(фото)
Булавин В.И. 112

В

Вайсфельд М.А. 256, 385, 435
Василевский Л.И. 334, 413
Веденин Ю.А. 97, 196(фото)
Ведюшкин М.А. 528
Великанов М.А. 148, 421
Величко А.А. 16, 90, 119, 160, 170, 204, 310, 344, 428, 439, 446
Вендина О.И. 99, 102(фото)
Вендров С.Л. 27, 29, 423
Вильчек Г.Е. 293
Виноградова В.В. 33(фото), 261
Виноградов З.З. 302–308(фото), 309
Виноградов О.Н. 231, 234, 299
Витвер И.А. 455–458
Витвицкий Г.Н. 33, 43, 86, 112, 113
Волкова И.Н. 54, 55, 119, 120

Г

Галкина Т.А. 98, 102(фото), 123, 124
Гальцов А.П. 43, 237(фото)
Геллер С.Ю. 15, 30, 104, 140, 190, 400, 406–409, 431, 502, 533
Герцен А.А. 102(фото)
Глазер О.Б. 55, 58(фото), 95
Георгиади А.Г. 26, 28(фото)
Герасимов И.П. 6, 13, 27, 29, 32, 38, 46–48, 66, 78, 86, 95, 124, 128, 146, 150, 178, 190, 199, 212, 221, 290, 302, 310–320, 322, 342, 368, 383, 393, 400, 407, 424, 431, 439, 450, 489, 502, 520, 534
Гиппенрейтер В.А. 104, 308(фото)
Глазов М.В. 248–253(фото), 254–265, 293, 382, 386, 435
Глазов П.М. 261–263
Глазовская М.А. 14, 20, 199, 212, 274, 295, 310, 314, 321, 324, 326(фото), 486
Глазовский А.Ф. 234, 236, 275
Глазовский Н.Ф. 53, 86, 273–278, 320–327, 396, 407, 431, 545
Глух И.С. 42, 46
Гольц Г.А. 55, 327–330
Гончарова М.С. 261

- Гордейчик А.В. 511, 512
 Горкин А.П. 125–130, 332, 364, 366
 Горнуунг М.Б. 113, 128, 428
 Городецкая М.Е. 407
 Горячkin С.В. 263
 Гохман В.М. 106, 112, 124–127, 331–334, 363, 414, 425, 457
 Граве М.К.27
 Грачева Р.Г. 86, 200, 205–207, 262, 476(фото)
 Гребенщиков О.С. 118, 258, 293, 383–387, 434
 Григорьев А.А. 6, 12–19, 23, 50, 105, 145, 158, 167, 173, 190, 213, 221, 287, 289, 322, 343, 459, 500
 Грин А.М. 25–30, 42, 56, 239, 334–338, 423, 520, 543
 Грицай О.В. 98
 Гриценко А.А. 102
 Гричук В.П. 38, 142, 447
 Гришин И.С. 51(фото), 463
 Гросвальд М.Г. 16, 70, 80, 231–234, 338–348, 481, 511, 541
 Грязнова Т.П. 68, 393
 Гудына А.Н. 179, 261, 293
 Гумберт А.25
 Гуня А.Н. 205
 Гуртовая Е.Е. 50(фото), 152, 258, 463
- Д**
 Дайнеко Е.К. 24, 520
 Данилова Н.А. 213, 223
 Дворядкин А.И. 393(фото)
 Джоган Л.Я. 25
 Дзердзеевский Б.Л. 13, 30–35, 35–45, 104, 349–358, 466
 Долгов С.В. 28(фото)
 Долгушин И.Ю. 400, 508
 Долгушин Л.Д. 75, 151, 161, 462
 Домников Г.В. 520
 Дорогоневская Е.А. 213, 221
 Доскач А.Г. 526
 Дрейер Н.Н. 25, 76, 78, 86
 Дроздов А.В. 10, 17–19, 48–54, 113, 206, 236–248, 283, 292, 321, 429–433, 464, 520
 Думитрашко Н.В. 68, 125, 138, 359–361, 539
 Дьяконов К.Н. 48, 126, 179, 202
- Е**
 Евтеев С.А. 70, 74, 129, 159, 163
- Ж**
 Живаго А.В. 46, 106, 200, 306, 403
 Жидков В.А. 508–516
 Жидков М.П. 66
- Жирмунский М.М. 526
 Жуков В.М. 171
- З**
 Завельский Ф.С. 311
 Зайончковская Ж.А. 391
 Зайцева И.С. 28(фото), 29
 Залетаев В.С. 258, 383
 Замотаев И.В. 203
 Захарова А.Ф. 86
 Зеликсон Э.М. 439
 Зенкович В.П. 13
 Зимина Р.П. 204, 213, 221, 317(фото), 383, 436, 519
 Зимин Б.Н. 126, 362–366
 Зингер Е.М. 70, 122, 192, 280, 461(фото), 512
 Злотин Р.И. 48, 202, 241, 260, 292, 383, 434, 520
 Золотокрылин А.Н. 33(фото), 464–466
 Зонн С.В. 28, 311, 315, 367–370, 385
 Зорин И.В. 195, 390
 Зотиков И.А. 118, 125, 371–381
 Зотова М.В. 102
 Зудина Н.И. 42
- И**
 Иверонова М.И. 48, 51(фото), 71–74, 151, 212–214, 218–226, 463
 Ивченко Н.К. 86
 Идзон П.Ф. 27, 423
 Ильина Л.Н. 86, 88
 Ильина Л.П. 310
 Ильичев Б.А. 205, 206, 260
 Иогансон В.Е. 26
 Иоффе Г.В. 55, 56, 57
 Исаков Ю.А. 86, 258, 293, 382–388, 434–437, 521
- К**
 Казакова Н.М. 151
 Казанская Н.С. 51(фото), 257, 293, 383–387, 435
 Кайданова О.В. 258
 Калабина М.Н. 86
 Калецкая М.С. 20, 22
 Каманин Л.Г. 112, 113
 Канделаки В.В. 205
 Каневский А. 146
 Канцебовская И.В. 55–57, 388–392, 536
 Караваева Н.А. 90, 105, 153, 178–182(фото), 183–188, 263, 311, 489
 Караваев В.А. 120
 Карасик Г.Я. 26, 30, 86
 Кашкарова В.П. 487
 Кесь А.С. 6, 15, 392–396, 407, 431

- Кибальчич О.А. 55, 56, 204
 Кириков С.В. 112, 258, 383–388, 434–437
 Климанов В.А. 262, 444, 447
 Клюев Н.Н. 334
 Клюканова И.А. 405, 409
 Ковалевский В.П. 331(фото), 333
 Козлова А.Е. 179
 Козлов В.Н. 98
 Козловский Ф.И. 311, 396–398
 Колесов В.А. 94–103, 265–272
 Колесов Д.М. 146, 176, 393(фото)
 Комар И.В. 54, 55, 112, 537
 Комедчиков Н.Н. 83(фото), 84, 93
 Кононова Н.К. 30, 33(фото), 35, 355
 Коржуев С.С. 399–404
 Корина Н.П. 30
 Корнилов Б.А. 59, 152, 182, 400, 499
 Коронкевич Н.И. 25, 28(фото), 29, 236, 337, 405, 420
 Корякин В.С. 122, 188–194(фото), 341, 357, 464, 475
 Костюченко В.П. 311, 395
 Котляков В.М. 10, 15, 46, 50, 70–80, 90, 113, 121, 146, 152, 158–170, 171, 204, 234, 280, 299, 314, 342–345, 348, 424, 463, 509
 Кошкарев А.В. 205
 Кравченко Д.В. 308(фото)
 Кренке А.Н. 29, 47, 70, 80, 86, 90, 113, 231–236, 342, 483
 Криндач А.Д. 98
 Крылова З.А. 28(фото), 29
 Кувшинова К.В. 30, 34, 42, 43, 47
 Кудерина Т.М. 207
 Кузнецов В.М. 20, 125, 159, 163, 213–226
 Кузнецов Н.Т. 26, 405–409
 Кузнецов М.А. 163, 164, 530
 Кукушкина Н.И. 89, 94
 Кулагин Г.Д. 25, 35–37, 125, 145
 Куликов А.В. 67
 Куликов Ю.Н. 25, 30
 Кунахович М.Г. 530
 Кунин В.Н. 15, 123, 400, 410–412, 431
 Куницын Л.Ф. 51(фото), 151, 181–183, 533
 Куприянова Т.П. 258
 Кушнарева Г.В. 258, 528(фото)
- Л**
 Ланге К.О. 62, 543
 Лаппо Г.М. 55, 57(фото), 123, 204, 424–429
 Лебедева С.Л. 48
 Лебедева Н.Я. 93
 Лебедева Т.М. 123
- Лебедев В.Л. 14
 Леонтьев Н.Ф. 86, 113
 Лиленберг Д.А. 28, 204, 318, 400
 Липец Ю.Г. 59, 86, 363, 364, 366, 413–420, 456
 Лисичек Е.Н. 48, 51(фото), 151, 212, 213, 216, 221, 485
 Лиханов Б.Н. 51(фото), 179, 195
 Личков Б.Л. 20
 Логинова Л.В. 86, 89, 90, 94
 Лопатина Е.Б. 144, 537
 Лотов Р.А. 86
 Лукьянская Г.М. 152
 Львович М.И. 13, 25–30, 236, 405, 420–424
 Любимова Е.Л. 185, 383
 Люри Д.И. 263
 Лютий А.А. 85, 86, 90–93
- М**
 Маккавеев А.Н. 59–70, 147
 Максимович Г.А. 13
 Малик Л.К. 25, 29, 179, 181, 182(фото), 184, 187
 Мальгина Е.А. 63
 Малышев В.Б. 262
 Мандыч А.Ф. 53(фото)
 Маркин В.А. 231, 234, 236
 Марков К.К. 13, 162
 Масляков В.Ю. 260, 263
 Матвеев С.Н. 13, 19–24
 Мачерет Ю.Я. 234
 Машбиц Я.Г. 86, 95, 125, 204, 424–429, 457
 Медведев А.А. 9, 262
 Медведков Ю.В. 127, 334, 363, 413
 Мерзлякова И.А. 205–207
 Мещеряков Ю.А. 63, 209–211, 400
 Миловидова Н.В. 258
 Мильков Ф.Н. 12, 13, 106
 Милюкова И.П. 28(фото)
 Минаева Е.Н. 407, 409
 Минц А.А. 54, 112, 160, 382, 533–540
 Миронова Е.А. 86
 Миронова Н.Я. 470, 471
 Миронов Б.П. 113
 Михайлов А.Ю. 33(фото)
 Модель Ю.М. 112, 161
 Мокрушина Л.С. 324
 Моор Е.Р. 213–216
 Морозова О.В. 263
 Муратов В.М. 538
 Мурзаев Э.М. 6, 14, 20, 48, 104, 123, 190, 322, 406–409, 427, 429–434, 462
 Мухина Л.И. 48, 151, 171, 182(фото), 195

Н

- Назаров А.А. 114, 116, 123
 Назаревский О.Р. 54, 67, 128, 135, 144, 428, 537
 Нарских Р.С. 86–90
 Насимович А.А. 258, 383–388, 434–438
 Нейштадт М.И. 28, 113, 125, 178, 185, 356, 439–449
 Нефедова Т.Г. 54–58(фото), 59, 123–130
 Нефедьева Е.А. 48, 51(фото), 151, 171, 462,
 Николаева Г.М. 26, 28, 30
 Николаева О.А. 305
 Николаева Р.В. 407, 470
 Никольская В.В. 48, 51, 150–157, 400, 463, 489
 Новичкова Т.А. 89, 94

О

- Обидиентова Г.В. 113
 Овчинников С.П. 113
 Огановский П. 232
 Одиссер С.В. 96
 Окунева А.М. 86
 Олюнин В.Н. 171
 Орлов А.В. 151, 471–481, 483
 Осокин Н.И. 464
 Островский И.М. 502

П

- Панина В.В. 42, 129
 Панфилов Д.В. 213, 258, 383–387, 434
 Петрова Л.А. 50(фото), 135, 152
 Петров Н.В. 55, 95
 Петрякова Т.И. 539
 Пивоваров Ю.Л. 55
 Погодина Г.С. 30, 310
 Покровская Т.Н. 470, 471
 Покшишевский В.В. 6, 428
 Полевая Ж.А. 86
 Половицкая М.Е. 333
 Полян П.М. 54, 55, 115, 123, 205
 Помус И.М. 54, 113, 537
 Попова В.В. 33(фото)
 Попов Ф.А. 102
 Порожнякова О.М. 86
 Потапова Л.С. 171
 Правоторова Г.А. 86
 Предью А. 27, 136
 Преображенский В.С. 13, 28, 48, 56, 112, 144, 151, 171–177, 195–199, 204, 318, 449–453, 464
 Приваловская Г.А. 55, 57, 390, 391, 535
 Пуляркин В.А. 160, 363, 415, 454–458, 535
 Пшенин Г.Н. 337, 541

Р

- Райх Е.Л. 86
 Ранцман Е.Я. 212
 Раскин В.Б. 152, 191
 Раунер Ю.Л. 31, 237, 239, 245, 464–468
 Рахилин В.К. 384
 Ретеюм А.Ю. 14, 48, 106, 179
 Рихтер Г.Д. 6, 13, 30, 48–51, 74, 113, 151–158, 162, 172, 190, 223, 322, 435, 459–464, 485
 Рогачева Е.В. 112
 Розанов Л.Л. 66
 Ромашкевич А.И. 204, 311, 315
 Россолимо Л.Л. 13, 50, 468–472
 Ростовцев М.И. 537
 Рототаева О.В. 297
 Рубайло П.К. 86, 89
 Рунова Т.Г. 55–57, 382, 391, 453, 534
 Русина Т.В. 89, 94
 Рыхлова Т.В. 89, 94
 Рязанцев С.Н. 106, 535

С

- Савина С.С. 35–47, 355, 466
 Самоварщикова О. 205
 Самойлов Р.С. 463
 Сахарова Е.И. 229
 Сдасюк Г.В. 95
 Себенцов А.Б. 102
 Сергеева И.С. 86
 Серебряный Л.Р. 112, 160, 262, 435, 448, 473–484, 541
 Середина Е.В. 98
 Сетунская Л.Е. 147, 209, 496
 Сильвестров С.И. 48
 Синцеров Л.М. 456(фото)
 Смирнова М.П. 66, 135, 136, 216
 Соболева Т.К. 257, 258
 Соболев Л.Н. 48, 51, 112, 151, 216, 237–241, 383, 484–488
 Соколова В.А. 103, 113
 Соломина О.Н. 205, 480–484
 Срибный М.Ф. 25
 Стекленков А.П. 337, 481, 541
 Степанова Е.А. 105, 106
 Стрелецкий В.Н. 59, 95
 Ступина Н.М. 50(фото), 151, 195, 197
 Суворов А.К. 91
 Супруненко Ю.П. 114, 122
 Суходровский В.Л. 70, 171, 179, 231
 Сыроечковский Е.Е. 383

- Т**
 Таргульян В.О. 67, 146, 152, 179, 200–203, 240, 311–315
 Тархов С.А. 54, 55, 327, 428
 Титкова Т.Б. 33(фото)
 Тимофеев Д.А. 66, 113–123, 146, 151–156, 160, 179–184, 200, 318, 336, 400, 488–497
 Тихова С.Н. 86, 89
 Тишков А.А. 107, 114, 123, 206, 248–254(фото), 255–265, 289–294, 382–388, 428, 435, 439–449
 Трейвиш А.И. 54–58, 95, 115, 123–130
 Турков Д.В. 33(фото)
- У**
 Утехин В.Д. 124, 383
- Ф**
 Фадеева Н.В. 51(фото), 151, 171
 Фаустова (Чернавина) М.А. 30, 125
 Фашук Д.Я. 27
 Федорова Е.И. 51(фото), 470
 Федоров В.Н. 28(фото)
 Федоров Е.Е. 31
 Федорович Б.А. 6, 15, 123, 190, 392, 400, 406, 431, 489, 498–503
 Фельдман Я.И. 104
 Филькин В.А. 34, 63, 67, 152
 Филиппович Л.С. 195, 196(фото)
 Финько Е.А. 68, 86, 88, 90
 Формозов А.Н. 104, 118, 123, 383–388, 434, 519
 Фрадкин Н.Г. 51(фото), 112, 113, 123
 Фрейкин З.Г. 123
 Фриденберг Э.О. 51(фото), 146, 152, 205, 539
 Фридланд В.М. 14, 239, 311, 489, 504, 541
 Фролова М.К. 34, 42
 Фрумкин П.А. 126
- Х**
 Хмелевская Л.В. 86
 Ходаков В.Г. 508–516
 Ходашова К.С. 258, 383, 385, 434, 517–522
 Хотинский Н.А. 439, 440, 444
 Хропов А.Г. 94
- Ц**
 Царевская Н.Г. 261, 263, 292, 293, 435
 Цветков Д.Г. 67, 124, 135
 Целищева Л.К. 310
- Цигельная И.Д. 213
 Цинзерлинг Ю.Д. 19
- Ч**
 Чаплыгина А.С. 43
 Чеботарева Н.С. 135
 Чепалыга А.Л. 28(фото)
 Черенкова Е.А. 33(фото)
 Черкинский А.Е. 311
 Чернавская М.М. 33(фото), 439, 467
 Чернов Р.А. 120
 Черногаева Г.М. 26, 423
 Черногубов А.Р. 120
 Чернышев Е.П. 25, 28, 30
 Чернышев Н.В. 248, 249, 252, 257–260
 Чернышова З.С. 402
 Черняховский А.Г. 311
 Четыркин В.М. 13
 Чижов О.П. 170
 Чичагова О.А. 310–312
 Чичагов В.П. 19, 22, 150–157, 200, 209–211, 314(фото), 399–404, 464, 498
 Чубуков Л.А. 13 30–34, 42–44
 Чукленкова И.Н. 86
- Ш**
 Шапоренко С.И. 28(фото)
 Шестаков А.С.(фото)
 Шилькrot Г.С. 50, 468
 Шлихтер С.Б. 418, 428
 Шмакин А.Б. 33(фото)
 Шубникова О.Н. 383, 434, 436, 519
 Шумский П.А. 158–170, 188, 232, 297–299, 341, 376, 508
 Шупер В. 54, 55, 58(фото), 59, 287, 362, 413, 454
- Щ**
 Щепеткова Л.В. 86
 Щекина Л.В. 105, 113
- Э**
 Эдельштейн Я.С. 19, 20
- Я**
 Яницкий Н.Ф. 522
 Ясинский С.В. 28(фото)
 Яшенкова Л.П. 86, 89
 Яшина А.В. 50(фото), 152, 205

В НАШЕМ ДОМЕ НА СТАРОМОНЕТНОМ, НА ВЫСЕЛКАХ И В ПОЛЕ

Составитель А.В. Дроздов
Отв.редактор В.М. Котляков

ООО “Товарищество научных изданий КМК”
Москва, 2012

Подписано в печать 10.11.2012 г. Формат 70x100/16.
Гарнитура Таймс. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 46. Тираж 300 экз.

Отпечатано в ООО “Галлея-Принт”

В поле

*O.B. Ротомаева,
Памир, 1967 г.*

*Олений караван физикогеографического отряда,
Север Забайкалья, 1958 г.*

В поле

На леднике Медвежий. 1965 г.

*В пути на Полярно-Уральскую станцию Института.
Начало 1960-х гг.*